Юрий ЖУК

ОКНО В ИСТОРИЮ

ПРЕТЕРПЕВШИЕ ДО КОНЦА

Судьбы царских слуг, оставшихся верными долгу и присяге

bhv

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Автор книги, используя ранее не опубликованные архивные материалы, рассказывает о судьбах верных слуг, не пожелавших покинуть Царскую Семью в годину испытаний, разделив вместе с Ней Венец Мученичества. Издание снабжено многочисленными иллюстрациями, часть которых также публикуется впервые.

- Юрий Жук
  - От автора
  - Часть I
    - Глава 1
    - Глава 2
      -
      - Князь В. А. Долгоруков в материалах Следственного Производства 1918–1920 г.г
        - Документ № 1
        - Документ № 2
        - Документ № 3
        - Документ № 4
        - Документ № 5
        - Документ № 6
      - Литература о Князе В. А. Долгорукове
    - Глава 3
      -
      - Письма Е. С. Боткина из заточения
        - Письмо № 1
        - Письмо № 2
        - Письмо № 3
        - Письмо № 4 (младшему брату А. С. Боткину)
      - Е. С. Боткин в материалах Следственного Производства 1918–1920 г.г
        - Документ № 1
        - Документ № 2
        - Документ № 3
        - Документ № 4
        - Документ № 5
        - Документ № 6
        - Документ № 7
        - Документ № 8
        - Документ № 9
        - Документ № 10

- Научное и творческое наследие Доктора Медицины Е. С. Боткина
- Литература о Почётном Лейб-Медике Е. С. Боткине

- Глава 4
  -
  - А. С. Демидова в материалах Следственного Производства 1918–1920 г.г
    - Документ № 1
    - Документ № 2
    - Документ № 3
    - Документ № 4
    - Документ № 5
    - Документ № 6
    - Документ № 7
  - Литература о Камер-Юнгфере при Комнатах Е.В. Государыни Императрицы А. С. Демидовой
- Глава 5
  -
  - Т. И. Чемадуров в материалах Следственного Производства 1918–1920 г.г
    - Документ № 1
    - Документ № 2
    - Документ № 3
    - Документ № 4
    - Документ № 5
    - Документ № 6
    - Документ № 7
    - Документ № 8
    - Документ № 9
    - Документ № 10
  - Литература о Т. И. Чемадурове
- Глава 6
  -
  - Седнев И. Д. Документы Дела Канцелярии Её Величества Государыни Императрицы Александры Фёдоровны и управления делами Августейших Детей Их Императорских Величеств
    - Документ № 1
    - Документ № 2
    - Документ № 3
  - И. Д. Седнев в материалах Следственного

- Производства 1918–1920 г.г
  - Документ № 1
  - Документ № 2
  - Документ № 3
  - Документ № 4
  - Документ № 5
  - Документ № 6
- Литература о И. Д. Седневе

○ Часть II
- Глава 1
- Глава 2
  -
  - Граф И. Л. Татищев в материалах Предварительного Следствия 1918–1920 г.г
  - Литература о Генерал-Майоре Свиты Е.И.В. Графе И. Л. Татищеве
- Глава 3
  -
  - Письма (записки) Государыни Императрицы Александры Фёдоровны к Графине А. В. Гендриковой за 1917–1918 годы
    - Записки за 1917 год
      - Записка № 1
      - Записка № 2
      - Записка № 3
      - Записка № 4
      - Записка № 5
      - Записка № 6
      - Записка № 7
      - Записка № 8
      - Записка № 9
      - Записка № 10
      - Записка № 11
      - Записка № 12
    - Записки за 1918 год
      - Записка № 13
      - Записка № 14
  - Графиня А. В. Гендрикова в материалах Следственного Производства 1918–1920 г.г
  - Литература о Графине А. В. Гендриковой
- Глава 4
  -

- Е. А. Шнейдер в материалах Следственного Производства 1918–1920 г.г
- Литература о Е. А. Шнейдер

- Глава 5
  -
  - А. А. Волков в материалах Следственного Производства 1918–1920 г.г
    - Документ № 1
    - Документ № 2
  - Из книги А. А. Волкова «Около Царской Семьи»
    - В ожидании Государя
    - Ссылка в Тобольск
    - В Тобольске
    - Под большевиками
    - Спасение
    - У Чехословаков
    - В Екатеринбурге
    - В Тобольске
    - В Омске
  - Литературное наследие А. А. Волкова
  - Литература о А. А. Волкове
- Глава 6
  -
  - К. Г. Нагорный в материалах Следственного Производства 1918–1920 г.г
    - Документ № 1
    - Документ № 2
    - Документ № 3
    - Документ № 4
  - Литература о К. Г. Нагорном
- Глава 7
  -
  - А. Е. Трупп в материалах Следственного Производства 1918–1920 г.г
    - Документ № 1
    - Документ № 2
    - Документ № 3
    - Документ № 4
    - Документ № 5
  - Литература о А. Е. Труппе
- Глава 8
  -
  - И. М. Харитонов в материалах

Следственного Производства 1918–1920 г.г
- Документ № 1
- Документ № 2
- Документ № 3

- Литература о И. М. Харитонове

- Глава 9
  -
  - Л. И. Седнев в материалах Следственного Производства 1918–1920 г.г
    - Документ № 1
    - Документ № 2
    - Документ № 3
  - Литература о Л. И. Седневе

- Часть III
  - Глава 1
  - Глава 2
    -
    - К. М. Битнер в материалах Следственного Производства 1918–1920 г.г
    - Кобылинская К. М. в материалах Агентурно-следственного дела № 2094 «Романовские ценности» 6-го Отделения ЭКО ПП ОГПУ по Свердловской области
      - Документ № 1
      - Документ № 2
      - Документ № 3
      - Документ № 4
      - Документ № 5
      - Документ № 6
      - Документ № 7
    - Литература о К. М. Кобылинской
  - Глава 3
    -
    - Открытое письмо Государыни Императрицы Александры Фёдоровны В. Н. Деревенко
    - В. Н. Деревенко в материалах Следственного Производства 1918–1920 г.г
      - Документ № 1
    - Жизнеописание профессора-консультанта при М.[едико]-С.[анитарном] У.[правлении] Днепростроя Владимира Николаевича Деревенко
    - Литература о докторе В. Н. Деревенко

- Глава 4
- Глава 5
- Глава 6
- Глава 7
  -
  - М. Г. Туттельберг в документах и материалах Гофмаршальской части Министерства Императорского Двора и Уделов
    - Документ № 1
    - Документ № 2
    - Документ № 3
  - М. Г. Туттельберг в материалах Следственного Производства 1918–1920 г.г
- Глава 8
- Глава 9
- Глава 10
- Глава 11
  -
  - Кирпичников А. П. в материалах Агентурно-следственного дела № 2094 «Романовские ценности» 6-го Отделения ЭКО ПП ОГПУ по Свердловской области
    - Документ № 1
    - Документ № 2
    - Документ № 3
    - Документ № 4
    - Документ № 5
    - Документ № 6
- Глава 12
- Глава 13
- Глава 14
- Глава 15
- Глава 16
- Глава 17
- Глава 18
- Глава 19
- Глава 20
- Глава 21
- Глава 22
- Глава 23

○ Часть IV
- Глава 1
- Глава 2

- Документ № 1
- Документ № 2
- Документ № 3
- Документ № 4
- Документ № 5
- Документ № 6
- Документ № 7
- Документ № 8
- Документ № 9
- Документ № 10
- Документ № 11
- Документ № 12
- Документ № 13
- Документ № 14
- Документ № 15
- Документ № 16
- Документ № 17
- Документ № 18
- Документ № 19
- Документ № 20
- Документ № 21
- Документ № 22
- Документ № 23
- Документ № 24
- Документ № 25
- Документ № 26
- Документ № 27
- Документ № 28
- Документ № 29
- Документ № 30
- Документ № 31

  - Иллюстрации

- notes
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4
  - 5
  - 6
  - 7
  - 8
  - 9
  - 10
  - 11

- ○ 12
- ○ 13
- ○ 14
- ○ 15
- ○ 16
- ○ 17
- ○ 18
- ○ 19
- ○ 20
- ○ 21
- ○ 22
- ○ 23
- ○ 24
- ○ 25
- ○ 26
- ○ 27
- ○ 28
- ○ 29
- ○ 30
- ○ 31
- ○ 32
- ○ 33
- ○ 34
- ○ 35
- ○ 36
- ○ 37
- ○ 38
- ○ 39
- ○ 40
- ○ 41
- ○ 42
- ○ 43
- ○ 44
- ○ 45
- ○ 46
- ○ 47
- ○ 48
- ○ 49
- ○ 50
- ○ 51
- ○ 52
- ○ 53
- ○ 54
- ○ 55

- ○ 56
- ○ 57
- ○ 58
- ○ 59
- ○ 60
- ○ 61
- ○ 62
- ○ 63
- ○ 64
- ○ 65
- ○ 66
- ○ 67
- ○ 68
- ○ 69
- ○ 70
- ○ 71
- ○ 72
- ○ 73
- ○ 74
- ○ 75
- ○ 76
- ○ 77
- ○ 78
- ○ 79
- ○ 80
- ○ 81
- ○ 82
- ○ 83
- ○ 84
- ○ 85
- ○ 86
- ○ 87
- ○ 88
- ○ 89
- ○ 90
- ○ 91
- ○ 92
- ○ 93
- ○ 94
- ○ 95
- ○ 96
- ○ 97
- ○ 98
- ○ 99

- ○ 100
- ○ 101
- ○ 102
- ○ 103
- ○ 104
- ○ 105
- ○ 106
- ○ 107
- ○ 108
- ○ 109
- ○ 110
- ○ 111
- ○ 112
- ○ 113
- ○ 114
- ○ 115
- ○ 116
- ○ 117
- ○ 118
- ○ 119
- ○ 120
- ○ 121
- ○ 122
- ○ 123
- ○ 124
- ○ 125
- ○ 126
- ○ 127
- ○ 128
- ○ 129
- ○ 130
- ○ 131
- ○ 132
- ○ 133
- ○ 134
- ○ 135
- ○ 136
- ○ 137
- ○ 138
- ○ 139
- ○ 140
- ○ 141
- ○ 142
- ○ 143

- ○ 144
- ○ 145
- ○ 146
- ○ 147
- ○ 148
- ○ 149
- ○ 150
- ○ 151
- ○ 152
- ○ 153
- ○ 154
- ○ 155
- ○ 156
- ○ 157
- ○ 158
- ○ 159
- ○ 160
- ○ 161
- ○ 162
- ○ 163
- ○ 164
- ○ 165
- ○ 166
- ○ 167
- ○ 168
- ○ 169
- ○ 170
- ○ 171
- ○ 172
- ○ 173
- ○ 174
- ○ 175
- ○ 176
- ○ 177
- ○ 178
- ○ 179
- ○ 180
- ○ 181
- ○ 182
- ○ 183
- ○ 184
- ○ 185
- ○ 186
- ○ 187

- ○ 188
- ○ 189
- ○ 190
- ○ 191
- ○ 192
- ○ 193
- ○ 194
- ○ 195
- ○ 196
- ○ 197
- ○ 198
- ○ 199
- ○ 200
- ○ 201
- ○ 202
- ○ 203
- ○ 204
- ○ 205
- ○ 206
- ○ 207
- ○ 208
- ○ 209
- ○ 210
- ○ 211
- ○ 212
- ○ 213
- ○ 214
- ○ 215
- ○ 216
- ○ 217
- ○ 218
- ○ 219
- ○ 220
- ○ 221
- ○ 222
- ○ 223
- ○ 224
- ○ 225
- ○ 226
- ○ 227
- ○ 228
- ○ 229
- ○ 230
- ○ 231

- ○ 232
- ○ 233
- ○ 234
- ○ 235
- ○ 236
- ○ 237
- ○ 238
- ○ 239
- ○ 240
- ○ 241
- ○ 242
- ○ 243
- ○ 244
- ○ 245
- ○ 246
- ○ 247
- ○ 248
- ○ 249
- ○ 250
- ○ 251
- ○ 252
- ○ 253
- ○ 254
- ○ 255
- ○ 256
- ○ 257
- ○ 258
- ○ 259
- ○ 260
- ○ 261
- ○ 262
- ○ 263
- ○ 264
- ○ 265
- ○ 266
- ○ 267
- ○ 268
- ○ 269
- ○ 270
- ○ 271
- ○ 272
- ○ 273
- ○ 274
- ○ 275

- ○ 276
- ○ 277
- ○ 278
- ○ 279
- ○ 280
- ○ 281
- ○ 282
- ○ 283
- ○ 284
- ○ 285
- ○ 286
- ○ 287
- ○ 288
- ○ 289
- ○ 290
- ○ 291
- ○ 292
- ○ 293
- ○ 294
- ○ 295
- ○ 296
- ○ 297
- ○ 298
- ○ 299
- ○ 300
- ○ 301
- ○ 302
- ○ 303
- ○ 304
- ○ 305
- ○ 306
- ○ 307
- ○ 308
- ○ 309
- ○ 310
- ○ 311
- ○ 312
- ○ 313
- ○ 314
- ○ 315
- ○ 316
- ○ 317
- ○ 318
- ○ 319

- ○ 320
- ○ 321
- ○ 322
- ○ 323
- ○ 324
- ○ 325
- ○ 326
- ○ 327
- ○ 328
- ○ 329
- ○ 330
- ○ 331
- ○ 332
- ○ 333
- ○ 334
- ○ 335
- ○ 336
- ○ 337
- ○ 338
- ○ 339
- ○ 340
- ○ 341
- ○ 342
- ○ 343
- ○ 344
- ○ 345
- ○ 346
- ○ 347
- ○ 348
- ○ 349
- ○ 350
- ○ 351
- ○ 352
- ○ 353
- ○ 354
- ○ 355
- ○ 356
- ○ 357
- ○ 358
- ○ 359
- ○ 360
- ○ 361
- ○ 362
- ○ 363

- ○ 364
- ○ 365
- ○ 366
- ○ 367
- ○ 368
- ○ 369
- ○ 370
- ○ 371
- ○ 372
- ○ 373
- ○ 374
- ○ 375
- ○ 376
- ○ 377
- ○ 378
- ○ 379
- ○ 380
- ○ 381
- ○ 382
- ○ 383
- ○ 384
- ○ 385
- ○ 386
- ○ 387
- ○ 388
- ○ 389
- ○ 390
- ○ 391
- ○ 392
- ○ 393
- ○ 394
- ○ 395
- ○ 396
- ○ 397
- ○ 398
- ○ 399
- ○ 400
- ○ 401
- ○ 402
- ○ 403
- ○ 404
- ○ 405
- ○ 406
- ○ 407

- ○ 408
- ○ 409
- ○ 410
- ○ 411
- ○ 412
- ○ 413
- ○ 414
- ○ 415
- ○ 416
- ○ 417
- ○ 418
- ○ 419
- ○ 420
- ○ 421
- ○ 422
- ○ 423
- ○ 424
- ○ 425
- ○ 426
- ○ 427
- ○ 428
- ○ 429
- ○ 430
- ○ 431
- ○ 432
- ○ 433
- ○ 434
- ○ 435
- ○ 436
- ○ 437
- ○ 438
- ○ 439
- ○ 440
- ○ 441
- ○ 442
- ○ 443
- ○ 444
- ○ 445
- ○ 446
- ○ 447
- ○ 448
- ○ 449
- ○ 450
- ○ 451

- ○ 452
- ○ 453
- ○ 454
- ○ 455
- ○ 456
- ○ 457
- ○ 458
- ○ 459
- ○ 460
- ○ 461
- ○ 462
- ○ 463
- ○ 464
- ○ 465
- ○ 466
- ○ 467
- ○ 468
- ○ 469
- ○ 470
- ○ 471
- ○ 472
- ○ 473
- ○ 474
- ○ 475
- ○ 476
- ○ 477
- ○ 478
- ○ 479
- ○ 480
- ○ 481
- ○ 482
- ○ 483
- ○ 484
- ○ 485
- ○ 486
- ○ 487
- ○ 488
- ○ 489
- ○ 490
- ○ 491
- ○ 492
- ○ 493
- ○ 494
- ○ 495

- ○ 496
- ○ 497
- ○ 498
- ○ 499
- ○ 500
- ○ 501
- ○ 502
- ○ 503
- ○ 504
- ○ 505
- ○ 506
- ○ 507
- ○ 508
- ○ 509
- ○ 510
- ○ 511
- ○ 512
- ○ 513
- ○ 514
- ○ 515
- ○ 516
- ○ 517
- ○ 518
- ○ 519
- ○ 520
- ○ 521
- ○ 522
- ○ 523
- ○ 524
- ○ 525
- ○ 526
- ○ 527
- ○ 528
- ○ 529
- ○ 530
- ○ 531
- ○ 532
- ○ 533
- ○ 534
- ○ 535
- ○ 536
- ○ 537
- ○ 538
- ○ 539

- ○ 540
- ○ 541
- ○ 542
- ○ 543
- ○ 544
- ○ 545
- ○ 546
- ○ 547
- ○ 548
- ○ 549
- ○ 550
- ○ 551
- ○ 552
- ○ 553
- ○ 554
- ○ 555
- ○ 556
- ○ 557
- ○ 558
- ○ 559
- ○ 560
- ○ 561
- ○ 562
- ○ 563
- ○ 564
- ○ 565
- ○ 566
- ○ 567
- ○ 568
- ○ 569
- ○ 570
- ○ 571
- ○ 572
- ○ 573
- ○ 574
- ○ 575
- ○ 576
- ○ 577
- ○ 578
- ○ 579
- ○ 580
- ○ 581
- ○ 582
- ○ 583

- ○ 584
- ○ 585
- ○ 586
- ○ 587
- ○ 588
- ○ 589
- ○ 590
- ○ 591
- ○ 592
- ○ 593
- ○ 594
- ○ 595
- ○ 596
- ○ 597
- ○ 598
- ○ 599
- ○ 600
- ○ 601
- ○ 602
- ○ 603
- ○ 604
- ○ 605
- ○ 606
- ○ 607
- ○ 608
- ○ 609
- ○ 610
- ○ 611
- ○ 612
- ○ 613
- ○ 614
- ○ 615
- ○ 616
- ○ 617
- ○ 618
- ○ 619
- ○ 620
- ○ 621
- ○ 622
- ○ 623
- ○ 624
- ○ 625
- ○ 626
- ○ 627

- ○ 628
- ○ 629
- ○ 630
- ○ 631
- ○ 632
- ○ 633
- ○ 634
- ○ 635
- ○ 636
- ○ 637
- ○ 638
- ○ 639
- ○ 640
- ○ 641
- ○ 642
- ○ 643
- ○ 644
- ○ 645
- ○ 646
- ○ 647
- ○ 648
- ○ 649
- ○ 650
- ○ 651
- ○ 652
- ○ 653
- ○ 654
- ○ 655
- ○ 656
- ○ 657
- ○ 658
- ○ 659
- ○ 660
- ○ 661
- ○ 662
- ○ 663
- ○ 664
- ○ 665
- ○ 666
- ○ 667
- ○ 668
- ○ 669
- ○ 670
- ○ 671

- ○ 672
- ○ 673
- ○ 674
- ○ 675
- ○ 676
- ○ 677
- ○ 678
- ○ 679
- ○ 680
- ○ 681
- ○ 682
- ○ 683
- ○ 684
- ○ 685
- ○ 686
- ○ 687
- ○ 688
- ○ 689
- ○ 690
- ○ 691
- ○ 692
- ○ 693
- ○ 694
- ○ 695
- ○ 696
- ○ 697
- ○ 698
- ○ 699
- ○ 700
- ○ 701
- ○ 702
- ○ 703
- ○ 704
- ○ 705
- ○ 706
- ○ 707
- ○ 708
- ○ 709
- ○ 710
- ○ 711

Юрий Жук
Претерпевшие до конца. Судьбы царских слуг, оставшихся верными долгу и присяге

От автора

Повышенный интерес к трагической гибели Царской Семьи, [1]возникший в нашей стране с началом демократических преобразований, пришедшихся на конец 80-х – начало 90-х годов минувшего столетия, привёл к появлению большого количества изданий, посвящённых этой теме. Однако самостоятельные работы, в которых был бы описан жизненный путь приближённых и верных Царских Слуг, решившихся добровольно разделить судьбу Августейших Мучеников, занимают среди них весьма незначительное место.

И, тем не менее, начало «периодическому изданию» таковых положили книги-воспоминания за авторством людей, которые в той или иной степени были приближены к Царской Семье, а посему знали Её, как говорится, не понаслышке.

Первой из упомянутых работ, появившейся на российском книжном рынке в 1991 году, стало репринтное издание труда П. Жильяра «Николай II и его семья», впервые опубликованного на русском языке венским Книгоиздательством «Русь» в 1921 году [2]. [3]Прослужив при Высочайшем Дворе тринадцать лет, большую часть которых он состоял в должности Гувернёра Наследника Цесаревича и учителя французского языка Августейших Детей Их Императорских Величеств, швейцарский подданный Пьер Жильяр рассказал на страницах своих воспоминаний много интересного из того, свидетелем чего ему удалось стать лично. Посему книга эта имела огромный успех не только в 20-е годы прошлого века, но продолжает иметь таковой и в настоящее время, подтверждением чему являются её многочисленные переиздания. [4]

Огорчает лишь одно – слишком уж вольно некоторые издательства трактуют её название, считая для себя позволительными всевозможные «исторические вольности». Так, к примеру, ЗАО «Центрполиграф», назвав оную книгу «При дворе Николая II. Воспоминания наставника цесаревича Алексея», мягко говоря, как-то уж слишком небрежно обошлось с наименованием Высочайшего Двора (видимо, перепутав его с колхозным, посему и написав его с маленькой буквы), а также с титулованием Наследника Цесаревича, назвав его просто по имени. (По всей видимости, редакционная коллегия означенного издательства на волне перемен почувствовала себя, что называется, «на короткой ноге» с Его Императорским Высочеством Великим Князем Наследником Цесаревичем Алексеем Николаевичем!)

Кстати, интерес к личности П. Жильяра, как в нашей стране,

так и за рубежом, оказался настолько велик, что в 2006 и в 2011 году Издательским домом «Вече» (Москва) и издательством «Paulsen» (Москва) была выпущена книга современного французского историка Даниэля Жирардена «Гувернёр Романовых. Судьба Пьера Жильяра в России».

Следующими изданиями, носящими мемуарный характер, стали выпущенные Частной фирмой «Анкор» книги воспоминаний бывшего Камердинера А. А. Волкова «Около Царской Семьи» [5]и дочери Лейб-Медика Е. С. Боткина – Т. Е. Мельник-Боткиной – «Воспоминания о Царской Семье и Её жизни до и после революции». [6]

Наряду с упомянутой литературой в 1993 году увидела свет книга воспоминаний одной из ближайших подруг Государыни – А. А. Вырубовой – «Фрейлина Её Величества Анна Вырубова». [7]Причём издание это впервые объединило в себе как подлинные мемуары самой Анны Александровны «Страницы моей жизни», [8]так и её «дневник», сфабрикованный весьма известными мастерами фальсификации: советским историком П. Е. Щёголевым и «красным графом» А. Н. Толстым.

Затем в издании книг, написанных непосредственно лицами из ближайшего окружения Царской Семьи, наступил перерыв протяжённостью в шесть лет, после чего читатель смог ознакомиться с переведённой на русский язык книгой Ю. А. Ден «Подлинная Царица. Воспоминания близкой подруги Императрицы Александры Фёдоровны», выпущенной Издательством «Царское Дело» [9] [10]. [11]

Прошло семь лет, прежде чем Издательство «Русскій Хронографъ» выпустило в свет ещё одну книгу воспоминаний. На сей раз речь идёт о переведённых на русский язык мемуарах Баронессы С. К. Буксгевден «Венценосная мученица. Жизнь и трагедия Александры Фёдоровны Императрицы Всероссийской» [12]– человека, входившего в число ближайших друзей Государыни и добровольно последовавшего за ней в тобольскую ссылку.

В этом же году уже упоминавшееся Издательство «Царское Дело» знакомит отечественного писателя опять же с переведённой на русский язык книгой Кристины Бенаг «Англичанин при Царском Дворе. Духовное паломничество Чарльза Сиднея Гиббса», [13]которая посвящена жизненному пути учителя английскому языку Августейших Детей Их Императорских Величеств Ч. С. Гиббсу. Выпущенная небольшим тиражом, книга имела большой успех и за довольно короткий срок успела стать библиографической ред-костью.

Время шло, а книг о Царских Слугах (за исключением

упомянутой ранее книги А. А. Волкова) более не появлялось…

И первой ласточкой в новом витке интереса к рассматриваемому делу стала книга О. В. Черновой «Верные до смерти», выпущенная Издательством «Сатисъ» в 2007 году. [14]В этой работе автором впервые были описаны и систематизированы биографии не только Царских Слуг, но и просто преданных Царской Семье людей, не покинувших Её в дни гонений и невзгод. А именно: Князя В. А. Долгорукова, Графа П. К. Бенкендорфа, Графа И. Л. Татищева, Графини А. В. Гендриковой, Е. С. Боткина, М. С. Хитрово, П. Жильяра, Ч. С. Гиббса, А. С. Демидовой, Е. А. Шнейдер, Е. С. Кобылинского, Т. И. Чемадурова, И. Д. Седнева, К. Г. Нагорного, И. М. Харитонова и А. Е. Труппа.

Буквально на следующий год Издательством «Русскій Хронографъ» была выпущена книга О. Т. Ковалевской «С Царём и за Царя. Мученический венец Царских Слуг». [15]Но, в отличие от книги О. В. Черновой, автор данной, наряду с краткими биографиями А. Е. Труппа, А. С. Демидовой, И. М. Харитонова и Е. С. Боткина – то есть лиц, принявших смерть вместе с Царской Семьёй в ночь с 16 на 17 июля 1918 года, впервые опубликовала на её страницах текст ранее неизвестной отечественному читателю книги Е. С. Боткина «Свет и Тени Русско-японской войны 1904–1905 г.г. (Из писем жене)», [16]снабдив таковой некоторыми фотографиями.

В этом же году Издательский дом «Стягъ» на правах рукописи выпустил книгу брошюрного типа автора Е. Л. Румянцевой «Мученические венцы принявшие». [17]Отличительной чертой данного издания, не прибавившего, собственно говоря, ничего нового к опубликованным в ней биографиям Царских Слуг, стали помещённые в ней ранее неизвестные фото К. Г. Нагорного и И. Д. Седнева.

И, наконец, в 2010 году вышло ещё две книги по данной тематике.

Первая из них – «Царский Лейб-Медик. Жизнь и подвиг Евгения Боткина» [18]автора-составителя О. Т. Ковалевской. В основу книги была положена ранее неопубликованная рукопись Т. Е. Мельник-Боткиной «Воспоминания о Царской Семье», а также письма и фото Е. С. Боткина из личного архива К. К. Мельник-Боткина.

Вторая – «Верные. О тех, кто не предавал Царственных Мучеников», [19]выпущенная Издательством «Русскій Хронографъ» как новая версия ранее изданной книги О. В. Черновой. Её главное отличие от предыдущей версии заключалось, в первую очередь, в том, что она была существенно дополнена за счёт размещённых в ней новых биографий (В. Н. Деревенко, Н. В.

Деревенко, А. А. Вырубовой, А. С. Танеева, Ю. А. Ден, Баронессы С. К. Буксгевден, Протоиерея А. П. Васильева, П. В. Петрова, Великой Княгини Ольги Александровны, Протоиерея А. И. Беляева, Генерала Ф. А. Келлера и Ротмистра Н. Я. Седова), а также снабжена многочисленными иллюстрациями.

Так чем же, собственно говоря, отличается представляемая на суд читателей книга «Претерпевшие до конца…» от перечисленных ранее трудов О. В. Черновой, О. Т. Ковалевской и Е. Л. Румянцевой, полезность и своевременность издания которых не подлежит сомнению? И в чём, в таком случае, её принципиальное отличие от таковых?

Ну, во-первых, уже тем, что основное внимание автора сосредоточено на судьбах Царских слуг с марта 1917 года, то есть уже после отречения Государя Императора Николая II от Престола, а не на протяжении всей их жизни. Ибо в этом случае почти про каждого из них можно было бы написать по отдельной книге…

А, во-вторых, главное отличие данной работы от упомянутых ранее состоит именно в том, что основу последних составляют исключительно эмигрантские источники, которые сплошь и рядом недостоверны. Здесь же использованы документы не только зарубежных, но и отечественных архивов, большинство которых публикуется впервые.

И, кроме того, издание снабжено многочисленными иллюстрациями, часть которых также публикуется впервые.

Представленная на суд читателей книга состоит из четырёх основных частей.

• Часть I. «Избранники Государя» – расскажет о судьбах приближённых и слуг Царской Семьи, сопровождавших Её из Тобольска в Екатеринбург в апреле 1918 года: Князе В. А. Долгорукове, Е. С. Боткине, А. С. Демидовой, Т. И. Чемадурове и И. Д. Седневе.

• Часть II. «Претерпевшие до конца» – также расскажет о судьбах приближённых и слуг Царской Семьи, прибывших из Тобольска в Екатеринбург, так сказать, в составе «второй партии», сопровождавшей Их Императорских Высочеств Августейших Детей Их Императорских Величеств: Графе И. Л. Татищеве, Графине А. В. Гендриковой, Е. А. Шнейдер, А. А. Волкове, К. Г. Нагорном, А. Е. Труппе, И. М. Харитонове и Л. И. Седневе.

• Часть III. «Верные Долгу и Присяге» – включает в себя рассказы о жизненном пути двух совершенно разных людей: доктора В. Н. Деревенко, отправившегося в Тобольск по долгу службы, и К. М. Битнер, приехавшей в этот же город, будучи движимой чувством долга и любви. А кроме того, в ней также

помещены краткие биографии и фото некоторых Царских слуг, сведения о которых автор почерпнул в Послужных списочных книгах Гоф-Фурьерской Службы Гоф-Маршальской Части Министерства Императорского Двора и Уделов за 1917 год.

• И, наконец, часть IV. «Княгиня Елена Петровна и её Крестный Путь в Советской России» – подробно расскажет о женщине уникальной судьбы, Княгине Елене Петровне (урождённой Королевне Сербской Елене), супруге Князя Императорской Крови Иоанна Константиновича. Женщине долга и чести, добровольно разделившей с ним все выпавшие на его долю несчастья в виде ареста и ссылки, а после его смерти, пройдя через семь кругов ада чекистских застенков и тюрем, всё же сумевшей вырваться на свободу, чтобы рассказать всем своим бывшим соотечественникам правду о большевистском «царстве свободы».

Ну, а уж какой получилась эта книга, судить читателю…

Часть I
Избранники Государя

Глава 1
Чрезвычайная миссия комиссара В. В. Яковлева

В начале апреля 1918 года Президиум Исполкома Уральского Областного Совета начинает разворачивать активную кампанию по переводу Царской Семьи из Тобольска в Екатеринбург, в каковую с не меньшей энергией включается и центральная власть в лице Председателя ВЦИК Я. М. Свердлова.

Для доставки Августейших Узников в столицу Красного Урала, Тобольск, направляется московский посланец, известный уфимский боевик В. В. Яковлев (настоящая фамилия К. А. Мячин), который на время выполнения этого ответственного задания наделяется полномочиями Чрезвычайного Комиссара ВЦИК.

Необходимость в миссии комиссара В. В. Яковлева объяснялась, в первую очередь, тем, что между находящимися в Тобольске представителями Уральского Областного Совета и Западно-Сибирского Совдепа, их вооружёнными отрядами, а также отрядом охраны Государя и Его Семьи, возникли серьёзные противоречия, которые в любой момент могли вылиться в вооружённое столкновение.

Прибыв в Тобольск вместе со своим отрядом 22 апреля 1918 года, В. В. Яковлев сумел быстро разобраться в причинах возникшего конфликта, а также понять всю серьёзность создавшегося положения.

Объявив Царской Семье об отъезде, назначенном на 26 апреля, он решает вывезти лишь троих Её членов: Государя, Государыню и Великую Княжну Марию Николаевну, а остальных (ввиду болезни Наследника Цесаревича) временно оставить в Тобольске, чтобы потом, с открытием весенней навигации, осуществить их дальнейший переезд. Кандидатуры же взятых для сопровождения в пути следования лиц из числа верных слуг (Князь В. А. Долгоруков, доктор Е. С. Боткин, А. С. Демидова, Т. И. Чемадуров и И. Д. Седнев) были отобраны по желанию самих Августейших Особ, после чего согласованы непосредственно с самим В. В. Яковлевым.

Приняв необходимые меры безопасности в пути следования (В. В. Яковлев был своевременно предупреждён, что во время этого переезда на членов Царской Семьи готовится покушение, а в случае помехи в этом с его – В. В. Яковлева – стороны, то и на него лично), он к вечеру 27 апреля доставляет Романовых в Тюмень, где их уже ожидает специальный Литерный поезд № 42.

По прибытии в этот город В. В. Яковлев почти сразу же идёт на телеграф и связывается с Я. М. Свердловым. Обрисовав вкратце ситуацию, он сообщает ему о единственном желании представителей Урала – покончить с «багажом» (так на условном языке именовалась Царская Семья), а также предлагает спрятать Её в Симском Горном Округе (в горах Южного Урала).

Заручившись «добром» Председателя ВЦИК, В. В. Яковлев направляет свой поезд в сторону Омска, чтобы оттуда проследовать на Уфу.

Однако о таких действиях В. В. Яковлева тут же стало известно членам Исполкома Уральского Облсовета, усмотревшим в этом его поступке прямую «измену революции», – посему в течение всего дня 28 апреля вожди Красного Урала не отходили от телеграфа. Разослав во все концы телеграммы о «преступном замысле» В. В. Яковлева, а также потребовав от всех революционных организаций принятия мер по задержанию его поезда, они выходят на связь с В. И. Лениным и Я. М. Свердловым, от которых требуют самых решительных действий по недопущению каких бы то ни было изменений маршрута следования и отдачи немедленного распоряжения о направлении поезда В. В. Яковлева в Екатеринбург.

Не доезжая до Омска, В. В. Яковлев оставил свой поезд в районе станции «Куломзино», а сам, отцепив паровоз, прибыл на нём ближе к полуночи 28 апреля в Омск, где, сам того не ожидая, встретился со своим давним товарищем В. М. Косаревым – Председателем Западно-Сибирского Совдепа. Выяснив и оговорив с ним все возникшие по вине уральцев недоразумения, они вместе направились на телеграф, откуда снеслись с Я. М. Свердловым.

На этот раз Я. М. Свердлов приказывает В. В. Яковлеву остановить продвижение «царского поезда» в сторону Уфы и следовать в соответствии с изначально оговорённым вариантом маршрута на Екатеринбург.

Тем временем, по распоряжению Председателя Президиума Исполкома Уральского Облсовета А. Г. Белобородова, для встречи В. В. Яковлева и его отряда был подготовлен специальный поезд под командованием Инструктора Уральского Областного Военного Комиссариата С. С. Заславского, отряду которого днями ранее было поручено уничтожить Царскую Семью во время Её следования на Тюмень. (Именно С. С. Заславский и его люди должны были встретить поезд В. В. Яковлева в Тюмени, чтобы там получить из его рук следовавший вместе с ним «багаж».)

Прибыв в Тюмень и встретившись там с С. С. Заславским, В. В. Яковлев в самой категоричной форме отказал ему в передаче

кого бы то ни было из членов Царской Семьи и сопровождавших Её лиц, однако согласился увеличить состав охраны Романовых за счёт 60-ти человек из отряда С. С. Заславского.

Уведомив об этом телеграфно представителей Исполкома Уральского Совдепа, В. В. Яковлев направил свой поезд на Екатеринбург (поезд с отрядом С. С. Заславского сопровождал его следом), в который и прибыл 17 (30) апреля в 8 час. 40 мин. утра по местному времени.

Передав членов Царской Семьи и прибывших с Ними лиц представителям Президиума Исполкома Уральского Совдепа и получив в том расписку за подписью А. Г. Белобородова и Б. В. Дидковского, В. В. Яковлев вечером того же дня «держал ответ» перед членами Исполкома Уральского Облсовета. Дискуссия была жаркой, но, в конце концов, обвинение его в контрреволюционности было снято, после чего он отбыл в Уфу, откуда через несколько дней выехал в Москву, где полностью отчитался перед Я. М. Свердловым о ходе выполненной им миссии.

Таким образом, начиная с 30 апреля 1918 года, заложниками в руках Уральского Областного Совета оказались: бывший Государь Император Николай II Александрович, бывшая Государыня Императрица Александра Фёдоровна и Великая Княжна Мария Николаевна, которых сопровождали двое приближённых и трое верных слуг.

К числу первых относились Князь В. А. Долгоруков 1-й и Лейб-Медик Е. С. Боткин, а ко вторым: Камер-Юнгфера (Комнатная девушка) А. С. Демидова, Камердинер Т. И. Чемадуров и Лакей И. Д. Седнев.

Так кто же они были – эти люди, не пожелавшие оставить своего Государя и Его Семью в дни тяжёлых испытаний, выпавших на Их долю?

По своему общественному положению до 1917 года, то есть до того времени, когда совместным Декретом ВЦИК и СНК Р.С.Ф.С.Р. от 10(23) ноября «Об уничтожении сословий и гражданских чинов» были отменены «фальшивые титулования», главенствующее место среди перечисленных лиц занимал Князь В. А. Долгоруков.

Глава 2
Гоф-Маршал Министерства Императорского Двора и Уделов Князь Василий Александрович Долгоруков 1-й

Представитель древнейшего рода Рюриковичей Князь Василий Александрович Долгоруков 1-й родился в Царском Селе 1 августа 1868 года.

Его отец – Обер-Церемониймейстер Князь Александр Васильевич Долгоруков. Мать – Графиня Мария Сергеевна, урождённая Княжна Долгорукова (из другой ветви этого славного рода). Однако их брак был недолгим. Овдовев в 1876 году, она уже на следующий год сочеталась повторным браком с Обер-Гофмаршалом Министерства Императорского Двора и Уделов Графом Павлом (Леопольдом-Иоганном-Стефаном) Константиновичем Бенкендорфом, который в неполных тридцать лет стал приходиться Василию Александровичу отчимом.

Аристократ по происхождению и представитель высшей петербургской знати, Князь В. А. Долгоруков обладал таким редким качеством среди людей этого круга, как исключительная скромность. А его честность и прямота переходили в бескомпромиссность.

Своё образование он получил в Пажеском Его Императорского Величества Корпусе, начав в нём свою службу 1 сентября 1888 года. Будучи выпущенным из этого элитного учебного заведения 10 августа 1890 года (по ст. ст.) в чине Корнета был зачислен в Лейб-Гвардии Конно-Гренадерский полк.

10 августа 1894 года Князь В. А. Долгоруков воспроизведён в чин Поручика, а в 1896 году назначен на должность Флигель-Адъютанта Свиты Е.В. Государя Императора Николая II, личную дружбу с которым он будет поддерживать до конца своих дней.

Свою службу он исполнял исправно, посему таковая «за Царём не пропадала», а чины и звания шли своим чередом: 9 апреля 1900 года он был произведён в чин Штаб-Ротмистра, немногим более чем через два года (10 августа 1902 года) – в чин Ротмистра с назначением на должность Командира эскадрона Лейб-Гвардии Кавалергардского Ея Величества Государыни Императрицы Марии Фёдоровны полка, а ещё почти через два года (28 марта 1904 года) – в чин Полковника.

С 16 марта 1910 года Князь В. А. Долгоруков – Командир 3-го Драгунского Новороссийского Ея Императорского Высочества

Великой Княгини Елены Владимировны полка, а с 3 марта 1912 года – Командир Лейб-Гвардии Конно-Гренадерского полка, в должности которого пребывал до февраля 1914 года.

12 марта 1912 года он за особые отличия был произведён в чин Генерал-Майора с зачислением в Свиту Е.В. Государя Императора Николая II Александровича.

4 февраля 1914 года Князь В. А. Долгоруков, будучи уже в чине Генерал-Майора по Гвардейской Кавалерии, принимает под своё командование 1-ю Бригаду 1-й Гвардейской Кавалерийской дивизии.

С началом Великой войны 1914–1918 года он состоит при Ставке Верховного Главнокомандующего как Свиты Е.В. Генерал-Майор – сначала в качестве Помощника ГофМаршала Министерства Императорского Двора и Уделов, а затем и в должности Гоф-Маршала.

В дни Великой смуты марта 1917 года, Князь В. А. Долгоруков находился рядом с Государем и в числе некоторых лиц его окружения поддерживал идею необходимости создания Ответственного Министерства, решение о формировании которого Он принял, к сожалению, слишком поздно.

В своих заметках «Как произошёл переворот в России» Свиты Е.В. Генерал-Майор Д. Н. Дубенский [20]писал:

> «Весь день 2-го марта прошёл в тяжёлых ожиданиях окончательного решения величайших событий.
>
> Вся свита государя и все сопровождающие его величество переживали эти часы напряжённо и в глубокой грусти и волнении. Мы обсуждали вопрос, как предотвратить назревающее событие.
>
> Прежде всего мы мало верили, что великий князь Михаил Александрович примет престол. Некоторые говорили об этом сдержанно, только намёками, но генерал адъютант Нилов определённо высказал: “Как можно этому верить. Ведь знал же этот предатель Алексеев, зачем едет государь в Царское Село. Знали же все деятели и пособники происходящего переворота, что это будет 1 марта, и всё-таки, спустя только одни сутки, т. е. за одно 28 февраля, уже спелись и сделали так, что его величеству приходится отрекаться от престола. Михаил Александрович – человек слабый и безвольный и вряд ли он останется на престоле. Эта измена давно подготовлялась и в Ставке и в Петрограде. Думать теперь, что разными уступками можно помочь делу и спасти родину, по-моему, безумие. Давно идёт ясная

борьба за свержение государя, огромная масонская партия захватила власть, и с ней можно только открыто бороться, а не входить в компромиссы". Г. Нилов говорил всё это с убеждением, и я совершенно уверен, что К. Д. смело пошёл бы лично на все решительные меры и, конечно, не постеснялся арестовать Рузского, если бы получил приказание его величества.

Кое кто возражал Константину Дмитриевичу и выражал надежду, что Михаил Александрович останется, что, может быть, уладится дело. Но никто не выражал сомнения в необходимости конституционного строя, на который согласился ныне государь.

Князь В. А. Долгорукий, как всегда, понуро ходил по вагону, наклонив голову, и постоянно повторял, слегка грасируя, "главное, всякий из нас должен исполнить свой долг перед государем. Не нужно преследовать своих личных интересов, а беречь его интересы"». [21]

После отречения от Престола и отъезда Государя из Могилёва в Царское Село Князь В. А. Долгоруков был единственным человеком, с кем Он изредка общался в пути следования. И надо сказать, что их взаимоотношения строились, отнюдь, не из-за приближённости Князя к Государю по службе или каких-то его верноподданнических проявлений. Просто личные качества Князя В. А. Долгорукова были очень близки настроениям и натуре самого Государя, подобно ему отличавшегося исключительной личной скромностью и честностью.

«С последним, – писал Генерал-Лейтенант М. К. Дитерихс, – Государя связывали, по-видимому, более глубокие и серьёзные чувства, чем простая приближённость по служебной деятельности и верноподданническое отношение князя к Императору. Это казалось особенно как в последовавшей жизни Царя и Долгорукова в состоянии арестованных, так и в одинаковой со всей Царской Семьёй участи, постигшей Долгорукова. Во всяком случае, преданность Долгорукова была столь исключительной, что может быть поставлена в пример остальным приближённым, сопровождавшим Царя в Его переезде из Могилёва в Царское Село». [22]

Не менее интересный факт личной преданности Князя В. А. Долгорукова Государю приводит М. К. Дитерихс в своей книге, ссылаясь также на показания Коменданта Александровского

Царскосельского Дворца Полковника Е. С. Кобылинского, описав картину прибытия Императорского поезда в Царское Село:

> «Я не могу забыть одного явления, которое я наблюдал в то время; в поезде с Государем ехало много лиц Свиты. Когда Государь вышел из вагона, эти лица посыпались на перрон и стали быстро-быстро разбегаться в разные стороны, озираясь по сторонам, видимо проникнутые чувством страха, что их узнают. Прекрасно помню, как удирал тогда начальник походной канцелярии Императора генерал-майор Нарышкин и, кажется, командир железнодорожного батальона генерал-майор Цабель. Сцена эта была весьма некрасива». [23]

Выйдя из вагона, Государь сел в автомобиль вместе с оставшимся верным долгу и дружбе Князем В. А. Долгоруковым, который объявил себя добровольно арестованным.

Вместе с отречением Государя закатилась и звезда Российской Империи, которая отметила Князя В. А. Долгорукова за его беспорочную службу на протяжении, без малого, тридцати лет, следующими наградами:

- Орденом Св. Анны III-й степени (1904);
- Орденом Св. Анны II-й степени (1906);
- Орденом Св. Владимира III-й степени (1911);
- Орденом Св. Станислава I-й степени (22.03.1915).

Всё время заточения Царской Семьи в Александровском Дворце, вместе с ней находился и Князь В. А. Долгоруков (или просто «Валя», [24]как называл его Государь в узком Семейном кругу).

В это нелёгкое для Царской Семьи время верный «Валя» был всегда рядом со своим Государем. В связи с этим одна из ближайших подруг Государыни – А. А. Вырубова – писала:

> «Я никогда не забуду того, что увидела, когда мы обе (Государыня и А. А. Вырубова. – *Ю. Ж.*), прижавшись друг к другу, в горе и смущении выглянули в окно. Мы готовы были сгореть со стыда за нашу бедную Родину. В саду, около самого дворца, стоял Царь всея Руси, и с ним преданный друг его, князь Долгорукий. Их окружало 6 солдат, вернее, 6 вооружённых хулиганов, которые всё время толкали Государя то кулаками, то прикладами, как будто бы он был какой-то преступник, прикрикивая: “Туда нельзя ходить, г-н полковник, вернитесь, когда вам говорят!” Государь совершенно спокойно на них

посмотрел и вернулся во дворец». [25]

Не привыкший к безделью, Государь находил себе работу и в качестве «августейшего арестанта», привлекая к ней Детей и, конечно же, преданного Ему всей душой Валю, имя которого теперь стало ещё чаще появляться в Его дневнике:

« *9-го Марта. Четверг.*

(…) Погулял с Валей Долг. [оруковым] и поработал с ним в садике, т. к. дальше выходить нельзя!! (…)». [26]

« *10-го Марта. Пятница.*

(…) Погулял с Валей Долг. [оруковым] в сопровождении тех же двух прапорщиков, они сегодня были любезнее. (…)». [27]

« *11-го Марта. Суббота.*

(…) От 3 ч. до 4½ ч. гулял в саду с Валей Д. [олгоруковым] и работал в саду. (…)». [28]

« *12-го Марта. Воскресенье.*

(…) Погулял и поработал в саду с Валей Д. [олгоруковым]. (…)». [29]

« *14-го Марта. Вторник.*

(…) Утром погулял с Валей Д. [олгоруковым] три четверти часа. (…)». [30]

« *15-го Марта. Среда.*

(…) Сделал с Валей Д.[олгоруковым] и, как всегда теперь, в сопровождении одного из караульных офицеров, хорошую прогулку. (…)». [31]

« *1-го Апреля. Пятница.*

(…) Днём начали ломать лёд по-старому у моста с ручейком; работали Татьяна, Валя и Нагорный (…)». [32]

« *13-го Апреля. Четверг.*

(…) Погулял час с Валей Д.[олгоруковым]», как всегда утром. [33]

« *28-го апреля. Пятница.*

(…) Днём гуляли и приступили к работам по устройству огорода в садике против окон. Мама, Т. [атьяна], М.[ария], Анаст. [асия] и Валя [Долгоруков] деятельно перекапывали землю, а комендант и караульные офицеры смотрели и давали иногда советы». [34]

« *30-го Мая. Вторник.*

Простоял отличный, но более прохладный день. Погулял от 11 до 12 час., пока Алексей играл на острове. После завтрака вышли в сад в 2 ч. Со мною работали, пилили и рубили дрова постоянные: Валя Д.[олгоруков],

Волков – камер. [динер] Аликс, Тетерятников, Мартышкин, Корнеев, и сегодня прибавился пожарный. Присутствовали и переносили дрова: Т.[атьяна], М.[ария] и Ан. [астасия], два офицера и четыре стрелка 1-го бат[альона]». [35]

« *12-го Июня. Понедельник.*

После приятной прохладной ночи день наступил жаркий. Утром хорошо погулял с Валей [Долгоруковым]. (…)». [36]

« *15-го Июня. Четверг.*

(…) Бенкендорф, Валя Д.[олгоруков] и обе фрейлины получили уведомление об увольнении их от службы». [37]

« *30-го Июня. Пятница.*

Отличный жаркий день с сильным дымом от горящего торфа. Во время прогулки зашёл с Валей [Долгоруковым] в Китайский театр и осмотрел его внутри. (…)». [38]

« *6-го Июля. Четверг.*

(…) Погода была чудная. Сделал хорошую прогулку с Татьяной и Валей [Долгоруковым]. (…)». [39]

« *7-го Июля. Пятница.*

Гулял утром с Марией, Валей [Долгоруковым] и целым конвоем от караула 3-го стрелк. [ового] полка. (…)». [40]

А когда Министр-Председатель А. Ф. Керенский объявил Августейшим Узникам, что Они будут направлены в «сибирскую ссылку», Князь В. А. Долгоруков без промедления изъявил желание последовать за своим Государем.

Из Царского Села утром Царская Семья и сопровождающие Её приближённые и слуги [41]отбыли ранним утром 1 августа 1917 года на двух поездах, один из которых – «Японской миссии Красного Креста» – перевозил, непосредственно, упомянутых лиц, а второй – охрану, состоящую из военнослужащих Сводного Гвардейского батальона Царскосельских Стрелковых полков. Поздним вечером 4 августа поезд прибыл на ст. «Тюмень», причём подан он был прямо к причалу, где его пассажиров уже ожидали три парохода: «Русь», «Кормилец» и «Тюмень», последний из которых был буксирным.

Пароход «Русь» принял на борт Членов Августейшей Семьи, Её приближённых, часть слуг и солдат Сводной Роты 1-го Стрелкового Царскосельского полка, «Кормилец» – солдат Сводных Рот 2-го и 4-го Царскосельских полков, а также

оставшуюся часть прислуги, а буксир «Тюмень» тянул за собой баржу, на которой был размещён многочисленный скарб Царской Семьи и верных слуг. Тронувшись в путь ранним утром, суда начали свой путь по мелководной извилистой Туре, которая впадала в более глубокий Тобол. Весь путь следования водным путём занял около двух суток, посему прибытие в Тобольск состоялось только к вечеру 6 апреля.

Первое время Царская Семья и все сопровождавшие Её слуги были вынуждены проживать на пароходах, поскольку предназначенный для Августейших Особ и Их приближённых бывший Губернаторский дом (именовавшийся теперь «Домом Свободы») был абсолютно не готов к заселению. Ибо разместившийся в нём после февраля 1917 года Тобольский Совдеп за довольно короткое время превратил убранство внутренних помещений этого, некогда фешенебельного, здания в нечто среднее между казармой и солдатским нужником. Почти в каждой комнате бывшей резиденции Н. А. Ордовского-Танаевского [42]ощущалась атмосфера хаоса – повсеместная грязь, заплёванный пол, покрытый шелухой от семечек и многочисленными окурками, сломанная мебель и прочие следы запустения. А в довершение ко всему в бывшем Губернаторском доме не работала канализация. Посему заселение в него произошло лишь 13 сентября, а до этого времени Царская Семья и всё Её окружение были вынуждены проживать на доставивших их в Тобольск пароходах, скрашивая своё томительное ожидание недолгими речными прогулками по Иртышу.

В самый первый день своего пребывания в Тобольске Князь В. А. Долгоруков вместе с П. М. Макаровым (в то время Помощником Комиссара Временного Правительства по Министерству Императорского Двора и Уделов) пошли осматривать дом, который, как уж было сказано ранее, нашли в состоянии страшного запустения, подтверждением чему является ещё одна запись, сделанная Государем в дневнике:

> « *6-го Августа. [Воскресенье]*
>
> Плавание по Тоболу. Встал поздно, так как спал плохо вследствие шума вообще, свистков, остановок и пр. Ночью вышли из Туры в Тобол. Река шире, и берега выше. Утро было свежее, а днём стало совсем тепло, когда солнце показалось. Забыл упомянуть, что вчера перед обедом проходили мимо села Покровского, – родина Григория. Целый день ходили и сидели на палубе. В 6½ час. пришли в Тобольск, хотя увидели его за час с ¼. На берегу стояло много народу, – значит,

знали о нашем прибытии. Вспомнил вид на собор и дома на горе. Как только пароход пристал, начали выгружать наш багаж. Валя [Долгоруков], комиссар и комендант отправились осматривать дома, назначенные для нас и свиты. По возвращении первого узнали, что помещения пустые, без всякой мебели, грязны и переезжать в них нельзя. Поэтому на пароходе и стали ожидать обратного привоза необходимого багажа для спанья. Поужинали, пошутили насчёт удивительной неспособности людей устраивать даже помещение и легли спать рано». [43]

В своих письмах к брату Павлу Князь В. А. Долгоруков также не обошёл вниманием это событие и в одном из них от 14 августа 1917 года сообщал:

«Дорогой мой Павел!

В Тобольск прибыли в 6 часов вечера, Дабы убедиться, какой дом и что приготовлено, мы решились с Макаровым ранее других отправиться в город и произвести разведку.

Картина в общем была удручающая и полное разочарование слов Ивана: шикарная усадьба с булочной, кондитерской, погребами и т. д.! Ничуть не бывало, грязный, заколоченный, вонючий дом в 13 жилых комнат, с некоторою мебелью, с ужасными уборными и ванными. В чердачном помещении 5 комнат для прислуги. Для сопровождающих лиц: Татищева, Гендриковой, Боткина, Шнейдер, меня и др. офицеров (там же полк. Кобылинский) – отведён напротив улицы другой дом, Корнилова, довольно просторный, но грязный и без всякой мебели, одним словом, сараи, но с паркетами. Надо тебе сказать, что оба дома находятся в центре города, На главной улице “Свободы”.

Такая картина подействовала на Макарова и меня чрезвычайно тяжко, и мы решили в тот же вечер отправиться наверх, на горе осмотреть помещение архиерея и всё, что могло пригодиться. Увы, чем дальше, тем хуже и хуже. Пришлось вернуться и предложить всей Семье остаться несколько дней на пароходе, покуда дома приведут в порядок. Я поражён беспечностию и попустительством властей, допустившим такую халатность.

Седьмой день чистим, красим и приводим дома в приличный вид, покуда Семья и мы все сидим на пароходе “Русь”. Каюты очень маленькие и удобства, в

особенности для дам, очень мизерны.

Алексей и Мария простудились. У первого болит сильно рука, и он по ночам часто плачет. Жильяр лежит в своей каютке восьмые сутки, у него появились какие-то язвы на ногах и руке. Лихорадка небольшая. Как будто здесь легче продовольствоваться и значительно дешевле. Молоко, яйца, масло и рыба достаётся обильно.

Семья переносит всё крайне хладнокровно и мужественно. Видимо, они легко привыкают к обстановке, по крайней мере, делают вид и не жалуются после всей бывшей роскоши. Несколько беспечен (между нами) стал Боткин. Он не подумал вовремя дезинфицировать дом. Главная работа его, как поместить впоследствии собственную семью в доме Корнилова». [44]

А вот что писала по поводу приезда Царской Семьи в Тобольск газета «Сибирский листок»:

«В воскресенье, 6 августа, около четырёх часов дня к Тобольску прибыли пароходы: казенный “Тюмень”, Запад. – Сибир. Т-ва “Русь” и томский “Кормилец” с одной баржей. У пристани толпилась масса народа, так как в Тобольске давно все знали, что здесь назначено место жительства семьи бывшего императора. Приезда их ждали ещё ночью, 5 августа, но пароход запоздал. На пароходе “Русь” находилась вся семья бывшего императора.

Под квартиру бывшего императора отведён губернаторский дом, переименованный было в “дом Свободы” – теперь вывеска эта с него снята и возле дома поставлен военный караул. Видевшие всю семью бывшего императора поражаются благодушным и весёлым видом самого б. императора; Александра Фёдоровна имеет крайне болезненный и удручённый вид, её вывозили из каюты на свежий воздух в кресле; сын Алексей – болезненный на вид мальчик в солдатской шинели с ефрейторскими погонами; дочери острижены низко под гребёнку после недавней болезни, одеты они очень просто. Во время остановок парохода у пристаней для грузки дров все дети выбегали на поле и рвали цветы.

Бывший император, очевидно, помнил Тобольск, потому что, подъезжая к Тобольску, он был наверху и показывал детям видневшиеся здания, но едва пароход поравнялся с лесопилкой Печокаса, вся семья удалилась

в каюты и не показывалась во время причала парохода.

Близко видеть приезжих никому не удалось, так как все они оставались ещё 7-го августа на пароходе ввиду того, что отведённая им квартира была заново окрашена и не успел ещё выдохнуться запах краски.

Под помещение приехавших заняты следующие дома: губернаторский дом, дом Корнилова, где был окружной суд, дом, где была лавка Усачева, дом Сыромятникова, где была гостиница “Лоскутная”, и дом Нижегородцевой. Конвоя прибыло 300 человек». [45]

Когда же ремонт, производимый силами бывших военнопленных, – единственных хороших мастеров в городе, – подходил к концу, Царская Семья, не дожидаясь его окончания, начала своё переселение на второй (верхний) этаж бывшего губернаторского дома, а на его первом этаже разместились четверо женщин из числа прислуги (А. С. Демидова, А. А. Теглева, М. Г. Туттельберг, Е. Н. Эрсберг), Т. И. Чемадуров и П. Жильяр.

Все остальные приближённые, включая Князя В. А. Долгорукова, Графа И. Л. Татищева и Е. С. Боткина, были размещены в доме бывшего рыбопромышленника купца Корнилова.

Прибывшая в Тобольск днями позднее дочь Е. С. Боткина в своих воспоминаниях, опубликованных в Белграде в 1921 году, [46]писала:

«Корниловский дом был довольно большой, в два этажа, нелепо построенный, с мраморной лестницей и украшениями на деревянных крашеных потолках, изображавшими лепку.

В верхнем этаже помещались: генерал Татищев, Екатерина Адольфовна Шнейдер, графиня Гендрикова, мистер Гиббс, князь Долгоруков, доктор Деревенко с семьёй и три горничных.

Внизу была офицерская столовая и буфет, комната, в которой проходили заседания Отрядного Комитета, и комнаты, где жили: мой отец, комиссар Панкратов, его помощник Никольский и прапорщик Зима. В подвальном этаже помещалась прислуга и 8 человек стрелковой охраны». [47]

Несмотря на то, что верный Валя проживал в соседнем доме, он, как лицо, получившее пропуск на право прохода в «Дом Свободы», имел, таким образом, постоянную возможность видеться с Государем, с которым часто беседовал о насущных

вопросах, а порой составлял компанию в одном из Его излюбленных занятий – пилке дров.

«Гулял и работал с Валей»– почти рефрен в письмах и дневнике Государя. И в своих дневниковых записях, сделанных в Тобольске, Государь также не обходит вниманием Князя В. А. Долгорукова, ставшего для него ещё более близким человеком.

С наступлением суровых осенних дней ноября 1917 года, Августейшие Узники и их приближённые развлекали себя постановками небольших домашних спектаклей, которые игрались в зале второго этажа бывшего Губернаторского дома, временно используемом в качестве импровизированной сцены.

Не остался в стороне от этой затеи и Князь В. А. Долгоруков, который наравне со всеми учил отведённые ему роли. Этот факт также нашёл отражение в дневнике Государя, который сделал запись следующего содержания:

> « *28 Ноября. Вторник.*
> (…) После чая перечитали вместе каждый свою роль из “Les deux timides” – Татьяна, Анастасия, Валя [Долгоруков] и m. Gilliard». [48]
> « *17 Декабря. Воскресенье.*
> (…) Гуляли долго, дети, как всегда, возились отчаянно с В. Долгор. [уковым] и mr. Gillard». [49]

Упоминает его, как наиболее близкого Ей человека и Государыня. Так в письме к А. А. Вырубовой от 8 декабря этого же года Она пишет:

> «Тогда только Жилику [50](П. Жильяру. – *Ю. Ж.*) и Вале [Долгорукову] Твои снимки показала, дамам очень не хотелось, слишком Твоё лицо мне дорого и свято». [51]

Неунывающий Валя, казалось, во всех начинаниях приходился к месту. С наступлением зимы он наравне со всеми чистил снег и даже помогал П. Жильяру построить снеговую горку, о чём тот впоследствии написал:

> « *Суббота 2 февраля.*
> – 23° ниже нуля по Реомюру. Мы с князем Долгоруковым поливали сегодня ледяную гору. Мы принесли тридцать вёдер. Было так холодно, что вода замерзала, пока мы её носили от крана в кухне до горы. Наши вёдра и гора “дымились”. С завтрашнего дня дети могут кататься с горы». [52]

Поначалу, жизнь Царской Семьи в Тобольске была довольно сносной, но со временем отпущенные Временным Правительством деньги заканчивались, а новые так и не поступали…

Уже после убийства Царской Семьи и десяти приближённых и верных слуг, разделивших с Ней ту же участь, следователь Н. А. Соколов допрашивал бывшего Коменданта Александровского Царскосельского Дворца Полковника Е. С. Кобылинского, [53]который пояснил по этому поводу следующее:

> «Семья действительно ни в чём не нуждалась в Тобольске, но деньги уходили, а пополнений мы не получали. Пришлось жить в кредит. Я писал по этому поводу Генерал-Лейтенанту Аничкову, [54]заведовавшему хозяйством Гофмаршальской части, но результатов никаких не было. Наконец повар Харитонов стал мне говорить, что больше “не верят”, что скоро и отпускать в кредит не будут. Пришлось мне обратиться к Управляющему Тобольским отделением Государственного Банка Черняховскому. Он посоветовал мне обратиться к купцу Янушкевичу, монархисту, имевшему в банке свободные деньги. Под вексель за моей, Татищева и Долгорукова подписями, Янушкевич дал мне 20 000 рублей. Я просил, конечно, Татищева и Долгорукова молчать об этом займе и не говорить об этом ни ГОСУДАРЮ, ни кому-либо другим из Августейшей Семьи». [55]

О тяжёлом материальном положении Царской Семьи в последние месяцы проживания в Тобольске более чем красноречиво свидетельствуют и записи в дневниках Государыни и Государя за февраль 1918 года:

> « *13 Февраля. Вторник.*
> (…) Просматривала счета с Жиликом». [56]
> « *Тобольск. 14 (27). Февраль. Среда.*
> (…) Обсуждала дела с Валей [Долгоруковым]. Сегодня он сказал всей нашей прислуге, что мы будем получать всего 4000 (так в тексте. – *Ю. Ж.*) р[ублей] в месяц, по 600 [рублей] каждый из нас семерых, и поэтому должны расстаться с 10[-ю] из них, и жить более ограниченно, и взять всё в свои руки с первого марта по новому стилю (по большевистскому стилю)». [57]
> « *14 (27) Февраля. Среда.*
> Приходится нам значительно сократить наши

расходы на продовольствие и на прислугу, так как гофмарш. [альская] часть закрывается с 1 марта и, кроме того, пользование собственными капиталами ограничено получением каждым 600 руб. в месяц. Все эти последние дни мы были заняты высчитыванием того минимума, кот[орый] позволит сводить концы с концами». [58]

« *15 (28) Февраля. Четверг.*

По этой причине приходится расстаться со многими из людей, так как содержать всех, находящихся с нами в Тобольске, мы не можем. [59]Это, разумеется, очень тяжело, но неизбежно. По нашей просьбе Татищев, Валя Д. и m-r Gillard взяли на себя хлопоты по хозяйству и заведованию остающимися людьми, а под ними камердинер Волков. Погода стояла приятная, тихая. (…)». [60]

« *Тобольск. 12 (25). Март. Понедельник.*

(…) Видела проходивших мимо моего бывшего крымца Маркова, [61]а также Штейна. (…) Считала деньги с Т<атьяной> и Жиликом». [62]

« *12 (25) Марта.*

(…) Понедельник. Из Москвы вторично приехал Влад. [имир] Ник. [олаевич] Штейн, привезший оттуда изрядную сумму от знакомых нам добрых людей, книги и чай. Он был при мне в Могилёве вторым вице-губернатором». [63] [64]

Находясь в Тобольске, любящий сын Князь Василий Долгоруков даже в своих кратких посланиях к матери сопереживал за ставшую ему столь близкой Царскую Семью.

«Дорогая Мама, Она (Государыня. – *Ю. Ж.*) часто подавлена, но настроение хорошее и соответствует роли, которую она должна играть, – спокойна. Достойно, естественно принимает новости и события. Он (Государь. – *Ю. Ж.*) всё тот же, страдает морально, высказывается откровенно и умеет сохранить Своё обаяние и приветливость.

Любящий Валя. Счастливого Рождества!» [65] [66]

Наступивший 1918 год принёс новый поворот в судьбу теперь уже бывшего царедворца. После того как на основании Приказа Народного Комиссара Имуществ В. А. Карелина от 15 января 1918 года Гофмаршальская Часть оказалась упразднена, Князь В. А. Долгоруков был уволен со службы…

Однако это обстоятельство нисколько не повлияло на дальнейшее отношение «Вали» к Августейшей Семье, к которой он был привязан всей душой. При этом особую любовь Князь В. А. Долгоруков питал к Государю, в котором видел не только бывшего Самодержца, но и своего личного друга. А посему он, как никто другой из Его ближайшего окружения, сочувствовал всей душой своему Государю в горе, постигшем не только Его, но вместе с ним и всю Россию.

Будь на то Господня Воля, Князь В. А. Долгоруков, вероятнее всего, без тени сомнения отдал бы за Него жизнь в честном и открытом поединке. Но тогда ему – блестящему вельможе – приходилось вести этот поединок с самим собой. Ибо своё смирение он постигал не годами с азов, а как бы сразу перешагнул границу в другой, новый и жестокий, мир, в течение какого-то месяца навсегда отделивший его смерчем революционных событий от того, привычного, который ещё вчера казался таким прочным и незыблемым.

Незадолго до того, как покинуть Тобольск (6/19 марта 1918 г.), он вновь писал Матери:

> «Дорогая Мама, Семья чувствует себя хорошо. Они занимаются тем, что пилят дрова во дворе. Она (Государыня. – *Ю. Ж.*) выходит очень мало, так как не выносит холода. У маленького Алексея время от времени болит нога. Это наступает и проходит. Он очень мил, но, по-моему, честолюбив и властен как его Мать.
>
> Семья очень сплочённая и дружная. Досаждает солдатский комитет. То приказали разрушить горку, сделанную для нас во дворе. То запрещают ходить в церковь. Еда сведена к минимуму. Ни кофе, ни масла. Полфунта сахара в месяц. На завтрак суп и одно блюдо. На обед два блюда (без супа).
>
> *Твой Валя».* [67]

22 апреля в Тобольск с отрядом уфимских красногвардейцев прибыл Чрезвычайный Комиссар ВЦИК В. В. Яковлев, который имел при себе мандат за подписью В. И. Ленина и Ф. Э. Дзержинского, предоставляющий право вывоза Царской Семьи только в ему одному известное место. А так как Наследник Цесаревич был в это время болен (пытаясь съехать с лестницы, он накануне сильно ушиб ногу), то В. В. Яковлев решил взять с собою только Государя, Государыню и Великую Княжну Марию Николаевну, которых должны были сопровождать некоторые из слуг, в числе коих был, конечно же, и верный «Валя».

Согласившись сопровождать своего Государя из Тобольска в неизвестность, [68]Князь В. А. Долгоруков решил взять с собой «для надёжности» в дорогу коробку с оружием – двумя дуэльными пистолетами. [69]Впоследствии именно эти старинные пистолеты (кстати говоря, переданные потом С. Е. Чуцкаевым [70]в музей Уральского Общества Любителей Естествознания) и наличие принадлежавшей Царской Семье крупной суммы денег в 80 тысяч рублей [71]послужат формальной причиной для его ареста и заточения в тюрьму. А пока каким-либо уговорам и предостережениям, что эти деньги и пусть даже старинное оружие могут быть поняты большевиками не иначе как «вещественными доказательствами существующего монархического заговора», он не внял.

По прибытии в Екатеринбург 30 (17) апреля 1918 года и доставке Царской Семьи и прибывших вместе с ней слуг к дому Ипатьева, Князю В. А. Долгорукову объявили, что он будет помещён в тюрьму.

Спустя годы, на проходившем 1 февраля 1934 года «Совещании Старых Большевиков по вопросу пребывания Романовых на Урале», присутствующий на нём бывший Уральский Областной Комиссар жилищ А. Н. Жилинский довольно живо описал эту сцену:

> «Подходит вторая машина, в которой Боткин и князь… Первый выходит князь и хочет, чтобы его обыскали. Филипп [72]говорит: “Вы отойдите налево”. – Почему? “Вы поедете в другое караульное помещение”. – В какое? “В тюрьму” – прямо режет Филипп». [73]

Немногим более подробно описывает причины ареста Князя В. А. Долгорукова бывший член Исполкома Уральского Областного Совета П. М. Быков в своей книге «Последние дни Романовых»:

«Приехавшего с Романовыми Долгорукова, ввиду подозрительного его поведения, решено было арестовать и заключить в тюрьму. Произведённым у него обыском обнаружена была значительная сумма денег, главным образом мелочью, 2 карты Сибири с обозначением водных путей и какими-то специальными пометками. [74]Сбивчивые показания Долгорукова не оставляли сомнения в том, что у него была определённая цель организовать побег Романовых из Тобольска». [75]

В настоящее время в Государственном архиве Российской Федерации и Российском государственном архиве современной политической истории хранятся некоторые документы, проливающие свет на дальнейшую судьбу Князя В. А.

Долгорукова.

Первый из них – Постановление от 30 апреля 1918 года за подписью Председателя Президиума Исполкома Уральского Областного Совета А. Г. Белобородова, в котором дословно говорится следующее:

> « *30 апреля.*
>
> 1918 года апреля 30 дня я, Председатель Уральского Обл. [астного] Исп. [олнительного] К-[омите]та Сов. [ета] Раб. [очих], Кр. [естьянских] и Солд. [атских] Депутатов, ПОСТАНОВИЛ:
>
> В целях охраны Общественной безопасности арестовать Василия Александровича ДОЛГОРУКОВА (бывш. князя), сопровождавшего бывшего царя из Тобольска.
>
> Копию настоящего удостоверения препроводить комиссару Юстиции г. Екатеринбурга, настоящее постановление препроводить в место заключения, где объявить его под расписку гр. Долгорукову.
>
> Председатель Уральского Областного Исполнительного Комитета. [76]

Будучи помещённым в тюрьму, Князь В. А. Долгоруков сразу же выразил свой протест по поводу имевшего места произвола местных властей. А так как в предъявленном ему постановлении об его аресте стояла лишь занимаемая лицом должность без какой-либо подписи, Князь В. А. Долгоруков был вынужден написать своё прошение на имя абстрактного «Облсовета»:

> «Председателю Областного Совета.
>
> Сего числа, прибыв в Екатеринбург, меня арестовали и посадили в тюрьму № 2.
>
> Ввиду того, что мне не предъявили никакого обвинения, я прошу меня освободить и дать возможность поехать к больной матери в Петроград.
>
> *Василий Долгоруковтюрьма № 2».* [77]

Сейчас мы не можем доподлинно сказать, что послужило причиной столь запоздалого уведомления Князя о мотивах его ареста: царившая на местах волокита в любом её проявлении или же просто желание властей пощекотать нервы «бывшему сатрапу»… Так это было или же нет, но только то самое злосчастное Постановление Президиума Исполкома Уральского Облсовета от 30 апреля 1918 года было предъявлено Князю В. А.

Долгорукову лишь 3 мая. Иначе бы он знал, по какой такой причине он был арестован и изолирован от общества.

У заключённого в тюрьму «верного Вали», как у лица, содержащегося под арестом, были изъяты личные вещи в виде «чемодана жёлто-коричневого», «сундука плоского с платьем и бельём» и шляпной картонки, которую лицо, составлявшее опись изъятого, назвал… «круглым ящиком со шляпами».

В этот же день Князь В. А. Долгорукий написал письмо в Петроград своему отчиму П. К. Бенкендорфу:

> « *Вторник 30 апреля.*
> Дорогой мой Павел!
> Сегодня приехал в Екатеринбург, после ужасной утомительной дороги в тарантайке 270 вер [ст]. Ехали 2 дня, и я очень разбит. Нас очень торопили, не знаю почему. Но это ещё ничего. Приехав сюда, меня без всякого допроса и обвинения арестовали и посадили в тюрьму. Сижу, и не знаю, за что арестовали. Я написал заявление в Областной Совет, прося меня освободить и разрешить выехать к больной маме в Петроград. Всею душой надеюсь скоро вас повидать и обнять. Бедную маму не пугай моим арестом, она стара и надо её беречь. Скажи ей только, что Бог даст, я её скоро увижу.
> Душевно Вас обнимаю. Христос Воскресе.
>
> *В. Д.».* [78]

3 мая 1918 года в ответ на присланную в Екатеринбург телеграмму Председателя ВЦИК Я. М. Свердлова, предлагавшего *«…содержать Николая самым строгим порядком»*, [79]полетела ответная, в которой А. Г. Белобородов докладывал о произведённых арестах, а также откровенно врал, донося наверх о несуществующем заговоре:

> «(…) Князь Долгоруков и епископ Гермоген нами арестованы, никаких заявлений и жалоб ихних ходатаев не удовлетворяйте. Из изъятых у Долгорукова бумаг видно, что существовал план бегства». [80]

По прошествии нескольких дней, «гражданину В. А. Долгорукову» всё же было предъявлено обвинение в подготовке побега Царской Семьи из Тобольска, а также в незаконном хранении оружия. Однако, если бы дело обстояло именно таким образом, то зачем в С. Е. Чуцкаеву понадобилось выдавать «гражданину Долгорукову» расписку в том, что у него были

изъяты «два револьвера»? И неужели же властители «Красного Урала» всегда были столь любезны, что, изымая у явных с их точки зрения контрреволюционеров оружие, выдавали им взамен расписки?

Находясь в заточении, Князь В. А. Долгоруков желал как можно скорее воссоединиться с Царской Семьёй, для чего через начальника тюрьмы передавал свои просьбы на имя А. Г. Белобородова. Так 4 мая 1918 года он писал:

> «Господин Председатель!
>
> (…) 30 апреля я был препровождён в тюрьму без всяких объяснений. 3 мая за Вашей подписью получил уведомление, что арестован на основании общественной безопасности. Из этого я не могу понять свою вину. Но (Ну. – *Ю. Ж.*) допустим, что мною (меня. – *Ю. Ж.*) опасаются, хотя я даже в прежние времена был далёк от политики. Я человек больной, у меня наступила почечная колика, страдаю ужасно, весь организм расшатан. Не найдёте ли Вы возможным перевести меня в дом на Верх-Вознесенской ул. [ице] (Вознесенском проспекте. – *Ю. Ж.*), где я мог бы пользоваться советами доктора Боткина и вместе с тем был бы под наблюдением охраны. Был бы чрезвычайно Вам признателен. Во имя человеколюбия не откажите это исполнить. Когда поправлюсь, буду проситься поехать к больной матери.
>
> *С совершенным почтением граж. [данин] В. Долгоруков. 4 мая».* [81]

Следует также отметить, что заточение Князя В. А. Долгорукова в тюрьму произошло не только по инициативе уральских властителей. Ещё в то время, когда Царская Семья и Их верные слуги находились в Тобольске, верховные большевистские вожди уже заранее знали о том, какая участь будет в дальнейшем уготована каждому из них.

Так в Протоколе № 3 заседания Президиума ВЦИК от 1 апреля 1918 года предписывалось:

> «Усилить надзор над арестованными, а граждан Долгорукова, Татищева и Гендрикова (правильно, А. В. Гендрикову. – *Ю. Ж.*) считать арестованными и, впредь до особого распоряжения, предложить учителю английского языка (С. И. Гиббсу. – *Ю. Ж.*) или жить вместе с арестованными, или же прекратить сношения с

ними». [82]

А, кроме того, этим же постановлением предусматривалось *«…в случае возможности немедленно перевести всех арестованных в Москву»*.

Но не прошло и недели, как Президиум ВЦИК изменяет прежнее решение и в своём очередном постановлении от 6 апреля вновь возвращается к этому вопросу, резюмируя:

> «В дополнение к ранее принятому постановлению поручить т. Свердлову снестись по прямому проводу с Екатеринбургом и Омском о назначении подкрепления отряду, охранявшему Николая Романова, и о переводе всех арестованных на Урал. Сообщить СНК о настоящем постановлении и просить о срочном исполнении…» [83]

Из всего этого следует, что вождями «Красного Урала», бывшими также в курсе этого постановления, заранее была предопределена участь каждого лица из окружения Царской Семьи. Обвинение же князя В. А. Долгорукова в какой-либо подготовке побега целиком и полностью было вымышленным и абсолютно беспочвенным.

Будучи оторванным от Царской Семьи, Князь В. А. Долгоруков неоднократно обращался и к Вице-Консулу Великобритании Томасу Гильдебранту Престону, дипломатическая приёмная которого ещё продолжала свою работу в Екатеринбурге в описываемое время, наряду с прочими международными дипломатическими и иными структурами других стран. Так вот, этот самый Т. Г. Престон по прошествии многих лет – 22 января 1960 года – дал под присягой следующие показания:

> «… Долгоруков, который приехал вместе с первой группой узников в апреле, был тотчас брошен в тюрьму, а затем расстрелян. Я получил от него несколько посланий, написанных карандашом, в которых он умолял меня вступиться за Императорскую семью. Чтобы не компрометировать его, я ему ни разу не ответил, но он, по-видимому, знал, что я ежедневно делал представления Уральскому Совету, чтобы помочь Царю и его семье». [84]

Надо отметить, что даже будучи приведён к присяге, Т. Г. Престон, мягко говоря, лукавил. Ибо в том положении, в каком находился тогда Князь В. А. Долгоруков, скомпрометировать его

ещё более было просто невозможно… Да и откуда он мог «по-видимому, знать» об этих, так называемых, «представлениях»? Посему возникает мысль, что таковых, попросту, не было. А если всё же они и были, то только преподнесённые в устной форме, а слова, как известно, к делу не подошьёшь! Ибо, как в таком случае объяснить тот факт, что эти самые «представления» не были предъявлены центральной власти в качестве очередных вещественных доказательств «мирового контрреволюционного заговора, непосредственно указывающего на связи Царской Семьи с представителями Антанты»?

В свою очередь, Государь и Государыня, волнуясь за судьбу своего любимца, изливали тревожные мысли в скупых дневниковых строчках:

> « *20 Апреля* [85] . *Пяток Великий.*
>
> (…) По неясным намекам нас окружающих можно понять, что бедный Валя [Долгоруков] не на свободе и что над ним будет произведено следствие, после которого он будет освобождён! И никакой возможности войти с ним в какое-либо сношение, как Боткин ни старался». [86]
>
> *«25 (8[Мая]). Апрель. Среда.*
>
> (…) Нам никак не удаётся узнать что-либо о Вале [Долгорукове]». [87]
>
> О том, как протекали похожие друг на друга дни содержания под стражей ближайшего сподвижника Государя, почти ничего не известно. Однако кое-какой свет всё же проливают на это воспоминания бывшего Министра-Председателя Временного Правительства Князя Г. Е. Львова (о том, как Князь В. А. Долгоруков работал на тюремном огороде [88]), а также выдержка из протокола его допроса. [89]

В своих воспоминаниях, написанных в конце 50-х годов минувшего столетия, бывший сотрудник Уральской Областной Чрезвычайной Комиссии (УОЧК) А. Г. Кабанов также не обошёл своим вниманием персону Князя В. А. Долгорукова:

> «(…) Свиту бывшего царя в составе князей: Львова, Голицина, Долгорукова и графа Татищева и двух поваров – поместили в дом предварительного заключения, начальником которого назначили моего старшего брата Михаила, а комиссаром – моего младшего брата, тоже

Михаила.

Львова, Голицина и Татищева поместили в большую комнату, каждому предоставили хорошие кровати с мягкими матрацами, с новым постельным бельём, новые шерстяные одеяла, а Долгоруков по настоятельной просьбе Голицина, Львова, Татищева был помещён в одиночную камеру. При этом, обращаясь к моему брату Михаилу-старшему, указывая пальцем на Долгорукова, Татищев сказал:

– Уберите от нас этого дурака, мы с ним в одной комнате находиться не можем.

Жена брата Михаила – деревенская неграмотная женщина – готовила для свиты царя пищу. Я часто приходил к брату и обедал с княжеской кухни. Однажды Долгоруков попросил со мной свидания. Когда я зашёл к нему в камеру, он попросил меня поискать его чемодан с бельём, который, по его словам, пропал во время дороги.

При этом Долгоруков сказал:

– Я единственный остался потомок Рюриковых. (Рюриковичей. – *Ю. Ж.*).

Когда он сказал эти слова, я невольно подумал, что он рассуждает так: дом Романовых обанкротился, управлять страной некому, а его, как потомка Рюриковых, обязательно посадят на российский престол. Вероятно, за такие его рассуждения остальные члены царской свиты считали его дураком, и с ним находиться вместе не желали». [90]

Ознакомившись с этим отрывком, нетрудно заметить, что в нём, наряду с истиной, имеются некоторые несоответствия, допущенные А. Г. Кабановым по прошествии лет. А ещё он интересен хотя бы тем, что даже по прошествии почти сорока лет этот палач-недоучка с незаконченным низшим образованием выставляет себя в роли «политически грамотного пролетария», а образованнейшего Князя из рода Рюриковичей – эдаким дураком!

Так вот, обращаясь к приведённому отрывку из воспоминаний А. Г. Кабанова, следует сразу же отметить, что Князь Г. Е. Львов, а также арестованные вместе с ним тюменские земские деятели: Князь А. В. Голицын и Н. С. Лопухин – никогда не состояли в Свите Государя. А будучи арестованным, Князь Г. Е. Львов, по его словам, первое время содержался в так называемой «уголовной», а затем и в «земской» тюрьме, [91]где он впервые встретился с Князем В. А. Долгоруковым.

И именно в этой, «земской» тюрьме (Тюрьме № 2) заправляли

упоминаемые ранее братья Кабановы. Михаил-старший – как начальник, а Михаил-младший – как комиссар.

10 (23) мая 1918 года в Екатеринбург были доставлены Августейшие Дети и пожелавшие сопровождать их верные слуги. Почти сразу же от группы прибывших были отделены Граф И. Л. Татищев, Графиня А. В. Гендрикова, Е. А. Шнейдер и А. А. Волков, которых также поместили в Тюрьму № 2. На следующий день к ним в камеру был помещён и Т. И. Чемадуров. И не просто в тюремную камеру попали они, а в камеру её особого, так называемого «Секретного отделения», из которого при большевиках, как правило, не выходили на волю…

Отсюда можно сделать однозначный вывод, что все упомянутые здесь лица (за исключением женщин) некоторое время содержались в одной камере этого самого отделения.

По прошествии лет чудом избежавший смерти А. А. Волков написал воспоминания, в которых также уделил несколько слов пребыванию Князя В. А. Долгорукова в тюрьме:

> «В тюрьме, помимо смотрителя, находился ещё и комиссар, который разрешил нам с Татищевым приобретать за наш счёт продовольствие. Мы отказались. У меня не было денег, а у Татищева хотя и были деньги, но таковые принадлежали царской семье. В своё время была получена поддержка для царской семьи. Сумму, оставшуюся неизрасходованной, генерал Татищев и князь Долгоруков, чтобы удобнее было уберечь при обысках, возможных в условиях нашего существования, а также от похищения, разделили на равные части и таким образом сохраняли». [92]

Своё последнее обращение в Уральский Совдеп Князь В. А. Долгоруков, сильно страдающий от почечных колик, написал 18 мая 1918b года:

> «В Областной Совет.
>
> Ввиду моего болезненного состояния, покорно прошу перевести меня из тюрьмы № 2 в дом Ипатьева, что на Вознесенском проспекте, дабы я мог пользоваться лечением у доктора Боткина наравне с другими.
>
> *Гражд. [анин] Долгоруков».* [93]

Ответом, как и прежде, было молчание.

О трагическом конце жизненного пути Князя В. А. Долгорукова многие годы было известно лишь из книги

воспоминаний Пьера Жильяра «Император Николай II и Его Семья», в которой тот сообщал:

> «Несколько дней после взятия Екатеринбурга, во время приведения в порядок города и погребения убитых, неподалёку от тюрьмы подняли два трупа. На одном из них нашли расписку в получении 80.000 рублей на имя гражданина Долгорукова и, по описанию свидетелей, очень вероятно, что это было тело князя Долгорукова. Что касается другого, есть все основания думать, что оно было телом генерала Татищева». [94]

И, наверное, об обстоятельствах трагической гибели ближайшего друга Государя так и не было бы ничего известно, если бы не одно обстоятельство.

Работая над книгой «Колун революции», посвящённой жизненному пути бывшего чекиста М. А. Медведева (Кудрина), я обратился к его сыну – историку-архивисту М. М. Медведеву – с просьбой предоставить мне возможность ознакомиться с личным архивом его покойного отца. Моя просьба была воспринята весьма благосклонно, и через довольно короткое время я, что называется, взахлёб знакомился с интереснейшими документами и фотографиями, любезно подобранными супругой Михаила Михайловича – Ниной Трофимовной.

И вот, среди этого обилия всевозможных документальных материалов обнаружилась небольшая рукопись, датированная 18 декабря 1957 года и написанная рукой М. М. Медведева. (В этот день в квартире М. А. Медведева (Кудрина) собрались его старые боевые товарищи по «революционной борьбе на Урале»: бывшие чекисты Григорий Никулин, Исай Родзинский, а также одна из основательниц Социалистического Союза Рабочей Молодёжи Урала, бывшая партийная функционерка Римма Юровская, к тому времени только недавно освободившаяся из сталинских лагерей, отбыв там почти 20-летний срок.) Собравшиеся в гостеприимном доме не без гордости вспоминали минувшие дни, а М. М. Медведев, памятуя важность их рассказов с точки зрения советской историографической науки, записывал за ними всё услышанное.

Таким образом, на свет появился бесценный исторический документ, вобравший в себя краткие воспоминания этих трёх человек. И случилось же такое, что Г. П. Никулин решил поведать присутствующим о том, как он и его дружок Валька Сахаров (кстати, впоследствии расстрелянный своими же товарищами за самоуправство и грабежи) убивали Князя В. А. Долгорукова и Графа И. Л. Татищева.

И хотя текст этого отрывка весьма краток, он, тем не менее, приоткрывает завесу тайны над последними минутами жизни этих замечательных сынов своего Отечества. К тому же из него стало доподлинно известно имя человека, отдавшего приказ на физическое устранение упомянутых лиц, коим оказался И. о. Председателя Екатеринбургской ЧК Николай Александрович Бобылёв

Итак, предоставим слово непосредственно самому убийце:

> «Когда в мае 1918 года царя Николая II привезли в Екатеринбург, из его свиты были арестованы гофмейстер Татищев и князь Василий Долгоруков. Вызывает меня с Валькой Сахаровым председатель Екатеринбургской ЧК Николай Бобылёв и говорит нам, улыбаясь (улыбка у него была очень уж симпатичная, и он всегда улыбался): “Берите вы из арестного дома Татищева и Долгорукова и вот вам задание – отвезти их в ссылку. На лошадях довезёте до разъезда и посадите их в поезд”.
>
> Мы стоим и хлопаем глазами, ничего не понимаем: в какую ссылку? А Бобылёв всё улыбается, потом после разговора наклоняется к нам и шепчет: “Вывезите за город и там… обоих!”
>
> Взяли мы извозчиков из ЧК, Валька Сахаров сел в повозку с Татищевым, я – с князем Долгоруковым. Взяли все их чемоданы и говорим: “Повезём вас в ссылку, на разъезде сядете в поезд”. Едем. Тёплая майская ночь, полная луна – довольно светло. Выехали на окраину Екатеринбурга, кругом какие-то лачуги. Телеграфные столбы стоят, почему-то посредине дороги, и случилось тут, что задел кучер оглоблей или гужом за столб, и лошадь распряглась. Валька, едущий передо мной, ускакал, а я кричать ему не решился – ещё разбудишь кого, хотя в ту ночь [хоть] из пушек пали – всё одно, ни одна душа из домов бы не появилась. Стоим посреди дороги. Ни души. Кучер не может понять, что же порвалось в упряжи. Что же делать, думаю я? Говорю князю Долгорукову: “Придется идти пешком. Тут недалеко…” Он охотно соглашается, беру его чемодан, идём…
>
> Дошли до леса. На счастье вижу тропинку, и между деревьями огонёк мерцает: “Вон и разъезд виден”, – говорю Долгорукову. Дорогой он все порывался нести свой чемодан, тут уже я с удовольствием вручил ему ношу и иду за князем. Вошли в лес. Ну, думаю, пора

действовать! Отступил на шаг, стреляю ему в затылок и обомлел: никогда я не видел, чтобы так падал расстрелянный человек – свалился как куль с сеном, мгновенно без крика, без стона. Лежит на земле, а я думаю: вот, подойду к нему, а он жив – схватит меня за ноги и пойдёт борьба. Осторожно подошёл к нему и издали беру его руку – она как плеть. Кажется, мёртв. А теперь что с ним делать? Оставить князя на тропинке нельзя, закопать его – нечем! Вышел обратно на дорогу – как раз едет Валька обратно в коляске: увидел меня (я руку поднял) – стрелять хотел.

– Стой, кричу, – не стреляй! Вот у меня дело какое: что делать с князем?

– Да, тебе повезло! Мой Татищев мне всю коляску кровью запачкал. Я его сперва-то не убил, ранил только, так он боролся со мной в коляске, еле прикончил его.

Пошли мы в лес, раздели князя догола – и правильно сделали, когда рассмотрели одежду в городе, оказалось, что всё бельё имеет метки с вензелем – инициалами. Труп бросили в лесу. Но начальник тюрьмы (потом он бежал к белым) как-то вскоре мне говорит: “А помните князя Долгорукова? Его в лесу убитым нашли: это не ваша работа?” Как-то всё-таки узнали об этом». [95]

Точная дата смерти Князя В. А. Долгорукова неизвестна. Однако большинство исследователей, ссылаясь на книгу М. К. Дитерихса (в которой эти сведения почерпнуты из свидетельства И. Толстоухова [96]), считают таковым день 10 июля 1918 года.

Но как в таком случае быть с показаниями А. А. Волкова, сообщившего следователю Н. А. Соколову совершенно другую дату: *«25–26 мая по старому стилю»*? [97]

Давайте попробуем разобраться.

В опубликованной в 1987 году издательством «Посев» книге «Гибель Царской Семьи» приводится свидетельство бывшего заключённого Тюрьмы № 2 Поручика И. Толстоухова, который и сообщает упомянутую дату (10 июля 1918 года). И, вероятнее всего, что нового стиля. Посему с большой долей вероятности можно предположить, что это либо типографская опечатка, либо ошибка, возникшая в ходе работы над этим изданием, либо описка самого И. Толстоухова. А так как с конца июня – начала июля 1918 года Уральскую Обл. ЧК возглавлял Ф. Н. Лукоянов, а не упоминаемый Г. П. Никулиным Н. А. Бобылёв, можно сделать соответствующий вывод.

Теперь далее.

Называемый А. А. Волковым день 25 мая по старому стилю приходится на 7 июня по новому, а день 26, соответственно, на 8 июля нового стиля. И если рассуждения автора верны, то в таком случае И. Толстоухов узнаёт о смерти Князя В. А. Долгорукова и Графа Татищева не 11 июля, а 11 июня! А это, согласись, читатель, уже ближе к истине. И, значит, смерть обоих вельмож наступила где-то между 7-м и 10-м числами июня 1918 года…

А теперь попробуем прояснить ещё одно, весьма важное, обстоятельство.

Рассказывая об убийстве Князя В. А. Долгорукова, Г. П. Никулин утверждал, что они вместе с В. А. Сахаровым раздели трупы догола. И сделали это, дескать, правильно, поскольку на снятом белье имелись «метки-инициалы» их владельцев. Допустим, что это так. Но куда в таком случае они дели окровавленные одежды? (По крайней мере, Графа И. Л. Татищева, который *«всю коляску кровью запачкал»*?) Неужели тоже притащили в город? Как видит читатель, в это верится с трудом…

И вот почему.

В мае 1964 года Г. П. Никулин в помещении Государственного Комитета Совета Министров СССР по радиовещанию и телевидению записывал на магнитофонную плёнку свои воспоминания об участии в убийстве Царской Семьи. Однако, как это водится, по ходу основной темы своего рассказа он делал некоторые отступления, останавливаясь на том или ином эпизоде своей чекистской деятельности. Так вот, непосредственно об убийстве Князя В. А. Долгорукова им было сказано следующее:

> «Вот я помню [что] надо было когда расстреливать Долгорукова, так было задание: “Заройте”!
>
> А где там зарывать… Там штык… Лопатой на штык возьмёшь, понимаете, – уже камни… Никак нельзя [было] вырыть, понимаете, могилу.
>
> Что делать? Раздеть, понимаете, изуродовать морду, понимаете, и бросить там. Потом позвонить в милицию, в уголовный розыск [и сообщить], что там-то и там вот такой[-то] труп обнаружен: “Уберите!”» [98]

Как ясно из рассказа Г. П. Никулина, трупы Князя В. А. Долгорукова и Графа Татищева так и не были зарыты. Равно как и то, что об их месте нахождения не было сообщено в уголовный розыск. И, вероятнее всего, упомянутые чекисты просто бросили тела убитых ими людей, что называется, на произвол судьбы, даже не осмотрев содержимое их карманов…

Из этого следует, что тела эти оставались в верхних одеждах.

Ибо как тогда понимать обнаружение на одном из них расписок в получении денег и изъятии оружия, а на втором – принадлежавшего ему английского пальто?

Поэтому не вызывает особых сомнений, что найденные недалеко от Ивановского кладбища, подвергнутые тлену тела принадлежали именно Князю В. А. Долгорукову и Графу Татищеву.

А вот кем, когда и где они были захоронены, до сих пор остаётся загадкой…

Однако с немалой долей вероятности можно предположить, что где-нибудь в общей могиле пленными красноармейцами, занятыми на уборке города от следов «большевистского наследия».

Впрочем, как бы там ни было в действительности, сейчас уже не играет особой роли, как те или иные тела были преданы земле. Ясно другое.

Для Князя В. А. Долгорукого, один раз присягнувшего на верность Государю и Отечеству, слова Воинской Присяги: *«Обещаюсь и клянусь Всемогущим Богом пред Святым Его Евангелием в том, что хочу и должен Его Императорскому Величеству, Великому Государю Николаю Александровичу верно и нелицемерно служить (…) и во всём споспешествовать, что Его Императорского Величества верной службе касаться может…»*, не были пустыми.

И именно поэтому он – Князь В. А. Долгоруков 1-й из рода Рюриковичей, как Верный Сын Престола и Отечества был готов защищать своего Государя до последний капли крови.

И поэтому отнюдь не случайно решением Священного Архиерейского Собора Русской Православной Церкви Заграницей **Князь Василий Александрович Долгоруков 1-й причислен к лику Святых Новомучеников Российских от власти безбожной пострадавших и наречён именем Святого Мученика Воина Василия (Долгорукова)**.

Чин прославления был совершён в Синодальном Соборе Знамения Божьей Матери РПЦЗ в Нью-Йорке 19 октября (1 ноября) 1981 года.

Князь В. А. Долгоруков в материалах Следственного Производства 1918–1920 г.г

Документ № 1

«(…) Мне как-то в январе месяце этого года (1918-го. – *Ю. Ж.*)

Кн. В. А. Долгоруков сообщил, что его beau-pere (отчим, фр. – *Ю. Ж.*), обер-гофмаршал граф Бенкендорф намерен был ходатайствовать через нейтральные государства о разрешении б[ывшему] Государю и его семье выезда из пределов России в Японию». [99]

Документ № 2

«(…) С момента удаления ген. Татищева и личной прислуги Государя условия жизни Августейшей семьи мне уже неизвестны. Генерал-адъютант И. Л. Татищев 10-го июля, по особой бумаге за подписью Белобородова и Дидковского, должен был в 24 часа оставить пределы Уральской области. По полученным на другой день слухам через надзирателей генералы И. Л. Татищев и князь Долгорукий (Так! – *Ю. Ж.*) были найдены за Ивановским кладбищем убитыми. Точно смерть или, вернее, убийство того и другого установить не удалось. Только лишь найденные на одном из трупов расписка на имя гражд. Долгорукого в отобрании от него Дидковским 79 тысяч рублей денег и расписка Чуцкаева в отобрании двух револьверов дают право, наверное, предполагать, что убитые именно были генералы И. Л. Татищев и кн. Долгорукий». [100]

Документ № 3

«(…) Долгорукий имел 40–42 года. Высокий, средней полноты, шатен, на голове носил пробор, бороду брил, усы у него были небольшие. У него на голове была небольшая лысина. Глаза серые, нос небольшой, прямой. Носил он военную форму». [101]

Документ № 4

«(…) Государь вернулся с прогулки. Она пошла к Нему навстречу и сказала Ему: “Я поеду с Тобой. Тебя не пущу одного”. Государь ответил Ей: “Воля Твоя”. Они стали говорить по-английски, и я ушёл. Я сошёл вниз к Долгорукову. Через полчаса, приблизительно, мы поднялись наверх, и Долгоруков спросил Государя, кто с ним поедет, Татищев или он. Государь обратился к Государыне: “Как ты думаешь?” Она выбрала Долгорукова». [102]

Документ № 5

«(…) Опять мы поехали к тому самому дому, обнесённому

забором, про который я уже говорил. Командовал здесь всем делом Голощёкин. Когда мы подъехали к дому, Голощёкин сказал Государю: “Гражданин Романовы, можете войти”. Государь прошёл в дом. Таким же порядком Голощёкин пропустил в дом Государыню и Княжну и сколько-то человек прислуги, среди которых, как мне помнится, была одна женщина. В числе прибывших был один генерал (Князь В. А. Долгоруков. – *Ю. Ж.*). Голощёкин спросил его имя, и, когда тот себя назвал, он объявил ему, что он будет отправлен в тюрьму. Я не помню, как назвал себя генерал. Тут же, в автомобиле Полузадова, он и был отправлен». [103]

Документ № 6

«(…) В апреле месяце, когда я уже сидел в Земской тюрьме, разнёсся по тюрьме слух, что в тюрьму доставлен Великий Князь. Называли имя Михаила Александровича. Это был в действительности князь Долгоруков, состоявший при Царской Семье. Я видел сам в окно, когда он шёл в тюрьму. Числа его заключения я не помню, а было это часов в 12 дня. (…)

Я встречался с ними (Князем В. А. Долгоруковым, И. Д. Седневым и К. Г. Нагорным. – *Ю. Ж.*) постоянно в тюрьме во время прогулок, во время работ в огороде. Лично от них у меня осталось такое впечатление. Долгоруков – человек, видимо, недалёкий от природы; был сильно потрясён всем случившимся с ним; Царской Семье предан. (…)

Князь Долгоруков, сидя в тюрьме, сильно убивался по поводу отобрания у него комиссаром нашей тюрьмы царских денег в сумме 78 или 87 тысяч рублей. В отобрании у него этих сумм ему была выдана комиссаром (кажется, фамилия его была Самохвалов, низенький, рябой, уволенный, как говорили, за кражу каких-то денег) безграмотная расписка. Долгоруков писал, как я знаю, Полякову, хотел писать даже Царю. Ничего, конечно, из его писаний не выходило. Как мы себе представляли в тюрьме, была возможность добиться какого-нибудь улучшения положения Царской Семьи у консула Великобритании г. Престона. Получая от жены Голицина газеты, мы возвращали ей эти газеты, ставя над известными буквами точки, так что в результате можно было прочесть, что мы хотели сказать. Вот об этом мы тогда и хлопотали. Голицина обращалась к Престону, но из этого также ничего не вышло.

После Самохвалова, если только я не ошибаюсь в его наименовании, комиссаром нашей тюрьмы был Кабанов, лет 40, среднего роста и питания, черноватый, с маленькими усиками,

бритый, лицо красное, разговорчивый.

Я совершенно не могу Вам сказать, существовали ли весной – летом 1918 года где-либо в России и, в частности, в Москве политические организации или группы, конечно, конспиративные, которые бы имели целью свержение власти большевиков и установление монархии и в связи с этим имели бы целью увоз Царя из Тобольска. Что означал увоз Его (Государя. – *Ю. Ж.*) из Тобольска, куда именно Его везли, я совершенно не знаю. Словам Долгорукова ввиду его душевного состояния я, признаться, в то время не придал значения. Также не могу Вам объяснить, почему, если только Царя действительно везли дальше Екатеринбурга, Екатеринбург не пропустил Его. Но в связи с этим обстоятельством я могу сказать следующее. Когда большевики арестовали меня и указанных мною лиц и доставили в Екатеринбург, мы решили требовать, чтобы нас отправили в Москву, рассчитывая, что там мы скорее добьёмся свободы. При первом же допросе меня комиссией я и заявил об этом. Я прекрасно помню ответ мне Голощёкина: «У нас своя республика. Мы Москве не подчиняемся». [104]

Литература о Князе В. А. Долгорукове

1. Ковалевская О. Т. С Царём и за Царя. Мученический венец Царских слуг. М., Издательство «Русскій Хронографъ», 2008.
2. Румянцева Е. Л. Мученические венцы принявшие. (К 90-летию убийства Царских слуг на Урале.) Екатеринбург, Издательский дом «Стягъ», 2008.
3. Чернова О. В. Верные до смерти. СПб., Издательство «Сатисъ», 2007.
4. Чернова О. В. Верные. О тех, кто не предал Царственных Мучеников. М., Издательство «Русскій Хронографъ», 2010.

Глава 3
Почётный Лейб-Медик Евгений Сергеевич Боткин

Примером верного служения Царю и Отечеству стал также и Лейб-Медик Государя Е. С. Боткин – один из сыновей известного в мировой медицине С. П. Боткина, корифея отечественной терапевтической школы.

Евгений Сергеевич Боткин родился 27 мая 1865 года в Царском Селе Санкт-Петербургской губернии. Он был четвёртым ребёнком, рождённым от первого брака его отца, Сергея Петровича, с Анастасией Александровной Крыловой.

Как духовная, так и бытовая атмосфера в этой семье была уникальной. А финансовое благополучие рода Боткиных, заложенное предпринимательской деятельностью деда Петра Кононовича Боткина, – известного в России поставщика чая, – позволяла всем его наследникам вести безбедное существование на проценты от таковой. И, может быть, потому в этом роду и было так много творческих личностей: врачей, художников и литераторов. Наряду с этим, Боткины состояли ещё в родстве и с такими известными деятелями русской культуры, как поэт А. А. Фет и меценат П. М. Третьяков. Сам же Евгений Боткин с раннего детства был страстным поклонником музыки, называя занятия ею «освежающей ванной».

В семье Боткиных вообще много музицировали. Так, Сергей Петрович играл на виолончели под аккомпанемент своей супруги, беря частные уроки у профессора Санкт-Петербургской Консерватории И. И. Зейферта. Таким образом, с самого раннего детства Е. С. Боткин получил основательное музыкальное образование и приобрёл тонкий музыкальный слух.

Кроме занятий музыкой, семья Боткиных жила также и насыщенной общественной жизнью. На ставшие знаменитыми «Боткинские субботы» собирался столичный бомонд: профессора Императорской Военно-Медицинской Академии, писатели и музыканты, коллекционеры и художники, среди которых были такие выдающиеся личности, как И. М. Сеченов, М. Е. Салтыков-Щедрин, А. П. Бородин, В. В. Стасов и др.

Уже с детских лет у Е. С. Боткина стали проявляться такие черты характера, как скромность, доброе отношение к окружающим и неприятие насилия. Так в своей книге «Мой брат» Петр Сергеевич Боткин писал:

«С самого нежного возраста его прекрасная и благородная

натура была полна совершенства. Он никогда не был похож на других детей. Всегда чуткий, из деликатности, внутренне добрый, с необычайной душой, он испытывал ужас от любой схватки или драки. Мы, другие мальчишки, бывало, дрались с неистовством. Он, по обыкновению своему, не участвовал в наших поединках, но когда кулачный бой принимал опасный характер, он, рискуя получить травму, останавливал дерущихся. Он был очень прилежен и смышлён в учёбе». [105]

Начальное домашнее образование позволило Е. С. Боткину в 1878 году поступить прямо в 5-й класс 2-й Санкт-Петербургской классической гимназии, где почти сразу же проявились его блестящие способности в области естественных наук. Поэтому после окончания данного учебного заведения в 1882 году он поступает на Физико-Математический Факультет Императорского Санкт-Петербургского Университета. Однако пример отца-врача и любовь к медицине оказались сильнее, и уже на следующий год (сдав экзамены за первый курс университета) он поступает на младшее отделение открывшегося Приготовительного Курса Императорской Военно-Медицинской Академии.

В 1889 году умирает отец, Сергей Петрович, и почти в это же время Евгений Сергеевич успешно оканчивает ИВМА третьим в выпуске, удостоившись звания *Лекаря с отличием*и именной Пальцевской премии, которую присуждали «третьему по старшинству баллов в своём курсе…».

Свой путь практикующего эскулапа Е. С. Боткин начинает в январе 1890 года с должности Врача-ассистента Мариинской больницы для бедных, а в декабре этого же года его командируют в Германию, где он проходит практику у ведущих врачей и знакомится с обустройством больниц и больничного дела.

По окончанию врачебной практики в мае 1892 года Евгений Сергеевич приступает к работе Врача Императорской Придворной Певческой Капеллы, а с января 1894 года вновь возвращается к работе в Мариинской больнице в качестве сверхштатного Ординатора.

Одновременно с клинической практикой Е. С. Боткин занимается научными изысканиями, основными направлениями которых были работы в области иммунологии, сущности процесса лейкоцитоза, защитных свойств форменных элементов крови и др.

В 1893 году Е. С. Боткин вступает в брак с Ольгой Владимировной Мануйловой, а на следующий год в их семье рождается первенец – сын Дмитрий. (Забегая немного вперёд, уточним, что в семье Евгения Сергеевича было четверо детей: сыновья: Дмитрий (1894–1914), Юрий (1896–1941), Глеб (1900–

1969) и дочь – Татьяна (1899–1986).)

8 мая 1893 года Е. С. Боткин блестяще защищает диссертацию на соискание степени доктора медицины по теме «К вопросу о влиянии альбумоз и пептонов на некоторые функции животного организма», которую он посвящает своему отцу. А его официальным оппонентом на этой защите был наш выдающийся соотечественник и физиолог И. П. Павлов.

В 1895 году Е. С. Боткин вновь командируется в Германию, где на протяжении двух лет повышает свою квалификацию, занимаясь практикой в медицинских учреждениях Хайдельберга и Берлина, а также посещает лекции немецких профессоров Г. Мунка, Б. Френкеля, П. Эрнста и др.

В мае 1897 года Е. С. Боткин избирается Приват-доцентом ИВМА.

18 октября 1897 года он читает студентам свою вступительную лекцию, которая весьма примечательна тем, что очень наглядно показывает его отношение к больным:

> «Раз приобретённое вами доверие больных переходит в искреннюю привязанность к вам, когда они убеждаются в вашем неизменно сердечном к ним отношении. Когда вы входите в палату, вас встречает радостное и приветливое настроение – драгоценное и сильное лекарство, которым вы нередко гораздо больше поможете, чем микстурами и порошками. (…) Только сердце для этого нужно, только искреннее сердечное участие к больному человеку. Так не скупитесь же, приучайтесь широкой рукой давать его тому, кому оно нужно. Так пойдём с любовью к больному человеку, чтобы вместе учиться, как ему быть полезным». [106]

С началом Русско-Японской войны 1904–1905 годов Е. С. Боткин уходит добровольцем в Действующую Армию, где становится Заведующим Медицинской частью Российского Общества Красного Креста (РОКК) в Маньчжурской Армии.

Однако, занимая эту достаточно высокую административную должность, он, тем не менее, большую часть времени предпочитает находиться на передовых позициях. Рассказывают, что однажды в один из полевых лазаретов, находившихся в прифронтовой полосе, был доставлен раненый Ротный Фельдшер. Оказав ему первую помощь, Е. С. Боткин взял его медицинскую сумку и вместо него отправился на передовую.

Своё отношение к участию в этой войне Е. С. Боткин довольно подробно описывает в своей книге-дневнике «Свет и тени Русско-Японской войны 1904–5 г.г. (Из писем к жене)»,

некоторые выдержки из которой приводятся далее:

> «Я удручаюсь всё более и более ходом нашей войны, и потому только, что мы столько проигрываем и столько теряем, но едва ли не больше потому, что целая масса наших бед есть только результат отсутствия у людей духовности, чувства долга, что мелкие расчёты становятся выше понятий об Отчизне, выше Бога». (Лаоян, 16-е мая 1904 г., Воскресенье). [107]
>
> «За себя я не боялся: никогда ещё я не ощущал в такой мере силу своей Веры. Я был совершенно убеждён, что как ни велик риск, которому я подвергался, я не буду убит, если Бог того не пожелает, – на то Его святая воля… Я не дразнил судьбу, не стоял около орудий, чтобы не мешать стрелять и чтобы не делать ненужного, но я сознавал, что я нужен, и это сознание делало мне моё положение приятным». (Дашичао, 15-е июня 1904 г.). [108]
>
> «Сейчас прочёл все последние телеграммы о падении Мукдена и об ужасном отступлении нашем к Тельину. Не могу передать тебе своих ощущений… (…) Отчаяние и безнадёжность охватывает душу… Что-то будет теперь у нас в России…
>
> Бедная, бедная родина». (Чита, 1-е марта 1905 г.). [109]

Ратный труд доктора Е. С. Боткина на занимаемом им посту не остался без внимания его непосредственного начальства, и по окончанию войны «За отличие, оказанное в делах против японцев» он был удостоен Орденов Святого Владимира IV-й степени с мечами и бантом и III-й степени с мечами. [110]

Но внешне спокойный, волевой и всегда доброжелательный доктор Е. С. Боткин на самом деле был человеком весьма сентиментальным, на что нам прямо указывает его брат Пётр в уже упоминаемой книге «Мой брат»:

> «….я приехал на могилу к отцу и вдруг на пустынном кладбище услышал рыдания. Подойдя ближе, увидел лежащего на снегу брата (Евгения). “Ах, это ты, Петя, вот пришёл с папой поговорить”, – и снова рыдания. А через час никому во время приёма больных и в голову не могло прийти, что этот спокойный, уверенный в себе и властный человек мог рыдать, как ребёнок». [111]

6 мая 1905 года доктор Е. С. Боткин назначается Почётным Лейб-Медиком Императорской Семьи, о чём он узнает, находясь ещё в Действующей Армии.

Осенью 1905 года он возвращается в Санкт-Петербург и приступает к преподавательской работе в ИВМА, а в 1907 году назначается Главным Врачом Георгиевской Общины Сестёр Милосердия Красного Креста, Медицинскую часть которой с 1870 года возглавлял его покойный отец.

После смерти Лейб-Медика Густава Ивановича Гирша, последовавшей в 1907 году, Царская Семья осталась без одного из таковых, и вакантное место требовало срочного восполнения. Кандидатура же нового придворного врача была названа самой Государыней, которая на вопрос, кого бы она хотела видеть на его месте, ответила: «Боткина». А на вопрос, какого из них именно (в то время в Санкт-Петербурге было два Боткина), сказала: «Того, который воевал». (Хотя родной брат Е. С. Боткина – Сергей Сергеевич – был тоже участником минувшей Русско-Японской войны.)

Таким образом, начиная с 13 апреля 1908 года, Евгений Сергеевич Боткин стал Почётным Лейб-Медиком Государя Императора Николая II Александровича и Его Семьи, в точности повторив карьерный путь своего отца, который был Лейб-Медиком двух предыдущих Императоров: Александра II и Александра III.

Надо сказать, что к тому времени все Медицинские чины (так официально назывались врачи при Высочайшем Дворе), обслуживающие Царскую Семью, состояли в штате Министерства Императорского Двора и Уделов, представляя собой довольно значительную по количественному составу группу лучших титулованных специалистов по многим врачебным специальностям: терапевта, хирурга, окулиста, акушера, педиатра, дантиста и др.

Свою любовь к больным Е. С. Боткин перенёс и на Августейших пациентов, так как в круг его непосредственных обязанностей входило врачебное наблюдение и лечение всех членов Царской Семьи: от неизлечимо больного Наследника Цесаревича до Государя.

Непосредственно сам Государь относился к Е. С. Боткину с нескрываемой симпатией и доверием, терпеливо выдерживая все лечебно-диагностические процедуры.

Но если здоровье Государя было, можно сказать, отменным (если не считать плохой стоматологической наследственности и периодических болей геморроидального характера), то наиболее сложными пациентами для доктора Е. С. Боткина стали

Государыня и Наследник.

Ещё в раннем детстве принцесса Алиса Гессен-Дармштадтская перенесла дифтерию, осложнения после которой с годами сказались в довольно частых приступах ревматизма, периодических болях и отёках в ногах, а также в нарушении сердечной деятельности и аритмии. Кроме того, развитию таковых в немалой степени поспособствовали и пять перенесённых родов, окончательно подорвавших Её и без того слабый организм.

Из-за этих постоянных недугов, извечных страхов за жизнь Своего бесконечно больного Сына и прочих внутренних переживаний, внешне величавая, но, по сути, очень больная и рано состарившаяся Государыня, была вынуждена отказываться от длительных прогулок уже вскоре после его рождения. К тому же, из-за постоянных отёков ног, Ей приходилось носить специальную обувь, над размером которой, порой, подшучивали злые языки. Болям в ногах, зачастую, сопутствовали и постоянные сердцебиения, а сопровождавшие их приступы головной боли на недели лишали Государыню покоя и сна, отчего Она была вынуждена надолго оставаться в постели, а если и выходить на воздух, то не иначе, как в специальной прогулочной коляске.

Но ещё больше хлопот доктору Е. С. Боткину доставлял Наследник Цесаревич Алексей Николаевич, врождённая и смертельная болезнь которого требовала повышенного врачебного внимания. И случалось так, что он дни и ночи напролёт проводил у постели Наследника Цесаревича, оказывая ему не только медицинскую помощь, но и врачуя его не менее важным для любого больного лекарством – человеческим участием к горю больного, отдавая этому несчастному созданию всё тепло своего сердца.

И такое участие не могло не найти взаимный отклик в душе его маленького пациента, который однажды напишет своему любимому доктору: *«Я вас люблю всем своим маленьким сердцем».*

В свою очередь, Евгений Сергеевич также всей душой привязался к Алексею Николаевичу и всем остальным Членам Царской Семьи, не раз говоря своим домочадцам, что: *«Своей добротой Они сделали меня рабом до конца дней моих»*.

Однако отношения Лейб-Медика Е. С. Боткина с Царской Семьёй не всегда были такими уж безоблачными. И причиной тому – его отношение к Г. Е. Распутину, явившееся той самой «чёрной кошкой», которая пробежала между ним и Государыней.

Дело в том, что большинство верноподданных, знавших о Старце Григории лишь со слов людей, никогда с ним не общавшихся, по своему недомыслию всячески муссировали и

раздували о нём самые грязные слухи, начало которым положили личные враги Государыни в лице так называемых «чёрных». [112]

И, как ни странно, в них верили не только люди, далёкие от Высочайшего Двора, но и такие приближенные к нему лица, как и сам Е. С. Боткин. Ибо он, попав под влияние этих слухов и сплетен, распространившихся во вселенском масштабе, искренне уверовал в них, а посему, подобно многим, считал Г. Е. Распутина «злым гением» Царской Семьи.

И как человек исключительной честности, никогда не изменявший своим принципам и никогда не шедший на компромисс, если таковой противоречил его личной убеждённости, Е. С. Боткин как-то отказал даже Государыне в Её просьбе принять у себя на дому Г. Е. Распутина. *«Оказать медицинскую помощь любому – мой долг*, – сказал Евгений Сергеевич. – *Но на дому такого человека не приму»*.

В свою очередь, это заявление не могло не охладить на некоторое время отношения между Государыней и Её любимым Лейб-Медиком. А после одного из кризисов болезни, случившимся у Наследника Цесаревича осенью 1912 года, когда профессора Е. С. Боткин и С. П. Фёдоров, а также Почётный Лейб-Хирург В. Н. Деревенко, признали себя бессильными перед таковой, Государыня стала ещё больше доверять Г. Е. Распутину. Ибо последний, обладая Божьим даром целительства, не ведомым упомянутым светилам, силой молитвы и заговоров сумел вовремя остановить открывшееся у Наследника Цесаревича внутреннее кровотечение, которое с большой долей вероятности могло бы закончиться для него летальным исходом.

Как врач и человек исключительной нравственности, Е. С. Боткин никогда не распространялся «на стороне» о здоровье своих Августейших пациентов. Так, Начальник Канцелярии Министерства Императорского Двора Генерал-Лейтенант А. А. Мосолов в своих воспоминаниях «При Дворе последнего Российского Императора» упоминал о том, что:

> «Боткин был известен своей сдержанностью. Никому из свиты не удалось узнать от него, чем больна Государыня и какому лечению следуют Царица и Наследник. Он был, безусловно, преданный Их Величествам слуга». [113]

Занимая столь высокое положение и будучи весьма близким к Государю человеком, Е. С. Боткин, тем не менее, был весьма далёк от какого-либо «вмешательства в Российскую государственную политику». Однако, как гражданин, он просто не мог не видеть всей пагубности общественных настроений,

которые считал главными причинами поражения в Русско-Японской войне 1904–1905 г.г. Хорошо также понимал он и то, что разжигаемая врагами Престола и Отечества ненависть к Царской Семье и ко всему Дому Романовых выгодна лишь врагам России – той России, которой на протяжении многих лет служили его предки и за которую он воевал на полях сражений.

Пересмотрев впоследствии своё отношение к Г. Е. Распутину, он стал презирать тех людей, которые сочиняли или повторяли разные небылицы о Царской Семье и Её личной жизни. И о таких людях он отзывался следующим образом:

> «Если бы не было Распутина, то противники Царской Семьи и подготовители революции создали бы его своими разговорами из Вырубовой, не будь Вырубовой, из меня, из кого хочешь». [114]

И ещё:

> «Я не понимаю, как люди, считающие себя монархистами и говорящие об обожании Его Величества, могут так легко верить всем распространяемым сплетням, могут сами их распространять, возводя всякие небылицы на Императрицу, и не понимают, что оскорбляя Её, они тем самым оскорбляют Её Августейшего Супруга, которого якобы обожают». [115]

К этому времени не совсем всё удачно складывалось и в личной жизни Евгения Сергеевича.

В 1910 году, оставив детей на его попечение, от него уходит жена, увлекшаяся модными в то время революционными идеями, а вместе с ними и молодым, годившимся ей в сыновья, студентом Рижского Политехнического Института, который был моложе её на целых 20 лет. После ухода супруги Е. С. Боткин остался с тремя младшими детьми: Юрием, Татьяной и Глебом, поскольку его старший сын – Дмитрий – к тому времени уже жил самостоятельно. Внутренне сильно переживая уход жены, Евгений Сергеевич с ещё большей энергией стал отдавать тепло своей души оставшимся на его попечении детям. И, надо сказать, что те – обожавшие своего отца – платили ему полной взаимностью, всегда ожидая его с работы и тревожась всякий раз, когда он задерживался.

С началом Великой войны 1914–1918 годов Е. С. Боткин с присущей ему энергией принял участие в организации госпиталей и лазаретов для раненых воинов, обустраиваемых в Царском Селе.

И свидетельство сему – запись в дневнике Старшего Ординатора Собственного Ея Императорского Величества Государыни Императрицы Александры Фёдоровны Царскосельского лазарета № 3 при Дворцовом госпитале – Княжны В. И. Гедройц от 20 августа 1914 года:

> «(…) Коллегия постановила для нужд военного времени занять хирургическое отделение госпиталя. (…) Более 30 дачевладельцев предложили свои особняки и полное оборудование для лазарета. Другие жертвовали деньгами, и в короткое время при энергии Евгения Сергеевича Боткина, Сергея Николаевича Вильчковского [116]и моей скромной помощи 30 лазаретов в Царском Селе были готовы к принятию раненых…» [117]

Пользуясь несомненным влиянием и авторитетом при Высочайшем Дворе, Е. С. Боткин, тем не менее, никогда не использовал их в личных целях. Так, к примеру, его внутренние убеждения не позволили замолвить словечко, чтобы выхлопотать «тёплое место» даже для своего собственного сына Дмитрия – Хорунжего Лейб-Гвардии Казачьего полка, ушедшего с началом войны на фронт и погибшего 3 декабря 1914 года. (Горечь этой утраты стала незаживающей кровоточащей раной в отцовском сердце, боль от которой сохранялась в нём до самых последних дней его жизни.)

Практически все годы войны Е. С. Боткин находился рядом с Царской Семьёй и лишь всего два раза выезжал в Могилёв, где в то время находилась Ставка Верховного Главкомандующего. Но это было уже после того, как Государь решил лично возглавить войска, сместив с этой должности своего излишне самонадеянного дядю – Великого Князя Николая Николаевича-младшего.

А ещё через несколько лет в России наступили новые времена, обернувшиеся для неё политической катастрофой.

В конце февраля 1917 года началась затеянная кучкой изменников великая смута, которая уже в начале марта привела к отречению Государя от Российского Престола.

Подвергнутые домашнему аресту и содержавшиеся под стражей в Царскосельском Александровском Дворце, Государь и Его Семья оказались заложниками грядущих событий. Ограниченные в свободе и изолированные от внешнего мира, Они пребывали в нём лишь с самыми близкими людьми, в числе которых был и Е. С. Боткин, не пожелавший покинуть Царскую Семью, ставшую ему ещё более родной с началом выпавших на Её долю испытаний. (Лишь на самое короткое время он оставляет

Августейшую Семью, чтобы оказать помощь больной тифом вдове его погибшего сына Дмитрия, а когда её состояние не стало более вызывать у него опасений, Евгений Сергеевич без каких-либо просьб и принуждения возвратился назад к Августейшим Узникам.)

Незадолго до возвращения Государя после отречения в Царское Село, все Его Дети друг за другом стали заболевать корью, разносчиком которой явился один из товарищей по детским играм Наследника Цесаревича. И в этот тяжёлый для Августейшей Семьи момент Евгений Сергеевич вместе с Государыней практически сутками не отходил от постелей больных Детей, а когда Их болезнь пошла на спад, Е. С. Боткин проявил себя в новом качестве, став заниматься с Алексеем Николаевичем чтением русской литературы. И надо сказать, что занятия эти доставляли обоим огромное удовольствие, поскольку доктор сумел увлечь ещё совсем юного подростка красотой лирики М. Ю. Лермонтова, стихи которого Наследник Цесаревич заучивал наизусть…

12 (25) апреля 1917 года Александровский Дворец посещает Министр Юстиции А. Ф. Керенский. В ожидании аудиенции у Государыни, он имел разговор с доктором Е. С. Боткиным, который, ссылаясь на нездоровье всех Членов Царской Семьи, на правах домашнего врача настоятельно рекомендует для своих Августейших Пациентов перемены климата и отправки Их в более спокойное место, ещё не охваченное вихрем революционных событий. А. Ф. Керенский даёт понять, что бояться нечего, и что уже совсем скоро все Романовы будут доставлены в Крым.

Но, как показали дальнейшие события, этого не случилось…

В конце июля 1917 года Министр-Председатель Временного Правительства А. Ф. Керенский объявил Государю и Его Семье, что все Они вместо поездки в Крым будут отправлены в один из сибирских городов.

Верный своему долгу, Е. С. Боткин, ни минуты не колеблясь, принимает решение разделить Их участь и выехать в эту сибирскую ссылку вместе со своими детьми. А на вопрос Государя, на кого он оставит своих самых младших детей Татьяну и Глеба, он ответил, что для него нет ничего выше, чем забота об Их Величествах.

Прибыв в Тобольск, Е. С. Боткин, вместе с частью слуг экс-Императора, пожелавших добровольно отправиться в изгнание, проживал в доме купца-рыбопромышленника И. Н. Корнилова, расположенном почти напротив Губернаторского дома, где была размещена Царская Семья.

В доме Корнилова Е. С. Боткин занимал две комнаты, где он в

соответствии с полученным разрешением мог принимать солдат Сводного Гвардейского Отряда по охране бывшего царя и местное население. И куда 14 сентября 1917 года прибыла его дочь Татьяна, а ещё через несколько дней – и сын Глеб.

Об этих последних в своей жизни днях врачебной практики, об отношении солдат, тобольчан и просто приезжавшего к нему издалека местного населения, Е. С. Боткин написал в последнем письме, адресованному «другу Саше»:

> «Их доверие меня особенно трогало, и меня радовала их уверенность, которая их никогда не обманывала, что я приму их с тем же вниманием и лаской, как всякого другого больного и не только как равного себе, но и в качестве больного, имеющего все права на все мои заботы и услуги». [118]

Жизнь семьи доктора Е. С. Боткина в Тобольске подробно описана в книге воспоминаний его дочери Татьяны «Воспоминания о Царской Семье и Её жизни до и после революции». Так, в частности, она упоминает, что её отец, в отличие от других узников, мог свободно передвигаться по городу, квартира его никогда не подвергалась досмотру, а записаться к нему на приём мог любой, кто пожелает. Но при этом его личная переписка подвергалась цензуре…

Относительно безмятежная жизнь в Тобольске закончилась с прибытием 22 (9) апреля 1918 года Чрезвычайного Комиссара ВЦИК В. В. Яковлева вместе с отрядом сопровождавших его красногвардейцев в 35 человек под командой бывшего уфимского боевика П. В. Гузакова.

Встретившись через день с Государем и Государыней, В. В. Яковлев в присутствии Полковника Е. С. Кобылинского довёл до Их сведения, что согласно распоряжению центральной власти на него возложена миссия по вывозу Государя из города в течение ближайших суток. После чего он будет должен доставить Его в конечный пункт назначения, известный только лишь ему одному.

А вот о том, что происходило накануне этих событий и какой именно разговор об отъезде Августейшей Четы происходил в действительности, до нас донесли воспоминания дочери Е. С. Боткина Татьяны:

> «Однажды, числа 10 апреля прибыл в корниловский дом новый комиссар, назначения которого никто не знал; недоумевали, отчего он приехал, на место ли комиссара Дуцмана [119]или будет теперь два комиссара. Приехавшего звали Яковлев, говорили что он матрос. Он

ходил в матросской блузе, тулупе и папахе. Лицо у него было интеллигентное и скорее симпатичное. На второй день его пребывания мой отец сообщил нам важную новость: Яковлев приехал сюда, чтобы повезти по приказанию Ленина Их Величества на суд в Москву, и вопрос в том, отпустят ли их отряд беспрепятственно. Несмотря на страшное слово “суд”, все приняли это известие скорее с радостью, так как были убеждены, что это вовсе не суд, а просто отъезд за границу. Наверное, сам Яковлев говорил об этом, так как Кобылинский ходил бодрый и весёлый и сам сказал мне, уже после их отъезда:

– Какой там суд, никакого суда не будет, а их прямо из Москвы повезут на Петроград, Финляндию, Швецию и Норвегию.

11 апреля всё утро заседал отрядный комитет в присутствии Яковлева и Кобылинского. Наконец, часов около трёх мой отец пришёл нам сказать, что по распоряжению Яковлева Деревенко также объявляют арестованным вместе с Их Величествами, неизвестно на сколько времени, может быть, только на несколько часов, может быть, дня на два, на три. Взяв только маленький чемоданчик с лекарствами, сменой белья и умывальными принадлежностями, мой отец надел своё чистое дворцовое платье, перекрестил, поцеловал нас, как всегда, и вышел.

Был тёплый весенний день, и я смотрела, как он осторожно на каблуках переходил грязную улицу в своём штатском пальто и фетровой шляпе. Мой отец носил форму: генеральское пальто и погоны с вензелями Государя и в Тобольске всё время, даже с приходом большевиков, когда ходили уже вообще без погон, пока, наконец, отрядный комитет не заявил, что они, собственно говоря, ничего против не имеют, но красногвардейцы несколько раз спрашивали, что тут за генерал ходит, поэтому, во избежание недоразумений, просили моего отца снять погоны. На это он им ответил, что погон не снимет, но если это событие действительно грозит какими-нибудь неприятностями, просто переоденется в штатское.

Мы остались одни, недоумевая, что может обозначать арест. Часов в 7 вечера к нам прибежала Клавдия Михайловна Битнер.

– Я пришла Вам сказать по секрету, что сегодня

ночью увозят Николая Александровича и Александру Фёдоровну, и Ваш отец и Долгоруков едут с ними. Так что, если хотите что-либо папе послать, то Евгений Степанович Кобылинский пришлёт солдата из караула.

Мы от души поблагодарили её за сообщение и принялись укладывать вещи, а вскоре получили прощальное письмо от отца. [120]

Отчасти из письма, отчасти из рассказов Кобылинского и бывшей вместе с графиней Гендриковой её воспитательницы [121]узнали подробности этого дня и ночи. После объявленного ареста Яковлев явился к Их Величеству и в очень вежливой форме сообщил, что он должен увезти всю Царскую Семью и сделает это сегодня ночью. На это ему сказали, что Алексея Николаевича нельзя везти, так как он ещё болен. Яковлев объявил, что в таком случае Его Величеству придётся ехать одному.

– Я не отпущу Его Величество одного, – сказала Императрица, и ей Яковлев разрешил тоже ехать, также и одной из дочерей.

Великие Княжны посоветовались между собой и решили, что Ольга Николаевна слаба здоровьем, Татьяна Николаевна должна остаться для ухода за Алексеем Николаевичем и для ведения хозяйства, Анастасия Николаевна ещё мала.

– Тогда я поеду, – сказала Мария Николаевна с улыбкой, но слёзы блестели в её чудных синих глазах.

Зашёл разговор о свите. Яковлев сказал, что с Его Величеством может поехать или Татищев, или Долгоруков и по одному из мужской и женской прислуги. Решено было, что поедет Долгоруков, а Татищеву Её Величество сказала:

– Я Вам поручаю детей.

Из прислуги попали камердинер Его Величества Чемодуров и горничная Демидова. О докторах не было никаких распоряжений, но ещё в самом начале, услыхав, что Их Величества едут, мой отец объявил, что поедет с Ними.

– А как же Ваши дети? – спросила Её Величество, зная наши отношения и те ужасные беспокойства, которые мой отец переживал всегда в разлуке с нами.

На это мой отец ответил, что на первом месте для него всегда стоят интересы Их Величеств. Её Величество до слёз была этим тронута и особенно сердечно благодарила. (…)

> В эту ночь я решила не ложиться и часто смотрела на ярко освещённые окна губернаторского дома, в которых, казалось мне, появлялась тень моего отца, но я боялась открывать шторы и очень явно наблюдать за происходящим, чтобы не навлечь неудовлетворение охраны. Часа в два ночи пришли солдаты за последними вещами и чемоданом моего отца. (…)
>
> Несколько раз из дому выходил мой отец в заячьем тулупчике князя Долгорукова, так как в его доху закутали Её Величество и Марию Николаевну, у которых не было ничего, кроме лёгких шубок». [122]

Около 5 часов утра 26 апреля 1918 года Венценосные Супруги вместе с Дочерью Марией и пятью верными слугами выехали из Тобольска и в сопровождении охраны направились на подводах в сторону Тюмени. Страдая в пути следования от бесконечной дорожной тряски, холода и почечных колик, Е. С. Боткин просто стоически переносил все эти выпавшие на его долю испытания, и только лишь когда боль стала вовсе нестерпимой, он позволил себе всего полтора часа покоя, отлежавшись во время одной из остановок в селе Борки.

В связи с этим, Государыня напишет в дневнике:

> « *14/27 Апреля. Суббота. Лазарево Воскресение.*
>
> Встали в 4 часа, пересекли реку в 5 [час] пешком по дощатому настилу, а затем – на пароме. (…) В селе Борки пили чай и питались продуктами в хорошеньком крестьянском доме. (…) Снова поменяли коляску. Снова всякого рода происшествия, но меньше чем вчера. Остановились в деревенской школе, пили чай с нашими солдатами. Е. С. [Боткин] слёг из-за ужасных колик в почках. (…)». [123]

27 апреля Августейшие Узники и сопровождающие Их лица добрались до Тюмени, а 30 апреля, после нескольких дней дорожных мытарств и приключений, Их всех доставили в Екатеринбург, где Е. С. Боткин в качестве пленника был помещён под арест в Дом Особого Назначения. [124]

Находясь в доме Ипатьева, Е. С. Боткин, верный врачебному долгу, делал всё для того, чтобы хоть как-то облегчить участь своих Венценосных Пациентов. Содержась вместе с Ними под арестом, он буквально с самых первых дней добровольно возложил на себя роль Их ходатая практически по любому, пусть даже самому незначительному, вопросу, став, таким образом, неким посредником между Царской Семьёй и официальной

властью в лице Коменданта ДОН.

Вспоминая об этом годы спустя, бывший Комендант Дома Особого Назначения Я. М. Юровский писал:

> «Доктор Боткин был верный друг семьи. Во всех случаях по тем или иным нуждам семьи он выступал ходатаем. Он был душой и телом предан семье и переживал вместе с семьёй Романовых тяжесть их жизни». [125]

Почти то же самое, более сорока лет спустя вспоминал и его бывший помощник Г. П. Никулин:

> «Как правило, всегда ходатаем по всем всевозможным, значит, делам был всегда, вот, доктор Боткин. Он, значит, обращался… (…) Боткин обычно приходил [и спрашивал]: – На прогулку можно? [126]

И в этом они оба были абсолютно правы, так как все просьбы арестованных передавались либо непосредственно Комендантам ДОН (А. Д. Авдееву или сменившему его Я. М. Юровскому), либо дежурным членам Уральского Облсовета (таковые назначались в первый месяц пребывания Царской Семьи в ДОН, где несли суточное дежурство).

После прибытия в Екатеринбург и размещения в доме Ипатьева перевезённых из Тобольска Августейших Детей, доктор Е. С. Боткин понимает, что его *«угасающих сил»*для ухода за больным Наследником Цесаревичем явно не хватает. Поэтому уже на следующий день он пишет на имя А. Г. Белобородова записку следующего содержания:

> «В Областной Исполнительный комитет
> Господину Председателю.
>
> Как врач, уже в течение десяти лет наблюдающий за здоровьем семьи Романовых, находящейся в настоящее время в ведении Областного Исполнительного Комитета вообще и в частности Алексея Николаевича, обращаюсь к Вам, г-н Председатель, с следующей усердней-шей просьбой. Алексей Николаевич, лечение которого ведёт доктор Вл. [адимир] Ник. [олаевич] Деревенко, подвержен страданиям суставов под влиянием ушибов, совершенно неизбежных у мальчика его возраста, сопровождающихся выпотеванием в них жидкости и жесточайшими вследствие этого болями. День и ночь в

таких случаях мальчик так невыразимо страдает, что никто из ближайших родных его, не говоря уже о хронически больной сердцем матери его, не жалеющей себя для него, не в силах долго выдерживать ухода за ним. Моих угасающих сил тоже не хватает. Состоящий при нём Клим Григорьев Нагорный после нескольких бессонных и полных мучений ночей сбивается с ног и не в состоянии был бы выдерживать вовсе, если б на смену и помощь ему не являлись преподаватели Алексея Николаевича – г-н Гиббс и, в особенности, воспитатель его г-н Жильяр. Спокойные и уравновешенные, они, сменяя один другого, чтением и переменою впечатлений отвлекают в течение дня больного от его страданий, облегчая ему их и давая тем временем родным его и Нагорному возможность поспать и собраться с силами для смены их в свою очередь. Г-н Жильяр, к которому Алексей Николаевич за семь лет, что он находится при нём неотлучно, особенно привык и привязался, проводит около него во время болезни целые ночи, отпуская измученного Нагорного выспаться. Оба преподавателя, особенно, повторяю, г-н Жильяр, являются для Алексея Николаевича совершенно незаменимыми, и я, как врач, должен признать, что они зачастую приносят более облегчения больному, чем медицинские средства, запас которых для таких случаев, к сожалению, крайне ограничен.

Ввиду всего изложенного, я и решаюсь, в дополнение к просьбе родителей больного, беспокоить Областной Исполнительный Комитет усерднейшим ходатайством допустить г.г. Жильяра и Гиббса к продолжению их самоотверженной службы при Алексее Николаевиче Романове, а ввиду того, что мальчик как раз сейчас находится в одном из острейших приступов своих страданий, особенно тяжело им переносимых вследствие переутомления путешествием, не отказать допустить их – в крайности же – хотя бы одного г. Жильяра – к нему завтра же.

Ев. [гений] БОТКИН». [127]

Приведённый документ – черновик без даты, хранящийся в Государственном архиве РФ, в личном фонде Е. С. Боткина. А на чистовике, датированном 24 мая 1918 года, имеется «резолюция» Коменданта Дома Особого Назначения А. Д. Авдеева, которая как нельзя лучше выразила его отношение не только к больному

ребёнку и доктору Е. С. Боткину, но и ко всей Царской Семье в целом:

> «Просмотрев настоящую просьбу Доктора Боткина, считаю, что и из этих слуг один является лишним, т. к. – дети все являются взрослыми и могут следить за больным, потому предлагаю Председателю Области немедля поставить на вит (так!) этим зарвавшимся господам ихнее положение. Комендант Авдеев». [128]

А вот что доносят до нас скупые строчки из «Книги записи дежурств членов Отряда особого назначения по охране Николая II», дополняющие постоянную заботу Евгения Сергеевича о Царской Семье:

> « *31 Мая.*
> Просьба граж[данина] Боткина от имени семейства бывшего царя Николая Романова о разрешении им еженедельно приглашать священника для службы и обедни». [129]

> « *7 Июня.*
> Док [тор] Деревенко принят не был. Алексей вынесен был на прогулку.
> По заявлению док[тора] Боткина, вследствие расширения вен заболел Николай Романов и с утра не вставал с постели, где его и кор-мили». [130]

> « *15 Июня.*
> Обычная прогулка всех, кроме Алексея и Александры Фёдоровны. Деревенко принят не был в дом. За оградой заявил, что он может присылать молоко и яйца, если ему разрешат, а так как команде также нужны продукты, то ему и было разрешено присылать. Боткин просил разрешение написать письмо председателю облсовета по нескольким вопросам, а именно: продлить время прогулки до 2-х часов, открыть створки у окон, вынуть зимние рамы и открыть ход из кухни к ванной, где стоит пост № 2. Написать было разрешено и письмо передано в облсовет». [131]

> « *16 Июня.*
> Утром Боткин просил попа, но ввиду того, что тот поп, которого приводил он, занят, просьба была отклонена. Обычная прогулка. Деревенко принят не был.

От него было послано молоко и яйца». [132]

« *4 Июля.*
Произошла смена караула внутреннего во главе с комендантом Авдеевым и комендантство принял тов[арищ] Юровский. Доктор Боткин приходил с просьбой разрешить привести попа на воскресенье для служения обедни, на что ему было отвечено, что просьба будет передана областному Совету». [133]

« *11 Июля.*
Доктор Боткин обращался с просьбой пригласить священника отслужить обедницу, на что ему было дано обещание, остальное всё обычно. [134]

« *12 Июля.*
Доктор Боткин просил пригласить доктора Деревенко и принёс рецепты с просьбой купить медикаменты, которые ему были доставлены. Доктора Деревенко также дано обещание пригласить». [135]

И только всего один раз – 1 июня 1918 года – доктор Е. С. Боткин обратился к коменданту А. Д. Авдееву с личной просьбой *«…разыскать принадлежащий ему чемодан с бельём, присланный из Тобольска»* [136] …

Следует также отметить, что, отстаивая интересы Царской Семьи, Е. С. Боткин продолжал страдать почечными коликами, что не раз и не два отмечалось в дневнике Государыни:

« *Екатеринбург.*
10 (23). Июнь. Воскресенье.
День Св<ятой> Троицы. +13°.
Великолепная погода. Ходили с Т[атьяной] к Е. С. [Боткину], у которого были колики в почках, и она сделала ему инъекцию морфия, очень сильно страдает с 6 [часов] утра – лежит в постели. (…)

1 ч[ас]. Обед.
Е. С. [Боткин] всё ещё чувствует себя плохо, его тошнило, сидела с ним. (…) Евг<ений> Серг<еевич> [Боткин] снова перешёл в большую комнату, так как в ней больше воздуха и тише, Нюта [Демидова] снова будет в столовой. (…)
Играла в безик с Н[иколаем], а Е. С. [Боткин], лежа в постели, играл в бридж с девочками. [137]

Екатеринбург.11 (24). Июнь. Понедельник. День Св<ятого> Духа. +13°.

Бэби с самого утра разъезжал повсюду в кресле на колесиках. Е. С. [Боткин] спал хорошо, ему лучше. (…)

Утром все и Бэби выходили из дома на полчаса, Е. С. [Боткин] оставался в постели; и я сидела на кровати сколько могла из-за расширения сердца. (…) [138]

Екатеринбург.12 (25). Июнь. Вторник. +16°.

(…) Бэби спал хорошо, его катали в кресле на колёсиках через все комнаты. Е. С. [Боткин] хорошо провёл ночь, всё ещё лежит в постели, так как чувствует слабость и у него всё болит, когда он встаёт с постели. (…) [139]

Екатеринбург.13 (26). Июнь. Среда.(…) 1 ч[ас]. Обедали.

Бэби в своём кресле на колёсиках, а Е. С. [Боткин] в первый раз встал с постели, сидел в кресле 3 [часа] в нашей спальне.

2½–4½ [часа].

Они ходили гулять. О<льга> оставалась со мной. Е. С. [Боткин] сидел с нами. (…)». [140]

И подобные записи в дневнике Государыни – почти каждый день. И последняя из них: *«…Играла в карты с Бэби и Евг[ением] Серг<еевичем> [Боткиным] и безик с [Николаем]»* [141]– занесена днём 9 июля (26 июня), то есть за семь дней до трагической развязки…

В настоящее время многие исследователи царской темы в своих работах делают определённую ставку на так называемые «воспоминания очевидца» Й. Майера. [142]Так вот, согласно этому «источнику» появилась версия, что после посещения ДОН политическим руководством Урала возникла идея переговорить с доктором Е. С. Боткиным, вызвав его в помещение «Революционного Штаба».

Впрочем, предоставим слово самому автору этого «исторического бестселлера»:

«(…) Мебиус, Маклаванский и доктор Милютин сидели в комнате Революционного штаба, когда вошёл доктор Боткин. Этот Боткин был великаном. (…)

Тогда Маклаванский начал говорить:

– Слушайте, доктор, – сказал он своим приятным, всегда искренним голосом, – Революционный штаб решил Вас отпустить на свободу. Вы врач и желаете помочь страдающим людям. Для этого Вы имеете у нас достаточно возможностей. Вы можете в Москве взять управление больницей или открыть собственную практику. Мы Вам дадим даже рекомендации, так что никто не сможет иметь что-нибудь против Вас.

Доктор Боткин молчал. Он смотрел на сидящих перед ним людей и, казалось, не мог побороть известного недоверия к ним. Казалось, что он почуял западню. Маклаванский должен был это почувствовать, так как он продолжал убедительно:

– Поймите нас, пожалуйста, правильно. Будущее Романовых выглядит несколько мрачновато.

Казалось, что доктор начинал медленно понимать. Его взор переходил с одного на другого. Медленно, почти запинаясь, решился он на ответ:

– Мне, кажется, я Вас правильно понял, господа. Но, видите ли, я дал царю моё честное слово оставаться при нём до тех пор, пока он жив. Для человека моего положения, невозможно не сдержать такого слова. Я также не могу оставить наследника одного. Как могу я это совместить со своей совестью? Вы всё же должны это понять…

Маклаванский бросил короткий взгляд на своих товарищей. После этого он обратился ещё раз к доктору:

– Конечно, мы это понимаем, доктор, но, видите ли, сын неизлечим, это Вы знаете лучше, чем мы. Для чего Вы жертвуйте собой для… ну, скажем мы, для потерянного дела… Для чего, доктор?

– Потерянное дело? – спросил Боткин медленно. Его глаза заблестели.

– Ну, если Россия гибнет, могу и я погибнуть. Но ни в коем случае не оставлю царя!

– Россия не погибнет! – сказал Мебиус резко.

– Мы позаботимся об этом. Большой народ не погибнет…

– Хотите Вы меня разъединить силой с царём? – спросил Боткин с холодным выражением лица.

– Этому я всё же не поверю, господа!

Мебиус посмотрел пристально на доктора. Но теперь вступил доктор Милютин.

– Вы не несёте никакой ответственности в

проигранной войне, доктор, – сказал он слащавым голосом.

– Мы Вам ничего не можем поставить в упрёк, мы только считаем своим долгом Вас предупредить о Вашей личной гибели…

Доктор Боткин сидел несколько минут молча. Его взор был устремлён в пол. Комиссары уже верили, что он передумает. Но вдруг облик доктора изменился. Он приподнялся и сказал:

– Меня радует, что есть ещё люди, которые озабочены моей личной судьбой. Я Вас благодарю за то, что Вы мне идёте навстречу… Но помогите этой несчастной семье! Вы сделаете хорошее дело. Там в доме цветут великие души России, которые облиты грязью политиков. Я благодарю Вас, господа, но я останусь с царём! – сказал Боткин и встал. Его рост превышал всех.

– Мы сожалеем, доктор, – сказал Мебиус.

– В таком случае, поезжайте опять назад. Вы можете ещё обдумать». [143]

Конечно же, этот разговор – чистой воды вымысел, равно как и личности Маклаванского и доктора Милютина.

И, тем не менее, не всё в «воспоминаниях» Й. Мейера оказалось плодом его необузданной фантазии. Так, упоминаемый им «Революционный Штаб» в действительности, всё же, существовал. (До мая 1918 года он назывался Штабом Революционного Западного фронта по борьбе с контрреволюцией, после чего его сотрудники были зачислены в штат Средне-Сибирского Окружного Комиссариата по Военным делам, в котором Й. Мейер стал занимать весьма скромную должность переписчика Агитационного Отдела.)

Как и все узники дома Ипатьева, доктор Е. С. Боткин писал письма и получал ответы на них из далёкого Тобольска, где оставались его дочь Татьяна и младший сын Глеб. [144]

Вот отрывок одного из них от 4 мая (23 апреля) 1918 года, в которое она вкладывает всю свою дочернюю любовь:

«(…) Драгоценный, золотой ненаглядный мой папулечка!

Вчера мы были ужасно обрадованы твоим первым письмом, которое целую неделю шло из Екатеринбурга; тем не менее это были наиболее свежие известия о тебе, потому что приехавший вчера Матвеев, с которым Глеб разговаривал, не мог нам сказать ничего кроме того, что у тебя была почечная колика <неразб.> этого я ужасно

боялась, но судя по тому, что ты уже <неразб.> писал, что здоров, я надеюсь, что эта колика была несильная. (…)

Не могу себе представить, когда мы увидимся, т. к. у меня нет никакой надежды на <неразб.> уехать со всеми, но я постараюсь приехать всё-таки поближе к тебе. Без тебя здесь сидеть <неразб.> очень скучно, да и бесцельно. Хочется какого-нибудь дела, а не знаешь, чем заняться, да и долго ли придётся здесь жить? От Юры за это время было всего одно письмо, да и то старое от 17 марта, а больше ничего.

Пока кончаю, мой дорогой. Не знаю, дойдёт ли до тебя моё письмо. А если дойдёт, то когда. И кто же будет читать до тебя. [145]

Целую тебя, мой драгоценный, много, много и крепко – как люблю.

До свидания, мой дорогой, мой золотой, мой любимый. Надеюсь, что скоро увидимся. Целую тебя ещё много раз.

Твоя Таня». [146]

Содержась в доме Ипатьева, Е. С. Боткин неоднократно просил коменданта помочь ему отыскать его чемодан с бельём, но и эта, казалось бы, пустяшная просьба осталась без внимания…

Поэтому в своём очередном письме к отцу от 18 (5) мая Т. Е. Боткина сообщала:

«(…) Пишу тебе уже из новых наших комнат и надеюсь, что это письмо дойдёт до тебя, т. к. его везёт комиссар Хохряков. Он также сказал, что может доставить тебе сундук с вещами, в который я уложила всё, что у нас было из твоих вещей, т. е. несколько фотографий, сапоги, бельё, платье, папиросы, одеяло и осеннее пальто. Аптеки я тоже сдала комиссару как имущество семьи, не знаю, получишь ли ты наше письмо. Я же тебя крепко-прекрепко обнимаю, мой ненаглядный, за твои такие хорошие и ласковые письма». [147]

Писал из Ипатьевского дома и Евгений Сергеевич. Причём, писал как своим младшим детям: Татьяне и Глебу в Тобольск, так и своему сыну Юрию, а также младшему брату Александру Сергеевичу Боткину.

На сегодняшний день известно, по крайней мере, о четырёх его посланиях двум последним лицам. Первые три, датированные

25 апреля (8 мая), 26 апреля (9 мая) и 2 (15) мая были адресованы Юрию. А четвёртое (недописанное), начатое 26 июня (9 июля), – Александру…

Весьма интересно и их содержание. Так, к примеру, в своём первом письме сыну Юрию [148]он рассказывал о погоде и на редкость коротких прогулках:

> «Екатеринбург 25 Апреля (8 Мая) 1918 года.
>
> …Особенно после пребывания на воздухе, в садике, где я большую часть времени сижу. Да и время-то это пока, вследствие холодной и неприятной погоды, было весьма непродолжительным: только в первый раз, когда нас выпустили, да вчера мы гуляли по 55 минут, а то 30, 20 и даже 15. Ведь третьего дня у нас было ещё 5 градусов мороза, а сегодня утром ещё шёл снег, сейчас, впрочем, уже свыше 4 градусов тепла». [149]

Второе упомянутое ранее письмо было более пространным. Однако примечательно, что в нём он не только не сетует на судьбу, но даже по-христиански жалеет своих гонителей:

> «Екатеринбург, 26 апреля (10 Мая) [150]1918 года.
>
> … Пока мы по-прежнему в нашем временном, как нам было сказано, помещении, о чём я нисколько не жалею, как потому, что оно вполне хорошо, так и потому, что в “постоянном” без остальной семьи и их сопровождающих было бы, вероятно, очень пусто, если оно, как надо надеяться, хотя бы тех же размеров, что был дом в Тобольске. Правда, садик здесь очень мал, но пока погода не заставляла особенно об этом жалеть. Впрочем, должен оговориться, что это чисто личное моё мнение, т. к. при нашей общей покорности судьбе и людям, которым она нас вручила, мы даже не задаёмся вопросом о том, “что день грядущий нам готовит”, ибо знаем, что “довлеет дневи злоба его” [151]… и мечтаем только о том, чтобы эта самодовлеющая злоба дня не была бы действительно зла.
>
> … А новых людей нам уж немало пришлось перевидать здесь: и коменданты меняются, точнее, подмениваются часто, и комиссия какая-то заходила осматривать наше помещение, и о деньгах приходили нас допрашивать, с предложением избыток (которого, кстати сказать, у меня, как водится, и не оказалось) передать на хранение и т. п. Словом, хлопот мы причиняем им массу, но, право же, мы никому не

навязывались и никуда не напрашивались. Хотел было прибавить, что и ни о чём не просим, но вспомнил, что это было бы неверно, т. к. мы постоянно принуждены беспокоить наших бедных комендантов и о чём-нибудь просить: то денатурированный спирт вышел и не на чем согревать пищу или варить рис для вегетарианцев, то кипяток просим, то водопровод закупорился, то бельё нужно отдать в стирку, то газеты получить и т. д. и т. п. Просто совестно, но иначе ведь невозможно, и вот почему особенно дорога и утешительна всякая добрая улыбка. Вот и сейчас ходил просить разрешения погулять немного и утром: хотя и свежевато, но солнце светит приветливо, и в первый раз сделана попытка погулять утром… И она была также приветливо разрешена.

… Кончаю карандашом, т. к. вследствие праздников не мог ещё получить ни отдельного пера, ни чернил, и я всё пользуюсь чужими, да и то больше всех». [152]

Свой последний в жизни день рождения Е. С. Боткин также встретил в доме Ипатьева – 27(14) мая ему исполнилось 53 года. Но, несмотря на столь ещё сравнительно небольшой возраст, Евгений Сергеевич уже чувствовал приближение смерти, о чём написал в последнем письме к младшему брату Александру, в котором вспоминает о минувших днях, изливая всю боль своей души… [153]

Письмо это так и осталось неотправленным (в настоящее время хранится в ГА РФ), о чём позднее вспоминал уже известный нам Г. П. Никулин:

«(…) Боткин, значит… Вот я повторяю, что он всегда за них ходатайствовал. Просил за них что-нибудь там сделать: священника позвать, понимаете, вот…, на прогулку вывести или, там, часики подчинить, или ещё что-нибудь, там, какие-нибудь мелочи.

Ну, вот, однажды я, значит, проверил письмо Боткина. Писал его, адресовал он его сыну (младшему брату А. С. Боткину. – *Ю. Ж.*) на Кавказ.

Значит, он пишет, примерно, так:

“Вот, дорогой мой (забыл, там, как его звали: Серж или не Серж, неважно, как), вот я нахожусь там-то. Причём, я должен тебе сообщить, что когда царь-государь был в славе, я был с ним. И теперь, когда он в несчастье, я тоже считаю своим долгом находиться при нём. Живём мы так и так (он «так» – это завуалировано

пишет). Причём, я на подробностях не останавливаюсь потому, что не хочу утруждать…, не хочу утруждать людей, на обязанностях которых лежит чтение [и] проверка наших писем”.

Ну, вот это было единственное письмо при моём… Больше он не писал. Письмо [это], конечно, никуда не отправлялось». [154]

И свой последний час Е. С. Боткин встретил вместе с Царской Семьёй.

17 июля 1918 года, приблизительно в 1 час. 30 мин. полуночи, Евгений Сергеевич был разбужен Комендантом Я. М. Юровским, который сообщил ему, что ввиду предполагаемого нападения на дом отряда анархистов все арестованные должны спуститься в подвал, откуда их, возможно, перевезут в более безопасное место.

После того, как доктор Е. С. Боткин разбудил всех остальных, все узники собрались в столовой, откуда проследовали через кухню и смежную с ней комнату на лестничную площадку верхнего этажа. По имеющейся там лестнице в 19 ступеней они в сопровождении Я. М. Юровского, Г. П. Никулина, М. А. Медведева (Кудрина), П. З. Ермакова и двух латышей с винтовками из числа внутренней охраны спустились на нижний этаж и через имеющуюся там дверь вышли во внутренний дворик. Оказавшись на улице, все они прошли несколько метров по двору, после чего вновь зашли в дом и, пройдя через анфиладу комнат нижнего этажа, оказались в той самой, где приняли мученическую смерть.

Описывать весь ход дальнейших событий не имеет смысла, поскольку об этом писалось множество раз. Однако после того как Я. М. Юровский объявил узникам, что их «принуждены расстрелять», Евгений Сергеевич смог только произнести чуть хрипловатым от волнения голосом: «Так нас никуда не повезут?» [155]

Ну, а когда путём немалых усилий Я. М. Юровским наконец-то была остановлена стрельба, принявшая безалаберный характер, многие из жертв оказались ещё живы…

«Но когда, наконец, мне удалось остановить [стрельбу], – писал он позднее в своих воспоминаниях, – я увидел, что многие ещё живы. Например, доктор Боткин лежал, оперевшись локтём правой руки, как бы в позе отдыхающего, револьверным выстрелом [я] с ним покончил…» [156]

То есть, Я. М. Юровский прямо сознаётся в том, что лично

застрелил бывшего Лейб-Медика Е. С. Боткина и чуть ли не гордится этим…

Что ж, время всё расставило по своим местам. И ныне те, кто считал себя «героями Октября», перешли в разряд заурядных убийц и гонителей Русского Народа.

А христианский подвиг Евгения Сергеевича Боткина, как продолжателя славной врачебной династии и человека долга и чести, даже спустя десятилетия не остался незамеченным.

Решением Священного Архиерейского Собора Русской Православной Церкви Заграницей **Евгений Сергеевич Боткин причислен к лику Святых Новомучеников Российских от власти безбожной пострадавших и наречён именем Святого Мученика Евгения (Боткина)**.

Чин прославления был совершён в Синодальном Соборе Знамения Божьей Матери РПЦЗ в Нью-Йорке 19 октября (1 ноября) 1981 года.

Долгие годы честные останки доктора Е. С. Боткина вместе с останками Царственных Мучеников покоились в безымянной тайной могиле, расположенной в ближайшем пригороде Екатеринбурга. В 1979 году её обнаружила группа энтузиастов, а в 1991 году она была официально вскрыта, и все находящиеся в ней костные останки подверглись тщательной экспертизе.

17 июля 1998 года останки Е. С. Боткина были уложены в гроб-ковчежец и торжественно захоронены вместе с останками Членов Царской Семьи в Екатерининском приделе Собора Петра и Павла в городе Санкт-Петербурге.

Письма Е. С. Боткина из заточения

Письмо № 1

Ц.[арское] С.[ело], 16 Апреля 1917 года.

…Между 9½ и 10 часами я пью кофе, продолжительность которого зависит от того, пью ли я его один или в обществе; затем я делаю свой обход больных, тоже разной продолжительности, и иногда успеваю утром пописать, а иногда и нет, если есть, например, обедня, как сегодня, или кто-нибудь к нам зайдёт из товарищей по заключению, или мы пойдём с кн.[язем] Долгоруковым пробовать пищу прислуги. К словам «к нам» следует прибавить: «Или к кому-нибудь из нас», – подразумевая под «нами» медико-педагогический триумвират: Mr. Gilliard, Вл.[адимир] Н.[иколаевич] Деревенко и меня. Отсутствие у меня собственной комнаты с водворением меня в кабинете Mr. Gilliard, заставляет меня приспосабливаться к его образу жизни.

…Среди дня, между 3 и 4, я опять навещаю стационарных больных, чтобы справиться с дневной температурой и, если нужно, предпринять те или иные мероприятия. Между 4 и 5 ч. [асами] я часто приглашаюсь на какую-нибудь игру с Ал. [ексеем] Н-[иколаеви]чем, преимущественно, если он в постели, сопровождаемую чаепитием. В 5 часов, иногда в шестом, я бегу вниз, в дежурную комнату, заказать по телефону лекарства, которых ежедневно накапливается несколько, иногда до 20 и больше. В 6 часов мы уже обедаем с Ал. [ексеем] Н. [иколаевичем], и после обеда я усаживаюсь в своё кресло (писать неудобно и не приходится) и углубляюсь в газеты.

…С сегодняшнего числа (я продолжаю 17-го) во всём укладе нашей жизни произошла существенная перемена. Так как Ал. [ексей] Н.[иколаевич] снова, слава Богу, на ногах, и ему нужно учиться, а преподавателям вход к нам закрыт, то мы все распределили его предметы между собой, кто во что горазд. Мне достался русский язык в размере четырёх часов в неделю. [157]

[158]…В заключение мне хочется перевести Вам несколько удивительных строк, подписанных «А.», из № 77 Journal des Debats от 18 марта с. г… «Нужно радоваться, что он убедился в том, что сопротивляться не надо. Он уберёг этим Россию от революционных беспорядков, последствий которых, в разгар общеевропейского кризиса, невозможно было бы учесть. Как ни больно ему было расстаться с властью, которой он считал себя как бы священным носителем и которую он проявлял по велениям своей совести, чтобы передать её неподточенной своему преемнику, он должен был признать себя человеком другого века. Если у него сохранились ещё иллюзии относительно чувств тех элементов, которые считались до сих пор столпами империи и самодержавия, он должен был потерять их в течение последних дней… Манифест, которым он слагает с себя верховную власть, являет собой благородство и высоту мысли, достойные восторга (admirable). Он не содержит ни тени горечи, ни упреков, ни сожаления. Он проявляет полное самопожертвование. Он желает России в самых горячих выражениях осуществления её главных назначений. Тем способом, которым он сходит с трона, Николай II оказывает своей стране последнюю услугу – самую большую, которую он мог оказать в настоящих критических обстоятельствах. Очень жаль, что Государь, одаренный такой благородной душой, поставил себя в невозможность продолжать править…»

Эти золотые слова сказаны в республиканской газете свободной страны. Если бы наши газеты так писали, они бы гораздо больше послужили тому делу, которому хотят помочь,

чем клеветой и пасквилями…

Письмо № 2

Тобольск, 24 декабря 1917 года.

Думаю, что этот листик не отяготит письма, а мне хочется в Сочельник написать тебе хоть несколько строк, мой драгоценнейший друг, мой ненаглядненький, мой милый, дорогой мальчик. Сегодня вечером я был на елке в доме № 1, где все женские руки семьи приготовили всем по несколько подарков и все вместе, своею бодростью и приветливостью, сумели всем окружающим устроить настоящий праздник… Деткам я ничего не мог сделать праздничного, но всё же и им достались подарки и угощения, которыми побаловали меня к празднику некоторые добрые мои пациенты-тоболяки. Всё любуюсь твоими ламбрекенами, мой золотой, особенно вторым: они пришпилены как раз против моего кресла, на противоположной стороне, и над этажеркой с книгами, к которой тем чаще приходится подходить, что рядом висят мои кителя. Скоро, кажется, они отойдут в историю, т. к., когда стрелкам будет приказано снять погоны и они это выполнят, я, по всей вероятности, окончательно перейду на штатское платье, что очень советую тебе сделать безотлагательно. Вряд ли тебя теперь будут удерживать на службе, т. к. теперь офицеров равняют с солдатами и даже не избранных в ротные, батальонные и другие командиры прямо разжаловывают в солдаты, то, естественно, теперь должны к офицерам применять правила, существующие для солдат, а по ним, как ты помнишь, ты уже давно подлежишь чистой отставке. Очень рассчитываю, что так и будет решено в марте, а до того ведь действия комиссий приостановлены. Сегодня имел задушевную беседу с Глебушкой, спросив его, не считает ли он за мной какого преступления, что так ко мне относится, и просил его откровенно мне сказать, в чём он меня обвиняет, т. к., хотя я <неразб.>, но всё-таки, может быть, в состоянии буду дать ему удовлетворительные объяснения. Он сказал мне, что я ошибаюсь, будто он меня не любит, но что просто у него вид такой от мрачности настроения, которым все страдают. На что я ему заметил, что именно потому, что все одинаково страдают, все стараются друг друга поддерживать, стали добрее и снисходительнее друг к другу. С тех пор Глебушка со мной опять ужасно мил и нежен. Вопрос мой был не дипломатический, а от искренно встревоженной обиженной души, и ответ Глебушки меня вполне успокоил. Спите Вы покойно, мои ненаглядные, драгоценные, да хранит и благословит Вас Бог, а я целую и

ласкаю Вас бесконечно, как люблю.

Ваш папа. Целую тебя и люблю, мой ангел-утешитель, целую и люблю. [159]

Письмо № 3

Екатеринбург, 2/15 Мая 1918 года.

…Со вчерашнего дня погода резко повернула у нас на тепло, кусок неба, видный из моего, ещё не замалёванного извёсткой, окна – ровно серо-голубого цвета, указывающего на безоблачность, но от всех ласк природы нам немножко суждено видеть, т. к. нам разрешён лишь час в день прогулки в один или два приёма…

…Сегодня я обновляю свою почтовую бумагу, которую мне вчера любезно доставили, и пишу своим новым пером и своими чернилами, которые обновил уже вчера в письме к деткам. Всё это очень кстати поспело, т. к., завладевая чужим пером и чернильницей, я постоянно кому-нибудь мешал ими пользоваться, а бумагу, серенькую, уложенную мне Танюшей, я уже давно извёл и писал на кусках писчей; извёл и все маленькие серенькие конвертики, кроме одного.

…Ну, вот и погуляли ровно час. Погода оказалась очень приятной – лучше, чем можно было предполагать за замазанными стёклами. Мне нравится это нововведение: я не вижу больше перед собой деревянную стену, а сижу, как в благоустроенной зимней квартире; знаешь, когда мебель в чехлах, как и у нас сейчас, – а окна белые. Правда, света, разумеется, значительно меньше, и он получается таким рассеянным, что слабым глазам больно, но ведь дело идёт к лету, которое бывает здесь, может быть, очень солнечным, а мы, петроградцы, солнцем не избалованы. [160]

Письмо № 4 (младшему брату А. С. Боткину)

Екатеринбург, 26 июня (9 июля) 1918 г.

Дорогой мой, добрый друг Саша, делаю попытку писания настоящего письма, – по крайней мере, отсюда, – хотя это оговорка, по-моему, совершенно излишняя: не думаю, чтобы мне суждено было когда-нибудь откуда-нибудь ещё писать, – моё добровольное заточение здесь настолько же временем ограничено, насколько ограничено моё земное существование. В сущности, я умер, – умер для своих детей, для друзей, для дела… Я умер, но ещё не похоронен, или заживо погребён, – как хочешь:

последствия почти тождественны, т. к. и то, и другое положение имеет свои отрицательные и свои положительные стороны. Если бы я был фактически, так сказать, – анатомически, мёртв, я бы, по вере своей, знал бы, что делают мои детки, был бы к ним ближе и несомненно полезнее, чем я сейчас. Почил мёртв только гражданскi, у детей моих может быть ещё надежда, что мы с ними ещё свидимся когда-нибудь и в этой жизни, а у меня, кроме того, что мне ещё удастся быть им чем-нибудь полезным, но я лично этой надеждой себя не балую, иллюзиями не убаюкиваюсь и неприкрашенной действительности смотрю прямо в глаза. Пока, однако, я здоров и толст по-прежнему, так, что мне даже противно иной раз увидеть себя в зеркале. Утешаю себя только тем, что раз мне легче было бы быть анатомически мёртвым, то значит, детям моим лучше, что я ещё жив, т. к., когда я с ними в разлуке, мне всегда кажется, что, чем мне хуже, тем им лучше. А почему я считаю, что мне было бы легче быть мёртвым, – поясню тебе маленькими эпизодами, иллюстрирующими моё душевное состояние. На днях, т. е. третьего дня, когда я спокойно читал Салтыкова-Щедрина, которым зачитываюсь с наслаждением, я вдруг увидел в уменьшенном размере, как будто очень издалека, лицо моего сына Юрия, но мёртвое, в горизонтальном положении, с закрытыми глазами… Последнее письмо от него было от 22-го марта ст. ст., и с тех пор почтовые сношения с Кавказом, и раньше испытавшие большие затруднения, вероятно, вовсе приостановились, т. к. ни здесь, ни в Тобольске мы ничего от Юры не получали. Не подумай, что я галлюцинирую, подобные видения бывали у меня и раньше, но ты легко себе представишь, каково мне переживать именно такое и при настоящих условиях, в общем вполне благоприятных, но при невозможности не только поехать к Юре, но даже что-либо о нём узнать. Затем, вчера ещё, за тем же чтением я услышал вдруг какое-то слово, которое прозвучало для меня, как «папуля», притом произнесённое, будто, Танюшиным голосом, и я чуть не разрыдался. Опять-таки это не галлюцинация, потому что слово было произнесено, голос был похож, и я ни секунды не думал, что это говорит моя дочь, которая должна быть в Тобольске: её последняя открытка была от 23-го мая / 5-го июня и, конечно, это были бы слёзы, чисто эгоистические, о себе, что я не могу слышать и, вероятно, никогда не услышу этот милый мне голосок и эту дорогую мне ласку, которой детишки так избаловали меня. Точно так же ужас и горе, охватывающие меня при описании мной видении, также чисто эгоистические, т. к. если действительно мой сын умер, то он счастлив, а если жив, то неизвестно, какие испытания ему приходится или придётся ещё переживать. Ты видишь, дорогой

мой, что я духом бодр, несмотря на испытанные страдания, которые я тебе только что описал, и добр настолько, что приготовился выносить их в течение целых долгих лет… Меня поддерживает убеждение, что «претерпевший до конца, тот и спасётся», и сознание, что остаюсь верным принципам выпуска 1889-го года.

Когда мы ещё не были выпуском, а только курсом, но уже дружным, исповедовавшим и развивавшим те принципы, с которыми мы вступили в жизнь, мы большею частью не рассматривали их с религиозной точки зрения, да и не знаю, много ли среди нас было и религиозных. Но всякий кодекс принципов есть уже религия, и нам, у кого, вероятно, сознательно, и у кого и бессознательно, – как, в частности, это было у меня, т. к. это была пора не то чтобы форменного атеизма, а полного в этом смысле индифферентизма, – так близко подходит к христианству, что полное обращение наше к нему, или хоть многих из нас, совсем естественным переходом. Вообще, если «вера без дела мертва есть», то «дела» без веры могут существовать, и если кому из нас к делам присоединилась и вера, то это лишь по особой к нему милости Божьей. Одним из таких счастливцев, путём тяжкого испытания – потери моего первенца, полугодовалого сыночка Серёжи, – оказался и я. С тех пор мой кодекс значительно расширился и определился, и в каждом деле я заботился не только о «Курсовом», но «Господнем». Это оправдывает и моё последнее решение, когда я не поколебался покинуть своих детей круглыми сиротами, чтобы исполнить свой врачебный долг до конца, как Авраам не поколебался по требованию Бога принести ему в жертву своего единственного сына. И я твёрдо верю, что так же как Бог спас тогда Исаака, Он спасет теперь и моих детей и сам будет им отцом. Но так как я не знаю, в чём положит он их спасение и могу узнать об этом только с того света, то мои эгоистические страдания, которые я тебе описал, от этого, разумеется, по слабости моей человеческой, не теряют своей мучительной остроты. Но Иов больше терпел, и мой покойный Миша мне всегда о нём напоминал, когда боялся, что я, лишившись их, своих деток, могу не выдержать. Нет, видимо, я всё могу выдержать, что Господу Богу угодно будет мне ниспослать. В твоём письме, за которое я ещё раз горячо благодарю тебя (в первый раз я старался выразить это в нескольких строках на отрывном купоне, надеюсь, что ты вовремя получил его к празднику, а также мою физиономию – к другому?), ты с драгоценным для меня доверием поинтересовался моей деятельностью в Тобольске. Что же? Положа руку на сердце, могу тебе признаться, что там я всячески старался заботиться «о

Господнем, како угодия Господу» и, следовательно, по курсовому, «како не посрамити выпуска 1889-го года».

И Бог благословил мои труды, и я до конца своих дней сохраню это светлое воспоминание о своей лебединой песне. Я работал из всех своих последних сил, которые неожиданно разрослись там, благодаря великому счастию совместной жизни с Танюшей и Глебушкой, благодаря хорошему, бодрящему климату и сравнительной мягкости зимы и благодаря трогательному отношению ко мне горожан и поселян. Собственно говоря, Тобольск только в центре своём, правда обширном, представляет собой город, очень, кстати, живописно расположенный, богатый старинными церквами, богоугодными и учебными заведениями, к периферии же он постепенно и незаметно переходит в настоящую деревню. Это обстоятельство наряду с благородной простотой и чувством собственного достоинства сибиряков придаёт, по-моему, всем отношениям жителей между собой и не приезжим тот характер непосредственности, безыскусственности и доброжелательства, который мы с тобой всегда так ценили и который создаёт потребную нашим душам атмосферу. К тому же в городе так быстро распространяются всякие вести, что первые счастливые случаи, в которых Бог помог мне оказаться полезным, вызвали такое доверие ко мне, что желающих получить мой совет росло с каждым днём вплоть до внезапного и неожиданного моего отъезда. Обращались всё больше хронические больные, уже лечившиеся и перелечившиеся, иногда, конечно, и совсем безнадежные. Это давало мне возможность вести им запись, и время моё было расписано за неделю и за две вперёд по часам, так как больше шести-семи, в экстренных случаях, восьми больных в день я не в состоянии был навестить: все ведь это были случаи, в которых нужно было очень подробно разобраться и над которыми приходилось очень и очень подумать. К кому только меня не звали, кроме больных по моей специальности?! К сумасшедшим, просили лечить от запоя, возили в тюрьму пользовать клептомана, и с истинной радостью вспоминаю, что этот бедный парень, взятый по моему совету своими родителями (они крестьяне) на поруки, вёл себя всё остальное время моего пребывания прилично… Я никому не отказывал, если только просившие не хотели принять в соображение, что та или другая болезнь совершенно выходит за пределы моих знаний. Я отказывался только идти к только что заболевшим, если, разумеется, не требовалась немедленная помощь, так как, с одной стороны, время моё уже было обещано вперёд другим, а с другой, я не хотел становиться на пути постоянных врачей Тобольска, который очень ими счастлив и в количественном, а главное, в

качественном отношении. Все это очень знающие и опытные люди, прекрасные товарищи и настолько отзывчивые, что публика Тобольска привыкла присылать прямо лошадь или извозчика к доктору и тотчас же его получить. Тем более ценно и её терпение относительно меня, который не в состоянии был исполнить такого рода требования, а, напротив, вынужден бывал заставлять их по долгу ждать. Правда, так как скоро стало известно, что я никому не отказываю и слово свято держу, больные могли ожидать меня со спокойной душой. Если же болезнь не позволяла ждать, то больные или обращались к местным врачам, что меня всегда радовало, или к доктору Деревенко, который тоже пользовался большим доверием, или отправлялись в больницу, таким образом, случалось, что приехав в заранее назначенный мною день и час, я уже не заставал болящих, но это только всегда бывало на руку, так как большею частию программу приходилось составлять столь обширную, что я не всегда мог её выполнить, образовывались иногда долги, которые я выплачивал, когда кого-нибудь не заставал. Принимать в том доме, где я помещался, было неудобно, да и где, но всё же от 3 до 4½–5 я всегда бывал дома для наших солдат, которых исследовал в своей спальне, комнате проходной, но т. к. через неё проходили лишь свои же, то это их не стесняло. В эти же часы ко мне приходили мои городские больные, либо для повторения рецепта, либо для записи. Приходилось делать исключение для крестьян, приезжавших ко мне из деревни за десятки и даже сотни вёрст (в Сибири с расстояниями не считаются) и спешившими обратно домой. Их я вынужден бывал исследовать в маленькой комнатке перед ванной, бывшей несколько в стороне, причём диваном мне служил большой сундук. Их доверие меня особенно трогало, и меня радовала их уверенность, которая их никогда не обманывала, что я приму их с тем же вниманием и лаской, как всякого другого больного, и не только, как равного себе, но и в качестве больного, имеющего все права на все мои заботы и услуги. Кто из них мог переночевать, того я на следующее утро пораньше навещал на постоялом дворе. Они постоянно пытались платить, но так как я, следуя нашему старому кодексу, разумеется, никогда с них ничего не брал, то, пока я был занят в избе с больным, они спешили заплатить моему извозчику. Это удивительное внимание, к которому мы в больших городах совершенно не привыкли, бывало иногда в высокой степени уместным, т. к. в иные периоды я бы не в состоянии был и навещать больных вследствие отсутствия денег и быстро возрастающей дороговизны извозчиков. Поэтому в наших обоюдных интересах я широко пользовался другим местным

обычаем и просил тех, у кого есть, присылать за мной лошадь. Таким образом, улицы Тобольска видели меня едущим и в широких архиерейских санях, и на прекрасных купеческих рысаках, но ещё чаще потонувшим в сене на самых обыкновенных розвальнях. Столь же разнообразные были и мои друзья, что, может быть, и не всем нравилось, да мне-то до этого не было никакого дела. К чести Тобольска должен, впрочем, оговориться, что прямых указаний на это никаких не было, да и косвенных было всего одно, к тому же оно и не бесспорно. Приехал как-то вечером ко мне муж одной из моих пациенток с просьбой безотлагательно навестить её, т. к. у неё сильные боли (в животе). По счастию, я мог исполнить его желание, правда, за счёт другой больной, но которой я не обозначил своего посещения, и поехал с ним в дом на извозчике, с которым он ко мне приехал. Дорогой он начинает ворчать на извозчика, что он не туда едет, на что тот ему резон-но от… [161]

Е. С. Боткин в материалах Следственного Производства 1918–1920 г.г

Документ № 1

«… В марте месяце сего года я поступил в особо-караульную конвойную команду в г. Екатеринбурге, начальником которой был какой-то латыш, имя и фамилию я его не знаю. Службу приходилось нести в тюрьме № 1, Государственном банке и других местах. В апреле месяце меня назначили в караул в дом Ипатьева, где содержался б. Царь. Там в карауле я был трое суток, стоял на посту внутри двора у ворот. Каждый день выходил в сад около 12 часов дня сам б. Царь, его жена и все четыре дочери, а б. Наследника Алексея выносил бывший при нём доктор». [162]

Документ № 2

«(…) По поводу предъявленного мне пальца [163] [164]я затрудняюсь высказаться даже предположительно, так как в настоящем виде палец утратил какие-либо отличительные особенности. Пальцы на руке Государя были довольно плоские, с грубой кожей, у основания покрыты волосами. Не помню хорошенько вид и форму пальцев д-[окто]ра Боткина.

Знаю, что у д-[окто]ра Боткина были вставные зубы. Предъявленные Вами две пластинки вставных зубов похожи на те, какие имел Боткин. Пластинки были изготовлены ялтинским

зубным врачом Кастрицким». [165] [166]

Документ № 3

«(…) При промывке грунта найдены были пряжки от дамских подвязок, кусочек жемчуга от серьги Императрицы, пуговицы и другие мелкие вещи, а на дне шахты в иле оказался отрубленный палец и верхняя вставная челюсть взрослого человека. По высказанному тогда же мнению придворного врача Деревеньки (так!), палец этот и челюсть принадлежат доктору Боткину». [167]

Документ № 4

«(…) Мною производится предварительное следствие об убийстве отрекшегося от Престола Российского Государства ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА Николая Александровича и Его Семьи.

Вся Царская Семья проживала перед смертью в г. Екатеринбурге в доме Ипатьева. Вся Царская семья была убита в ночь с 16 на 17 июля 1918 года нового стиля. Трупы Её в ту же ночь были вывезены за город по направлению к д. Коптяки, где в лесистой местности, видимо, и были скрыты.

В одной из шахт этой местности впоследствии была найдена, в числе других вещей, искусственная челюсть взрослого человека. Имеются основания полагать, что эта челюсть принадлежит придворному Лейб-Медику Евгению Сергеевичу Боткину, также убитому вместе с Царской Семьёй.

При осмотре дома Ипатьева после убийства в помойной яме были найдены следующие предметы, видимо, принадлежащие убитым: дощечка от иконы, дощечка с остатками иконы, белая кофточка из маркизета, белый носовой платок, чёрная шёлковая кофта, розовая ленточка, галстук с пришитой к нему лентой Ордена Св. Владимира, Георгиевская лента, пропитанная пунцовой краской, и кусочек муаровой ленты.

Искусственная челюсть, уже осмотренная мною и признанная вещественным по делу доказательством, помещена в особый пакет, опечатанный печатью судебного следователя по особо важным делам Омского окружного суда. В настоящее время она, вместе с перечисленными выше вещами, найденными в помойной яме дома Ипатьева, находится в г. Владивостоке.

На основании 292 ст. Уст. [ановлений] Угол. [овного] Суд. [опроизводства] прошу Вас, г. Судебный Следователь:

а) допросить в качестве свидетеля, в порядке 443 ст. У. [становлений] У.[головного] С.[удопроизводства], проживающего

в г. Владивостоке Секретаря Английского Консульства Виктора Сергеевича Боткина, родного брата Лейб-Медика Боткина, и, предъявив ему вышеуказанную челюсть, выяснить путем допроса его:

1) принадлежит ли эта челюсть покойному Лейб-Медику Евгению Сергеевичу Боткину;

2) если свидетель признает её принадлежащей ему, пусть объяснит, по каким именно признакам он считает её принадлежащей покойному;

3) не известно ли ему, когда и где была сделана эта челюсть» (…) [168]

Документ № 5

«(…) 6. Чёрный муаровый военный галстук, с нашитой на нём лентой Ордена Св. Владимира, причём лента перерезана наискось в месте, где подвешивается орден. Подкладка галстука достаточно поношена. Как подкладка, так и самый галстук запачканы грязью. Крючок, петля и пряжка на ленточной застежке покрыты ржавчиной». [169]

Документ № 6

«(…) Родной брат мой Евгений Сергеевич Боткин состоял Лейб-Медиком при Её Величестве ГОСУДАРЫНЕ ИМПЕРАТРИЦЕ Александре Фёдоровне. В последний раз я виделся с братом перед моим отъездом в Пензу из Петрограда, в конце 1915-го или в начале 1916-го года. В то время у него было несколько вставных зубов в верхней и нижней челюсти. Полной искусственной челюсти у него не было. Предъявленная мне Вами, г. Следователь, искусственная челюсть (предъявлена челюсть, полученная сего числа от Ген. [ерал]-Лейт[енанта]. Дитерихса) мне не знакома, но могла легко принадлежать моему брату, т. к. при упомянутом нашем последнем свидании у него зубы были в очень плохом состоянии.

Я хорошо помню, что брат всегда, даже в домашней обстановке, носил чёрный галстук военного образца с лентой Ордена Св. Владимира 3-й ст. Предъявленный мне галстук (был предъявлен галстук, осмотренный по Протоколу от сего числа) – тождественный с теми галстуками, которые имел привычку брать брат, но утверждать, что ныне предъявленный мне галстук, безусловно, принадлежит моему брату, – не могу». [170]

Документ № 7

«(…) Кроме Царской Семьи, в доме, в верхнем этаже, с Ними жили ещё следующие лица, которых я сам лично видел. Был доктор, из себя полный, седой, лет так, примерно 55. Он носил чёрный пиджак, крахмальное бельё, галстук, брюки и ботинки. Я хорошо помню, что он носил пенсне, как мне помнится, в золотой оправе (оба стёклышка были в оправе)». [171]

Документ № 8

«(…) Боткину было лет 50, высокого роста, полный. На голове уже была небольшая лысина и “заливы” с краёв, волосы на голове седые, борода седая, усы также, причём они спускались вниз, губы толстые. Он носил очки в золотой оправе и пенсне с оправой только на переносице. Носил Орден Владимира 3-й степени, с которым не расставался. Поехал он в серой тройке и рыжих ботинках. У него верхняя челюсть, кажется, была искусственная. Он был доктор ГОСУДАРЫНИ и был очень предан Семье. Даже Керенскому однажды за глаза он не называл иначе ГОСУДАРЯ и ГОСУДАРЫНЮ, как “Их Величествами”. (…)

Я не знаю, была ли у Боткина такая застёжка для галстука, какая изображена на предъявленном мне Вами снимке (предъявлен снимок застёжки, описанной в пункте 13-м протокола 10 февраля сего года, л. д. 12 об., том 2-й). Но галстуки он носил длинные, а не бантиками». [172]

Документ № 9

«(…) Из остальных кусочков материи (предъявлены все остальные кусочки материи, найденные 10 июля при промывке малой шахты) я признаю один: чёрный с серыми полосками. Это от пальто Боткина». [173]

Документ № 10

«(…) Я не знаю, носил ли Боткин пенсне. Я видела у него очки». [174]

Научное и творческое наследие Доктора Медицины Е. С. Боткина

1. «К вопросу о влиянии альбумоз и пептонов на некоторые

функции животного организма: Диссертация на соискание степени доктора медицины». Санкт-Петербург, 1893.

2. «Больные в больнице» (Вступительная лекция, прочитанная в Военно-Медицинской Академии студентам III курса 18 сентября 1897 года.) Опубл. «Больничная газета». Санкт-Петербург. Типография М. М. Стасюлевича, 1898.

3. «Надо ли “баловать” больных?» (Лекция, прочитанная студентам Военно-Медицинской Академии.) Опубл. «Больничная газета». Санкт-Петербург. Типография М. М. Стасюлевича, 1903.

4. «Свет и тени Русско-Японской войны 1904–5 г.г. (из писем к жене)». Санкт-Петербург, Типография М. М. Стасюлевича, 1908.

Литература о Почётном Лейб-Медике Е. С. Боткине

1. Татьяна Мельник (урождённая Боткина). Воспоминания о Царской Семье до и после революции. М., Частная фирма «Анкор», 1993.

2. Ковалевская О. Т. С Царём и за Царя. Мученический венец Царских слуг. М., Издательство «Русскій Хронографъ», 2008.

3. Румянцева Е. Л. Мученические венцы принявшие. (К 90-летию убийства Царских слуг на Урале.) Екатеринбург, Издательский дом «Стягъ», 2008.

4. Чернова О. В. Верные до смерти. СПб., Издательство «Сатисъ», 2007.

5. Чернова О. В. Верные. О тех, кто не предал Царственных Мучеников. М., Издательство «Русскій Хронографъ», 2010.

6. Тур Буманн Ларсен. Лейб-Медик. М., Издательство МиК, 2007.

7. Боткина Т. Е. Царский Лейб-Медик. Жизнь и подвиг Евгения Боткина. (Текст под редакцией К. К. Мельник-Боткина и Е. К. Мельник.) Составитель Ковалевская О. Т. СПб., Издательство «Царское Дело», 2010.

8. Ронжин С. Г., Рязанцев А. А., Ронжин И. С. «Жизнь государю, честь – никому»: Нравственный выбор Евгения Сергеевича Боткина (к 140-летию со дня рождения). Бюллетень сибирской медицины. Издание Томского Государственного Университета. Томск, 2006, № 1.

Глава 4
Камер-Юнгфера при Комнатах Е.И.В. Государыни Императрицы Александры Фёдоровны Анна Степановна Демидова

В настоящее время о Камер-Юнгфере А. С. Демидовой благодаря газетным и журнальным публикациям последних лет стало известно немногим больше.

Славный род Демидовых был известен в Череповце с XVIII века. Так, известно, что в конце XVIII века именитый купец Никифор Васильевич Демидов был назначен Бургомистром и избран Городским головою Череповца.

Его сын – Андрей Васильевич – продолжил и приумножил семейное дело, а внук – Александр Андреевич – будучи избранным первым Председателем Череповецкого Общественного Банка, в дополнение к своим непосредственным обязанностям на протяжении двадцати лет исполнял обязанности Церковного Старосты Богоявленского собора. Здесь следует заметить, что эта весьма почётная в народе должность была не только не оплачиваемой, но и по своему статусу требовала от состоявшего в ней лица постоянных личных вложений, необходимых для приобретения как церковной утвари, так и предметов хозяйственного предназначения, не говоря уже о постоянных затратах на периодически проводимые в соборе ремонтные работы.

Сын Александра Андреевича – Степан Александрович Демидов, как и все его предки, по своей сословной принадлежности относился к череповецкому купечеству. Однако, наряду с делами коммерческими, он, будучи Гласным Череповецкой городской Думы, а также Череповецкого уездного Земского Собрания и Сиротского Суда при Череповецком Окружном Суде, [175]принимал самое деятельное участие в общественной жизни родного города.

Собственность семьи Демидовых состояла из земельных угодий, расположенных в ближайшем пригороде Череповца, а в самом городе семья владела недвижимостью в виде двух каменных двухэтажных зданий, расположенных на одной из центральных улиц города – Воскресенском проспекте. [176] [177]По сложившейся для купеческих построек традиции, на вторых этажах этих зданий располагались жилые помещения, представляющие собой три отдельные квартиры, две из которых

сдавались внаём. А первые этажи занимали магазин колбас, готового платья и небольшая ювелирная лавка. Помимо перечисленного, в собственности Демидовых находился также и двухэтажный деревянный флигель с несколькими надворными постройками, в нижнем этаже которого располагалась слесарная мастерская.

Самым, пожалуй, важным делом жизни Степана Александровича была его служба в Правлении Череповецкого Общества взаимного от огня страхования, в котором он состоял в должности Председателя. И надо сказать, что в этом деле немало преуспел. Так, благодаря его усердию, город Череповец, как писалось в отчётах, «… по своей горимости» относился «… к группе самых счастливых городов России». [178]Ибо в городе, где большинство домов были деревянными, сия проблема имела первостепенное значение.

Анна Степановна Демидова родилась в Череповце 14 января 1878 года. Будучи старшей дочерью от первого брака своего отца с девицей Марией Ефимовной, она имела двух сводных братьев: Александра и Степана, а также младшую сестру Елизавету 1883 года рождения.

Всем своим детям глава семьи дал прекрасное образование.

Брат Анны – Степан занимался меценатской деятельностью. Состоя одним из учредителей Череповецкого Дома Трудолюбия, он ежегодно вносил деньги на его развитие, а также на содержание находившегося при нём училища и бесплатной столовой для бедных.

Другой её брат – Александр, завершив своё образование в Санкт-Петербурге и получив диплом инженера, стал работать на Путиловском заводе.

Сама же Анна Демидова вместе с сестрой Елизаветой (она училась там же немногим позднее) окончила с отличием череповецкую восьмиклассную «Учительскую женскую школу с рукодельными классами» при Иоанно-Предтеченском Леушинском монастыре, [179]получив аттестат Домашней учительницы истории.

По окончании череповецкой школы Анна переехала в Санкт-Петербург, где поступила в школу при Леушинском Подворье Иоанно-Предтеченского женского монастыря, основанную его первой настоятельницей игуменьей Таисией. [180]Здесь, как и в любом другом учебном заведении для благородных девиц, наряду с прочими дисциплинами: русской словесностью, иностранными языками, арифметикой, географией, историей, естествознанием и другими важнейшими предметами учебной программы, весьма серьёзно было поставлено дело обучения таким прикладным

дисциплинам, как рисование, рукоделие и пр., к которым, правда, прибавилась ещё и иконопись. [181] [182]

Обучаясь в этом учебном заведении, А. С. Демидова быстро становится одной из лучших учениц, а на периодически проводимых выставках ученических работ воспитанниц школы её работы обычно занимают первые места.

По существующему семейному преданию, посещавшая эту выставку Государыня Императрица Александра Фёдоровна обратила Своё внимание на некоторые работы Анны Демидовой, от которых пришла в полный восторг, так как сама занималась рукоделием и знала в нём толк. Желая видеть лично автора таковых, Она встретилась с Анной, а поговорив с нею, почти сразу же предложила ей, как выпускнице, место Камер-Юнгферы.

Впрочем, как бы там ни было, но в штат Гофмаршальской Части А. С. Демидова была зачислена 13 января 1898 года и «… определена к комнатам Е.И.В. ГОСУДАРЫНИ ИМПЕРАТРИЦЫ Александры Фёдоровны».

Должность Камер-Юнгферы (комнатной девушки) обязывала ко многому. В соответствии с программой очередного дня Государыня сама составляла список вещей, которые она предполагала надеть на следующий день. А так называемые «комнатные девушки» тщательно готовили эту одежду, выкладывая её в гардеробной Императрицы, которая располагалась в комнате № 1 антресольного этажа Александровского Дворца. В этой комнате в десятках дубовых шкафов хранились многочисленные платья и костюмы Государыни, сшитые в мастерских Торгового дома «А. Бризак», а также известными в то время частными модельерами Н. П. Ламановой, О. Н. Бульбенковой (фирма M-me Olga) и др. В шкафах, выполненных из ясеня, располагавшихся на площадке деревянной лестницы, хранились зонты, веера и шляпы Государыни, в том числе изготовленные в мастерской Поставщика Двора Его Императорского Величества Э. Бертрана. В распоряжении комнатных девушек имелись гладильные доски и даже электроутюги – одно чудес технического прогресса конца XIX века.

Однако главным делом Анны Демидовой было обучение Великих Княжон шитью, вышиванию, вязанию и прочему рукодельному мастерству.

Элегантная и образованная Анна Демидова, прекрасно музицирующая на фортепиано и знавшая несколько иностранных языков, поселилась в одной из комнат в Александровском Дворце. А её ближайшей подругой на протяжении многих лет стала Камер-Юнгфера при комнатах Августейших Детей Их

Императорских Величеств – Елизавета Николаевна Эрсберг.

По заведённому в то время порядку весь штат дворцовой прислуги получал вполне приличное жалование, а состоящие в нем лица могли приглашать к себе в гости родственников, которых принимали и размещали в помещении Царскосельского Лицея. (Именно благодаря этому обстоятельству рядом с Анной на протяжении нескольких лет проживала её родная сестра Елизавета, содержание и проживание которой полностью осуществлялось за счёт Анны.)

В один из своих приездов в Царское Село Елизавета Демидова познакомилась с молодым Прапорщиком Фёдором Михайловичем Юткиным, проходившим в то время службу в располагавшейся в Ораниенбауме Офицерской Стрелковой Школе. В феврале 1910 года они обвенчались на родине невесты, в сохранившемся до настоящего дня Воскресенском соборе, стоящем на берегу Шексны. Уже на следующий год в их семье родился первенец – дочь Ия, а ещё через год – сын Алексей. [183]

В отличие от своей сестры, Анна не могла до конца обустроить свою личную жизнь. Ибо для комнатных девушек имелось одно непременное условие – все они должны были быть девицами. Выходившие же замуж получали расчёт.

Нюта Демидова (так её стала называть и Государыня) была чрезвычайно привязана к Царской Семье. Но свою особую, нерастраченную, материнскую любовь она проявляла к младшей Дочери Августейшей Четы – Великой Княжне Анастасии Николаевне, участие в воспитании которой Нюта принимала с самого раннего её детства.

Великая Княжна платила ей тем же, свидетельством чему чудом сохранившаяся в семейном архиве ныне проживающих в Череповце родственников Анны почтовая карточка с изображением мадонны, отправленная из Парижа в 1906 году:

> «Дорогая Нюта! Поздравляю тебя с праздниками и желаю провести их по возможности с веселием. Хотя пишу немного поздно, но лучше поздно, чем никогда. АНАСТАСИЯ». [184]

За долголетнюю и беспорочную службу Царской Семье А. С. Демидовой было Высочайше пожаловано Потомственное Дворянство.

Годы спустя, старая няня Алексея – сына Е. С. Демидовой – как-то спросила его уже повзрослевшую дочь Нину:

> – Ты знаешь что-нибудь о другой своей бабушке, Анне Демидовой? Нет?! А я помню, как она приезжала в

> Череповец в 1907 году. Народ её встречал. Стояли вдоль дороги от вокзала до самого дома… [185]

Однако судьбе было угодно распорядиться так, что это была её последняя поездка в свой родной город…

За несколько лет до начала Первой мировой войны Анна Демидова некоторое время встречалась с инженером-путейцем Николаем Николаевичем Эрсбергом – родным братом Е. Н. Эрсберг. И слух об их романе быстро распространился среди служителей Высочайшего Двора, которые чуть ли не открыто стали поговаривать об их скорой свадьбе. Однако из-за привязанности к Царской Семье и принципиального нежелания Нюты менять ставший столь привычным для неё жизненный уклад, их брак не состоялся.

21 февраля 1913 года А. С. Демидова в числе прочих многочисленных слуг была награждена Светло-бронзовой медалью «В память 300-летия Российского Императорского Дома Романовых».

На протяжении всей своей службы при Высочайшем Дворе Анна Демидова всегда находила время для того, что черкнуть хотя бы пару строк сестре и другим близким родственникам, жизнь и судьба которых волновала её, даже в самых мелочах… И примером сему – ещё одна сохранившая открытка, отправленная ею из Москвы в Череповец в декабре 1914 года:

> «Милая сестра! Как ты себя чувствуешь? Где и что твой муж? Не получил ли к 6-му производства? Я сижу одна в Москве, 13-го буду в Царском. Что твои ребятишки? Я вчера их видела во сне. Очень бы хотелось посмотреть на всех вас… Нюта». [186]

Сразу же после начала Февральской Смуты 1917 года А. С. Демидова в числе немногочисленной верной прислуги продолжала оставаться в Александровском Дворце, откуда вскоре переслала в Череповец своей сестре Елизавете кое-что из личных и носильных вещей, а также альбомы с фотографиями, которые до сих пор хранятся в личном архиве её внучатой племянницы Нины Алексеевны Демидовой.

А когда встал вопрос об отправке Царской Семьи в Великобританию, Анна Демидова сообщила своей сестре, что ни за что туда не поедет, а лишь проводит Её до Романова на Мурмане. Но этого не случилось. Романовы вместо берегов туманного Альбиона были сосланы в далекий сибирский город Тобольск.

Как и большинство слуг, А. С. Демидова была уволена со

службы за упразднением Гофмаршальской Части на основании Приказа Народного Комиссара Имуществ В. А. Карелина от 15 января 1918 года с назначением ей постоянного пособия в сумме 150 рублей в год в соответствии с Отношением Административного Отдела НКИ Р.С.Ф.С.Р. за № 3485.

Первое упоминание в дневнике Государыни об А. С. Демидовой датируется днём отъезда Царской Семьи и Её верных слуг в Тобольск:

> « *Август 1, Вторник.*
> *Поезд. (…)*
> *10 ч[асов]. Череповец.*
> Мы 7, [187]Настенька, [188]Трина, [189]Валя, [190]Татищев, мистер Жильяр, Боткин, Туттел[ьберг], Нюта, [191]Шура, [192]Лиза, [193]Нагорн[ый], Чемодуров, Волков, Трупп.
>
> *Наш комендант».* [194] [195]

Причём, весьма примечательно то, что первое упоминание это упоминание о А. С. Демидовой относится к тому времени, когда Царский поезд проезжал её родной город Череповец…

Днём позже начнёт делать записи в своём дневнике и А. С. Демидова, и эти записи впоследствии станут неоценимым свидетельством пребывания Царской Семьи в Тобольске:

> *«2-го Августа 1917 года.*
> Итак, наш отъезд состоялся. В понедельник 31-го шла усиленная укладка вещей (а я всё ещё надеялась, что наш отъезд – неизвестно куда – не состоится и будет отложен, хотя бы на несколько дней). В понедельник 31 июля в начале 12 часа ночи начали выносить сундуки вниз в круглый зал (туда же выносили людской багаж и кухонный). Красивый круглый зал напоминал таможню. Каждый должен был следить за своим багажом, чтобы ручной багаж не перепутали. В 12 ч. ночи все отъезжающие находились в зале и смотрели, как выносили багаж в сад через балкон, к которому вплотную подходили грузовики. О, ужас, шёл второй час, а багаж не уменьшался, и мы видели, что раньше 3-х часов не перенесут всего (а поезд должен отойти в час!). Наконец все перевезли, но тут стали говорить, что наш поезд не вышел ещё из Петербурга, и никто не знал почему. В 12 часов приехал Керенский с Михаилом Александровичем и через 10 минут уехал. Началось

томление, все устали, ходили сонные как мухи, и никто ничего не понимал. Стали думать, что, пожалуй, сегодня отъезд не состоится. Захотели чай. Принесли чай и все накинулись на него с жадностью. Наконец по уголкам на креслах и на диванах многие задремали, и одна заснула и скатилась со стула.

В 5 часов утра 1-го августа приехали и объявили: “Можно ехать”. Мы поехали на Александровский вокзал вместо часа в 5 часов. Солнце взошло, но грустная картина была в минуту отъезда. На балконе стояли все люди и с выражением отчаяния провожали нас… Было четыре мотора, я ехала в последнем с Татьяной Николаевной, Марией Николаевной, Анастасией Николаевной и графиней Гендриковой. Когда мы уселись в поезд и тронулись, было без 10 минут 6 часов утра. Спать не хотелось больше, нервы были натянуты.

Не раздеваясь, я пролежала до 9 часов утра 1-го августа, вымылась и пошла в столовую в 9½, где застала Татищева. В час был завтрак с Хозяевами, за исключением Государыни и Алексея Николаевича. Он устал, не спавши до 6 часов. Очень вкусный стол (завтрак и обед делятся на 3 группы). В 5 часов чай в столовой, кто хочет. Выйти нам не разрешается, и на остановках нужно опускать шторы. В 7½ была остановка, и мы все пошли гулять; собирали голубицу, бруснику (она ещё не созрела). День был утомительно жаркий, даже в 8 часов вечера. Обедали в 8 часов и опять 11 человек (без Государыни и Алексея Николаевича). В 10 часов все улеглись, так как предыдущую ночь не спали.

Сегодня, 2-го августа, все уже знают, “куда” мы едем. Тяжело думать о том, куда нас везут. Пока в дороге, меньше думаешь о том, как будет дальше, но на душе тяжелее, как только вспомнишь, как ты далека от родственников и увидишь ли их опять и когда?! Я пять месяцев не видела ни разу сестры.

Мы проезжаем поля и леса; много заготовлено дров. Видели много выгоревшего и горящего лесу. Сегодня в 6 часов была остановка в поле, и все выходили гулять. Вошли в лес в сопровождении коменданта, его помощников и охраны, которая нас здорово охраняет с двух сторон. В 8 часов был обед – с тем же составом. (Очень хорошо и разнообразно кормят. Повара – китайцы, а подают армяне и один осетин.) Мы едем в международных вагонах – очень чистые и удобные.

Четверг, 3-го Августа.

Хорошо спала в первый раз после долгого времени. Последние две недели, когда узнала, что нас намереваются “куда-то” отправить, жила нервно, мало спала, волновалась неизвестностью, куда нас отправят. Это было тяжёлое время. Только уже дорогой мы узнали, что мы “на дальний север держим путь”, и как подумаешь только – “Тобольск”, сжимается сердце. Сегодня на одной из остановок (конечно, мы не выходили) кто-то на станции спросил нашего вагонного проводника: “Кто едет?” Проводник серьёзно ответил: “Американская миссия”, так как на поезде надпись – “Американская Миссия Красного Креста”. “А отчего же никто не показывается и не выходит из вагонов?” “А потому, что все очень больны, еле живы…”.

Выходили гулять в 6½ часов, шли вдоль реки Сылва – приток Камы. Красивый вид. Высокая скалистая возвышенность, покрытая густым лесом. Ходили час, прошли к обрыву. В 8½, после обеда, Боткин, Татищев, князь Долгоруков и я играли в вист.

Пятница, 4-го Августа.

Встала в 8 часов, пила кофе в столовой с Татищевым. Проехали станцию Кунгура. До завтрака читали у себя в купе. Завтракали в час. Едем весь день очень тихо, с большими остановками, чтобы приехать в Тюмень в 10 часов вечера. В 4 часа гуляли в поле. Какие бесконечные поля ржи, овса, пшеницы, ячменя; много уже сжато. Местами овёс очень низкий, чуть взошёл. Но хлебные поля тянутся на десятки вёрст. Приближаемся к Тюмени. Ползём почему-то. Стоим в поле без конца. Приехали в 11 часов 15 минут в пятницу вечером в Тюмень. Поезд подошёл вплотную к пристани на реке Туре, впадающей в Тобол, и мы из вагонов перешли на пароход, довольно примитивный. Никаких удобств. Первое впечатление самое безотрадное: особенно было тяжело, что для Хозяев ничего не было приготовлено. Все одинаково для всех. Жесткие диваны и ничего больше, даже графинов для воды нет ни в одной каюте. Каюты – довольно большие комнаты с двумя или одним диваном и весьма неудобным умывальником. Рассчитано на людей, не привыкших много умываться. Можно вымыть нос, но до шеи воды не донесёшь – мешает кран. Столовая и

гостиная приличные. Освещение электрическое. У кого были своя подушка и плед, тот мог прилечь, а то – хоть сиди всю ночь. Прислуга на пароходе – простая женщина и мужичок. Начали переносить ручной багаж и стали устраивать постели. Я легла в 3 часа ночи. В это время переносили весь наш тяжёлый багаж. Мы отошли от Тюмени в 5 часов утра. Идём по реке Туре, которая впадает в Тобол.

Суббота, 5-го Августа.

Почти не спала. Встала в 9 часов утра. Умывальник неудобный, даже мыться, как привыкла, нельзя. По берегу громадные пространства, мели, грустный вид. Река Тура очень мелка, местами не более 2-х аршин глубины (ходят только плоскодонные суда), она страшно извилистая, и мы сегодня на повороте ткнулись в берег.

Воскресенье, 6-го Августа.

Пишу в 11 часов утра. Ночью вошли в реку Тобол. Тобол шире и глубже. Волна бурая. Берега такие же плоские, низкие, такие же оползни. Свежо, проглядывает солнце. Вдали виден мелкий лес. Мы идём скорее. Сказали, что прибудем в Тобольск сегодня в 8 часов вечера. В 12½ был завтрак. В 1 час остановились у небольшого села и стояли до трёх часов. Стали укладываться. В 4½ был чай с холодной закуской. Прибыли в Тобольск в 6 часов. Князь Долгоруков с Макаровым поехали в Губернаторский дом, чтобы распределить комнаты. Через два часа они вернулись с печальным известием. О, ужас! Дом почти пустой; без стульев, столов, умывальников, без кроватей и т. д. Зимние рамы не выставлены с лета и грязны, всюду мусор, стены грязны. Словом, дом совсем не был приготовлен. Теперь идёт чистка, протапливают печи и покупают мебель, которую в Тобольске найти трудно, так как это, скорее, уездный город, где ничего достать нельзя. Ситцу спросили, – говорят, нигде нет.

Даже чернил нельзя достать. Так мы сидим на пароходе, пока не будет всё готово… Да, это был для нас удар.

Понедельник, 7-го Августа.

На Иртыше. Сидим на пароходе. Погода пасмурная, дует холодный ветер с дождём, выглядывает по

временам солнце. Идёт всё время разговор, как нам разместиться, так как в одном доме всем места нет. Нечего делать, все вещи с парохода перевезены в Губернаторский дом, остались с ручным багажом.

Вторник, 8-го Августа.

Погода переменная, свежо. Ходили в город, в Губернаторский дом. Все ещё грязно, чистка подвигается медленно, мебели мало и самых необходимых вещей нет. Ужасно грустно. В 3 часа поехали по Иртышу прокатиться, останавливались у берега и выходили погулять в поле. Вечером князь Долгоруков и я играли в бридж.

Среда, 9-го Августа.

И сегодня стоим на Иртыше – всё на том же месте: у пристани. Утром ходила в город. Смотрела меховые вещи из оленьей шкуры и валенки. Валенки из оленьей шкуры страшно дорогие, 40 рублей, а меховые пальто с шапкой (в одно) 200 рублей. За всё здесь запрашивают неимоверные цены. Уже стали повышать цены на съестные припасы, зная, кто сюда приехал.

Четверг, 10 Августа.

Сидели весь день дома. В 6 часов дождь перестал, выглянуло солнце. Настенька пошла в город. У Алексея Николаевича заболела рука и ухо; он, бедный, плакал. У Великой Княжны Марии Николаевны повышенная температура – 38,6. Она лежит. Жильяр седьмой день в постели. День ужасно тоскливый.

Пятница, 11 Августа.

Сегодня чудный солнечный день. Ходила утром с Настенькой и Долгоруковым в город. Днём в 3 часа двигались на пароходе и выходили на берег гулять, – было очень жарко. Я оставалась на пароходе с Ея Величеством, Великой Княжной Марией Николаевной и Алексеем Николаевичем. Настенька днём ходила в город и купила мне бумагу почтовую и чернила.

Суббота, 12 Августа.

Сегодня утром в 10 часов князь Долгоруков, Настенька, Татищев, я, комиссар Макаров ездили смотреть мебель в городе к частным лицам, которые

продают.

Воскресенье, 13 Августа.

Утром в 10 часов Татищев, Настенька и я перешли пешком с нашего парохода “Русь” в дом Корнилова. В 10 часов Государь, Наследник, все Великие Княжны перешли, так же пешком, в Губернаторский дом, а Государыня и Великая Княжна Татьяна Николаевна ехали в коляске. Больного Жилика привёз Боткин в пролётке. В 12 часов был молебен, пели монашенки. В час все собрались в столовую в Губернаторском доме завтракать. После обеда Их Величества и Великие Княжны перешли в дом Корнилова посмотреть, как мы все помещены. Но наш дом совсем не устроен. Стали немного разбираться, но кроме кровати в первый день ничего не получили. Нашли всего три глиняные чашки, чтобы умываться – во всём доме нет ни умывальников, ни шкафов; только несколько столов и стульев. Говорят, что в доме Корнилова был окружной суд, а в бывшем Губернаторском находился Совет рабочих и солдатских депутатов. Выехали они за 3 дня до нашего приезда и оставили неимоверную грязь.

Понедельник, 14 Августа.

Утром ходили пить кофе в дом № 1 (а наш дом № 2). [196]Потом пошла по городу, искать чаши для умывальников. Нашла только два глиняных горшка. Купила утюг в гостином доме. Завтракали и обедали все вместе в доме № 1. После завтрака пошли искать чернильницу. После обеда Алексей Николаевич играл в “Крепость” с Государем и остальные играли в игру: собирать семейство.

Вторник, 15 Августа.

Сегодня праздник. Успение Богородицы. Была обедница в 11 часов в зале дома № 1. Священник очень симпатичный. После весь день сидела и разбиралась в своих бумагах.

Среда, 16 Августа.

Чудная погода весь день. Выходила, утром искала кувшин, был всего один, за который спросили 6 р. [ублей] После завтрака с графиней [197]пошли к памятнику Ермака. Вид с горы очень красивый, виден

Иртыш. Спустились с горы по ступенькам, которых сто. Солнце палило, и было страшно жарко подниматься (я думаю, градусов 30).

Четверг, 17 Августа.

Погода жаркая. Утром Маша [198]пошла купить ведро. После завтрака я пошла отыскивать красильню. Нашла в частном доме, а не магазине. Всё здесь очень примитивно. Нигде решительно нет мощёных улиц. После обеда пришла домой в 11 часов.

Пятница, 18 Августа.

Погода тёплая. В тени 25 градусов. Утром приехала Маргарита Хитрово. Заходила в наш дом и виделась с Настенькой. После завтрака она опять зашла, принесла конфеты, духи и образочки и вместе с Настенькой пошла искать себе комнату. Ничего не нашли. Тогда Хитрово пошла одна на поиски себе комнаты. Вечером пришёл судебный следователь и сделал обыск в принесённых ею вещах, но через час вернулся и сказал, что ему необходимо осмотреть и вещи (книги, бумаги и т. д.) графини Гендриковой. Такой осмотр вещей в комнате графини Гендриковой нас всех очень поразил. Хитрово уже больше к нам не пришла, и на другой день, 19-го, её отправили обратно. Всё это очень странно.

Суббота, 19 Августа.

Погода дивная, на солнце 37 градусов.

Воскресенье, 20 Августа.

Погода с утра жаркая, днём на солнце 35–36 градусов. Была в зале обедница. Ходила в огород, хотела там почистить грядки, но так всё заросло, что не стоит приниматься. Просидела дома, читала газету. Разбиралась в бумагах.

Понедельник, 21 Августа.

Погода такая же, как и вчера. Утром с 11-ти до 1-го часа читала с Алексеем Николаевичем. После завтрака пошла искать красильню.

Вторник, 22 Августа.

Погода такая же. Читали с Алексеем в 6 часов в его комнате. После завтрака ходила с Машей, показала ей,

где живёт прачка.

Среда, 23 Августа.

Погода такая же жаркая. 30 градусов на солнце. Утром в 10 часов в саду читали с Алексеем Николаевичем. Маша одна ходила в красильню и купила мне чёрной тесьмы и чёрн. бубош. для штопки. В 3 часа я ходила с князем [199]по лавочкам, – искали эмалированные чашки, – нигде нет. Пошёл дождь, и через ½ часа опять была чудесная погода.

Четверг, 24 Августа.

Погода очень жаркая, на балконе в 2 часа было 34 градуса. Утром читала в столовой с Алексеем Николаевичем. Сейчас купили телеграммы. Рига взята без боя… Какой ужас! Какая тоска. Что же будет дальше? В депешах – арестован Великий Князь Михаил Александрович. Не выходила из дома. В 12 часов приехал Владимир Николаевич Деревенко.

Пятница, 25 Августа.

Погода теплая, хорошая, но ветер. Урока у Алексея Николаевича не было. Он простужен, насморк и сильно кашляет. У Анастасии Николаевны болят уши. Ольга Николаевна – насморк уже неделю. В 12 часов дня приехал доктор Деревенко и привёз письма.

Суббота, 26 Августа.

Погода свежее – ветреная. Уроков не было. После завтрака выходила гулять. Вечером в 9 часов было свежо. Узнали, что Великая Княжна Мария Павловна невеста. Выходит замуж за князя Путятина. Она пишет Великой Княжне Ольге Николаевне и просит сообщить Их Величествам. Пишет, что очень счастлива, и что эта любовь уже полтора года.

Воскресенье, 27 Августа.

Погода свежее. В 11 часов была обедница. В комнате 18 градусов.

Понедельник, 28 Августа.

Погода хорошая. В комнате у меня 19 градусов. Удручающее впечатление – Рига взята. Ходила на пристань узнать, когда придёт пароход из Тюмени.

Татищева мать скончалась.

Вторник, 29 Августа.

Ночью шёл дождь. Утром свежо. В 11 часов была обедница. Днём в 2 часа выходила на ½ часа. Катя не приехала. Узнали, что Великие Князья Павел Александрович и Михаил Александрович арестованы. Алексей Николаевич – кашель. Завтракал Владимир Николаевич, привёз письма от Ольги, [200]Сони [201]… Я же не выходила.

Среда, 30 Августа.

Ночью в 12 часов пришёл пароход “Кормилица”, на котором приехала Катя. [202]

Четверг, 31 Августа.

Утром в 9 часов с парохода приехала Катя. После осмотра её вещей её впустили ко мне. Погода свежая, но хорошая.

Пятница, 1 Сентября.

Приехала Клавдия Михайловна. [203]Я её видела из моего окна. Она шла в одном платье сестры милосердия. Тепло.

Воскресенье, 3 Сентября.

Был заморозок. Но днём было тепло. Татищев, Настя, князь Долгоруков и я пошли на гору, [204]идти было очень жарко.

Вторник, 5 Сентября.

Пошла гулять по улице; на солнце так жарко, сняла кофточку. Встретила Клавдию Михайловну. О, Боже! Объявлена “Республика” во главе с Керенским, и это до Учредительного собрания. [205]

Пятница, 8 Сентября.

В первый раз пошли все и Их Величества пешком в церковь. На возвратном пути из церкви собралась толпа – держали себя чинно. Весь день никуда не выходила. Погода дивная, тепло.

Воскресенье, 1 °Сентября.

С 12 часов была ясная погода. В церковь не пошли;

была дома обедница. Днём сидела дома и читала. Вечером, как всегда, было чтение. Читал Долгоруков.

Понедельник, 11 Сентября.

Погода с утра солнечная и тёплая. Писала Клавдии Михайловне и дала ей список учебников. [206]Вечером – чтение, читал Государь.

Вторник, 12 Сентября.

С утра пасмурно. Днём солнце – тепло. Занималась с Алексеем Николаевичем. [207]От 3-х до 4-х часов была со всеми в огороде. Вечером чтение до 11 часов, читал Боткин.

Среда, 13 Сентября.

Погода дождливая – страшная грязь. От 9 до 10 занималась с Алексеем Николаевичем. Днём выходила. Купила сапожную мазь, эмалевую краску для ведра. Выкрасила своё жестяное ведро. Вечером в зале дома № 1 была всенощная. Я не оставалась на чтение, т. к. надо было в четверг вставать в 7 часов. Маша страшно кашляет, был Боткин.

Четверг, 14-го Сентября.

Встала в 7 часов, т. к. обедня в церкви и начало в 8 часов. Пошли “все” вместе. Если бы не были через дорогу положены доски, нельзя было бы пройти – такая непролазная грязь. Служба была для Их Величеств – без публики. Пришли из церкви – пили кофе. Сегодня утром приехала Виктория Владимировна Николаева [208]к Гендриковой и дочь Боткина. Получили открытку от Ольги от 6-го сентября.

Пятница, 15-го Сентября.

Погода опять хорошая. Занималась с Алексеем Николаевичем. Не гуляла». [209]

21 августа 1917 года по распоряжению Министра-Председателя А. Ф. Керенского в Тобольск для надзора за Августейшими Узниками был назначен «Комиссар по охране бывшего царя и его семьи», коим по рекомендации «бабушки русской революции» Е. К. Брешко-Брешковской стал член партии эсеров и бывший «народоволец» В. С. Панкратов, осуждённый в 1883 году на 20 лет каторжных работ за убийство жандарма.

2 сентября комиссар В. С. Панкратов прибыл в этот губернский город вместе со своим помощником А. В. Никольским, Прапорщиком Военного Времени, которого он хорошо знал в годы отбываемой им в Якутии ссылки. Обладая грубой внешностью и страшно неуживчивым характером, А. В. Никольский, по словам Т. Е. Мельник-Боткиной, *«…думал только о дальнейшей пропаганде своих убеждений».*Так, к примеру, он настоял на том, чтобы все проживающие в «Доме Свободы» члены Царской Семьи, а также Её приближённые и слуги (имевшие доступ в это здание), были бы сфотографированы на специальные удостоверения, дающие им право входа. [210]

В тобольский период заточения Царской Семьи какие-либо упоминания об А. С. Демидовой в дневниках Августейшей Четы отсутствуют вовсе. Лишь только один раз – 9 (22) марта – Государыня упомянула о ней косвенно, записав: *«…91/4–12 [часов]. Исповедь, мы 7, Настенька, Валя, Татищев, Лиза и 11 наших людей. Дети начали, и мы – в конце. Сидели до 113/4 [часа]».* [211]То есть, подразумевая её в числе упомянутых Ею одиннадцати слуг.

Следующее упоминание об А. С. Демидовой записано в дневнике Государыни накануне отъезда из Тобольска:

> « *Тобольск.12 (25). Апрель. Четверг.*
>
> (…) После обеда пришёл ком[иссар] Яковлев, так как я хотела организовать походы в церковь в Страстную неделю. Вместо этого он объявил по приказу своего правительства (большевиков), что он должен увезти всех нас (куда?). Увидев, что Бэби очень болен, пожелал увезти Н[иколая] одного (если не хочет, то он вынужден будет применить силу). Мне пришлось решать, оставаться ли с больным Бэби или сопровождать его. Решила сопровождать его, т. к. я могу быть нужнее, и слишком рискованно не знать, где и куда (мы представляли себе Москву). Ужасные страдания. Мария едет с нами. Ольга будет ухаживать за Бэби, Татьяна – по хозяйству, а Анастасия приведёт всё в порядок. Берём Валю, Нюту, Евг. [ения] Серг. [еевича]». [212]

Таким образом, Анна Степановна, уехав в безызвестность вместе с Августейшей Четой, проделала нелёгкий путь из Тобольска до Тюмени и после двухдневных мытарств по железным дорогам 30 (17) апреля 1918 года оказалась в Екатеринбурге, где вместе с остальными узниками была помещена под арест в ДОН, ставший последним пунктом её жизненного пристанища.

В этот же день Государь записал в дневнике:

> «(…) Дом хороший, чистый. Нам были отведены четыре большие комнаты: спальня угловая, уборная, рядом столовая с окнами в садик и с видом на низменную часть города и, наконец, просторная зала с аркою без дверей. Долго не могли раскладывать своих вещей, так как комиссар, комендант и караульный офицер всё не успевали приступить к осмотру сундуков. А осмотр потом был подобный таможенному, такой строгий, вплоть до последнего пузырька походной аптечки Аликс. Это меня взорвало, и я резко высказал своё мнение комиссару. К 9 час. [ам], наконец, устроились. Обедали в 4¼ из гостиницы, а после приборки закусили с чаем. Разместились след. [ующим] образом: Аликс, Мария и я втроём в спальне, уборная общая, в столовой – Н[юта] Демидова, в зале – Боткин, Чемодуров и Седнев». [213]

Находясь на положении арестованной в доме Ипатьева, Анна Степановна выполняла не только свои непосредственные обязанности по обслуживанию Государыни и уходу за Её гардеробом, но и сопровождала Великую Княжну Марию Николаевну во время её коротких прогулок по садику дома Ипатьева. Так, в Пасхальной открытке от 2 мая 1918 года, адресованной в Тобольск на имя Великой Княжны Ольги Николаевны, Мария Николаевна писала:

> «Христос Воскресе!
>
> Трижды горячо Тебя, Душку, целую. Здоровье сегодня получше, но лежу. Другие часок гуляли в крошечном садике и были очень довольны. Бочка привезла воду, т[ак] ч[то] Папа может иметь ванну до обеда в 9 л[итров].
>
> Покачалась с Нютой на американской качели, [214]гуляла с Папой взад и вперёд. Мама лежит сегодня на койке, немного лучше, но голова и сердце болит…» [215]

Помимо того, что на плечи А. С. Демидовой свалилось множество всякого рода работы, она, к тому же, ещё и помогала Государыне отправлять письма Её постоянным корреспондентам. Ибо обе они полагали, что письма, написанные горничной, могут быть подвергнуты не столь тщательной перлюстрации, нежели письма Государыни. [216]В свою очередь, это обстоятельство

нашло своё отражение в дневнике Государыни за 3 мая 1918 года в несколько зашифрованном виде: *«(…) С. 28 п.к. н. Н.»*. [217]Что на самом деле означает, что А. В. Сыробоярскому [218]была отправлена почтовая карточка за № 28, написанная Нютой.

9 мая (26 апреля) 1918 года Государыня отметила, что: *«Мария и Нюта мыли мои волосы»*. [219]

А 10 мая, заступивший на дежурство в качестве представителя Уральского Облсовета Б. В. Дидковский, отобрал под расписки все крупные суммы денег, имевшиеся на руках у слуг, в числе коих оказалась и А. С. Демидова, у которой было изъято более полутора тысяч рублей. [220]

В связи с этим обстоятельством Великая Княжна Мария Николаевна в тот же день написала в Тобольск открытку, в которой рассказала о случившемся, а, продолжив её на следующий день, упомянула, в частности, и об А. С. Демидовой, заметив, что: *«Сегодня отдали наше грязное бельё прачке. Нюта тоже сделалась прачкой, выстирала Маме платок очень даже хорошо и тряпки для пыли»*. [221]

13 мая вновь по той же «системе переписки» Государыня отослала почтовую открытку, но на сей раз – М. М. Сыробоярской. [222]

С прибытием из Тобольска Августейших Детей забот у А. С. Демидовой прибавилось, поскольку, чтобы не терять времени даром, она стала обучать Великих Княжон рукоделию, сводившемуся, в основном, к починке и штопке постельного белья.

Так, в дневнике Государыни за 27 (14) мая имеется запись: *«Дети штопают постельное бельё с Нютой»*. [223]Следующая запись подобного плана: *«Дети помогают Нюте штопать их чулки и постельное бельё (и наше»)* [224]– датирована 10 июня (28 мая).

10 (23) июня в «расстановке» жильцов дома Ипатьева произошли некоторые изменения, нашедшие своё отражение в дневнике Государыни: *«Евг. [ений] Серг. [еевич] [Боткин] снова перешёл в большую комнату, так как в ней больше воздуха и тише, Нюта [Демидова] снова будет в столовой»*. [225]

Последнее упоминание о верной слуге Их Величеств Анне Степановне Демидовой в дневнике Государыни приходится на 3 июля (20 июня) 1918 года: *«Перед ужином М[ария] и Нюта помыли мне голову»*. [226]

В ночь с 16 на 17 июля 1918 года А. С. Демидова была разбужена доктором Е. С. Боткиным, который сообщил ей об угрозе нападения на дом. Анна Степановна разбудила Великих Княжон, а уже кто-то из них (вероятнее всего, Татьяна

Николаевна), в свою очередь, разбудил Августейших Родителей, которым сообщили о происходящем.

Несмотря на предупреждение Я. М. Юровского не брать с собой никаких вещей, узники всё же ослушались и прихватили ничего не значащую мелочь, в числе которой находились предметы первой необходимости, могущие им пригодиться на случай возможной дороги.

Почти всем участникам и соучастникам этого убийства наиболее запомнился тот факт, что, шествуя к месту своей гибели, А. С. Демидова несла две большие подушки. (Оказавшись в комнате убийства, она одну из них подложит под спину больного Наследника, усаженного в последние минуты своей жизни на стул, «любезно» принесённый Г. П. Никулиным.) А вот вторая подушка так и останется у неё в руках и на небольшое время продлит её агонию. Но, как покажет ход всех дальнейших событий, именно на долю Анны Степановны Демидовой выпала наиболее мученическая смерть.

Вспоминает цареубийца М. А. Медведев (Кудрин):

> «Редеет пелена дыма и пыли. Яков Михайлович предлагает мне с Ермаковым, как представителям ЧК и Красной Армии, засвидетельствовать смерть каждого члена царской семьи. Вдруг из правого угла комнаты, где зашевелилась подушка, женский, радостный крик:
>
> – Слава богу! Меня бог спас!
>
> Шатаясь, поднимается уцелевшая горничная: она прикрылась подушками, в пуху которых увязли пули. У латышей уже расстреляны все патроны, тогда двое с винтовками подходят к ней через лежащие тела и штыками прикалывают горничную». [227]

Ещё один убийца – А. Г. Кабанов – в своём письме к М. М. Медведеву [228]описывает гибель Анны Степановны с ещё более страшными подробностями:

> «Фрельна лежала на полу ещё живая. Когда я вбежал в помещение казни, я крикнул, чтобы немедленно прекратили стрельбу, а живых докончили штыками, но к этому времени [в] живых остались только Алексей и Фрельна. Один из товарищей в грудь фрельны стал вонзать штык американской винтовки “Винчестер”, штык вроде кинжала, но тупой и грудь не пронзил, а фрельна ухватилась обеими руками за штык и стала кричать…» [229]

Его рассказ существенно дополняют воспоминания ещё одного соучастника убийства – караульного наружной охраны А. А. Стрекотина:

> «Стрелять в них было уже нельзя, так как двери все внутри здания были раскрыты, тогда тов. ЕРМАКОВ видя, что держу в руках винтовку со штыком, предложил мне доколоть этих ещё оставшихся живыми. Я отказался, тогда он взял у меня из рук винтовку и начал их докалывать. Это был самый ужасный момент их смерти. Они долго не умирали, кричали, стонали, передёргивались. В особенности тяжело умерла та особа – дама. ЕРМАКОВ ей всю грудь исколол». [230]

Так окончила свой земной путь Анна Степановна…

В 1981 году решением Священного Архиерейского Собора Русской Православной Церкви Заграницей **Анна Степановна Демидова причислена к лику Святых Новомучеников Российских от власти безбожной пострадавших и наречёна именем Святой Мученицы Анны (Демидовой)**.

Чин прославления был совершён в Синодальном Соборе Знамения Божьей Матери РПЦЗ в Нью-Йорке 19 октября (1 ноября) 1981 года.

Долгие годы честные останки А. С. Демидовой вместе с останками Царственных Мучеников покоились в безымянной тайной могиле, сокрытой в старой просёлочной дороге близ Екатеринбурга. В 1979 году её обнаружила группа энтузиастов, а в 1991 году она была официально вскрыта, и все находящиеся в ней костные останки подверглись тщательной экспертизе.

17 июля 1998 года останки А. С. Демидовой были уложены в гроб-ковчежец и торжественно захоронены вместе с останками Членов Царской Семьи и прочих верных слуг в Екатерининском приделе Собора Петра и Павла в городе Санкт-Петербурге.

А. С. Демидова в материалах Следственного Производства 1918–1920 г.г

Документ № 1

«(…) Из рассказов Стрекотина, я понял, что убиты были решительно все. (…) Сколько выстрелов было произведено во время расстрела – не знаю, не спрашивал. Нет, я припоминаю, что в разговоре заметил Стрекотину: “Пуль ведь много должно остаться в комнате”, и Стрекотин мне ответил: “Почто много?

Вон, служившая у Царицы женщина закрывалась от выстрела (выстрелов. – *Ю. Ж.*) подушкой, поди, в подушке много пуль застряло”». [231]

Документ № 2

«(…) Государь и Наследник были убиты сразу, всё же остальные были только ранены, и поэтому их пришлось пристреливать, прикалывать штыками и добивать прикладами. Особенно много возни было с фрейлиной, [232]она всё бегала и защищалась подушками, на теле её оказалось 32 раны». [233]

Документ № 3

«(…) Привели [их] в угловую комнату нижнего этажа, смежную с опечатанной кладовой. Юровский велел подать стулья: его помощник принёс три стула. [234]Один стул был дан Государыне, другой – Государю, Третий – Наследнику. Государыня села у той стены, где окно, ближе к заднему столбу арки. А [к] ней встали три дочери (я их всех очень хорошо знаю в лицо, так [как] почти каждый день видел их на прогулке, но не знаю хорошенько, как звали каждую из них). Наследник и Государь сели рядом, почти посреди комнаты. За стулом Наследника встал доктор Боткин. Служанка (как её зовут – не знаю, высокого роста женщина) встала у левого косяка двери, ведущей в опечатанную кладовую. С ней встала одна из Царских дочерей (четвёртая). Двое слуг встали в левом (от входа) углу, у стены, смежной с кладовой». [235]

Документ № 4

«(…) Размещение в Губернаторском доме произошло таким образом. Когда входишь в нижний этаж дома, попадаешь в переднюю, из которой идёт через весь этаж коридор, делящий на две половины. При входе в переднюю первая комната, угловая, на правой стороне, занималась дежурным офицером. Рядом с ней была комната, где жила Демидова и обедали с ней Теглева, Туттельберг, Эрсберг. (…)

В солдатах, как я думаю, говорило тогда чувство страха перед этим новым будущим комиссаром, и они постановили: всех лиц свиты перевести в Губернаторский дом и считать всех арестованными, в том числе и прислугу. Тогда и были все переселены, кроме Гиббса (англичанин не любил ни с кем жить и

поселился один в отдельном особом помещении), в Губернаторский дом.

Пришлось сделать кое-какие перегородки в доме. Рядом с комнатой Чемодурова, за счёт передней, устроили комнату для Демидовой, Теглевой и Эрсберг. (…)

В 4 часа утра были поданы сибирские “кошевы” – плетёные тележки на длинных дрожинах, одна была с верхом. Сиденье было из соломы, которая держалась при помощи верёвок, прикреплённых к бокам кузова тележки. Вышел Государь, Государыня и все остальные. Государь меня обнял, поцеловал. Государыня дала мне руку. Яковлев сел с Государем. Он хотел и требовал, чтобы с Государыней сел Матвеев. [236] [237]Но она это категорически отклонила и села с Марией Николаевной. Яковлев уступил. Долгоруков сел с Боткиным, Чемодуров – с Седневым, Демидова – с Матвеевым. (…)

Демидова была лет 42, высокая, полная, блондинка, лицо красноватое, нос прямой и небольшой, глаза голубые. (…)

Относительно корсетов я могу сказать, что Демидова носила корсет. Её корсет должен был быть с более длинными передними планшетками, чем корсет Государыни». [238]

Документ № 5

«(…) Вслед за первыми же выстрелами раздался, как они говорили, [239]женский “визг”, крик нескольких женских голосов. Расстреливаемые стали падать один за другим. Первым пал, как они говорили, Царь, за Ним Наследник. Демидова же, вероятно, металась. Она, как они оба говорили, закрывалась подушкой. Была ли она ранена или нет пулями, но только, по их словам, была она приколота штыками одним или двумя русскими из чрезвычайки. (…)

Я не говорил сестре, что сам видел расстрел Царской Семьи. Всё я рассказывал ей с чужих слов. Вероятно, она, ввиду моего расстроенного вида, подумала, что картину убийства я сам видел своими глазами. Я не называл ей число полученных Демидовой штыковых ран: 32. Это не так. Дерябин говорил, что её ударили штыком раз 30. Так и я ей говорил». [240]

Документ № 6

«(…) В ночь с 16 на 17-е число произошло страшное злодеяние: всю Царскую Семью расстреляли.

Произошло это между 1–3 по-большевистски. (…)

Государь Император держал на руках наследника. От первого залпа Государь и Наследник упали. Остальных добивали. Фрейлине, по всей вероятности, Буксгевден, было нанесено 32 штыковых раны». [241]

Документ № 7

«(…) Около двух часов ночи с 16 на 17 июля в Ипатьевский дом прибыли пять “главных комиссаров” Областного Уральского совета (…) В два часа ночи члены Царской Семьи были разбужены и Им объявили, что Их сейчас повезут. Члены Царской Семьи встали, умылись, оделись. В три часа ночи Их свели всех вместе вниз и привели в указанную выше комнату. Здесь всех сгруппировали к указанной стене: Государь стоял посередине, перед ним Наследник, рядом – Государыня, по сторонам – Великие Княжны, в левом углу – доктор Боткин, ещё левее – Анна Демидова, по правую сторону – лакеи Седнев и Трупп и повар Харитонов: всего – 12 человек.

Против Них выстроились в центре Юровский с двумя своими помощниками (из коих один был еврейского типа), по сторонам его – “главные”, по сторонам их – 10 латышей (составлявших за последнюю неделю внутреннюю охрану и нанятых для сего Юровским), из коих фамилия одного – Пашка Берзин. К ним присоединился начальник охранной команды Павел Медведев (из рабочих Сысертского завода). Сзади, в дверях и в прихожей, – охранники караульной команды, бывшие в ту ночь на дежурстве. Юровский прочёл постановление Областного совета со смертным приговором и добавил: “Таким образом, Ваша жизнь кончена”. На это Государь ответил: “Я готов”. Государыня и великая княжна Ольга Николаевна перекрестились, перекрестился также доктор Боткин. Татьяна, Мария и Анастасия Николаевны лишились чувств. Наследник Цесаревич был как бы в столбняке. Анна Демидова заметалась, защищаясь по-душкой.

Вслед за ответом Государя Юровский выстрелил в упор в Государя и убил его наповал. Одним выстрелом был убит и Наследник Цесаревич. За Юровским открыли револьверную стрельбу латыши и Павел Медведев. Стреляли много, торопясь. Когда все оказались упавшими, то стрельбу прекратили и стали осматривать, кто мёртв, а кто ещё жив. Живых добивали штыками и прикладами. Великая княжна Анастасия Николаевна оказалась нетронутой пулями; когда к ней прикоснулись, она страшно закричала. Её оглушили ударом приклада и докололи штыками. Долго не могли также убить Анну Демидову, которая металась вдоль левой стены: поэтому следы пуль видны в разных местах

этой стены и даже в косяке входной двери.

Когда, наконец, все мученически погибли, то трупы вынесли во двор, сложили на грузовой автомобиль и увезли вёрст на 14 в лес, где имеется до 60 старых заброшенных шахт. Там все были раздеты, обысканы, и всю одежду с бельём сожгли на нескольких кострах, дабы если трупы удалось бы найти, то по одним костям, без одежды, трудно утвердительно опознать, кому именно принадлежит скелет. Тела, по-видимому, были брошены в шахты». [242]

Литература о Камер-Юнгфере при Комнатах Е.В. Государыни Императрицы А. С. Демидовой

1. Ковалевская О. Т. С Царём и за Царя. Мученический венец Царских слуг. М., Издательство «Русскій Хронографъ», 2008.
2. Румянцева Е. Л. Мученические венцы принявшие. (К 90-летию убийства Царских слуг на Урале.) Екатеринбург, Издательский дом «Стягъ», 2008.
3. Чернова О. В. Верные до смерти. СПб., Издательство «Сатисъ», 2007.
4. Чернова О. В. Верные. О тех, кто не предал Царственных Мучеников. М., Издательство «Русскій Хронографъ», 2010.
5. Степанова И. «Черкни хотя бы открытку…». Журнал «Огонёк». 23 июля 1996, № 30.
6. Калягина Е. Вместо императрицы сожгли фрейлину. Внучка комнатной девушки Анны Демидовой мечтает похоронить бабушку на семейном кладбище. Газета «Комсомольская правда» от 27.02.1998.
7. Федченко Л. В. До смерти верная. URL: **http://vologda-eparhia.ru/vernaya-do-smerti-gornichnaya-carskoj-semi-anna-stepanovna-demidova.html** .

Глава 5
Камердинер при Комнатах Е.И.В. Государя Императора Николая II Александровича Терентий Иванович Чемадуров

В числе прибывших в столицу «Красного Урала» с первой партией Августейших Узников был и Т. И. Чемадуров, состоявший в должности Камердинера.

Биографические сведения о нём весьма незначительны и отрывочны, и почти всё, что мы знали о Т. И. Чемадурове до недавнего времени, ограничивалось краткой информацией, занесённой в протокол Членом Екатеринбургского Окружного Суда И. А. Сергеевым, допросившим его 2/15–3/16 августа 1918 года.

Однако автору данного издания удалось несколько уточнить эти сведения после ознакомления с «Послужными Списками Придворнослужителей Гофмаршальской Части Министерства Императорского Двора и Уделов» за разные годы, хранящимися в Российском Государственном Историческом Архиве Санкт-Петербурга.

Терентий Иванович Чемадуров [243]родился в 1849 году. Происходил из крестьян села Крупца Крупецкой волости, Путивльского уезда Курской губернии. Был женат на Екатерине Андреевне, в браке с которой имел дочь Екатерину, рождённую 19 ноября 1891 года.

Как большинство состоящих впоследствии при Высочайшем Дворе слуг, Т. И. Чемадуров, вероятнее всего, сначала проходил воинскую службу в одном из Лейб-Гвардейских полков, где был замечен и приглашён в услужение к Великому Князю Алексею Александровичу – четвёртому сыну Императора Александра II и последнему Генерал-Адмиралу Императорского Русского Флота.

Определён на службу ко Двору Его Императорского Высочества Великого Князя Алексея Александровича Официантом 6 января 1891 года. 1 января 1895 года назначен на должность Рейткнехта. [244]

Свои обязанности Т. И. Чемадуров выполнял образцово, за что по представлению Великого Князя награждён Серебряной медалью «За усердие», которой был удостоен по Высочайшему Повелению в 1897 году. [245]

1 мая 1898 года Т. И. Чемадуров был назначен на должность «Исполняющего обязанности Камердинера». С новыми

обязанностями он, видимо, также справлялся весьма неплохо, за что в 1901 году был представлен уже к Золотой медали «За усердие», [246]а 20 мая 1906 года возведён в звание Личного Почётного Гражданина. [247]

На протяжении более чем 17 лет Т. И. Чемадуров состоял при особе Великого Князя и лишь после его смерти был уволен от службы с 1 ноября 1908 года.

Но преданный слуга не был забыт. Ровно через месяц Терентий Чемадуров с соизволения Государя Приказом по Гофмаршальской Части Министерства Императорского Двора и Уделов за № 55 от 1 декабря 1908 года назначен Камердинером комнат Его Императорского Величества сверх штата, а на аналогичную штатную должность был зачислен лишь 23 ноября 1910 года.

В течение многих лет Т. И. Чемадуров сопровождал Государя во всех его поездках, служа Ему верой и правдой, в награду за что 6 апреля 1914 года был возведён в звание Потомственного Почётного Гражданина. [248]

С началом Первой мировой войны Т. И. Чемадуров также сопровождает Государя во всех его поездках, и «За особые труды по обслуживанию поездок Е.И.В. в Действующую Армию» в 1915 году был пожалован Золотой шейной медалью «За усердие», [249]а в 1916 – орденом Св. Станислава III-й степени. [250]

После Февральской Смуты Терентий Чемадуров в числе прочих, не пожелавших бросить своего Государя слуг, оставался в Александровском Дворце, после чего 1 августа 1917 года последовал за Царской Семьёй в Тобольск.

За долгую и беспорочную службу Т. И. Чемадуров был награждён:

• Серебряной медалью «За усердие» для ношения на груди на Станиславской ленте (2 января 1897 г.);

• Золотой медалью «За усердие» для ношения на груди на Станиславской ленте (20 мая 1901 г.);

• Светло-бронзовой медалью «В память 300-летия Российского Императорского Дома Романовых» (21 февраля 1913 г.);

• Золотой медалью «За усердие» для ношения на шее на Станиславской ленте (6 мая 1915 г.);

• Орденом Св. Станислава III-й степени (6 декабря 1916 г.);

• Прусским Крестом всеобщего почётного знака (15 марта 1914 г.);

• Гессенским серебряным крестом (15 марта 1914 г.).

Уволен со службы за Упразднением Гофмаршальской Части на основании Приказа Народного Комиссара Имуществ В. А. Карелина от 15 января 1918 года с назначением выплаты

единовременного пособия в сумме 650 рублей.

17 (30) апреля 1918 года Т. И. Чемадуров вместе с Царской Семьёй прибыл в Екатеринбург, где среди прочих пленников был помещён под арест в ДОН.

До 24 (11) мая 1918 года он проживал вместе с Царской Семьёй на положении арестованного. Но так как за означенное время его общее физическое состояние сильно ухудшилось (причиной чему послужила полученная в дороге и перенесённая на ногах простуда), Государь ещё накануне приезда Августейших Детей пообещал сильно расхворавшемуся к тому времени Т. И. Чемадурову, что отпустит его к жене в Тобольск, а вместо него возьмёт А. Е. Труппа.

В этот же день Государь записал в дневнике:

> « *11 Мая. Пятница.*
> С утра поджидали впуска наших людей из Тобольска и привоза остального багажа. Решил отпустить моего старика Чемодурова для отдыха и вместо него взять на время Труппа. Только вечером дали ему войти и Нагорному, и полтора часа их допрашивали и обыскивали у коменданта в комнате. (…)». [251]

Упоминание о проведённом личном обыске Т. И. Чемадурова и вновь прибывших в ДОН А. Е. Труппа и К. Г. Нагорного нашло своё отражение и в дневнике Государыни:

> « *Екатеринбург.*
> *11. (24). Май.*
> *Пятница.(…)*
> Чемодуров ушёл, так как плохо себя чувствовал. Его совершенно раздели и обыскали, прежде чем он ушёл из дома. После ужина пришли Нагорный и Трупп (и Джой) – 2 часа допрашивали и обыскивали». [252]

Перед тем как выйти из ДОН, старый царский слуга был приглашён в комендантскую комнату, где ему приказали раздеться, чуть ли не догола, после чего самым тщательным образом осмотрели всю его одежду и личные вещи, из-за опасения «налаживания связи с контрреволюционным подпольем».

Однако после того как эта весьма неприятная процедура была завершена, Т. И. Чемадуров, вместо обещанной свободы, был посажен в экипаж, но доставлен не на вокзал, а в местную тюрьму.

А прибыв туда, был помещён в одну камеру с бывшим

камердинером А. А. Волковым, который находился в так называемом «политическом» отделении этой тюрьмы, где, кстати говоря, ожидали своей участи и взятые большевиками заложники. (Об этих людях будет сказано немногим позже.) Пребывание в Арестном доме (Тюрьме № 2) ещё сильнее подорвало и без того слабое здоровье весьма пожилого человека, вследствие чего он вскоре был переведён в тюремную больницу. Но, как ни странно, именно это обстоятельство и спасло ему жизнь. Покидая город, красные властители намечали новые жертвы, которые должны были быть расстреляны, как наиболее опасные «контрреволюционные элементы». И, по всей видимости, в этой суете о Т. И. Чемадурове просто забыли… (Позднее, сам Т. И. Чемодуров объяснял это другими причинами.) Так что, ещё до того, как части чехословаков начали овладевать горо-дом, здания тюрем были освобождены местными добровольцами под командой Поручика В. М. Зотова, вследствие чего Т. И. Чемадуров в числе прочих политических узников оказался на свободе.

А вот каким предстаёт образ Т. И. Чемадурова в книге Генерал-Лейтенанта М. К. Дитерихса «Убийство Царской Семьи и других Членов Дома Романовых на Урале»:

> «Из ворот Екатеринбургской городской тюрьмы, после того как ворвались туда наши добровольцы и освободили заключённых, одним из последних, широко крестясь и блаженно улыбаясь, вышел высокий, сухой, болезненный на вид и сгорбленный старик. Это был Терентий Иванович Чемадуров, камердинер бывшего Государя Императора.
>
> Не такой старый годами, 69 лет, он сильно состарился за последние месяцы от болезни и тюрьмы, где был совершенно забыт большевиками. Выйдя 24 мая больным из дома Ипатьева, куда он попал, сопровождая Государя, Государыню и Великую Княжну Марию Николаевну, привезённых в Екатеринбург 28 апреля, он вместо госпиталя или отправления на родину, как обещали комиссары, был заключён в тюрьму. И тут его все забыли. Совсем забыли. Он знал, что за время его сидения в тюрьме большевики вывели куда-то содержавшихся там же Нагорного и Седнева, а потом Татищева и Долгорукова и, наконец, Гендрикову, Шнейдер, Волкова и сидевшую с ними Княгиню Елену Петровну Сербскую, супругу Князя Иоанна Константиновича.
>
> 10 лет пробыл он камердинером у бывшего Государя

Императора, а перед этим в той же должности 19 лет при Великом Князе Алексее Александровиче. Вся домашняя жизнь Царя и Его Семьи протекла на его глазах; видел Их и на парадных приёмах, и в семейном быту; видел Их в величии царствования на троне и в величии страдания – в доме Ипатьева, и всё существо его прониклось своим Хозяином: “прекрасным семьянином, громадным, неутомимым работником, глубоко религиозным христианином и горячо любившим своего простого, русского человека”.

И теперь, выйдя из тюрьмы, шаги его, естественно, направились туда, где он оставил Их в последний раз – на Вознесенский проспект, к дому Ипатьева.

Пришёл. Вошёл с другими, тоже стремившимися туда; увидел разгром, хаос, пустоту разрушения; увидел кровь, пули и ещё кровь, и… задумался.

“А сколько привезли вы сюда с собой вещей Государя?” – спросили его.

“Одну дюжину ночных, одну дюжину денных, одну дюжину тельных шёлковых рубашек; три дюжины носков, 200 носовых платков, одну дюжину простынь, две дюжины наволочек, три мохнатых простыни, двенадцать полотенец ярославского холста, четыре рубахи защитных, три кителя, пальто офицерское, пальто солдатского сукна, короткую шубу из романовских овчин, пять пар шаровар, серую накидку, шесть фуражек, шапку зимнюю, семь пар сапог шевровых и хромовых”.

“Куда же это все делось теперь?”

Молчал старик и думал…

“Ничего не знаю, – сказал, наконец, – ничего не знаю, что постигло моего Государя и Его Семью”»… [253]

Оставшись в Екатеринбурге, Т. И. Чемадуров остановился на квартире бывшего Управляющего Екатеринбургским Отделением Волжско-Камского Банка В. П. Аничкова, которому его рекомендовал Слушатель Военной Академии РККА Ротмистр Сотников.

Рассказывая о событиях, происходивших в Екатеринбурге в 1918 году, В. П. Аничков не забудет упомянуть и о бывшем царском слуге, знакомство с которым у него произошло следующим образом:

«Ещё на похоронах жертв большевицкого террора мне указали на высокого человека, одетого в пиджак цвета хаки. Был он в очках, с большой русой бородой.

Это оказался камердинер Государя.

Дня через два после праздника ко мне заехал ротмистр Сотников и попросил от имени группы гвардейских офицеров собрать пять тысяч рублей на расходы по поискам Царской семьи, поскольку он уверен, что не только его семья, но и сам Государь живы и находятся в Перми. К сожалению, такой суммы я дать не мог, а вручил всего полторы тысячи рублей, предложив за остальными обратиться к кому-либо из более состоятельных граждан Екатеринбурга.

Вторая просьба Сотникова заключалась в том, чтобы я приютил у себя Чемодурова, потому что он совершенно без средств, и его слишком одолевают газетные репортёры, от которых его надо тщательно оберегать в интересах объективного ведения следствия.

Я охотно согласился на эту просьбу и поместил Чемодурова как раз в ту комнату, в которой весной жил великий князь Сергей Михайлович.

Таким образом, я был вновь волею судьбы приближен к дому Романовых, но на этот раз я имел дело не с живыми членами династии, а лишь с тенями венценосных мертвецов.

Дней через пять я уехал со всей семьёй в Самару. Поэтому очень мало виделся с Чемодуровым, обычно целый день пропадавшим у следователя. Вечерами старик очень осторожно (в первые дни он не верил в уничтожение всей семьи), а затем всё смелее и смелее делился со мной воспоминаниями о жизни Царской семьи как до революции, так и во время ссылки Государя. (…)

За месяц до расстрела Царской семьи Терентий Иванович стал прихварывать и по настоянию самого Государя стал просить комиссара (коменданта. – *Ю. Ж.*) временно выпустить его на волю для лечения. Комиссар согласился, но вместо того, чтобы выпустить на волю, заключил в тюремную больницу, откуда впоследствии его перевели в камеру, где помещался граф Илья Леонидович Татищев. (…)

Спасение своё от расстрела Терентий Иванович объяснял чудом. По его словам, был прислан список лиц, подлежащих расстрелу. Список был большой и на одной странице не уместился, отчего фамилия его оказалась написанной на обратной стороне листа. Будто бы по небрежности комиссаров, не перевернувших страницу,

когда выкликали заключённых, его не вызвали. Вскоре пришли чехи, и он оказался спасённым. Всё это правдоподобно, но есть и другая версия, сильно меня смущавшая: не был ли Чемодуров в близких отношениях с доктором Деревенко, который, как известно, тоже был выпущен и пользовался большим фавором у большевиков?

Возможно, Чемодуров был ему полезен, давая кое-какие сведения о Царской семье. Когда же вопрос о расстреле был предрешён, дальнейшая слежка стала уже не нужна. Вот и решили спасти старика от расстрела в благодарность за его шпионство.

Но это тягостное обвинение голословно и основано лишь на моих наблюдениях над переменой состояния духа Чемодурова. Мне казалось, что первые два дня он был более подавленным, чем тогда, когда узнал, что расстреляна вся семья и вся прислуга. Мне казалось, что это обстоятельство, за отсутствием свидетелей снимавшее с него все улики, было ему приятно. (…)

Я очень сожалею, что недостаточно подробно расспросил его тогда. Но это произошло потому, что, узнав о моих записках, он просил разрешения после моего прибытия из Самары приехать ко мне из Тобольска (куда он намеревался отправиться за женой), чтобы я записал с его слов, шаг за шагом, всю его долгую службу у Государя. Я очень обрадовался этому предложению и, когда вернулся из Самары, дал ему знать о приезде. В своей казённой квартире я с любезного разрешения генерала Домантовича сохранил одну комнату для Терентия Ивановича (в то время каждая комната была на учёте).

В феврале 1919 года я получил от него телеграмму с просьбой разрешить приехать. Я ответил согласием, но сам уехал в Омск, где слёг в злой инфлюэнце, продержавшей меня около двух недель в постели. Когда же я выздоровел, то узнал, что Терентий Иванович отдал Богу душу.

Уезжая, Чемодуров в знак благодарности за приют подарил моему сыну револьвер системы “Стайер”, который и по сие время хранится у него». [254]

Ознакомившись с этим отрывком, сразу же хочется отметить, что выводы В. П. Аничкова в отношении бывшего царского слуги более чем скоропалительны. Ибо, как мы уже знаем, Т. И.

Чемадуров был удалён из дома Ипатьева 24 мая 1918 года, откуда сразу же препровождён в тюрьму. А прибывший в Екатеринбург и остававшийся на свободе доктор В. Н. Деревенко впервые был допущен в ДОН лишь на следующий день. Так что не только поставлять какие-либо сведения, но и просто хотя бы раз увидеть друг друга, эти два человека просто не могли физически…

Скорее всего, всё увиденное настолько подействовало на старика, что он стал слегка не в себе… Так, уже через десять дней, по пути в Тобольск, Т. И. Чемадуров встретил в Тюмени Наставника Наследника Цесаревича Пьера Жильяра, которому, крестясь, с радостью сообщил: *«Слава Богу, Государь, Её Величество и Дети живы. Расстреляны Боткин и все другие»*. И как верно заметил П. Жильяр: *«Трудно было понимать Чемадурова, потому что он говорил без всякой связи»*.

А ещё через три месяца Терентий Иванович Чемадуров умер, видимо, не выдержав всех свалившихся на него потрясений и перенесённых утрат.

Похоронили верного царского слугу в Тобольске на городском кладбище, но к настоящему времени могила его не сохранилась.

Т. И. Чемадуров в материалах Следственного Производства 1918–1920 г.г

Документ № 1

«(…) Имеющаяся в левой стене вестибюля дверь ведёт в переднюю комнату [255](…)

Из неё двустворчатая дверь, по словам присутствовавших при осмотре Терентия Ивановича Чемодурова и Владимира Николаевича Деревенко, ведёт в комендантскую комнату, и прямо от входа другая дверь – в зал. (…)

Налево от ведущей в зал двери, в углу, около устья герметически закрывающейся печки, лежит обложка и шесть листов иллюстрированного английского журнала “The Graphic” от 21 ноября 1914 года, коробка с остриженными волосами четырёх цветов, принадлежащими, по словам присутствующего при осмотре Терентия Ивановича Чемодурова, бывшим Великим княжнам Татьяне, Ольге, Марии и Анастасии Николаевнам. (…)

(…) Осмотр продолжен 5 августа в 12 часов 25 минут дня.

Слева от передней имеется широкая, двухстворчатая, окрашенная белой краской снаружи, а изнутри желтовато-серой краской, дверь, ведущая в комнату, которая, по словам

присутствующего при осмотре д-[окто]ра медицины В. Н. Деревенко, служила для коменданта, наблюдавшего за охраной бывшей Императорской семьи. (…)

(…) Возле печки стоит небольшой липовый шкафик с двумя створчатыми дверками. На верхней его доске небольшая коробка, обтянутая снаружи чёрной кожей, а изнутри желтоватой кожей. На крышке, внутри на замше, надпись чернилами: “для лампады”. В коробке лежит небольшой бронзовый подсвечник. По словам присутствующего при осмотре Т. И. Чемодурова, вещи эти принадлежат бывшему Императору. (…)

Внутренняя часть шкафа имеет вверху выдвигающийся ящик, оказавшийся пустым, и три полки, на которых лежат куски заплесневевшего хлеба, два небольших флакона с чернилами, четырёхугольная чашка, внутренние её стороны белые и наружные жёлтые, принадлежавшая, по словам Т. И. Чемодурова, кухне бывшего Императора. (…)

В правый угол вдвинут кабинетного типа рояль фабрики Шредера, покрытый парусиновым чехлом. На рояле разбросаны: несколько пустых небольших коробочек, кусок жёлтой резины, флакон от духов, металлический футляр для чернильницы, линейка, нитки, узкая в переплёте книга, разлинованная наподобие конторских. Флакон, по словам Т. И. Чемодурова, принадлежал Императрице. Чёрные и белые треугольники в виде пластинок, с коробочкой – игра, называющаяся “Jeu de Parquet Mode`le PCC” и принадлежавшая, по словам того же Чемодурова, Наследнику. (…)

Далее, по левой стене, большой турецкий диван с двумя валиками и одной подушкой, обитой пеньковой выцветшей материей оливкового цвета.

Когда диван был отодвинут от стены, то под ним оказались кипарисовые чётки, принадлежавшие, по словам Чемодурова, бывшей Государыне Императрице. (…)

У задней стены около двери стоит деревянный книжный шкаф, двухстворчатый, со стеклянными дверками и двумя выдвигающимися ящиками, наполненный так же, как и запертый шкаф, книгами хозяина квартиры, так как Чемо-дуров не нашёл ничего, принадлежавшего Императорской семье. (…)

Из передней двустворчатая белая дверь ведёт в просторный зал… (…)

Обуглившийся клочок бумаги, на котором заметны буквы “Оль” с росчерком, стеклянная крышка от коробочки, закоптелая и разбитая, принадлежавшая по словам Т. И. Чемодурова, бывшему Наследнику. (…)

Из зала справа двустворчатая дверь ведёт в столовую. (…)

Возле камина подержанное кресло-тележка на трёх колёсах, с резиновыми пневматическими шинами, принадлежавшее, по словам Т. И. Чемодурова, бывшей Государы-не. (…)

У правой от входа стены стоит небольшой буфетный дубовый шкафик, в цвет остальной мебели, с одной наружной полкой; на ней лежит шило-отвёртка. Под доской два выдвигающихся ящика. (…) В правом ящике три больших белых блюда фирмы Кузнецова, два круглых и одно продолговатое. На последнем, на лицевой стороне, на краях, имеются два синих Государственных герба. Этими блюдами, по словам Т. И. Чемодурова, Царская Семья пользовалась во время обедов. В правой половине шкафа, запирающегося дверкой, оказался оцинкованный железный таз с двумя ручками. В левой – большой чёрный железный поднос, такой же оцинкованный таз и в нём большая губка. По словам Т. И. Чемодурова, в этих тазах им и Великими княжнами мылась посуда.

Возле той же стены низенький деревянный сундук-баул. (…)

Рядом с ним деревянный сосновый полированный ящик-сундучок… (…)

Рядом с ящиком три бутылки тёмного стекла с этикетками. На первой: “Придворная Его Величества Аптека. Розмарин”. Бутылки наполовину наполнены жидкостью. По словам Т. И. Чемодурова, жидкости в бутылках служили наследнику для втирания. (…)

Буфет имеет в верхней и нижней части по три отделения, между ними три выдвижных ящика и открытая площадка. (…)

В левом верхнем отделении буфета три полки. Верхняя пустая, на средней [—] четыре зелёных, с белыми ручками, чашки, две крышки от стеклянного кувшина, маслёнка в виде курицы, две белых полоскательных чашки и небольшая, стеклянная, с винтовой нарезкой в верхней части, банка. На нижней полке большой флакон чернил [“]Гюнтервагнер[”], завязанный шелковистой материей, прорезиненной, и тряпочкой. Флакон наполовину наполнен чернилами. Большой чайник, с белым с золотым носом, выкрашенный серовато-зелёной краской с подпалинами. В нём заплесневевшие остатки чая, восемь блюдец, из них три белых, одно зелёное и четыре белых, с синей и золотой каймой и с изображением Государственного герба посредине. На дне их, с внешней стороны, инициалы “Н II” и годы “1910”, “1915”. Маленькая пустая ваза, круглая стеклянная баночка с молотым перцем, небольшая стеклянная пестрая вазочка с двумя ручками, пятнадцать фаянсовых тарелок фабрики Кузнецова, с зеленоватым и синеватым рисунками по краям, семь фарфоровых мелких тарелок, две из них поменьше размером.

Тарелки белые, с синим и золотым ободками по краям. На краю каждой из них раскрашенный Государственный герб, а на дне, с наружной стороны, инициалы “Н II” и под ними год изготовления “1913”, “1914” и “1909”. Белая фарфоровая тарелка с розовато-голубоватым рисунком (цветами), а на дне её, с внешней стороны, клеймо фабрики Корниловых. Простой с трещиной стакан, два аптекарских флакона с глицерином и коллодием.

Среднее и правое отделения содержат посуду, принадлежащую, по словам Чемодурова, Ипатьеву. Описанная же в первом отделении посуда служила Царской семье, причём чернилами пользовалась Императрица, как удостоверил тот же Чемодуров. (…)

В том же отделении (левом, нижнем. – *Ю. Ж.*) большая деревянная круглая чашка и в ней такая же круглая, полая, сухая мыльная масса и деревянная тарелка для губки. По словам Т. И. Чемодурова, этим мылом пользовался бывший Император в ванне. (…)

При осмотре столовой на обеденном столе ещё обнаружены массивная из яшмы пепельница, двенадцать раковин для закусок, принадлежащих, по словам Т. И. Чемодурова, Царской семье, и большой стеклянный графин.

Слева от балконной двери – дверь почти в пустую комнату, занимаемую, по словам Т. И. Чемодурова, горничной Царской семьи Демидовой. (…)

В правом заднем углу две вешалки для платьев с медными крючками, принадлежащие, по словам Т. И. Чемодурова, бывшему Наследнику Алексею Николаевичу.

На ближайшем к левому переднему углу подоконнике находятся небольшой графин, никелированный электрический прибор для согревания больного места, большой флакон с жидким яичным мылом, флакон с жидкостью для электрической машинки, четыре небольших пузырька из-под лекарств, небольшая фарфоровая баночка с остатками борного вазелина, две железины, клочок ваты, железный крюк и маленький ключ на белом шнурке. По словам Т. И. Чемодурова, машинка и лекарство служили для лечения Наследника Алексея Николаевича, ключ же был от его шкатулки, в которой он хранил деньги.

Из столовой слева дверь ведёт в комнату, служившую, по словам Чемодурова, спальной и комнатой для Великих княжон. (…)

Против двери окно. На подоконнике белая штора, пустая небольшая банка с одной конфеткой “монпансье”, чёрная короткая шпилька, два висячих замка, коричневый пузырёк с небольшим количеством какой-то жидкости; штора свернута. На

окне висит, одним концом, длинный, песочного цвета, шерстяной, очень мягкий плед, принадлежащий, по словам Т. И. Чемодурова, бывшему Императору. (…)

Далее на столе находятся: книги Новый Завет и Псалтырь на русском языке, образ Феодоровской Божией Матери в деревянном футляре, написанный на дереве, задняя стенка его обита малиновым бархатом. На образе сорван венец, на котором, по словам Т. И. Чемодурова, была звезда с бриллиантами. На этой иконе две узенькие и короткие бумажные ленточки со следующими на них надписями, сделанными рукой Императрицы: 1) “11 Иоанна 19, 38–42”, 2) “9 Иоанн. 19, 25, 37”. Сверху на ней лежат круглые, медальонного вида, образки: два Богоматери и один Георгия Победоносца.

Из описанных вещей лишь Евангелие, по словам Чемодурова, принадлежит детскому лакею Седневу, а остальные [—] Императрице. (…)

В углу около входной двери переносное судно, по словам Чемодурова, принадлежащее Наследнику Цесаревичу.

Осмотр продолжен 7 августа в 10½ часов утра.

В левой продольной стене описанной комнаты находится дверное отверстие такого же размера, как и другие, самой двери в нём нет. За ним четырёхугольная комната…(…)

В правой от входа наружной стене, а равно и в передней, по два окна, причём в обоих первых и в одном, прилегающем к переднему правому углу, окне находятся летние и зимние рамы. Наружные рамы, как и в других комнатах, выбелены масляной краской до верхней фрамуги. В прилегающем к левому переднему углу окне имеется только одна летняя рама, за которой вделана железная решетка.

По словам Т. И. Чемодурова, в этой комнате была спальная Императора, Императрицы и Наследника Цесаревича.

Справа, у косяка входной двери, стоит прислонённая к стене деревянная, полированная с одной стороны, доска, длиною 1 аршин 5 вершков и шириною 13 вершков. Этой доской, по словам Т. И. Чемодурова, пользовался Наследник Цесаревич во время болезни, причём её клали поперёк кровати и она служила ему столом, на котором он писал, читал, играл игрушками и кушал.

Рядом с этим столом, в углу, стоит высокая полированная подставка цветов, в виде небольшого столика. На столике стоит красная стеклянная лампадка, наполовину наполненная маслом. Около лампады цветочная пыль. Рядом с этой подставкой свернутый ломберный стол с зелёным сукном.

К простенку между окнами правой стороны придвинут письменный стол конторского образца, с зелёным сукном и такой

же пропускной бумагой, на четырёх точёных ножках.

На столе электрическая бронзовая лампа с синим самодельным колпаком. Стеклянная коробочка, края которой в серебряной с позолотой оправе, пёстрый узкий шнурок и коричневая ленточка незначительной длины. Подушечка из голубого шёлка для булавок, двустворчатая шахматная доска с четырьмя внутренними ящиками, задвигающимися деревянными пластинками, и с двумя комплектами игры в шашки. Книги “Лествица Иоанна, игумена Синайской горы”, на первом печатном листе её сделана пометка: “А.Ф. Ц.С. Март 1906”; книга – в сафьяновом красном красивом переплёте; на обороте первого атласного чистого листа наклейка с монограммой А.Ф. и над ними (так!) корона. “О терпении скорбей” епископа Игнатия Брянчанинова, в синем, с золотым тиснением на лицевой стороне и на корешке, переплёте; на оборотной стороне первой корки этой книги приклеена белая в виде ромба бумажка с инициалами “А.Ф.” и вверху корона, и на оборотной стороне первого цветного листа имеется собственноручная надпись Императрицы: *“А.Ф. Петергоф 1906 г.”*. “Молитвослов” в синем коленкоровом переплёте, издание 1882 года Синодальной типографии; в нём, на обороте первого печатного листа, приклеена круглая с синим ободком бумажная пометка с инициалами “Н. А.” и вверху корона; на обороте последнего белого листа написано чернилами: “6 Мая 1883 г.”. “Синее с золотом” Аркадия Аверченко, без переплёта. “Рассказы для выздоравливающих”, того же автора. 2, 8, 13 тома сочинений Чехова, издания Маркса. Медная проволочная подставка для карточек. А под зелёной бумагой оказались листки от стенного календаря. Два внутренних ящика стола пусты.

В правом переднем углу туалетный стол, на двух тумбах, с зеркалом, по той и другой стороне зеркала электрические лампочки. Стол оклеен дубом, и все его ящики пусты, за исключением большого среднего и соответствующего ему в верхней части стола. В ящике находятся эмалированное белое блюдце, два пустых флакона из-под цветочного одеколона фирмы ”Брокар”, 2 чёрных флакона также из-под одеколона английских фирм; круглый, в виде маленького графинчика, с небольшим количеством одеколона флакон, бока его расписаны под цветок; две небольших стеклянных круглых, без крышек, баночки, в одной из которых имеется небольшое количество каких-то маленьких шариков; небольшой зелёный круглый флакон с притёртой пробкой и наклеенной этикеткой “Lavendel Salz” и дальше по-немецки напечатан способ употребления; баночка с небольшим количеством кольдкрема и с наклейкой “Придворной

Его Величества Аптеки”; небольшой флакон с какой-то красноватой ароматической жидкостью, маленькие прямые ножницы для ногтей, огарок стеариновой свечи, размером в половину её, отвёртка с деревянной полированной ручкой и спичка с накрученным на конце её небольшим кусочком ваты. В верхнем среднем широком ящике оказались три дамских тонких чёрных шпильки, кусочек ваты и розовый маленький шнурочек.

На столе находятся синий большой флакон эссенции электролитной воды Кобяка с большим количеством жидкости, небольшой круглый аптекарский стакан, две столовые ложки, одна десертная и чайная ложки. В стакане затолкана вата. Тут же лежит распоротая бархатная пуговица и в ней вата.

В простенке, между окнами передней стены, коричневая, с четырьмя полками и резными колонками, этажерка. На верхней её полке три флакона с какой-то жидкостью, большой стеклянный флакон с водою и засохшей веткой жимолости, две баночки с остатками борного вазелина и кольдкрема и с этикетками “Придворной Его Величества Аптеки”, белая эмалированная чашка, с находящейся в ней маленькой стеклянной воронкой, и стеклянный футляр с двумя маленькими кисточками. На второй полке стеклянная полубутылка, откупоренная и наполненная наполовину бесцветной жидкостью, и два маленьких обломка булыжника. На третьей полке, считая сверху вниз, пустой большой аптекарский флакон, стакан с небольшим количеством воды, восковая белая свеча, деревянная сосновая палочка, небольшой обрывок старой расплетённой верёвки и кусок серой бумаги. На нижней полке складывающийся пополам деревянный прибор для снимания обуви и сосновая, с двумя узкими желобками квадратной формы, палочка.

Рядом с этажеркой небольшой круглый столик с расписной полированной круглой крышкой. Возле него, на полу, валяются две целых тонких свечи, одна обломанная и огарок.

Возле той же этажерки стоит оклеенный дубом столик прямоугольной формы с четырьмя точёными ножками, на котором лежат оборотная половина обложки от какой-то книги; маленькая в виде раковины тарелочка с пейзажем, на оборотной её стороне клеймо и инициалы “М. Н.”, пятнадцать белых тонких восковых свечей, завёрнутых в бумагу; флакон из-под лекарства с рецептом доктора Боткина “Pro autore”.

Сбоку этого столика стоит кресло от гарнитура из гостиной с парусиновым чехлом.

В переднем углу гардероб с двумя створчатыми дверками, отделанный под ореховое дерево. В нём никакого платья не оказалось, висят лишь на деревянных крючьях двенадцать

деревянных вешалок. На десяти из них имеются инициалы “А. Ф.”

Рядом с гардеробом железный экран, выкрашенный зелёной краской, на нём нарисован цветок.

Рядом с экраном, по стене, средних размеров мраморный умывальник с разбитой доской. На верхней полочке умывальника графин с водою, аптекарская стеклянная банка с белым порошком и три флакона с каким-то лекарством. На разбитой доске находится жёлтого стекла стакан, пузырёк с лекарством для Наследника с рецептом доктора Деревенко, баночка с небольшим количеством кольдкрема, два флакона с каким-то лекарством, один из них с рецептом доктора Боткина “Pro autore”, микроскопический флакончик с каким-то лекарством и семь небольших продолговатых бумажек, в виде закладок, с какими-то цифровыми записями. В нижней части умывальника стоит белое жестяное ведро. На полу, около него, найден маленький очиненный карандашик.

Рядом с умывальником, по той же стене, ночной столик, отделанный под орех, с мраморной верхней доской, на которой стоят пять пустых флаконов из-под одеколона и вежеталя, два лампадных стаканчика – красный и синий, банка с калигиперманганикум, белого стекла бутылочка с каким-то ароматическим маслом, большой флакон с сосновым экстрактом с этикеткою “Придворной Его Величества Аптеки”, белый флакон с жидкостью “Coluval”, аптекарская баночка с притёртой пробкой и незначительным количеством какой-то ароматической жидкости, небольшой флакончик с винтовой нарезкой у горлышка, металлической крышкой и белыми пилюлями, на стенках его выгравировано: “Cascarine Leprince”, и небольшая грязная рюмка из голубоватого стекла.

На второй полочке столика – зелёная чашка с блюдцем и небольшой стаканчик капельница. Нижний шкафик пуст.

Около умывальника на полу циновка, а на ней маленький деревянный табурет.

В левом заднем углу небольшой круглый столик.

В комнате три дубовых стула с тростниковым сиденьем и один мягкий красной кретоновой обивкой от гарнитура, находящегося в комнате вел. княжон.

На задней левой стене прибита вешалка для полотенец, в виде трёх круглых палочек с металлическими наконечниками.

По словам Чемодурова, все эти предметы, за исключением мебели, принадлежат бывшей царствующей семье.

В столовой, в правом переднем углу, имеется двустворчатая дверь, ведущая в проходную комнату, в которой справа ход вниз, представляющий из себя громадных размеров шкаф с

полустеклянной матовой дверью. (…)

В левом заднем углу деревянная стоячая вешалка с железным крючком, окрашенная в жёлтый цвет. Она заслоняет собою часть окна, которое, как и смежное с ним, имеет летние и зимние рамы. (…)

У окна деревянный некрашеный простой стол на четырёх ножках с двумя внутренними ящиками. (…) Под столом три пары деревянных сапожных колодок, принадлежащих, по словам Т. И. Чемодурова, великим княжнам Ольге, Татьяне и Марии Николаевнам.

Посреди комнаты стоит громадный, коричневого цвета, гардероб, в котором сверху и у задней стены набиты крючья, и оказались двенадцать деревянных вешалок. На семи из них, жёлтых, инициалы “А. Ф.” и корона. Белые же без инициалов, по словам Т. И. Чемодурова, принадлежат Государю Императору. (…)». [256]

Документ № 2

«(…) Я, Терентий Иванович Чемадуров, 69 лет, православный, грамотный, под судом не был, по происхождению крестьянин Курской губ., Путивльского у., Крупецкой в., села Крупца, в 1913 пожалован званием Почётного потомственного гражданина, временно проживаю в гор. Екатеринбурге по Фетисовской улице в доме № 15.

1 декабря 1908 года я поступил на службу в Дворцовое ведомство, по Гоф-Маршальской части, в качестве камердинера при Особе бывшего Государя Императора Николая Александровича и состоял в этой должности до последнего времени. Ранее я служил в течение 19 лет камердинером у Великого Князя Алексея Александровича и находился при нём до дня его смерти. Камердинеров при б. [ывшем] Государе было трое: я, Пётр Фёдорович Котов и Никита Кузьмич Тетеревятников; каждый из нас дежурил при б. Государе понедельно. В круг обязанностей дежурного камердинера, кроме обычных, входили: исполнение всех личных приказаний Государя и доклад о всех особах, имевших к нему личный доступ; без доклада камердинера никто, кроме супруги Государя и его детей, не имел права входить в кабинет Государя. За время моей почти 10-летней службы при Государе я хорошо изучил его привычки и наклонности в домашнем обиходе и по совести могу сказать, что б. Царь был прекрасным семьянином. Обычный порядок дня был таков: в 8 час. утра Государь вставал и быстро совершал свой утренний туалет; в 8½ пил у себя чай, а от 8½ до 11 часов

занимался делами: прочитывал представленные доклады и собственноручно налагал на них резолюции; работал Государь один и ни секретарей, ни докладчиков у него не было; от 11 до 1 часу, а иногда и долее, Государь выходил на приём, а после часу завтракал в кругу своей семьи; если приём представлявшихся Государю лиц занимал более положенного времени, то семья ожидала Государя и завтракать без него не садились. После завтрака Государь работал и гулял в парке, причём непременно занимался каким-либо физическим трудом, работая лопатой, пилой или топором; после работы и прогулки в парке – полуденный чай, от 6 до 8 вечера Государь снова занимался у себя в кабинете делами, в 8 час. вечера Государь обедал, затем опять садился за работу до вечернего чая (в 11 час. вечера). Если доклады были обширны и многочисленны, – Государь работал далеко за полночь и уходил в спальню только по окончании своей работы. Бумаги наиболее важные Государь сам лично вкладывал в конверты и заделывал; для отсылки бумаг по принадлежности Государь приглашал дежурного камердинера. Перед отходом ко сну Государь принимал ванну. Кроме того, Государь аккуратно вёл дневник и писал иногда до глубокой ночи. Тетради дневников тщательно сохранялись, и таких тетрадей накопилось очень много. В семейном быту Государь не допускал никакой роскоши, и в столе, одежде и домашнем обиходе Государь и его семья придерживались скромных и простых привычек.

Отличительной чертой всей Царской семьи была глубокая религиозность: никто из членов семьи не садился за стол без молитвы, посещение церкви было для них не только христианским долгом, но и радостью. Отношения между членами семьи были самые сердечные и простые, как между Государыней и Государем, так и между детьми и родителями. После Февральской революции, когда отрекшийся от престола Государь был доставлен в Царское Село, домашняя жизнь Царской семьи протекала в общем так же, как и до переворота: никаких стеснений и ограничений в привычной обстановке сделано не было; отношение офицеров охраны было вполне корректное; не было каких-либо грубых выходок и со стороны солдат, нёсших охранную службу при дворце.

Во второй половине июля минувшего года Государю было объявлено распоряжение правительства о том, что ему с семьёй предстоит выезд из Царского Села. Распоряжение это было объявлено дней за 10 до отъезда, так что дворцовые служащие имели возможность упаковать и уложить необходимые для Царской семьи и сопровождающих её придворных и служителей вещи. Сначала предполагалось, что Государя с семьёй отправят на

юг, но перед самым отъездом, 1 августа м. [инувшего] г. [ода], выяснилось, что местом жительства назначен будет один из северных городов. На вокзале Царскую семью встретил председатель Совета министров А. Ф. Керенский; отношение Керенского к Государю и его семье было вполне благожелательное и корректное. Для проезда по железной дороге были предоставлены вагоны международного общества – просторные и удобные, так что путешествие было совершено с полным комфортом; отряд военной охраны помещался в особых вагонах. В пути стало известно, что Государь с семьёй будет проживать в Тобольске. По прибытии поезда в Тюмень к пристани был подан пароход, на котором и был совершён дальнейший переезд до Тобольска. К нашему приезду в Тобольск приспособление предназначенного для жительства Царской семьи Губернаторского дома закончено не было; по этой причине Государь с семьёй и сопровождавшими его придворными и служащими в течение 6 дней пребывал на пароходе. Иногда, по желанию Государя, на этом пароходе совершались по реке небольшие прогулки. По окончании в Губернаторском доме работ все поселившиеся в нём члены государевой семьи разместились достаточно удобно; доставленная из Царского Села обстановка дала возможность устроить некоторый комфорт, и жизнь Царской семьи протекала в Тобольске почти в таких же условиях, как и в Царском Селе. Начальник военной охраны, Кобылинский, держал себя вполне корректно и никаких не оправдываемых необходимостью стеснений не делал.

Из придворных особ с Государем проживали здесь: князь В. А. Долгоруков, генерал И. Л. Татищев, графиня Гендрикова, кроме того, тут же находились: лейб-медик профессор Евгений Сергеевич Боткин, учителя иностранных языков – англичанин мистер Гиббс и швейцарец м-[е]сье Жильяр, служителей разных наименований было человек 25; штат служителей был сокращён после октябрьского переворота, когда большевики захватили власть в свои руки. На содержание государевой семьи и всех находившихся при семье лиц стали отпускать лишь по 600 руб. в месяц на каждого члена семьи, т. е. 4200 руб.; генерал Татищев, по распоряжению Государя, уволил 12 человек служителей, выдав им необходимые на проезд суммы. Жалование оставшимся служащим было уменьшено; я лично отказался получить и те 150 руб., которые были мне назначены, вместо получаемых ранее 400 руб.; генерал Татищев доложил о моём отказе Государю, и мне было разрешено воздержаться от получения жалования, причём Государь высказал надежду вознаградить меня, если обстоятельства изменятся к лучшему.

Хотя режим, установленный для заключённых в Губернаторском доме особ и сделался несколько более строгим, тем не менее, условия жизни оставались довольно сносными, как в смысле обращения со стороны начальствующих лиц военной охраны, так и в отношении стола, занятий и прогулок, в пределах огороженного близ дома пространства. В 6 часов вечера 12/25 апреля совершенно неожиданно объявлено было категорическое распоряжение Центр. Исп. К-[омите]та С. К. и Р. Д. о немедленном переселении в гор. Екатеринбург. От комитета прибыл уполномоченный, именовавшийся Яковлевым (был слух, что это Троцкий); протесты Государя и Государыни, указывавших на болезнь сына, оставлены были без внимания. На сборы дано было всего несколько часов. Решено было оставить больного Наследника Алексея Николаевича на попечение сестёр и придворных особ, а в Екатеринбург поехали Государь с Государыней и вел. княжна Мария Николаевна; с ними поехали: кн. Долгоруков, проф. [ессор] Боткин и служители – я, затем Седнев Иван Дмитриевич (детский лакей) и комнатная женщина Анна Степановна Демидова. До Тюмени переезд был совершён на лошадях, а от Тюмени по железной дороге. Поездка была совершена благополучно и без особых лишений и неудобств. Ввиду того, что мы выехали из Тобольска часа в 3 ночи на 13/26 апреля, я успел уложить и взять с собой лишь самый необходимый багаж. Из вещей Государя я уложил и привёз следующие: белья 1 дюжину денных рубах, 1½ дюжины ночных, 1½ дюж. [ины] тельных шёлковых рубах, 3 дюжины носков, штук 150–200 носовых платков, 1 дюж. [ина] простынь, 2 дюж. [ины] наволок, 3 мохнатых простыни, 12 полотенец личных и 12 полотенец ярославского холста; из одежды: 4 рубахи защитного цвета, 3 кителя, 1 пальто офицерского сукна, 1 пальто простого солдатского сукна, 1 короткую шубку из романовских овчин, пять шаровар, 1 серую накидку, 6 фуражек, 1 шапку; из обуви: 7 пар сапог шевровых и хромовых.

Багаж был уложен в четырёх небольших чемоданах. На форменной одежде Государя погоны были сняты мною по приказанию самого Государя. Столового белья с собою мы не взяли; не взяли также ни столового, ни чайного сервиза. Какие вещи были взяты для Государыни и Вел. [икой] Княжны Марии Николаевны, – я сказать не могу, так как этим я не заведовал. В Екатеринбург мы прибыли 16/29 апреля, [257]где и поместились в приспособленном для государевой семьи доме Ипатьева. Как только Государь, Государыня и Мария Николаевна прибыли в дом, их тотчас же подвергли тщательному и грубому обыску; обыск производили некий Б. В. Дидковский и Авдеев – комендант

дома, послужившего местом заключения. Один из производивших обыск выхватил ридикюль из рук Государыни и вызвал этим замечание Государя: “До сих пор я имел дело с честными и порядочными людьми”. На это замечание Дидковский резко ответил: “Прошу не забывать, что Вы находитесь под следствием и арестом”.

В Ипатьевском доме режим был установлен крайне тяжёлый и отношение охраны прямо возмутительное, но Государь, Государыня и вел. княжна Мария Николаевна относились ко всему происходившему по наружности спокойно и как бы не замечали окружающих лиц и их поступков. День проходил обычно так: утром вся семья пила чай; к чаю подавался чёрный хлеб, оставшийся от вчерашнего дня; часа в 2 обед, который присылали уже готовым из местного Совета Р. Д.; обед состоял из мясного супа и жаркого; на второе чаще всего подавались котлеты. Так как ни столового белья, ни столового сервиза с собой мы не взяли, а здесь нам ничего не выдали, то обедали на непокрытом скатертью столе; тарелки и вообще сервировка стола была крайне бедная; за стол садились все вместе, согласно приказанию Государя; случалось, что на семь человек обедающих подавалось только пять ложек. К ужину подавались те же блюда, что и к обеду. Прогулка по саду разрешалась только 1 раз в день, в течение 15–20 минут; во время прогулки весь сад оцеплялся караулом; иногда [я] обращался к кому-либо из конвойных с малозначащим вопросом, не имеющим отношения к порядкам, но или не получал никакого ответа, или получал в ответ грубое замечание. Ни Государь, ни кто-либо из членов его семьи лично никаких разговоров с комендантом дома или иными “начальствующими” лицами из представителей советской власти не вели, а всякие обращения и заявления делались через меня или через проф. [ессора] Боткина.

Государь помещался в верхнем этаже дома, и в распоряжение всех нас были предоставлены 6 комнат и ещё одна комната, служившая гардеробной, и кухня. День и ночь в верхнем этаже стоял караул из трёх красноармейцев: один стоял у наружной входной двери, другой в вестибюле и третий близ уборной. Поведение и вид караульных были совершенно непристойные: грубые, распоясанные, с папиросами в зубах, с наглыми ухватками и манерами, они возбуждали ужас и отвращение. В комнате направо от входа в переднюю помещался комендант – Александр Дмитриевич Авдеев, человек лет 35–40, блондин с маленькими усами и бритой бородой; одет был в рубаху защитного цвета, шаровары, высокие сапоги и носил при себе казацкую шашку; почти постоянно он был пьян или навеселе; не

могу сказать, чтобы он лично чем-либо оскорблял или стеснял Государя и членов его семьи, но, в то же время, и не шёл навстречу, в смысле удовлетворения тех или иных нужд домашнего обихода. Авдеев, по-видимому, из простых рабочих. Седнев Ив. [ан] Дм. [итриевич] мне говорил, со слов самого Авдеева, что тот четыре раза сидел в [“]Крестах[”] (в Петроградской тюрьме) и хвастался, что он ни перед чем не останавливался и всех убирал со своего пути. В полном подчинении Авдеева была вся караульная команда во главе с начальником караула; начальники караула менялись еженедельно; всех караульных было до 30 человек; помещались дежурные караульные в нижнем этаже дома. Все сношения с внешним миром и все распоряжения хозяйственные производились через коменданта; закупка провизии или нужных в хозяйстве вещей, отправка белья в чистку и т. п.

Упомянутый в моём показании Дидковский не менее четырёх раз в неделю производил контроль, обходя все комнаты, занятые государевой семьёй; проходил он всегда в обществе одного-двух штатских лиц (каждый раз всё новых) и как был, в шапке и калошах, входил в комнаты, не спрашивая разрешения. При этих посещениях Государь, Государыня и вел. княжна Мария Николаевна занимались своими делами, не отрывая головы от книги или работы, как бы не замечая вовсе появления посторонних лиц.

Ещё в Тобольске я начал прихварывать, а в Екатеринбурге мне стало ещё хуже; видя моё недомогание, Государь просил проф. [ессора] Боткина осмотреть меня и затем приказал мне уехать в отпуск к жене моей, оставшейся в Тобольске, впредь до того, как мои силы восстановятся. В конце апреля (по старому стилю) о желании Государя отпустить меня было сообщено коменданту Авдееву; должен сказать, что на моё место предположено было выписать камердинера из Царского Села, но Авдеев передал ответ, что камердинер будет назначен из тех, которые приедут из Тобольска вместе с остальными членами государевой семьи. Числа 6–7 мая (по старому стилю), [258]прибывший в дом Дидковский предложил всем заключённым в доме объявить, у кого и сколько имеется при себе денег; у Государя и Государыни денег не оказалось, у вел. княжны Марии Николаевны оказалось денег 16 руб. 33 коп., [259]у проф. Боткина – 280 руб., у Седнева – 600 руб., у Демидовой – 1800–1900 руб., у меня – 6050 руб.; бывшие у вел. княжны и у проф. Боткина оставлены были в их распоряжении, а у остальных, т. е. у меня, Седнева и Демидовой были отобраны, причём Демидовой было оставлено рублей 200–300. В том, что у меня были отобраны

деньги, Дидковский выдал мне расписку.

9/22 мая прибыли в Екатеринбург и остальные члены Государевой семьи: [260]Алексей Николаевич, Ольга, Анастасия и Татьяна Николаевны; при мне из числа служителей, вместе с царскими детьми, прибыли в дом старший повар Иван Михайлович Харитонов и помощник повара, мальчик Леонид Ив. Седнев, племянник И. Д. Седнева. Остальных прибывших с семьёй лиц я не видел, но знаю, что, одновременно с царскими детьми, прибыли: генерал И. Л. Татищев, учителя Гиббс и Жильяр, официант Журовский, лакей Тюрин, писец Кирпичников, второй повар Кокичев, кухонные служители Терехов и Франц (фамилии не помню), няня Теглева, Эрсберг – девушка Вел. [иких] княжон и девушка Государыни – Тутерберг (так!), Алексей Егорович Трупп – лакей Государыни и Клементий Григорьевич Нагорнов (так!) и А. [лексей] Андр. [еевич] Волков – камердинер Государыни. Какова судьба всех этих лиц, я не знаю, так как, повторяю, в дом Ипатьева они при мне не прибывали. Слышал я, что из них Нагорнов расстрелян. Князь В. А. Долгоруков, прибывший в Екатеринбург вместе с Государем, в дом Ипатьева доставлен не был, а, как мне стало потом известно, прямо с вокзала был отправлен в тюрьму.

11/24 мая из дома Ипатьева меня доставили не на вокзал, а в тюрьму, где я пробыл в заключении до 25 июля, когда чехословацкие и сибирские войска заняли Екатеринбург и красноармейцы, а равно и все большевистские комиссары и Советы, бежали. По освобождении из тюрьмы я остался совершенно одиноким; ничего не знаю о судьбе, постигшей моего Государя и его семейство; не знаю также и о судьбе оставшихся ничего (так!) при Государе лиц. К тому времени, когда я покинул Ипатьевский дом, в нём находились: Государь с Государыней, Наследник Алексей Николаевич и вел. княжны Мария, Ольга, Анастасия и Татьяна Николаевны; из придворных – один только проф. [ессор] Боткин, человек лет 58, из служителей – Седнев И. Д., 32 лет, родом из города Углича, служил ранее мастером на [“]Штандарте[”], Харитонов И. С. (так!), лет 45, коренной придворный повар, мальчик Леонид Седнев и А. С. Демидова – девушка лет 40, из мещанок г. Череповца, окончившая курс Петроградского Демидовского Училища. [261]

Как я уже показал Вам, Государь и Государыня отличались особенной набожностью; каждому из детей Государыня дарила образки, с которыми дети не расставались. У Государыни, между прочим, была особо почитаемая Ею икона Фёдоровской (так!) Божьей Матери, [262]та самая, которая мне была предъявлена при осмотре дома Ипатьева, с иконой этой Государыня никогда не

расставалась и всегда её имела у своего изголовья; куда бы Государыня ни отлучалась, хотя бы на короткое время, всегда брала эту икону с собой, и я не допускаю мысли, чтобы Государыня могла куда-нибудь отбыть, добровольно оставив эту икону. На иконе этой был золотой венец, украшенный бриллиантовой короной; бриллианты были дорогие, каждое зерно более одного карата. Государь носил на безымянном пальце правой руки золотое обручальное кольцо, поддерживаемое другим колечком, украшенным сапфиром. Упомянутые в моём показании тетради государевых дневников в Тобольске были сложены в сундучок и отправлены с багажом, но где этот сундучок – не знаю; в Ипатьевском доме Государь также вёл дневник. Государыня и Великие княжны также имели и вели свои дневники. [263]Всё имущество государевой семьи, находившееся в Тобольском доме, было доставлено во двор Ипатьевского дома, куда девалось всё это имущество, я не знаю. Более пока показать ничего не имею.

Показание мне прочитано. Записано верно.

Чемадуров

Член Екатеринбургского Окружного Суда Ив. Сергеев.

Товарищ Прокурора Н. Остроумов». [264]

Документ № 3

«Камердинер бывшего Государя Императора Терентий Иванович Чемодуров, которому, на основании 258 ст. Уст. [ановлений] Уг. [оловного] Суд. [опроизводства], были показаны вещи, найденные в помойной яме дома Ипатьева, где заключён был б. Государь Император, между которыми он признал:

> Чёрная муаровая с серой муаровой подкладкой сумка принадлежит девице Анне Степановне Демидовой, всё время находившейся в роли комнатной женщины при семье Государя Императора; эта сумочка висела около кровати на стуле и с ней Демидова никогда не расставалась и хранила в ней те вещи, которые ей всегда были необходимы. Белая кофточка с узенькими прошивками, белый к ней воротничок, а также узенькая розовая ленточка принадлежит также той же Анне Степановне Демидовой.

Чёрный форменный галстук с перерезанной Владимирской ленточкой принадлежит доктору Евгению Сергеевичу Боткину: этот галстук доктор Боткин всегда носил и даже засыпал в кровати, не снимая его. На Владимирской ленточке всегда у доктора висел орден Владимира 3-й степени. [265]

Георгиевская ленточка снята с шинели Государя Императора, с этой шинелью Государь никогда не расставался и всегда в ней ходил.

И два образка с уничтоженными изображениями принадлежат семье Государя и находились в общей спальне дома Ипатьева.

Т. Чемодуров». [266]

Документ № 4

«ПРОТОКОЛ

1918 года, августа 18 дня, начальник управления Уголовного розыска Кирста расспрашивал камердинера Государя Императора Терентия Ивановича Чемодурова, который объяснил:

Из тех вещей, что мы нашли в помойных ямах Ипатьевского дома, где заключён был б. [ывший] Государь Император, особенно обращают на себя внимание вещи, с которыми б. [ывшая] Государыня Императрица Александра Феодоровна никогда не расставалась, особенно если уезжала куда-либо в дорогу:

– под № 8 кусок небольшой чёрной кожи от ридикюля; [267]

– под № 9 рамка для фотографической карточки (здесь был портрет брата Императрицы); [268]

– под № 10 брелок с фотографической неясной карточкой (здесь был фотографический портрет родителей Императрицы).

Особенно важна найденная в спальне Императрицы иконка Феодоровской Божьей Матери. Без этой иконы Императрица никогда никуда не выезжала. Лишить Императрицу этой иконы было равносильно лишению её жизни. Икона эта была украшена золотым венцом с короной и с крупным бриллиантом.

Т. Чемодуров.» [269]

Документ № 5

«(…) Пока не было командировано из Екатеринбурга большевистских комиссаров Дидковского [270]и матроса Хохрякова, жизнь как она не была тяжела, всё же была тер-пима.

С появлением же этих извергов жизнь настала ужасна, нестерпима. Постоянные издевательства как над членами Августейшей семьи, так и над чинами свиты стали повсеместными. Корреспонденция пошла через полуграмотную большевистскую цензуру. Началось разложение и среди личной прислуги Августейшей семьи, воровство, пьянство и интриги. (О последнем явлении мне передал, заключённый 12-го июня, камердинер Государя Т. И. Чемодуров.) Только чрезвычайная выдержка и крепкая натура Государя могла выдержать такую жизнь, Государыня же и дети часто стали болеть. Так продолжалось до момента отъезда в Екатеринбург. (…)

Караул всё время несли преимущественно латыши, мадьяры и частью рабочие Сысертского завода. Все посылки, адресованные на Государя, – расхищались, как это имел место следующий случай: Великая княгиня Елизавета Фёдоровна послала коробку шоколада, причём Государю передано было только лишь 3–4 плитки. Продукты к столу доставлялись в ограниченном количестве и не всегда доброкачественные. Двери всех комнат, даже спальни, закрывать на приборы было воспрещено». [271]

Документ № 6

«(…) Во второй половине августа ко мне пришёл Чемодуров. Это было в Тюмени, где я жил. Он мне сказал: “Слава Богу, ГОСУДАРЬ, Её Величество и Дети живы. Всё же остальные убиты”. Он мне говорил, что был в комнате [дома] Ипатьева, где расстрелян “Боткин и другие”. Он говорил, что видел трупы Седнева и Нагорного и узнал их по платьям; что их положили в гроб и похоронили. Он рассказал мне, что всех Их (Царскую Семью. – *Ю. Ж.*) одели в солдатское платье и увезли. Он вероятно так предполагал, потому что он говорил мне о волосах, которых он много видел в доме: как будто бы там нарочно стригли людей. [272]Мне трудно было понимать Чемодурова, потому что он говорил без всякой системы. [273]

Он мне рассказывал, что режим Царской семьи был ужасен, что их притесняли. Они все ели вместе за одним столом, без скатерти. С Ними обедал комендант Авдеев, часто пьяный, без кителя. Чемодуров рассказывал, что Авдеев неприлично и оскорбительно вёл себя с ГОСУДАРЕМ. Желая взять с общей тарелки себе какое-нибудь блюдо, он тянулся рукой между ГОСУДАРЕМ и Её Величеством и локтем задевал ГОСУДАРЯ по

лицу, сгибая руку. Княжны, по приезде в Екатеринбург, спали на полу: не было для них кроватей. Большевики отобрали у Её Величества какую-то сумочку, бывшую у Неё на руках, [274]отняли золотую цепь, на которой были образки у постели Алексей Николаевича. [275]

После прихода ко мне Чемодурова я вместе с мистером Гиббсом поехали в Екатеринбург к Сергееву, чтобы ему помогать: нам Чемодуров сказал, что он ведёт расследование». [276]

Документ № 7

«(…) Спустя некоторое время после освобождения Екатеринбурга в Тобольск прибыл Чемодуров. Я видел его и говорил с ним. Должен, прежде всего, Вам сказать, что Чемодуров вернулся в Тобольск совершенно разбитый и совсем душой больной старик. Недавно он и умер. Его рассказы были бессвязны. Он мог только отвечать на вопросы, причём ответы его часто бывали противоречивы. Передаю то главное из его рассказов, что сохранила память.

Когда ГОСУДАРЬ с ГОСУДАРЫНЕЙ и Марией Николаевной прибыли в дом Ипатьева, Их обыскали. Обыскивали хамски, грубо. ГОСУДАРЬ вышел из себя и сделал замечание. На это ему было в грубой форме указано, что он арестованный. Как главного начальника Чемодуров называл Авдеева. Про Дидковского он ничего не говорил. Спросить его об этом я не мог, так как я не знал же обстоятельств дела. Обед был плохой. С ним запаздывали: приносили его готовым из какой-то столовой вместо часа в 3–4. Обед был общий с прислугой. Ставилась на стол миска, ложек, ножей, вилок не хватало. Участвовали в обеде и красноармейцы. Придёт какой-нибудь и лезет в миску: “Не, с вас довольно. Я себе возьму”. Княжны спали на полу, так как кроватей у них не было. Устраивалась перекличка. Когда княжны шли в уборную, красноармейцы, якобы для караула, шли за ними в уборную. Вообще, даже со слов Чемодурова, неспособного дать ясную картину, благодаря своему угнетённому состоянию, можно было понять, что Августейшая семья подвергалась невыносимым моральным мукам. В убийство Августейшей Семьи Чемодуров не верил. Он говорил следующее. Убили Боткина, Харитонова, Демидову, Труппа, а Августейшую Семью вывезли, причём убийством названных лиц симулировали убийство Семьи. Для этого, как можно было понять Чемодурова, симулировали и разгром дома: сожжение вещей и бросание их в помойку. Я помню, что он мне говорил о найденных где-то остатках икон, ордене Владимира, с которым не расставался Боткин. (…)

Чемодуров ничего мне не говорил про волосы в доме Ипатьева». [277]

Документ № 8

«29 июля (по новому стилю), когда я находился в Штабе гарнизона, я услышал что откуда-то принесли какие-то вещи, которые наводят на размышления относительно благополучия Августейшей Семьи. (…)

Удалось выяснить, что вещи эти привёз в город офицер Шереметевский. Кто-то послал тогда в город за находившимся тогда в Екатеринбурге камердинером ГОСУДАРЯ Чемодуровым и доктором Деревенько (так!). [278]Как вёл себя Деревенько, я что-то не помню. Я только помню, что он, кажется, опознал всё-таки какие-то вещи. Чемодуров же удостоверял, что такие кресты как тот, который был у нас в руках, носили все Княжны. [279]Он опознал пряжку малого образца, как принадлежащую к поясу Алексей Николаевича, а две пряжки с драгоценными камнями, как принадлежавшие к туфлям одной из Княжон. Что он говорил про остальные вещи, не помню. (…)

Я начал тогда же искать Шереметевского, искал его часа два, нашёл. Шереметевский сказал мне, что все эти вещи он получил от каких-то крестьян, а крестьяне нашли их в местности около д. Коптяков, оцеплявшейся большевиками как раз в скором времени после убийства Государя, в кострах.

В тот же день я получил официальное предписание от Начальника гарнизона Шериховского произвести, при участии судебных властей, расследование по поводу нахождения этих вещей. (…)

30 июля утром нас собралась компания: [280]я, Капитан Ярцов, Ротмистр Бертенев, Штабс-Капитан Бафталовский, Капитан Политковский, Штаб-Ротмистр Ивановский, Капитан Сумароков, ротмистр Матвеенко, Шереметевский, Чемодуров и Деревенько». [281]

Документ № 9

«(…) И стала я преподавать Детям разные предметы. Я занималась с Алексеем Николаевичем по русскому языку, математике, географии. С Марией Николаевной и Анастасией Николаевной я занималась по истории и по русской литературе. Ходила я к ним на уроки каждый день и почти каждый день два раза в день. Приходила я утром. Всегда была одна и та же

картина. Дети встают. Идёт старик Чемодуров и несёт вычищенные сапоги Императору, осторожно держа их за ушки. Я занималась с Алексеем Николаевичем в комнате, соседней с той, где занимался своим утренним туалетом ГОСУДАРЬ. Слышно было – ГОСУДАРЬ разговаривает с Чемодуровым. Это, должно быть, было Его привычкой». [282]

Документ № 10

«(…) Гендрикову и Шнейдер от нас в тюрьме отделили, а нас с Татищевым посадили в одну камеру. Это было 10 мая по старому стилю. На другой же день в нашу камеру был приведен Чемодуров.

Я разговаривал с ним. Он был сильно потрясён. Он мне говорил, что из Тюмени их возил Яковлев куда-то взад и вперёд, так что он совсем потерялся и не знал, куда же именно их возил Яковлев. Привезли их в Екатеринбурге прямо в дом Ипатьева. Водили ли куда отсюда ГОСУДАРЯ, он не говорил и разговору у нас с ним об этом не было. Обращались с Августейшими Особами здесь большевики, как говорил Чемодуров, “плохо, грубо”. Он рассказывал, что однажды один какой-то из них стал рассматривать флаконы ГОСУДАРЫНИ и нюхать их. ГОСУДАРЬ сказал ему на это: “До сих пор я имел дело всё-таки с порядочными людьми”. Этот большевик ушёл, сказал о словах ГОСУДАРЯ кому-то другому, и тот грубо сделал замечание ГОСУДАРЯ: “Не забывайте, что Вы арестованный”. Обедали они все вместе. Во время обеда подходил какой-нибудь красноармеец, лез ложкой в миску с супом, жрал и говорил: “Вас всё-таки ещё ничего кормят”. Видимо, здесь в Екатеринбурге обращение было совсем иное, чем в Тобольске.

25–26 мая по старому стилю Татищева увели в контору тюрьмы. Он не взял с собой своих вещей: шубы и бумажника (сколько у него было денег, не знаю, но думаю, что не много). Он скоро прислал за мной, прося меня принести ему вещи. Я понёс. В конторе Татищев показал мне ордер (не знаю, из какого учреждения), в котором говорилось, что Татищев высылается из пределов Уральской области. Подписей на нём я не помню. До этого времени к нему никто не приезжал ниоткуда, и сам он не хлопотал о своём освобождении.

Я забыл сказать, Чемодуров говорил, что 10 мая (старого стиля. – *Ю. Ж.*) в дом Ипатьева был привезён Нагорный и должен был вместо него быть привезённым Трупп». [283]

Литература о Т. И. Чемадурове

1. Чернова О. В. Верные до смерти. СПб., Издательство «Сатисъ», 2007.

2. Чернова О. В. Верные. О тех, кто не предал Царственных Мучеников. М., Издательство «Русскій Хронографъ», 2010.

* * *

Работая над книгой, я некоторое время назад наткнулся во Всемирной паутине Интернета на блог 133MHz, в котором его создатель – 17-летний Александр Чемодуров – обнародовал весьма интересную информацию о дворянах Чемодуровых.

> «Сегодня решил поискать в Интернете про своих, может быть, родственников. И я был приятно удивлен информацией о своей фамилии. О, Великий Интернет, [я] предполагал что то[т] способен на многое, но от этого я был в шоке. Я знал, что мои корни уходят в Курск, и вот то, что я нашёл.
>
> Чемодуровы – два русских дворянских рода, восходящих к половине XVII века и записанных в VI части родословных книг: первый – Орловской губернии, второй – Казанской и Самарской губерний.
>
> Чемодуров Терентий Иванович (1849–1919), камердинер императора Николая II с 1 декабря 1908 г., добровольно последовал за царской семьёй в ссылку, сопровождал императора при переводе его из Тобольска в Екатеринбург, находился в Ипатьевском доме до 24 (11) мая, откуда по болезни был удалён и заключён в тюремную больницу. В это время ему было 69 лет. В тюрьме был забыт чекистами и 25 июля 1918 года по счастливому случаю освобождён чехословаками. Белогвардейским следствием привлекался в качестве свидетеля по делу об убийстве царской семьи. В 1919 году умер в Тобольске.
>
> Прикольно, не правда ли? Но и это ещё не всё.
>
> Так же я нашёл герб и его описание».

Ну, что тут можно сказать? Молодому человеку – сей факт, как говорится, «приколен». И не более того. Но ведь об этом говорят и другие, куда более зрелые пользователи.

Так, к примеру, некий аноним под «псевдонимом» everstti_rymin вложил на сайте LIVEJOURNAL блог «Царское дело. VII. – Камердинер». (Вероятнее всего, часть собственного сочинения!) И в нём, наряду с размышлениями, ставящими под

сомнение версию убийства Царской Семьи в доме Ипатьева, есть почти точно такое же упоминание о дворянах Чемодуровых, которое сей автор даже выделил жирным шрифтом:

«Есть некоторое вероятие того, что слухи о крестьянском происхождении Терентия Ивановича из Курской губернии – дань сентиментальной традиции, не более. У Брокгауза—Эфрона читаем: Чемодуровы – два русских дворянских рода, восходящих к середине XVII в. и записанных в VI часть родословной книги: первый – Орловской губернии, второй – Казанской и Самарской губерний. Герб последнего рода Ч. внесён в IX часть Общего Гербовника».

О существовании Дворянского Рода ЧемОдуровых и о его ветвях никто не спорит. Ибо таковой, несомненно, существовал. Но ведь в данном случае речь идёт не о дворянах ЧемОдуровых, а о крестьянском сыне Т. И. ЧемАдурове!

Так что, при всём уважении к любой авторской точке зрения, мне всё же хотелось бы пожелать всем тем, кто пишет или ещё только собирается написать о Терентии Ивановиче Чемадурове, постараться отнестись более внимательно к правильному написанию его фамилии. Ибо вся жизнь этого человека – служение Царю и Отечеству, а выпавшие на его долю испытания есть не что иное, как христианский подвиг, несущий в своей основе Терновый Венец Мученичества.

Глава 6
Лакей 2-го разряда при комнатах Их Высочеств Августейших Детей Их Императорских Величеств Иван Дмитриевич Седнев

Последним из перечисленных ранее царских слуг, прибывших из Тобольска в Екатеринбург в апреле 1918 года, был Запасной Боцманмат Императорской яхты «Штандартъ» И. Д. Седнев, которого в литературе, посвящённой теме Царской Семьи, ошибочно называют просто матросом.

Иван Дмитриевич Седнев родился 22 сентября 1881 года. Происходил из крестьян деревни Сверчково Спасской волости Мышкинского уезда Ярославской губернии.

На действительную военную службу был принят Мышкинским Уездным по воинской повинности Присутствием в 1904 году. По окончании Кронштадтской Учебной Команды И. Д. Седневу была присвоена категория Матроса 2-й статьи.

Проходил службу в Гвардейском Экипаже на Императорских Яхтах «Полярная Звезда» и «Штандартъ», за годы которой дослужился до звания Боцманмата.

По воспоминаниям бывшего Командира Гвардейского Экипажа, Капитана 1-го ранга Н. П. Саблина, проходившего одно время службу на Штандарте», И. Д. Седнев был старшиной капитанской гички и старшиной «подносчиков». [284]

По всей видимости, ближе к окончанию срока своей службы на флоте И. Д. Седнев получил предложение продолжить службу в качестве лакея при Высочайшем Дворе из-за болезни и связанного с этим увольнения Лакея 1-го разряда Александра Сиповича. Службу эту И. Д. Седнев начал 14 апреля 1909 года в должности Лакея 3-го разряда при окладе 460 руб. годовых и 240 руб. квартирных.

Обосновавшись в Царском Селе, И. Д. Седнев уже 1 сентября убывает сроком на 28 календарных дней на родину в отпуск, во время которого знакомится со своей будущей невестой, Марией Алексеевной Чистяковой, 1893 года рождения, уроженкой д. Дьконово Рождественской волости.

По возвращении на службу И. Д. Седнев часто пишет своей возлюбленной, а, получив новый отпуск 25 августа 1910 года, делает ей предложение. Таковое было принято, и по существовавшей крестьянской традиции свадьбу решили

отпраздновать осенью, по первому снегу.

Венчание жениха и невесты происходило в ноябре того же года в Угличе, в храме иконы Корсунской Божьей Матери, откуда молодые супруги переехали в родительский дом жениха, где и провели вместе оставшееся от отпуска время, после чего И. Д. Седнев вновь выехал в Санкт-Петербург, чтобы продолжить свою службу при Высочайшем Дворе.

25 августа 1911 года у четы Седневых рождается первенец – дочь Людмила, и для того, чтобы быть ближе к мужу, М. А. Седнева переезжает в Царское Село. [285]

Немногим менее чем через год (5 июля 1912 года) у Седневых рождается вторая дочь – Ольга (названная так в честь Старшей Дочери Их Императорских Величеств – Великой Княжны Ольги Николаевны), а по прошествии ещё девяти месяцев (3 апреля 1913 года) – сын Дмитрий.

Весьма примечательно и то обстоятельство, что при рождении его дочери Ольги Государыня дала своё «Всемилостивейшее соизволение на восприятие от Св. Купели ИМЕНЕМ ЕЯ ИМПЕРАТОРСКОГО ВЕЛИЧЕСТВА дочери Лакея 3-го разряда Ивана Седнева – Ольги, родившейся 5 июля 1912 года», [286]о чём в Книге Восприемников Е.И.В. Государыни Императрицы Александры Фёдоровны была сделана соответствующая запись, после чего И. Д. Седневу было выдано в том Свидетельство за № 6004 от 18 июля 1912 года, [287]а М. А. Седневой – ценный подарок. [288]

При рождении же в семье Седневых третьего ребёнка, сына Дмитрия, его Крестовосприемницей стала Великая Княжна Ольга Николаевна, в чём его отцу также было выдано соответствующее Свидетельство за № 4977 от 10 апреля 1915 года, а мать новорождённого получила в подарок «золотые дамские часы с Государственным Гербом», ценою в 60 рублей.

Находясь неотлучно при Царской Семье и сопровождая Её во всех поездках по России и за границу, И. Д. Седнев неоднократно поощрялся наградами не только Российской Империи, но и иностранных государств.

6 мая 1913 года И. Д. Седнев назначается Лакеем 2-го разряда, а 1 апреля 1914 года переводится «Лакеем 2-го разряда при комнатах ИХ ИМПЕРАТОРСКИХ ВЫСОЧЕСТВ Августейших Детей ИХ ИМПЕРАТОРСКИХ ВЕЛИЧЕСТВ».

Как и ранее, свои служебные обязанности он выполняет с должным рвением, в силу чего 23 апреля 1916 года получает серебряную медаль «За усердие» и назначается Лакеем 1-го разряда.

Однако нельзя считать, что служба при Высочайшем Дворе

была праздной и легкой. Наоборот, она требовала от каждого из слуг самого тщательного подхода к выполнению своих непосредственных обязанностей.

Так, к примеру, 13 марта 1914 года Заведующий Хозяйством Гофмаршальской Части Генерал-Лейтенант М. М. Аничков направил в Канцелярию Е.И.В. Государыни Императрицы рапорт *«…об удержании с лакея Ивана Седнева один-надцати руб. девяносто коп., причитающихся с него за утрату серебра, белья и металлических вещей за время Высочайшего присутствия в минувшем 1913 г. в Петерго-фе, Красном Селе, в Ливадии и на Императорской яхте Штандарт за время Высочайшего присутствия с 7 июня по 12 июля 1913 года в Финских шхерах»*. [289]

А ещё, буквально через несколько месяцев, тот же М. М. Аничков на основании рапорта Смотрительницы Придворно-прачечного заведения за № 112 от 9 июля 1914 года, представившей вместе с таковым *«расписку Седнева об утрате одной гербовой салфетки ценой 1 р. 05 к. и одного ровного фартука стоимостью 53 к., отпущенных в буфет Августейших Детей»*, потребовал удержать с последнего 1 рубль 58 копеек, что, собственно, и было сделано.

На второй год Первой мировой войны И. Д. Седнев подлежал призыву на флот, как Ратник Морского Ополчения Срока службы с 1904 года, однако призыв был на время отсрочен. Так, 4 июля 1916 года Морской Министр Адмирал И. К. Григорович, на основании полученного им ранее письма Временного Заведующего Канцелярией Её Величества Государыни Императрицы Александры Фёдоровны А. М. Никитина за № 10545 от 7 июля 1916 года, предписал Главному Морскому Штабу сделать распоряжение об увольнении Ратника Морского Ополчения Ивана Седнева для службы его при комнатах Августейших Детей, для чего последнему предлагалось явиться во 2-й Балтийский Флотский Экипаж для получения Увольнительного билета и Ополченческого знака. А, начиная с 7 июля этого же года, по приказу Адмирала И. К. Григоровича Запасной Боцманмат И. Д. Седнев был командирован для службы при комнатах Их Императорских Высочеств Августейших Детей Их Императорских Величеств *«…без выделения от казны денежного, пищевого и вещевого довольствия»*.

За свою долгую и беспорочную службу И. Д. Седнев был награждён:

• Кульмским знаком в память 200-летия Гвардейского Экипажа (8 мая 1910 г.);

• Светло-бронзовой медалью «В память 100-летнего юбилея

Отечественной войны 1912 года (15 августа 1912 г.);

• Светло-бронзовой медалью «В память 300-летия Российского Императорского Дома Романовых (21 февраля 1913 г.);

• Серебряными часами с Государственным Гербом (к 300-летнему Юбилею Российского Императорского Дома Романовых);

• Серебряной медалью «За усердие» для ношения на груди на Станиславской ленте (23 апреля 1916 г.);

• Сербской серебряной медалью без Короны (1 февраля 1913 г.);

• Шведской серебряной медалью ордена «Вазы» (15 февраля 1911 г.);

• Прусским знаком «Почётный крест» (15 марта 1914 г.).

С началом Февральской Смуты Запасной Боцманмат И. Д. Седнев был уволен в бессрочный отпуск, однако отбыть в таковой не пожелал, разделив участь Царской Семьи и подвергнувшись добровольному аресту в Александровском Дворце. А незадолго до Октябрьского переворота он отослал жену и малолетних детей на родину.

Но, вот что интересно… Со слов внучки моряка, Т. Н. Белкиной, вслед за уехавшей женой, взявшей с собой лишь самое необходимое, он отослал на родину сундук с личными вещами и некоторыми документами. Но по прибытии на место в сундуке оказались лишь кирпичи, да не нужная «товарищам» икона Казанской Божьей Матери…

1 августа 1917 года И. Д. Седнев вместе с Царской Семьёй и со своим племянником, Младшим поварским учеником Леонидом Седневым, проследовал в Тобольск, где в числе прочих слуг проживал в доме купца-рыбопромышленника и пароходовладельца И. Н. Корнилова.

При поездке в Тобольск И. Д. Седнев (как уволенный в отпуск) не получал пособия, а посему уже 8 сентября 1917 года он направил оттуда на имя Камер-Фрау М. Ф. Герингер открытое письмо, в котором, в частности, писал:

> «Мария Фёдоровна покорнейше прошу вас которые причитаются мне деньги жалования за Август месяц. Доверяю выдать моей жене Марии Алексеевне Седневой она квам придет естли она не отослала.
>
> *Иван Дмитриев Седнев».* [290]

По ходатайству М. Ф. Герингер пособие И. Д. Седневу в сумме 50 рублей было выслано, но денег этих, разумеется, надолго не хватило, и, не зная, что Гофмаршальская Часть уже ликвидирована, он 29 января 1918 года обращается с письмом к

М. М. Аничкову:

«Ваше Превосходительство!

Обращаюсь к Вам с Покорнейшей прозбой не откажите Моей прозбы я ходатайствую перед ево Сиятельством графом Ростовцевым по поводу Моей квартиры которая находится в Царском Селе в Доме быв. [шей] личной Прислуги Квар[тира] № 1 точто Мою Квартиру заняли я нахожусь Командированный в гор. Тобольск занял её из гаража – и вот поповоду етово покорнейше прошу вас и графа Ростовцова неотказать мне взамен Квартиры Квартирные деньги сколько причитается ещё Месячно.

Ваше превосходительство ещё Вас Прошу зделать разпоряжение смотрителю та[к]же леврейной (Платье-ливрейной. – *Ю. Ж.*) кладовой чтобы мне выслали Бушлат и чёрные брюки и летнее пальто такчто[когда]мы ехали (уезжали. – *Ю. Ж.*) из Царскова Села захватить я не мог как вы сами занайте что мы были заперты в Александровском Дворце. то[г]да и изъ сподзамка и поехали а когда нам прислала гофмаршало[вс]кая части одне брюки то я здесь изъ ихъ носить так что я хожу очень неприлично все износилось.

Ваше превосходительство ещё я вас прошу я Подавал Его Сиятельству ГрафюРостовцову прошение на пособие Моей Дочери Людмилы (8 лет) на обучение, но я ещё не получал не некаких данных.

Ваше Превосходительство ещё я Вас прошу не откажите моей прозбы упомянутой в моём письме.

Служащий Децкой Половины И. Д. Седнев

Январь 29–1918 г». [291]

Прибыв в апреле 1918 года в Екатеринбург вместе с Царской Семьёй, И. Д. Седнев в числе прочих верных царских слуг был помещён под арест в ДОН.

О том, как протекала жизнь И. Д. Седнева в первые дни его заточения в доме Ипатьева, видно из кратких записей в дневнике Государя. Так, в частности, Он упоминает о простуде Ивана Дмитриевича, которую тот, скорее всего, мог получить из-за того, что сильно промёрз по дороге из Тобольска до Тюмени.

« *2 [15] Мая. Среда.*
(…) У Седнева простуда с лихорадкой». [292]

« *3 [16] Мая. Четверг.*
(…) У Седнева лихорадка меньше, но он пролежал весь день». [293]

Надо сказать, что на новом месте своего заточения, Бывший Боцманмат выполнял не только свои функции лакея, но и в некотором роде повара, готовя всякий раз для Государыни вермишель, ибо всякая мясная пища была для Неё неприемлемой. И, надо сказать, готовил он её неплохо, что не раз было отмечено в дневнике Государыни:

« *8 Мая [26 апреля].*
(…) У Седнева сегодня превосходная вермишель и хлеб с маслом». [294]

« *9 Мая [27 апреля].*
(…) Седнев приготовил мою вермишель». [295]

Позднее, будучи арестованным и находясь в бывшем Арестном доме (Тюрьме № 2) вместе с Князем Г. Е. Львовым, И. Д. Седнев рассказал ему, что *«…удивлялся, чем была жива Императрица, питавшаяся исключительно одними макаронами»*. [296]

Однако его пребывание в доме Ипатьева после приезда Августейших Детей было недолгим. И, вот почему.

По мере поступления, багаж Царской Семьи складывался в бывший каретный сарай, где оный подлежал досмотру комендантом и его помощниками, после чего, по настроению последних, выдавался арестованным. Об одних из таких «смотрин» Государь даже сделал запись в дневнике за 26 (13) мая:

«После короткой прогулки зашли с ком. [ендантом] Авдеевым в сарай, в кот. [орый] свезен весь наш большой багаж. Осмотр некоторых открываемых сундуков продолжался». [297]

Но, по большей части, это был не плановый досмотр личных вещей Царской Семьи (кстати, почти всегда производимый в отсутствие их владельцев), а откровенное воровство, осуществляемое как лично А. Д. Авдеевым и его помощниками, так и при их попустительстве.

Постепенно это начинает понимать и сам Государь, который всего через несколько дней (10 июня/28 мая) напишет:

«В сарае, где находятся наши сундуки, постоянно

открывают ящики и вынимают разные предметы и провизию из Тобольска. И при этом без всякого объяснения причин. Всё это наводит на мысль, что понравившиеся вещи очень легко могут увозиться по домам и, стало быть, пропасть для нас! Омерзительно!». [298]

И, надо сказать, что Государь точно в воду смотрел! Позднее многие сотни предметов будут изъяты следствием из частных квартир и домов бывших охранников.

Однако людская алчность и жадность, как известно, безграничны… Со временем обнаглевшее авдеевское окружение перестало стесняться воровать скрытно и предприняло попытку сделать это уже открыто. Назревший инцидент произошёл днём 27 (14) мая, когда проверявший комнаты помощник коменданта А. М. Мошкин решил снять и присвоить золотую цепочку с крестиками и образками, висевшую над кроватью Наследника Цесаревича. Этому в резкой форме стали препятствовать бывшие моряки И. Д. Седнев и К. Г. Нагорный. Завязалась потасовка. О произошедшем было доложено А. Д. Авдееву, который, во избежание лишних разговоров, решил донести о случившемся по инстанции.

В результате около 18 час. 30 мин. того же дня И. Д. Седнева и К. Г. Нагорного под охраной доставили для допроса в Исполком Уральского Облсовета, оттуда затем препроводили в тюрьму.

Не прошло не отмеченным это событие и в дневнике Государыни:

> « *14[27] мая. Понедельник.*
> (…) В 6½ [часов]Седн[ева] и Нагорн[ого] забрали в окр[ужной] ком[итет], не знаю причины. [299]

Волею судеб свидетелем этого случая оказался и П. Жильяр, который впоследствии вспоминал:

> «В то время, как я однажды, вместе с доктором Деревенко и мистером Гиббсом, проходил мимо дома Ипатьева, мы заметили двух стоявших там извозчиков, окружённых многочисленными красногвардейцами. Каково же было наше волнение, когда мы узнали на первом из них лакея Великих Княжон Седнева, сидевшего между двумя стражами. Нагорный подходил ко второму извозчику. Он ступил на подножку, опираясь на крыло пролётки, и, подняв голову, заметил нас трёх, стоявших неподвижно в нескольких шагах от него. Он

пристально посмотрел на нас в продолжение нескольких секунд и затем, не сделав ни малейшего движения, которое могло бы нас выдать, в свою очередь сел в пролётку. Пролётки отъехали, и мы видели, что они направлялись по дороге в тюрьму.

Эти два милых малых были, немного спустя, расстреляны: всё их преступление состояло в том, что они не могли скрыть своего возмущения, когда увидели, как большевики забирают себе золотую цепочку, на которой висели у кровати больного Алексея Николаевича его образки». [300]

Прошло два дня и Августейшие Супруги стали вновь проявлять беспокойство о своих верных слугах.

« *16 [29] мая. Среда.*
«(…) О Седневе и Нагорном ни слуха, ни духа!» [301]

« *30 июня [13 июля]. Суббота.*
Говорят, что это правительство выслало отсюда Нагорного и Седнева, вместо того, чтобы вернуть их нам». [302]

Верность служения Царской Семье И. Д. Седневым и К. Г. Нагорным не вызывает сомнений у любого, кто был хоть немного знаком с выпавшими на их долю испытаниями. Не вызывает она сомнений и у автора данного издания. И, тем не менее, хотелось бы обратить внимание читателя на следующее обстоятельство.

В числе прочих вещественных доказательств в руках следствия оказался документ весьма неоднозначного и интересного содержания, текст которого приводится далее:

«Председателю уральского ОкружновоОбласнова совета Госпд. Белобородову.

ПРОШЕНИЕ

Гос. Белобородов покорнейше просим Вас разследовать Наше дело Служащих Ивана Дмитреич[а] Седнева и Клементия Григорича Нагорнова слуги Николая Романова так как нас арестовали и находимся в Арестов [Арестном. – *Ю. Ж.]*Доме Мы незнаем зачто хотя мы дали разсписки вам Г-н Белобородов и мы квам спросили можно ли нам уволиться со службы и вы нам

объяснили что Влюбое время можно и поповодуетово обращаем с Покорнейшей прозбой Квам и просим Вас Г-н Белобородов Выявить наше положение такчто мы Служить нежилаем и покорнейше просим вас Отправить нас на Родину в Ярославскую губерню такчто мы Крестьяне и жалаем обрабатывать своё грестьянство так что я И. Д. Седнев человек семейной имею жену и троих детей малолетних и мать старая и сестра и вот по поводу этово Покорнейше прошу вас Г-н Белобородов что мы совершенно отказываемся от службы Николая Романова

Потписали Иван Дмитреич Седнев Клементий Григорьевич Нагорный 28 мая 1918 г». [303]

Судя по характеру написания, орфографии и стилю изложения, этот документ, вероятнее всего, принадлежит руке И. Д. Седнева, в чём нетрудно убедиться, сравнивая текст оного с текстом приведённого ранее письма этого бывшего Царского слуги. А из документа следует, что находящиеся в тюрьме И. Д. Седнев и К. Г. Нагорный просят Предисполкома Уралсовета А. Г. Белобородова *«уволиться со службы»*, поясняя при этом, что ранее давали ему некие расписки…

В свою очередь, из упоминания о расписках можно сделать двоякий вывод: либо просители уже ранее выдавали А. Г. Белобородову какие-то расписки, либо писавший это прошение имел в виду расписку К. Г. Нагорного. То есть ту самую расписку, которую по его малограмотности комендант А. Д. Авдеев написал своей рукой, предоставив К. Г. Нагорному лишь возможность её подписать. [304]И в которой тот изъявлял добровольное желание *«продолжать службу при бывшем царе Николае Романове»*.

Впрочем, это всего лишь предположения. Ибо П. Жильяр, с одной стороны, пишет, что их из дома Ипатьева сразу же повезли по направлению к тюрьме. Только вот какой тюрьме, он не указывает, хотя вполне уже тогда мог знать, что их повезут в Тюрьму № 2. А по другим сведениям, их сначала завезли в помещение Уральского Областного Совета, [305]где допросили, и уж только после этого увезли в тюрьму.

Из текста этого «прошения» также следует, что И. Д. Седнев и К. Г. Нагорный, видимо, поддались на обещания А. Г. Белобородова отпустить их по домам в том случае, если они не пожелают более служить бывшему Самодержцу, в связи с чем в тексте «прошения» высказано нежелание в дальнейшем продолжать службу и «совершенный» отказ от таковой при Особе Государя.

Но и этот факт можно рассматривать с двух сторон, ибо мы

уже никогда не узнаем, что, собственно говоря, двигало этими людьми при написании данного «прошения»: боязнь возможной смерти или действительно нежелание продолжать службу. И, вероятнее всего, инициатором написания «прошения» был И. Д. Седнев – отец троих детей, слишком поздно осознавший всю безвыходность своего положения и решивший таким образом использовать последний шанс покинуть пределы Уральской области для воссоединения с семьёй. Предчувствовал свою близкую гибель и К. Г. Нагорный, который ещё во время переезда в Екатеринбург понимал, что вряд ли выйдет живым из всех этих перипетий…

Нельзя также исключать полностью и того обстоятельства, что написание этого «прошения» не обошлось без участия кого-то из братьев Кабановых, посоветовавших им отправить оное по инстанции при посредстве, опять же, кого-то из них. (Официально вся переписка арестантов с «волей» шла непосредственно через Начальника Тюрьмы № 2 М. Г. Кабанова-старшего.)

И, тем не менее, если Князь В. А. Долгоруков, что называется, рвался быть снова рядом с Царской Семьёй, то И. Д. Седнев и К. Г. Нагорный такого стремления явно не проявляли. А будучи помещёнными в тюремную камеру, они уже на следующий день (пусть даже по недомыслию!) написали о своём нежелании продолжать свою столь почётную государеву службу при Особе Государя, чем, всё же, нарушили данную ими Присягу на Верность, несколько размыв тем самым свой собственный образ героев-мучеников.

Впрочем, как и следовало ожидать, просьба их осталась без внимания…

В этот же день в Екатеринбурге были арестованы и препровождены в Тюрьму № 2 первые заложники. Среди них оказались представители различных сословий: священнослужители протоиерей Л. Игнoратов и диакон Уфимцев, гласный Екатеринбургской городской Думы П. Чистосердов, врачи В. Онуфриев и А. Линдер, адвокат К. Герц и, как было указано в извещении, «прочие» граждане: Л. Дукельский, Конторович, Н. Беленьков, П. Первушин, Агафуров, А. Макаров и др. А меж тем, среди этих «прочих» были известные и весьма уважаемые в городе люди: мукомолы и владельцы престижных магазинов. До недавнего времени о дальнейшей судьбе бывших царских слуг И. Д. Седнева и К. Г. Нагорного широкой общественности было известно опять-таки со слов того же П. Жильяра:

«Что касается матроса Нагорного, состоявшего при

> Алексее Николаевиче, и лакея Седнева, то они были умерщвлены в окрестностях Екатеринбурга в начале июня 1918 года. Их тела были найдены два месяца спустя на месте их расстрела». [306]

И далее бывший наставник, как бы, подводит итог:

> «Все, от генерала до простого матроса, без колебаний пожертвовали жизнью и мужественно пошли на смерть, а меж тем этому матросу, простому украинскому крестьянину (К. Г. Нагорному. – *Ю. Ж.*), стоило только сказать одно слово, чтобы спастись: ему достаточно было отречься от своего Государя. Этого слова он не сказал». [307] [308]

Оглядываясь с высоты времён на сказанное П. Жильяром, остаётся только признать, насколько наивен был швейцарец – хотя и проведший 13 лет при Царском Дворе, но так и не понявший пророческих пушкинских слов о русском бунте – «бессмысленном и беспощадном»! И поэтому нет ничего удивительного в том, что в горниле Гражданской войны – войны самой беспощадной из существующих – эти люди просто не могли рассчитывать на какое-либо милосердие.

А произошло вот что…

За несколько дней до их ареста – 22 июня – в районе ст. «Тундуш», что под Златоустом, местными патриотами, сорганизовавшимися в партизанский отряд в ходе Невьянского восстания, был остановлен личный поезд Командующего Златоуст-Челябинского направления И. М. Малышева. Всех, кто в нём находился, мятежники убили. (Кроме одного человека – комиссара Пермского красногвардейского отряда Н. Повлушина, успевшего выпрыгнуть в окно без сапог и чудом спасшегося бегством.) И, причём, убили именно потому, что в этом поезде ехал, не кто-нибудь, а «видный большевик» Иван Малышев, ранее состоявший в должности Уральского Областного Комиссара Труда. Расправились с большевиками и им сочувствующими, среди которых оказалось и много раненых, беспощадно, захваченный врасплох комиссар Малышев был также убит на месте. Ибо к тому времени «народная» большевистская власть так допекла население всего Урала (да и не только Урала!), что народ, не видя иного выхода, взялся за оружие от полного отчаяния…

Властители «Красного Урала» решили немедля отомстить за гибель своего верного соратника, приговорив к смерти двадцать ни в чём не повинных людей, вся вина которых состояла лишь в

том, что с точки зрения «классовой теории» большевизма они, как «классово-чуждые», никак не подходили для обустраиваемого ими «бесклассового общества»! (Волею случая, одному из заложников – бывшему гласному П. Чистосердову – также удалось бежать!) Несмотря на своё крестьянское происхождение, в числе «классово-чуждых» оказались также Иван Седнев и Клементий Нагорный, которых причислили к врагам Советской власти лишь за то, что они не покинули своего Государя в трудную для Него годину…

И финал их жизненного пути наступил 28 июня 1918 года… Со слов чудом избежавшего смерти П. Чистосердова, рассказал об этом впоследствии в своей книге бывший Управляющий Екатеринбургским Отделением Волжско-Камского Банка В. П. Аничков:

> «Из этих двадцати человек чудом спасся лишь Чистосердов, со слов которого нам и стало об этом известно.
>
> Их вывели из камеры, посадили на грузовые автомобили и под сильным конвоем повезли по Тюменскому шоссе. За дачами Агафурова автомобили остановились, и арестантам было приказано выйти в поле. Все они сознавали, что их ведут на расстрел. Настроение было безразличное и подавленное. Многие плакали, другие угрюмо молчали. Их пытались поставить в шеренгу, но они постоянно сбивались в кучу, стараясь прикрыться телами товарищей по несчастью. Никто не знал причины расстрела, суда не было, и даже заочного приговора о расстреле не прочли. Многие из обречённых что-то выкрикивали, прося о пощаде. Комиссар и солдаты были растеряны и недостаточно энергичны. Это был первый массовый расстрел в Екатеринбурге». [309]

Уже после того, как Екатеринбург был занят чешскими добровольцами и войсками Сибирской Армии (28 июля 1918 года), за ст. «Екатеринбург-II», в месте, где сваливали городской мусор (за дачами Агафурова), были обнаружены 19 полуразложившихся тел. Их опознали с большим трудом, но почти сразу же стало ясно, что это заложники, расстрелянные по постановлению Президиума Исполкома Уральского Совета от 28 июня 1918 года за смерть Уральского Областного Комиссара И. М. Малышева.

Среди расстрелянных заложников оказались лица самых разных социальных групп, арестованные в различное время и по

разным поводам. Так, Дядьку Наследника Цесаревича К. Г. Нагорного и Лакея И. Д. Седнева арестовали и отправили в тюрьму 28 мая. Бывший Есаул Мамкин и бывший матрос Т. Нахратов, как наиболее активные участники митинга «Союза фронтовиков», были арестованы на площади перед Верх-Исетским заводом 12 июня. Некоторых взяли в заложники после введения в городе военного положения 29 мая. А бывший Управляющий Верх-Исетским Механическим Заводом, а затем владелец Механической Конторы «Фадемак» А. И. Фадеев был арестован больным в ночь на 26 июня.

Похороны расстрелянных заложников проходили 31 июля. Во второй половине дня похоронная процессия вошла в город по Покровскому проспекту. Около Сибирской заставы к ней присоединились представители иностранных консульств и различных миссий. Под звон колоколов и звуки похоронного марша процессия двигалась по городу в сопровождении местного духовенства и хора певчих. Епископ Григорий совершил отпевание, после чего тела заложников были преданы земле на Монастырском и Ивановском кладбищах.

О том, как происходили похороны, оставил свои воспоминания всё тот же В. П. Аничков:

> «Во время сложных приготовлений к чествованию чешских войск нашим обществом было ассигновано около трёхсот тысяч рублей, а истрачено около семисот. Каждому воину (а их, по показаниям чешского командования, оказалось более пяти тысяч человек, тогда как на самом деле едва ли участвовала в освобождении города и тысяча) приготовлялся подарок стоимостью в сорок рублей. Пришлось наблюдать тяжёлое зрелище: торжественные похороны сперва девятнадцати расстрелянных интеллигентов и «буржуев», а затем похороны семидесяти рабочих, расстрелянных большевиками.
>
> Один за другим несли и везли на катафалках девятнадцать гробов, украшенных цветами. Толпа была настолько велика, что буквально вся Соборная площадь представляла собой море голов. Я едва пробрался к собору во время отпевания, но запах от трупов был настолько силён, что я ушёл в банковскую квартиру и с глубокой грустью следил с балкона за погребальной процессией». [310]

В этот же день, выходившая в Шадринске «Народная газета» писала:

«Екатеринбург. 7 июля. По предложению Областного Совета [и] Уральской Областной Чрезвычайной Комиссии по борьбе с контрреволюцией расстреляны следующие заложники: Первушин… Седнев, Нагорный…»

На каком именно из этих кладбищ уральская земля приняла бренные останки бывших царских слуг, на сегодняшний день неведомо. Равно как и неведомо, в какой из безымянных могил они обрели свой вечный покой и приют: братской или индивидуальной?

Так, упоминавшаяся уже Т. Н. Белкина, исходя из информации, сообщённой ей Главным редактором журнала «Санкт-Петербургские епархиальные известия» И. В. Поповым, полагает, что И. Д. Седнева и К. Г. Нагорного похоронили отдельно от всех остальных жертв, близ храма в честь иконы Пресвятой Богородицы Всех скорбящих Радость. И что по прошествии лет захоронения эти не сохранились, поскольку на этом месте был разбит городской парк.

То, что И. Д. Седнев и К. Г. Нагорный были похоронены именно на этом месте, весьма похоже на правду, поскольку на Монастырском кладбище Екатеринбурга всегда хоронили весьма уважаемых жителей этого города. И слуги, отдавшие жизнь за своего Царя, вполне могли найти там место своего последнего упокоения. Однако И. В. Попов заблуждается, говоря что на этом месте «был разбит городской парк», так как прямо к кладбищу примыкала столь любимая горожанами Монастырская роща, переименованная в годы Советской власти в Зелёную рощу.

На деле же, в 1929 году, в соответствии с новым планом градостроительства, городскими властями было принято решение о выделении части бывшей Монастырской рощи под размещение на ней Свердловского зоопарка. Сам зверинец, впоследствии, построили в другом месте. Но кладбище с красивейшими могильными памятниками и надгробиями успели снести, посему, как писали тогда газеты: *«…не осталось и следов от тяжёлых мраморных памятников, холмики могил срыты и построена контора»*…

И хотя весьма жаль, что могилы столь достойных людей, как И. Д. Седнев и К. Г. Нагорный оказались стёртыми с лица земли в ходе уничтожения «старого мира» богоборческой властью, память о них неизменно будет передаваться из рода в род. Ибо их верность и преданность Царской Семье доказана ценою самого дорогого, что есть у каждого человека, – ценою собственных жизней.

В 1981 году решением Священного Архиерейского Собора Русской Православной Церкви Заграницей **Иван Дмитриевич Седнев причислен к лику Святых Новомучеников Российских от власти безбожной пострадавших и наречён именем Святого Мученика Ивана (Седнева)**.

Чин прославления был совершён в Синодальном Соборе Знамения Божьей Матери РПЦЗ в Нью-Йорке 19 октября (1 ноября) 1981 года.

* * *

Ранее уже говорилось, что, благодаря средствам массовой информации, к настоящему времени стали известны некоторые подробности жизни таких царских слуг, как А. С. Демидова и И. Д. Седнев.

Так, ныне здравствующие родственники Анны Степановны Демидовой: сёстры Наталья Алексеевна Фрайман из Санкт-Петербурга и Нина Алексеевна Демидова из Череповца – рассказали корреспонденту «Огонька» Ильмире Степановой весьма много интересного о жизни своей знаменитой бабушки. [311]

Но если воспоминания родственников бывшей Камер-Юнгферы в большинстве своём соответствуют действительности (за исключением, пожалуй, ошибки в годе её рождения), то некоторые, с позволения сказать, «подробности» из жизни И. Д. Седнева зачастую не совсем верны.

В настоящее время в Москве и Ярославской области проживают два прямых наследника И. Д. Седнева: внук Владислав Дмитриевич Седнев (сын Д. И. Седнева) и внучка Тамара Николаевна Белкина (дочь О. И. Седневой), которые в своё время дали несколько интервью для СМИ. [312]

Из них мне стали известны некоторые интересные подробности жизни этого прекрасного человека. Однако кое с чем я всё же позволил бы себе не согласиться.

Так, например, с их слов получается, что на Императорскую Яхту «Штандартъ» И. Д. Седнев попал «по протекции» своего «потенциального родственника» К. Г. Нагорного. Однако из его послужного списка видно, что свою службу воинскую повинность он начал отбывать с 1904 года, а к должности Лакея 3-го разряда приступил с 14 апреля 1909 года. Для К. Г. Нагорного же воинская повинность стала исчисляться с 1 января 1909 года, а в Гвардейский Экипаж он был выпущен только лишь 9 мая 1910 года. То есть, без малого через год после того, как И. Д. Седнев был принят на новое место службы…

Посему их знакомство, скорее всего, началось в то время, когда Нагорный ещё ходил на «Штандарте» простым матросом и во время пребывания на борту судна Царской Семьи прислуживал Наследнику Цесаревичу. Не подлежит также сомнению, что в числе Её многочисленной прислуги находился и Седнев, состоявший в должности Лакея. А так как оба эти человека были, в определённой мере, при Августейших Детях, то их знакомство просто не могло не состояться… Как говорится: «рыбак рыбака…». А уж матрос матроса – тем более!

За годы совместной службы при Высочайшем Дворе они крепко подружились, в пользу чего говорит то обстоятельство, что Клементий Нагорный (если верить рассказам их ныне здравствующих родственников) хотел даже породниться с Иваном Седневым, женившись на его родной сестре Александре. И что Клементий, по их сведениям, уже «ходил у Шурочки в женихах»… И косвенное подтверждение тому – их совместное прошение на имя Председателя Президиума Уральского Облсовета А. Г. Белобородова, в котором оба они просят отправить их на родину И. Д. Седнева в Ярославскую губернию.

Хотелось бы также сказать и вот ещё о чём. Уж, не знаю, огорчу я нынешних родственников Ивана Дмитриевича или же нет, но Великая Княжна Ольга Николаевна была, как мы уже знаем, Крестовосприемницей его сына Дмитрия, а не дочери Ольги! И тот самый крест, который до сих пор находится в семье Белкиных, – есть крест, вероятнее всего, переданный в подарок матери младенца при его Святом Крещении под именем Дмитрий.

И коли уж речь зашла о кресте, то хочется сделать ещё одно пояснение к биографии нашего героя – исключительно, для Владислава Дмитриевича: его дед Иван Дмитриевич Седнев никогда не был Георгиевским Кавалером, то есть награждённым Знаком Военного Ордена Святого Великомученика и Победоносца Георгия, с 1915 года официально именуемым Георгиевским Крестом. А о прочих наградах, полученным им за верную службу, уже говорилось ранее.

Седнев И. Д. Документы Дела Канцелярии Её Величества Государыни Императрицы Александры Фёдоровны и управления делами Августейших Детей Их Императорских Величеств

Документ № 1

МИНИСТЕРСТВО
ИМПЕРАТОРСКОГО ДВОРА
Гофмаршал
«12» Июля 1912 г.
На рейде «ШТАНДАРТЪ»
№ 3088

Министру
ИМПЕРАТОРСКОГО ДВОРА
РАПОРТ

ЕЯ ВЕЛИЧЕСТВО ИМПЕРАТРИЦА АЛЕКСАНДРА ФЁДОРОВНА Всемилостивейше соизволила На восприятие от Св. Купели ИМЕНЕМ ЕЯ ИМПЕРАТОРСКОГО ВЕЛИЧЕСТВА дочери Лакея 3-я разряда Ивана Седнева – Ольга, родившейся 5 июля 1912 года.

Докладывая о вышеизложенном, имею честь Просить Ваше Высокопревосходительство не отказать в выдаче свидетельства, требуемого для представления при Крещении Ольги Седневой, а также о назначении из Кабинета ЕГО ИМПЕРАТОРСКОГО ВЕЛИЧЕСТВА подарка матери новорождённой Марии Седневой.

Гр. Бенкендорф.

В верхней части документа имеется оттиск мастичной печати овальной формы с текстом:

«КАНЦЕЛЯРИЯ МИНИСТЕРСТВА ИМПЕРАТОРСКОГО Двора», а в средней его части проставлена от руки дата его получения по инстанции – *«14/V912»*. [313]

Документ № 2

МИНИСТЕРСТВО ИМПЕРАТОРСКОГО ДВОРА
Канцелярия
«16» Июля 1912 г.
№ 7610

В Канцелярию
Ея Императорского ВЕЛИЧЕСТВА
ГОСУДАРЫНИ АЛЕКСАНДРЫ ФЁДОРОВНЫ

Канцелярия, по приказу Министра ИМПЕРАТОРСКОГО Двора, имеет честь препроводить для зависящих распоряжений рапорт Гофмаршала ВЫСОЧАЙШЕГО Двора от 12-го сего Июля за № 3088, о восприятии от Св. Купели Именем ЕЯ ИМПЕРАТОРСКОГО ВЕЛИЧЕСТВА Дочери лакея 3-го разряда Ивана Седнева – Ольги.

Вр. и.о. Начальника канцелярии

в д. [олжности] Гофмейстера Кн. [язь] С. Гагарин.

Ввиду того, что в подобных случаях не представлялось докладов Ея Величеству,

Г. Временно Заведующий <неразб.> доклад по этому делу

За Делопроизводителя

Феденко.

В верхней части документа имеется оттиск мастичной печати овальной формы с текстом по кругу: «КАНЦЕЛЯРИЯ * ГОСУДАРЫНЯ ИМПЕРАТРИЦА АЛЕКСАНДРА ФЁДОРОВНА» и датой по центру: 18. ИЮЛЯ 1912 «МИНИСТЕРСТВА ИМПЕРАТОРСКОГО Двора», а в средней его части проставлена от руки дата его получения по инстанции – « *14/V912*».

В средней левой части документа имеется помета следующего содержания: *«Выдать свидетельство крестин и на подарок и затем доклад Ея Величеству об исполнении. 18.V. М»*. [314]

Документ № 3

Канцелярия Ея Величества ГОСУДАРЫНИ ИМПЕРАТРИЦЫ АЛЕКСАНДРЫ ФЁДОРОВНЫ и управления делами АВГУСТЕЙШИХ ДЕТЕЙ ИХ ИМПЕРАТОРСКИХ ВЕЛИЧЕСТВ «18» Июля 1912 г. № 761 ˚С-Петербург Зимний Дворец

Копия

СВИДЕТЕЛЬСТВО

Дано сие лакею 3-го разряда Ивану Седневу в том, что ЕЯ ВЕЛИЧЕСТВО ГОСУДАРЫНЯ ИМПЕРАТРИЦА АЛЕКСАНДРА ФЁДОРОВНА ВСЕМИЛОСТИВИЙШЕ соизволила на восприятие от купели при Св. Крещении АВГУСТЕЙШИМ ЕЯ ИМПЕРАТОРСКОГО ВЕЛИЧЕСТВА Именем родившейся 5-го Июля 1912 года дочери Седнева – Ольги, в удостоверении чего и выдано настоящее свидетельство с приложением казённой печати.

Временно Заведывающий Канцелярии

Камергер Двора Его Императорского Величества Действительный Статский Советник Б. Орд… <неразб.>

Делопроизводитель Никитин

В левой нижней части документа имеется помета следующего содержания: *«Записана в книгу о восприемниках 31.VII.12.»*. [315]

И. Д. Седнев в материалах Следственного Производства 1918–1920 г.г

Документ № 1

«(…) 24 апреля от ГОСУДАРЫНИ пришло письмо. Она извещала в нём, что Их поселили в двух комнатах Ипатьевского дома, что им тесно, что они гуляют лишь в маленьком садике, что город пыльный, что у них осматривали все вещи и даже лекарства. В этом письме в очень осторожных выражениях она давала понять, что надо взять нам с собой при отъезде из Тобольска все драгоценности, но с большими предосторожностями.

Она сама драгоценности называла условно “лекарствами”. Позднее, на имя Теглевой, пришло письмо от Демидовой, написанное, несомненно, по поручению Её Величества. В письме нас извещали, как нужно поступить с драгоценностями, причём они были названы “вещами Седнева”. (…)

Несколько дней мы были в Екатеринбурге. Я ходил по городу и смотрел дом Ипатьева. 14 или 15 мая я видел следующее. Я шёл с доктором Деревенко (…) и мистером Гиббсом. Когда мы шли мимо дома Ипатьева, я видел такую сцену. На извозчике сидел лакей Седнев с солдатом, имевшим винтовку со штыком. На другого извозчика садился Нагорный. Когда он поднял глаза на нас, он нас увидел, узнал нас и долго и пристально на нас глядел. Но он не сделал ни одного жеста, который бы дал понять другим людям, бывшим около нас, что он нас знает. Извозчики, окружённые конными солдатами, быстро поехали к центру города. Мы быстро следовали за ними, пока могли. Но они скрылись от нас по тому направлению, где, как мы узнали, была тюрьма». [316]

Документ № 2

«(…) Были ещё при Царской Семье каких-то два человека, как мне объяснил Медведев, тоже слуги. Один из них был высокого роста, худощавый, лет 35, светло-русый, коротко стриженый, бороду брил, усы подстригал. Нос средней величины, прямой. Остальных примет не помню, но лицо у него было чистое, как у женщины. Другой, также высокого роста, лет 30, волосы на голове были чёрные, косым рядом, усы и борода бритые. Первый носил чёрную тужурку, брюки и ботинки. Второй ходил в пиджаке, в крахмальном белье с галстуком, брюках и ботинках. Я ещё видел, как первый выносил резиновую подушку с мочой Наследника. Этих двоих людей я видел только один раз, когда в первые же дни стоял на посту внутри дома. Больше я их не видел. Медведев сказал мне, что обоих их отвезли в Тюрьму № 2, но за что, собственно, их отвезли в тюрьму, он мне не сказал, а я не интересовался». [317]

Документ № 3

«(…) Седневу было лет 28, высокий, среднего телосложения, брюнет, на голове волосы на пробор, усы и бороду брил. Нос прямой, лоб средней величины, прямой. Носил высокие сапоги, чёрные штаны, защитную рубаху и подпоясывался поясом-шнуром с кистями». [318]

Документ № 4

«(…) Так продолжалось до самого отъезда в Тобольск ГОСУДАРЯ. За ним приезжал в Тобольск комиссар Яковлев. Я не могу Вам рассказать, как он в первый раз приходил к ГОСУДАРЮ, что он с Ним говорил. У нас все думали тогда, что ГОСУДАРЯ везут в Москву. Я знаю от Седнева, что Седнев Его спросил, куда же они едут? ГОСУДАРЬ сказал ему, что достоверно Он сам не знает этого, но думает, что Его везут в Москву или куда-либо дальше». [319]

Документ № 5

«(…) Я не понимаю [помню. – *Ю. Ж.*], удивило ли тогда Детей, что Родителей задержали в Екатеринбурге, и как они относились к этому. Мне кажется, они были рады этому: близко от них. Я знаю, были тогда письма от ГОСУДАРЫНИ и Марии Николаевны. Они писали, что спят “под пальмами”, едят вместе с прислугой, что обед носят из какой-то столовой, а ГОСУДАРЫНЕ

(она вегетарианка) Седнев готовил макароны на спиртовке». [320]

Документ № 6

«(…) Спустя приблизительно недели две, в нашу тюрьму были доставлены лакей Царской Семьи Седнев и дядька Наследника Нагорный.

Седнев и Нагорный – прекрасные ребята, неглупые, отдающие себе отчёт во многом, здоровые и телом и духом; были весьма преданы Семье. Естественно, я расспрашивал Долгорукова, Седнева и Нагорного про положение Царской Семьи. Вот к чему сводились их рассказы.

В Тобольске Царской Семье жилось хорошо. Недостатка ни в чём у Неё не было, жилось спокойно, никто Их не трогал, ничем не докучал. Царь занимался физическим трудом: пилил дрова и много работал в саду и в огороде, развел образцовый огород. В апреле месяце вдруг приехал из Москвы какой-то комиссар (уже потом я от Жильяра услышал его фамилию: Яковлев) и крайне спешно потребовал: уезжать немедленно без всяких отговорок. Требование немедленного отъезда “во что бы то ни стало” произвело в Тобольске на всех впечатление совершенно ошеломляющее. Но комиссар требовал настойчиво и не дал даже времени собрать все вещи, какие нужно было. До Тюмени ехали на лошадях. Была самая распутица. Но комиссар не обращал внимания, гнал, невзирая ни на что, без всяких остановок. Кажется, только и была одна остановка, на которой он позволил напиться чаю. Я помню, что Седнев удивлялся и говорил: “И как только Государыня вытерпела?” Из Тюмени Их повезли поездом, но совершенно нельзя было понять, куда же Их везут. Они сами не знали этого и, благодаря обстановке, не могли об этом ни у кого спросить. Между тем они видели, что возят Их в обратные стороны: то на восток, то на запад. (…)

Их привезли или ночью, или рано утром. Поезд несколько часов стоял на станции, пока Семью не перевезли в дом Ипатьева, а Долгорукова от дома Ипатьева прямо доставили в тюрьму. (…)

Про екатеринбургский режим Седнев и Нагорный говорили в мрачных красках. По их словам, сначала охрана состояла из латышей. Латыши хорошо относились к заключённым. (Я не помню, может быть, об этом факте говорили они и не оба, а который-нибудь один из них.) Латышей заменили русскими, и русские стали проявлять себя худо. Они начали воровать первым делом. Сначала воровали золото, серебро. Потом стали таскать бельё, обувь. Царь не вытерпел и вспылил: сделал замечание. Ему в грубой форме ответили, что Он – арестант и распоряжаться

больше не может. Самое обращение с Ними вообще было грубым. И Седнев и Нагорный называли режим в доме Ипатьева “ужасным”. Становилось, по их словам, постепенно всё хуже и хуже. Сначала, например, на прогулки давали 20 минут времени, а потом стали всё уменьшать это время и дошли до 5 минут. Физическим трудом совсем не позволялось заниматься. Наследник был болен. К Нему просили пропустить доктора Деревенко, но просьба уважена не была. (Я помню, Нагорный рассказывал, что Деревенко не жил с Ними в Тобольске и его часто заменял Нагорный, привыкший ухаживать за Наследником.) В частности, дурно обращались с Княжнами. Они не смели без позволения сходить в уборную. Когда Они шли туда, Их до уборной провожал обязательно красноармеец. По вечерам Княжон заставляли играть на пианино. Стол у Них был общий с прислугой. Седнев удивлялся, чем была жива Императрица, питавшаяся исключительно одними макаронами. Седнев и Нагорный ссорились (с караульными – *Ю. Ж.*) в доме Ипатьева из-за царских вещей: как преданные Семье люди, они защищали Её интересы. В результате они попали в тюрьму.

Их рассказы подтверждали и красноармейцы, которые караулили нашу тюрьму. Эти красноармейцы по очереди караулили то у нас, то в доме Ипатьева. Они со мной разговаривали. Их рассказы во всём сходились с рассказами Седнева и Нагорного. Они – я это помню – подтверждали, что Княжон заставляли играть на пианино, и вообще говорили, что с Семьёй обращаются худо. Фамилий этих красноармейцев я не помню. Помню, что среди них был, вероятно, насильно мобилизованный сын директора народных училищ в Екатеринбурге, по фамилии мне не известный. Он говорил то же, что и остальные красноармейцы». [321]

Литература о И. Д. Седневе

1. Румянцева Е. Л. Мученические венцы принявшие. (К 90-летию убийства Царских слуг на Урале.) Екатеринбург, Издательский дом «Стягъ», 2008.
2. Чернова О. В. Верные до смерти. СПб., Издательство «Сатисъ», 2007.
3. Чернова О. В. Верные. О тех, кто не предал Царственных Мучеников. М., Издательство «Русскій Хронографъ», 2010.
4. Е. Михайлина. Крест последней княжны. Газета «Московский комсомолец» № 2179 от 17 мая 2006.
5. До смерти верный. Малые города. Углич. Интернет-сайт: **www.small-cities.ru/yglich/yglich_obygl_18.html** .

Часть II
Претерпевшие до конца

Глава 1
Последний маршрут Царской Свиты

После того, как Чрезвычайный Комиссар ВЦИК В. В. Яковлев (К. А. Мячин) доставил в Екатеринбург Государя, Государыню, Великую Княжну Марию Николаевну и сопровождавших Их лиц, остававшиеся в Тобольске члены Царской Семьи, что называется, ни на минуту не выпадали из поля зрения Президиума ВЦИК и членов Президиума Исполкома Уральского Облсовета.

10 мая (27 апреля) Я. М. Свердлов направил кружным путём (из Москвы в Екатеринбург через Аша-Балашевский Совдеп, так как именно там, по его мнению, должен был находиться В. В. Яковлев) телеграмму, адресованную в Уральский Областной Совет для сведения.

В соответствии с этой телеграммой, находящемуся в Тобольске Уполномоченному ВЦИК П. Д. Хохрякову, избранному к тому же месяцем ранее на должность Председателя Исполкома Тобольского Совдепа, предлагалось организовать перевоз в Екатеринбург остававшихся в Тобольске Августейших Детей.

Таким образом, в 17 часов 20 мая 1918 года на пароходе «Русь» из Тобольска в Тюмень отплыли следующие члены Царской Семьи и сопровождающие их верные слуги:

• Е.И.В. Наследник Цесаревич и Великий Князь Алексей Николаевич;

• Е.И.В. Великая Княжна Ольга Николаевна;

• Е.И.В. Великая Княжна Татьяна Николаевна;

• Е.И.В. Великая Княжна Анастасия Николаевна;

• Граф Татищев Илья Леонидович – Генерал-Адъютант, Генерал-Лейтенант;

• Графиня Гендрикова Анастасия Васильевна (Настенька) – Личная Фрейлина Е.И.В. Государыни Императрицы Александры Фёдоровны;

• Баронесса Буксгевден София Карловна (Иза) – Личная Фрейлина Е.И.В. Государыни Императрицы Александры Фёдоровны;

• Деревенко Владимир Николаевич – Почётный Лейб-Хирург, Доктор медицины, Профессор, Врач «Гвардейского Отряда по охране бывшего царя и его семьи»;

• Жильяр Пьер (Пётр Андреевич) – Наставник Наследника Цесаревича Алексея Николаевича и преподаватель английского языка других Августейших Детей Их Императорских Величеств;

• Гиббс Сидней (Сидней Иванович) – Преподаватель

английского языка Августейших Детей Их Императорских Величеств;

• Шнейдер Екатерина Адольфовна (Трина) – Гоф-Лектриса Е.И.В. Государыни Императрицы Александры Фёдоровны;

• Трупп Алоизий (Алексей) Егорович – Лакей I разряда;

• Волков Алексей Андреевич – Камердинер при комна-тах Е.И.В. Государыни Императрицы Александры Фёдоровны;

• Теглева Александра Александровна (Шура) – Няня Августейших Детей Их Императорских Величеств;

• Эрсберг Елизавета Николаевна (Лиза) – Камер-Юнгфера Августейших Детей Их Императорских Величеств, помощница А. А. Теглевой;

• Туттельберг Мария Густавовна – Камер-Юнгфера Е.И.В. Государыни Императрицы Александры Фёдоровны;

• Межанс Паулина Каспаровна – прислуга Графини А. В. Гендриковой;

• Тютин Пётр – лакей Князя В. А. Долгорукова и Графа И. Л. Татищева;

• Нагорный Клементий Григорьевич – отставной Квартирмейстер, Дядька Наследника Цесаревича Алексея Николаевича;

• Журавский Франц Антонович – Лакей 1-го разряда;

• Дмитриев Алексей Николаевич;

• Иванов Сергей Иванович – лакей П. Жильяра;

• Живая Екатерина – прислуга Е. А. Шнейдер;

• Кулакова Мария – прислуга Е. А. Шнейдер;

• Харитонов Иван Михайлович – Старший повар;

• Кокичев Владимир Никитович – Повар 1-го разряда;

• Седнев Леонид Иванович – Младший поваренный ученик;

• Терехов Василий – Кухонный чернорабочий;

• Кирпичников Александр Петрович – Писец Канцелярии Камер-Фурьера Министерства Императорского Двора и Уделов.

• Всех перечисленных здесь лиц препровождали два «уральских эмиссара»: П. Д. Хохряков и Н. Родионов. Первый – как Уполномоченный ВЦИК и Председатель Тобольского Совдепа, а второй – как «Комендант охраны семьи бывшего царя» и «Начальник уральских отрядов, находящихся в г. Тобольске», совмещавший обе эти должности. В подчинении указанных «эмиссаров» находился и конвой – красногвардейский отряд общей численностью в 72 человека под командованием некоего Шидтеня. (Большинство личного состава этого отряда представляли этнические латыши, ранее проходившие службу в одном из Латышских Стрелковых полков.)

В связи с этим обстоятельством весьма примечательным

выглядит следующий факт. Будучи допрошенным Судебным Следователем Н. А. Соколовым, Камердинер А. А. Волков показал, что в одном из этих красногвардейцев Лакей А. Е. Трупп признал своего племянника – жителя его родной деревни Яниса Иковниекса.

А. А. Волков также пояснил на следствии, как в разговоре с Графом И. Л. Татищевым последний вспоминал, что комиссар Н. Родионов однажды сказал ему: «Я Вас знаю».

> «Тогда Татищев спросил его: “Где же Вы могли меня видеть? Ведь я же жил в Берлине”. Тогда Родионов ему ответил: “И я был в Берлине”. Татищев попытался подробнее узнать, где же именно в Берлине видел его Родионов, но он уклонился от вопроса, и разговор остался у них неоконченным. Буксгевден мне говорила, что она видела Родионова несколько раз жандармом на станции Вержболово. Между прочим, Родионов почему-то выделил Татищева и приказал наклеить только на его вещи ярлыки с отметкой, что это вещи Татищева». [322]

А вот о том, как происходил этот переезд, наиболее подробно описывает в своей книге воспоминаний Баронесса С. К. Буксгевден:

> «Родионов, Хохряков и подчинённые им солдаты образовали наш конвой. Забрали всё, что принадлежало императорской семье и прежним владельцам, – и даже лошадь с экипажем, специально присланные архиепископом, чтобы отвезти детей на пристань. Всё это солдаты поделили между собой в Екатеринбурге, а кое-что было отправлено (я видела это собственными глазами) в местный Совет.
>
> Великим княжнам не разрешили запирать двери их кают. Везде были расставлены часовые, причём из гардеробных комнат мы смогли выставить их с большим трудом. Когда мы находились на палубе, неподалеку от нас обязательно пристраивался кто-нибудь из солдат, и мы должны были громко разговаривать по-русски, чтобы охрана могла следить за содержанием беседы. Дни стояли солнечные, и цесаревича часто вывозили на палубу в специальном кресле. По ночам Родионов запирал мальчика в каюте – к большому неудовольствию Нагорного, который постоянно конфликтовал по этому поводу с Родионовым.
>
> Когда пароход отошёл от пристани, солдаты по

какой-то неведомой причине открыли стрельбу из пулемётов, но Хохряков (более внимательный по отношению к другим, чем Родионов) спустился в каюту к больному мальчику и объяснил ему, что пугаться нечего. В Тюмени, куда пароход прибыл на следующий день, произошла небольшая задержка, поскольку местные власти решили арестовать всех прибывших из Тобольска. После долгих переговоров удалось прийти к какому-то соглашению, и нам разрешили покинуть пароход 22 мая.

Тем временем по городу распространились слухи о прибытии императорских детей, и вскоре вокруг нас собралась целая толпа народа. Некоторые дамы бросали детям цветы, но тут в дело вмешались солдаты, которые грубо отогнали этих дам прочь. Когда был подан поезд, цесаревича и его сестёр, генерала Татищева, графиню Гендрикову, госпожу Шнейдер, меня, а также доктора Деревенко, служанку и Нагорного поместили в вагон второго класса. Каждого из нас вооруженные солдаты заводили туда по отдельности. Наставников цесаревича поместили вместе со слугами в вагон четвертого класса, который не имел никакого сообщения с нашим. К счастью, в самый последний момент к нам подбежал камердинер императрицы Волков, который передал нам бутылку молока и немного холодной телятины. В противном случае, нам пришлось бы голодать в течение двух дней нашего путешествия. Молоко было как нельзя кстати для больного цесаревича, и все мы единодушно решили отдать эту бутылку мальчику.

Вагон, в котором мы ехали, был чрезвычайно грязен. Подобную грязь даже невозможно описать словами, а солдаты, видя наше отвращение, намеренно делали всё, чтобы привести его в ещё худшее состояние. Двери купе необходимо было держать открытыми, а внутри вагонов разместили вооружённых часовых. В таких условиях мы могли обмениваться лишь краткими, ничего не значащими замечаниями. Цесаревич очень скучал по господину Жильяру. Он чувствовал себя по-прежнему плохо, и было очень трудно отвлечь его внимание от угнетающей обстановки. Цесаревич остро чувствовал унизительность того положения, в котором мы все очутились, и всё, что мы могли сделать с великой княжной Татьяной, – это сосредоточить его внимание на разных карточных играх, которыми мы забавляли его целый день». [323]

Около 2-х часов ночи на 23 мая 1918 года поезд с августейшими Детьми и их слугами прибыл в Екатеринбург и остановился невдалеке от здания вокзала. Однако всем находившимся в нём лицам было запрещено покидать вагоны.

Утром, около 9 часов, к поезду подъехали несколько извозчиков и встали вдоль вагонов. Вместе с ними появились и представители местной власти: «комиссары» П. Д. Хохряков, Н. Родионов и С. В. Мрачковский – последнему было поручено, что называется, «рассортировать» приехавших, отправив, кого в тюрьму, а кого восвояси.

Первым из вагона разрешили выйти К. Г. Нагорному, который вынес на руках больного Наследника Цесаревича. Посадив его в пролётку, он вернулся назад, чтобы помочь Великим Княжнам поднести до экипажей их вещи. Но ему это запретили, грубо оттолкнув, посему бедным девушкам пришлось самим нести собственные чемоданы и трёх собак.

Из воспоминаний П. Жильяра:

> «Я вернулся к окну. Татьяна Николаевна шла последней, неся свою собачку, и с большим трудом тащила тяжёлый коричневый чемодан. Шёл дождь, и я видел, как она при каждом шаге вязла в грязи. Нагорный хотел прийти ей на помощь – его с силой оттолкнул один из комиссаров… Несколько мгновений спустя извозчики отъехали, увозя детей по направлению к городу». [324]

В один из поданных экипажей села Великая Княжна Ольга Николаевна и Родионов, в другой – С. В. Мрачковский с Наследником Цесаревичем, а в третий – Великие Княжны Татьяна и Анастасия Николаевна.

Приблизительно через полчаса извозчики вернулись, и комиссар Н. Родионов вызвал из одного вагона Графа И. Л. Татищева, Графиню Гендрикову, Е. А. Шнейдер, а из другого: А. А. Волкова, И. М. Харитонова, А. Е. Труппа и мальчика Леонида Седнева.

Однако прежде чем продолжить наше повествование, следует сказать о том, как происходила та самая «сортировка» прибывших, порученная М. С. Мрачковскому.

Читатель наверняка помнит, что постановление об аресте Князя В. А. Долгорукова было написано лично Председателем Президиума Исполкома Уральского Областного Совета А. Г. Белобородовым, можно сказать, на ходу. Теперь же вожди «Красного Урала» (исходя из ранее принятого решения центральной власти считать арестованными находившихся в

Тобольске Графа И. Л. Татищева и Графиню А. В. Гендрикову) решили подготовиться к «приёму» прибывших в Екатеринбург добровольных пленников более основательно, заранее заготовив несколько постановлений об аресте, в которые оставалось только лишь вписать фамилии не-счастных.

Как и следовало ожидать, к предварительно намеченным кандидатурам на предстоящий арест (разумеется, «в целях охраны общественной безопасности», а на самом деле – как «классово чуждых элементов») относились уже упомянутые Граф И. Л. Татищев и Графиня А. В. Гендрикова. А вот А. А. Волков и Е. А. Шнейдер, видимо, пострадали из-за своей «должностной близости» к Царской Семье.

Но если на первых двух лиц данные постановления были оформлены соответствующим образом, то при оформлении такового в отношении Е. А. Шнейдер, она была вписана в него… как мужчина. Ибо в постановлении об её аресте предписывалось: *«В целях общественной безопасности Областной Совет Р.К. и С.Д. Урала постановляет: арестовать прибывшего с семьёй бывш. Царя из Тобольска гражданина Е. А. Шнейдер»*. На А. А. Волкова же постановление и вовсе не было оформлено.

Зато Личную Фрейлину Государыни Баронессу С. К. Буксгевден, как это ни странно, не арестовали. И дело здесь, видимо, совсем не в том, что просто взяли и пожалели. Да этого и быть не могло при царящей в то время в Екатеринбурге кровавой вакханалии, имевшей целью повсеместное истребление контрреволюционного и «классово чуждого элемента». А не арестовали Софию Карловну, скорее всего, потому, что информация о заранее намеченных к аресту лицах была взята членами Президиума Исполкома Уральского Облсовета из документа, озаглавленного «Список лиц, живущих в доме № 1 (“Свободы”)», который был составлен непосредственно по указанию Чрезвычайного Комиссара ВЦИК В. В. Яковлева. И, к счастью для баронессы С. К. Буксгевден, её имя в таковом просто не значилось, поскольку она при его составлении проживала отдельно от всех остальных слуг на съёмной квартире.

Спустя годы А. А. Волков вспоминал, что Н. Родионов *«выделил из одного вагона Гендрикову, Шнейдер и Татищева, а из другого – меня, Харитонова и Седнева Леонида»*. Всех «выделенных» повели к зданию вокзала, где их уже поджидали извозчики. Подъехав к дому Ипатьева, ссадили И. М. Харитонова и мальчика Седнева, после чего тронулись далее. На вопросы А. А. Волкова «Куда везут?», возница хранил молчание. Интрига длилась недолго. Всё стало ясным, когда они подъехали к зданию Тюрьмы № 2.

В конторе, когда комиссар С. В. Мрачковский сдавал арестованных Начальнику Арестного дома (Тюрьмы № 2) М. Г. Кабанову (старшему), выяснилось, что на А. А. Волкова не оказалось заранее заготовленного ордера. Махнув рукой, С. В. Мрачковский сказал: «Потом пришлю».

Переписав всех прибывших в Тюрьму № 2 арестованных, хотели было приступить к осмотру их личных вещей, однако производить его не стали, изъяв всё и заявив, что вернут их позже. Но, по понятным причинам, этого не случилось, ибо в лучших большевистских традициях они были попросту разворованы.

А затем новые узники были разведены по камерам.

Графиня А. В. Гендрикова и Е. А. Шнейдер попали в общую больничную камеру, а Граф И. Л. Татищев и А. А. Волков – в расположенную наверху отдельную, находившуюся в той части тюрьмы, где содержались политические заключённые или, проще говоря, заложники.

Некоторое время остававшиеся на свободе слуги жили в доставивших их вагонах. Но с началом, так называемого, «мятежа Чехословацкого корпуса», их дальнейшее пребывание в городе стало для уральских властителей крайне нежелательным. Тем более, что в числе слуг были два иностранца: П. Жильяр и С. Гиббс.

Посему, 29 мая 1918 года шестнадцати остававшимся на свободе царским слугам было вручено распоряжение Президиума Исполкома Уральского Областного Совета за подписью его председателя А. Г. Белобородова, в которой всем им предписывалось незамедлительно покинуть пределы Пермской губернии. А для того, чтобы уральским большевикам было удобнее следить за их дальнейшим продвижением в сторону пункта назначения – Тобольска, таковое было выдано одно на всех, то есть в единственном экземпляре.

Так кто же они были на самом деле, – те самые царские слуги, брошенные в тюрьму по приказу властителей «Красного Урала»? И в чём, собственно, состояла их вина перед «властью трудящихся»?

Глава 2
Генерал-Адъютант, Генерал-Лейтенант Граф Илья Леонидович Татищев

Граф Илья Леонидович Татищев родился 11 (24) ноября 1859 года в Санкт-Петербурге.

Славный род Татищевых уходит своими корнями к Рюриковичам и до 1981 года насчитывал шестеро святых: Владимира Первого, Ольгу, Анну (дочь Ярослава Мудрого, в монашестве – Ирина), Князя Смоленского Мстислава Владимировича, Ростислава Мстиславовича и Мстислава Ростиславовича Храброго.

До 1917 года род Татищевых был внесен в 6-ю и 5-ю части Дворянских Родословных Книг Костромской, Московской, Пензенской, Санкт-Петербургской, Тверской и Тульской губерний.

Сам же И. Л. Татищев относился к так называемой «Алексеевской» ветви дворян Татищевых, первым графом в которой стал Командир Лейб-Гвардии Преображенского полка Николай Алексеевич Татищев (1739–1823), получивший этот титул в дни Священного Коронования Императора Александра I Павловича.

Отцом И. Л. Татищева был Граф Леонид Алексеевич Татищев (1827–1881), сочетавшийся браком в 1855 году с Екатериной Ильиничной Бибиковой (1836–1916), от которой имел нескольких детей: сыновей Александра (1856–1881), Илью (1859–1918) и дочь Елену (р. 1861).

В сентябре 1877 года Илья Татищев сдаёт экзамены в Пажеский Е.И.В. Корпус, по окончании которого в августе 1879 года получает свой первый офицерский чин Корнета и направляется для дальнейшего продолжения службы в Лейб-Гвардии Гусарский полк Его Величества полк.

До 1895 года он прослужил в этом полку, постепенно продвигаясь по службе по должности и в чинах: 8.08.1879 – Корнет, 17.04.1883 – Поручик, 3.04.1886 – Штаб-Ротмистр, 19.04.1889 – Ротмистр.

9 мая 1885 года Поручик Граф И. Л. Татищев повышается по службе и назначается на должность Адъютанта Командира 2-й Гвардейской кавалерийской дивизии, входящей в состав Гвардейского Корпуса под командованием Генерал-Лейтенанта В. Ф. Винберга. Проходя службу в этой должности, он 3 апреля 1886 года производится в чин Штаб-Ротмистра, а ещё через три года (19.04.1889) – в следующий за ним чин Ротмистра.

10 апреля 1890 года Ротмистр Граф И. Л. Татищев назначается на должность Адъютанта Главнокомандующего войсками Гвардии и Санкт-Петербургского Военного округа Великого Князя Владимира Александровича – третьего сына Императора Александра II.

Прослужив на этой должности более пяти лет, Граф И. Л. Татищев 6 декабря 1895 года получает чин Полковника, а в 1903 году награждается Орденом Св. Владимира III степени.

Начиная с 11 ноября 1905 года, Полковник Граф И. Л. Татищев состоит в должности Личного Адъютанта Великого Князя. И вполне возможно, что военная карьера Графа И. Л. Татищева так бы и закончилась на этой, не столько престижной, сколько ответственной, должности, требующей некоего дара дипломата (Великий Князь Владимир Александрович обладал весьма сложным и противоречивым характером), если бы не одно но…

В 1905 году сын Великого Князя – Великий Князь Кирилл Владимирович – без благословения на то Государя сочетался браком с Герцогиней Гессенской Викторией Мелитой, ранее состоявшей в браке с родным братом Государыни Императрицы Александры Фёдоровны Великим Герцогом Гессенским и Рейнским Эрнстом-Людвигом.

Оскорблённый решением о высылке своего сына за границу и лишением его прав Члена Императорского Дома, Великий Князь Владимир Александрович, состоявший и без того натянутых отношениях как с бывшим Императором Александром III, так и со сменившим Его Государем Императором Николаем II, высказал Ему свои обиды. А после непонимания последним таковых, подал в отставку. На его место был сразу же назначен Великий Князь Николай Николаевич (младший), который, в силу своей чрезмерной заносчивости, не нашёл возможности оставить в прежних должностях офицеров, состоявших при бывшем Главнокомандующем, в числе которых оказался и Полковник Граф И. Л. Татищев, уволенный с должности 6 декабря 1905 года.

Однако судьба оказалась к Графу И. Л. Татищеву на редкость благосклонной – в тот же день Высочайшим Повелением он был произведён в Генерал-Майоры и назначен в Свиту Его Величества.

Но полученный чин и ко многому обязывал. Ибо с его получением Граф И. Л. Татищев был вынужден выехать в Германию в качестве личного представителя Государя Императора Николая II Александровича при особе германского Кайзера Вильгельма II. Находясь при германском Императорско-Королевском Дворе, Граф И. Л. Татищев раскрывает в себе недюжинные способности не только царедворца, но и дипломата.

Но, помимо этого, он, как опытный кадровый военный, негласно собирает необходимые разведывательные сведения о германских вооружённых силах.

Такая важнейшая работа не могла быть не отмечена Государем, который в 1910 году удостаивает его Орденом Св. Анны I степени, а также должностью Генерал-Адъютанта, после чего в 1913 году награждает его Орденом Св. Владимира II степени.

В Германии граф И. Л. Татищев находился до 15 апреля 1914 года, после чего по собственной просьбе был отозван в Санкт-Петербург, где вышел в отставку, продолжая, тем не менее, оставаться при Особе Государя Императора Николая II.

В годы Первой мировой войны Граф И. Л. Татищев состоял при Верховном Начальнике Санитарной и Эвакуационной части Российского Общества Красного Креста, а с началом Февральской Смуты явился в Царское Село, чтобы быть ближе к находящемуся под арестом Государю.

По своей натуре, Граф И. Л. Татищев был добрым и обаятельным человеком. А посещавший в Царском Селе Августейшую Семью незадолго до Её отъезда в Тобольск Министр-Председатель А. Ф. Керенский даже отметил этот факт во время его допроса в Париже следователем Н. А. Соколовым:

> «Царю не делалось никаких стеснений в выборе тех лиц, которых он хотел видеть около себя в Тобольске. Я хорошо помню, что первое лицо, которое Он выбрал, не пожелало быть с Ним и отказалось. Я положительно это удостоверяю. Кажется, таким лицом был Флигель-Адъютант Нарышкин. Тогда царь выбрал Татищева. Татищев согласился. Я нахожу нужным, чтобы было Вами, г. [-н] Следователь, отмечено следующее: Татищев держал себя вообще с достоинством, вообще, как должно, что тогда в среде придворных было редким исключением». [325]

Однако показания А. Ф. Керенского всё же требуют некоторого пояснения.

Дело в том, что когда выяснилось, что Обер Гоф-Маршал Императорского Двора Граф П. К. Бенкендорф не сможет поехать в тобольскую ссылку из-за болезни жены, Государь предложил сопровождать Его Своему другу детства «Кире» (бывш. Помощнику Начальника Военно-Полевой Канцелярии Императора Николая II и Начальнику Главной Квартиры Императорского Двора Флигель-Адъютанту Генерал-Майору К. А. Нарышкину), на что последний попросил дать ему на обдумывание 24 часа.

Услышав это, Государь отказался от его дальнейших услуг и сделал аналогичное предложение графу И. Л. Татищеву, на которое тот охотно согласился.

Из сказанного становится понятным, что, не принадлежавший к числу придворных, граф И. Л. Татищев попал в число сопровождающих Государя лиц, что называется, волею случая.

Позднее, будучи арестованным и находясь в камере Екатеринбургского Исправительного Дома, он, рассказывая об этом случае, содержавшимся вместе с ним нескольким офицерам, пояснял:

> «На такое Монаршее благоволение могла ли у кого-либо позволить совесть дерзнуть отказать Государю в такую тяжкую минуту? Было бы не человечески чёрной неблагодарностью за все благодеяния идеально доброго Государя даже думать над таким предложением; нужно было считать его за счастье». [326]

Не менее интересные детали назначения графа И. Л. Татищева в качестве сопровождающего Государя лица в чине Флигель-Адъютанта описывает в своей книге и М. К. Дитерихс:

> «…Керенский предложил бывшему Царю выбрать одного из следующих лиц: Воейкова, или Нилова, или Нарышкина, или Татищева, о чём Керенский послал уведомить последнего помощника комиссара Министерства Двора Павла Михайловича Макарова. Макаров приехал к Татищеву, объявил Илье Леонидовичу, что он назначен сопровождать Государя в Тобольск. На это заявление Татищев спросил:
>
> – Что, это распоряжение Правительства или приказ Государя?
>
> – Желание Государя, – ответил Макаров.
>
> – Раз Государь желает этого, мой долг исполнить волю моего Государя, – сказал Татищев, и в тот же день присоединился к свите, уже состоявшей при Царской Семье». [327]

Описанную М. К. Дитерихсом картину дополняют воспоминания дочери Е. С. Боткина, Татьяны, которая так рассказывает об этой встрече:

> «Кроме Кобылинского, был назначен комиссар по гражданской части Макаров, пробывший два года на каторге и говоривший что он социал-революционер, и

это заявление повергло всех, в особенности Илью Леонидовича Татищева, в величайшее недоумение. Высокого роста, с тонкими чертами красивого лица, прекрасно одетый, гладко причёсанный, с полированными ногтями, он с первого взгляда производил впечатление человека из хорошей семьи и отнюдь не заражённого новыми идеями. Не знаю, за что он был на каторге. (…)

Татищев до войны состоял при Императоре Вильгельме, а после жил в Петрограде, изредка неся дежурства в Царском Селе. Макаров был послан к нему Керенским, объявить желание Государя Императора. Макаров сразу произвёл на Татищева чрезвычайно приятное впечатление и заинтересовал его вниманием знатока, с которым рассматривал старинные вещи.

– Какой Вы партии? – спросил Татищев.

– Социал-революционер.

На это Татищев рассмеялся и сказал:

– Вы такой же социалист-революционер, как и я». [328]

После того как Государь подтвердил, что будет очень счастлив, если генерал И. Л. Татищев пожелает разделить с Ним заточение, у того оставались, буквально, считанные часы для обустройства личных дел. Посему он успел в Царское Село как раз к отходу поезда.

Выбор Государя оказался очень удачным, поскольку Граф Татищев, как отмечал всё тот же М. К. Дитерихс, был человеком *«с христианской душой и кротким характером»*, [329]которого все за время его пребывания в Тобольске искренне полюбили.

«С большим внутренним запасом духовных сил, – писал М. К. Дитерихс далее, – он умел быть всегда спокойным, ровным, внося бодрость в окружающих и стараясь различными рассказами и воспоминаниями сокращать долгие досуги томительных дней заключения в Тобольске». [330]

Ещё один, весьма, характерный штрих к портрету графа И. Л. Татищева описывает Пьер Жильяр в своём дневнике, размещённом на страницах его книги воспоминаний:

« *Пятница 15 февраля.*

(…) За вечерним чаем у их Величеств генерал Татищев выразил своё удивление при виде того,

насколько тесно сплочена и проникнута любовью семейная жизнь Государя, Государыни и их детей. Государь, улыбаясь, взглянул на Государыню:

– Ты слышишь, что сказал только что Татищев?

Затем, с обычной своей добротой, в которой проскакивала лёгкая ирония, он добавил:

– Если Вы, Татищев, который были моим генерал-адъютантом и имели столько случаев составить себе верное суждение о нас, так мало нас знали, как вы хотите, чтобы мы с государыней могли обижаться тем, что говорят о нас в газетах». [331]

Глядя на живущую в мире и согласии Царскую Семью, все те, кто разделил с Нею добровольное заточение, старались, как могли, подражать Ей в этом. Но девять месяцев неволи, неизвестное будущее и бесконечная «зелёная тоска» периодически приводили ко всякого рода спорам, трениям и просто открытым ссорам. Наблюдая всё это, Граф И. Л. Татищев неоднократно брал на себя роль некоего миротворца, призывая ссорившихся: *«Не надо мельчать, не надо мельчать»*, [332]а затем, чтобы разрядить атмосферу, принимался рассказывать какую-нибудь историю из своей личной жизни. Его всякий раз слушали с благодарностью, однако, не сдерживая улыбок на лице, так как истории эти всякий раз им повторялись и давно уже были всем хорошо известны. И, тем не менее, у слушавших его, хотя и в который раз, нервный накал страстей потихоньку спадал, и в «Доме Свободы» вновь воцарялся мир и порядок.

Для проживания в этом доме Графа И. Л. Татищева разместили в одной комнате с Князем В. А. Долгоруковым, что доставляло обоим определённое неудобство, поскольку первый был проникнут духом христианского милосердия, а второй, наоборот, очень резко осуждал всех и вся.

«Долгоруков рассуждал о политике не очень умно, – вспоминала Т. Е. Боткина, – делал всевозможные умозаключения, выводившие Татищева из себя». [333]

Однако, будучи беззаветно преданными Царской Семье, оба эти человека, как могли, старались облегчить дни Её пребывания в Тобольске.

Так, к примеру, они не раз в тайне от Августейших Узников выдавали за своей подписью расписки в получении денег, которые брали в долг у именитых тобольчан с целью приобретения продуктов питания, в дополнение к отпускаемым Царской Семье по солдатскому пайку, на который та была

переведена после Октябрьского переворота.

Приезд Графа И. Л. Татищева в Екатеринбург был для него, помимо всего прочего, и в какой-то мере знаковым событием, ибо город этот по указу Императора Петра I был основан в 1721 году его знаменитым предком Василием Никитичем Татищевым.

Но властители «Красного Урала» не посчитались с этим обстоятельством и, как нам уже известно, прямо с поезда доставили его в Тюрьму № 2, где поместили в одну камеру с А. А. Волковым.

Стараясь хоть как-то облегчить условия их содержания, заместитель Начальника тюрьмы, бывший Ротмистр Пермского ГЖУ П. П. Шечеков (занимавший эту должность ещё до 1917 года), разрешил им приобретать пищу за свой счёт. Но оба заключённых от этого отказались, так как своих денег у них не было. А те, принадлежавшие Царской Семье, которые Граф И. Л. Татищев для удобства разделил вместе с Князем В. А. Долгоруковым, им не принадлежали, а, значит, были неприкосновенны.

Ещё в Тобольске Граф И. Л. Татищев в разговоре с П. Жильяром сказал ему: *«Я знаю, что не выйду из этого живым. Я молю только об одном – чтобы меня не разлучали с Государем и дали мне умереть вместе с ним…»* [334]

И надо сказать, что, произнося эти слова, Илья Леонидович, что называется, точно в воду смотрел…

Из книги воспоминаний А. А. Волкова «Около Царской Семьи»:

> «Около 25 мая старого стиля в камеру вошли два надзирателя и попросили Татищева в контору, сказав, что в конторе его ожидает вооружённая стража. Татищев побледнел. Надзиратели показали ему бумагу, в которой было написано: “Высылается из пределов Уральской области”. Мы попрощались с Татищевым, и его увели. Он оставил прекрасное меховое пальто, просил меня отослать его тетке, которую он очень любил. Я подумал, как трудно мне будет сохранить это пальто. Затем мне пришло в голову, что это пальто будет нужно самому высылаемому Татищеву. Пальто это я возвратил ему, уже находившемуся в конторе.
>
> На другой день жена надзирателя говорила, что Татищев расстрелян. Расстрелян возле самой тюрьмы. Опознали его по английскому пальто. Желая навести точные справки, мы обратились к начальнику тюрьмы, который поговорил об этом с доктором, обещавшим

удостовериться лично. Осмотрев расстрелянного, доктор не признал в нём Татищева. С той поры о Татищеве я не имею никаких сведений. Убит он в Перми или же где-либо в другом месте – я не знаю». [335]

Зато читатель, благодаря оставленным Г. П. Никулиным воспоминаниям, прекрасно знает, как трагически оборвалась жизнь Ильи Леонидовича.

Прошли годы. Но память о Верном Сыне Отечества И. Л. Татищеве не стёрлась из людской памяти.

Решением Священного Архиерейского Собора Русской Православной Церкви Заграницей **Граф Илья Леонидович Татищев был причислен к лику Святых Новомучеников Российских от власти безбожной пострадавших и наречён именем Святого Мученика Воина Илия**.

Чин прославления был совершён в Синодальном Соборе Знамения Божьей Матери РПЦЗ в Нью-Йорке 19 октября (1 ноября) 1981 года.

Граф И. Л. Татищев в материалах Предварительного Следствия 1918–1920 г.г

«(…) Татищев был лет 60, высокий, худощавый, но выглядел моложе всё же своих лет. Волосы на голове седые, кажется, пробором, усы и борода седые, подстриженные. Нос прямой, уши небольшие, лоб прямой, невысокий. Уехал он или в синей или в серой тройке». [336]

Литература о Генерал-Майоре Свиты Е.И.В. Графе И. Л. Татищеве

1. Волков С. В. Офицеры Российской Гвардии. М., Издательство «Русский путь», 2002.

2. Егоров Н. Д. Русский генералитет накануне Гражданской войны (Материалы к библиографическому справочнику), М., 2004.

3. Ковалевская О. Т. С Царём и за Царя. Мученический венец Царских слуг. М., Издательство «Русскій Хронографъ», 2008.

4. Румянцева Е. Л. Мученические венцы принявшие. (К 90-летию убийства Царских слуг на Урале.) Екатеринбург, Издательский дом «Стягъ», 2008.

5. Чернова О. В. Верные до смерти. СПб., Издательство «Сатисъ», 2007.

6. Чернова О. В. Верные. О тех, кто не предал Царственных

Мучеников. М., Издательство «Русскій Хронографъ», 2010.

Глава 3
Личная Фрейлина Е.И.В. Государыни Императрицы Александры Фёдоровны Графиня Анастасия Васильевна Гендрикова

Ещё одним преданным до гробовой доски слугой и другом Царской Семьи была Личная Фрейлина Государыни Императрицы Александры Фёдоровны Графиня А. В. Гендрикова.

Графиня Анастасия Васильевна Гендрикова родилась 23 июня (6 июля) 1888 года в городе Волочанске Харьковской губернии.

До 1917 года род Графов Гендриковых был внесён в 5-ю часть Дворянской Родословной Книги Харьковской губернии.

Родоначальником этого графского рода был Симон Леонтьевич (Симон-Гейнрих) Гендриков (1672–1728), женившийся на родственнице Императрицы Елизаветы I Петровны Христине Самуиловне Скавронской (1687–1729), за что их дети: Андрей (1715–1748), Иван (1719–1778), Марфа (1727–1754) и Мария (1723–1756) – в 1742 году Высочайшим Повелением Государыни Императрицы Елизаветы I Петровны были произведены в графское Российской Империи достоинство.

По своему генеалогическому древу Графиня А. В. Гендрикова восходит к Графу Александру Ивановичу Гендрикову (1807–1881) – Обер-Шенку Высочайшего Двора, который имел в браке двух сыновей: Степана (Стефана) (1832–1901) – Обер-Форшнейдера Высочайшего Двора и Василия.

Получив военное образование, Граф Василий Александрович Гендриков (1857–1912), проходил службу в кавалерии. Но военная карьера не сложилась по состоянию здоровья, и в 1884 году он вышел в отставку в чине Штаб-Ротмистра.

Уехав в уездный Волочанск Харьковской губернии, Граф В. А. Гендриков поселяется там в своём родовом имении, которое досталось ему от покойного отца. Будучи человеком кристальной честности, он довольно быстро завоёвывает авторитет среди местного дворянства, которое уже в 1885 году избирает его Предводителем Волочанского Уездного Дворянства.

В 1886 году Граф В. А. Гендриков знакомится с Княжной Софьей Петровной Гагариной, в браке с которой у них рождаются четверо детей: сын Пётр (1883), дочь Александра (1885), сын Александр (1886) и дочь Анастасия (1888).

В 1900 году Граф В. А. Гендриков приглашается ко Двору Е.И.В., где получает место Обер-Церемониймейстера.

Перебравшись на жительство в Санкт-Петербург и Царское Село, Графу А. В. Гендрикову, благодаря занимаемой должности, без труда удаётся получить рекомендации, необходимые для поступления его дочери Анастасии в Смольный Институт Благородных Девиц.

Окончив это учебное заведение, Графиня А. В. Гендрикова несколько лет живёт при Высочайшем Дворе вместе с родителями. А её мать – Графиня Софья Петровна – вскоре становится близкой подругой Императрицы Александры Фёдоровны, дружба с которой продолжалась до самой её смерти, последовавшей в 1916 году от какой-то неизлечимой болезни, приносившей ей глубокие страдания.

С самого раннего детства Графиня А. В. Гендрикова отличалась необычайно добрым и сердечным характером, который унаследовала от своей матери и который с самых первых дней проживания семьи Гендриковых рядом с Царской Семьёй просто не могла не заметить Государыня Императрица Александра Фёдоровна.

И поэтому нет ничего удивительного в том, что в 1910 году Она приглашает 22-летнюю Настеньку (так Государыня звала свою любимицу) занять место Её Личной Фрейлины. Ежедневные общения Настеньки с Государыней ещё больше убеждают Её в правильности Своего выбора, а кроткий нрав Графини и её глубокая Вера в Господа сближают этих двух женщин ещё больше, вследствие чего между ними завязывается самая нежная дружба, постепенно перешедшая во взаимное обожание друг друга в самом чистом и прекрасном смысле этого слова.

Вспоминая о Графине А. В. Гендриковой, бывший Председатель Совета Министров Российской Империи граф В. Н. Коковцев писал:

> «… едва ли кто-либо из непосредственного окружения Императрицы был ей так глубоко предан, как это кроткое, и в полном смысле слова прекрасное существо. Она мало выдвигалась на внешнюю близость к Императрице, но она была одной из самых близких Императрице и её детям…» [337]

В марте 1912 года семью Гендриковых посещает несчастье: от сердечного приступа умирает её глава – 58-летний Граф Василий Александрович.

Пытаясь хоть как-то утешить Гендриковых в постигшем их горе, находившаяся в то время в Ливадии Государыня напишет своей любимице Настеньке небольшое письмо, каждая строчка которого дышит любовью к её семье и сопереживанием по поводу

постигшего их горя:

> «Христос Воскресе!
>
> Милая крошка, Настенька, моё сердце переполнено состраданием и любовью ко всем Вам. Не могу не написать Вам, хотя [бы] несколько строк. Не смею беспокоить Вашу бедную Мама, мои молитвы и мысли с нею. Ужасно думать о всём Вами переживаемом.
>
> Я так чувствую Ваш горе, испытав ужас потери возлюбленного отца. И такой внезапный удар, как у Вас. (…)
>
> Не могу себе представить, как устроится теперь Ваша жизнь без отца советника и руководителя, но всемогущий Бог Вас не оставит: Он даст Вам силы и мужества достойно продолжать Вашу жизнь полную самоотречения и благословит Вас за всю Вашу любовь.
>
> Бедная милая Мама, поцелуйте её нежно от меня. Я посылаю её маленький пасхальный образок. Надеюсь, что она примет его в память того, кого мы так любили в продолжении 17 лет. Мы его никогда не забудем. А Вам с сестрой [338]Вашей – цветы, собранные моими детьми в саду. Поставьте несколько из них в баночку возле постели Вашей Мама. Они так сладко пахнут весной и говорят о Воскресении. (…)
>
> Прощайте, дорогая моя девочка. Благослови, защити и утеши Вас Бог. Я всех Вас целую со всею нежностью.
>
> *Любящая Вас Александра. (…)».* [339] [340]

Но на этом испытания, выпавшие на долю молодой графини, не закончились. Прекрасная светлая жизнь в семье, костюмированные балы и счастливая семейная жизнь отошли в далёкое прошлое. И постепенно Настенька научилась принимать, как должное, преследующую её почти непрерывную цепь испытаний и потерь, каждое из которых (начиная со смерти родителей) стало своеобразной ступенькой её восхождению к подвигу Мученичества.

Вскоре после смерти отца ей на протяжении нескольких лет пришлось ухаживать за разбитой параличом больной матерью, которая не смогла пережить смерть своего супруга. Болезнь Софьи Петровны протекала в крайне тяжёлой форме – она постепенно умирала на глазах у дочери.

В эти дни, движимая к ней фактически материнской любовью, Государыня писала:

« *Ливадия. 11 Апреля.*

Моя милая Настенька!

Нежно благодарю Вас за милое письмо. Рада была получить его, хотя в нём нет утешительных известий. Как я опасалась, таки и случилось.

Господь с Вами, милое дитя. Держитесь ради неё. Она так страшно страдала все эти годы. Нельзя желать продолжения. Но Вашу скорбь при мысли, что она уже недолго останется с Вами, – тяжело переносить. Невыносимо больно убеждаться в том, что любимое существо ускользает из рук. Но Вы будьте храбры и помогайте ей силой Вашей веры до конца. Когда наступит тяжёлый час – утешайте её, будьте веселы, улыбайтесь. (…)». [341]

В одном из писем Государю Императрица описала Свою последнюю встречу с умирающей Графиней Софьей Петровной:

«(…) Была в городе, чтобы навестить гр. Гендрикову, – она при смерти, – совершенно без сознания, – она просила прийти к ней, когда будет умирать. Иночка [342]только что приехала из деревни и тоже выглядит совсем больной; Настенька очень бодрится, она расплакалась лишь в момент моего отъезда…» [343]

Развязка трагедии наступила через несколько дней. Ближе к середине сентября 1916 года Софья Петровна умерла, и Настенька осталась круглой сиротой.

«Я почувствовала, что надо держаться, что надо улыбнуться, а не плакать, – писала она после смерти матери в своём дневнике, – чтобы не препятствовать душе её вернуться туда, куда она давно стремилась…» [344]

Теперь, пожалуй, её единственной опорой стала Вера Господня и Государыня Александра Фёдоровна, которая никогда не забывала о своей любимице. *«Пригласи как-нибудь Настеньку, ей так одиноко…»* –писала Государыня Дочери, Великой Княжне Марии Николаевне. [345] *«Настенька завтракала у нас, так как сегодня день её рождения…»* [346]

Верная своему служебному долгу, Графиня А. В. Гендрикова продолжала нести свою службу при Высочайшем Дворе. Но теперь, когда светская жизнь потеряла для неё всякий смысл, она

всё более и более задумывалась над вечными ценностями, находя в них выход из душевного тупика, передавая себя Господу «с полным доверием, что Он лучше знает, кому и когда надо».

Весьма яркую нравственную характеристику Графини А. В. Гендриковой приводит в своей книге Генерал М. К. Дитерихс:

> «Анастасия Васильевна Гендрикова, как глубоко религиозный человек, не боялась смерти и была готова к ней. Оставленные ею дневники, письма свидетельствуют о полном смирении перед волей Божьей и о готовности принять предназначенный Всевышним Творцом венец, как бы тяжёл он ни был. Она убеждённо верила в светлую загробную жизнь и в Воскресение в последний день, и в этой силе веры черпала жизненную бодрость, спокойствие духа и веселость нрава для других.
>
> Она любила Царскую Семью и была любима Ею, почти как родная дочь и сестра. После смерти её матери, и особенно после ареста в Царском Селе, единственною сердечною и глубокою привязанностью Анастасии Васильевны на земле оставалась Государыня Императрица и Великие Княжны. Все письма Государыни к Настеньке, как звала графиню Гендрикову Её Величество, полны материнской нежностью и заботливостью. Необходимо отметить, что мать Анастасии Васильевны, графиня София Петровна Гендрикова, была наибольшим и любимейшим другом Государыни Императрицы Александры Фёдоровны в течение всей её жизни. Обеих связывала глубокая религиозность и преданность учению Православной Церкви о беспредельной любви к ближнему и бесконечном милосердии и терпимости к людям. Последние 3–4 года своей жизни графиня София Петровна страшно страдала физически вследствие какой-то очень сложной болезни и медленно, мучительно, долго умирала на руках своей страстно любимой дочери. Поразительно, что единственное, что облегчало страдания умиравшей, было присутствие Государыни Императрицы и молчаливая, сосредоточенная молитва последней. Государыня, веря Сама в силу молитвы, приходила к графине почти ежедневно; брала руки страшно страдавшей больной в Свои руки и, закрыв глаза, не произнося ни слова, уходила в напряжённое молитвенное состояние. Больной постепенно становилось всё легче, легче, боль затихала,

и обе женщины, в слезах и обнимаясь, горячо благодарили Бога за Его бесконечную милость. Об этих минутах молитвенного исцеления полны письма графини-матери к дочери и письма Государыни к графине Софии Петровне. О них же часто упоминает в своём дневнике и Анастасия Васильевна.

Письма Великих Княжон к графине Гендриковой, и особенно письма Великой Княжны Ольги Николаевны, дышат доверием, любовью, простотой отношений и непринуждённой весёлостью. Княжны делились с Настенькой всеми своими впечатлениями, советовались в своих общественных делах и видели в ней как бы свою старшую сестру. Царская Семья была очень сдержанна в осуждении вообще людей и даже своих близких. Очень редко в письмах проскальзывает какое-нибудь недоброжелательное чувство к кому-нибудь. Чаще всего это выражается только в какой-нибудь юмористической форме. Но более рельефно выражаются Их симпатии. Так, видно, что наибольшей симпатией членов Императорской Фамилии пользовался Великий Князь Дмитрий Павлович, отношения к которому были как к любимому брату.

Анастасия Васильевна далеко не была человеком, которому были бы чужды земные желания, колебания, сомнения, раздражения и иные душевные и духовные побуждения, присущие существу мыслящему, живущему среди людей, ищущему у них любви для себя, для своей жизни, ищущему ответов на вопросы обыденной, окружающей обстановки, жизни. Она не чужда была слабостей, временных разочарований в окружающих, временных ошибок и искушений. В своём дневнике, посвящённом покойной матери, она пишет:

“Боже мой! Когда же кончится моя бесцельная, одинокая жизнь? Она меня тяготит, и теперь постепенно блекнут все утешения; больное, измученное, жаждущее любви сердце нигде не находит ответа и тепла…” [347]

“Пришлось спуститься с высоты, где царят утешение и мир, в самую тину житейскую, в самый центр житейских дрязг, суеты, забот; вникнуть и окунуться в окружающую жизнь, полную сложностей, интриги, пошлости и лжи людской…” [348]

“Мне казалось, что я найду просвет единственно в одном прежнем, сильном чувстве любви… но и здесь нашла только полное и окончательное разочарование…”

[349]

“Я чувствую, что я начинаю черстветь, холодеть и на меня находят апатия и равнодушие ко всему, кроме душевной боли…” [350]

Разве в приведённых словах дышит не сама жизнь земная? Разве это мысли и чувства не земного существа? А между тем многие считали Анастасию Васильевну мистически больной, стоящей вне жизни, вне её реальных сторон и объясняли это близостью Гендриковой к Государыне, влиянием Последней в религиозно-мистическом отношении и больной экзальтацией. Совершенно верно, что молодая Анастасия Васильевна была требовательна к людям, что её не удовлетворяли ни люди, ни жизнь, её окружавшая, так как блистали они только внешней мишурной оболочкой, а она искала души в человеке, глубины и идеальности в жизни. Люди, не способные понимать духовных обликов Государыни Императрицы или Анастасии Васильевны Гендриковой, обвиняли их в страдании больной экзальтацией мистицизма, формальном исповедании религии и чуть ли не в кощунственном отношении к духу веры, заменяя его учениями старцев, различных кликуш и истеричек и чуть ли не оккультическими экспериментами в личной и государственной жизни.

Анастасия Васильевна, как и Государыня Императрица Александра Фёдоровна, была по вере истинной Православной христианкой, верующей силою разума и чистотою сердца. Для неё вера в Бога, в догматы Православной Церкви была той действительной, естественной силой, которая одна только может управлять в высшем значении этого понятия миром, людьми, их помыслами и чувствами, для приближения всего живущего к высокому идеалу человеческих взаимоотношений на земле, зиждущихся на законе Христовой любви. Отсюда в этой силе веры черпала она ответы и решения возникавшим в ней сомнениям и колебаниям; искала укрепления и возвышения своих духовных сил для правильного разрешения житейских проблем, требований долга, совести и морали. В ней же она удовлетворяла неутолённое на земле чувство сердца горящей ищущей души.

В этой здоровой и сильной религии Бога и вере во Христа Анастасия Васильевна была наставлена с

юношеского возраста двумя наиболее ей близкими женщинами. Это были её покойная мать и Государыня Императрица Александра Фёдоровна.

Анастасия Васильевна любила свою мать необычайно большой, глубокой, преданной и сильной любовью. Тянувшаяся несколько лет тяжёлая, мучительная болезнь Софии Петровны и затем сама смерть создали в жизни любящей дочери неизлечимое горе, неослабное страдание. Но, с другой стороны, самоотверженный уход дочери за больной матерью, требовавший громадных сил и большого напряжения, воспитали в Анастасии Васильевне великую способность жить для другого, жертвовать другому всем и для облегчения состояния любимой и любившей матери находить в себе силы быть не только спокойной, но даже весёлой, дабы не возбуждать в матери сомнения, что болезнь её тяжела для дочери. Дочь находила истинное удовлетворение в самоотречении для матери, и действительно не чувствовала тяжести ухода за больной, но она страдала невероятно за любимую мать и заставляла себя быть весёлой, чтобы скрыть это страдание от матери и не увеличивать ещё более её мук.

Государыня, видя всю силу отчаяния и беспредельного горя, охвативших Анастасию Васильевну после смерти Софии Петровны, будучи исключительно чуткой в понимании душевных настроений близких людей и бесконечно верующей в благость Промысла Божия, одной высказанной, глубокой мыслью пробудила в Анастасии Васильевне сознание настоящего смысла, цели и назначения, предуказанных ей Богом для всей её дальнейшей жизни. Вот как говорит об этом моменте жизни и воспринятой идее сама Анастасия Васильевна в своём дневнике, посвящённом матери:

“Во всем, Ангел мой, я чувствую действие Твоих молитв обо мне. Опять нашла свою прежнюю Царицу, опять тем Ангелом Утешителем, которым Она была для Тебя в первые годы после смерти Папы. Ты тогда говорила, что Папа послал Её Тебе в утешение, а теперь Ты мне Её опять вернула такой, какой Она была тогда, и это мне такое утешение. Мне в душу запала мысль, которую Она мне сегодня сказала: «чтобы тот опыт страдания, который Господь мне послал в тебе и через тебя, я бы употребила на радость и утешение другим». Может быть, в этом должна быть цель, назначенная мне

Богом”. [351]

Это было высказано Государыней в 1916 году. И действительно, вся последующая жизнь Анастасии Васильевны озарилась высоким светом самоотверженной работы и деятельности для других людей. Она пошла по пути мысли, заложенной в её духовном миросознании Государыней, не по чувству долга или обязанности, а потому, что уже иначе она не могла и мыслить. Всё более и более в ней стало крепнуть душевное спокойствие, равновесие чувств, ясность мысли и добровольная покорность перед волей Божьей. Она стала на истинный путь служения любви во Христе, который привёл её к мученическому, но желанному ею венцу за Тех, Кому она окончательно отдала свою душу на земле.

Расставаясь накануне переезда из Царского Села в Тобольск с комнатой своей матери и со всем, что было собрано в ней как память о матери, Анастасия Васильевна записала в своём дневнике последнее обращение к матери, воспитавшееся и развившееся в ней из завета, данного Государыней и поддерживавшегося Ею в “Настеньке” всею силою глубокого духовного влияния.

“Последний раз сижу я в уютном уголке, устроенном около Твоей образницы, окружённая твоими книжками, образами, и все мне говорит о Тебе. Завтра уже опять (третий раз после Твоей смерти) придётся разорить этот единственный уголок моего home (дома – англ.) и опять всё укладывать, и Бог знает, придётся ли когда его собрать? Впереди неведомый далёкий путь, а дальше полная неизвестность, но хотя сейчас мне тяжело и грустно и такая безумная жажда Твоей ласки незаменимой, так хочется положить голову к Тебе на плечо и отдохнуть (я так устала), но на душе всё же спокойно; я чувствую, что Ты со мной и слышишь меня, и я не могу не вылить душу Тебе, не выразить хоть отчасти всё пережитое, хотя я и знаю, что Ты видишь, понимаешь и знаешь каждое движение моей души, даже ещё легче, ещё яснее, чем раньше.

Я не могу уехать отсюда, не возблагодарив вместе с Тобой Бога за тот чудный мир и силу, которую Он посылал мне за все эти почти 5 месяцев ареста.

И я знаю, что эти неземные чувства слишком хороши и высоки для меня. Не я их заслужила, а Ты мне их вымолила у Бога своими страданиями.

Ты всю жизнь жаждала и стремилась к миру

душевному, как к высшему лучшему Божьему дару, и когда Ты, наконец, достигла его и наслаждаешься им в полном блаженстве, Ты делишься им со мной (как мы делили и страдания). Ты видишь, что я без этого не могла бы продолжать жизнь, и чем труднее и тяжелее делается моя жизнь, тем больше делается душевный мир.

Я поняла теперь, как и Ты, что это лучшее, самое большое счастье, которое может быть, что с этим чувством всё можно перенести, и я благословляю Бога и Тебя, Ангел мой, за это, потому что я уверена, что это мне послано по Твоим молитвам. Какое чудное спокойствие на душе, когда можешь всё и всех дорогих отдать всецело в руки Божий, с полным доверием, что Он лучше знает, что кому и когда надо. Будущее больше не страшит, не беспокоит. Я так чувствую и так доверяюсь тому (и так это испытала на себе), что по мере умножения в нас «страданий Христовых, умножается Христом и утешение наше» (2 Коринфянам, 1, 5) (…)

Я знаю, что Ты везде будешь со мной, будешь вести меня по тому пути, по которому я должна идти, и я закрываю глаза, отдаюсь всецело, без сомнения и вопросов, или ропота в руки Божии, с доверием и любовью, и знаю, что ты умолишь Бога поддержать меня и в минуту смерти, или если мне ещё будут испытания в жизни“.

На этом кончается дневник Анастасии Васильевны, посвящённый матери». [352] [353]

События Февральской Смуты застали Графиню А. В. Гендрикову по пути в Ялту, куда она срочно выехала, чтобы навестить свою заболевшую сестру Александру (Иночку). Но, прибыв в Севастополь, она узнаёт о произошедших в Петрограде событиях и, так и не повидав сестру, возвращается обратно в Царское Село.

И, надо сказать, её возвращение было, что называется, ко времени.

8(21) марта 1917 года, за два часа до того, как Александровский Дворец по приказу Генерал-Лейтенанта Л. Г. Корнилова стал тюрьмой для всех тех, кто пожелал в нём остаться, Графиня А. В. Гендрикова вновь приступила к своим служебным обязанностям, записав в дневнике: *«Слава Богу, я успела приехать вовремя, чтобы быть с Ними»*.

И воистину: благодарить Господа за возможность быть арестованной – редкое встречаемое чувство, не говоря уж о том,

сколь редкое это человеческое качество.

А когда по постановлению Временного Правительства Августейшая Семья должна была последовать в далёкий Тобольск, она без колебаний последовала за Ней, даже не предполагая, что всего через каких-то десять месяцев именно из этого сибирского города начнётся её скорбный путь на Уральскую Голгофу.

По прошествии лет брат Настеньки Граф А. В. Гендриков [354]вспоминал:

> «Как живой стоит в памяти образ покойной сестры, когда накануне отъезда в Тобольск, уходя, она махнула мне рукой на прощание. Сердце подсказывало, что больше мы с ней в этом мире не встретимся». [355]

Как в Царском Селе, так и в Тобольске Государыня из-за невозможности личных встреч зачастую обменивалась с находящейся около Царской Семьи Настенькой письмами в виде записочек. А Графиня А. В. Гендрикова, движимая бесконечной любовью к Государыне, всегда была Её верным утешителем.

Но и «тобольский период» не принёс в душу Настеньки желанного успокоения.

Первые для неё неприятности были связаны с неожиданным приездом в Тобольск бывшей Личной Фрейлины Вдовствующей Императрицы Марии Фёдоровны – Маргариты Хитрово. Явившись в город 15 августа, без какого-либо на то разрешения властей, М. С. Хитрово в тот же день была арестована. С самой первой минуты своего пребывания на тобольской земле всё поведение М. С. Хитрово выдавало в ней неумелую заговорщицу, что, в свою очередь, послужило причиной для допроса всех лиц, с кем она успела, что называется, обмолвиться словом. А её кратковременное пребывание в комнате, занимаемой Графиней А. В. Гендриковой в доме Корнилова, и вовсе послужило причиной для обыска, после проведения которого Настенька была лишена права на свободное передвижение по го-роду.

Но едва закончился её домашний арест, как Анастасию Васильевну ждало новое испытание.

Приехав в Тобольск, дочь Е. С. Боткина, Татьяна, попросила солдата, препровождавшего её на квартиру Полковника Е. С. Кобылинского, показать ей дом, где помещаются арестованные. Оказавшись рядом с Корниловским домом, где проживала свита, Т. Е. Боткина сразу же чуть ли не столкнулась с Графиней А. В. Гендриковой. Памятуя случай с М. С. Хитрово, та отскочила от неё с возгласом: *«“Не подходите ко мне, не подходите”, – и, справившись, благополучно ли я доехала, не прошла к двери до тех*

пор, пока я не ушла». [356]

Ситуация с предосторожностями порой граничила с анекдотической. Так, в конце 1917 года, едва оправившись после операции аппендицита, в Тобольск прибыла Личная Фрейлина Государыни Императрицы Александры Фёдоровны и подруга Графини А. В. Гендриковой – Баронесса София Карловна Буксгевден.

При этом курьёзность ситуации, как таковой, заключалась в том, что и у Баронессы С. К. Буксгевден, и у Графини А. В. Гендриковой были совершенно одинаковые шубы, пошитые ими в лучшие времена. Так вот, абсолютно не сговариваясь между собой, обе дамы явили эти шубы на обозрение караула. И причём, фактически, в одном месте. София Карловна явилась в ней в корниловский дом, а Анастасия Васильевна, минутой ранее вышла из него, чтобы направиться в «Дом Свободы». Ничего не подозревавшие солдаты охраны, как говорится, ни сном ни духом не ведавшие о существовании в одном городе шуб-близнецов, изловили Настеньку, искренне считая, что поймали баронессу, пытавшуюся проникнуть к Царской Семье вопреки всеобщему запрету, так сказать, по собственной инициативе. И хотя Баронесса С. К. Буксгевден приехала в Тобольск с личного разрешения А. Ф. Керенского, об этом охране пока что не было известно. Да и выполнять распоряжение «временных» после случившегося в Петрограде и Москве Октябрьского переворота они не особо стремились… Чуть ли не с торжеством изловив «ослушницу», они уже надеялись её примерно наказать, как вдруг пред их очи предстало «содержимое» шубы – Графиня А. В. Гендрикова. Теперь караульные вообще ничего не понимали – если графиня здесь, то кого в таком случае пропустил в дом часовой? В общем, примерного наказания не состоялось, хотя шума и гвалта среди охраны, по словам очевидцев, было много.

Чтобы быть ближе к Царской Семье, Графиня А. В. Гендрикова, с разрешения комиссара В. С. Панкратова, некоторое время выступает в роли учительницы, обучая Русской истории младших Великих Княжон.

Все основные события, происходившие в Тобольске, Анастасия Васильевна заносила в свой личный дневник, привычка вести который у неё завелась в 1906 года. Её последний дневник за 1918 год был впоследствии приобщён к материалам дела в качестве одного из вещественных доказательств. [357]А его содержание – бесценная живая хроника событий тех далёких дней:

«1-го Янв. [аря] Были у обедни в 3 ч. утра все, кроме

О. Н. [358]и Т. Н. [359](у них краснуха). Служил другой священник. [360]

3-го Янв. [аря] Изу [361]всё не пускают в дом [№]1; [362]солдаты даже поднимали вопрос о её выселении из дома Корнилова. [363]Она ищет квартиру.

5-го Янв. [аря] В 3 часа была вечерня с водосвятием. У М. Н. [364]тоже краснуха. У Алексея Ник. [олаевича] была очень лёгкая; уже прошла.

6-го Янв. [аря] Были утром в церкви. Государь был в пальто без погон. Солдаты все эти дни скандалят по этому поводу, требуя, чтобы все сняли их. Служил тот же священник. О. Алексей вернулся из Оболана, [365]но служить ещё не может. (!)

11-го [Января]. По требованию солдатского комитета Иза должна была выехать из дома Корнилова и переехать в две комнаты на Рождественской улице.

14-го [Января]. В церкви не были. Солдаты постановили пускать в церковь только по двунадесятым праздникам. Была обедница дома в 11½. Вечером “Les Deux Timides”. [366]

18-го [Января]. На днях приехала первая партия солдат (11 человек в 4-й полк [367]) на смену. Последние дни много разговоров относительно постановления охраны спирта (обещано по 400 р. каждому солдату).

21-го [Января]. Вчера и сегодня служба дома. Вечером “A la Porte” (Т. Н. и Mr. Gilliard [368]).

27-го [Января]. По постановлению солдатского комитета Панкратову [369]и Никольскому [370]предложено покинуть дом Корнилова и сдать должность. Комендант и офицеры утверждены. Относительно охраны спирта ничего ещё не решено, по-видимому, ничего не будет.

28-го [Января]. Была утром в церкви (с солдатами, конечно). Всенощная и обедница были дома. О. Алексею всё ещё не разрешено служить (солдатским комитетом) даже в его церкви. Вечером “La Bete Noire” (Татищев, О. Н., Т. Н., М. Н. и я). В Корниловском доме после отъезда Панкратова и Никольского поселены (внизу) Матвеев (новоиспечённый офицер 2-го полка большевиков [371]) и Киреев (председатель солдатск. [ого] Комитета [372]).

… Третьего дня комитет послал телеграмму, прося прислать сюда комиссара большевитского правительства. Вчера в местных телеграммах было известие о прекращении войны с Германией, Австрией и Болгарией

и распущении армии, но одновременное этим мирные условия Троцким не подписаны (?!). [373]

Тут же напечатан приказ Крыленко погромного характера о распущении армии и проч.

Февраль.

1-го [Февраля]. Установлен новый стиль, но продолжаю по старому. Вчера и сегодня уехала партия солдат из самых хороших 4 полка. Несколько человек, тоже из хороших, уехали несколько дней тому назад (вследствие роспуска годов их призыва).

Из Петрограда отказались прислать сюда комиссара.

2-го [Февраля]. Солдатский комитет не позволил Им [374]и сегодня пойти в церковь. Обедница была в зале. Вчера дома вченощная. Ал. [ексей] Ник. [олаевич] три дня лежал: подбил ногу. Сегодня встал.

4-го [Февраля]. Вчера и сегодня службы дома. Вечером “A la Porte” (Т. Н. и Mr. Gilliard) и “Packing up” (М. Н., А. Н. и Ал. Н. [375]).

7-го [Февраля]. Возобновление военных действий. Объявлена общая мобилизация (!).

По слухам немцы взяли Ревель, Режицу, Луцк и Ровно.

Говорят, в Иркутске японцы, и там полный порядок.

10-го [Февраля]. Комендант получил телеграмму от комиссара над имуществом Карелина, [376]что из учреждений Министерства двора больше никаких сумм на жизнь Царской Семьи выдаваться не будет, и постановлено из числа их личных сумм выдавать им (по установленному для всех положению) по 150 р. в неделю или 600 р. в месяц на человека. Государство даёт только квартиру (Губернаторский и Корниловский дома), освещение и отопление, и солдатский паёк.

11-го [Февраля]. Вчера и сегодня службы дома. Вечером “Fluide de John” (2-й раз) и “In and out a punt” (Т. Н. и Mr. Gibbs).

12-го [Февраля]. По агентским телеграммам приняты совнаркомом мирные условия (унизительные), тем не менее военные действия немцами продолжаются.

Вчера и сегодня уехали три большие партии солдат нашего отряда. Из 350 чел., приехавших с нами, останутся всего приблизительно человек 150. Жаль, что уехали лучшие.

14-го [Февраля]. Взят Псков. Вчера говорили упорно

о взятии Петрограда.

16-го [Февраля]. Новые условия хозяйства (уволено 11 человек служащих, большие сокращения во всём).

18-го [Февраля]. Службы дома вчера и сегодня. Вечером “The Cryst Goyes” (Mr. Gibbs и М. Н.) и “Медведь” Чехова.

20-го [Февраля]. Вчера вечером солдаты срыли ледяную гору [377](постановление комитета). По слухам, большие беспорядки в Тюмени.

26-го [Февраля]. Службы дома вчера и сегодня. Священник и певчие (4–5 чел. с регентом) предложили даром служить.

В Тюмени все успокоилось. Вечером “Packing up” (М. Н. и А. Н.).

Март.

3-го [Марта]. Солдатский комитет (после долгих обсуждений) постановил разрешить Царской Семье пойти в среду, пятницу и субботу утром в церковь. [378]

В отряде всего осталось приблизительно 150 человек. Уехал тоже некоторое время тому назад офицер 1-го полка Мяснянкин (его заменяет солдат) и приехавший с нами член Ц.[арско –] С.[ельского] совдепа Бурняим. [379]

Солдатам надоело нас сопровождать на прогулках (я почти не выходила, Татищев только ходил к дантистке, [380]гулял больше Долгорукий и Жильяр); они хотели лишить нас вовсе прогулок, но потом разрешили нам выходить на 2 часа раз в неделю без солдат. (!)

10-го [Марта]. Все вместе сегодня приобщались. Три раза были в церкви на неделе; остальные службы были дома без певчих. Пели Императрица и Дочки под управление диакона.

11-го [Марта]. Приехал из Омска большевитский комиссар (Дутман). [381]

13-го [Марта]. Приехали из Омска сто красногвардейцев для охраны города. Комиссар переехал в Корниловский дом.

15-го [Марта]. Из Тюмени прибыли 50 красногвардейцев.

22-го [Марта]. Тюменские красногвардейцы, по требованию Омских, уехали.

Последние пока себя держат хорошо, наш отряд тоже.

Весна в разгаре (на солнце вчера дошло до 21°).

25-го [Марта]. Вчера всенощная дома. Сегодня в 8 час. утра обедница (в церковь не пустили) без певчих; пели Императрица и Дочки под управлением диакона.

26-го [Марта]. 3 члена совдепа приходили осматривать Корниловский дом (все хотят его занять).

28-го [Марта]. Вчера вечером был большой переполох по поводу того, – солдаты отказались пустить в дом № 1 чрезвычайного комиссара (недавно тоже прибывшего из Омска) Дементьева. [382]Вследствие выраженной последним угрозы можно было ожидать столкновения красногвардейцев с нашим отрядом. Наш отряд вооружился и принял все меры для защиты.

Слава Богу, всё обошлось мирно, после разговоров Дементьева с солдатами (выяснилось, что угрозы даже не было, а была вызвана что-то вроде тревоги для проверки охраны).

Говорят о нашем переводе или в архиереевский (так!) дом, или в Иоанновский мон. [астырь] (для безопасности, когда начнётся навигация).

29-го [Марта]. Сегодня утром Дементьева допустили осмотреть двор и караул (в дом он не входил).

30-го [Марта]. Пришла из Москвы бумага (привёз посланный отсюда солдат) с приказом перевести нас из Корниловского дома в Губернаторский. С трудом и потеснившись, нашли место в нижнем этаже. Получила разрешение вместо Паулины [383]взять с собой в одну комнату Викочку. [384]Вечером мы переехали. Алексей Ник. [олаевич] заболел.

31-го [Марта]. Солдатский комитет осматривал людские комнаты с тем, чтобы перевезти в дом и всех людей, которые жили на стороне. Прислуге запрещён тоже выход из дома. Вообще приказано завести Царскосельский режим.

Вчера простилась с Изой, которую не могу больше видеть. Только докторов [385]пока свободно впускают и выпускают из дома.

Прибыли 60–70 красногвардейцев в город.

Говорят, идут 300 чел. для пополнения нашего отряда из Москвы.

Апрель.

1-го [Апреля]. Комиссия осматривала дом.

8-го [Апреля]. Пришла телеграмма из Москвы,

одобряющая решение отрядного солдатского комитета о снятии Государем погон.

10-го [Апреля]. Приехавший вчера комиссар Яковлев [386]был сегодня утром в доме. С ним прибыл отряд в 150 чел., набранный им по дороге. Никакого Московского отряда, говорят, не будет.

Чрезвычайный Комиссар (по Тобольской губ.) Дементьев несколько дней тому назад уехал.

12-го [Апреля]. Комиссар Яковлев пришёл в 2 ч. объявить, что Государь должен уехать с ним в 4 час. утра, он не может сказать куда (вероятно, по догадкам, в Москву и потом, м. [ожет] б. [ыть], за границу).

Предполагалось ехать всем, но из-за болезни Алексея Ник. [олаевича] этого нельзя; Государю же откладывать отъезд нельзя. Императрица решила ехать с Ним; Мария Ник. [олаевна] тоже едет с Ним. Остальные остаются здесь до поправления Ал. [ексея] Ник. [олаевича] и до первого парохода. Бог даст, недели через три поедем вслед. Комиссар Яковлев вернётся за ними сюда. Татищев остаётся здесь. Долгорукий и Боткин едут с Государем. Из прислуги едут только Чемадуров, Седнев и Демидова. Для охраны 5 стрелков и офицеры Набоков и Матвеев. Остальные стрелки и полковник Кобылинский остаются здесь. Ужасная ночь. В 4 часа уехали, экипажи ужасные (а до Тюмени 285 верст).

15-го [Апреля]. Были два раза известия с пути. Сегодня утром – о благополучном прибытии в Тюмень (вчера в 9 час. вечера).

Поставили в зале Походную Церковь и была отслужена обедня (пели 5 монашек).

Днём был крестный ход по городу. Епископ Гермоген арестован. [387]

16-го [Апреля]. Были утром известия о благополучном следовании в поезде, но неизвестно куда и неизвестно откуда.

20-го [Апреля]. Три дня нет известия. Алексею Ник. [олаевичу], слава Богу, лучше; третьего дня вставал.

Два раза в день службы в Походной Церкви. Вчера с Детьми приобщались. Вечером пришло известие (телегр. [амма] Матвеева), что застряли в Екатеринбурге. Никаких подробностей.

22-го [Апреля]. Заутреня и обедня в зале (в Походной Церкви), потом разговливание (О. Н., Т. Н., А. Н., Татищев, Трина, [388]В. Н. Деревенько, я,

Кобылинский, Аксюша (пом. коменданта) и Кл. [авдия] Мих. [айловна] Битнер. Никаких известий.

23-го [Апреля]. В 11 час. обедня.

24-го [Апреля]. Пришли из Екатеринбурга. Днём (с первым пароходом) приехали из Екатеринбурга Набоков, Матвеев и 5 стрелков сопровождавших.

27-го [Апреля]. Были письма из Екатеринбурга. Приезжал Хохряков [389]– председатель здешнего совдепа (переходим в ведение совдепа).

28-го [Апреля]. Обедня и всенощная. За всенощной присутствовал Хохряков.

Май.

3-го [Мая]. Хохряков приходит по несколько раз в день, видимо, очень торопится с отъездом. Приходилось ждать, из-за здоровья Ал. [ексея] Ник. [олаевича], который медленно поправляется, но, слава Богу, теперь лучше; второй день выходит.

4-го [Мая]. “Отряд” заменен красногвардейцами». [390]

После увоза Государя и Государыни в Екатеринбург вместе с несколькими приближёнными и слугами, наиболее верные слуги ждали того дня, когда все они смогут вновь воссоединиться с Царской Семьёй. И поэтому все они с большой надеждой встретили известие о том, что желающие сопровождать Августейших Детей могут отправиться в путь на том же самом пароходе «Русь», который доставит их в Тюмень, откуда всем им предстоит уже поездом добраться до Екатеринбурга.

О пути следования из Тобольска в Екатеринбург довольно подробно рассказано в *главе 1 «Последний маршрут Царской Свиты»*этой части книги. Посему останавливаться на нём ещё раз не имеет никакого смысла.

Накануне своего отъезда в Екатеринбург Графиня А. В. Гендрикова написала братьям последнее в своей жизни письмо, датированное 5 (18) мая. А о её смерти они узнали много позже, весной 1919 года…

О последних днях Графини А. В. Гендриковой также известно из воспоминаний А. А. Волкова:

«Наступило время, когда политических заключённых стали в арестантских поездах эвакуировать в западном направлении. Дошла очередь и до нас троих: меня, Гендриковой и Шнейдер. Чемодуров остался в Екатеринбургской тюрьме. Привели нас в контору, где

ожидали двое каких-то людей с портфелями. Первым привели меня, женщин же ожидали довольно долго: они обе были больны. Посадили нас на извозчичьи пролётки и привезли в помещение одной из прежних гостиниц, где теперь помещались какие-то учреждения. [391]Здесь нас принял некто, одетый в солдатскую форму, переписал и отпустил. На вопрос, куда нас повезут, он ответил:

– Или к семье (подразумевается, царской), или в Москву. (Это происходило 11 (24) июля, когда царская семья была уже убита.) [392]Усадили нас снова на тех же извозчиков: на одного Шнейдер и Гендрикову, на другого – меня с невооружённым солдатом. Привезли на вокзал. Солдат сказал, чтобы мы остались на извозчиках, он же пойдёт искать наш вагон. Стало темнеть. Сидя на пролётке, я думаю: “Куда-то везут, видимо, не миновать смерти”. Слез с извозчика, подошёл к Шнейдер и Гендриковой и тихо говорю:

– Слезайте.

Они делают знаки, что отказываются. Вернулся солдат, побранился, что нет никакого порядка, никто ничего не знает. Вновь отправился искать поезд. Я опять предложил моим спутницам сойти с экипажа и тихонько уйти. Они не согласились. Без них же уйти я не решился, опасаясь, что Гендрикову и Шнейдер, тотчас после моего бегства, расстреляют.

Возвратился солдат и повёл нас в арестантский вагон, который уже был полон народом из нашей Екатеринбургской тюрьмы.

Была здесь княгиня Елена Петровна, ездившая повидаться с мужем, князем Иоанном Константиновичем, бывшим в Алапаевске. Узнав, что её муж и другие алапаевские узники переведены на тюремный режим, Елена Петровна не хотела уезжать из Екатеринбурга. Тогда из гостиницы её доставили в тюремный вагон. С княгиней вместе была арестована и сербская миссия в составе майора Мичича, солдат Милана Божича и Абрамовича. Секретарем миссии состоял С. Н. Смирнов». [393]

Простояв на запасных путях более суток, поезд с вагоном, в котором находилось 35 арестантов, наконец-то был отправлен и прибыл в Пермь. (Причём старшим над конвойной командой, сопровождавшей этих арестованных, был не кто иной, как сотрудник Уральской Областной ЧК Г. И. Сухоруков, накануне

принимавший участие в сокрытии трупов Царской Семьи и Её слуг.)

Находясь в бывшем Пермском губернском тюремном замке, Княгиня Елена Петровна, Графиня А. В. Гендрикова и Е. А. Шнейдер были помещены в одну камеру, расположенную в его башне, в которой ранее содержались особо опасные политические преступники.

7 августа 1918 года Чрезвычайный Комиссар Пермской Губернской ЧК Воробьёв направил в Совнарком Р.С.Ф.С.Р. телеграмму, в которой испрашивал дальнейших действий в отношении содержащейся в тюрьме «прислуге Романовых», ходатайствующей об освобождении.

В своей ответной депеше на этот запрос Председатель Президиума ВЦИК Я. М. Свердлов предлагал пермским чекистам действовать по своему усмотрению «согласно обстоятельствам». А это означало лишь одно – расстрел без суда и следствия…

Вследствие этого «руководства к действию» расстрелы лиц, содержащихся в Пермской губернской тюрьме, к исходу лета 1918 года заметно участились, что, конечно же, не могло не отразиться на общем душевном состоянии всех находящихся в этой камере узников, с минуты на минуту ожидавших своего вызова на казнь. Не способствовали также улучшению настроения и условия их содержания, а также отсутствие каких-либо средств элементарной личной гигиены.

Так, по воспоминаниям дочери Е. С. Боткина, Татьяны, Графиня А. В. Гендрикова, не имевшая при себе никаких личных вещей:

> «…сама стирала своё бельё под краном, причём, имея только одну смену белья, она, стирая блузу, надевала рубашку, а стирая рубашку, надевала блузу.
>
> Однажды её вызвали к комиссарам:
>
> – Отчего Вы не попросите Ваши вещи? – спросили её.
>
> – Мне ничего не нужно, – спокойно сказала графиня.
>
> – Что Вы хотите?
>
> – Служить Их Величествам до конца дней своих.
>
> – Ах так?
>
> – Да, так.
>
> – Ведите обратно в тюрьму.
>
> Когда после этого пришла стража и велела графине и Екатерине Адольфовне идти за собой, то всем стало ясно, зачем. Графиня встала совсем спокойная и только сказала: “Уже?”, но, по-видимому, потом она поверила словам красноармейцев, объявивших, что их просто

переводят в другую тюрьму». [394]

Рассказ Т. Е. Мельник-Боткиной дополняет ещё одна выдержка из книги М. К. Дитерихса:

> «Администрация тюрьмы, куда были заключены Княгиня Сербская, графиня Гендрикова и Е. А. Шнейдер, в пределах возможного, старалась облегчить заключённым женщинам их положение: разрешила приобретать изредка молоко и давала для чтения получавшиеся в тюрьме газеты. Наибольшую бодрость в тяжёлом тюремном заключении проявила графиня Гендрикова, которая иногда даже пела, дабы развлечь тоску сильно грустившей по мужу Княгини Елены Петровны. Большой недостаток ощущался в белье; приходилось носить мужское тюремное бельё, так как никаких своих вещей при заключённых не было. Все вещи Гендриковой и Шнейдер были отобраны советскими главарями ещё в Екатеринбурге и хранились в помещении областного совдепа, где, как упоминалось выше, вещи при бегстве советской власти из города были раскрадены как самими главарями власти, так и различными маленькими служащими совдепа. Остаётся только непонятным, почему советские власти, предрешив судьбу несчастных своих жертв, так медлили с окончательным приведением в исполнение своих намерений и томили бедных заключённых, заставляя их переживать моральные пытки, в тысячу раз более изуверские, чем пытки в застенках в самые тёмные времена средних веков». [395]

О том, как прошли последние часы земной жизни Графини Анастасии Васильевны Гендриковой и Гоф-Лектрисы Е. А. Шнейдер, нам, живущим сегодня, стало известно из материалов следствия, контроль за проведением которым осуществлял уже неоднократно упомянутый здесь Генерал-Лейтенант М. К. Дитерихс.

> «4 сентября 1918 года, – писал он в своей книге “Убийство Царской Семьи и других Членов Дома Романовых на Урале”, – отношением за № 2523, губернский чрезвычайный комитет потребовал присылки в арестный дом графини А. В. Гендриковой, Е. А. Шнейдер и камердинера Волкова. Всех их собрали в конторе тюрьмы и предложили им захватить с собой

вещи, какие у кого были. Это дало повод Анастасии Васильевне высказать предположение, что их поведут на вокзал для перевозки в другое место. В конторе тюрьмы их передали под расписку конвоиру от комитета, по фамилии Кастров.

В арестном доме, в комнате, в которую их ввели, было собрано ещё восемь других арестованных (в том числе жена полковника Лебеткова и Егорова) и 32 вооружённых красноармейца, во главе с начальником, одетым в матросскую форму.

Была глухая ночь, лил дождь. Всю партию в 11 человек (6 женщин и 5 мужчин) забрал матрос с конвоем и повёл куда-то, сначала по городу, а затем на шоссе Сибирского тракта. Все арестованные несли сами свои вещи, но, пройдя по шоссе версты 4, конвоиры стали вдруг любезно предлагать свои услуги – понести вещи: видимо, каждый старался заранее захватить добычу, чтобы потом не пришлось раздирать её впотьмах, в сумятице, и делить с другими.

Свернули с шоссе и пошли по гатированной дороге к ассенизационным полям. Тут Волков понял, куда и на какое дело их ведут, и, сделав прыжок вбок через канаву, бросился бежать в лес. По нём дали два выстрела; Волков споткнулся и упал. Это падение красноармейцы сочли за удачу выстрелов и прошли вперёд. Однако Волков не был задет, он вскочил и снова побежал; ему вслед дали ещё выстрел, но в темноте опять не попали. Через 43 дня скитания по лесам Волков вышел на наши линии и благополучно избёг ожидавшей его участи.

Всех остальных привели к валу, разделявшему два обширных поля с нечистотами; несчастные жертвы поставили спиной к конвоирам и в упор сзади дали залп. Стреляли не все, берегли патроны; большая часть конвоиров била просто прикладами по головам…

С убитых сняли всю верхнюю одежду и в одном белье, разделив на две группы, сложили тут же в проточной канаве и присыпали тела немного землёй, не более как на четверть аршина.

7 мая 1919 года, через семь месяцев после убийства, тела Анастасии Васильевны Гендриковой и Екатерины Адольфовны Шнейдер были разысканы, откопаны и перевезены на Ново-Смоленское кладбище в Перми для погребения. Перед погребением тела были подвергнуты судебно-медицинскому осмотру.

Тело Е. А. Шнейдер находилось в стадии разложения, но ещё достаточно сохранившимся для осмотра; черты лица оставались легко узнаваемыми, и длинные её волосы были целы. На теле обнаружена под левой лопаткой пулевая рана в области сердца; черепные кости треснули от удара прикладом, но голова в общем виде осталась ненарушенной.

Тело графини А. В. Гендриковой ещё совершенно не подверглось разложению: оно было крепкое, белое, а ногти давали даже розоватый оттенок. Следов пулевых ранений на теле не оказалось. Смерть последовала от страшного удара прикладом в левую часть головы сзади: часть лобовой, височная, половина теменной костей были совершенно снесены и весь мозг из головы выпал. Но вся правая сторона головы и всё лицо остались целы и сохранили полную узнаваемость.

Тела Анастасии Васильевны Гендриковой и Екатерины Адольфовны Шнейдер были переложены в гробы и 16 мая погребены в общем деревянном склепе на Ново-Смоленском кладбище. По случайному совпадению могила их оказалась как раз напротив окна камеры Пермской губернской тюрьмы, в которой провели они последние дни своей земной жизни». [396]

По прошествии 53-х лет, решением Священного Архиерейского Собора Русской Православной Церкви Заграницей **Графиня Анастасия Васильевна Гендрикова была причислена к лику Святых Новомучеников Российских от власти безбожной пострадавших и наречёна именем Святой Новомученицы Анастасии Гендриковой**.

Чин прославления был совершён в Синодальном Соборе Знамения Божьей Матери РПЦЗ в Нью-Йорке 19 октября (1 ноября) 1981 года.

* * *

К сказанному остаётся только добавить, что, находясь в Перми летом 1998 года, автор этих строк (в то время – Заведующий Отделом экспертных исследований Всероссийского Исторического Общества) вместе с представителем творческой интеллигенции города, – продюсером «Ультрасаундфильм» А. В. Кыласовым, – обратились к Председателю Комитета по культуре и искусству администрации г. Перми А. В. Родину и Начальнику

Управления внешнего благоустройства М. П. Трухину с инициативой воздвижения Памятного Креста на месте предположительного захоронения жертв Красного Террора: Графини А. В. Гендриковой и Гоф-Лектрисы Е. А. Шнейдер, останки коих были упокоены в 1919 году на территории Ново-Смоленского (Егошихинского) кладбища этого города.

Инициатива была поддержана, и 4 сентября 1998 года при содействии членов местной организации ВООПИК в лице Р. Б Веденеева и Л. В. Перескокова, в присутствии представителей общественности, местного духовенства и СМИ, на этом месте был водружён деревянный крест-голубец с табличкой следующего содержания: **«Памяти невинно убиенных в ночь на 22.08 (4.09.) 1918 года Личной Фрейлины Е.И.В. Государыни Императрицы Александры Фёдоровны Графини Анастасии Васильевны Гендриковой и Гоф-Лектрисы Екатерины Адольфовны Шнейдер»**.

Но стоять этому Памятному Кресту пришлось недолго…

Уже менее чем через месяц он был подожжён красно-коричневыми вандалами…

Новый крест с именами Святых Новомучениц Анастасии Гендриковой и Екатерины Шнейдер был установлен членами той же местной организации ВООПИК в 2001 году и продолжает стоять там по настоящее время.

Письма (записки) Государыни Императрицы Александры Фёдоровны к Графине А. В. Гендриковой за 1917–1918 годы

Записки за 1917 год

Записка № 1

Ц.[арское] С.[ело]. 16 Марта

Дорогая Настенька,

благодарю за милую записочку. У Марии теперь [температура] 40,5, а у Анастасии 40,3.

Они спали сегодня днём.

Любящая Вас обеих Александра.

Моё сердце расширено. [397]

Записка № 2

Ц.[арское] С.[ело]. 29 Марта

Дорогая Настенька,

сожалею, что Вас не видела, во все эти дни чувствую себя прескверно, постоянная головная боль, головокружение, сердце расширено. Впервые лежала на балконе три четверти часа. Надеюсь с Иночкой всё благополучно. Жаль, что слепая кишка докучает опять Изе, но это неизбежно, пока её не оперируют. У Ольги 39,4. Горло очень болит.

Целую. Александра. [398]

Записка № 3

Ц.[арское] С.[ело]. 2 Апреля

Не пожелает ли м-лль [399]Зизи [400]или графиня [401]присутствовать в 7 часов на молитве в угловой комнате наверху [?] Валя [402]и граф [403]тоже. Места хватит на всех.

А[лександра]. [404]

Записка № 4

Ц.[арское] С.[ело]. 23 Мая

Дорогая Настенька,

увы, боюсь, что следующая телеграмма принесёт Изе роковое известие о смерти её матери. Пусть лучше Валя по получении пришлёт мне – я передам бедной девочке. Вероятно, смерть уже последовала от удара. У отца [405]слабое сердце. Мне кажется, ей следовало бы ехать туда. В случае рокового исхода, отец её поедет, наверное, в Казань. Таким образом она его увидит и ему будет спокойнее, что она там. Всё печально.

А[лександра].

Проведите её в сад; ей лучше гулять, чем сидеть дома и мучиться. [406]

Записка № 5

Ц.[арское] С.[ело]. 25 Мая

Милая Настенька,

получила ли Иза известие. Посоветуйте ей попросить у батюшки вынуть частицу [407]за её мать. У него список имён, которые он постоянно поминает по нашей просьбе за живых и усопших. Я включила имя Вашей Мама. Мы дали ему список

после того, как нас заключили. [408]

Целую. Александра. [409]

Записка № 6

Ц.[арское] С.[ело]. 30 Мая

Дорогая Настенька,

передайте графине [410]моё соболезнование по поводу известия в сегодняшних газетах о смерти Ирины Долг. [оруковой] [411]от воспаления в лёгких. Попросите графиню, когда она будет писать Лело, [412]передать моё глубокое соболезнование. Целое гнездо детей, два отца и без матери. Какая трагедия.

А[лександра]. [413]

Записка № 7

23 Июня [Без места] [414]

Милая Настенька,

глубоко тронута; нежно благодарю за милые васильки. [415]Вы очень добры. Поблагодарите генерала [416]за то, что принёс их. Приятного сна.

Нежно целую. Александра. [417]

Записка № 8

30 Июня [Без места] [418]

Дорогая Настенька,

душистый горошек распространяет восхитительный аромат по всей комнате. Спасибо, спасибо бесконечно за удовольствие, доставленное Вами. Посылаю Вам ещё книгу Миллера. [419]Быть может, Иза прочтёт [первый] том, оконченный Вами, и затем пришлёт мне.

Что за чудная погода. Жажду сходить в настоящую церковь. [420]Спите крепко.

Любящая вас Александра. [421]

Записка № 9

Ц.[арское] С.[ело]. 19 Июля

Так тронута, дорогая Настенька.

Душистый горошек чудно пахнет. Посылаю взамен розы. День Св[ятого] Серафима. [422]Как жалко что нельзя пойти в церковь, в такой великий день. Благослави Вас Бог.

Целую А[лександра]. [423]

Записка № 10

21 Июля [Без места] [424]

Дорогая Настенька,

зная, что у Вас недостаток в лёгкой одежде, посылаю Вам материи на два платья: полосатую – чёрную с белым и белую. Пожалуйста, попросите Вашего генерала [425]отдать сейчас же в работу. А то, может быть, Ваша горничная могла бы сшить. Это, конечно, было бы лучше всего – быстрее и дешевле и не нужно посылать по почте, а мог бы принести генерал.

Целую. Александра.

Надеюсь, что Вы чувствуйте себя менее слабой. [426]

Записка № 11

28 [Октября] Тобольск

Дорогая Настенька,

если у Вас найдётся икона Вашей Святой, [427]пожалуйста, передайте её человеку, который принесёт эту записку – для того, чтобы я могла поставить на стол для вечерней службы. [428]

Поднимитесь ко мне на минутку до обеда.

А[лександра].

Принесите Вашу маленькую серебряную цепочку. [429] [430]

Записка № 12

2 Ноября. Тобольск

Дорогая маленькая Настенька,

я так опечалена известием о Вашем нездоровье, о новом беспокойстве от той надоедливой слепой кишки. Продолжайте лежать со льдом на боку и двигайтесь, как можно меньше. Счастье, что Ваш старый генерал [431]может ходить за Вами, т. к. нам, увы, не разрешается бывать у Вас [432](как глупо…). Не беспокойтесь на счёт своего нездоровья – Вы скоро почувствуйте облегчение.

Видела, как Вы поскользнулись на крыше. [433]Несомненно,

Вам это движение повредило. Приятного сна. Господь Бог благословит [Вас].

Нежно целую. Александра.

Поклон Генералу. [434]

Записки за 1918 год

Записка № 13

17 марта. Тобольск [1918 года]

Милое дорогое дитя,

все мои мысли и молитвы сопутствуют Вам в церковь. Да найдёте Вы силы и успокоение у мощей Св. [ятителя] Иоанна. [435]Великое счастье иметь возможность молиться там за Ваших дорогих. Вы, наверное, почувствуйте их близость. Как хорошо светит солнце, возвеселяя Ваше паломничество туда. Будьте душенькой и поставьте там свечку за меня. [436]

Благословляю и целую Вас нежно. Господь будь возле Вас. Может быть, отслужите молебен также за Вашу сестру, брата, за детей и за невестку, прося им благословение – это соединит Ваши души в этот день. [437] [438]

Записка № 14

[Без даты и места] [439]

Дорогая Настенька,

Ну, что же. Мне досадно за всех Вас. [440]Ужасно неприятно. [441]Вот, кажется, единственный способ: в Шуриной комнате [442]Вы с Полиной [443](такая маленькая ширма). Увы, место для Вашего генерала [444]нет. Трина [445]и Катя [446]– в комнате г[осподина] Гиббса [447](скажите Трине, что нет места для Маши [448]), Ваш генерал будет ангелом, если о ней позаботится. Шура и Лиза [449]в комнате Чемодурова, а он сам наверху. Нюта [450]на лестнице. Пусть сейчас сделают перегородку от подъезда. Г[осподин] Гиббс пойдёт к г[осподину] Жильяр. [451]Перешлите кровати и умывальники и всё, что Вам надо. Генерал всегда может прислать всё, что понадобится.

Считаю всё это чересчур глупым. Лично думаю, что ненадолго.

Целую Вас. [452]

Графиня А. В. Гендрикова в материалах Следственного

Производства 1918–1920 г.г

«(…) Гендрикова имела лет 30, среднего роста и телосложения. Лицо красивое, маленький нос, рот и ровные зубы, брюнетка. [453]

Литература о Графине А. В. Гендриковой

1. Румянцева Е. Л. Мученические венцы принявшие. (К 90-летию убийства Царских слуг на Урале.) Екатеринбург, Издательский дом «Стягъ», 2008.

2. Чернова О. В. Верные до смерти. СПб., Издательство «Сатисъ», 2007.

3. Чернова О. В. Верные. О тех, кто не предал Царственных Мучеников. М., Издательство «Русскій Хронографъ», 2010.

Глава 4
Гоф-Лектриса Е.И.В. Государыни Императрицы Александры Фёдоровны Екатерина Адольфовна Шнейдер

О личности Гоф-Лектрисы Е. А. Шнейдер вплоть до недавнего времени имелись весьма отрывочные биографические сведения.

Однако при более детальном изучении материалов Личного фонда Е. А. Шнейдер, хранящихся в ГА РФ. (Ф. 1115, оп. 1), автору удалось обнаружить некоторые дополнительные сведения биографического характера.

> Но прежде чем начать рассказ о Екатерине Адольфовне Шнейдер, хотелось бы сразу расставить все точки над «i» в отношении правильного написания её фамилии. Ибо не подлежит сомнению, что её предки немецкого происхождения носили фамилию Шнайдер, что в переводе с немецкого означает – «портной». Фамилия же Шнейдер есть не что иное, как транслитерированный вариант этой немецкой фамилии на русский манер, что случалось довольно часто в среде обрусевших немцев. И это понятно, так как немецкий дифтонг «ei» (читаемый как «ай») в русском языке, зачастую, читался как «ей». Впрочем, это достаточно распространённая ошибка, наглядным примером чему может служить ставшее для большинства наших соотечественников привычно-неправильное произношение слова «рейх», вместо правильного – «райх». Однако вернёмся к теме нашего повествования.

Екатерина Адольфовна Шнейдер родилась 20 января 1856 года в Санкт-Петербурге в семье Надворного Советника Адольфа Шнейдера и его супруги Марии-Луизы (урождённой Сванберг).

Обряд крещения над новорождённой был произведён в Санкт-Петербурге, в евангелическо-лютеранской церкви Св. Екатерины, где она была наречена именем Генриетты-Екатерины-Луизы.

Известно также, что в семье Шнейдер рос ещё один ребёнок – дочь Юлия, приходившаяся Генриетте младшей сестрой.

Своё первичное образование девица Генриетта Шнейдер получила в Санкт-Петербургской Литейной Женской Гимназии, которую окончила в июне 1875 года и по результатам учёбы в которой имела одобрительное «свидетельство в науках и

поведении». А о её успехах как твёрдой «хорошистки» наглядно свидетельствовали выставленные в аттестате оценки:

- Закон Божий – очень хорошо.
- Русский язык и Словесность – хорошо.
- Французский язык – хорошо.
- Немецкий язык – очень хорошо.
- Педагогика – хорошо.
- Математика – хорошо.
- История – хорошо.
- География – хорошо.
- Естествознание – весьма хорошо.

Наряду с перечисленными дисциплинами Генриетта Шнейдер обучалась также чистописанию, рисованию, танцам, пению и рукоделию, вследствие чего получила право «не подвергаясь испытанию» получить свидетельство Министерства Народного Просвещения на звание Домашней Учительницы.

Соответствующее прошение, поданное на имя Попечителя Санкт-Петербургского Уездного Округа, было одобрено, вследствие чего девица Генриетта Адольфовна Шнейдер 26 октября 1875 года получила соответствующее Свидетельство за № 7573.

Желая продолжить своё образование, Г. Шнейдер подаёт новое прошение и поступает на Педагогические Курсы Санкт-Петербургских Женских Гимназий, которые оканчивает в 1880 году с правом, как и прежде, получить, «не подвергаясь испытанию», аттестат на звание Домашней Наставницы, который также был ей выдан Министерством Народного Просвещения 1 июля 1880 года за № 110.

С лета 1880 года Генриетта Шнейдер практикует отдельные частные уроки. Так, начиная с 1 января 1881 года, она в качестве Домашней Учительницы проводит занятия с сыном Надворного Советника П. М. Михайлова Константином, а, набравшись некоторого педагогического опыта, уже в августе этого же года подаёт прошение о приёме в Московский Николаевский Сиротский Институт, в который её принимают на место Классной дамы.

Следует также отметить, что со дня своего рождения Генриетта Шнейдер проживала вместе с родителями в квартире № 43 дома № 52 по Литейному проспекту. А с началом своей педагогической деятельности переехала в отдельную квартиру, расположенную на 2-м участке Литейной части города (ул. Надеждинская, дом № 1, кв. № 25).

А теперь наступило самое время рассказать, каким образом девица Генриетта Шнейдер превратилась в девицу Екатерину

Шнейдер.

Прозанимавшись с Константином Михайловым ровно год, Генриетта Шнейдер в 1882 году подаёт на имя Директора Училищ Санкт-Петербурга отчёт об этих занятиях, в котором подписалась как Генриетта-Екатерина Шнейдер. (Черновики этих отчётов хранятся в Личном фонде Е. А. Шнейдер.) Но прежде чем передать само прошение, она, видимо, решила показать черновик его в Канцелярии упомянутого должностного лица. А там кто-то из чиновников, рассмотрев представленный документ, внёс в него правку, сократившую её имя до «Екатерины Адольфовны» с припиской к нему уточнения «девицы-дворянки». Посему в дальнейшем, видимо, приняв во внимание, что, в отличие от Генриетты, имя Екатерина в России звучит куда более привычно и благозвучно, она до конца своих дней так и продолжала подписываться как Екатерина Адольфовна Шнейдер.

Состоя на службе в Московском Николаевском Сиротском Институте, Е. А. Шнейдер зарекомендовывает себя с самой лучшей стороны, подтверждением чему служит аттестация, выданная ей при увольнении по семейным обстоятельствам в декабре 1894 года:

> «Наказаниям или взысканиям, соединённым с ограничениями в преимуществах по службе, равно случаям, лишающих её права на получение в своё время, за выслугу лет, Мариинского знака отличия беспорочной службы, не подвергалась. В отставках не была». [454]

Настоящей же причиной этого увольнения явились следующие обстоятельства.

Весной 1884 года семья Великого Герцога Гессенского Людвига IV провожала в Россию свою дочь принцессу Гессен-Дармштадскую Елизавету (Эллу), ранее помолвленную с Великим Князем Сергеем Александровичем, родным братом Императора Александра III.

Вместе с принцессой Елизаветой в Россию приехала и её младшая сестра принцесса Алиса – будущая Государыня Императрица Александра Фёдоровна, которая во время свадебных торжеств впервые познакомилась со своим будущим женихом Наследником Цесаревичем и Великим Князем Николаем Александровичем. [455]

Медовый месяц молодые провели не за границей, как это обычно было принято, а в принадлежавшем Великому Князю подмосковном имении Ильинское, которое впоследствии стало любимым местом пребывания Великой Княгини Елизаветы Фёдоровны.

Сейчас уже можно смело сказать, что именно с этого имения Великая Княгиня начала своё знакомство с Россией, и что именно там было положено начало её будущего окружения, составившего впоследствии Двор Ея Императорского Высочества Великой Княгини Елизаветы Фёдоровны. Среди многочисленных придворных, входящих в штат оного, была и Е. А. Шнейдер, попавшая в их число по рекомендации своего дяди – Лейб-Хирурга Императора Александра III Г. И. Гирша – и занявшая среди них место учительницы русского языка.

И, надо сказать, что под руководством 28-летней Е. А. Шнейдер 20-летняя Великая Княгиня Елизавета Фёдоровна делала просто поразительные успехи в овладении новым для неё русским языком, а равно с ним и в изящной словесности, что позволило ей уже через несколько лет принимать участие в любительских спектаклях. Так, на сцене театра в Царском Селе Элла выступила в роли Татьяны Лариной, а роль пылко влюблённого в неё Евгения Онегина сыграл Наследник Цесаревич Николай Александрович.

Обучив Великую Княгиню русскому языку и изящной словесности, Е. А. Шнейдер до 1894 года продолжала оставаться в штате её придворных.

В канун приезда в Россию принцессы Алисы уже в качестве невесты Наследника Цесаревича Николая Александровича Е. А. Шнейдер по рекомендации Эллы едет в Кобург, где за довольно короткий срок обучает Алису Гессенскую русскому языку, а по приезде в Россию занимает аналогичную должность при Дворе будущей Императрицы.

Годы, проведённые Е. А. Шнейдер при Особе Государыни настолько сблизили этих двух женщин, что каждая из них уже не представляла своей жизни без общества друг друга.

Впервые Принцесса Алиса упоминает Екатерину Адольфовну в своём письме своему жениху – Наследнику Цесаревичу Николаю Александровичу от 4 мая 1894 года:

> «Замок Виндзор, письмо А-3.
>
> (…) Увидишь ли ты фрейлину Шнайдер до того, как она приедет в гости? Бедная маленькая женщина, надеюсь, она не заблудится в пути. Если бы ты смог приехать сюда с ней…» [456]

Опасения Принцессы Алисы не сбылись – Екатерина Адольфовна не заблудилась и, доехав до места, буквально с первых дней их знакомства заняла в её жизни весьма существенное место:

«Замок Виндзор, 14 мая 1894 года:

(…) Эта милая маленькая женщина настаивает на том, чтобы мы говорили только по-русски, а я стою и улыбаюсь ей, не в состоянии ничего понять… Она попыталась что-то вбить в меня. Через несколько минут она спустится вниз, и если снова меня это спросит, о, Боже мой!..» [457]

Но доставалось, что называется, не только Принцессе Алисе, будущая Императрица также взялась за обучение Екатерины Адольфовны английскому языку, что немедленно отразила в своих письмах к Ники. [458]

«Харрогейт, 26 мая 1894 года:

(…) Гретхен (…) заставляет Шнайдерляйн читать по-английски детские стишки, что весьма уморительно… Они читают “Дом который построил Джек”, и мне это очень мешает писать. Я учу стихотворение Лермонтова по-русски…» [459]

Как бы там ни было, но уже на следующий год в своём письме к бабушке Королеве Виктории родная сестра Принцессы Алисы Элла (Великая Княгиня Елизавета Фёдоровна) заметила:

«(…) Аликс делает прогресс в русском языке. Она пишет Ники так красиво и делает очень мало ошибок, и построение фраз вполне правильное…» [460]

Занятия русским языком продолжались и после свадьбы Принцессы Алисы, готовившейся стать Русской Императрицей Александрой Фёдоровной.

«(…) Шнайдерляйн (…) приходит каждое утро, – писала 4 февраля 1895 года будущая Государыня Александра Фёдоровна своей сестре Принцессе Виктории Баттенбергской, – и мы с ней усердно занимаемся. А ещё она читает час перед ужином. Ники в это время занят со своими бумагами. У него так много работы, что нам почти не удаётся побывать наедине…» [461]

Безусловно, одним из наиболее памятных для Екатерины Адольфовны событий стал День Священной Коронации Государя Императора Николая II и Государыни Императрицы Александры Фёдоровны, происходившей в Успенском Соборе Московского Кремля. День, пришедшийся на вторник 14 (26) мая 1896 года.

Какие чувства тогда бурлили в её душе, нам не ведомо. Однако нельзя не предположить, что, заняв одно из самых почётных мест на трибунах, выстроенных по этому случаю, она с особой гордостью взирала на свою бывшую ученицу принцессу Аликс. И свидетельством тому – бережно сохраняемый ею до самой смерти билет, выписанный на её имя и дающий право входа на трибуны Кремлёвских Соборов…

Довольно скоро Екатерина Адольфовна, которую Государыня ласково звала «Шнайдерляйн» (от её исконной фамилии Schneider) или «Трина» (производное от имени Екатерина), стала для Государыни одним из самых близких людей, без советов которой Она уже не принимала никаких, даже мало-мальски серьёзных, решений и без которой Она не мыслила ни одного из Своих путешествий.

Так, в каждую из Своих поездок по Крыму и Финляндии Она неизменно брала с собой Е. А. Шнейдер, а после рождения Детей последняя стала при Них кем-то вроде няньки.

Обычно Е. А. Шнейдер не вела дневников. Однако отрывочные дневниковые записи о поездках в Ливадию в мае и октябре-ноябре 1902 года всё же имели место в её личных бумагах. [462]

Не имея своих детей, Трина была очень привязана к Царским Детям, и особенно к Великим Княжнам, помощь в воспитании и уход за которыми она осуществляла с их малолетства. А когда те стали подрастать, стала преподавать им немецкий язык.

Великие Княжны также всем сердцем полюбили свою неофициальную воспитательницу (Е. А. Шнейдер не имела официальной должности при Высочайшем Дворе), которую с малых лет звали не иначе как «Трина», произведя оное имя от её полного имени Екатерина.

Вспоминая Е. А. Шнейдер, бывший Начальник Канцелярии Министерства Высочайшего Двора и Уделов Генерал-Лейтенант А. А. Мосолов писал:

> «Императрица много страдала в жизни от своей застенчивости и решила приучить дочерей с детства к общению с посторонними людьми. Поэтому, когда Ольге Николаевне минуло 10 лет, то она, равно как и Татьяна и Мария Николаевны, 8 и 6 лет, завтракали за общим столом. К завтракам государыня часто не выходила. Конечно, дети были тут под надзором царя и фрейлин. Хотя и очень живые, за столом они держали себя натурально и мило, вели себя безукоризненно. Серьёзнее и сдержаннее всех была Татьяна.

Постепенно главный надзор за детьми перешёл к Е. А. Шнейдер. (…)

Долгое время Шнейдер жила при дворе без всякого официального положения. Затем граф Фредерихс создал для неё должность гоф-лектрисы, считая неудобным сопровождение ею всюду великих княжон без какого-либо придворного звания.

Екатерина Адольфовна была удивительно предана, как государыне, так и детям… (…) Она была очень культурна, исключительно скромна и очень работоспособна. Императрице она служила и секретарем, и гардеробмейстершей. Всё покупалось и заказывалось через её посредство. Была она и учительницей самой государыни по русскому языку, а детей, пока они были маленькими, – по всем предметам. Если кого из княжон надо было куда сопровождать, делала это всегда Екатерина Адольфовна. При этом фрейлен (правильно: фройлен. – *Ю. Ж.*) Шнейдер отличалась очень ровным характером и удивительной добротой.

Как эта худенькая, кажущаяся слабенькой барышня могла поспевать делать всё то, что ей поручали, да ещё со всегдашней готовностью, было прямо поразительно». [463]

Неотлучно находясь при Государыне Александре Фёдоровне, Екатерина Адольфовна активно поддерживает Её во всех начинаниях. Сейчас, наверно, будет весьма сложно перечислить весь тот круг обязанностей и поручений, которые приходилось выполнять Трине. Так, к примеру, состоя в Царско-Сельском Обществе Рукоделия, основанном по инициативе Государыни в 1897 году, она с самого начала курировала его работу, о чём регулярно составляла отчёты.

Весьма часто обращались и к самой Е. А. Шнейдер за советом. В её Личном фонде хранится немало писем, адресованных ей непосредственно. Причём писем как первых лиц государства, так и рядовых обывателей. Вот, к примеру, адресованные Е. А. Шнейдер письма Княгини А. М. Нарышкиной, в которых та даёт обзор кустарных промыслов в России, а также советуется с ней по вопросам благотворительности. А вот письмо некой Е. Пономарёвой, в котором она рассказывает Екатерине Адольфовне «об общественных нуждах, низком культурном уровне жителей и плохом состоянии народного образования в гимназиях Харьковской губернии».

Будучи доверенным лицом Государыни практически по всем вопросам, она нередко ведёт и некоторые Её финансовые дела в

виде расчётов с «Поставщиком Высочайшего Двора» К. Фаберже.

Обращались к Е. А. Шнейдер и со всевозможными ходатайствами. Причём как родственники, так и мало знакомые люди. И к чести Екатерины Адольфовны следует сказать, что к каждому из них она относилась с должным пониманием, стараясь сделать всё, от неё зависящее.

С началом Первой мировой войны 1914–1918 годов в Царскосельском Екатерининском дворце был организован Центральный Склад Ея Императорского Величества Государыни Императрицы Александры Фёдоровны. Склад, с которого осуществлялось снабжение Полевых Царскосельских Военно-Санитарных поездов бельём и перевязочными материалами. И, в частности, небезызвестного в то время Военно-Санитарного поезда № 143 Е.И.В. Государыни Императрицы Александры Фёдоровны. И состоявшая при Государыне Екатерина Адольфовна принимает не только самое активное участие в налаживании его бесперебойной работы, но и делает немалое денежное пожертвование. За что накануне Октябрьского переворота 1917 года получает благодарственное письмо от Комитета означенного Склада.

После ареста Государыни в марте 1917 года верная Трина не согласилась покинуть Царскую Семью во время Её содержания под стражей в Царском Селе. А чтобы не без пользы проводить время, Е. А. Шнейдер, верная педагогическим принципам, вместе с другими слугами, добровольно разделившими это заточение, преподавала Великим Княжнам арифметику и русскую грамматику.

А когда Венценосной Семье было объявлено о ссылке в далёкую Сибирь, она, не колеблясь, выразила желание последовать за Ней.

Находясь в Тобольске, Е. А. Шнейдер вместе со своими горничными Екатериной Живой и Марией Кулаковой проживала в верхнем этаже дома купца-рыбопромышленника Корнилова. Однако ей практически ежедневно приходилось посещать «Дом Свободы», где она продолжала проводить занятия по русскому языку с Наследником Цесаревичем Алексеем Николаевичем.

Не забывали Екатерину Адольфовну в далёком Тобольске оставшиеся в Царском Селе родственники и просто близкие ей люди, для которых она стала крёстной матерью. Однако не только они слали ей свои весточки. Так, к примеру, она получила не менее двух писем от учителя Августейших Детей П. В. Петрова, в первом из которых он благодарил П. Жильяра за присланную им для него из Тобольска продуктовую посылку, а во второй отчаянно сетовал на всё растущее повышение цен в Петрограде на

продукты питания.

Несомненно, огромной радостью для находящейся в Тобольске Е. А. Шнейдер стала бы открытка, написанная на её имя Государыней, находящейся в то время в Екатеринбурге:

> « *19 апреля/2 мая 1918 г.*
> Екатеринбург.
> Христос Воскресе!
> Крепко целую и поздравляю Светлым Праздником. Надеюсь, что бодро встретите. Все мысли постоянно о Вас всех. Надеюсь, что можете говеть. Погода чудная. Лежу <неразб.> т. к. сердце увеличено и вообще очень устала. Спим втроём в одной комнате [464]– уютно и проводим день вместе, т. к. его письм. [енный]стол стоит у окна. Тяжело не иметь известий! Как здоровье Маши? [465]Ей и Кате [466]сердечный привет и поздравления. Тихая улица. Будет вечером он служить 12 Ев[ангелий]: читать. Не падайте духом. Господь милостив, надеюсь, скоро увидимся. Христос с вами. Ото всех привет. Горячо поздравляю и крепко целую милую Трину. [467]

Но даже эти невинные поздравления с Праздником Святой Пасхи показались власть имущим чем-то крамольным, посему открытка эта так никогда и не была отправлена адресату. Изъятая в числе прочей корреспонденции, посылаемой узниками дома Ипатьева, она в том же 1918 году была доставлена в Москву, где и на протяжении многих десятилетий хранилась в одной из папок личного фонда Е. А. Шнейдер, озаглавленной: «Письма без подписи Шнейдер Екатерине Адольфовне в Тобольск 14/XII 1917 – 2/V 1918»…

И, не обрати внимание автор настоящего издания на столь знакомый большинству исследователей почерк экс-Императрицы, этот бесценный документ нашей истории так и продолжал бы оставаться незамеченным на протяжении ещё неизвестно какого времени…

Заслуживает внимание и тот факт, что при разборе вещей, брошенных в помещении бывшего Волжско-Камского банка, в котором с 1918 года размещался Исполком Уральского Облсовета, следствием была обнаружена и изъята *«Клеёнчатая записная книжка с дневником от 1 января до 4 мая»*. В ходе следствия было сделано предположение, что она принадлежит Е. А. Шнейдер. (Поэтому об этой книжке здесь и упоминается.) Однако при более внимательном изучении указанного вещественного доказательства выяснилось, что эта записная книжка является дневником Графини А. В. Гендриковой, [468]в

который та, начиная с января 1918 года, с относительной регулярностью записывала наиболее интересные события, происходившие в «Доме Свободы» и за его пределами.

Переживая разлуку со ставшими ей близкими людьми Государем и Государыней, Е. А. Шнейдер до самого последнего дня находилась рядом с Царскими Детьми, поддерживая их своим участием в тяжёлые дни разлуки с Родителями. Вместе с ними отправилась она и в своё последнее путешествие в Екатеринбург, куда прибыла 23 мая 1918 года и где в качестве «гражданина Е. А. Шнейдер» была помещена в Арестный дом (Тюрьму № 2), в котором содержалась до 20 июля 1918 года.

О последних днях и часах земной жизни этой замечательной женщины свидетельствуют сухие строки секретного документа – Докладной записки за № 43 от 17 мая 1919 года, поданной Генерал-Лейтенантом М. К. Дитерихсом на имя Верховного Правителя Адмирала А. В. Колчака, в которой, в частности, говорится:

> «(…) 20 Июля, вместе с Княгиней Еленой Петровной (Сербской), Гр. Гендрикова и Е. Шнейдер были отправлены в особом вагоне, под усиленной охраной, в г. Пермь, где, по прибытии, были заключены в Пермскую Губернскую Тюрьму. Одновременно с ними перевезён туда же и Камердинер Алексей Волков.
>
> В ночь на 4-е Сентября (все числа по н. с.), Гр. Гендрикова, Е. Шнейдер, А. Волков и ещё восемь других лиц, по постановлению Пермской Чрезвычайной комиссии, были взяты из тюрьмы и отведены в Арестный дом, а оттуда, в ту же ночь, выведены по Сибирскому тракту за 4 версты от города на поля орошения и там, в канаве, убиты. По дороге А. Волкову удалось бежать». [469]

В ночь с 23 на 24 декабря 1918 года части Сибирской Армии Войск Верховного Правителя овладели Пермью, заставив в панике отступить красногвардейские части 3-й Армии Восточного фронта. Когда в городе был восстановлен должный порядок, военные власти обратились с просьбой к населению, пережившему власть большевиков, сообщать в Пермский Окружной Суд о всех известных им случаях Красного Террора, для чего по определённым дням и часам два раза в неделю вёл приём граждан специально назначенный следователь. Сообщения о нахождении в том или ином месте города и его пригородов жертв большевистского режима публиковались чуть ли не в каждом номере местных газет «Современная Пермь», «Сибирские

стрелки», «Наша газета» и др. А после того, как сошёл снежный покров, поток оных увеличился чуть ли не вдвое.

Трупы Графини А. В. Гендриковой и Е. А. Шнейдер были найдены лишь в мае 1919 года в ходе вскрытия массовых захоронений жертв Красного Террора на месте ассенизационных полей, находившихся в ближайшем пригороде. [470]

И о том, как были обретены и захоронены останки Графини А. В. Гендриковой и Е. А. Шнейдер, нам расскажет всё та же Докладная записка генерала М. К. Дитерихса:

> «…2-го Мая сего года, особой комиссией, в присутствии Товарища Прокурора Д. Тихомирова, трупы были отрыты, подвергнуты судебно-медицинской экспертизе и опознанию сведущими лицами и, до моего приезда, временно погребены в общей братской могиле.
>
> 14-го сего Мая я посетил место убийства и первоначального погребения названных лиц большевиками. На 4-й версте от Сибирского тракта определяется вправо бревенчатая дорога, разделяющая надвое громадное поле орошения, залитое ассенизационными нечистотами. С левой стороны этой бревенчатой дороги имеется канава, глубиной в пол-аршина, с валиком, ограждающим дорогу от залива нечистотами. В этой-то канаве, посредине поля орошения, и была произведена казнь, и тут же трупы и были зарыты, для чего сделали выемку земли в четверть аршина глубиной, трупы свалены в кучу по четыре и засыпаны сверху землёй, тоже на одну четверть аршина. С трупов была снята вся верхняя одежда, чулки и башмаки.
>
> 16-го сего Мая, на погребение, мною были приглашены также чины тюремной администрации, нёсшие свои обязанности при большевиках в Пермской губернской тюрьме для опознания жертв. По их показаниям, Княгиня Елена Петровна, Гр. Гендрикова и Е. Шнейдер содержались в одной из комнат тюремной больницы и заботами Начальника тюрьмы (расстрелянного большевиками на другой день) были обставлены, насколько возможно в том смысле, что кроме хлеба и щей им иногда покупали, за их счёт, молока.
>
> При моём осмотре трупов Гр. Гендриковой и Е. Шнейдер я вполне согласился с первоначальным их опознанием тюремным врачом и фельдшером, которые

их пользовали в тюрьме. Опознали их также при мне Помощник Пермского Губернского Тюремного Инспектора Н. Грацинский и Помощник Начальника Губернской тюрьмы Н. Бехтерев; подтвердил своё первоначальное показание и вызванный мной тюремный фельдшер Г. Мешковский.

Благодаря тому, что зимой трупы сильно промёрзли, они, сравнительно, ко времени их осмотра, сохранились хорошо. Я сделал с них несколько снимков, а Товарищем Прокурора был составлен законный акт.

В настоящее время тела помещены в более прочные гробы (гроб гр. Гендриковой – оцинкованный, а другого такого же достать не удалось) и деревянный склеп, в особой могиле на Новом Вознесенском кладбище в Перми. Могилы обнесены загородкой и поставлено два белых креста с наименованием покойниц. Гробы, склеп, загородка, кресты и перепогребение стоили всего 4.000 рублей, причём на 3.650 рублей у меня имеется счёт Похоронного бюро, устраивавшего гробы, склеп, загородку и кресты; 250 рублей уплачено старшему милиционеру для вознаграждения работавших чинов и людей и 100 рублей возчикам и извозчикам». [471]

До сего времени неизвестно, когда и по чьему приказу исчезли могильные холмы и кресты с именами убиенных женщин с территории кладбища. И это, по всей видимости, ещё одна загадка одного из старейших в Перми некрополей…

В 1981 году решением Священного Архиерейского Собора Русской Православной Церкви Заграницей **Екатерина Адольфовна Шнейдер была причислена к лику Святых Новомучеников Российских от власти безбожной пострадавших и наречёна именем Святой Новомученицы Екатерины Шнейдер**.

Чин прославления был совершён в Синодальном Соборе Знамения Божьей Матери РПЦЗ в Нью-Йорке 19 октября (1 ноября) 1981 года.

История же установки Памятного Креста на месте их предполагаемого захоронения описана в главе, посвящённой Графине А. В. Гендриковой, посему повторять её не имеет смысла.

Е. А. Шнейдер в материалах Следственного Производства 1918–1920 г.г

«(…) Шнейдер имела лет 60, среднего роста, худая. Нос очень

маленький, «пуговкой», красноватый, рот небольшой, шатенка, седины было очень мало». [472]

Литература о Е. А. Шнейдер

1. Румянцева Е. Л. Мученические венцы принявшие. (К 90-летию убийства Царских слуг на Урале.) Екатеринбург, Издательский дом «Стягъ», 2008.
2. Хрусталёв В. М. Претерпевшие за царя. Журнал «Держава», 1996, № 3(6).
3. Чернова О. В. Верные до смерти. СПб., Издательство «Сатисъ», 2007.
4. Чернова О. В. Верные. О тех, кто не предал Царственных Мучеников. М., Издательство «Русскій Хронографъ», 2010.

Глава 5
Камердинер при Комнатах Е.И.В. Государя Императора Николая II Александровича Алексей Андреевич Волков

Не менее интересны биографические сведения и об А. А. Волкове – человеке, большая часть жизни которого прошла, если так можно сказать, под сенью Дома Романовых. А поскольку его биография относительно полно изложена в написанной им книге «Около Царской Семьи», её тезисный вариант я позволю себе здесь и представить.

Алексей Андреевич Волков родился в 1859 году в селе Юрьеве Козловского уезда Тамбовской губернии.

По национальности – русский.

По сословной принадлежности – крестьянин.

Образование – полный курс Козловского Реального Училища.

Детство и юность прошли в крестьянской среде.

По достижении соответствующего возраста А. А. Волков был призван на военную службу, на которой должен был пробыть всего три года, как окончивший указанное учебное заведение. В действительности же он прослужил пять лет – сначала в Лейб-Гвардии Павловском полку, а затем в Сводно-Гвардейской роте.

1 марта 1881 года, стоя в карауле у выходящих на Аптекарский переулок казарм Лейб-Гвардии Павловского полка, А. А. Волков стал свидетелем трагического события – покушения на Императора Александра II. Довелось ему стоять и в воинском оцеплении во время похорон почившего в Бозе Императора.

Все последующие годы не оставили А. А. Волкову каких-либо особенных воспоминаний, за исключением разве того, что он несколько раз назначался в караул Аничкова дворца, а также в составе своего подразделения побывал на Коронационных Торжествах Императора Александра III, проходивших в Москве в 1883 году.

В 1883 году Алексей Волков женился на Наталье Антоновой, в браке с которой имел шестерых детей – дочерей: Марию (6 июня 1884 г.), Веру (10 сентября 1888 г.), Александру (5 апреля 1893 г.) и Надежду (27 января 1896 г.) и сыновей: Виктора (11 ноября 1890 г.) и Михаила (12 ноября 1898 г.).

С преобразованием в 1883 году Сводно-Гвардейской роты в Сводно-Гвардейский батальон его командиром был назначен сначала Полковник Граф Г. Г. Стенбок, а затем Полковник Гессе,

под началом которых А. А. Волков прослужил общей сложностью два с половиной года. Во время прохождения службы в этом подразделении в чине Старшего Унтер-Офицера ему в 1884 году в Петергофе довелось обучать строю Наследника Цесаревича Николая Александровича, будущего Императора Николая II.

Возвращаясь под осень из Петергофа в Гатчину, А. А. Волков в качестве начальника особой охраны численностью в 20 человек многократно принимает участие в обеспечении береговой охраны Императора Александра III во время Его ночных рыбалок на Гатчинском озере.

Неся караульную службу в Зимнем Дворце, А. А. Волков обращает на себя внимание Великого Князя Павла Александровича – практически его ровесника – который предлагает ему после истечения срока службы остаться у него в услужении.

Свою службу при Дворе Его Императорского Высочества Великого Князя Павла Александровича А. А. Волков начал 1 марта 1886 года в должности Рейткнехта.

Служил Алексей Волков, как говорится, не за страх, а за совесть, и в 1892 году, по ходатайству своего господина, был представлен к Серебряной медали «За усердие», а с 15 января 1893 года был назначен на должность Камердинера Великого Князя.

Так как Собственного Двора Великий Князь тогда ещё не имел, он проживал в покоях Зимнего Дворца и ограничивался весьма небольшим штатом слуг. Выезжая за границу, Великий Князь Павел Александрович часто брал с собою и А. А. Волкова, ставшего со временем свидетелем его сватовства к принцессе греческой Александре Георгиевне.

После свадьбы, состоявшейся в 1889 году, молодые поселились в собственном дворце, где родился их первенец – Великая Княжна Мария Павловна (младшая). Самыми близкими людьми для них в то время были Великий Князь Сергей Александрович и Великая Княгиня Елизавета Фёдоровна, в подмосковном имении «Ильинское» которых спустя пять дней после рождения ею второго ребёнка – Великого Князя Дмитрия Павловича – трагически оборвалась жизнь Великой Княгини Александры Георгиевны.

После постигшего его горя, здоровье Великого Князя Павла Александровича резко пошатнулось, вследствие чего врачи рекомендовали ему выехать за границу для восстановления физического здоровья и душевного равновесия. Но возникло неожиданное препятствие – в пути следования Павлу Александровичу было необходимо делать лечебный массаж,

посему А. А. Волкову пришлось овладеть ещё одной профессией – «придворного массажиста».

Оставив детей на попечение брата Сергея и его супруги, Великий Князь Павел Александрович выехал в Кобург, чтобы навестить свою сестру, герцогиню Кобург-Готскую. Вместе с ним в это заграничное путешествие отправился и его личный адъютант Ефимович, а также А. А. Волков. Пребывание в Кобурге было недолгим, так как Павел Александрович стремился к тёплым итальянским берегам. Но и этой мечте не удалось сбыться, поскольку куда бы они ни приезжали – в Рим, Венецию, Флоренцию или Неаполь, их всюду сопровождала холодная погода и дождливое ненастье. Так что по истечении немногим менее двух месяцев, так толком и не отдохнув, им всем пришлось возвратиться в Санкт-Петербург незадолго до рождественских праздников.

С тех пор Великий Князь стал ездить за границу каждую осень, так как, состоя в должности Командира Лейб-Гвардии Конного полка, он мог с личного разрешения Государя отлучаться из части на более или менее продолжительное время. И всякий раз, уезжая в очередное заграничное путешествие, он брал с собой А. А. Волкова. Но из всех этих поездок А. А. Волкову наиболее запомнилась вторичная поездка в Кобург в 1894 году, где состоялась помолвка будущего Императора Николая II с принцессой Гессен-Дармштадской Алисой.

С наступлением осени того же года Великий Князь Павел Александрович вместе со своим братом Великим Князем Сергеем Александровичем стали собираться в Великобританию, поскольку у Королевы Виктории возник некий план, суть которого заключалась в женитьбе рано овдовевшего князя на одной из английских принцесс. Но когда уже все было готово к отъезду, из Ливадии пришла телеграмма о том, что Государь Император Александр III находится в тяжёлом состоянии.

В Ливадии Великий Князь Павел Александрович пробыл около недели, застав последние дни жизни своего Августейшего Брата. По просьбе умирающего туда же был вызван отец Иоанн Кронштадтский, под благословение которого подходил и А. А. Волков.

Утром 20 октября 1896 года Император Александр III почил в Бозе, и А. А. Волкову в числе прочих слуг удалось проститься с покойным Государем, ещё сидевшим на кресле в домашнем халате в том самом виде, в каком Его застала смерть.

Летние месяцы следующего, 1895, года Великий Князь Павел Александрович проводил в гостях у Королевы Виктории в её родовом замке Виндзор. В этой поездке его как всегда

сопровождал верный А. А. Волков, который вместе со своим господином даже участвовал в традиционной охоте на оленей и проводимом по этому поводу празднике. Однако запланированного ранее сватовства не получилось, так как князь и принцесса, что называется, не сошлись характерами.

Весной 1896 года А. А. Волков сопровождает Великого Князя Павла Александровича и его детей в Москву, где, начиная с 6 мая, проходят торжества по случаю Священного Коронования Государя Императора Николая II Александровича.

Остановившись, как всегда, в доме своего брата Сергея, Великий Князь по личному поручению молодого Государя ежедневно встречает многочисленных иностранных гостей, прибывающих в столицу. И причём всякий раз ему приходится переодеваться в военный мундир той страны, откуда приехал тот или иной именитый гость.

День Священного Коронования А. А. Волков наблюдал воочию. А на другой день он даже смог наблюдать Торжественное шествие от Красного Крыльца Грановитой палаты к Успенскому собору и обратно, но попасть в оный ему так и не удалось из-за страшной давки.

Возвратившись в Кремлевский Дворец, он встретился там с Великим Князем Павлом Александровичем, который сообщил ему, что сейчас сюда прибудет Государь Император Николай II, которому надо будет помочь переодеться. И действительно, Государь вскоре вошёл в свои покои, и А. А. Волков смог принести Ему личные поздравления.

> «– Посмотри, Волков, что со мной сделали, – обратился он ко мне и показал сначала мундир, а затем сапоги с особо мягкими подошвами.
>
> Мундир и подошвы сапог государя имели заранее сделанные отверстия, через которые было совершено таинство миропомазания. Переодевшись, государь велел убрать мундир и сапоги, которые должны были храниться как святыня и в качестве исторической реликвии». [473]

По окончании Коронационных Торжеств, закончившихся блестящим балом у французского посланника, Великий Князь Павел Александрович возвратился в Санкт-Петербург, а ещё через несколько дней произошло его знакомство с госпожой О. В. Пистолькорс, муж которой был его однополчанином.

О возникшей между ними связи А. А. Волков узнал во время очередной поездки за границу своего господина, когда в великокняжеский салон-вагон следовавшего в Париж поезда стала

постоянно наведываться госпожа О. В. Пистолькорс, ехавшая тем же поездом в вагоне 1-го класса.

По прибытии в Париж, Великий Князь Павел Александрович и О. В. Пистолькорс жили в разных комнатах одного отеля, откуда они предпринимали совместные прогулки по городу и его пригородам.

По возвращении в Санкт-Петербург их свидания стали проходить чаще, равно как и совместные обеды, – то госпожа Пистолькорс приезжала к Великому Князю, то наоборот.

На следующий год Великий Князь Павел Александрович предпринял довольно продолжительную поездку на юг Франции для морских купаний. Но на сей раз он совершал своё путешествие в узком семейном кругу – с детьми, которых сопровождала госпожа Джунковская и детский врач С. А. Остроградский. Однако вскоре туда же прибыла и О. В. Пистолькорс. Сознавая некоторую щекотливость своего положения, Великий Князь Павел Александрович стал чувствовать себя хуже и по приезде в Санкт-Петербург заболел тяжёлой формой нервной экземы, для лечения которой был вынужден отправиться в Берлин. Но теперь уже О. В. Пистолькорс находилась при нём безотлучно, ухаживая за Великим Князем Павлом Александровичем, как за больным, и проживая вместе с ним в снятом им загородном доме.

В последующие два года А. А. Волков вместе с двумя адъютантами Великого Князя: Лихачевым и Ефимовичем – сопровождал его и мадам О. В. Пистолькорс в заграничных путешествиях. Сначала – в Берлин, а затем в Париж и Италию, где влюбленные хотели тайно обвенчаться. Но из этой затеи ничего не вышло, так как Великий Князь Павел Александрович вновь стал страдать нервным расстройством. Причём, на этот раз его нервная система оказалась поражённой настолько серьёзно, что он, со слов А. А. Волкова, *«находился в опасном положении»*. А госпожа О. В. Пистолькорс, как и прежде, ухаживала за ним и *«даже спала в кабинете великого князя на диване»*.

> «Мне трудно описать все изменения, которым подвергались отношения между великим князем Павлом Александровичем и госпожою Пистолькорс, – писал А. А. Волков. – (…) Сначала на браке настаивала госпожа Пистолькорс. Великий же князь уклонялся даже от самых разговоров на эту тему. Напрасно ссылалась она на примеры, в частности, на морганатический брак императора Александра II и светлейшей княгини Юрьевской. На великого князя эти доводы не

действовали…

Тогда в дело вмешался Пистолькорс. Он предложил жене продать свой Петербургский дом и принадлежавшее им имение в Финляндии и переехать на жительство за границу. Госпожа Пистолькорс стала колебаться, но муж её категорически заявил, что никому не позволит “трепать своё честное имя на панели”. Великого князя эти слова задели за живое, и он бесповоротно решил жениться на госпоже Пистолькорс». [474]

Однако перед тем как пойти на такой серьёзный шаг, как женитьба, Великий Князь Павел Александрович решает привести в порядок свои финансовые дела. На тот момент все его материальные средства в виде денежных сумм и ценных бумаг составляли шесть миллионов золотых рублей. Из этих денег он оставляет себе лишь три миллиона, а остальные размещает в банке, разделив поровну между своими детьми: Великим Князем Дмитрием Павловичем и Великой Княжной Марией Павловной (младшей). Поскольку основная часть капитала Великого Князя представляла собой ценные (процентные) бумаги, их уложили в чемоданы, хранение которых поручили А. А. Волкову. Оставшиеся же денежные средства в виде ассигнаций при посредстве того же А. А. Волкова были перевезены в Германию и размещены в одном из берлинских банков.

Из Берлина Великий Князь Павел Николаевич вместе со своей возлюбленной, адъютантами Лихачевым, Ефимовичем и А. А. Волковым отправились во Флоренцию, а затем в Ливорно. И только в этом городе А. А. Волков, к своему ужасу, узнал, что Великий Князь надумал там тайно обвенчаться с предметом своей любви – О. В. Пистолькорс.

Но ещё более А. А. Волков был удивлен просьбе Великого Князя, которую тот передал ему через Лихачева. Найденный с большим трудом священник, согласившийся совершить этот тайный обряд венчания, поставил непременным условием подписание акта, удостоверяющего два факта: вдовство Великого Князя Павла Александровича и развод госпожи О. В. Пистолькорс. И как А. А. Волков ни пытался уклониться от исполнения этого предложения, ссылаясь на возможный гнев Государя, ему, в конце концов, всё же пришлось уступить.

«Спустя два дня, рано утром, – вспоминал он, – ко мне неожиданно вошёл великий князь Павел Александрович и обратился ко мне со следующими словами:

– Я здесь на чужбине, и у меня нет близких, ни родных. Благослови же меня, Волков, на предстоящий брак.

Я благословил великого князя. Оба мы горько заплакали и потом обнялись горячо». [475]

Тайное венчание Великого Князя Павла Александровича и госпожи О. В. Пистолькорс состоялось в Ливорно 10 октября 1902 года, после чего молодые вернулись во Фло-ренцию.

В Италии А. А. Волков пробыл при особе Великого Князя до поздней осени, после чего в ноябре 1902 года все упомянутые лица прибыли в Париж.

Готовясь ко дню Тезоименитства Государя, которое должно было состояться 6 декабря, Великий Князь Павел Александрович велел А. А. Волкову приготовить генерал-адъютантский мундир, в котором он был намерен явиться на богослужение в посольскую церковь.

Но накануне этого праздника из посольства России был получен пакет, в котором Министр Высочайшего Двора и Уделов Барон В. Б. Фредерихс доводил до сведения Великого Князя весьма малоприятную весть о том, что он лишается всех прав Члена Императорской Фамилии со всеми вытекающими отсюда последствиями, вплоть до лишения всех Российских Орденов и воинского чина.

А ещё через несколько дней на имя Великого Князя поступило окончательно подорвавшее его здоровье письмо, в котором дополнительно сообщалось, что у него к тому же отнимается и Шефство в полках, а его Великокняжеский Двор подлежит расформированию.

Угнетаемый этими обстоятельствами, Великий Князь Павел Александрович написал своему старшему брату – Великому Князю Владимиру Александровичу – письмо, в котором просил его заступиться за него перед Государем. Однако совсем вскоре им была получена ответная телеграмма следующего содержания: *«Вступая в брак, ты делал это не спросясь старшего брата. Бог тебе судья»*. (Великий Князь Владимир Александрович тогда ещё не мог подозревать, что по прошествии менее чем трёх лет он будет вынужден сам искать заступничества у Государя по подобному поводу, связанном с женитьбой его сына.)

По получении этой депеши Великий Князь Павел Александрович окончательно понял, что дело его безнадёжно, решив снова вернуться во Флоренцию.

Однако в Италии А. А. Волков прожил с Великим Князем всего каких-то 3–4 недели, после чего последний стал, отнюдь не

прозрачно, намекать на то, что его верный слуга давно заслужил себе отдых. А посему ему надлежит вернуться в Россию в самое ближайшее время, ибо с ним пока что остаются его бессменные адъютанты. На вопрос же А. А. Волкова о том, к какому сроку ему следует возвратиться, он весьма уклончиво ответил, что об этом даст ему знать особо.

Прибыв в Санкт-Петербург, А. А. Волков первое время ещё надеялся получить письмо от Великого Князя, но вместо долгожданной весточки он получил вызов от Заведующего Двором Великого Князя генерала Философова. Во время аудиенции у этого сановника А. А. Волков узнал о роспуске Двора Великого Князя, а также оставлении его за штатом, вследствие чего ему назначена пенсия в 25 рублей в месяц и квартира в доме на Алексеевской улице, принадлежавшем Великому Князю Павлу Александровичу.

Едва только А. А. Волков успел обжиться на новом месте, как ему последовал вызов от Управляющего Делами Великого Князя Полковника Долинского, предложившего ему оставить занимаемую квартиру в доме, поскольку он был Великим Князем продан.

Взамен этого А. А. Волкову предоставлялась квартира в одном из казённых домов на Галерной улице, откуда он также был вскоре выдворен, после чего, перебравшись на частную квартиру, окончательно уверовал в немилость Великого Князя и окружавших его людей.

Спасение пришло неожиданно в лице Великого Князя Сергея Александровича, прибывшего в Санкт-Петербург для того, чтобы навестить детей Великого Князя Павла Александровича, в воспитании которых он и его жена Великая Княгиня Елизавета Фёдоровна принимали самое живейшее участие. Вызвав к себе А. А. Волкова и узнав о его бедственном положении, он обещал ему свою помощь в устройстве на службу по Придворному Ведомству.

Возможность эта представилась во время торжеств по случаю обретения Св. мощей Преподобного Серафима Саровского, происходивших 19 июля 1903 года, и на которых присутствовала Царская Семья. Именно в этот день Великий Князь Сергей Александрович подыскал нужный момент, чтобы сообщить Государю о бедственном положении А. А. Волкова. Выразив недоумение по этому поводу, Государь посетовал Великому Князю, что он не знал об этом ранее, и тотчас же распорядился принять А. А. Волкова на службу к Высочайшему Двору.

После соответствующих переговоров со стоявшими во главе Гофмаршальской Части Графом П. К. Бенкендорфом и его помощником М. М. Аничковым, А. А. Волков был принят на

службу в должности Вице-Гоф-Фурьера, то есть младшего придворного лакея, каковая соответствовала по штатской службе чину Коллежского Секретаря.

Этот же самый факт подтверждают и сохранившиеся архивные документы, в которых сказано, что А. А. Волков Приказом по Гофмаршальской Части от 19 августа 1903 года был определён к Высочайшему Двору сверх штата с 1 августа 1903 года.

Все дальнейшие события возникали в памяти А. А. Волкова, словно в историческом калейдоскопе.

Так, будучи одним из дежурных лакеев в Зимнем Дворце в памятный день 9 января 1905 года, он, проходя по Невскому проспекту, встретил процессию, во главе которой шёл священник Гапон.

В этом же году А. А. Волков будет Всемилостивейше награждён Серебряной шейной медалью «За усердие».

Помнил он и гениального российского Министра финансов С. Ю. Витте, впоследствии ставшего Председателем Комитета Министров, а также торжества по поводу открытия I Государственной Думы, с образованием которой и ей последующих в России началась череда нескончаемых бед и потрясений.

Доводилось ему видеть и великого премьера-реформатора П. А. Столыпина, который вместе с Государем уверенно вёл Россию по пути великих свершений.

Был А. А. Волков и свидетелем встречи Государя с германским Кайзером Вильгельмом II, во время которой последний заметил в адрес П. А. Столыпина, что если бы у него был такой министр, то он бы покорил всю Европу.

Волею судеб А. А. Волков сопровождал Государя в Его поездке в Киев в августе-сентябре 1911 года. То есть в то время, когда революционер и одновременно агент охранки Д. Г. Богров (действующий по заданию Начальника Санкт-Петербургского Охранного Отделения М. Я. фон Коттена) произвёл в оперном театре свои «исторические выстрелы» в Председателя Совета Министров П. А. Столыпина, эхом отразившиеся на ходе всей дальнейшей российской истории.

Довелось ему стать и участником торжеств по случаю 100-летия со дня Бородинской битвы, на которых присутствовала Царская Семья, беседовавшая с несколькими стариками – живыми участниками тех далёких дней.

25 марта 1912 года в награду за отличную службу А. А. Волков был Всемилостивейше возведён в звание Личного Почётного Гражданина.

Зиму и весну следующего, 1913, года А. А. Волков провёл вместе с Августейшей Семьёй в Царском Селе, так как Наследник Цесаревич в то время часто страдал приступами гемофилии.

С началом Юбилейных Торжеств по случаю 300-летия Дома Романовых вся Царская Семья приезжает в Москву, откуда следует в Нижний Новгород и далее вниз по Волге в Кострому, где посещает Ипатьевский монастырь, откуда в 1613 году начался путь на Российский Престол Российского Императорского Дома Романовых. А оттуда – по Средней России, повторяя путь, проделанный их предком – первым Царём этой династии Михаилом Фёдоровичем – опять в окрестности Москвы.

По окончании торжеств Семья Государя возвратилась в Царское Село, откуда через некоторое время выехала на отдых в Ливадию, а вернувшись оттуда – в Александровский Дворец, провела в нем зиму 1913–1914 годов.

В марте 1914 года А. А. Волков в награду за отличную службу был Всемилостивейше возведён в звание Потомственного Почётного Гражданина.

Начало Первой мировой войны поначалу не внесло никаких изменений в служебную карьеру А. А. Волкова. Однако с принятием Государем на Себя должности Верховного Главнокомандующего и переносом Ставки из Барановичей в Могилёв, А. А. Волков был назначен Камердинером Государыни Императрицы Александры Фёдоровны, которую сопровождал в Её поездках в Ставку и лазареты, находившиеся под Её покровительством.

С 1 января 1916 года А. А. Волков с соизволения Государыни был назначен «Камердинером при комнатах Ея Величества сверх штата». (К тому времени его годовой оклад составлял 1300 рублей.)

За свою долгую и беспорочную службу А. А. Волков был награждён:

• Серебряной медалью «За усердие» для ношения на груди на Станиславской ленте (29 июня 1892 года);

• Серебряной медалью «В память Священной Коронации Императора Николая II» (14 мая 1896 года);

• Серебряной медалью «За усердие» для ношения на шее на Владимирской ленте (17 апреля 1905 года); [476]

• Светло-бронзовой медалью «В память 300-летия Российского Императорского Дома Романовых» (21 февраля 1913 года);

• Золотой медалью «За усердие» для ношения на шее на Александровской ленте (6 мая 1915 года);

• Прусским Почётным крестом (15 марта 1914 года).

Февральская Смута застала А. А. Волкова в Царском Селе, где

он бессменно находился при Особе Государыни, оставаясь по-прежнему в должности Камердинера при ком-натах.

После отречения Государя и Его возвращения в Царское Село, а также во время нахождения Царской Семьи под арестом в Александровском Дворце, А. А. Волков в числе немногих верных слуг продолжал оставаться при Августейших Узниках, добровольно разделяя с ними заточение и выполняя, помимо своих прямых обязанностей, различные поручения Государя и Государыни.

Но не забывал А. А. Волков и своего прежнего благодетеля – Великого Князя Павла Александровича. Так, будучи свободным от службы в день его именин, он попросил Коменданта Александровского Дворца Полковника Е. С. Кобылинского отпустить его на незначительное время из Царского Села, чтобы поздравить Великого Князя с этим днём, а также передать ему личные поздравления Царской Семьи.

Возвратившись в Александровский Дворец, А. А. Волков продолжал находиться рядом с Царской Семьёй вплоть до Её отъезда в Тобольск, куда он также последовал вместе с Ней в числе прочих верных слуг.

Находясь в Тобольске, А. А. Волков, как доверенное лицо Государя и Государыни, выполняет Их особое поручение, заключавшееся в ведении переговоров с игуменьей Ивановского женского монастыря, на территории которого вот-вот должен был быть достроен дом, куда планировала переехать Царская Семья. По заключению А. А. Волкова, этот дом был бы куда удобнее для проживания, нежели «Дом Свободы» и дом рыбопромышленника Корнилова, так как разместиться в нём можно было бы с известной долей удобства. А главное – в нём предусматривалась маленькая домовая церковь, постройку которой игуменья обещала закончить в течение недели. Однако с вступлением в должность комиссара Временного Правительства В. С. Панкратова дело с переездом, что называется, заглохло, и игуменье было передано, чтобы она в дальнейшем не беспокоилась.

После отъезда из Тобольска Государя, Государыни, Великой Княжны Марии Николаевны и сопровождавших Их лиц, А. А. Волков продолжал оставаться в Тобольске, откуда 20 мая 1918 года вместе с другими верными слугами выехал в Екатеринбург.

Прибыв в столицу «Красного Урала» 23 мая, он вместе с Графом И. Л. Татищевым, Графиней А. В. Гендриковой и Е. А. Шнейдер был арестован и водворён в одну из камер Тюрьмы № 2, в которой пробыл до 19 июля 1918 года.

«В полночь с 21 на 22 августа старого стиля в камеру

вошёл надзиратель и спросил:

– Кто Волков? – Я отозвался.

– Одевайтесь, пойдёмте. – Я стал одеваться. Смирнов [477]также оделся и сам, сильно взволнованный, успокаивал меня. Я отдал ему бывшие у меня золотые вещи; мы попрощались, поцеловались. Смирнов сказал мне:

– И моя участь, Алексей Андреевич, такая же, как ваша.

Пришёл с надзирателем в контору, где уже ожидали трое вооружённых солдат. Ожидаем Гендрикову и Шнейдер. Раздаётся телефонный звонок: спрашивают, очевидно, о том, скоро ли приведут нас; ответили: “Сейчас” – и послали поторопить Гендрикову и Шнейдер. Скоро подошли и они в сопровождении надзирателя. Тотчас, под конвоем трёх солдат, очень славных русских парней, тронулись в путь. Он был не особенно далек. На вопрос, куда нас ведут, солдат ответил, что в арестный дом. Здесь нас ожидали ещё восемь человек: пять мужчин и три женщины. Между ними были Знамеровская [478]и горничная той гостиницы, [479]где жил великий князь Михаил Александрович. Таким образом, нас всех оказалось одиннадцать человек. Конвойных было двадцать два человека. Начальником являлся какой-то матрос. Среди конвойных, кроме приведших нас трёх солдат, не было ни одного русского.

Гендрикова пошла в уборную и спросила конвойного о том, куда нас поведут отсюда. Солдат ответил, что нас поведут в пересыльную тюрьму.

– А потом? – спросила Гендрикова.

– Ну, а потом – в Москву, – ответил конвойный. Пересказывая свой разговор с солдатом, Гендрикова сделала пальцами жест:

– Нас так (т. е. расстреливать) не будут.

Матрос, уже одетый, весёлый, с папироской во рту, не раз выходил на улицу: очевидно, смотрел, не рассветает ли. Слышен был голос конвойного:

– Идём, что ли?

– Подождём немного, – отвечал матрос. Через некоторое время он сказал:

– Пойдёмте.

Вывели нас на улицу, выстроили попарно: впереди мужчин, позади женщин, и повели. Провели через весь город, вывели на Сибирский тракт, город остался позади.

Я думаю: где же пересыльная тюрьма? И в душу закралось подозрение: не на смерть ли нас ведут?

Впереди меня шёл мужчина. Я спросил его, где пересыльная тюрьма.

– Давным-давно её миновали, – был ответ. – Я сам тюремный инспектор.

– Значит, нас ведут на расстрел?

– Какой вы наивный. Да это и к лучшему. Всё равно, – теперь не жизнь. – Трубка, из которой он курил, задрожала в его губах.

Оглянулся я назад. Смотрю – идёт старушка Шнейдер, едва идёт. Несёт в руках корзиночку. Я взял у неё корзиночку и нёс её остальную дорогу. В корзиночке были две деревянные ложки, кусочки хлеба и кое-какая мелочь.

Крестьяне везут сено. Остановились. Остановились по свистку и команде матроса и мы. У меня зародилась мысль о побеге. Думаю: можно проскользнуть между стоявшим впереди возом сена и лошадью, позади идущей и щиплющей сено с воза. Наклонясь, можно было проскользнуть, но было ещё темно, и я не мог видеть, что находится за лошадью по ту сторону дороги: может быть, глубокая канава, забор. Обдумав, решил, что в таких случаях бежать нельзя.

Матрос свистнул, крикнул: “Идем”, – и мы двинулись дальше. Пройдя некоторое расстояние, опять остановились. Шёл мальчик с портфелем, по-видимому, переводчик (среди наших конвойных было очень много нерусских). Матрос подошёл к мальчику, о чём-то переговорил с ним, и нас повели дальше. Возле того места, где мы только что стояли, раздались три залпа.

Стало чуть-чуть рассветать. Дорога, оказалось, была обнесена довольно высокой изгородью. Конвойные предложили свою помощь в переноске вещей. Хороших, ценных более или менее вещей было немного. Отобрали корзиночку Шнейдер и у меня.

Прошли не очень далеко, и матрос скомандовал: “Направо”. Свернули на дорогу, ведущую в лес. На дорогу был уложен накатник. По этой лесной дороге сделали несколько десятков шагов. Опять свисток и команда матроса: “Стой”.

Когда матрос сказал “Стой”, я сделал шаг влево. В этот момент как будто мне кто-то шепнул: “Ну, что же стоишь? Беги”. – Словно меня кто-то, подталкивал к

побегу. Сказав в уме “Что Бог даст”, я тотчас же прыгнул через канаву и пустился бежать». [480]

А. А. Волкову повезло. Его не настигли большевистские пули, и ему чудом удалось избежать смерти.

После сорока трёх дней плутания по лесам, оборванному и измученному, ему, наконец-то, с огромным риском для жизни, всё же удалось добраться до Екатеринбурга, занятого к тому времени белочехами.

Все выпавшие на его долю приключения он довольно подробно описал в своей книге «Около Царской Семьи», изданной в Париже в 1928 году. Однако читателю будет, наверняка, небезынтересно узнать о том, что по прибытии в бывшую столицу «Красного Урала» А. А. Волков явился не куда-нибудь, а в тюрьму, где *«меня хорошо знали»*, как он изволил сам выразиться…

После радостных восклицаний начальник тюрьмы П. П. Шечков приказал запрячь лошадь и поехал с А. А. Волковым в город, чтобы купить ему кое-что из одежды. А вечером – герой дня Алексей Андреевич был приглашён к самому губернатору на ужин, где присутствовал ещё один молодой человек, подобно ему чудом спасшийся от расстрела.

После этих тёплых встреч А. А. Волков был посажен на поезд, который довёз его до Тюмени, где он с огорчением узнал, что речное сообщение с Тобольском, куда он направлялся, уже закрыто. Поэтому добираться до Тобольска ему пришлось на перекладных лошадях. Добравшись до города и застав у себя дома гостя *«из придворных служащих»,* он узнал, что его семью приютил Ивановский монастырь, на территории которого они и проживают. А ещё этот гость дал ему адрес баронессы С. К. Буксгевден, П. Жильяра, А. А. Теглевой и Е. Н. Эрсберг, которые в то время (из экономии средств) проживали, снимая «на паях», небольшую квартиру. Встретившись, они много говорили о пережитом, а когда баронесса С. К. Буксгевден узнала, что А. А. Волков собирается ехать в монастырь к близким, она дала ему валенки и доху, так как погода на дворе стояла весьма морозная.

Встретившись с родными, он с удивлением узнал, что все они так ничего и не знали о выпавшем на его долю «расстреле». Весьма сильна также была разница и в существовании – в отличие от царских слуг, у которых он накануне побывал в гостях, его родные вели по-монастырски сытый образ жизни.

А вскоре А. А. Волков был вызван во Владивосток одним из руководителей Белого Движения в Сибири и на Дальнем Востоке Генерал-Лейтенантом П. П. Ивановым-Риновым. Пробыв в этом городе около месяца и так и не получив за это время никаких

распоряжений на свой счёт, А. А. Волков решил вернуться назад. В этом ему помог С. Гиббс, который в то же самое время следовал с поездом Английской Военной Миссии до Омска. Добравшись до неофициальной столицы Верховного Правителя, Алексей Андреевич на пароходе «Товарпар» в июле 1920 года вновь возвратился в Тобольск. Прожив там до августа, А. А. Волков встретился с адъютантом генерала М. К. Дитерихса Б. В. Молостовым, которому его патрон поручил привезти его в Омск. Забрав семью, А. А. Волков на пароходе «Ольга» не без приключений добрался до Омска, где несколько раз встречался со следователем Н. А. Соколовым.

По мере наступления Красной Армии наступала угроза для Омска, почему генерал Крещатицкий предложил ему переехать с семьёй в Харбин, куда в то время шёл специальный поезд, впереди которого следовал бронепоезд.

В Харбине А. А. Волков с семьёй прожили зиму 1919–1920 годов, по прошествии которой Генерал-Лейтенант Д. Л. Хорват предложил ему место заведующего приёмом лесных материалов на станции «Именьпо». Там бывший царский слуга и проработал до 1922 года.

К этому времени зятю Алексея Андреевича, проживающему в Эстонии, наконец-то удалось разыскать его с женой в Маньчжурии и прислать вызов. (Он годами ранее уехал с дочкой и внучкой А. А. Волкова в Европу.) На горе, буквально за 9 дней до их предстоящего отъезда, умирает его супруга Наталья Антоновна. Похоронив супругу в чужой земле, А. А. Волков выехал в Эстонию к зятю. В этой стране он женился во второй раз на вдове Евгении Рейнгольдовне, урожд. Ховен (1880–1932).

Получая пенсию от Короля Дании Христиана X, Алексей Андреевич Волков последние годы жизни проживал в Юрьеве (ныне Тарту).

Умер 27 февраля 1929 года. Похоронен на Успенском кладбище города Юрьева.

А. А. Волков в материалах Следственного Производства 1918–1920 г.г

Документ № 1

ПРОТОКОЛ ДОПРОСА

1918 года, октября 22 дня, Член Екатеринбургского Окружного Суда И. А. Сергеев, в камере своей, допрашивал

нижепоименованного в качестве свидетеля, с соблюдением 443 ст. Уст. Уг. Суд., и он показал:

Я, Алексей Андреевич Волков, 59 лет, происхожу из крестьян Тамбовской губернии Козловского у[езда] Вышневской волости, православный, грамотный, не судился, проездом нахожусь в городе Екатеринбурге. В 1911 году пожалован званием потомственного почётного гражданина.

С 1886 года я находился на службе при дворе б. великого князя Павла Александровича, сначала в должности рейткнехта, а потом в должности камердинера. В 1903 году я был назначен официантом при дворе б. Государя Императора, а в 1916 году был назначен на должность камердинера при б. Государыне Императрице. После Февральской революции, когда Государь со своей семьёй был заключён под особую охрану в Царскосельском дворце, я продолжал свою службу при семье б. Царя. 1 августа 1917 года Государь с семьёй был отправлен на жительство в Тобольск. Я также поехал с Царской семьёй.

В Тобольске для жительства Царской семьи был отведён и приспособлен бывший Губернаторский дом. Здесь поместилась вся Царская семья, придворные служители и учитель французского языка П. А. Жильяр. Прибывшие в Тобольск придворные: генерал И. Л. Татищев, гоф-маршал В. А. Долгоруков, доктор Е. С. Боткин, фрейлина гр. А. В. Гендрикова, гоф-лектриса Е. А. Шнейдер и доктор В. Н. Деревенко поместились в расположенном наискось Губернаторского дома Корниловском доме. Тут же поселился и учитель английского языка мистер Гиббс. Первое время, до марта 1918 года, условия содержания Царской семьи были вполне удовлетворительными, а затем введено было ограничение виде определённой суммы ежемесячно: на содержание всей семьи и состоящих при ней лиц стали выдавать по 4200 рублей в месяц.

16 апреля по ст. ст. бывший Государь вместе с Государыней и в. к. Марией Николаевной были отправлены на жительство в город Екатеринбург, а б. в. к. Ольга, Татьяна и Анастасия Николаевны остались пока в Тобольске, вследствие болезни Наследника Алексея Николаевича. Распоряжение об отъезде Царя сделано было прибывшим в Тобольск комиссаром Яковлевым. Недели через две после отъезда б. Царя в Тобольск приехал комиссар Хохряков и сменивший коменданта Кобылинского некто Родионов. По их настояниям стали собираться в дорогу и все другие остававшиеся в Тобольске члены Царской семьи. Выехали из Тобольска в 12 часу дня 7 мая ст. ст. и прибыли в Екатеринбург 10 мая. Все царское имущество было уложено в сундуки и доставлено также в Екатеринбург. По прибытии поезда

на ст. «Екатеринбург» Хохряков и Родионов увезли на извозчиках великих княжон и Наследника. Часа через два после отъезда членов Царской семьи из вагона был вызван я, и вместе с графиней Гендриковой, Е. А. Шнейдер, И. Л. Татищевым, поваром Харитоновым и мальчиком Седневым на четырёх извозчиках мы были отправлены в город. По дороге Харитонов и мальчик Седнев были высажены у дома Ипатьева, а остальные были доставлены в тюрьму под присмотром комиссара Мрачковского.

С тех пор до самого последнего времени я не имел и не имею никаких сведений о судьбе Государя и членов его семьи.

Из Екатеринбургской тюрьмы я, вместе с Е. А. Шнейдер и А. В. Гендриковой, был взят 20 июля нового стиля и доставлен на станцию Екатеринбург, а отсюда в арестантском вагоне нас отправили в Пермскую тюрьму. Генерал Татищев был взят из тюрьмы приблизительно в 20-х числах мая по ст. ст., но куда его отправили и какова его дальнейшая судьба – не знаю. 22 августа ст. ст. я, графиня Гендрикова и Е. А. Шнейдер ночью были доставлены в арестный дом и отсюда нас, вместе с другими заключёнными, в числе 11 человек (из них я могу назвать жену полковника Знаменовского), повели через город в лес для расстрела. Окружены мы были вооружённым конвоем в числе 22 человек. Конвой состоял из русских и латышей. Когда вступили в лес, я, улучив удобный момент, при повороте дороги между цепью конвойных сделал прыжок в сторону и побежал в лес. Вдогонку в меня были произведены три выстрела, но я остался невредим, а погони за мной не сделали. Благодаря этому мне и удалось спастись от смерти. Убегая, я слышал три залпа: полагаю, что это расстреливали моих товарищей по заключению.

Два дня я шёл лесом без пищи и питья, придерживаясь полотна дороги. Скрывался я по деревням и по лесам, одевшись в бедную крестьянскую одежду. 6/19 октября, после полуторамесячных скитаний, я, наконец, вышел на занятую чехословаками ст. «Упь» и вчера прибыл в Екатеринбург, а сегодня вечером уезжаю в Тобольск к своей семье, где и буду проживать. Я обещаюсь сообщить Вам свой адрес и известить Вас о перемене такового. Более пока показать ничего не имею.

Прочитано.

Алексей Андреевич Волков.

Член Екатеринбургского окружного суда Ив. Сергеев. [481]

Документ № 2

ПРОТОКОЛ

1919 года, августа 20–23 дня, Судебный Следователь по особо важным делам при Омском Окружном Суде Н. А. Соколов в г. Омске, в порядке 443 ст. Уст. Угол, Суд., допрашивал нижепоименованного в качестве свидетеля, и он показал.

Алексей Андреевич Волков – сведения о личности см. л. д. 160, том 1-й.

(…) [482]Прибыв в Тобольск, Царская Семья несколько дней пробыла на пароходе, пока приводился в порядок Губернаторский дом, отведённый для неё. Когда дом был готов, ГОСУДАРЫНЯ с Алексеем Николаевичем ехала в дом на экипаже. Вся остальная Семья следовала в дом пешком. Народ прекрасно относился к Семье. Я сам видел людей, плакавших, когда шла Семья.

Семья и Жильяр поместились в Губернаторском доме. Все остальные из свиты разместились в Корниловском доме. Жизнь пошла хорошая в Тобольске, покойная, ровная. Недостатка ни в чём не было. Жили они своей семейной жизнью. Дети усиленно занимались, кроме Ольги Николаевны, которая, конечно, уже не училась. ГОСУДАРЫНЯ занималась рукоделиями. ГОСУДАРЬ занимался с Алексеем Николаевичем, читал и работал во дворе. В 9 часов они вставали и все вместе, кроме ГОСУДАРЫНИ, пили утренний чай или в большом зале, или в кабинете ГОСУДАРЯ, или в будуаре у ГОСУДАРЫНИ. В 1 час дня был завтрак. В 5 часов полуденный чай. В 8 часов был обед. В 11 часов вечера был вечерний чай.

С перерывами для гулянья дети занимались до обеда. ГОСУДАРЬ всё это время проводил в указанных мною занятиях. После обеда они сходились вместе, и ГОСУДАРЬ очень часто читал вслух.

Первое время никаких у нас комиссаров не было. Главным начальником был полковник Кобылинский. Потом приехал комиссар Панкратов с помощником своим Никольским. Я ничего не могу сказать, кроме хорошего, про самого Панкратова. Он всё делал для Семьи и был сам человек хороший, мягкий. Он особенно любил Марию Николаевну и выделял её из всех. Его помощник Никольский был грубый, но его никто никогда и не видел. Я не знаю, чтобы он чем-либо обидел Алексея Николаевича и кричал бы на него. Также я не знаю, чтобы он уничтожил вино, присланное им Макаровым из Царского.

К концу 1917 года солдаты стали распускаться. Я не могу объяснить причины этого. Но они стали хуже. В это время, я знаю, кто-то из них написал неприличные слова на качелях, которыми пользовались княжны. Они заставили Государя, как и всех вообще офицеров, снять погоны. Они срыли гору, которой пользовалась Семья. Они, наконец, запретили Ей ходить в церковь. Запрещение

ходить в церковь было вызвано тем, что диакон в один из праздников провозгласил многолетие по старой форме: «Благочестивейшему, самодержавнейшему и т. д.». Для чего это было сделано, я не могу Вам объяснить. Я сам потом говорил об этом с диаконом. Он мне говорил, что ему было так приказано священником о. Васильевым. А когда стали большевики об этом производить расследование, священник отказался от всего этого и всё свалил на диакона, который и пострадал.

Ничего я положительно не знаю, какие ещё комиссары приезжали к нам из Омска.

Первый комиссар, который приехал к нам при большевиках, был Яковлев. Ему на вид было лет 30–32. Он брюнет, цвет лица тёмный. Остальных его примет я не могу точно описать. С ним был ещё какой-то его помощник, примет которого я не помню. Помнится мне, что в самый первый день Яковлев был принят Их Величествами в комнате больного Алексея Николаевича у его постели. Потом он приходил ещё несколько раз. Все мы видели, что он высматривает Алексея Николаевича, проверяет, действительно ли он болен, не притворяется ли он, [и]не [напрасно] ли говорят о его болезни. Я категорически утверждаю, что это так именно и было. Очевидно было, что для этого Яковлев и ходил тогда в дом.

Я спрашивал Её Величество, какое впечатление произвёл на неё Яковлев. Она мне сказала: «Ничего, он говорил мягко со мной». Я спросил Государыню: «Что же, Ваше Величество, он образованный, интеллигентный?» ГОСУДАРЫНЯ мне ответила: «Нет, не думаю. Мне кажется, он начитанный».

Я и сам говорил с Яковлевым. Дело в том, что перед его приездом солдаты и нас всех заперли в Губернаторском доме и не пускали нас домой, где жили наши семьи. Я от имени всех говорил с Яковлевым по этому поводу. Когда я ему это сказал, он удивился и ответил мне, что он через несколько дней разберётся с этим и даст мне ответ. Мне он показался человеком мягким, предупредительным, а вовсе не грубым мужиком. Все у нас знали, что после одного из посещений Алексея Николаевича, когда, должно быть, Яковлев окончательно убедился в болезни Алексея Николаевича, он пошёл с одним телеграфистом на вокзал и, вероятно, сносился с кем ему надо было по телеграфу. После этого он прождал несколько времени и пришёл в дом вместе с Кобылинским. Он сказал мне, что желает наедине переговорить с одним ГОСУДАРЕМ. Я хоть сейчас пойду под присягу и клятвенно могу удостоверить, что это было именно так. Именно Яковлев просил меня передать ГОСУДАРЮ, что он желает говорить с ним наедине. Я сказал Яковлеву, что моё дело доложить, а там как Его

Величеству угодно будет. ГОСУДАРЬ вместе с ГОСУДАРЫНЕЙ были в то время в гостиной, рядом с залом.

Когда я сказал Государю, что Яковлев желает с ним говорить наедине, ГОСУДАРЬ пошёл в зал. Яковлев вошёл в зал. Тут же был и полковник Кобылинский. Яковлев сказал ГОСУДАРЮ, что он желает говорить с ГОСУДАРЕМ наедине. Я это категорически удостоверяю. ГОСУДАРЫНЯ, услышав эти слова Яковлева, сказала ему: «Это ещё что значит? Почему я не могу присутствовать?» Я не могу сказать, было ли при этих словах Императрицы у Яковлева заметно смущение. Я не придал тогда этому значения и не обратил внимания на него. Я только помню, что он «уступил» и сказал, кажется, так: «Ну, хорошо». После этого он сказал, обращаясь к одному ГОСУДАРЮ: «Вы завтра безотлагательно должны ехать со мной». Я тут же ушёл и дальнейшего разговора Их Величеств с Яковлевым не слышал.

Когда Яковлев ушёл, меня не было в это время около Их Величеств. Я был в своей комнате и занимался своими делами. Я не видел, как Кобылинский после ухода Яковлева разговаривал с Их Величествами. Выйдя же после ухода Яковлева, приблизительно с полчаса, из своей комнаты, я нашёл Императрицу в комнате Алексея Николаевича. Лицо Её было заплакано, и Она плакала в это время, но скрывала своё лицо от Алексея Николаевича, не желая, видимо, чтобы он видел Её слезы. Когда Она выходила из этой комнаты, я спросил Её: «В чем дело? Что случилось?» ГОСУДАРЫНЯ мне ответила: «ГОСУДАРЯ увозят в Москву. Хотят, чтобы Он заключил мир. Но я сама поеду с Ним: я никогда не допущу этого. Что скажут наши союзники? Я оставляю Алексея Николаевича: смотри здесь за ним. Я сама решила и я должна разделить судьбу с ГОСУДАРЕМ».

Я не могу, конечно, поручиться, что я слово в слово передаю слова Её Величества именно так, как она мне их сказала, но, приблизительно, она сказала эти слова. А что она именно эти мысли высказывала, я какой хотите клятвой могу подтвердить это.

Алексей Николаевич в это время был болен той же болезнью, что и в Спале. [483]Но на этот раз он страдал гораздо сильней, чем в Спале. Тогда у него отнялась одна нога, а в это время у него отнялись обе ноги, и он ужасно страдал, плакал и кричал, всё звал к себе мать. ГОСУДАРЫНЯ всё время находилась при нём. И вот в это-то время Она так убивалась, как Она никогда не убивалась раньше. Я даже и сравнить не могу Её состояния при отречении ГОСУДАРЯ с этим Её состоянием в Тобольске, когда Она решила оставить Алексея Николаевича и ехать с ГОСУДАРЕМ. Там она была спокойна, а здесь Она уже не могла

сладить с собой и плакала, как она никогда не плакала раньше.

Стали торопиться с укладкой вещей. Яковлев дал короткий срок и торопился, вероятно, вовсю. ГОСУДАРЬ был хотя и очень выдержанный человек, но, как всё же заметно было, и Он был удручён этим отъездом.

В 4 часа утра были поданы, кажется, обывательские подводы: коробки, запряжённые в две лошади, и один был с верхом, в три лошади. Ничего, как есть, не было в коробках: никакого сиденья. Достали мы во дворе соломы и положили в коробки. В тот, у которого был верх, мы положили ещё матрасы. В этой коробке села ГОСУДАРЫНЯ с Марией Николаевной. Она хотела, чтобы ГОСУДАРЬ ехал с ней, но Яковлев этого не позволил. Я это прекрасно помню и точно это удостоверяю: Яковлев не позволил, чтобы ГОСУДАРЬ ехал вместе с ГОСУДАРЫНЕЙ и сел с Ним сам. Он относился в это время к ГОСУДАРЮ не только хорошо, но даже внимательно и предупредительно. Когда он увидел, что ГОСУДАРЬ сидит в одной шинели и больше у Него ничего нет, он спросил Его Величество: «Как, Вы только в этом и поедете?» ГОСУДАРЬ сказал: «Я всегда так езжу». Яковлев возразил Ему: «Нет, так нельзя». Кому-то он при этом приказал подать ГОСУДАРЮ ещё что-нибудь. Вынесли плащ ГОСУДАРЯ и положили его под сиденье. Уехали тогда с ними из свиты и прислуги следующие лица: Долгорукий, Чемодуров, Боткин, Седнев и Демидова.

Я точно не знаю, каким способом мы известились о том, что ГОСУДАРЯ с ГОСУДАРЫНЕЙ и Марией Николаевной задержали в Екатеринбурге. Кажется, были письма об этом из Екатеринбурга, но от кого именно и что в них было писано, я не знаю. Я знаю, что 8 человек наших солдат ездило тогда провожать их, но я не знаю, что именно рассказывали солдаты после возвращения из этой поездки.

Через некоторое время пришёл к нам комиссар Хохряков, который раньше у нас не бывал. Как будто бы выходило так, что он должен был перевезти Детей и всех остальных в Екатеринбург вместо Яковлева. Я могу только удостоверить, что Хохряков, как и Яковлев, спешил с отъездом, всё проверяя болезнь Алексея Николаевича. Незадолго до нашего отъезда появился с отрядом красноармейцев какой-то Родионов. Эти красноармейцы и заменили наших стрелков. Отряд Родионова состоял из русских и латышей. Я не знаю, были ли в нём мадьяры, но латыши были. Я это потому так говорю, что потом, когда мы ехали на пароходе, лакей Трупп признал в одном из красноармейцев своего племянника (имени и фамилии его не знаю), а Трупп был латыш.

Хохряков, как говорили, был матрос. Кто был Родионов, я не

могу сказать. Был ли он жандарм, не могу сказать. Не могу точно сказать, похож ли он был на офицера, но вряд ли. Мне он не казался человеком интеллигентным. Я не могу сказать, чтобы он был особенно грубым, но он проявлял настойчивость в своих требованиях. Это действительно было, что он не позволил Княжнам закрывать двери их спальни. Я с ним из-за этого повздорил, потому что нельзя так: барышни. А Нагорный с ним вздорил из-за Алексея Николаевича. Может быть, из-за этого мы с Нагорным и пострадали.

Родионов оказался знакомым с Татищевым. Мне передавал следующий с ним разговор Татищев. Родионов, увидев Татищева, сказал ему: «Я Вас знаю». Татищев его спросил, откуда он его знает, где он его видел. Родионов не ответил ему.

Тогда Татищев спросил его: «Где же Вы могли меня видеть? Ведь я же жил в Берлине». Тогда Родионов ему ответил: «И я был в Берлине». Татищев попытался подробнее узнать, где же именно в Берлине видел его Родионов, но он уклонился от вопроса, и разговор остался у них неоконченным. Буксгевден мне говорила, что она видела Родионова несколько раз жандармом на станции «Вержболово». Между прочим, Родионов почему-то выделил Татищева и приказал наклеить только на его вещи ярлыки с отметкой, что это вещи Татищева.

Большевики, увозя нас из Тобольска, вывезли отсюда всю обстановку, какая там была, которая вовсе не принадлежала Царской семье. Я не знаю, почему они так поступали. У Царской Семьи были для каждого из них свои походные кровати. Все они были взяты и в первый переезд, и во второй из Тобольска. В Тюмени мы разместились в двух вагонах. Дети, Буксгевден, Гендрикова, Татищев, Шнейдер, Эрсберг и Нагорный были в одном вагоне. Все остальные – в другом. У детей и кто был с ними вагон был классный, мягкий. У нас – 4-го класса.

Я знаю, что при отъезде из Тобольска драгоценности, какие были у Царской Семьи, куда-то зашивались, но куда именно, я не знаю.

В Екатеринбурге Детей увезли два лица. Один был Родионов. Он садился с ними, как я видел, в окно своего вагона, на извозчика. Примет другого я описать не могу: не помню их. Но только это вовсе не был Хохряков. Хохряков тогда тоже ехал с нами в Екатеринбург. Я не помню, уезжал ли тогда он с детьми из поезда. Если я называл его члену суда Сергееву, то это не так. Другой, который ехал с детьми на извозчике, был не Хохряков, а кто-то другой.

Спустя некоторое время явился к нашим вагонам Родионов и выделил из одного вагона Гендрикову, Шнейдер и Татищева, а из

другого – меня, Харитонова и Седнева Леонида. Нас повели к вокзалу, где были извозчики. У извозчиков был тот самый комиссар или ещё кто, который вместе с Родионовым перевозил и детей. У меня с собой был саквояж, а в нём было: 4000 денег, бельё, сапоги, одна моя фотографическая портретная карточка и две карточки-открытки, бритвы, туфли, записная книжечка, продовольственная книжка. В отдельных местах были у меня сухари и банка с вареньем. Этот комиссар с Родионовым не позволили мне брать с собой сухарей и варенья, и эти вещи были оставлены ими у себя. Татищев сел один на извозчика. Я также сел один. Гендрикова села со Шнейдер. Родионов с неизвестным комиссаром сели также на одного извозчика и поехали сзади нас. Харитонов с Седневым также сели вместе. Подъехали мы к дому Ипатьева, где была Семья. Я видел, что дом был обнесён забором, но не могу сказать, закрывал он ворота или же нет. Тут у дома Ипатьева ссадили Харитонова и Седнева. Нас же остальных повезли дальше.

Я спросил извозчика: «Далеко ли до дома?» Я думал, что нас везут куда-либо ещё. Молчит. Я опять его спросил: «Ты куда нас везёшь?» Опять молчит. И привезли нас в тюрьму. Когда нас привели в контору, Татищев не утерпел и сказал мне: «Вот, Алексей Андреевич, правду ведь говорят: от сумы да от тюрьмы никто не отказывайся». Родионов ничего на это не сказал Татищеву, а другой комиссар ответил: «По милости царизма, родился в тюрьме». Сказал он эти слова по нашему адресу и сказал их злобно. Не было тогда на меня ордера, а на всех остальных ордера уже были. Начальник тюрьмы и сказал тогда об этом этому комиссару. Он махнул рукой и сказал: «Потом пришлю». Я не знаю, кто это был. Но потом, когда был в тюрьме комиссар юстиции Поляков и мы обращались к нему по поводу отобрания у нас вещей (у меня взял саквояж этот самый неизвестный мне комиссар), и Поляков нас спросил, кто нас арестовывал и кто у нас отбирал вещи, и мы не могли ему ответить на его вопрос, начальник тюрьмы сказал Полякову, что нас привозил и сдавал ему Юровский. Это я хорошо помню.

Я вижу предъявленную мне Вами карточку (предъявлена фотографическая карточка Юровского) и не могу сказать, это ли лицо изображено на предъявленной мне Вами карточке, про которое я сейчас Вам говорю. Но мне кажется больше, что это не он. Тот был без бороды, а у этого борода. Но что его начальник тюрьмы называл Юровским, я это хорошо помню.

Гендрикову и Шнейдер от нас в тюрьме отделили, а нас с Татищевым посадили в одну камеру. Это было 10 мая по старому стилю. На другой же день в нашу камеру был приведён

Чемодуров.

Я разговаривал с ним. Он был сильно потрясён. Он мне говорил, что из Тюмени их возил Яковлев куда-то взад и вперёд, так что он совсем потерялся и не знал, куда же именно их возил Яковлев. Привезли их в Екатеринбурге прямо в дом Ипатьева. Водили ли куда отсюда ГОСУДАРЯ, он не говорил и разговору у нас с ним об этом не было. Обращались с Августейшими Особами здесь большевики, как говорил Чемодуров, «плохо, грубо». Он рассказывал, что однажды один какой-то из них стал рассматривать флаконы ГОСУДАРЫНИ и нюхать их. ГОСУДАРЬ сказал ему на это: «До сих пор я имел дело всё-таки с порядочными людьми». Этот большевик ушёл, сказал о словах ГОСУДАРЯ кому-то другому, и тот грубо сделал замечание ГОСУДАРЮ: «Не забывайте, что Вы арестованный». Обедали они все вместе. Во время обеда подходил какой-нибудь красноармеец, лез ложкой в миску с супом, жрал и говорил: «Вас всё-таки ещё ничего кормят». Видимо, здесь в Екатеринбурге обращение было совсем иное, чем в Тобольске.

25–26 мая по старому стилю Татищева увели в контору тюрьмы. Он не взял с собой своих вещей: шубы и бумажника (сколько у него было денег, не знаю, но думаю, что не много). Он скоро прислал за мной, прося меня принести ему вещи. Я понёс. В конторе Татищев показал мне ордер (не знаю, из какого учреждения), в котором говорилось, что Татищев высылается из пределов Уральской области. Подписей на нём я не помню. До этого времени к нему никто не приезжал ниоткуда, и сам он не хлопотал о своём освобождении.

Я забыл сказать, Чемодуров говорил, что 10 мая в дом Ипатьева был привезён Нагорный и должен был вместо него быть привезённым Трупп.

20 июля по новому стилю меня, Гендрикову и Шнейдер взяли из тюрьмы и привели в вагон, где нас всех собралось 36 человек. Здесь же с нами была Елена Петровна Сербская и её миссия. Повезли нас всех в Пермь, куда мы и прибыли 23 июля. Меня, Гендрикову, Шнейдер, Елену Петровну с миссией посадили в одну тюрьму, а всех остальных от нас отделили. Я сидел вместе с секретарём миссии Смирновым, майором Мишечичем (так!) и двумя какими-то сербскими унтер-офицерами. От них я узнал, что Елена Петровна проживала с мужем великим князем Иоанном Константиновичем в Алапаевске, а затем она переехала в Екатеринбург, чтобы ехать в Петроград к детям. Но здесь она узнала, что её мужа, как и остальных князей в Алапаевске, перевели на солдатский паёк. Тогда она подала большевикам официальное заявление, что она не желает уезжать и желает

разделить судьбу мужа. За это её и арестовали.

Спустя некоторое время после моего перевода в Пермскую тюрьму я подал, по совету какого-то адвоката, также сидевшего в тюрьме, заявление в «совдеп», прося разъяснить мне, за что я арестован. Меня после этого (недели через 2–2½ после перевода в Пермь) повели куда-то на допрос. Там мне какой-то молодой человек (примет не помню) показал моё прошение и стал мне предлагать вопросы: «Вы что знаете про убийство в Екатеринбурге Николая?» Я сказал, что я об этом только узнал в Пермской тюрьме из газет. (В газете тогда писали только про одного ГОСУДАРЯ: он убит, а про Семью ничего в газете сказано не было.) Он не стал меня больше ничего про это спрашивать и ни слова не спросил меня про Семью ГОСУДАРЯ. Затем он меня спросил: «А Вы в побеге Николая из Тобольска участвовали?» Я сказал, что никакого побега не было и не предполагалось. Он меня опять спросил: «А Вы знали о побеге?» Я сказал, что ничего об этом не знал. После этого он мне сказал, что я могу идти. Я спросил его о судьбе моего прошения, и он мне ответил, что этот вопрос будет разрешён в Москве. Я хорошо эти его слова помню.

В одной тюрьме с нами сидел камердинер великого князя Михаила Александровича Василий Фёдорович Челышев. Я с ним встречался в коридоре, и он мне рассказывал, как он попал в тюрьму. Михаил Александрович проживал в Перми в Королевских номерах, где в другом номере жил с ним и Челышев. Там же жил и его секретарь, англичанин Джонсон. Приблизительно недели за 1½, как говорил Челышев, до нашего прибытия в Пермь, ночью часов в 12 пришли в Королевские номера каких-то трое вооруженных людей. Были они в солдатской одежде. У них у всех были револьверы. Они разбудили Челышева и спросили, где находится Михаил Александрович. Челышев указал им номер и сам пошёл туда. Михаил Александрович уже лежал раздетый. В грубой форме они приказали ему одеться. Он стал одеваться, но сказал: «Я не поеду никуда. Вы позовите сюда вот такого-то (он указал, кажется, какого-то большевика, которого он знал). Я его знаю, а вас я не знаю». Тогда один из пришедших положил ему руку на плечо и злобно и грубо выругался: «А вы, Романовы, надоели вы нам все». После этого Михаил Александрович оделся. Они также приказали одеться и его секретарю Джонсону и увели их. Больше Челышев не видел ничего и не знал, в чём и куда увезли Михаила Александровича. Спустя некоторое время после этого (когда Михаил Александрович уже был увезён) Челышев сам отправился в «совдеп», как он мне говорил, и заявил там об увозе Михаила Александровича. По его словам, на это его заявление не было обращено внимания и спустя через час, как он

мне говорил, большевики стали делать что-то вроде погони за Михаилом Александровичем, но в чём она выразилась, Челышев не говорил. На него же они произвели именно то впечатление, что они нисколько не поспешили догонять Михаила Александровича, и вообще, как бы не обратили должного внимания на его заявление.

Я забыл ещё сказать, что, когда Михаил Александрович уходил из номера, Челышев ему сказал: «Ваше Высочество, не забудьте там взять лекарство». Это были свечи, без которых Михаил Александрович не мог жить. Приехавшие как-то обругались и увели Михаила Александровича. Лекарство же так и осталось в номере. На другой же день после этого Челышев был арестован и, как я потом читал в Тобольске в газетах, был расстрелян.

В ночь на 22 августа по старому стилю меня привели из камеры в контору. Тут же были и Гендрикова со Шнейдер. Отсюда нас повели в арестный дом и ввели в особую комнату, где было 8 человек. Здесь же было 22 вооружённых человека. Это были, очевидно, палачи. Среди них были и русские, но, по большей части, были не русские, а, видимо, латыши, хотя, быть может, были и мадьяры. Командиром у них был какой-то человек в матросской одежде. Мы сидели, ждали света. Гендрикова мне шепнула, с чьих-то слов, что нас отведут в пересыльную тюрьму, а потом отправят в Москву или Петроград. Я не стал ей возражать, хотя я и ясно видел, куда нас поведут.

Повели нас за город. Кончились строения, показался лесок. Стали мы подходить, должно быть, к месту казни нашей, потому что наши палачи стали услужливо предлагать нам свои услуги: «позвольте, я понесу ваши вещи», очевидно, каждый, желая сейчас же завладеть нашими вещами, чтобы потом не делиться ими с другими. Потом нас остановили. Я улучил минуту и перепрыгнул канаву, которая была около меня. Я бросился бежать. В меня было выпущено три пули. Я упал, потерял шляпу и слышал вдогонку мне слова: «Готов». Но я тут же поднялся и снова побежал (упал я после второго выстрела). В меня был произведён третий выстрел, но Господь Бог меня сохранил, и я убежал. 43 суток я блуждал и вышел на линию железной дороги в 70 верстах от Екатеринбурга, на территорию, свободную от большевиков.

Я не умею рассказать про характеры Царской Семьи, потому что я человек неучёный, но я скажу, как могу. Я скажу про них просто: это была самая святая чистая Семья.

ГОСУДАРЬ был милый, мягкий, ровный. Он был очень добрый человек. Сколько лет я жил около Него и ни одного раза я не видел Его в гневе. Всегда Он был очень ровный, спокойный.

Был он прост и не горд. Он был скромный и держал себя так. Его платья были часто чинены. Не любил Он мотовства и роскоши. Его штатские костюмы велись у Него с жениховских времён, и Он пользовался ими. Был он человек, я бы сказал, совсем непьющий. Выпивал он за обедом одну рюмку старой сливовицы и одну рюмку мадеры. Больше Он ничего совсем не пил. И больше этого Он никогда не пил. Он, например, не пил совсем шампанского. Если же ему приходилось, по необходимости, пить его в каких-нибудь торжественных случаях, Он отпивал немного из бокала.

Из удовольствий Он любил только одну охоту. Охотился Он всегда весной на глухариных токах и осенью по фазану и по зверю. Но за войну Он запустил и охоту. Больше Он никаких развлечений не знал.

Весь день у него уходил на приёмы деловых людей до обеда. Только после завтрака Он гулял и занимался физическим трудом и после обеда вечер был с Семьёй. Он был самый настоящий семьянин и любил быть в Своей Семье.

ГОСУДАРЫНЯ, если не была занята приёмами или деятельностью по лазаретам, все время отдавала детям. Она, видно было, как сильно любила ГОСУДАРЯ и Детей. Всё это злоба и клевета, что писали нехорошего про ГОСУДАРЯ, что он пьёт, и про ГОСУДАРЫНЮ, что Она имеет дело с Распутиным. В Распутина Она верила, как в святого. Кого хотите, спросите из близких к ним, и все Вам скажут одно. Это всё грязь и мерзость, что нарочно в революцию про Них в газетах писали. Распутина я за всё время видел во дворце два раза. Его принимали ГОСУДАРЬ и ГОСУДАРЫНЯ вместе. Он был у них минут 20 и в первый и во второй раз. Я ни разу не видел, чтобы он даже чай у Них пил. ГОСУДАРЫНЯ относилась к нему, как к святому, потому что Она верила в святость некоторых людей. Она его, наверное, уважала. Только однажды Она говорила со мной про Распутина, и слова её были маловажные. Мы ехали на пароходе в Тобольск, и, когда проезжали мимо села Покровского, Она, глядя в окно, сказала мне: «Вот здесь Григорий Ефимович жил. В этой реке он рыбу возил (так!) и нам иногда в Царское привозил». (Я этого, например, не знал, что он им рыбу привозил.) После убийства Распутина Она была расстроена и не принимала никого. Но ни малейшего даже намёка Она ничем не обнаружила на то, что это был человек, про которого можно было бы подумать что-нибудь грязное.

Из Детей Алексей Николаевич был ещё мальчик. Анастасия Николаевна и Мария Николаевна также были ещё не взрослые. Занимались они уроками. Ольга Николаевна была уже в невестах. Она была к хозяйству не склонна, любила уединяться, любила

книжки и музыку.

Татьяна Николаевна была похожа на мать. Она была степенная, обстоятельная, хозяйственная. Она как-то и считалась против Ольги Николаевны старшей, потому что её все слушались. Она была ближе всех к матери.

Кроме камердинеров Тетерятникова и Чемодурова, у ГОСУДАРЯ был ещё один камердинер Пётр Фёдорович Катов, который, как и Тетерятников, в Тобольск не попал.

Платье шил на ГОСУДАРЯ с Алексеем Николаевичем Нольдштром, на ГОСУДАРЫНЮ и Княжон – Бризак, Михайлова и домашняя портниха Николаева.

Обувь на ГОСУДАРЯ и Алексея Николаевича шили Ситников и ещё кто-то, а на ГОСУДАРЫНЮ и Княжон – Вейс.

На служащих при Дворе шил портной Лидваль.

Из всех предъявленных мне Вами вещей и их фотографических изображений (свидетелю были предъявлены все предметы, имеющиеся при деле в качестве вещественных доказательств, и фотографические изображения вещественных доказательств, при деле не находящихся), я останавливаюсь на маленькой пряжке от пояса и на изображении креста (п. «г» протокола 10 февраля сего года, л. д. 13 об., том 2-й и п. 4-й протокола 15–16 того же февраля, л. д. 45 об., том 2-й). Пряжка эта похожа на пряжку, какую носил на своём поясе Алексей Николаевич. Крест этот похож на крест, который был у ГОСУДАРЫНИ и который она носила иногда, но очень редко. Княжны носили ожерелья на шее из белых бус.

У ГОСУДАРЫНИ были жемчужные серьги, но я не могу на снимке опознать, они это или не они.

Пряжки, изображения которых я вижу, были у них на туфлях и у ГОСУДАРЫНИ и у Княжон (п. п. 2 и 21 протокола 15–16 того же февраля л. д. 45 и 48 об., том 2-й).

Свечи (из) красного воска были у них в обиходе в Тобольске. Им такие свечи доставлялись из монастыря и из собора.

В Тобольске было две купчихи, которые доставляли провизию Царской семье. Это были Холина и Еремеева.

У меня не было разговора с Челышевым про то, был ли предъявлен Михаилу Александровичу какой «мандат» лицами, которые его увели.

Что означают записи в моей книжечке (п. 5 протокола 19 мая сего года, л. д. об., том 4-й), я не знаю.

Показание моё, мне прочитанное, записано правильно.

Алексей Андреевич Волков.

Судебный следователь Н. Соколов. [484]

Из книги А. А. Волкова «Около Царской Семьи»

В ожидании Государя

Чтобы облегчить страдания болящих, укрепить их, подняли из Знаменской церкви икону Божьей Матери. На пути следования иконы во дворец встретился солдат, посмотрел на икону, на священника и, обращаясь к последнему, сказал весьма грубо:

– Привык обманывать народ: до сих пор идолов носишь. – Это были первые проявления разнузданного настроения, непосредственно дошедшие до нас отзвуки революции.

Молебствие служилось в той комнате, где лежали больные. Хворали тяжело. К молебну сошлись придворные и служащие, которые, полные тяжёлых скорбных дум, молились со слезами. По окончании молебствия священник благословил больных и по просьбе Государыни обошёл с иконой весь дворец.

В первые дни революции приезжал от Государя генерал-адъютант Н. И. Иванов, довольно долго беседовавший с Государыней.

Ожидаем приезда Государя, получив верные сведения, что Государь из Ставки выехал.

Для встречи Государя из Петрограда приехал флигель-адъютант граф Замойский. Он дожидался приезда Государя и, сидя в дежурной комнате в креслах, дежурил по ночам вместе со мною.

В одну из таких ночей граф Замойский узнал от дежурного офицера, что из Петрограда едет особым поездом вооружённая группа рабочих и других лиц громить дворец. Замойский, сообщив об этом мне, спросил, нужно ли беспокоить Императрицу. Пообдумав, мы решили пока Государыне ничего не говорить. Пообождав несколько времени, Замойский переговорил с кем надо по телефону и узнал, что поезд прошёл мимо Царского. Так всё обошлось благополучно.

В один из первых дней революции (ещё до приезда Государя) Родзянко телефонировал графу Бенкендорфу о том, чтобы Императрица и дети тотчас же уезжали из дворца: грозит большая опасность.

Граф Бенкендорф сообщил, что дети больны. Родзянко ответил:

– Уезжайте куда угодно и поскорее. Опасность очень велика. Когда горит дом, и больных детей выносят.

Императрица позвала меня и рассказала об этом, прибавив в сильном беспокойстве:

– Никуда не поедем. Пусть делают, что хотят, но я не уеду и

детей губить не стану.

Вскоре после звонка Родзянко, как бы для защиты дворца, явились войска, в первую очередь Гвардейский экипаж и стрелки Императорской Фамилии. По желанию Императрицы войска выстроились около дворца, и Императрица вместе со здоровой ещё Великой Княжной Марией Николаевной стала обходить солдат. После обхода граф Апраксин [485]сказал:

– Как вы смелы, Ваше Величество. Как Вас встретили солдаты?

– Эти матросы нас знают. Они ведь и на «Штандарте» были, – ответила императрица.

На другой день, простудившись на морозе при смотре войск, слегла в болезни и Мария Николаевна.

Об отречении Государя стало известно во Дворце из рассказов фельдъегеря, с которым генерал Алексеев, ещё до отречения Государя, послал в Царское бумаги на его имя. Фельдъегерь передал бумаги мне и велел их хранить. Я доложил Государыне и просил её распоряжения, так как положить бумаги в кабинет Государя, где никого нет, казалось неудобным. Государыня распорядилась сохранять бумаги в своём кабинете. На другой же день, привезший бумаги фельдъегерь, на словах передал об отречении Государя. Более точных сведений мы в то время не имели.

Спустя некоторое время во дворец приехал командир фельдъегерского корпуса и просил возвратить ему лично все привезённые из Ставки пакеты. Я доложил обо всем Императрице. Государыня со слезами на глазах подтвердила известие об отречении и приказала возвратить бумаги полковнику. Больным детям об отречении Государя не сказали ничего.

До сих пор из Петрограда никто не появлялся. Но вот приехал генерал Корнилов вместе с несколькими офицерами, среди которых были Коцебу – офицер гвардейского уланского полка и полковник Кобылинский. [486]Во дворце в это время находился гофмаршал Бенкендорф и церемониймейстер граф Апраксин.

Корнилов просил доложить о нём Государыне, которая и приняла его в присутствии графа Бенкендорфа.

Корнилов сказал Императрице, что на него возложена тяжёлая обязанность объявить об аресте, и просил Государыню быть спокойной: ничего не только опасного, но даже особых стеснений арест за собою повлечь не может. Корнилов попросил разрешения представить Государыне сопровождавших его офицеров.

Выйдя от Императрицы, он объявил, что все окружающие

Царскую Семью могут по собственной воле при ней остаться. Кто же не хочет, волен уйти. На принятие решения им было дано два дня, после которых для остающихся вместе с Царскою Семьёй наступал также арест.

Комендантом был назначен Коцебу, а начальником охраны – полковник Кобылинский.

Императрица несколько растерялась и приказала позвать к себе Великого князя Павла Александровича, которого не принимала уже в течение довольно долгого времени.

– Скажите, что сейчас же прибуду, – ответил по телефону Великий князь.

Тотчас же по приезде он был принят Императрицей.

– Ничего, поправим дела, – сказал Великий князь, когда я спросил его мнения о создавшемся положении вещей.

Я сегодня не спал всю ночь. (Великий князь, по его словам, работал над проектом конституции.)

Вскоре после этого в Ставку были отправлены два офицера передать Государю для подписания манифест о конституции. Возможно, что с ними были отправлены Государю и другие бумаги. Офицеры поехали в статском платье. Один из офицеров был Стессель, сын начальника обороны Порт-Артура. Из этой поездки ничего не вышло: посланные не смогли доехать до Государя.

Вскоре вторично явился генерал Корнилов вместе с А. И. Гучковым и свитою. Опять по приказу Императрицы вызвали Великого князя Павла Александровича, который и приехал немедленно. Я доложил. Государыня велела просить всех к себе. Приём у Государыни продолжался минут 10–15.

По выходе Великий князь обратился к генералу Корнилову с вопросом о надёжности войск охраны. Корнилов [487]уверил его в надёжности.

Обратясь к Гучкову, Великий князь сказал, что он не просил его мнения потому, что Гучков, не будучи военным, не в состоянии тонко уловить настроения воинских частей.

Ожидаем приезда Государя. Принимаем все меры к тому, чтобы узнать что-либо, но ниоткуда не имеем достоверных сведений.

Через некоторое время приехал А. И. Гучков. Прошёлся по дворцу и мимо комнат Императрицы, где собрались многие дворцовые служащие, в числе которых был и я. Один из сопровождавших Гучкова офицеров, явно нетрезвый, обратясь к нам, сказал:

– Вы наши враги, а мы ваши враги. Вы продажны.

Я отвечал ему:

– Вы ошибаетесь в нашем благородстве, милостивый государь.

Гучков даже не повернулся и сделал вид, что не заметил выходки пьяного прапорщика.

Были получены достоверные известия, что Государь в дороге и что скоро он прибудет во дворец.

Спустя неделю после первого посещения Корнилова приехал Государь. Произошло это 10 марта.

Около 10 часов утра собрались во дворце и нестройно встали в вестибюле какие-то офицеры. Дежурный по караулу офицер вышел наружу. Через некоторое время от железнодорожного павильона подъехал автомобиль Государя. Ворота были закрыты и дежурный офицер крикнул:

– Открыть ворота бывшему царю!

Ворота открылись, автомобиль подъехал ко дворцу. Из автомобиля вышли Государь и князь Долгоруков (генерал-адъютант Свиты).

Когда Государь проходил мимо собравшихся в вестибюле офицеров, никто его не приветствовал. Первый сделал это Государь. Только тогда все отдали ему привет.

Государь прошёл к Императрице. Свидание не было печальным. Как у Государя, так и у Императрицы на лице была радостная улыбка. Они поцеловались и тотчас же пошли наверх к детям.

Скоро Государь вернулся назад и приказал мне узнать, приехали ли во дворец прибывшие с ним из Ставки герцог Лейхтенбергский, Нарышкин и Мордвинов. От графа Бенкендорфа я узнал, что они «не приехали и не приедут». (Все трое, как только сошли с поезда, отправились по домам.) Я доложил Государю, точно передав слова графа Бенкендорфа.

– Бог с ними, – был ответ царя.

До приезда Государя охрану дворца нёс Сводно-Гвардейский полк. Как только приехал Государь, сводно-гвардейцы были заменены гвардейскими стрелками. В первый же день солдаты новой охраны убили в парке двух оленей. Возможно, что это произошло случайно, без всякого злого умысла.

В течение некоторого времени никто из членов правительства не заезжал во дворец. Первым приехал Керенский, небрежно одетый, в куртке. Об его приезде доложили Государю. Государь приказал пригласить к себе Керенского. У Государя Керенский пробыл недолго. Государь представил его Императрице.

Керенского ожидали хотевшие его видеть служащие дворца. Один из них обратился к Керенскому со следующим:

– Александр Фёдорович, мы обращаемся к вам с просьбой об

урегулировании квартирного вопроса: у одних из нас квартиры очень тесны, между тем как у других чересчур просторны.

– Хорошо, всё устрою. До свиданья, – сказал Керенский и тотчас уехал. По-видимому, он чувствовал себя не вполне уверенно и казался смущённым.

Вышел Государь и обратился ко мне:

– Знаешь, кто это был?

– Керенский.

– Знаешь, как он ко мне обращался: то Ваше Величество, то Николай Александрович. И всё время был нервен.

Письма и газеты доставлялись во дворец через коменданта Коцебу весьма аккуратно. Стал довольно часто наезжать Керенский. В последующие посещения он держал себя увереннее, чем в первый раз. И Государь стал отзываться о нём лучше. К поезду Керенского подавали царский автомобиль, украшенный цветами. Автомобилем управлял шофер Государя.

В течение всего времени пребывания Государя в Царском Селе Керенский во внутреннюю жизнь дворца не вмешивался и был весьма выдержан и корректен.

Был проект переезда царской семьи в Ливадию, но он остался невыполненным. Однажды Керенский сообщил Государю, что есть возможность отъезда в Англию и просил быть наготове. Не удался и этот план. [488]

Зашевелились большевики. От них исходили угрозы перевести Царскую семью в Петропавловскую крепость. Узнали об этой угрозе и мы все. Вскоре неожиданно приехал Керенский, которого принял Государь. Пробыв короткое время у Государя, Керенский попросил приёма у Императрицы. Мы все ожидали, что он объявит о переводе в Петропавловскую крепость. Из комнат Государыни был слышен громкий, казалось, возбуждённый, разговор. Но оказалось, что наша тревога была лишена оснований. Государыня после рассказывала, что Керенский шутил, балагурил, смеялся и что все слухи о переводе в Петропавловку вздорны. Впрочем, Керенский обратился к царской чете с просьбой по возможности проводить время раздельно, так как на этом настаивает совет рабочих и солдатских депутатов.

Приезжал однажды кто-то в форме полковника [489]удостовериться, что Государь присутствует во дворце, а не уехал. Посетителя допустили лишь в коридоры дворца и дали увидеть Государя, проходившего в отдалении. Этим он удовлетворился и уехал.

Двадцать девятого июня был именинником Великий князь Павел Александрович. В это время я был в отпуску, у семьи, в

Царском. Попросил у полковника Кобылинского разрешения съездить в Петроград. Когда я прощался с Царской семьёй, то Государь и Государыня просили меня поздравить великого князя.

Я был у Великого князя и передал поздравления. Великий князь много меня расспрашивал о жизни Царской семьи. Я в свою очередь спросил Великого князя, угрожает ли какая-нибудь опасность. Павел Александрович передал мне мнение бывшего у него коменданта Коровиченко (заменившего Коцебу): пока у власти временное правительство, безопасность обеспечена. Если же власть временного правительства падёт и будет захвачена большевиками, ни за что ручаться нельзя.

Во дворце жила А. А. Вырубова и как сестра милосердия, ухаживавшая за детьми во время их болезни, Ю. А. Ден. Был получен приказ немедленно выселить их из дворца. Коровиченко в это время временно передал свои обязанности Кобылинскому.

Мне было велено доложить Государыне, что Вырубову и Ден выселяют. На Императрицу это известие подействовало удручающе, и она заплакала. Расставание было очень тяжёлым: расстававшиеся плакали. Вырубову под вооружённой охраной увезли в тюрьму, в Петроград, Ю. А. Ден уехала на собственную квартиру.

Жизнь заключённой Царской семьи текла весьма однообразно.

В марте лежал ещё глубокий снег. Государь гулял по парку один в сопровождении дежурного караульного офицера. Иногда с Государем гулял также гофмаршал князь Долгоруков. Прогуливался Государь дважды в день. Сопровождавшими в прогулках Государя офицерами всегда оказывалась полная внимательность и предупредительность. Только однажды офицер шёл за Государем в буквальном смысле слова по пятам, и Государь, с усмешкой, должен был отстранить его.

Когда караул менялся (это происходило постоянно во время завтрака Царской семьи), то оба офицера – прежний и новый начальники караула – приходили к Государю. Однажды вошли оба офицера. Государь простился с уходящим и, здороваясь с вступающим вновь на караул, протянул офицеру руку. Тот, отступив демонстративно назад, отказался от рукопожатия. Государь подошёл к нему, положил на плечо руку и ласково спросил:

– За что же, голубчик?

– Я из народа, – был ответ. – Вы не хотели протянуть народу руку, не подам её и я.

Когда земля оттаяла, стали выходить на прогулку поправлявшиеся дети. Государь предложил желающим работать.

Работали все: и Семья, и свита, и служащие. Вначале работа состояла в копании гряд, на которых были посеяны разные овощи. Императрица не работала, но когда стало потеплее, лежала близ места работ на ковре. Иногда в это время к ней подходили солдаты, садились близко к ней и подолгу разговаривали.

Держали себя солдаты в присутствии Царской семьи вполне прилично и только немногие позволяли себе курить в присутствии кого-либо из её членов. Однажды солдат, стоявший на карауле внутри дворца, открыл находившийся в том же помещении сундук, из которого вынул две пары принадлежавших Императрице башмаков. Он засунул башмаки в печь, но это было замечено, и виновник был открыт. Все другие поступки, доставлявшие некоторые неприятности Царской семье и её окружающим, надо приписать не злым намерениям, но неведению и невоспитанности. При осмотрах дворца, которые происходили только с соответствующего разрешения, солдаты вели себя всегда тихо, не позволяя себе ничего лишнего.

Когда на грядках всё было посажено, Государь предложил срезать засохшие деревья парка и разделывать их на дрова. Это занятие продолжалось до самого отъезда в Тобольск.

Ссылка в Тобольск

Отъезд в Тобольск состоялся 1 августа старого стиля. Накануне, 31 июля, утром приехал Керенский и сообщил, что сегодня в 11 часов вечера будет подан поезд, в котором Государь с семьёй поедет в Тобольск, определённый временным правительством местом пребывания царской семьи.

Приготовились к отъезду. В 10 часов вечера приехал во дворец прощаться Великий князь Михаил Александрович. При прощании присутствовал Керенский, заявивший, что он присутствует по обязанности и к разговору между расстающимися прислушиваться не станет.

Кроме Царской семьи, все остальные, уезжавшие с нею, – свита и служащие, – в назначенный час были у места Посадки, среди поля между Царским Селом и станцией «Александровской» Варшавской железной дороги. К назначенному времени поезд не был подан.

Мы всю ночь в поле прождали поезда, который был подан в 6 часов утра. К этому времени от дворца пришли два автомобиля, окружённые кавалерийским конвоем с ружьями на изготовку. Вместе с Царской семьёй прибыл и Керенский. Все разместились в поезде. Керенский зашёл в вагон, где находился Государь с семьёй, со всеми вежливо попрощался, пожелал счастливого пути,

поцеловал у Государыни руку, а Государю, обменявшись с ним пожатием руки, сказал:

– До свидания, Ваше Величество. Я придерживаюсь пока старого титула.

Поезд тронулся. Поездка по Северной дороге до Тюмени шла двое суток с лишком, без приключений. Лишь на Званке толпа рабочих подходила к поезду и расспрашивала, кто едет. Получив разъяснение, толпа отошла. С нами ехала охрана, состоявшая из гвардейских стрелков. Сопровождали царскую семью: Макаров – помощник комиссара над Министром Двора, член Государственной Думы Вершинин и полковник Кобылинский. Все трое – прекрасные люди. [490]

В Тюмени мы пересели на пароход «Русь». Плавание по реке шло также благополучно. Когда пароход проходил мимо села Покровского – родины Распутина, императрица, указав мне на село, сказала:

– Здесь жил Григорий Ефимович. В этой реке он ловил рыбу и привозил её нам в Царское Село.

На глазах императрицы стояли слезы.

К Тобольску пароход подошёл 5 августа, около 5 часов вечера. В это время во всех церквах был звон и местные, крайне революционно настроенные элементы забеспокоились, сопоставив этот звон с прибытием в город царской семьи. Послали требовать объяснений от духовенства. Разъяснили, что звонят ко всенощной, так как на другой день, 6 августа, праздник Спаса-Преображения.

В Тобольске

Остановились у пристани и стали собираться к переезду в губернаторский дом. Макаров и Вершинин сказали мне, что надо прежде осмотреть самый дом. После осмотра я предложил повременить с переездом и прежде отремонтировать дом, который оказался довольно грязен. Макаров со мной согласился. Когда мы вернулись на пароход, я рассказал о результатах осмотра Государю и Государыне. Они согласились остаться на пароходе до окончания ремонта. В губернаторский дом переехали, насколько помню, 13 августа. Кроме Императрицы и Татьяны Николаевны, которые ехали в экипаже, остальные все дошли от пристани до дома пешком.

Дом оказался довольно обширным и прилично обставленным. Все в нём удобно и хорошо разместились. В доме жила Царская семья и служащие. Через улицу, напротив, в доме Корнилова, разместилась свита: Татищев, Боткин, Долгоруков, Шнейдер, Гендрикова, а потом Гиббс, при-ехавший в Тобольск позднее. Жильяр жил в губернаторском доме.

Первое время, до приезда Панкратова, жили спокойно и не плохо. Всего было достаточно, деньги на содержание Царской семьи высылались вовремя.

Утром и в течение дня Государь и Дети совершали прогулку в особо отведённом загороженном месте. Государь пилил дрова, дети играли; зимой сгребали снег. В определённые часы Дети занимались. За отсутствием учителей таковых заменяли Государь, Гендрикова, Шнейдер. Из прежних учителей были только Жильяр и потом Гиббс.

Вначале население приносило Царской семье много продовольствия. Доставлял таковое в течение всего времени пребывания Царской семьи в Тобольске находившийся близ города Ивановский женский монастырь. Но до Октябрьского переворота всего было вдоволь, хотя жили и скромно. Обед состоял только из двух блюд, сладкое же бывало только по праздникам. По утрам, около 8 часов, пили чай. В час завтракали, в 5 – пили чай с булками, в 8 – обед. Таким образом, день распределялся точно так же, как и в Царском Селе.

Макаров был настолько чутким, что уезжая, составил список вещей, которые было необходимо прислать из царского дворца. В этот список им были включены многочисленные предметы, к которым Царская семья привыкла и обходиться без которых было для неё некоторым лишением. Все эти вещи – ковры, драпировки, картины – были Макаровым высланы и получены в Тобольске.

Существовал план переезда Царской семьи на жительство в Ивановский монастырь. Однажды меня туда послали с целью осмотра Государь с Государыней. Я должен был осмотреть новый дом и распределить помещения. До этого раза я никогда не бывал ещё в монастыре, находившемся от Тобольска в нескольких верстах. Когда приезжала монашенка, доставлявшая для Царской семьи молоко, я попросил её отвезти меня в монастырь. Она охотно согласилась. По приезде я явился к игуменье, которую до той поры не знал лично. Она же, как оказалось, знала довольно подробно обо всех, живущих с Царской семьёй, в частности и обо мне.

Игуменья позвала меня в свою келью, и я рассказал ей о цели своего приезда, о том, что по совету полковника Кобылинского, Царская семья хотела бы переехать в новый, строящийся в монастыре дом. Игуменья была очень обрадована этим известием и приказала одной из монахинь показать мне дом. Сама она по болезни не имела возможности мне сопутствовать. Я осмотрел дом. Он был очень хорош и удобен, но без рам. Поместиться возможно было всем и даже с известными удобствами. Имелась маленькая домовая церковь, и игуменья обещала закончить постройку в течение одной недели, но просила сообщить ей немедленно о принятом решении. Скоро приехал Панкратов, и дело заглохло. Игуменье я сообщил, чтобы она не беспокоилась.

Приехали из Петербурга посланные временным правительством Панкратов, Никольский, потом, недолго пробывший, какой-то матрос. С их приездом стали чувствовать себя более стеснёнными. Панкратов стал вести среди солдат охраны пропаганду крайних политических взглядов. С солдатами Государь и дети имели непосредственное общение, ходили в помещение охраны, играли с солдатами в лото. Теперь же солдаты с каждым днём становились грубее (кроме стрелков императорской фамилии, сохранивших, в общем, прежнее доброе отношение к Царской семье).

Каждое воскресенье и праздник Императорская семья ходила в церковь. Для этого надо было перейти через улицу и городской сад. Вблизи церкви стояли кучки простонародья, плакавшего и часто становившегося на колени при проходе Царской семьи. В самую церковь во время обедни, служившейся с 8 до 9 часов, никто посторонний не допускался. Однажды за молебном провозглашено было многолетие царскому дому. Поднялся шум. Священник и дьякон сваливали ответственность друг на друга. После этого нас перестали пускать в церковь, и службы совершались в переносной церкви в губернаторском доме. Духовенство, провозгласившее многолетие, было устранено. [491]

Однажды по возвращении из церкви Панкратов подошёл к Государю и сказал:

– Николай Александрович, есть учительница, желаете её взять?

– Вы знаете её? – спросил Государь.

– Кобылинский её знает лучше, чем я.

– Скажите об этом Государыне.

Панкратов, взяв папироску в рот (при разговоре с Государем он держал её в руке), подошёл к Императрице и, начав говорить, выронил папироску изо рта. Он казался смущённым, разговаривая с Государыней.

– Хорошо, хорошо, – послышался ответ Императрицы.

Новая учительница – Клавдия Михайловна Битнер – стала заниматься с детьми.

Вместе с вещами из Царского Села Макаров прислал вина, по преимуществу «Сен-Рафаэль», необходимого для детей. Об этой посылке узнал Никольский: он сперва привёз ящики с вином в дом, затем опять погрузил ящики на подводу, привёз вино к реке и там топором разбил бутылки.

Под большевиками

Большевистский переворот стал заметен в Тобольске и отразился на нашей жизни не сразу.

Весною 1918 года Императорскую семью и всех служащих перевели на солдатский паёк. Все мы оказались в непривычных условиях и были вынуждены покупать необходимое продовольствие на стороне. Полковник Кобылинский прибегал к частному кредиту ещё тогда, когда после падения Временного правительства была прекращена выдача авансов. С течением времени, к весне 1918 года, получать кредиты стало затруднительно.

Тогда князь Долгоруков, генерал Татищев, Жильяр и я устроили совещание, на котором обсуждали создавшееся положение. Решили сократить штат служащих. Отпустили нескольких служащих, уплатив им жалованье за два месяца вперёд и прогоны. Затем, собрав всех оставшихся, предложили делать отчисления из своего жалованья. Все без исключения согласились на это: кто в размере целого, кто половины жалованья. Уже на третий день после этого кое-кто из отпущенных служащих уехал. Другие некоторое время оставались в Тобольске.

22 апреля явился комиссар Яковлев. Он приехал со своей пехотной охраной, с 17 конными солдатами и со своим

телеграфистом. По приезде Яковлев тотчас же отправился к солдатам, потом прошёлся по помещению, занимаемому Царской семьёй. Побывал у Государя и у Императрицы. Был очень учтив. После его ухода я пошёл к Императрице и спросил, кто это такой. Императрица назвала его. Я спросил, образован ли он. Государыня сказала, что он не столько образован, сколько начитан, но очень вежлив.

В порядок жизни, установившийся в семье Государя, Яковлев нисколько не вмешивался. Ходил он к солдатам, сообщил им о прибавке жалованья, выдал увеличенные суточные.

Из дому служащие получали в письмах известия о том, что у их семейств отбирают квартиры. Я пошёл к дежурному офицеру и просил устроить мне свидание с Яковлевым, так как мои сослуживцы просили меня переговорить с ним по этому вопросу. Дежурный офицер сперва не застал Яковлева дома, но через полчаса, увидев его идущим по улице, позвал в дежурную комнату, куда пригласил и меня. После приветствий я изложил просьбу служащих: оградить их семьи от выселения. Яковлев не хотел было поверить жалобам; обещал всё устроить, но не сейчас, а ответить через три дня. Расспрашивал меня о нашей жизни в Тобольске.

Через три дня Яковлев пришёл вместе с Кобылинским. Попросил доложить Государю о своём желании его увидеть, прибавив:

– Скажите, что хочу поговорить с глазу на глаз, в отдельной комнате.

Я доложил Государю, у которого в это время находилась Императрица. Государыня спросила меня, почему Яковлев хочет видеть Государя наедине. Я отвечал, что так он просил доложить. Государь велел пригласить Яковлева. Тот вошёл. Обратясь к нему, Императрица сказала:

– Почему вы хотите говорить с Государем наедине? Я Государя одного не оставлю.

Яковлев сначала не хотел говорить в её присутствии, но потом согласился, и Государыня присутствовала при разговоре.

Яковлев сообщил, что к 4 часам ночи необходимо приготовиться к отъезду. Государь спросил:

– Куда же вы меня везёте?

Яковлев отвечал, что это дело секретное.

– Тогда я не поеду, – сказал Государь.

– Если вы не поедете, – ответил Яковлев, – то я должен буду или принять меры принуждения, или сложить с себя обязанности. Прошу вас подумать об этом: ведь для вас же будет хуже и в том, и в другом случае.

Государь спросил:

– Что же, я один должен буду уехать?

– Да, вы один и никто больше.

Государь посовещался с Императрицей. Государыня сказала Яковлеву:

– Одного Государя, без себя, я ни за что не пущу.

Такое же желание не расставаться с отцом выразила и Великая княжна Мария Николаевна.

Яковлев согласился с желанием императрицы и Великой княжны уехать вместе с Государем. Согласился он также на то, чтобы отъезжающих сопровождали доктор Боткин, князь Долгоруков, камердинер Государя Чемодуров, комнатная девушка Демидова и лакей Седнев.

До разговора с Государем Яковлев дважды приходил к наследнику, который в это время был тяжело болен гемофилией. Вместе с доктором Деревенко он осматривал больного. После этих посещений Яковлев вёл телеграфные переговоры. Только после этого он пришёл к Государю объявить о необходимости отъезда.

После известия о предстоящем отъезде Государыня находилась в тяжёлом смутном душевном состоянии. Ведь она уезжала с мужем, оставляя опасно больного горячо любимого сына.

Ровно в 4 часа утра 13 (26) апреля подали обывательских лошадей. Из них только одна подвода была пароконная и получше, остальные же были одноконные. Стали усаживаться. Государыня и Мария Николаевна сели в пароконную подводу, в которую принесли соломы и подушки и покрыли ковром. Императрица хотела пригласить к себе в повозку и Государя, который сидел уже в отдельной повозке. Я доложил о желании Императрицы Государю, но Яковлев, сидевший рядом с Государем, воспротивился, сказав:

– Нам и здесь хорошо.

Несмотря на холодную погоду, Государь был одет легко. Яковлев спросил:

– Разве вы так и поедете?

– Да, мне тепло, – ответил Государь.

– Это невозможно, – сказал Яковлев, соскочил с повозки, вбежал в подъезд, снял с вешалки пальто и положил его в тележку.

– Если сейчас не нужно, то пригодится в дороге, сказал он.

Государь простился со мною. Мы поцеловались, и он сказал мне:

– Надеюсь, до скорого свидания.

Государыня, подав для поцелуя руку, сказала:

– Берегите Алексея.

Уехали… Стало скучно, как будто при потере. Прежде в доме было некоторое оживление, теперь же мёртвая тишина и уныние.

Тотчас же по отъезде на смену стрелкам и Кобылинскому явилась большевистская охрана под предводительством комиссара Родионова и Хохрякова, людей грубых. Охрана состояла почти всецело из нерусских. Родионов целыми днями сидел в дежурной комнате, с ног до головы вооруженный. Никого из живущих в доме никуда не выпускали, введя совершенно тюремный режим. Хохряков вместе с доктором Деревенко посещал больного Алексея Николаевича.

Однажды Родионов пришёл ко мне с таким заявлением:

– Скажите барышням, чтобы они ночью не затворяли дверь спальной.

Я отвечал:

– Этого сделать никак нельзя.

– Я вас прошу так сделать.

– Сделать это никак нельзя: ведь ваши солдаты будут ходить мимо открытых дверей комнаты, в которой спят барышни.

– Мои солдаты ходить не будут мимо открытых дверей. Но если не исполните моего требования, есть полномочие расстреливать на месте. – Родионов вынул револьвер. – Я поставлю часового у дверей спальни.

– Но это же безбожно.

– Это моё дело.

Часовой поставлен не был, но двери спальни Великих княжон пришлось по ночам оставлять открытыми настежь.

Когда наследник стал чувствовать себя лучше и начал вставать с постели, начали приготовляться к переезду в Екатеринбург. Оттуда письма и прямым путём доставленные известия не получались.

Когда постепенно начали укладывать вещи, Родионов неоднократно обращался к генералу Татищеву, уверяя, что знает его. Родионов настаивал, чтобы вещи Татищева были особо отмечены (визитными карточками). Для чего это ему было надо, понять мы не могли. Его поведение очень беспокоило Татищева. Как вспоминала баронесса Буксгевден, она встречала ранее Родионова: он служил в жандармах Вержболове.

В 12 часов дня 7 (20) мая подали для наследника экипаж. Все остальные дошли до пристани пешком. Возле пристани стоял пароход «Русь», на который мы и перешли. Грузили на пароход из губернаторского дома вещи не только Царской семьи и наши, но и казённую обстановку. Видя это, наследник сказал Родионову:

– Зачем вы берёте эти вещи? Они не наши, а чужие.

– Раз нет хозяина, все будет наше, – отвечал тот.

В два часа дня пароход отчалил от пристани и пошёл на Тюмень. Во время пути солдаты вели себя крайне недисциплинированно: стреляли с парохода птиц и просто – куда попало. Стреляли не только из ружей, но и из пулемётов. Родионов распорядился закрыть на ночь наследника в каюте вместе с Нагорным. Великих княжон оставил в покое. Нагорный резко противоречил Родионову, спорил с ним.

В Тюмень прибыли 8 (21) мая в 8 часов утра. Здесь пересели в поезд. В вагон 2-го класса поместили наследника, Великих княжон, генерала Татищева, доктора Деревенко, графиню Гендрикову, госпожу Шнейдер, Нагорного и комнатную девушку Эрсберг. Всех остальных посадили в вагон 4-го класса. Здесь, кроме меня, находились: Жильяр, Гиббс, баронесса Буксгевден, Теглева, повар Харитонов, мальчик Седнев и другие. Поездка по железной дороге прошла благополучно. В Екатеринбург приехали поздно; около полуночи.

Поезд поставили на запасный путь, довольно далеко от вокзала. Возле вагонов установили вооружённую охрану. Ночь мы провели в вагонах. Было холодно, моросило. Все мы продрогли.

(…) [492]

Спасение

Слышу: позади залп. За ним другой и третий. Я остановился, передохнул, перекрестился – и опять бежать. Всё думаю о преследовании. Лес невысокий, редкий: через него всё видно. Стало уже светать. Я направился к Сибирскому тракту, обнесённому забором. Вижу: по дороге едет верховой солдат. Я подождал, когда он проехал, перелез через забор, перебежал дорогу и пустился в лес. Бежал я во всю ночь, благо валежника было меньше. Боли, несмотря на свои изодранные ноги, не чувствовал. Бежал до потери сил. Добежал до озерка, берега которого поросли камышом, спрятался в них и провёл в них около часа времени. Думая, что преследование теперь прекратилось и преследователей поблизости уже нет, я вышел из камышей и пошёл дальше, где лесом, где полем, но только не дорогой.

В лесу, под кустами, я разделся, немного обсушил одежду, разулся, увидел свои ободранные ноги. Несколько поотдохнул.

Дело шло к вечеру. Я ничего не ел, но и есть не хотелось. Проходя полями, я срывал и растирал ладонями колосья пшеницы. Заночевал в лесу. Мне почему-то казалось, что по

дорогам ходят дозорные, которые меня ищут. Впрочем, уверенности в этом не было. Случайно при мне оказалось полотенце, которым я обвязал себе голову. Продремал всю ночь, сидя под деревом, прислонясь к его стволу. Ночью неподалёку был слышен лай собаки, потом был слышен ружейный выстрел. Сижу, так как идти невозможно никуда – ночь.

На рассвете, боязливо оглядываясь, вышел на дорогу. Пошёл по дороге, но попросить у крестьян хлеба – не решаюсь. Навстречу попадались исключительно пешеходы. Женщин я не боялся и от них не прятался. Сел отдохнуть у дороги под деревом. Вижу: по дороге быстрым шагом идёт мужчина с топором. Поравнялся со мною и говорит:

– Что вы тут сидите? Пойдёмте вместе.

Присел ко мне. Я спросил его, не знает ли он, где я мог бы продать крест с цепочкой.

– Зачем же вам продавать? – спросил он.

– Нужно хлеба купить.

– Ну, разве в таких вещах здесь что-нибудь понимают? Что вам за крест дадут – пустяки. Пойдёмте со мною, дойдёмте до деревни, хлебом вас и даром накормят.

Я побоялся идти с ним и сказал, что мне надо идти в другом направлении. Мы расстались, и я один пошёл дальше.

Пройдя немного, увидел, что в поле женщина и девушка убирают хлеб. Подойдя к ним, я спросил воды. (Истинное моё намерение было спросить у них хлеба.) Они мне ответили, что живут недалеко и воды с собою не захватили. Я предложил им купить у меня крест. Они согласились. Была заметна даже радостная готовность купить. На вопрос «Сколько хотите?» я отвечал: «А сколько дадите». Пожилая женщина давала мне три рубля, я же не соглашался, говоря что это дёшево. Она стала давать мне пять рублей. Больше дать не могла, так как не имела с собой большей суммы денег. Я не соглашался на сделку. Девушка стала настойчиво просить мать купить ей крест. Хотела даже сбегать домой за деньгами, но мать её не пустила.

Пошёл дальше, не продав креста, без денег. На огороде при дороге вижу – стоит пугало: шляпа на палке. Я снял эту шляпу, надел на голову и пошёл дальше. Без шляпы я обращал на себя больше внимания. Голод давал себя чувствовать, и я решился зайти в деревню и спросить хлеба. В первом же, довольно бедненьком, доме я не встретил отказа: дали большой ломоть. Я попросил попить. Хозяйка подала мне воды, сожалела, что не готов квас.

Вижу – через улицу, стоя у окна, женщина манит меня к себе рукою. Я подошёл. Она вынесла мне порядочно мягкий хлебец.

– Спрячьте его, – сказала она, – сейчас ещё огурцов дам.

Рассовав огурцы по карманам, я вышел в поле за деревню, присел и поел всласть.

Пошёл дальше. День уже склоняется к вечеру. Стал подумывать о ночлеге. Заходить в деревню не хотелось. Так как диких зверей я не боялся, то, присмотрев стог сена, зарылся в него и уснул. Всю ночь проспал хорошо. На рассвете, как только зачирикали птицы, я проснулся. Отыскал воду, умылся и пошёл дальше. Заходил в лежащие по пути деревни, в которых никогда не встречал отказа в пище. Ночевал чаще всего в стогах сена. Так шёл изо дня в день, справляясь о дороге на Х… Однажды вижу вдали реку, мост через неё, а на мосту как будто стоит стража. Оттуда, навстречу мне, идёт женщина с мальчиком. Я спросил её, как пройти в Х…

– А вот и он, – отвечала женщина, – а зачем вы туда идёте: ведь вас там сейчас же арестуют и расстреляют.

– А как же вы сами там живёте?

– Да мы там зарегистрированы, а вы человек новый, чужой.

– Так что же мне делать?

– Сейчас же своротите с этой дороги. Увидите церковь, зайдите в неё, там хороший причт: там скажут, куда и как пройти.

Я так и сделал. К церкви подошёл, когда только что кончилась всенощная. Выходит священник. Я поздоровался и попросил позволения переговорить с ним. Он по моему виду догадался, кто я таков, и велел идти в церковь, к отцу дьякону, который даст необходимые указания. Я вошёл в церковь, из которой уже вышли богомольцы. Собирался уходить и дьякон.

– Отец дьякон, я к вам с просьбой.

– Пожалуйста, садитесь.

– Я нахожусь в храме и надеюсь, что вы, его служитель, меня не выдадите.

Дьякон дал слово, и я откровенно рассказал историю своего спасения. Сказал о моём намерении пройти в Екатеринбург.

Выслушав меня, дьякон начал писать подробный маршрут. Он называл мне многие деревни и велел идти через них, нисколько не опасаясь. Но когда назвал село У…, то входить в него не советовал, а не доходя до села, с полверсты, свернуть с прямой дороги в одну деревню и таким образом обойти село.

Кроме дьякона, в церкви находился староста, который с извинениями в невозможности ссудить меня большей суммой дал мне десять рублей. С благодарностью я принял деньги. Из церкви дьякон повёл меня к себе домой, оставлял ужинать и ночевать. Я поблагодарил, но отказался, боясь причинить неприятности моим добрым хозяевам, если о моём присутствии станет известно.

Тогда жена дьякона принесла из погреба молоко, напоила меня, с собой же дала двух сортов хлеба и масла. Всё это было положено в мешочек.

Дьякон велел переправиться через реку. На моё счастье через неё как раз переезжали доить коров крестьянки. Я попросил их перевезти и меня. Они перевезли, и я, несмотря на отказы, дал за переправу 50 копеек из данных мне старостой денег.

Около реки было сложено в стогах сено. Вдали виднелись строения, но я так устал, что не имел никакого желания идти дальше, а присел у реки и ожидал наступления темноты. Когда стемнело, я присмотрел стог, зарылся в сено и уснул. Ещё было темно, когда я проснулся и пошёл далее, строго придерживаясь данных мне дьяконом указаний. Иду благополучно, нахожу повсюду приветливый приём, пищу, а в ненастье, когда бывало неуютно ночевать в поле или в лесу, – и ночлег в домах.

Подхожу к селу У… Не доходя до него, меня остановили двое мужчин и спросили, куда я иду. Я сказал, что в У…

– Зачем?

– У меня там есть знакомые.

– Идите, – вот церковь виднеется.

Не доходя до села, свернул в сторону, как мне было указано. Зашёл в маленькую деревушку, вероятно, выселки из села. Иду по деревне, – никто не глядит в окна. Лишь в одно окно смотрит женщина. Я подошёл к ней и спросил, каким путём я могу обойти село.

– Идите прямо, потом – налево. Увидите, – там починяют мост. Село и останется вправо. Только скорее идите, через дом от нас живёт коммунист. Вот идёт его мать: она тотчас ему скажет о вас.

Я пошёл указанным женщиной путём. Дорога широкая, но с глубокими колеями подсыхающей грязи. Рядом с дорогой у леса шла хорошая сухая тропинка. По ней я и пошёл. Оглянулся назад – погоня. На телеге едут трое. Думаю: дело плохо. Навстречу едет воз. Я прибавляю шагу, преследователи мои также погоняют лошадь, но по глубоким колеям не могут быстро ехать. Расстояние между нами – около четверти версты. Когда погоня встретилась с возом, я свернул в лес. Преследователи мои не заметили, как и свернул: помешал заслонивший меня воз. Я же наблюдал, как один из ехавших соскочил с телеги и что-то спрашивал у встречного возчика. Думаю: наверно обо мне спрашивает. Я бежал по лесу, куда глаза глядят, но ясно слышал, что за мной гонятся. Слышу голос: «Товарищ!» Другой голос также кричит: «Товарищ!» Я всё бегу. Чувствую, что погони уже нет.

Вышел в поле, усталый, мокрый. Смотрю: тут же, на самой опушке леса, стоит маленькая хижинка, в которой крестьяне отдыхают во время летних работ. С пути я сбился, хлеба с собой нет ни куска. Решил зайти в избушку обсушиться. Разделся, развесил свою одежду для просушки, лёг спать на солому, но заснуть не мог. Задремал только слегка. Вдруг слышу возле самой избушки: «Тпру!» Думаю: теперь не уйти, пришёл конец. Быстро оделся и вышел наружу.

Гляжу: мужчина с женщиной приехали на телеге. Спросил, не им ли принадлежит этот домик. Ответили, что им. Я стал извиняться, что зашёл в него без спроса.

– Ничего, – говорят они, – спите, с Богом. Мы сейчас уйдём работать, а вам оставим хлеб, соль, картофель, чай, сахар. Вот котелок и таганчик. Река рядом, дрова наберёте в лесу. Вот и спички.

Оба они ушли работать, я же остался хозяйничать. Сварил картофеля, скипятил чайник, поел. Отдохнувши, пошёл в лес. Найдя работающими моих хозяев, поблагодарил их и спросил, где я могу найти ночлег. Они указали мне дорогу и дали с собой хлеба. Я пошёл по указанному пути.

Вижу: двое мужчин, из которых один пленный, мечут стог. С ними работают две женщины. Одна из них, уже пожилая, с поспешностью подходит ко мне.

– Здравствуйте, куда идёте? – сказала она сладким голосом.

Излишек приветливости возбудил во мне подозрительность, и я замялся.

– Вы к нам идите, у нас таких много ночует. Вот мой сын. Вася, можно ему у нас переночевать?

– Пускай ночует, – отозвался парень.

Старуха продолжала:

– Вот наша деревня, но сначала зайдите к старосте, спросите позволения переночевать.

Недалеко виднелась деревня. Дойдя до неё, я спросил, где живёт староста. Мне указали его дом. Во дворе встретила меня его хозяйка и сказала, что мужа нет дома, но что он скоро придёт. Когда староста вернулся, я попросил у него разрешения заночевать.

– С удовольствием бы, – отвечал он, – но я – староста и мне неудобно пускать вас на ночлег к себе.

Я спросил, можно ли заночевать в другом месте, и сказал, что просить разрешения меня к нему направили уже пригласившие на ночлег. В это время его жена сунула мне краюху хлеба, извиняясь при этом, что приходится делать это на людях (в это время как раз проходила с работы пригласившая меня к себе на ночлег

семья).

Хотя у меня и было недоверие к пригласившей меня семье, но я всё же пошёл по приглашению. Распрягли лошадей и сели ужинать. Старуха продолжала относиться ко мне с чрезмерной предупредительностью. Двое мужчин – сын и пленный – о чём-то между собой переговариваются. После ужина они пошли за сеном, и я предложил свою помощь. Они на неё согласились. Принесли мы по охапке сена и положили его на телегу. Старуха предложила мне лечь спать. Посидев ещё несколько времени, я улёгся на полатях. Не спится… Думаю: есть что-то подозрительное в поведении и старухи, и мужчин. Слышу: мужчины вышли во двор, запрягли лошадь и уехали. Слышен голос снохи:

– Зачем вы это делаете?

– Молчи, молчи, – отвечает старуха.

Я уже не смыкал глаз, почувствовав себя в западне. Женщины уснули, стало рассветать. Я начал одеваться. Старуха, услышав, что я одеваюсь, прежде меня вышла на улицу.

– Куда же вы? Подождите, вот подъедут наши, будем вместе пить чай.

Я поблагодарил, но поспешил уйти. Думаю, что мои хозяева принимали меры к моему аресту.

Придерживаясь строго данного мне маршрута, иду дальше. Повсюду крестьяне приветливо встречали, кормили, никогда не спрашивая, даже в тех случаях, когда пускали ночевать, кто я таков, куда и зачем иду и тому подобное. Только однажды, когда я попросил хлеба, старик хозяин крикнул:

– Какого тебе ещё хлеба: самим есть нечего, убирайся.

Я пошёл дальше и в поле набрёл на крестьян, пригласивших меня поесть с ними. Когда мы ели, из леса вышел сердитый старик. Сидевшие со мною предложили старику проводить меня до соседней деревни. Старик зло сказал:

– Он сам всё лучше меня знает. Дошёл я до одной деревни, называвшейся Н… Зашёл в первый домик, попросил хлеба. Хлеба мне не дали, но позвали пить чай. Хозяева оказались отличными людьми. Имели уже женатого сына.

Для меня сварили яиц, спекли пышки. К чаю дали сахара, сами же, хотя и едят всё приготовленное, но чай пьют без сахара.

По маршруту от этой деревни мне надо было идти в другую, где жил крестьянин-кустарь, к которому я должен был обратиться. Мой хозяин (буду называть его И.) знал кустаря и отозвался о нём, как о хорошем, надёжном человеке.

Погуляв немного около деревни, я вернулся к моим гостеприимным хозяевам и у них в доме переночевал. Поутру

отправился, куда надлежало. Сразу отыскал кустаря.

– Вы —?… (я назвал его по имени). – Меня к Вам послал отец дьякон…

– Ах, это —… – Он, очевидно, знал дьякона уже давно, так как назвал его просто по имени. – Что же он сказал вам?

Он сказал, что вы можете провести меня к чехословакам.

– Ой, нет, нет. Никак не могу. И не просите. Раньше ещё было возможно, теперь же никак нельзя, везде заставы.

– Что же делать? – спрашиваю.

– Пойдёмте к нам в дом, там переговорим. Сели ужинать. Предложили мне заночевать, чем я и воспользовался.

На утро пошёл обратно в деревню, где я был накануне, У добрых людей пообедал. Думаю: куда деться? Идти по маршруту – невозможно, всюду заставы. Хозяин мой, И…, предложил пока ночевать у них. Днём же от любопытных взоров укрываться в лесу. Захватив с собою хлеба, я не захотел возвращаться на ночь в деревню, а решил заночевать в лесу. Подыскал в глухом лесу скирду сена, зарылся в неё и переночевал таким образом три ночи. Только один раз ходил в деревню к моим доброжелателям запастись хлебом. По счастью, погода стояла тёплая и сухая. На третью ночь, рано поутру, приехали за сеном и стали брать его вилами, по счастью, с другой стороны, и меня не задели. Вылез из скирды, подошёл к двум крестьянам, бравшим сено, извинился перед ними в том, что помял его и ушёл. На другую ночь не пошёл в лес, а зашёл в одну деревню, лежащую поблизости. Зашёл в один из домов. Оставили обедать, предложили ночлег. Так как к вечеру пошёл дождь, то я и заночевал здесь. После ужина уложили на полати спать. Поутру, после чая, я опять пошёл бродить по лесу. Пройдя довольно большое расстояние, подошёл к какой-то церкви. Она была заперта, и помолиться в ней не удалось.

Зашёл к священнику и спросил его, как пройти к чехам.

– Ой, уходите скорее… Мать, дай хлеба и чаю. Тут всюду красные. Уходите, Бога ради.

Взяв поданный мне хлеб, я поскорее ушёл опять в лес. Иду лесной дорогой, никого не встречаю. Вижу, идёт молодой крестьянин с ружьём и собакой. Я растерялся и пустился бежать в лес. Встречный кричит мне:

– Дядя, дядя, не бойтесь. – Смеясь, он подошёл ко мне. – Я сам таков же, как и вы.

Объяснил мне, что он видал меня ранее в одной из деревень. Сказал, что он не одинок, но что многие местные жители подкарауливают красных. Мы разошлись.

Ночевал я или в разных деревнях, или чаще в лесу. Однажды,

ночуя в сене, услышал возле себя какое-то пыхтенье. Выглянул – волк. Я испугался и крикнул. В свою очередь, испуганный моим криком убежал и волк.

Ночуя в лесу, в деревни заходил за пищей. Редко искал ночлега. Идти дальше было опасно. Кружился около одного и того же места; многие из окрестных жителей меня уже знали в лицо.

Однажды зашёл к крестьянину спросить хлеба. Вошёл в избу и вижу, как женщина, по виду интеллигентная, покупает творог, молоко, яйца, хлеб. Меня это заинтересовало, и я спросил, для кого же она покупает.

– Покупаю для мужчин, – отвечала она тихонько. – Со мною идут трое, между ними и мой муж. Мы убежали, теперь пробираемся к чехословакам. На меня, как на женщину, не так обращают внимание.

– Нельзя ли и мне присоединиться к вам? – спросил.

– Отчего же, я сейчас ухожу к мужчинам: они сидят в лесу. Вы немного подождите и тоже идите.

Я так и сделал. Зная лес, я скоро нашёл их. Они были уже предуведомлены и манили к себе знаками. Я спросил о цели путешествия. Отвечали, что идут к чехословакам, сказал, что иду туда же, но не знаю дороги. Они предложили мне идти вместе с ними и объяснили, что у них есть план: пользуясь отступлением красных, пройти в разрыв фронта. Хотели они сделать это в тот же день.

– Но имейте в виду, что нам, может быть, придётся бежать. Помните, что через два-три дня можно будет пройти совсем легко.

Последнее замечание было вызвано тем обстоятельством, что я производил впечатление человека много старше своих лет: у меня была огромная борода; к тому же тюрьма и жизнь беглеца меня изнурили.

Высказанное ими мнение, что через короткий срок можно будет пройти без затруднения, остановило меня от присоединения к ним. Впрочем, брало и сомнение – не красные ли они.

Сапог у меня не было уже давно – разбились совершенно. В одном доме дали лапти, в другом – онучи и оборки. Всё это получил в подарок.

Однажды И… у которого я чаще всего бывал в доме (в деревне Н.), сказал мне:

– Вас уже все здесь узнали: говорят, что вы или профессор, или богатый священник.

– Что же делать? – спрашиваю я.

– Отдайте пальто и наденьте крестьянскую одежду.

– Я давно хотел это сделать, да не знаю, как. При этом разговоре присутствовал женатый сын И.

– У меня есть лишняя поддёвка, – сказал он.

Я обрадовался, надел на себя поддёвку, отдал молодому человеку пальто. Он долго отказывался, но, в конце концов, согласился взять его. Дали мне крестьянскую шапку, подпоясали кушаком, засунули за пояс топор и я, уподобясь по внешности крестьянину, стал чувствовать себя увереннее.

Как и прежде, блуждал в лесу около деревень. Ночевал то в лесу, то в деревнях. Отношение крестьян всё время было отличным. Побывал в бане. И сам попарился, и одежду освободил от насекомых. Кроме пара, для этого употреблял ещё берёзовый дёготь, обмазав им на себе поддёвку, всё тело. Насекомые пропали совершенно.

Зашёл однажды в избу, хозяева которой оставили обедать. Пришёл мужчина с той же просьбой, как и я: хлеба, но на троих.

– Где же остальные? – спросил хозяин. – Пусть идут сюда, не боясь.

Те пришли, поели. На вид они мне показались подозрительными. Я спросил их, куда они идут.

– Мы пробираемся к белым, – был ответ.

– Не возьмете ли вы меня с собой? Я такой же беглец, как и вы.

Они переглянулись.

– Отчего же, пойдёмте.

– А вы надеетесь пройти через фронт? – спросил я их.

– Надеемся, и в скором времени. Но я всё-таки не решился идти с ними: очень уж они походили на красноармейцев-перебежчиков.

Во время блужданий по лесам, когда, бывало, завидишь встречного, то стараешься свернуть от него в сторону. То же самое, обыкновенно, делал и встречный. Случалось, что уклоняясь друг от друга, в лесу нечаянно встречались лицом к лицу. Потом, разговорясь, удивлялись, зачем убегали друг от друга.

Наступает уже глубокая осень. Холод и сырость заставляют искать возможности поскорее достигнуть цели.

Однажды встретился я с молодым человеком, с которым я ранее встречался в лесу: он был с ружьём и с собакой. Он посоветовал мне идти, сказав, что пробраться к чехам теперь вполне возможно. Указал он мне и путь, которым легче всего пройти.

На другой день молодой И. проводил меня в деревню, версты

за четыре. Там спросили, нет ли поблизости красных. Сказали, что красноармейцы повсюду, что все дороги тщательно ими охраняются. Часто они заходили и в деревни. Дело было к вечеру, и я решился вернуться назад, в деревню Н., несмотря на настояния моего спутника. Оставаться ночевать в деревне – тоже побоялся. Решил идти обратно, в деревню Н., но по пути где-нибудь заночевать. Все в деревнях знали, кто я. Так, например, когда я проходил деревней, то один крестьянин звал меня на ночлег, крича полным голосом:

– Узнал что. Иди сюда ночевать: в поле холодно.

Хотя погода стояла действительно холодная, но я всё же не решился ночевать в деревне. Поблагодарил, но отказался.

Стало уже сильно темнеть, но ночлега себе я ещё не выбрал. Случайно набрёл на большую кучу соломы. Влез наверх, раскопал кучу, зарылся в солому; пытался заснуть, но вместо того, пришлось скорее вылезти из соломы: она оказалась сырой, а на дворе был небольшой мороз. Лёжа в соломе, я начал коченеть от холода. С трудом вылез из кучи, стал бегать, чтобы согреться. Рано утром идёт домой мой провожатый, заночевавший в деревне. Вместе с ним я вернулся к его родителям. От ходьбы я согрелся и пришёл в дом, чувствуя себя много бодрее. Поставили самовар, уговаривали раздеться и лечь спать на полати. Я лёг, но не разделся, а разул только ноги. Самого хозяина не было дома: он ушёл в волостное правление.

Не успел я задремать, как слышу встревоженный голос:

– Дядя, красноармейцы скачут.

Выглянул – действительно скачут шестеро красноармейцев. Быстро обулся, выбежал во двор, схоронился. Когда они проскакали, то я, прячась, с опаской ушёл в лес.

Таким образом, я спасся. Дом, в котором я находился, стоял на краю деревни. Красноармейцы приезжали сделать обыск, и я был уверен, что начнут обыскивать с нашего конца. По счастью, обыскивать стали с другой стороны деревни.

Обыск был вызван тем обстоятельством, что накануне через одну из соседних деревень проходила кучка вооружённых людей. Ходили слухи, что это белые.

Деревня наша была небольшая, дворов около десятка. Когда я убегал, молодой И. позвал меня ночевать:

– Дядя, приходи потом ночевать.

Звали меня постоянно «дядя». Все были настолько чуткими и деликатными, что ни разу никто не спросил меня об имени.

Весь день я, голодный, постоянно оглядываясь, пробродил по лесу. Когда начало темнеть, то крадучись, с опаскою, со стороны поля – не с улицы, я вошёл во двор. Никого уже не было.

Поужинали, и я лёг спать. Поутру пьём чай. Мне, как всегда, положили два кусочка сахару, сами же хозяева пьют пустой чай. За чаем старик говорит мне:

– Вот что, дядя, в правлении мне говорили: ты его принимаешь, это хорошее дело. Но смотри: застанут его у тебя красноармейцы, расстреляют вас обоих.

– Я знаю это, – отвечал я, – поэтому-то я так часто отказываюсь от вашего гостеприимства и только в крайних случаях им пользовался.

Итак, надо было уходить. Наступают морозы. Накануне дня моего ангела – митрополита Алексея, 5 октября старого стиля я распрощался с моими добрыми хозяевами; И. и сын хозяйский проводили меня в одну из окрестных деревень к своему родственнику. Дорогой шли мы рядом. Думаю: ведь так идти опасно. Сказал своему спутнику, чтобы он шёл вперёд, я же несколько поотстану. Если он увидит верховых, то он должен сделать знак рукой, подняв руку. Таким порядком мы и пошли дальше. Вижу, далеко, навстречу, едет всадник. Мой же спутник условного знака не делает. Я, думая, что он не замечает, побежал в лес и там скрылся, потеряв из вида своего спутника. Долго я бродил по лесу, прежде чем снова вышел на дорогу. На ней – никого не видно. Через некоторое время наткнулся на моего проводника. Он меня тоже искал.

– Зачем, дядя, убегал? Это родня мне ехал. Он видел тебя, посмеялся над тобой.

Пришли к родственнику молодого человека. Хозяйка подала обед; сели за него; через некоторое время приходит хозяин, который, оказалось, не узнал моего спутника, своего родственника, спрятался. И только после нашего прихода ему сказали, кто мы. Здороваясь, он сказал:

– Я в таком же положении, как и вы. Меня также преследуют большевики.

Мы разговорились, и он спросил меня о моих намерениях. Я рассказал.

– Хоть и далёким обходом, но к чехословакам выбраться возможно. Я напишу, каким путём идти, а вы идите смело, да поскорее. Красные только вчера отошли от этих мест.

Он написал мне маршрут, упомянул, что на пути встретится река, которую надо переехать. Я сказал, что у меня нет денег для уплаты за переезд, он мне возразил, что денег и не надо, перевезут даром.

Я пошёл и скоро дошёл до реки. На берегу женщина доила коров. Я попросил её перевезти меня через реку. Она велела дочери перевезти меня. Та села верхом на лошадь, а я позади

девушки. Частью вброд, частью вплавь переправились через реку. Пошёл дальше по грязной дороге, по которой лошади еле-еле тащили возы с сеном. Эта дорога привела меня в деревню, где я быстро разыскал указанного мне крестьянина: спросил о нём первого встречного, который показал мне на раскрытое окно, около которого сидел тот, которого я искал (днём было довольно тепло). Я, подойдя к окну, спросил, не такой-то ли он. Получив утвердительный ответ, я сказал имя пославшего меня крестьянина. Меня позвали в избу. Я попросил указать путь к чехословакам, рассказав, по его просьбе, об указанном мне пути. Мой собеседник одобрил маршрут, подтвердив, что этим путём действительно можно пройти безопасно. Пока мы с ним разговаривали, его жена и сноха накрыли на стол, и мы сели ужинать. После ужина на полу постлали тюфяк, дали подушку и одеяло. Я отказался, говоря, что я грязен, запачкаю чистые вещи, но они настаивали, и я лёг.

Поутру, после чаю, хозяин рассказал мне подробно, как идти дальше, и показал дорогу. Идя по ней, к вечеру я вышел к хутору, собственника которого расхваливал мой вчерашний хозяин. Стоит хороший дом, на дворе очень чисто. Молотят женщины. Подойдя к ним, я спросил, как называется этот хутор. Название его совпало со сказанным мне. Спросил о хозяине.

– Вон он в поле далеко работает. Идите в дом, не смущайтесь тем, что там никого нет. Мы скоро кончим, – придём, да и хозяин скоро подойдёт.

Не прошло и часу, как они все пришли. Хозяин стал меня расспрашивать. Я сказал, по чьему указанию я пришёл к нему в дом.

– Как же, хорошо его знаю, – заметил хозяин.

Собрали ужинать. За столом хозяин сказал мне:

– Спите спокойно: завтра-послезавтра будете у чехов. Рано утром я сведу вас к знакомому старосте, а он вас проводит дальше.

Утром на другой день, после чая, хозяин спросил меня:

– Вы готовы? Я вас проведу до своего гумна, а дальше вы идите один.

Я сказал ему, что опасаюсь сбиться с дороги и прошу проводить меня до самого старосты, как он вчера и обещал.

Хуторянин сказал мне, что он предполагал бы сегодня заняться неотложной работой, но всё-таки согласился меня довести. Отдав наскоро необходимые распоряжения, он проводил меня до старосты. Было ещё раннее утро. В доме у старосты его хозяйка пекла разные пироги и пирожки, всё в большом количестве. Появился на столе самовар, и меня усадили кушать и,

хотя я и был вполне сыт, накормили-таки ещё. Хуторянин торопился домой и просил старосту довести меня до места. Тот уверил, что сделает это, и хуторянин пошёл домой. Староста же пошёл со мной показать дорогу. Это было недалеко. Перелезли через изгородь, и староста довёл меня до просеки.

– Идите по просеке, – сказал он, никого не встретите: нет ни диких зверей, ни большевиков. На пути встретятся ручьи, их перейдёте по кладенкам. В случае сомнений в правильности направления, оглядывайтесь назад, потом смотрите вперёд: просека покажет правильное направление, в котором надо идти. В конце просеки находится деревня.

Мы расстались, и я пошёл по просеке. По ней прошёл восемь вёрст. При переправах через ручьи немного замочил ноги. Просека привела меня в маленькую деревушку, всего-навсего из двух домов. У конца просеки был забор, через который я должен был перелезть. У девушки, которая гнала коров, я спросил, где деревня…

– Да вот же она.

– Да ведь тут только два дома.

– Что же из того: так она называется. Вошёл в один дом. Спрашиваю:

– Можно войти?

– Ишь, спросил, когда вошёл, – сказал старик, тачавший сапоги.

Я попросил попить.

– А чего хотите? Дайте-ка молока.

Я выпил молока и спросил, как пройти в деревню… Брат старика, ещё не старый, подпоясываясь, сказал мне:

– Я сейчас иду туда. Пойдёмте со мною. Я уже совсем готов.

Пройдя восемь вёрст нелегкой дороги по просеке, я устал, но всё же пошёл с ним. Он спросил меня, куда же я иду дальше. Я отвечал, что иду к чехословакам. Он пообещал довести меня до деревни путём, которым никого не встретим, а от этой деревни уже недалеко и до чехословаков.

Повёл он меня глухими тропинками, где мы никого не встретили. Подошли к деревне, но в неё не входим, а пошли по задворкам вдоль ряда и с поля вошли в один из домов. Прошли мы версты четыре. Спутник мой был хороший ходок, я же очень устал, пройдя ранее восемь вёрст.

Провожатый обращается ко мне и говорит:

– Подождите минутку.

Вижу, встретил его, по виду очень сильный мужчина, и они о чём-то переговариваются. Взяло сомнение, не к большевикам ли привёл он меня. Сомнения мои рассеялись, когда он вернулся и

сказал:

– Теперь идите таким путём: вот там дорожка, пойдёте по ней прямо, потом налево.

Я стал просить его довести меня до дороги. Он провёл меня и точно указал, как идти дальше.

– Идите прямо, потом налево до железной дороги. Никого не встретите: большевиков нет уже трое суток.

Думаю, как бы мне его, на радостях, отблагодарить. Снял с шеи крест и отдал ему. Он стеснялся было взять крест, но потом всё же взял его.

Уже смеркается. Видно, навстречу кто-то едет, везёт снопы или сено – не разобрать в сумерках. Я свернул с дороги и сел в леску. Слышу, молодой голос поёт песни. Я намеренно вышел на дорогу и пошёл навстречу. Спросил парня, как пройти к полотну железной дороги. Он отвечал, чтобы я продолжал идти так, как шёл до сих пор. Упрусь в полотно железной дороги. Я смелее:

– Я на большевиков не наткнусь?

– Их уже давно здесь нет. Но куда же вы идёте: здесь ведь нет станции.

Я объяснил, что пробираюсь к чехословакам. Он сказал мне, что тогда надо идти по полотну ещё версты три. На моё замечание, что я устал и не в силах идти так далеко, он посоветовал:

– Так и не идите сегодня. Пойдёте к ним завтра, а ночь переночуете в железнодорожной казарме.

У Чехословаков

Я послушался его совета. Вошёл в казарму, в ней две женщины. Спросил разрешения войти. Они пригласили меня внутрь дома.

– А вы живёте здесь? – спросил я.

– Нет, мы стираем на чехословаков.

– Так что же вы здесь делаете?

– Ожидаем мужей, они на работе, скоро придут, но ночевать не будут, – сегодня суббота, – все разойдутся по домам.

– Так что возможно будет мне переночевать здесь?

– Пожалуйста. Выбирайте любое место на скамейках, пользуйтесь одеждой, а если хотите, вытопите печку, просушитесь.

После их ухода я последовал их совету: затопил печь, разделся и спокойно проспал до утра. Утром пошёл к чехословакам. Они находились на станции, верстах в двух. Не знаю, к кому и куда обратиться. Вижу, сидят двое молодых

людей. Я спросил их, от кого я могу получить разрешение на проезд в Екатеринбург. Они мне ответили, что в контору только что прошёл заведующий, от которого зависит выдача проездных билетов. Я вошёл в контору и обратился с просьбою выдать билет в Екатеринбург. Чех грубо крикнул:

– Какой ещё тебе нужен билет? Уходи вон отсюда. Придёшь после.

Я вышел и, обратясь к молодым людям, сказал, что чех билета не даёт. Спросил их, что делают здесь они сами. Ответили, что сидят здесь уже третий день. Никуда не пускают, но ни в чём и не обвиняют, но почему-то задерживают. Я стал ожидать. Ждал целых два часа. Опять пошёл в контору. Попросил выдать билет. Чех на этот раз уже спокойно спросил, куда мне надо. Я ответил, и он написал разрешение на проезд до Екатеринбурга, ничего больше не спрашивая. Предупредил, что поезд отойдёт через полчаса. Стал ожидать поезда; прошло полчаса, а его всё нет. Стоит на станции поезд с беженским эшелоном. Мне сказали, что он скоро отойдёт. Я сел в него. В вагон меня не пустили, и я просидел всю ночь на площадке, по счастью, закрытой; ночью погода была холодная. На одной из станций я зашёл в буфет 2-го класса. Подсчитал остаток от десяти рублей и увидел, что денег у меня хватит только на суп. Спросил его. Принесли его в тарелке (не в мисочке, как другим) с небольшим кусочком хлеба. Заметив мой аппетит, мой сосед по столу уступил мне свой хлеб. Подавали, как обычно, другим – мельхиоровые ложки. Мне же, очевидно, принимая во внимание мой костюм и всю наружность, дали деревянную.

В Екатеринбурге

В Екатеринбург приехали утром, между 6 и 7 часами, с вокзала я прямо направился к тюрьме, где меня знали и где я мог рассчитывать на приветливую встречу. Я не ошибся в своих предположениях.

Идти пришлось через весь город, версты три. Дойдя до тюрьмы, я стал стучаться в ворота. В глазок посмотрел надзиратель.

– Господин Волков, вы ли это?

– Да, я.

– Вы к нам?

– Я хотел бы видеть начальника тюрьмы.

– Его ещё нет на службе, но он скоро придёт. Заходите в контору.

В контору я не пошёл, но стал ожидать начальника тюрьмы

на улице. Идёт мимо надзиратель, дежуривший около нашей камеры. Он уже прошёл мимо меня, но, оглянувшись, воскликнул:

– Господин Волков, это ведь вы?

– Да, я.

– Что с вами случилось? Господи, Господи, да ведь вас, слышно было, расстреляли.

– Как видите, покамест я ещё жив.

Надзиратель звал меня к себе пить чай, говоря, что сейчас с рынка вернётся его жена и поставит самовар. Заметив вдали подходившего начальника тюрьмы, я отказался. Когда начальник тюрьмы подошёл (он был одет по форме), я назвал его по имени и отчеству. Посмотрев на меня, он сказал:

– Что вам угодно?

– Не узнаёте меня?

Он вскричал:

– Господин Волков! – И бросился меня целовать. Вчера по вас мы панихиду отслужили.

Пошли мы в контору тюрьмы. Здесь все, кто меня знал, встретили приветливо и радостно. Начальник велел запрячь лошадь, и мы с ним поехали в город, так как надо было как-нибудь почище и поприличнее одеться. Пальто купить не удалось, купили дождевик. Купили также рубашку, чулки, сапоги и простую фуражку. Кальсон не нашли нигде. Их мне выдали из тюремного запаса. Не переодеваясь, я с начальником тюрьмы поехал по начальству. Не застали командующего войсками Голицына, но зато повидали губернатора.

Это был молодой ещё человек, прежний адвокат. Одновременно со мною он сидел в тюрьме, откуда был выведен на расстрел. Когда стали ставить под ружейные дула, он, будучи небольшого роста, пригнулся и, крадучись сзади ряда установленных на расстрел, скрылся. Бегству помог ещё густой туман. Надо было переплывать реку. Он разделся, связал в узел одежду и поплыл. Узел вывалился и утонул. Переплыв реку, он голым вошёл в один из знакомых домов, где его одели и где он скрывался некоторое время. По уходе красных он смог вернуться в Екатеринбург, где жил ранее.

Губернатор пригласил меня к себе обедать. К ужину же я пообещал прийти к начальнику тюрьмы. После обеда я зашёл в парикмахерскую, а оттуда – в баню. Номерные бани оказались все занятыми. Попросил дать номер, хотя бы на четверть часа. Наскоро, кое-как, помылся, переоделся, оставив в бане всю грязную одежду.

Ещё за обедом губернатор уговорил меня прийти к нему поужинать.

– Я не хочу вас отпускать, – говорил он. – В нашем спасении от смерти – много общего, которое нас с вами сближает.

У губернатора, когда я пришёл к нему, были гости. За хорошим ужином разговорились. Вкратце я рассказал историю своего спасения. Разошлись гости поздно ночью.

Уже в течение долгого времени мне не доводилось спать с такими удобствами и так сладко, как в эту ночь в губернаторском доме.

Утром, тотчас после чаю, я пошёл к командующему войсками, которого вчера не застал дома. Служащие управления, видевшие меня вчера, до переодевания, сегодня меня не узнали. Генерал Голицын принял меня очень любезно. Обо всём расспросил, дал денег и распорядился о выдаче мне бесплатных путевых документов до Тобольска. У командующего войсками в это время находился член суда Сергеев, производивший тогда дознание об убийстве царской семьи. Он попросил меня побеседовать с ним. Когда я согласился, он позвал к себе обедать. После обеда до самого вечера я давал показания, и вследствие этого у начальника тюрьмы опять побывать не пришлось. Кончив допрашивать, Сергеев просил меня прийти и завтра, но я отказался, говоря, что хочу поехать в Тобольск, поскорее повидаться со своей семьёй. Он оставлял меня, обещал дать квартиру и содержание. Я отказался.

– В таком случае, если вы не хотите остаться, я сам к вам приеду или вас вызову, – сказал Сергеев. – Согласны? Вы даёте подробные показания, Чемодуров же, который жил здесь, как будто неохотно показывал, – добавил он.

После допроса я поехал к начальнику тюрьмы. Он встретил меня весьма радушно и просил остаться у него заночевать. Я, поблагодарив его, с ним распрощался. Зашёл к доктору Деревенко, недолго у него побыл, выпил стакан чаю – и на вокзал. Железнодорожное движение ещё не было вполне налажено: поддерживалось товаропассажирскими поездами. Хотя билеты были выданы классные, но сесть пришлось в товарный вагон, грязный, с навозом на полу. Было холодно, а на мне вместо пальто был надет дождевик. Через три станции прицепили классные вагоны, и я перешёл туда. В вагонах было достаточно тепло. Утром на одной из станций я хорошо закусил. Буфет был полон кушаний, да и угостили меня с большей предупредительностью, чем во время поездки, в качестве беглеца до Екатеринбурга.

В Тюмень поезд пришёл поздно ночью. Извозчик возил меня по всем гостиницам, но места нигде не было. Ночлег нашёл в одной частной квартире у еврея. Утром пошёл на реку

удостовериться в том, что навигация окончилась. Я не верил этому известию, но пришлось убедиться в его истине.

Надо было ехать на лошадях. В управлении лошадей дали тотчас же. Обещали прислать ямщика, с которым я могу сговориться относительно времени. Дома я застал гостя, одного из придворных служащих. Меня очень удивило то обстоятельство, что он меня разыскал. Он дал мне адрес сослуживцев: Жильяра, Теглевой, Эрсберг, баронессы Буксгевден. Жили они все вместе. Я пошёл к ним. Они моему приходу очень удивились, так как считали меня расстрелянным. Все они жили очень скудно. Сели обедать. Обед был очень бедный, плохой. О многом мы переговорили. Баронесса Буксгевден заинтересовалась предстоящей мне поездкой. Дала мне в дорогу валенки и доху. Было уже морозно, и я был очень доволен, получив эти вещи.

В Тобольске

Мы распростились, и я потребовал лошадей. На перекладных лошадях благополучно доехал до Тобольска. В Тобольске прежде всего зашёл на монастырское подворье, рассчитывая там получить лошадь для поездки в монастырь, где жила моя семья. Лошадей не оказалось, и я, вдвоём с одной монахиней, пошёл в монастырь. Путь туда показался на этот раз мне коротким – сильно хотелось увидеть близких.

Мои семейные, разумеется, были очень обрадованы. О моём «расстреле» они ничего не слыхали. Игуменья оберегала их от подобных известий. Игуменья распорядилась вытопить баню, и я, помывшийся, пошёл к семье.

В Тобольске жизнь сытая, и в семейном кругу потекла спокойно. До моего приезда семью, оставшуюся без средств, содержал Ивановский монастырь, в котором мы и продолжали жить после моего возвращения.

Через некоторое время я был вызван во Владивосток генералом Ивановым-Рыновым. Были также вызваны Т. Е. Мельник (дочь Е. С. Боткина) и её брат Г. Е. Боткин. Все мы получили даровые прогоны и суточные. Зачем меня вызывали во Владивосток, я не знаю до сих пор. Мельник и Боткин говорили, что хотели быть во Владивостоке со своими близкими (во Владивостоке жил брат покойного Е. С. Боткина), к тому же в Тобольске они чувствовали себя далеко не в безопасности.

Во Владивостоке я жил в поезде генерала Крещатицкого. Ожидал всё время, что выяснится, зачем меня вызывали, но так и не дождался. Многие жители Владивостока зазывали меня к себе и расспрашивали о пережитом. Этим всё и ограничивалось. Время

идёт, но мне никто не объясняет, зачем меня вызвали и чего от меня хотят. Так продолжалось около месяца. Решил ехать назад, к семье. Но не знаю, каким способом это моё намерение осуществить. На моё счастье, в Омск шёл экстренный поезд английской миссии.

Поездку с этим поездом и устроил мне Гиббс, служивший в это время в миссии. С поездом миссии я благополучно доехал до Омска, а от него на пароходе «Товарпар» – до Тобольска, куда прибыл 9 июня старого стиля. Здесь я жил до 21 августа, когда за мною приехал адъютант генерала Дитерихса, Борис Владимирович Молостов. Генерал Дитерихс велел перевезти меня с семьёю в Омск.

Из Тобольска выехали мы на пароходе «Ольга». Уже бродили не очень крупные повстанческие отряды, и наш пароход по пути был обстрелян. К счастью, обстрел был безрезультатен.

В Омске хотели для меня реквизировать квартиру, но я остановился у своих знакомых, с которыми списался заранее. Встретили они нас очень радушно.

В Омске

На другой же день по прибытии в Омск я получил от судебного следователя Соколова просьбу прийти к нему для дачи показаний. К назначенному времени я был у следователя. Соколов, производивший следствие об убийстве царской семьи, принял меня очень любезно. Допрос этот продолжался до самого моего отъезда из Омска, до 21 сентября. В течение этого месяца я побывал у генерала Дитерихса и верховного правителя адмирала Колчака, расспрашивавших меня о царской семье.

Уже чувствовалось, что большевики приближаются: из Омска вывозили ценности, излишки военных запасов. Генерал Крещатицкий предложил мне эвакуироваться в его вагоне в Харбин. Случай представлялся очень удобный, и генерал Дитерихс разрешил мне эвакуацию. Доехали мы без приключений, но с нами была охрана: впереди шёл бронепоезд, а нам всем было выдано оружие. Был в вагоне поставлен и пулемёт. [493]

Литературное наследие А. А. Волкова

1. Около Царской Семьи. Предисловия Великой Княгини Марии Павловны и Е. П. Семёнова. Париж, 1928.

2. Около Царской Семьи. Частная фирма «Анкор». Составители: А. Н. Коробов, И. П. Хабаров. М., 1993.

Литература о А. А. Волкове

1. Чернова О. В. Верные до смерти. СПб., Издательство «Сатисъ», 2007.

2. Чернова О. В. Верные. О тех, кто не предал Царственных Мучеников. М., Издательство «Русскій Хронографъ», 2010.

Глава 6
Камердинер при Особе Наследника Цесаревича и Великого Князя Алексея Николаевича Клементий Григорьевич Нагорный

Ещё одним верным царским слугой был К. Г. Нагорный, жизненный путь которого также мало освещён в какой-либо литературе, посвящённой теме Царской Семьи. Однако, благодаря проведённому автором исследованию, теперь об этом человеке можно рассказать немногим больше.

Клементий Григорьевич Нагорный родился 25 января (ст. ст.) 1887 года. Происходил из крестьян села Пустоваровки Антоновской волости Сквирского уезда Киевской губернии. Был холост.

На действительную военную службу, которая для него начала исчисляться с 1 января 1909 года, был принят Сквирским Уездным по воинской повинности Присутствием 29 октября 1908 года.

После окончания Кронштадтской Учебной Команды 11 апреля 1909 года К. Г. Нагорному присвоена категория Матроса 2-й статьи. Определён в Гвардейский Экипаж, где ему 9 мая 1910 года была присвоена категория Матроса 1-й статьи.

Проходил службу на Императорской Яхте «Штандартъ» в должности рядового матроса, а во время пребывания на судне Царской Семьи исполнял обязанности Каютного (каютного матроса) при Наследнике Цесаревиче Алексее Николаевиче.

Начиная с мая 1909 и по сентябрь 1913 года К. Г. Нагорный в составе экипажа упомянутого судна сопровождал Царскую Семью во всех Её официальных визитах и на отдыхе.

За эти годы малолетний Наследник Цесаревич сильно привязался к своему старшему товарищу, который стал для Него одним из самых близких людей.

К началу октября 1913 года срок воинской повинности Матроса 1-й статьи К. Г. Нагорного подходил к концу, вследствие чего им было получено предложение от Государыни продолжить срок своей службы, но уже в качестве Лакея.

Получив его личное согласие, Государыня отдала соответствующее распоряжение.

Согласно ему, 17 июля 1913 года Обер-Гофмаршал Высочайшего Двора Граф П. К. Бенкендорф направил

Заведующему Канцелярией Ея Величества Государыни Императрицы Александры Фёдоровны и Управления делами Августейших Детей Их Императорских Величеств Графу Я. Н. Ростовцову Отношение за № 3267, в котором сообщал, что: *«… Государыне было угодно повелеть (…) Матроса 1-й статьи К. Г. Нагорного, срока службы 1909 года, определить Лакеем сверх штата к комнатах Их Высочеств Августейших детей Их Императорских Величеств»*. [494]

А, кроме того, он также пояснял, что К. Г. Нагорный в конце сентября – начале октября заканчивает свою службу в Гвардейском Экипаже, после чего: *«… будет прислан в Ливадию для вступления в дежурство»*. [495]

3 сентября 1913 года К. Г. Нагорному была направлена повестка, на основании которой ему следовало явиться в Ливадию для представления при вступлении в новую должность. Однако это распоряжение К. Г. Нагорный выполнить не мог, поскольку срок его службы заканчивался только лишь 1 октября 1913 года, о чём он и уведомил означенную канцелярию соответствующим рапортом от 15 сентября.

Официальное назначение Клементия Нагорного на должность Лакея 2-го разряда при комнатах Августейших Детей состоялось 28 сентября 1913 года, то есть после того, как Государыня на представленном Ей письменном докладе Графа Я. Н. Ростовцова собственноручно начертала *«Согласна»*. А так как к тому времени К. Г. Нагорный не успел обзавестись семьёй, он был зачислен в штат Гофмаршальской Части с годовым окладом 460 рублей, к которым были также прибавлены ещё 240 рублей так называемых «квартирных» денег, предназначавшихся на оплату жилья.

Свои обязанности в новой должности К. Г. Нагорный стал исполнять с 11 октября 1913 года. И, как особо отмечалось, *«с сохранением обмундирования матроса»*. То есть свои непосредственные обязанности К. Г. Нагорный должен был выполнять в форме матроса Гвардейского Экипажа.

Однако уже с 22 ноября 1913 года он был назначен на должность Помощника дядьки с тем же окладом *«без наименования лакеем»*.

Едва начав службу, расторопный матрос сразу обратил на себя внимание безукоризненным выполнением своих обязанностей, в силу чего доктор Е. С. Боткин решил принять личное участие в его судьбе.

Так, 7 декабря 1913 года он писал Графу Я. Н. Ростовцову:

> «… Теперь ещё подоспело дело, которым я должен побеспокоить Вас и о котором Вам уже телеграфировал

[496]предварительно М. М. Аничков, – о назначении только что принятого на службу к ВЫСОЧАЙШЕМУ Двору матроса Нагорного – помощником боцмана Деревенки. Из сказанного мне ЕЯ ВЕЛИЧЕСТВОМ я понял, что фактически боцман Деревенко будет по прежнему называться дядькой ЕГО ВЫСОЧЕСТВА НАСЛЕДНИКА ЦЕСАРЕВИЧА, но юридически он должен занимать место камердинера, а его помощник, Нагорный, гардеробщика, а соответственно этим назначением должно быть и их содержание от Двора, независимо от того, что они могут получать по своей морской службе. Определить это содержание здесь не представлялось возможным, т. к. ИХ ВЕЛИЧЕСТВАМ угодно, чтобы оно равнялось тому, что получали соответствующие служащие, т. е. камердинер и гардеробщик ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА, когда ЕГО ВЕЛИЧЕСТВО был НАСЛЕДНИКОМ ЦЕСАРЕВИЧЕМ. Кроме того, ЕЯ ВЕЛИЧЕСТВО изволила указать, что содержание боцмана Деревенки должно быть больше содержания его помощника Нагорного, остающегося тоже в морской форме, а содержание последнего не должно быть меньше того, на которое он был взят в качестве лакея ИХ ВЫСОЧЕСТВ.

(…)

P.S. Относительно замены Нагорного, – получившего новое назначение, – для службы у стола ИХ ВЫСОЧЕСТВ, – ЕЯ ВЕЛИЧЕСТВО изволила решение несколько отложить». [497]

16 января 1914 года Командир Гвардейского Экипажа Контр-Адмирал Граф Н. М. Толстой направил Графу Я. Н. Ростовцову Уведомление за № 400, в котором сообщал, что этим же днём к нему явился Матрос 1-й статьи К. Г. Нагорный, доложивший *«о выраженном желании оставить его на сверхсрочную службу»*. А так как, согласно существующему в то время положению, матросы и рядовые неспециалисты не могли быть оставлены на сверхсрочной службе, *«то Нагорный мог быть зачислен на таковую только с ВЫСОЧАЙШЕГО ЕГО ИМПЕРАТОРСКОГО ВЕЛИЧЕСТВА повеления»*. [498]

Вполне естественно, что таковое вскоре было получено, о чём граф Я. М. Ростовцов не замедлил сообщить Контр-Адмиралу Графу Н. М. Толстому в письме за № 835 от 7 февраля 1914 года.

В своём ответном послании от 10 февраля последний сообщал, что К. Г. Нагорный:

«будет получать от Экипажа: казённое обмундирование натурою, штатное жалование матроса по званию матроса 1-й статьи 12 р. 90 к., добавочного 240 р. в год и в конце года единовременную денежную выдачу в 40 руб. (…) А, кроме того, находясь в плавании, он будет получать и морское денежное довольствие по положению».

После того как Граф Я. Н. Ростовцов был извещён, что К. Г. Нагорный оставлен на сверхсрочной службе в Гвардейском Экипаже с упомянутым окладом и вещевым довольствием и присвоением ему чина Квартирмейстера, он известил об этом Государыню письменным докладом от 26 февраля 1914 года.

Сообщая о назначенном К. Г. Нагорному денежном довольствии в Гвардейском Экипаже (252 руб. 90 коп. + единовременное пособие в 40 руб.), а также о его окладе Лакея 2-го разряда в 460 руб. в год (за вычетом упомянутых 252 руб. 90 коп., что в конечном итоге составляло сумму в 167 руб. 10 коп.), он предлагал в дополнение к таковой выдавать последнему из сумм Наследника Цесаревича 240 руб. в год, то есть по 20 рублей в месяц, что, в конечном итоге, составляло 407 руб. 10 коп. в год.

Надо сказать, что чуть ли не с первых дней их знакомства Наследник Цесаревич полюбил всей душой молодого и сильного матроса. Сам же К. Г. Нагорный, заменяя этому маленькому и неизлечимо больному мальчику и няньку, и телохранителя, был к нему не просто привязан, а обожал его всей глубиной своей бесхитростной души.

С началом Первой мировой войны К. Г. Нагорный оставался в прежней должности, а в 1916 году в награду отлично-усердной службы ему Всемилостивейше была пожалована Серебряная медаль «За усердие».

В связи с этим событием весьма любопытен тот факт, что, будучи представленным к награде, К. Г. Нагорный обратился с просьбой выдать ему в качестве подарка Золотые часы с Государственным Гербом, в чём ему было отказано ввиду того, что к этому моменту выдача подарков уже была прекращена.

За свою недолгую, но беспорочную службу К. Г. Нагорный был награждён:

• Кульмским знаком в память 200-летия Гвардейского Экипажа (8 мая 1910 года);

• Светло-бронзовой медалью «В память 100-летнего юбилея Отечественной войны 1912 года (26 августа 1912 года);

• Светло-бронзовой медалью «В память 300-летия Российского

Императорского Дома Романовых (21 февраля 1913 года);

• Серебряными часами с Государственным Гербом (к 300-летнему Юбилею Российского Императорского Дома Романовых);

• Серебряной медалью «За усердие» для ношения на груди на Станиславской ленте (23 августа 1916 года);

• Германской серебряной медалью «За военные заслуги» (27 февраля 1910 года);

• Бухарской большой серебряной медалью (7 декабря 1911 года);

• Гессенской серебряной медалью (12 (26) мая 1912 года).

С началом Первой мировой войны Государь вместе с Наследником Цесаревичем часто выезжают в Ставку Верховного Главнокомандующего, где на К. Г. Нагорного впервые обратил внимание состоявший при ней же Британский Военный Атташе в Петрограде генерал сэр Джон Хенбери-Вильямс, который в своей книге «Император Николай II, каким я его знал» отмечал:

> «“Дядька” Цесаревича, здоровенный матрос Нагорный, которого мальчик обожал, всегда был рядом – огромный, весёлый, обожающий слуга своего маленького господина. Этот человек многим знаком по фотографиям, запечатлевшим его с Цесаревичем. Сообщали, что Нагорный был убит вместе с другими в июле 1918 года. Можно не сомневаться, он до конца оставался преданным своему долгу. Через два месяца его тело было найдено на месте массовой казни». [499]

Не меньшей любовью «Дядьке» платил и его подопечный. Так, в дневниковых записях Наследника Цесаревича за 1916 год К. Г. Нагорный упоминается неоднократно:

> « *29 Января.*
>
> Встал рано. Учился и гулял. Завтракали с Мама мы 5 (“мы 5” – значит, мы впятером. Так в тексте). Днём гулял и катался на санях. Папа телеграфировал. Видел много войск. Обедал в 6 ч. [асов]. Приготов. [лял] уроки. Лёг поздно. У Нагорного украли 90 рублей с кошельком.
>
> *11 Июля.*
>
> Сегодня мне, Мама и сёстрам привили оспу. Был на молебне. Катались и купались с Нагорным. Все пили чай в Конвое, а я обедал. Вечером поехали в поезд. Когда приехал, разболелась голова. Температура 38,2°. Лёг рано.

21 Июля.

С утра лил дождь. После ванны оставался наверху и написал 3 письма: Маме, Бабушке и Марии. Завтракал со всеми в столовой наверху. Днём играл в саду с Папа, П.В.П., [500]Макаровым [501]и с Нагорным в войну. Макаров пил чай и обедал со мною. Читал и лёг рано.

13 Октября.

Утром занимался и катался на моторе. Писал Мама. Завтракал со всеми. После завтрака прогулка к месту старой Ставки. Играл с Ж.[ильяром], Г. Светличным [502]и Нагорным». [503]

Дружбу Своего Августейшего Сына с К. Г. Нагорным отмечал в Своих письмах и Государь. Так, к примеру, в письме к Государыне от 26 октября 1916 года Он описал такой курьёзный случай:

«… Убежала кошка [504]Алексея и спряталась под большой кучей досок. Мы надели пальто и пошли искать её. Нагорный сразу нашёл её при помощи электрического фонаря, но много времени стоило заставить эту дрянь выйти, – она не слушалась Ал. [ексея]. Наконец он схватил её за задние лапы и вытащил через узкую щель. Сейчас так тихо в поезде…»

В одно из своих пребываний в Ставке накануне Высочайшего Смотра Алексей Николаевич сильно простудился, подхватив насморк, результатом чему явилось открывшееся кровотечение из носа. Предпринятые доктором В. Н. Деревенко меры не помогли, посему было принято решение о его срочной эвакуации в Царское Село. По дороге мальчик заметно бледнел и слабел, а также дважды пребывал в состоянии обморока. Посему на протяжении всей ночи К. Г. Нагорный, не шевелясь, поддерживал голову Наследника Цесаревича на должной высоте, подложив под неё вытянутую руку. И только когда кровь в 6 час. 20 мин. утра остановилась, верный царский слуга смог расслабиться и отдохнуть после бессонной ночи.

После отречения Государя и во время содержания Царской Семьи под арестом в Александровском Дворце Клементий Григорьевич Нагорный продолжал выполнять свои обязанности Помощника дядьки.

С наступлением тепла К. Г. Нагорный вместе со всей Царской Семьёй и оставшимися при Ней верными слугами принимал самое деятельное участие в обустройстве огорода перед

Александровским Дворцом, по-прежнему совмещая их со своими непосредственными обязанностями.

Следует отметить, что судьба К. Г. Нагорного была предопределена задолго до его кончины. Ибо ещё в Царском Селе наиболее революционно настроенные солдаты охраны были страшно возмущены тем, что К. Г. Нагорный продолжает возить в кресле экс-Императрицу по аллеям и парковым дорожкам, за что неоднократно грозили ему расправой. И даже однажды прислали ему письмо, в котором грозились убить, если тот не прекратит свою службу у «жены тирана».

Начиная с 1 июля 1917 года, выплата жалованья от Гвардейского Экипажа была прекращена, вследствие чего, по ходатайству Графа П. К. Бенкендорфа, должностной оклад К. Г. Нагорному был увеличен до 540 руб. в год.

В середине июля отставной Кондуктор А. Е. Деревенько был назначен на должность Камердинера Наследника Цесаревича с годовым окладом в 2000 рублей, а отставной Квартирмейстер К. Г. Нагорный получил при нём же должность Гардеробщика с упомянутым ранее окладом.

Но из-за всё ухудшающейся политической ситуации в стране получать положенную зарплату К. Г. Нагорному не пришлось. Так, в соответствии с сохранившимися в РГИА Санкт-Петербурга документами, его жалованье на 29 июля 1917 года составляло всего лишь 97 рублей 50 копеек, то есть в десять раз менее, чем жалованье, назначенное А. Е. Деревенько.

Вместе с самыми верными слугами К. Г. Нагорный последовал за Царской Семьёй в Тобольск, куда вскоре должен был прибыть и А. Е. Деревенько, который после событий Февральской Смуты резко изменил своё отношение к Наследнику Цесаревичу. И, как выяснилось впоследствии, оказался человеком, далеким от нравственных принципов, да ещё, к тому же, и нечистым и на руку.

Узнать же об этом помог случай. Разбирая привезённые в Тобольск вещи Царской Семьи, слуги наткнулись на случайно оказавшийся среди них сундук А. Е. Деревенько, в котором нашлись абсолютно новые вещи Наследника Цесаревича, которые бывший Кондуктор, попросту говоря, присвоил, не успев отослать на родину для своих сыновей.

После этого случая А. Е. Деревенько было отказано в прибытии в Тобольск, а его место с 10 августа 1917 года занял К. Г. Нагорный, которому теперь было назначено жалованье в 1200 рублей в год.

Находясь в тобольской ссылке, Наследник Цесаревич также не забывал лишний раз отметить в дневнике своего верного

слугу, давно ставшего для него одним из самых близких людей.

Так 4 января 1918 года он писал:

> «У меня ещё больше прыщей (краснуха). Утром играл в шашки с Нагорным. Мари тоже заболела. Она вся покрыта прыщами. Все солдаты сняли погоны по приказу, а Папа и я – нет». [505]

В Тобольске К. Г. Нагорный выполнял все прежние, возложенные на него обязанности, а также некоторые «секретные» поручения теперь уже просто Алексея Николаевича Романова и его друга Коли – сына доктора В. Н. Деревенко. Затеяв детскую игру, мальчики обменивались письмами и записками. Так, забавы ради, экс-Наследник Цесаревич подписывался в них своим именем, но только наоборот – Йескела. Одно из таких писем от Коли Деревенко, проживавшего с семьёй на частной квартире, должен был пронести в Дом «Свободы» К. Г. Нагорный, имевший в то время доступ в город. Возвратившись назад, он с удивлением заметил, что ранее охранявшие Царскую Семью стрелки Сводного Гвардейского Отряда были заменены на красногвардейцев. Но было уже поздно. Верного слугу обыскали и нашли упомянутое письмо, после чего из детской забавы раздули «контрреволюционный заговор».

Вспоминая об этом эпизоде у следователя Н. А. Соколова, Полковник Е. С. Кобылинский пояснял:

> «Когда этот Родионов появился у нас, он производил обыск у Нагорного, когда тот пришёл из города. Он нашёл у него письмо от сына доктора Деревенко к Алексею Николаевичу и сказал об этом Хохрякову: “Вот тип! Говорит, что у него ничего нет, а у самого письмо!” И, обращаясь ко мне, добавил: “А при Вас, наверно, и не то проносили”. Хохряков обрадовался: “А! Давно я точу зуб на эту сволочь! Осрамил нас!” Это говорил матрос Хохряков про матроса Нагорного. Иначе и быть не могло: один – “краса и гордость русской революции”, а другой – преданный Семье человек, глубоко любивший Алексея Николаевича и им любимый. За это он и погиб: осрамил красу и гордость русской революции. За этот же “срам”, конечно, погиб и Седнев, также матрос и также преданный Семье человек». [506]

Надо отметить, что эта мысль, высказанная однажды Е. С. Кобылинским, стала некоей догмой для ряда авторов, описывающих жизненный путь И. Д. Седнева и К. Г. Нагорного.

Принято также считать, что именно П. Д. Хохряков настоял на расстреле этих бывших моряков. Однако это было не совсем так. И вот почему.

Группа заложников из 20 человек, о которой упоминалось в главе, посвящённой И. Д. Седневу *(см. Часть I)*, накануне уничтожения была передана уральскими чекистами П. Д. Хохрякову, о чём, кстати сказать, Г. П. Никулин поведал во время беседы, записанной в Радиокомитете в 1964 году. Принимая арестантов у Григория Никулина, Павел Хохряков даже выдал ему расписку в том, что таковые приняты им для… *«отправки в поля Елисеевские»*, что на чекистском жаргоне тех лет означало физическую ликвидацию. (Написав расписку в «юмористическом стиле», бывший кочегар, видимо, решил «блеснуть» собственным остроумием.) Поначалу предполагалось, что эта группа заложников в полном составе должна отправиться по маршруту Екатеринбург – Тобольск, и что в пути следования она будет охраняться хохряковским отрядом, численностью около трёхсот человек, названным для устрашения «Отрядом карательной экспедиции тобольского направления». Но из-за побега П. Чистосердова планы решили поменять, для чего, прихватив с собой лишь арестованного ранее епископа Тобольского Гермогена вместе с несколькими офицерами, всех остальных, во избежание повтора подобного прецедента, попросту расстреляли недалеко от городской свалки…

Но это будет немногим позднее, а тогда, 7/20 мая 1918 года, К. Г. Нагорный сопровождал больного Алексея Николаевича в его последнем в жизни путешествии.

Не желая терпеть грубость и хамство со стороны лиц охраны и лично самого Николая Родионова, Клементий Нагорный однажды даже пообещал последнему его избить, если он хотя бы ещё раз допустит оскорбительную непочтительность к бывшему Наследнику Цесаревичу.

Негодовал он также против тюремщиков и в том случае, когда Родионов запер их вместе с Алексеем Николаевичем в каюте, откуда они некоторое время не имели возмож-ности даже выйти в туалет!

По прибытии в Екатеринбург Клементий Нагорный поначалу пытался помочь нести багаж Великих Княжон, видя с каким трудом несёт свой чемодан под моросящим дождём Татьяна Николаевна. Но едва он подхватил чемодан Княжны, как его тотчас же оттолкнули. А он, не сдержавшись, нагрубил.

Давая показания Н. А. Соколову, няня Августейших Детей А. А. Теглева вспоминала:

«Нагорный держал себя смело и свою будущую судьбу предсказал себе сам. Когда мы приехали в Екатеринбург, он мне говорил: “Меня они, наверное, убьют. Вы посмотрите, рожи-то, рожи-то у них какие! У одного Родионова чего стоит! Ну, пусть убивают, а всё-таки я им, хоть одному-двоим, а наколочу морды сам!”». [507]

В дом Ипатьева К. Г. Нагорный попал лишь на следующий день, то есть 24 мая, причём препроводил его туда непосредственно комиссар Н. Родионов.

Будучи допрошенным Комендантом Дома Особого Назначения А. Д. Авдеевым, К. Г. Нагорный заявил, что имеет при себе наличные деньги, однако не указал той суммы, которой располагал в действительности, в связи с чем в «Книги записей дежурств Членов Отряда особого назначения по охране Николая II» была сделана соответствующая запись:

« *24 Мая*
Нагорный Клементий Григорьев в Доме особого назначения при бывш[ем] царе Николае Романове, служащий при Алексее Никол[аевиче], 32 год[а], имеет при себе деньги четыреста восемьдесят девять (489) руб.». [508]

После проведённого личного обыска и уверения в том, что он – Клементий Нагорный – готов считать себя «на равном состоянии» с находящейся под арестом Царской Семьёй, он подписал текст заранее составленной расписки следующего содержания:

Росписка

Я нижеподписавшийся гражд. [анин] Нагорный Клементий Григорьев Кіевской губ. [ернии] Свирского уезда Антоновской волости Села Пустоварова даю настоящюю расписку в том что желая преданно служить при бывшем царе Николае Романове обязуюсь подчинятся и выполнять все распоряжения Уральского Областного Совета исходящія от Коменданта дома и считать себя на равном состояніи как и остальная Семья Романовых.

К. Нагорный

24 май 1918 [509]

И только после этого Клементий Нагорный был наконец-то допущен в комнаты, занимаемые Царской Семьёй.

Находясь рядом с больным Алексеем Николаевичем (в первый день пребывания в доме Ипатьева он сильно зашиб ногу), он продолжал всё с тем же самопожертвованием заботиться о его здоровье. Но порой простых человеческих сил ему, попросту, не доставало. Так, в дневниковой записи за 27 мая Государыня отмечала, что

> «… Е. С. (Боткин. – *Ю. Ж.*) дежурил часть ночи, чтобы дать Нагорному выспаться». [510]

В этот же день Помощник Коменданта ДОН А. М. Мошкин, проверявший комнаты, занимаемые Царской Семьёй и Её слугами, решил снять и присвоить себе золотую цепочку с крестиками и образками, висевшую над кроватью Наследника Цесаревича…

А далее – известно. Клементий Нагорный и Иван Седнев были арестованы, увезены из дома Ипатьева и помещены в тюрьму, откуда их, как заложников, 28 июня 1918 года увели на бессудный расстрел…

> «Этот простой матрос, – писал Контр-Адмирал К. Г. Старк, – был до последней минуты жизни верный в своей любви к Царской Семье. Ничто его не поколебало: и в Екатеринбурге он был всё таким же, всё также презрительно, резко отвечал красноармейцам и советским комиссарам, и не раз его простые слова заставляли замолкать советчиков. Они чувствовали, что этот матрос как-то выше, чем-то сильнее их, и они боялись и ненавидели его». [511]

Находясь в Севастополе осенью 1920 года, хорошо известный Царской Семье бывший Корнет Кавалергардского Е.И.В. Марии Фёдоровны полка С. С. Бехтеев одно из своих стихотворений посвящает Клементию Нагорному:

> В годины ярости кровавой
> Преступных слов и гнусных дел,
> Когда от нас Орёл Двуглавый,
> Взмахнув крылами, улетел;

Когда убийцы и бродяги,
Позоря славных ход времён,
Топтали царственные стяги
И Крест Андреевских знамён;
Когда матросы с бандой серой,
Казня страдальцев без вины,
Глумились в бешенстве над верой
Седой священной старины, —
Тогда на вольные страданья,
С ничтожной горстью верных слуг,
С своим Царём пошёл в изгнанье
Ты – верный раб и честный друг.
И скорбь, и жребий – зло суровый
Ты с Ним в дни горя разделил
И за Него, томясь, оковы
В предсмертный час благословил.
И, пулей в грудь навылет ранен,
Ты умер верностью горя,
Как умер преданный Сусанин
За Православного Царя…
Пройдёт свободы хмель позорный,
Забудет Русь кровавый бой…
Но будет жить матрос Нагорный
В преданьях родины святой. [512]

Решением Священного Архиерейского Собора Русской Православной Церкви Заграницей **Клементий Григорьевич Нагорный был причислен к лику Святых Новомучеников Российских от власти безбожной пострадавших и наречён именем Святого Мученика Воина Клементия (Нагорного)**.

Чин прославления был совершён в Синодальном Соборе Знамения Божьей Матери РПЦЗ в Нью-Йорке 19 октября (1 ноября) 1981 года.

К. Г. Нагорный в материалах Следственного Производства 1918–1920 г.г

Документ № 1

«(…) 7 мая, часов в 11 утра, мы все сели на пароход «Русь» и отбыли в 3 часа дня. Ехали все те лица, которых я называл раньше Сергееву. Нас сопровождал отряд под командой Родионова; отряд больше состоял из латышей. Родионов держал

себя очень нехорошо. Он запер каюту, в которой находился Алексей Николаевич с Нагорновым, [513]снаружи. Все остальные каюты, в том числе и Великих Княжон, по его требованию, были заперты на ключ изнутри.

9 мая утром мы прибыли в Тюмень, и в тот же день сели в поезд. В Екатеринбург мы приехали 10 мая часа в 2 утра. Всю ночь нас таскали с вокзала на вокзал. [514]Приблизительно, часов в 9 утра поезд остановили между вокзалами. Шёл мелкий дождь. Было грязно. Подано было 5 извозчиков. К вагону, в котором находились Дети, подошёл с какими-то комиссарами Родионов. Вышли Княжны. Татьяна Николаевна имела на одной своей руке любимую собаку. [515]Другой рукой она тащила чемодан, с трудом волоча его. К ней подошёл Нагорнов и хотел ей помочь. Его грубо оттолкнули. Я видел, что с Алексеем Николаевичем сел Нагорный. Как разместились остальные, не помню. Помню только, что в каждом экипаже был комиссар, вообще кто-то из большевистских деятелей.

(…) Вы неверно написали, что Алексей Николаевич уехал из вагона в Екатеринбург с Нагорным. Это не так. Нагорный остался с нами в вагоне, и на следующий день он уехал с Родионовым и с вещами, надо думать, в Ипатьевский дом. Спустя несколько дней после этого я видел его около Ипатьевского дома, как я Вам и говорил». [516]

Документ № 2

«(…) Были ещё при Царской Семье каких-то два человека, как мне объяснял Медведев, тоже слуги. Один из них был высокого роста, худощавый, лет 35, светло-русый, коротко стриженный, бороду брил, усы подстригал. Нос средней величины, прямой. Остальных примет не помню, но лицо у него было чистое, как у женщины. (…) Первый носил чёрную тужурку, брюки и ботинки. (…) Я ещё видел, как первый выносил резиновую подушку с мочой Наследника». [517]

Документ № 3

«Нагорному было лет 28–30, высокий, сутуловатый, широкий, не худой, тёмный шатен. Волосы на голове носил, кажется, на пробор, бороду брил, усы постригал по-английски, нос прямой, глаза, кажется, голубые. Носил он чёрные штаны навыпуск и защитного цвета китель на крючках». [518]

Документ № 4

«(…) Этот Родионов общался с ними плохо. Он старался показать свою власть и требовал от Княжон, чтобы они не смели запирать и закрывать дверей своих комнат на ночь, объясняя это тем, что он, если пожелает, может во всякое время прийти к ним. Даже в алтарь он поставил солдата, когда совершалось на дому богослужение. Когда мы ехали на пароходе, он запер на замок Алексея Николаевича вместе с Нагорным.

(…) Я Алексея Николаевича люблю. Хороший он был мальчик. Он был весёлый, довольный. Любил он шутки, игры. С Нагорным они всегда, бывало, спорят из-за всего, но только не зло, а по-хорошему». [519]

Литература о К. Г. Нагорном

1. Е. Михайлина. Крест последней княжны. Газета «Московский комсомолец», № 2179 от 17 мая 2006 г.

2. Румянцева Е. Л. Мученические венцы принявшие. (К 90-летию убийства Царских слуг на Урале.) Екатеринбург, Издательский дом «Стягъ», 2008.

3. Чернова О. В. Верные до смерти. СПб., Издательство «Сатисъ», 2007.

4. Чернова О. В. Верные. О тех, кто не предал Царственных Мучеников. М., Издательство «Русскій Хронографъ», 2010.

Глава 7
Лакей 1-го разряда при Комнатах Е.И.В. Государыни Императрицы Александры Фёдоровны Алексей Егорович Трупп (Алоиз Лаурс Труупс)

Среди прибывших в Екатеринбург царских слуг самый большой стаж службы при Высочайшем Дворе имел Лакей А. Е. Трупп.

В большинстве изданий, вышедших в нашей стране за последние полтора десятилетия и посвящённых Царской Семье и Её верным слугам, этот человек упоминается как Алексей Егорович (реже – как Алоизий Егорович). На самом деле, его настоящее полное имя – Алоиз Лаурс Труупс.

Алоиз Лаурс Труупс (в России его фамилия стала писаться: Трупп) родился 8 апреля (ст. ст.) 1856 года в деревне Калнагалс Баркавской волости Режицкого уезда Витебской губернии в семье зажиточных крестьян.

Католик по вероисповеданию, Алоиз был крещён в одном из баркавских костёлов священником Эриком Мажиновским.

Фамилия их в то время на Витебщине была не из редких. Ибо, если ориентироваться на карты Военно-Топографического Бюро, изданные в период с 1805 по 1877 годы, то деревень со сходными названиями: «Трупп», «Трупени», «Трупы» – там было несколько. А в окрестностях деревни Калнагалс их оказалось целых шесть. Посему можно сделать предположение, что фамилия А. Е. Труппа происходит от названия какой-нибудь из них.

Согласно «Спискам населённых мест Витебской губернии», составленных на начало XX века, деревня Калнагалс находилась у реки Студень. Деревня была небольшой и насчитывала всего 11 дворов, в которых проживали 43 мужчины и 46 женщин. Духовное окормление этой деревни, собственно, как и большей части всей Витебской губернии, осуществлялось Римско-католической церковью, а её удаленность от губернского Витебска составляла 353 км.

Помимо Алоиза в семье Труупсов росло ещё четверо детей: сестра и три брата. Своё начальное образование А. Труупс получил в Баркавской церковно-приходской школе, которую окончил в 1866 году. Далее же учиться ему не пришлось, так как ближайшее Городское училище находилось в Резекне (с 1893 г. – Режице), поэтому после окончания школы Алоиз так и остался

жить в родительском доме в Калнагалс.

Когда в 1874 году подошёл срок призыва в армию его старшего брата, 18-летний Алоиз пошёл служить вместо него. Будучи высоким и статным юношей, Алоиз Труупс был зачислен в Лейб-Гвардии Семёновский полк – один из самых престижных полков Императорской Русской Армии.

Высокий голубоглазый блондин, проходивший службу в этой элитной части, был замечен Императрицей Марией Фёдоровной и по окончании воинской повинности взят на должность Лакея. (Вероятнее всего, именно тогда он и стал именоваться Алексеем Егоровичем Труппом.)

Из сохранившихся архивных документов известно, что А. Е. Трупп был определён к Высочайшему Двору Лакеем 1-го разряда сверх штата 8 апреля 1883 года, то есть ещё в период правления Императора Александра III.

Его первоначальный годовой оклад составлял 300 рублей.

2 апреля 1884 года А. Е. Трупп в этой же должности был зачислен в Штат Гофмаршальской Части и назначен к Комнатам Е.И.В. Государыни Императрицы Александры Фёдоровны Лакеем 1-го разряда.

Не подлежит сомнению, что свои служебные обязанности А. Е. Трупп выполнял образцово, свидетельством чему – Серебряная медаль «За усердие», полученная им в день Священной Коронации Государя Императора Николая II.

Спустя почти полторы сотни лет, нам, живущим сегодня, весьма сложно представить, сколь головокружительной получилась карьера обычного латышского парня, волею судеб оказавшегося приближённым к Царской Семье.

Сейчас вряд ли можно точно установить, какие, собственно, служебные обязанности приходилось выполнять А. Е. Труппу. Однако не подлежит сомнению тот факт, что этому человеку доверялось многое, – стоит лишь взглянуть на некоторые фото из царских альбомов начала XX века, где он изображён держащим под уздцы пони, на которой в разное время поочередно восседают то Великая Княжна Татьяна Николаевна, а то её порфирородные сёстры.

По свидетельству латышского историка Доната Латковскиса, доход А. Е. Труппа позволил ему скопить некоторую сумму, на которую он приобрёл несколько земельных участков и дачных строений в пригороде Санкт-Петербурга. Не забывал он также и своих родственников и земляков, которым по их просьбам помогал деньгами, оказывал всякого рода протекции при устройстве на работу, запомнившись всем, знавшим его, весёлым, жизнерадостным и коммуникабельным человеком. Однако, как

служащий Гофмаршальской части, в каких-либо общественных мероприятиях участия он не принимал.

Положение А. Е. Труппа, как Лакея при Высочайшем Дворе, было весьма неоднозначным. Ибо большинство близко знавших его прочих слуг считало, что ему, как чуть ли не единственному представителю латгальской этнической группы, благоволит Императрица Мария Фёдоровна, посему сам он более всего боялся скомпрометировать себя чем либо…

И всё же подобный случай произошёл, о чём в 1938 году поведал известный латышский общественный деятель, органист Эдвард Крустанс, сестра которого, Анна Крустанс, длительное время жила в Санкт-Петербурге, воспитывая крестника Государя Императора Николая II – Симона. Где-то на исходе XIX века А. Е. Трупп увлёкся женой одного из своих сослуживцев, что на некоторое время серьёзно подмочило его репутацию и что, скорее всего, стало причиной того, что он до конца своих дней оставался холостяком…

За свою верную службу А. Е. Трупп неоднократно отмечался Государем.

Так, в награду отлично-усердной службы 1 апреля 1904 года он был Всемилостивейше возведён в звание Личного Почётного Гражданина, а ровно через два года награждён Золотой шейной медалью «За усердие».

С 1904 года в Латвии начинается новый исторический период, получивший название «Атмода» (латыш. – «Возрождение»). Имея это в виду, Эдвард Крустанс как-то заметил, что после произошедших на его родине событий революции 1905 года А. Е. Трупп стал более пристально интересоваться общественно-политической жизнью своего родного края. Так, в частности, именно в это время он начал сотрудничать с видными латышскими просветителями – братьями Скринда. А когда священник Бенедикт Скринда служил в Бугмуйжском костёле, его брат Антон Скринда 16 августа 1909 года организовал в Букмуйже первое латгальское мероприятие, на которое приехали жившие в то время в Санкт-Петербурге латгальцы (латыши), в числе их присутствовал и А. Е. Трупп. Во время этих празднеств пел хор, а также был поставлен любительский спектакль, в котором принял участие А. Е. Трупп, сыгравший в нём роль офицера.

23 апреля 1908 года с соизволения Е.И.В. Государыни Императрицы Александры Фёдоровны ему было назначена выплата добавочных к штатному расписанию денег в сумме 360 рублей в год.

В 1910 году Государь Император Николай II на своей яхте

«Штандартъ» прибыл в Ригу для участия в торжествах, посвящённых открытию на Александровском бульваре памятника Его Венценосному предку Императору Петру Великому. Установка конной статуи Петру I была приурочена к 200-летнему юбилею вхождения Латвии в состав Российского государства. (Сейчас на этом месте стоит статуя свободы и независимости Латвии.) В числе сопровождавшей Императора многочисленной свиты был и А. Е. Трупп.

Ранее уже говорилось, что, проживая в Санкт-Петербурге, А. Е. Трупп не забывал о своих близких и земляках. Он периодически жертвовал на местный костёл, помог братьям приобрести необходимую в хозяйстве молотилку и прочую сельскохозяйственную технику, а после того как в 1900 году во время пожара почти полностью выгорела деревня Калнагалс, помог своим братьям Язепсу и Петерису деньгами, чтобы те смогли заново отстроиться. Помог он своим родственникам и в другой раз, когда спас от неминуемого голода, – случившееся наводнение уничтожило весь урожай (дома Труппов стояли на берегу озера Лубанас, а в то лето вода вышла из берегов).

Состоя в придворном штате, А. Е. Труппу не так часто удавалось навещать родные места. Известно, что в 1908 году он приехал на похороны матери, привезя в подарок своим родным большой чайный сервиз. (Об этом сервизе с голубыми цветами впоследствии вспоминала Э. Д. Колесникова, мать которой, не понимая его ценности, давала ей в детстве с ним играть.)

Последний же визит А. Е. Труппа на родину приходится на 1912 год. И связан он был, опять-таки, с его желанием помочь своим братьям в приобретении нескольких десятин земли. (Отец А. Е. Труппа владел 50 гектарами земли, в то время как его сыновья Язепс и Петерис были бедняками, владеющими небольшими земельными наделами.) Однако этим планам не удалось сбыться из-за разразившейся вскоре Первой мировой войны и последовавшими вслед за ней революционными событиями.

Со слов упоминавшейся ранее Э. Д. Колесниковой, А. Е. Трупп очень любил детей и во время своих приездов на родину всегда щедро одаривал конфетами местную детвору. Поэтому нет ничего удивительного в том, что его любовь к детям, в первую очередь, распространялась на Августейших Детей, забота о которых стала главным делом его жизни. Будучи сам бездетным, он отдавал им всё тепло своей души и оставался преданным их слугой до последних минут своей жизни.

14 апреля 1913 года А. Е. Трупп был Всемилостивейше возведён в звание Потомственного Почётного Гражданина, а

немногим позднее, по повелению Государыни Приказом по Гофмаршальской Части за № 39 от 6 сентября 1913 года, его личное добавочное содержание 360 руб. было включено в основной оклад (600 руб.), что составило 960 руб. в год.

Своё последнее добавочное содержание в 450 рублей в год А. Е. Трупп получил уже во время Первой мировой войны – 25 мая 1916 года.

За свою долгую и беспорочную службу А. Е. Трупп был награждён:

• Темно-бронзовой медалью «В память Священной коронации Государя Императора Александра III» (16 февраля 1884 г.);

• Серебряной медалью «В память Императора Александра III» (26 февраля 1894 г.);

• Серебряной медалью «В память Священной коронации Государя Императора Николая II» (26 мая 1894 г.);

• Серебряной медалью «За усердие» для ношения на груди на Станиславской ленте (26 мая 1896 г.);

• Золотой медалью «За усердие» для ношения на шее на Станиславской ленте (2 апреля 1906 г.);

• Светло-бронзовой медалью «В память 300-летия Российского Императорского Дома Романовых (21 февраля 1913 г.);

• Датской серебряной медалью (30 марта 1892 г.);

• Французской серебряной медалью (17 апреля 1898 г.);

• Французской золотой медалью (27 января 1910 г.);

• Гессенским серебряным крестом (15 марта 1914 г.).

После Февральской смуты А. Е. Трупп не покинул Царскую Семью, а в качестве одного из слуг добровольно разделил вместе с Ней свою участь, по-прежнему выполняя обязанности верного Государева слуги. А когда стало известно о высылке Царской Семьи в далёкий сибирский Тобольск, он, не задумываясь, последовал вслед за Ней в добровольное изгнание, откуда впоследствии начал свой путь на Уральскую Голгофу.

С ликвидацией Гофмаршальской Части в январе 1918 года Приказом Административного Отдела Народного Комиссариата Имуществ Р.С.Ф.С.Р. за № 3485 от 30 июня 1918 года ему было назначено постоянное пособие в 640 руб. в год.

О тобольском периоде жизни А. Е. Труппа мало что известно. А фактически – ничего. За исключением, разве что, того, что во время следования из Тобольска в Тюмень Августейших Детей он узнал в одном из конвоировавших их латышей своего племянника. (Об этом случае показал на допросе у следователя Н. А. Соколова Лакей С. И. Иванов.)

По прибытии в Екатеринбург А. Е. Труппа и К. Г. Нагорного доставили в дом Ипатьева, где они провели ночь взаперти, после

чего были подвергнуты тщательному обыску. При проведении такового в комендантской комнате А. Е. Трупп, как и К. Г. Нагорный, заявил, что имеет при себе наличные деньги, однако в несколько большей сумме, чем была им заявлена, в силу чего в «Книге записей дежурств членов Отряда особого назначения по охране Николая II» была сделана соответствующая запись:

> « *24 Мая*
> Трупп Алексей Егорович в Дом особого назначения прибыл из Тобольска совместно с семьёй б[ывшего] царя, лакей, 61 [год]. Имеет при себе деньги сто четыре (104) руб.
> Найдено при обыске 310 рублей (триста десять)». [520]

Расставшись с наличностью, А. Е. Трупп вместе с К. Г. Нагорным подписали расписки аналогичного содержания, после чего их допустили в комнаты, занимаемые Царской Семьёй. (Текст этих расписок был написан рукой Коменданта ДОН А. Д. Авдеева.)

В своём дневнике Государь не единожды упоминал имя А. Е. Труппа:

> «11 Мая 1918 г. С утра ожидали впуска наших людей из Тобольска и привоза остального багажа. Решил отпустить моего старика Чемадурова для отдыха и вместо него взять на время Труппа. Только вечером дали ему войти и Нагорному, и полтора часа их допрашивали и обыскивали у коменданта в комнате». [521]

Вскоре после заселения А. Е. Труппа в ДОН с ним произошёл малоприятный случай – во время уборки одной из комнат им и И. М. Харитоновым были обнаружены ручные гранаты, о чём ими же было немедленно заявлено одному из помощников Коменданта ДОН. [522]

Дальнейшая судьба Алексея Егоровича Труппа аналогична судьбе всех остальных узников Дома Особого назначения – в ночь с 16 на 17 июля он был убит в комнате нижнего этажа вместе со всеми остальными жертвами этой трагедии.

Сейчас мы уже точно знаем, что А. Е. Трупп был католиком. И тем не менее, во время оправляемых в ДОН церковных служб он не только присутствовал на таковых, но и прислуживал – был пономарём, разжигал и подносил кадило, выносил свечу…

Решением Священного Архиерейского Собора Русской Православной Церкви Заграницей **Алексей Егорович Трупп**

причислен к лику Святых Новомучеников Российских от власти безбожной пострадавших и наречён именем Святого Мученика Алексея (Труппа).

Чин прославления был совершён в Синодальном Соборе Знамения Божьей Матери РПЦЗ в Нью-Йорке 19 октября (1 ноября) 1981 года.

17 июля 1998 года останки А. Е. Труппа были торжественно захоронены вместе с останками Членов Царской Семьи в Екатерининском приделе Собора Петра и Павла в Санкт-Петербурге.

* * *

Вплоть до настоящего времени некоторые исследователи, а также лица, считающие себя знатоками т. н. «царского дела», ссылаясь на книгу Г. Кинга и П. Вильсона «Романовы. Судьба царской династии», всерьёз заявляют о том, что А. Е. Трупп до своего поступления в Лакеи был… Полковником Императорской Русской Армии, наделённым огромным ростом.

А чтобы не быть голословным, приведу цитату из данного сочинения упомянутых авторов:

> «За семьёй императора последовало двое слуг, сперва в Тобольск, а затем в Ипатьевский дом, где они были убиты вместе с Романовыми. Алексей Трупп, которому в год революции исполнилось пятьдесят девять лет, был полковником, а затем его зачислили в штат прислуги императора, которому он служил в качестве камердинера. Трупп выделялся своим огромным ростом и телосложением». [523]

Мне неведомо, откуда Г. Кинг и П. Вильсон почерпнули сведения о штаб-офицерском чине А. Е. Труппа, который тот, как видно из всего сказанного здесь, никогда не носил, равно как никогда не имел и «огромного роста». Ибо в ходе проведённого судебно-медицинского исследования предполагаемых костных останков А. Е. Труппа удалось установить, что его рост не мог превышать 182 см. А это, согласитесь, рост далеко не огромный!

Заявление по поводу его возраста также неверно, ибо, как уже знает читатель, в год революции 1917 года А. Е. Труппу исполнилось не «пятьдесят девять», а шестьдесят один год, что даёт нам право с уверенностью заявить о том, что его жизнь оборвалась на шестьдесят третьем году.

И наконец, как уже говорилось ранее, А. Е. Трупп был всего

лишь Лакеем 1-го разряда, должность которого в иерархии Гофмаршальской части Высочайшего Двора несоизмеримо ниже, нежели должность Камердинера комнат Е.И.В. Государя Императора.

А. Е. Трупп в материалах Следственного Производства 1918–1920 г.г

Документ № 1

«(…) После этого наш поезд подали к вокзалу. Часа через три после этого я видел, как вывели из вагона Татищева, Гендрикову и Шнейдер и куда-то повели. Потом, несколько позднее, пришли к нашему вагону и взяли от нас Харитонова, маленького Седнева, Волкова и Труппа». [524]

Документ № 2

«(…) Кроме Царской Семьи, в доме, в верхнем этаже, с ними жили ещё следующие лица, которых я сам лично видел. (…) Затем был лакей, лет 35, высокий, худощавый, смугловатый, волосы на голове были русые. Собственно, голова у него была лысая, и волосы на голове были только по бокам. Бороду он брил, а усы он подстригал на английский фасон. [525]Носил он чёрную тужурку-френч, брюки и ботинки». [526]

Документ № 3

«(…) Труппу было лет 60, высокий, среднего телосложения. Волос на голове у него почти не было, усы и бороду брил. Цвет лица у него был розовый, нос прямой, глаза, кажется, серые. Носил он серые брюки и серую тужурку, прежнюю форму, только без прежних пуговиц, [527]чёрное пальто и чёрную фуражку. [528]

Документ № 4

«(…) Лакей был лет 60, высокого роста, худой. Волосы на голове, усы и бороду он брил. Носил он какую-то куртку, тёмно-серые брюки и ботинки». [529]

Документ № 5

«(…) А за несколько дней до нашего отъезда приехал ещё начальник отряда Родионов. Отряд у него был почти сплошь не из русских. Мне кажется, что это были латыши, но достоверно сказать, что это так, не могу. Может быть, тут были и мадьяры и латыши. С одним же из этих красноармейцев произошёл удивительный случай. Его узнал лакей Трупп. Он оказался его родным племянником: сыном родного брата Труппа. Имени его и местожительства я не знаю. Но лакей Трупп был откуда-то, кажется, из-под Риги. Он был польский латыш». [530]

Литература о А. Е. Труппе

1. Ковалевская О. Т. С Царём и за Царя. Мученический венец Царских слуг. М., Издательство «Русскій Хронографъ», 2008.
2. Румянцева Е. Л. Мученические венцы принявшие. (К 90-летию убийства Царских слуг на Урале.) Екатеринбург, Издательский дом «Стягъ», 2008.
3. Чернова О. В. Верные до смерти. СПб., Издательство «Сатисъ», 2007.
4. Чернова О. В. Верные. О тех, кто не предал Царственных Мучеников. М., Издательство «Русскій Хронографъ», 2010.
5. Логунова М. О. Алексей Егорович Трупп – Алоиз Лаурс Труупс (лакей императора Николая II). Царское Село на перекрёстке времён и судеб. Материалы XVI Царскосельской научной конференции. Сборник научных статей в двух частях. Часть II. Санкт-Петербург, 2010, стр. 34–48.

Глава 8
Старший Повар Иван Михайлович Харитонов

И наконец, ещё один царский слуга, оказавшийся впоследствии среди уже известных нам заложников дома Ипатьева, – Старший повар И. М. Харитонов, события жизни которого нам стали яснее благодаря материалам семейного архива и подвижнической работе, проделанной его правнуком П. В. Мультатули.

Иван Михайлович Харитонов родился 30 мая (12 июня) 1870 года в Санкт-Петербурге, в семье письмоводителя Дворцовой Полиции М. Х. Харитонова.

Отец Ивана Михайловича, Михаил Харитонович Харитонов, был круглым сиротой, воспитывался в сиротском приюте и был зачислен в кантонисты. (Прадед и прапрадед И. М. Харитонова служили Рядовыми и Унтер-Офицерами.) Прослужив на государственной службе около 50 лет, М. Х. Харитонов был неоднократно отмечен чинами и наградами, а также возведён в Личное Дворянство. Выйдя в отставку по состоянию здоровья 27 мая 1906 года, он был произведён в Титулярные Советники с годовой пенсией в 1600 рублей.

Своих детей М. Х. Харитонов также определил при Высочайшем Дворе, вследствие чего его сын Иван начал свою службу 1 мая 1882 года, будучи 12-летним подростком. Его первая должность называлась «Поваренный ученик 2-го разряда» и лишь по прошествии восьми лет (1 июня 1888 года) он становится Поваренным учеником 1-го класса.

Ученичество И. М. Харитонова закончилось 1 января 1890 года – в этот день он получил назначение на должность Повара 2-го разряда.

Однако работать по специальности ему долго не пришлось. 1 декабря 1891 года он был уволен со службы для отбывания воинской повинности, которую проходил на Императорском Флоте, поскольку в то время служба при Высочайшем Дворе не освобождала от таковой.

По окончании воинской службы в 1895 году он вновь определяется к Высочайшему Двору и с 5 сентября 1895 года восстанавливается в прежней должности.

Через некоторое время И. М. Харитонов был отправлен на стажировку в Париж, где обучался в одной из лучших французских кулинарных школ по специальности суповника.

В Париже Иван Михайлович знакомится с известным кулинаром и ресторатором Жаном-Пьером Кюба, с которым его в дальнейшем связывала многолетняя дружба.

В 1896 году И. М. Харитонов женился на Евгении Андреевне Тур, происходившей из немецкого обрусевшего рода. Рано став сиротой, она находилась на воспитании своего деда по материнской линии, П. С. Степанова (1817–1901), который, отслужив солдатом 25 лет, заканчивал свой век в собственном доме в Колпине, где и воспитывал детей своей осиротевшей дочери.

Брак Ивана Михайловича и Евгении Андреевны был очень счастливым и с годами увенчался рождением шестерых детей: Антонины (29 мая 1897 года), Капитолины (18 октября 1898 года), Петра (16 января 1901 года), Екатерины (7 ноября 1902 года), Кирилла (21 марта 1905 года) и Михаила.

В год рождения в семье Харитоновых третьего ребёнка её глава 1 июня 1901 года назначается Поваром 1-го разряда.

В городе Санкт-Петербурге Харитоновы проживали в квартире № 35 ведомственного дома за № 7, расположенного на Гагаринской улице.

Помимо своего места жительства, И. М. Харитонову также часто приходилось бывать и на Бассейной улице, где в Литейной Женской Гимназии учились его дочери.

На летние месяцы каждого года многочисленное семейство Харитоновых, как правило, снимало дачу в Петергофе или в расположенном рядом с ним поселке Знаменка. Но впоследствии Иван Михайлович построил свой собственный дом в Тайцах, где со временем планировалась возведение дворца для Наследника Цесаревича Алексея Николаевича.

> «Когда Царская Семья жила в Александровском Дворце, – вспоминает Валентин Михайлович Мультатули, [531]– то Харитонов работал рядом, в небольшой пристройке, которая сохранилась до сих пор. То же самое было и в Александрии в Петергофе. Это помещение, превращённое в коммунальные квартиры, в советское время сдавалось на лето, и я в детстве заходил со старшими в этот дом, где они тоже чуть было не сняли комнату на лето. Затем какое-то время мы все жили рядом с Коттеджем, в бывшем доме Великой Княгини Ольги Александровны, тоже превращённом в коммунальные квартиры, которые их новые хозяева тоже сдавали на лето дачникам.
>
> Парк «Александрия» тоже хранит немало

воспоминаний, связанных с Семьёй последнего Императора. В этом парке Император появлялся без видимой охраны. Однажды вечером, когда бабушка с Иваном Михайловичем стояла на крыльце своего служебного дома, мимо в цивильной одежде прошёл какой-то господин, и Иван Михайлович ему поклонился. “Кто это?”, – спросила его жена. “Это Государь”, – ответил ей он». [532]

10 апреля 1911 года И. М. Харитонов был назначен Старшим поваром, а незадолго до начала Первой мировой войны получил звание Потомственного Почётного Гражданина.

Однако профессия придворного повара была не только почётной, но не такой уж и простой, как это может показаться на первый взгляд. Ведь если мы, к примеру, взглянем на любое из придворных меню того времени, то найдём для себя весьма много интересного и удивительного. Так, вопреки существующему мнению, стол Царской Семьи был, несмотря на свою изысканность, весьма скромен. (В отличие от стола других монарших дворов, не говоря уж о столах, пришедших на смену Романовым советских руководителей, буквально изобилующих всякого рода деликатесами и яствами.)

И хотя в этой области, кажется, всё было давно придумано, И. М. Харитонов и здесь проявлял просто чудеса изобретательности. Взять, к примеру, изобретённый им суп-пюре из свежих огурцов, подававшийся обычно в ноябре. Суп, который, несомненно, явился творческой переработкой опыта французских кулинаров, нашедшего своё применение к нашему русскому свежему огурцу в тепловой обработке.

Но, помимо знания секрета рецептов Православной кухни с её постными и праздничными блюдами, Старшему повару И. М. Харитонову требовалось в совершенстве знать и уметь приготовить многое из того, что считалось национальной кухней других народов мира, – ведь ему часто приходилось составлять меню и следить за приготовлением всевозможных блюд для многочисленных иностранных гостей. А это, в свою очередь, требовало обширных знаний в области не только искусства приготовления пищи, но и мировой кулинарной культуры.

Сопровождая Государя практически во всех Его поездках, И. М. Харитонову удалось посмотреть многие страны мира: Данию, Великобританию, Германию, Италию, Францию и др. И где бы он ни был, отовсюду слал в адрес своих близких открытки с видами тех городов и государств, в которых пребывал.

Впрочем, кому бы ни адресовались эти открытки, в них всегда

перечислялись все домочадцы Ивана Михайловича. Вот, к примеру, одна из открыток, написанная им супруге Евгении Андреевне:

> «Здравствуй! Дорогая Женечка, крепко тебя целую, я, слава Богу, здравствую. Завтра уезжаю на 4 дня в море, по приезде сообщу. Будь здорова, целую крепко дорогих Тонечку, Капочку, Петеньку, Катеньку, Кирочку и Мишуху. Затем до скорого свидания. Ваш Иван». [533]

А вот открытка, написанная И. М. Харитоновым самому младшему из детей:

> «Дорогой Миша! Поздравляю тебя с Днём твоего Ангела, а Маму, Тоню, Капу и Киру с дорогим именинником. Целую всех крепко. Любящий тебя Папа». [534]

И, как рассказывал О. Т. Ковалевской (автору книги «С Царём и за Царя») Валентин Михайлович Мультатули, получив это письмо,

> «двухлетний Михаил Иванович с большой ответственностью за порученное дело шёл целовать Маму, Тоню, Капу, Катю и, возможно, даже всех по порядку». [535]

Надо также отметить, что порядок обращения к членам семьи по их возрасту всякий раз неизменно сохранялся во всех отсылаемых Иваном Михайловичем письмах и открытках. Нарушение же такового требовало немедленного исправления «допущенной несправедливости»:

> «Дорогая Катенька, ты не сердись, что я послал сперва Кирочке, а теперь посылаю тебе. Я ошибся в очереди, теперь стараюсь исправить ошибку…» [536]

Или:

> «Дорогой Петя! Здравствуй! Крепко тебя целую и молю Бога, чтобы тебе перейти во второй класс». [537]

Особую же тревогу Ивана Михайловича, как отца, вызывало слабое здоровье старшей дочери Антонины: [538]

> «Дорогая Тонечка, здравствуй! Пиши, голубка, как

твоё здоровье. (…) Как успехи в науках?» [539]

Или же:

> «Дорогая Тонечка! Здравствуй! Письмо твоё получил, за которое тебя крепко целую и радуюсь, что ты попала в Гимназию. Будь здорова. Любящий тебя твой Папа». [540]

За год до начала Великой войны Кайзер Вильгельм II с особым почётом принимал Государя Императора Николая II. Во время этой встречи всем его слугам были предоставлены личные экипажи, а по окончании визита сделаны ценные подарки, – И. М. Харитонову достались золотые запонки в виде германского государственного герба. Будучи в Берлине, И. М. Харитонов купил настенные часы, ко-торые, пережив блокаду, бережно сохраняются в семье Мультатули и продолжают отсчитывать время и по сей день.

В годы Первой мировой войны И. М. Харитонову приходилось сопровождать Государя почти во всех Его поездках в Ставку и на фронт, а его возвращения всегда были нескрываемой радостью для детей. Ибо всякий раз он привозил им какие-нибудь подарки. А однажды, на радость своим мальчикам, привёз им настоящий трофей – германский шишак. [541]

За свою долгую и беспорочную службу И. М. Харитонов был награждён:

• Серебряной медалью «В память Императора Александра III» (26 февраля 1894 г.);

• Серебряной медалью «В память Священной коронации Государя Императора Николая II» (26 мая 1894 г.);

• Серебряной медалью «За усердие» для ношения на груди на Станиславской ленте (18 апреля 1910 г.);

• Светло-бронзовой медалью «В память 300-летия Российского Императорского Дома Романовых (21 февраля 1913 г.);

• Саксен-Кобург-Готской серебряной медалью (17 апреля 1898 г.);

• Гессенской серебряной медалью «За заслуги» (15 мая 1909 г.);

• Великобританской бронзовой медалью (15 мая 1909 г.);

• Французской золотой медалью (27 января 1910 г.);

• Великобританской серебряной медалью (5 февраля 1911 г.);

• Болгарским орденом «За гражданские заслуги» VI степени (18 мая 1911 г.);

• Прусским Почётным Крестом (16 июля 1912 г.);

• Сербской серебряной медалью с Короной (1 февраля

1913 г.);

• Итальянской золотой медалью (17 декабря 1912 г.);

• Гессенским серебряным крестом (15 марта 1914 г.).

Когда для Царской Семьи наступил период заточения в Царском Селе, И. М. Харитонов, ни минуты не сомневаясь, разделил с Ней свою судьбу, также оказавшись в положении арестованного. К тому же, теперь круг его служебных обязанностей стал значительно шире. Ибо с началом Февральской смуты последний Метрдотель Высочайшего Двора француз Оливье [542]покинул Россию, и теперь Ивану Михайловичу было поручено выполнять его обязанности. А так как семья И. М. Харитонова проживала в Царском Селе за пределами границ Александровского Дворца, единственно возможным способом общения стала почтовая переписка.

В настоящий момент в семейном архиве Мультатули хранится одно из таких писем, написанное И. М. Харитоновым 19 июня 1917 года. Но вот что интересно – после традиционного приветствия своих домочадцев в порядке их старшинства и пожелания им всем здоровья, он заканчивает письмо не совсем обычными словами: *«Ваш навеки Иван»*. Тут создаётся впечатление, что И. М. Харитонов как бы предчувствовал свою скорую гибель.

1 августа 1918 года И. М. Харитонов вместе со своей женой и всеми детьми последовал за Царской Семьёй в Тобольск, где занимался своей основной деятельностью – кухней и приготовлением пищи теперь уже для бывших Августейших Особ. В отличие от несемейных слуг, И. М. Харитонов в этом городе снимал отдельную квартиру, состоявшую из нескольких комнат.

В Новый 1918 год Государыня подарила Евгении Андреевне Евангелие с надписью: *«Харитоновой с семьёй. Александра»*, которое она читала вплоть до самой своей смерти.

Начало этого года не принесло Царской Семье ничего хорошего, и бывший Старший повар И. М. Харитонов был вынужден порою обращаться к обеспеченным тобольчанам за финансовой помощью, необходимой для нормального питания Августейших Узников.

В своей книге «С Царём и за Царя» О. Т. Ковалевская совершенно справедливо подмечает:

> «В Тобольске Харитонов часто ходил по богатым купцам и другим известным жителям города и просил взаймы – для Царской Семьи. Ему часто отказывали, а когда давали, требовали записывать каждую мелочь. Невозможно без чувства глубокой горечи и стыда читать

строки хозяйственной книги: “От купца такого-то получено столько-то вёдер молока, от мастерового такого-то – столько-то гвоздей…” и так далее. Зато простой народ и монахи близлежащих монастырей несли к “Дому Свободы” кто что мог: сметану, молоко, яйца, мясо». [543]

С ликвидацией Гофмаршальской Части в январе 1918 года Приказом Административного Отдела Народного Комиссариата Имуществ Р.С.Ф.С.Р. за № 3485 от 30 июня 1918 г. И. М. Харитонов был уволен от службы с назначением пособия 640 руб. в год.

Когда в мае 1918 года И. М. Харитонов вместе с остальными слугами уезжал из Тобольска в Екатеринбург, ему было разрешено проститься с женой и детьми. Об этом прощании Евгения Андреевна впоследствии рассказывала своим детям и внукам. Пристань, где стоял готовый к отправке пароход «Русь», на котором увозили Августейших Детей, была почти пуста. Наследник Цесаревич всё время глядел в окно каюты и беспрестанно махал рукой в направлении берега. На берегу стояла дочь Е. С. Боткина – Татьяна, а на другом месте – Е. А. Харитонова со своей десятилетней дочерью Екатериной, которая также махала рукой Наследнику Цесаревичу. И это расставание с ним на тобольской пристани запомнилось ей на всю жизнь.

«Как бы предвидя участь уезжающих, камердинер Императрицы А. А. Волков сказал Ивану Михайловичу: “Оставьте золотые часы семье”, на что тот возразил, что при любых обстоятельствах надо вести себя так, как если бы всё было к лучшему. Кроме того, оставленные часы огорчат семью. “Вернусь – с часами, а не вернусь, – зачем их пугать раньше времени?”, – так по воспоминаниям Волкова говорил Харитонов. Там на пристани Иван Михайлович в последний раз простился с женой и дочерью. Больше им никогда не было суждено увидеться в этой жизни». [544]

Простившись с женой и дочерью, Иван Михайлович Харитонов отбыл в Екатеринбург, где был помещён в ДОН, в котором провёл последние дни своей земной жизни. (Автор не исключает, что перед тем, как допустить И. М. Харитонова к Царской Семье, от него также была получена расписка, аналогичная по содержанию с расписками, отобранными у К. Г. Нагорного и А. Е. Труппа.)

Через несколько дней после того, как А. Е. Труппа и И. М.

Харитонова водворили в их новое жилище, произошёл инцидент, который мог принять и вовсе дурной оборот. 1 июня 1918 года И. М. Харитонов и А. Е. Трупп производили уборку комнаты, находящейся по соседству с комендантской и освободившейся ввиду ареста И. Д. Седнева и К. Г. Нагорного. Вытирая пыль с верхней части шкафов, они обнаружили восемь заряженных ручных гранат, вероятнее всего, забытых там караульными по преступной халатности…

Об этой находке И. М. Харитонов немедленно доложил помощнику коменданта, [545]после чего все обнаруженные гранаты были перенесены в комендантскую комнату, где, после визуального осмотра, разряжены. Однако если предположить, что гранаты эти были оставлены не случайно, а с провокационной целью «доказательства предполагаемого побега» или очередного «контрреволюционного заговора», то можно смело сказать, что готовившаяся провокация была сорвана только благодаря грамотным действиям И. М. Харитонова и А. Е. Труппа.

С появлением в доме Ивана Михайловича питание узников за счёт его кулинарных талантов значительно улучшилось. Первым делом, он сумел осуществить ремонт ранее дымившей плиты, после чего узники перестали быть полностью зависимы от доставки блюд из «советской столовой». Теперь Старший повар готовил для них лично. И не только первые и вторые блюда, но выпекая даже и хлеб.

О том, что подавали в то время к столу Августейшим Узникам, каких-либо сведений не сохранилось. Точнее, почти не сохранилось. Однако думается, что Их пища не разнообразилась какими-либо особыми деликатесами, поскольку, судя по получаемым из магазинов и лавок счетам, основным продуктом, доставляемым в ДОН, было мясо.

Поставки этого продукта в ДОН производились приблизительно раз в два дня. Но случались и перебои. И тогда И. М. Харитонову приходилось, что называется, выкручиваться.

Свой первый обед для всех узников ДОН он приготовил и подал к столу 17(4) июня 1918 года, о чём Государь сделал запись в Своём дневнике на следующий день:

> «(…) Со вчерашнего дня Харитонов готовит нам еду, провизию приносят раз в два дня. Дочери учатся у него готовить и по вечерам месят муку, а по утрам пекут хлеб. Недурно!» [546]

Да, именно 18 (5) июня И. М. Харитонов порадовал узников ДОН тем, что впервые испёк для них вкусный хлеб из просеянной муки, привезённой накануне из магазина Накаракова.

После этого удачного дебюта Великим Княжнам (наверняка, по совету И. М. Харитонова) захотелось испечь для всех пирог с крольчатиной, в приобретении которой им, конечно же, было отказано.

Надо сказать, что кулинарный талант и личный пример, теперь уже не суповника, а «повара-универсала», И. М. Харитонова вообще так увлёк Великих Княжон, что те с самого первого дня взялись помогать ему не только в выпечке хлеба, но и во всей прочей стряпне.

20 (7) июня случился очередной перебой в доставке мяса. Но не растерявшийся И. М. Харитонов приготовил для всех в этот день вкусный макаронный пирог. Не меньшую радость доставлял узникам и компот, приготовленный им из сухофруктов, доставленных немногим ранее из уже упоминаемого магазина Накаракова. Это событие также запомнилось Государыне, которая отметила в Своём дневнике:

> «(…) 1 ч[ас]. Обед. Харитонов приготовил макаронный пирог для других (и меня), потому что совсем не принесли мяса». [547]

Немалую поддержку в раскрытии особых талантов этого царского слуги оказывали приносимые из монастыря продукты, доставка которых в ДОН началась с 18 (5) июня. Но если учесть тот факт, что львиную долю всего приносимого из монастыря забирали А. Д. Авдеев сотоварищи (равно как и из всех прочих продуктов, доставляемых в ДОН из магазинов и лавок), то в этом случае просто нельзя не отметить особого дара И. М. Харитонова, которому чуть ли не ежедневно приходилось сталкиваться с приготовлением должных порций из остававшихся в его распоряжении продуктов. Однако всё это было не столь уж плохо, ибо, как показали все дальнейшие события, ситуация с приготовлением пищи и уменьшением порций далее будет складываться только в худшую сторону.

Последняя запись в дневнике Государыни, в которой упоминается Царский повар, была сделана 10 июля (27 июня):

> «(…) 2-й день остальные не едят мяса и питаются остатками скудных запасов провизии, [548]привезённой Харитоновым из Тобольска». [549]

Дальнейшая судьба И. М. Харитонова аналогична судьбе всех остальных узников Дома Особого назначения – в ночь с 16 на 17 июля он был убит в комнате нижнего этажа вместе со всеми остальными жертвами этой трагедии.

И всё же некую деталь касаемо И. М. Харитонова здесь можно попытаться выделить – рассказывая о том, как совершалось это преступление, свидетель такового А. А. Стрекотин в разговоре с допрошенным впоследствии М. И. Летеминым пояснил, что:

> «после Царя был убит “черноватенький” слуга: он стоял в углу и после выстрела присел и тут же умер». [550]

Как знать, может быть, именно этим человеком и был Иван Михайлович Харитонов?

Решением Священного Архиерейского Собора Русской Православной Церкви Заграницей **Иван Михайлович Харитонов причислен к лику Святых Новомучеников Российских от власти безбожной пострадавших и наречён именем Святого Мученика Ивана (Харитонова)**.

Чин прославления был совершён в Синодальном Соборе Знамения Божьей Матери РПЦЗ в Нью-Йорке 19 октября (1 ноября) 1981 года.

17 июля 1998 года останки И. М. Харитонова были торжественно захоронены вместе с останками Членов Царской Семьи в Екатерининском приделе Собора Петра и Павла в Санкт-Петербурге.

И. М. Харитонов в материалах Следственного Производства 1918–1920 г.г

Документ № 1

«(…) Был при них (Царской Семье. – *Ю. Ж.*) повар. Ему было лет 40, он был низенький, худощавый, несколько плешивый. Волосы на голове были чёрного цвета, усы маленькие, чёрные, бороду брил. Носил он чёрный пиджак и брюки, заправленные в сапоги». [551]

Документ № 2

«(…) Я привёл Вам слова Керенского, когда мы уезжали из Царского Села. Семья действительно ни в чём не нуждалась в Тобольске. Но деньги уходили, а пополнений мы не получали. Пришлось жить в кредит. Я писал по этому поводу Генерал-Лейтенанту Аничкову, заведовавшему хозяйством Гофмаршальской Части, но результатов никаких не было. Наконец Харитонов стал мне говорить, что больше “не верят”, что

скоро и отпускать в кредит не будут. (…)

Харитонову было лет 45, невысокого роста, худощавый брюнет или тёмный шатен. Кажется носил бобрик, но на голове были большие “заливы”, брил усы и бороду; приблизительно на грани щеки и скулы, кажется, правой, у него была небольшая бородавка, из которой торчало несколько длинных волос. Нос у него был острый, глаза серые. Носил он чёрные штаны навыпуск и чёрную тужурку со стоячим воротником». [552]

Документ № 3

«(…) Повар из себя был лет 50, низенький, коренастый, тёмно-русый, усы черноватые, не особо большие, бороду он брил на щеках и на подбородке, оставляя её под усами и около усов; на одной какой-то щеке была у него бородавка с длинными волосами. Носил он чёрную тужурку с глухим стоячим воротником, чёрные брюки, ботинки. (…)

Впереди шли Юровский и Никулин. За ними шли Государь, Государыня и Дочери: Ольга, Татьяна, Мария и Анастасия, а также Боткин, Демидова, Трупп и повар Харитонов. Наследника нёс на руках сам Государь. Сзади за ними шли Медведев и “латыши”, т. е. десять человек, которые жили в нижних комнатах и которые были выписаны Юровским из чрезвычайки. Из них двое русских были с винтовками.

Когда они все были введены в комнату, обозначенную цифрой II, они разместились так: посередине комнаты стоял Царь, рядом с Ним на стуле сидел Наследник по правую руку от Царя, а справа от Наследника стоял доктор Боткин. Все трое, т. е. Царь, Наследник и Боткин, были лицом к двери из этой комнаты, обозначенной цифрой II, в комнату, обозначенной цифрой I.

Сзади них, у стены, которая отделяет комнату, обозначенную цифрой II, от комнаты обозначенной цифрой III (в этой комнате, обозначенной цифрой III, дверь была опечатана и заперта; там хранились какие-то вещи), стала Царица с Дочерьми (…) Царица с Дочерьми и стояла между аркой и дверью в опечатанную комнату, как раз вот тут, где, как видно на снимке, стена исковырена. В одну сторону от Царицы с Дочерьми встали в углу повар с лакеем, а в другую сторону от них, также в углу встала Демидова. А в какую именно сторону, в правую или в левую, встали повар с лакеем, и в какую встала Демидова, не знаю». [553]

Литература о И. М. Харитонове

1. Жизнеописание Новомученика Царского повара Иоанна

Харитонова. Составил П. В. Мультатули. СПб., Леушинское издательство, 2006.

2. Ковалевская О. Т. С Царём и за Царя. Мученический венец Царских слуг. М., Издательство «Русскій Хронографъ», 2008.

3. Румянцева Е. Л. Мученические венцы принявшие. (К 90-летию убийства Царских слуг на Урале.) Екатеринбург, Издательский дом «Стягъ», 2008.

4. Чернова О. В. Верные до смерти. СПб., Издательство «Сатисъ», 2007.

5. Чернова О. В. Верные. О тех, кто не предал Царственных Мучеников. М., Издательство «Русскій Хронографъ», 2010.

Глава 9
Поваренный ученик Леонид Седнев

Рассказ о царских слугах был бы неполным, если не вспомнить о Поваренном ученике Леониде Седневе, который также стал узником дома Ипатьева с 10/23 мая 1918 года.

Биографических сведений об этом мальчике почти что нет. Известно лишь то, что Леонид Иванович Седнев происходил из крестьян деревни Сверчково Спасской волости Мышкинского уезда Ярославской губернии.

По ходатайству своего дяди И. Д. Седнева 18 января 1916 года был определён к Высочайшему Двору Поваренным учеником без содержания.

1 октября 1917 года назначен Младшим поваренным учеником с годовым окладом 90 рублей.

После событий Февральской Смуты, в числе прочих слуг, находился под арестом в Царском Селе.

1 августа 1917 года вместе со своим дядей последовал в Тобольск, где стал товарищем Наследника Цесаревича по детским играм.

23 (10) мая 1918 года прибыл в Екатеринбург, где был помещён в дом Ипатьева, в котором находился до 16 июля.

До 16 июля 1918 года он был товарищем по детским играм Наследника Цесаревича. По свидетелям очевидцев (охранников), часто катал его на колесном кресле Государыни по садовым дорожкам участка дома Ипатьева. В детских играх и забавах был невообразимым затейником, придумывая всякий раз новые развлечения, которые зачастую вызывали некоторое раздражение у Государыни, которая, тем не менее, относилась к нему по-матерински снисходительно.

Накануне убийства Царской Семьи Лика Седнев (так его звала Государыня) был уведён из дома. Объясняя причину этого доктору Е. С. Боткину, комендант Я. М. Юровский сообщил, что арестованный его дядя (И. Д. Седнев) бежал. Но сейчас, якобы, вернулся и хочет видеть своего племянника…

И тем не менее, на душе Государыни было неспокойно, о чём она даже сделала запись в Своём дневнике:

> «Совершенно неожиданно Лику Седнева отправили навестить дядю, и он поспешно убежал, – хотелось бы знать, правда ли это и увидим ли мы когда-нибудь этого мальчика!» [554]

А вот история о том, кто предложил сохранить жизнь этому мальчику, вызывает вопрос.

Сам Я. М. Юровский в своих воспоминаниях пишет о том, что это было распоряжение Ф. И. Голощёкина. М. А. Медведев (Кудрин) пишет о том, что во время обсуждения порядка расстрела Царской Семьи и Её слуг в доме Ипатьева *«Яков Юровский предлагает сделать снисхождение для мальчика»*, а П. Л. Войков, якобы, рассказывал Г. З. Беседовскому о том, что это он, а не кто другой, чуть ли не вырвал из рук садиста и палача Якова Юровского жизнь этого мальчика…

Но, как бы там ни было, мальчик Лёня Седнев, всё же, остался жить.

В то время, когда убивали Царскую Семью, он находился по соседству, в доме Попова, где размещалась наружная охрана ДОН. А затем был отправлен на родину в Ярославскую губернию, свидетельство чему запись, сделанная в «Журнале исходящих бумаг по Дому Особого Назначения»:

> «№ 35. 18/VII. В г[ородской] Исполнительный Коми[тет]. Прозьба выдать удостоверение Седневу Леониду». [555]

Вероятнее всего, Лёню Седнева вывезли из Екатеринбурга в одном из отходящих на запад поездов. И в дальнейшем следы его, наверное, потерялись, если бы не памятливость одного из цареубийц, А. Г. Кабанова:

> «Потом его отправили в Ярославскую губернию к родным, а через несколько лет Ярославская Губчека его расстреляла. О чём было объявлено в газетах. [556]

Но старый чекист ошибся…

До недавнего времени, по одной из версий считалось, что Л. И. Седнев был арестован в 1929 году сотрудниками Угличского Райотдела Управления ОГПУ по Ярославской области и вскоре расстрелян. А по второй, что он погиб в боях под Москвой…

Однако на самом деле бывший Поваренный ученик был расстрелян в 1942 году вот при каких обстоятельствах.

В ЦА МО РФ имеется донесение Военного Трибунала Брянского фронта о невозвратных потерях, датированное 11 сентября 1942 года.

Так, согласно ему:

> «красноармеец 1023 стрелкового полка Седнев Леонид Иванович, 1903 года рождения, уроженец

деревни Сверчково, Угличского района Ярославской области, призван в РККА Угличевским Райвоенкоматом. Причина выбытия из части: высшая мера наказания (расстрел). Дата выбытия 17.07.1942. Мать: Седнева Евдокия Николаевна, проживающая по тому же адресу».

В то время Военные Трибуналы фронтов расстреливали за наиболее распространённые воинские преступления: дезертирство, членовредительство (самострелы), невыполнение приказа, оставление поля боя без приказа и др.

В июле 1942 года 1023-й стрелковый полк 307-й дивизии 13-й Армии вёл кровопролитные бои в районе города Ливны Орловской области, сдерживая непрекращающиеся атаки германского 55-го Пехотного корпуса. Какое именно воинское преступление совершил Л. И. Седнев, скупые строчки документа не доносят до читателя. Его судил Военный Трибунал Брянского фронта, который и приговорил его к высшей мере наказания – расстрелу. Не исключена также возможность, что по вынесении приговора Л. И. Седнев был расстрелян перед строем, что зачастую практиковалось в то время в войсках.

Однако ясно одно – по иронии судьбы Л. И. Седнев был расстрелян ровно через 24 года после убийства Царской Семьи и Её верных слуг.

Л. И. Седнев в материалах Следственного Производства 1918–1920 г.г

Документ № 1

«(…) 17 июля я пришёл на дежурство к 8 часам утра. Предварительно я зашёл в казарму и здесь увидел мальчика, состоявшего в услужении Царской семье. Появление мальчика меня очень удивило, и я спросил: “Почто он здесь?” На это один из товарищей – Андрей Стрекотин, к которому я обратился с вопросом, только махнул рукой и, отведя меня в сторону, сообщил мне, что минувшей ночью убиты Царь, Царица, вся их семья, доктор, повар, лакей и состоявшая при Царской семье женщина». [557]

Документ № 2

«(…) Ещё был при них мальчик. Мальчику было лет 15. Волосы у него были чёрные, носил он их косым рядом. Нос у него

был длинный, глаза чёрные. Ходил он в однобортной тужурке, брюках и ботинках, хотя носил и сапоги». [558]

Документ № 3

«(…) Ещё жил при Царской Семье мальчик лет 14. Имени и фамилии его я не знаю. Он был по своему росту высокий, худой, из себя лицом беловатый, нос прямой, длинный, рот большой, губы тонкие, глаза не особенно большие, но глубокие, а цвета их не помню. Носил он тёмно-серую тужурку со стоячим воротником, такой же материи брюки и ботинки, но видел я его и в сапогах». [559]

Литература о Л. И. Седневе

1. Е. Михайлина. Крест последней княжны. Газета «Московский комсомолец» № 2179 от 17 мая 2006 г.

Часть III
Верные Долгу и Присяге

Глава 1
Некоторые предварительные комментарии

Не секрет, что при Камер-Фурьерской Части Высочайшего Двора состоял целый штат дворцовой прислуги, в задачу которой входил самый широкий круг служебных обязанностей.

В первую очередь, это были *штатные*и *комнатные*слуги, некоторые из них после многолетней службы стано-вились, так сказать, «своими людьми» при Августейших Особах.

Так, например, при Императрице Александре Фёдоровне состояло шесть горничных. Старшая из них – Меделайн (Маргарита) Францевна Занотти, итальянка по происхождению, до того, как попасть в штат Государыни, на протяжении многих лет состояла на службе у Великих Герцогов Гессенских. Мария Густавовна Туттельберг (которую с лёгкой руки Государыни в узком кругу приближённых иногда называли «Тутель» или «Тутельс») была родом из Ревеля и в негласной служебной иерархии занимала второе место. Обе эти горничные жили на втором этаже Александровского Дворца, а их комнаты располагались напротив комнат Великих Княжон. В свою очередь, им подчинялись четыре помощницы-камеристки, выходившие на службу три дня в неделю, в обязанности которых входило одевать и раздевать Государыню. Но, несмотря на сравнительно невысокий статус камеристок, все эти девушки были, хотя из небогатых, но дворянских семей.

Самой любимой няней Августейших Детей Их Императорских Величеств была Александра Александровна Теглева (которую все звали Шурой и которая впоследствии вышла замуж за П. Жильяра), поступившая на службу в 1901 году и служившая Царской Семье верой и правдой на протяжении 17 лет. Не менее близкими слугами Государыни были Лиза и Нюта (Елизавета Николаевна Эрсберг и Анна Александровна Демидова). Причём последняя, когда её брали на службу, принадлежала к купеческому сословию, что противоречило существующим правилам, и только лишь по прошествии лет была возведена в дворянское достоинство.

Однако указанными лицами далеко не исчерпывался весь штат слуг Государыни. Полный штат «людей» (так зачастую Члены Августейшей Семьи за глаза называли своих слуг), непосредственно обслуживающих только одну Государыню, состоял из 18 человек. А именно: Камер-Фрау, две Камер-Юнгферы, Камер-Медхен, Гладильщица, три Комнатные

Женщины, два Камердинера, Гардеробский Помощник, три Камер-Казака (личная охрана), три Лакея I разряда и один Работник.

Во-вторых, некоторое количество дополнительных слуг всегда сопровождали Царскую Семью во время Её путешествий. Их главной задачей было создание необходимого комфорта в пути следования Августейших Особ. Так, для обслуживания Августейших Особ и примерно десяти человек приближённых на борт Императорской Яхты «Штандартъ» брали около 50 человек прислуги – лакеев I, II и III разряда. (Это не считая всей прочей челяди: поваров, буфетчиков, кухонных рабочих, музыкантов и певчих хора, общее количество которых превышало 100 человек.) Следует также отметить, что Лакеи I разряда обслуживали только Царскую Семью, II разряда – Её ближайшую Свиту, а Лакеи III разряда – всех остальных сопровождающих.

На службу при Высочайшем Дворе попадали разными путями: по наследству (заменяя на придворных должностях престарелых родителей), по протекции и просто «со стороны». Причём, их категории последних в штат руководящего состава низового звена дворцовых слуг зачастую попадали вышедшие в отставку унтер-офицеры и солдаты Лейб-Гвардейских полков, прошедшие наивысшую школу воинской дисциплины и воспитанные в духе верноподданнических традиций.

В дни Февральской Смуты 1917 года, когда всё столь привычное рушилось и менялось в одночасье, находившаяся в Александровском Дворце прислуга вела себя по-разному. Так, к примеру, в корне изменил своё отношение к Наследнику Цесаревичу Отставной Кондуктор А. Е. Деревенько, который, как выяснилось впоследствии, на протяжении многих лет обкрадывал Царскую Семью на предмет детских носильных вещей, которые втайне отправлял к себе на родину.

Свидетель тех дней Баронесса С. К. Буксгевден писала, что *«все слуги, заботившиеся о хозяйстве, сбежали»*, но при этом *«во дворце остались лишь члены личной свиты Александры Фёдоровны»*. [560]И, тем не менее, уже 16 марта *«во дворец пешком вернулось несколько наших слуг, находившихся в Петрограде»*. [561]И это несмотря на то, что периодически инспектировавшие Александровский Дворец члены Петроградского Совета неоднократно пытались оказать на них давление, всячески понося их за то, что *«те продолжали работать на «тиранов»*. [562]

Следует также отметить, что после отречения Государя в Гофмаршальской Части Министерства Императорского Двора и Уделов был составлен документ-вопросник, адресованный «г. Комиссару исполнительного Комитета Государственной Думы»,

на который новая власть ответила следующим образом:

> «– Должна ли Гофмаршальская Часть переименовывать свои официальные бланки?
>
> – Нет.
>
> – Должна ли Гофмаршальская Часть сменить печать?
>
> – Нет. Только следует убрать двуглавого орла, как символ самодержавия.
>
> – Надлежит ли производить содержание Гофмейстрин, Фрейлинам и Гофлектриссе супруги отрекшегося Императора Николая II?
>
> – Выплату содержания приостановить.
>
> – Надлежит ли производить содержание Камер-Фрейлинам и Фрейлинам Вдовствующей Императрицы Марии Фёдоровны?
>
> – Производить по-прежнему». [563]

Из этих ответов можно сделать однозначный вывод, что Временное Правительство сознательно предпринимало все меры к тому, чтобы лишить Венценосную Семью привычного для Неё окружения, в то время как окружения Вдовствующей Императрицы таковые не коснулись.

Представленные в этой части книги сведения на некоторых из слуг, добровольно последовавших за Царской Семьёй в изгнание, взяты из фондов Российского государственного исторического архива Санкт-Петербурга, в котором хранятся «Списки придворнослужителей Императорского Двора Управления Гофмаршальской Части (Ф. 476, оп. 1).

- Дело № 2081 – «Списки придворнослужителей по части кухни».
- Дело № 2082 – «Послужные списки комнатной прислуги Императорской Семьи, повесточных, писцов, садовых и сторожей».
- Дело № 2083 – «Послужные списки служащих при кладовых».
- Дело № 2085 – «Послужные списки по части кухни, пекарни и кондитерской должности».
- Дело № 2086 – «Послужные списки комнатной прислуги, повесточных, писцов при Квартирмейстере, служителей при Канцелярии Камер-Фурьера, ездовых и сторожей Гофмаршальской Части».
- Дело № 2087 – «Послужные списки служивых при кладовых в Придворно-прачечном заведении и штамповщиков [564]ведомства Гофмаршальской Части».

Каждое из этих дел представляет собой большую «амбарную

книгу», в которую вписывались краткие сведения о том или ином служащем, состоящем при Гофмаршальской Части. А именно: дата и год рождения, место рождения, семейное положение, наличие детей и даты их рождения, дата поступления на службу, занимаемая должность, полученные награды, а также номер фото, каковые в своё время числились по Канцелярии Дворцовой Полиции. (К сожалению, в большинстве случаев фотографии не сохранились. А имеющиеся в наличии хранятся в деле «Фотографии служащих ведомства Императорского Двора (коллекция)» и зарегистрированы по Фонду № 508, описи 4.)

Однако сплошь и рядом сведения эти неполны. Так, например, в упомянутых формулярных списках никогда не указывались девичьи фамилии супруг вписанных в них лиц, а иногда информация вообще сведена до минимума, что наглядно видно из приведённых далее описаний.

В начале этой части помещены несколько более развёрнутые биографии Сестры Милосердия Военного Времени К. М. Битнер и Лейб-Хирурга В. Н. Деревенко, также добровольно последовавших за Царской Семьёй к месту Её сибирской ссылки.

Но здесь также следует оговориться, что К. М. Битнер приехала в Тобольск, чтобы быть ближе к своему жениху – Коменданту Царскосельского Александровского Дворца Полковнику Е. С. Кобылинскому, а В. Н. Деревенко [565]прибыл в этот город в качестве Врача «Сводного Гвардейского Отряда особого назначения по охране бывшего царя и его семьи».

Наряду со сведениями биографического характера в отношении К. М. Битнер и В. Н. Деревенко здесь представлены также и некоторые материалы Предварительного Следствия в виде протоколов допросов упомянутых лиц, а также Камер-Юнгферы М. Г. Туттельберг, сведения о которой дополнены несколькими документами из её формулярного списка.

Вместе с тем, в материалах Предварительного Следствия имеются также протоколы допросов С. И. Иванова и Е. Н. Эрсберг, большая часть которых сводится к опознанию предъявляемых им следствием вещественных доказательств. Но поскольку какие-либо сведения биографического характера об С. И. Иванове и Е. Н. Эрсберг в данной работе отсутствуют, то эти протоколы автором здесь и не приводятся.

Осенью 1933 года ПП ОГПУ по Свердловской области началось следствие по Агентурно-следственному делу № 2094 «Романовские ценности», главной задачей которого был поиск принадлежавших Царской Семье драгоценностей, сокрытых по просьбе Августейшей Четы разными лицами при посредстве верных Царских слуг. В ходе оперативно-следственных

мероприятий часть этих бывших слуг, с годами рассеявшихся по разным городам и весям СССР, была выявлена и допрошена, после чего некоторые из них – арестованы. Так, к примеру, были подвергнуты аресту: П. К. Межанс, В. В. Николаева, А. П. Кирпичников и др. А поскольку к тому времени бывший Командир «Сводного Гвардейского Отряда по охране бывшего царя и его семьи» Полковник Е. С. Кобылинский был уже расстрелян, к данному делу была привлечена его вдова – К. М. Кобылинская.

Ну, а раз в данном деле присутствуют протоколы допросов и прочие материалы в отношении К. М. Кобылинской и А. П. Кирпичникова, то автор счёл для себя возможным дополнить их биографические сведения указанными материалами.

Глава 2
Сестра Милосердия Военного Времени Клавдия Михайловна Битнер

Клавдия Михайловна Битнер родилась 20 июля 1878 года в Санкт-Петербурге в семье Потомственного Дворянина Царскосельского уезда Санкт-Петербургской губернии.

Отец – Битнер Михаил Карлович – долгое время служил преподавателем математики и фортификации в Виленском Пехотном Юнкерском Училище, а, выйдя в отставку в чине Полковника, вернулся в Царское Село.

Мать – Битнер Апполионария Михайловна, домохозяйка.

После окончания гимназии и Санкт-Петербургских Высших Женских Курсов в 1899 году поступила в Царскосельскую Мариинскую женскую гимназию, [566]где много лет прослужила в должности Классной Надзирательницы (Классной Дамы).

С 1896 по 1917 годы семья Битнер проживала в Царском Селе в доме № 20 по Колпинской улице (дом Кутюмова).

С началом Первой мировой войны К. М. Битнер окончила Курсы Сестёр Милосердия Военного Времени, после чего поступила по профилю в Царскосельский Лианозовский лазарет.

Работая в этом лазарете, К. М. Битнер знакомится с находившимся в нём на лечении Полковником Е. С. Кобылинским, с которым у неё завязались дружеские отно-шения.

В конце августа 1917 года, то есть когда Царская Семья уже была сослана в сибирскую ссылку, К. М. Битнер, находившаяся в Перми в гостях у матери, решила приехать в Тобольск, чтобы навестить Е. С. Кобылинского. Но, помимо этого, так сказать, официального предлога, К. М. Битнер должна была ещё доставить находившемуся в ссылке Государю письмо от Его сестры – Великой Княгини Ксении Александровны, о чём он впоследствии даже не преминул отметить в своём дневнике за 10 октября 1917 года.

По прибытию в Тобольск, К. М. Битнер сразу же подала прошение на соискание места учительницы французского языка в местной женской гимназии. Однако, узнав о её пребывании в этом городе, Августейшие Дети изъявили желание, чтобы именно Клавдия Михайловна стала проводить с ними занятия по ряду предметов за гимназический курс.

Заручившись согласием Государыни и комиссара В. С. Панкратова, К. М. Битнер стала давать уроки русского языка, математики и географии Наследнику Цесаревичу, а истории и

русской литературы – младшим Великим Княжнам. (До её приезда занятия по русскому языку проводил Граф И. Л. Татищев, а по математике – учитель местной гимназии Батурлин.)

После отъезда Царской Семьи К. М. Битнер осталась в Тобольске, где вышла замуж за Полковника Е. С. Кобылинского и до 1919 года работала преподавателем французского языка в Тобольской Мариинской женской гимназии.

Из Тобольска супруги Кобылинские переехали в Ишим, являвшийся одним из мест дислокации Штаба Тюменского военного Округа, так как Полковник Е. С. Кобылинский к тому времени вновь возвратился в строй и состоял в должности Штаб-Офицера для поручений при Главном Начальнике Тюменского военного Округа Генерал-Лейтенанте В. В. Рычкове.

Начиная с августа 1919 года, супруги Кобылинские проживают в Омске, где Полковник Е. С. Кобылинский продолжил свою службу, а сама Клавдия Михайловна до марта 1920 года работает в структуре Военного Комиссариата.

После того, как бывшая столица расстрелянного к тому времени Верховного Правителя становится вновь «красной», К. М. Кобылинская, ожидавшая к тому времени ребёнка, на время расставшись с мужем, уезжает в хорошо знакомый ей провинциальный Тобольск, в котором после рождения сына продолжает свою работу в должности педагога французского языка.

Сам же Полковник Е. С. Кобылинский, отступая вместе с войсками Сибирской Армии, в бою под Красноярском попадает в плен, где перед ним был поставлен выбор: быть расстрелянным или, сохранив жизнь, перейти на службу к большевикам.

Е. С. Кобылинский выбирает последнее и около двух лет состоит в РККА в совершенно новом для него качестве Военспеца. А по окончании военных действий на Дальнем Востоке переезжает на жительство в Рыбинск Ярославской губернии, куда в августе 1922 года приезжает и его супруга вместе с малолетним сыном Иннокентием.

С началом первых репрессий, пришедшихся на 1927 год, Е. С. Кобылинский был арестован. Против него, равно как и против арестованных вместе с ним лиц из числа так называемых «бывших», сотрудниками ПП ОГПУ по Ярославской области было сфабриковано дело об участии в контрреволюционной организации. А носимый им некогда полковничий чин и служба в «царской и колчаковской армиях» явились «безусловными доказательствами» его вины, как участника этой подпольной организации. Причём, якобы, организации, поставившей перед собой задачу свержения Советской власти и готовившейся встать

на путь открытого террора против руководителей государства и членов правительства СССР. Итог – один… Бывший верный рыцарь Царской Семьи был расстрелян и похоронен в безымянной могиле.

При этом в деле по обвинению гражданина Е. С. Кобылинского Отдела Рыбинского ОГПУ по Ярославской области имеются такие строчки:

> «После февральской революции назначен начальником гарнизона Царского Села… принимал живое участие в сокрытии интимностей в семье Романовых (…), прятаний концов при обнаружении трупа Распутина, продолжая служить государю и императору верой и правдой, терпя грубости и нахальство охраны, он сделал для царской семьи все, что мог, и не его вина в том, что недальновидные монархисты не обратились к нему, единственному человеку, который имел возможность организовать освобождение царской семьи…» [567]

То есть, даже палачи из ОГПУ оценили всё величие подвига Русского Офицера и Дворянина Евгения Сергеевича Кобылинского…

Понимая, что ей, как «жене контрреволюционера», долго прожить спокойно в Рыбинске не дадут, Клавдия Михайловна в 1931 году переезжает в Москву, где устраивается на скромную должность статистика в Топливный Отдел Мособлисполкома.

Однако, опасаясь, что каким-нибудь образом о её близости к Царской Семье станет известно «органам» (в Москве её знало довольно много народу, да и фамилия Кобылинских становится особо «засвеченной» после выхода в свет книги П. М. Быкова «Последние дни Романовых»!), К. М. Кобылинская уже в 1933 году переезжает вместе с сыном в подмосковный город Орехово-Зуево, где поступает на завод «Карболит».

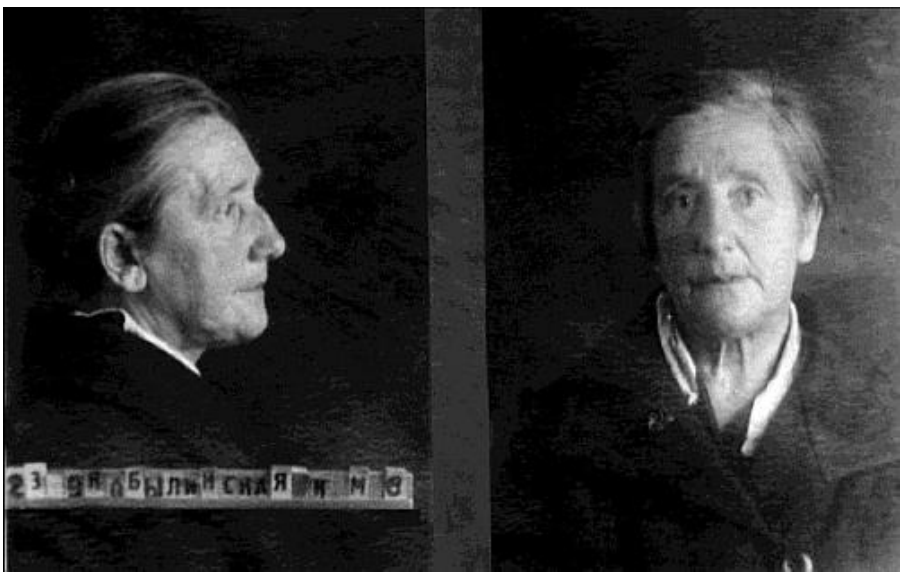
На этом производстве она работает в должности преподавателя иностранных языков местного Рабфака, а, выйдя на пенсию, подрабатывает частными уроками.

Гром грянул неожиданно…

10 сентября 1934 года К. М. Кобылинская была арестована в связи с делом о так называемых «Романовских ценностях», расследуемым ПП ОГПУ по Свердловской области. То есть, о тех самых ценностях, которые Царская Семья накануне отъезда из Тобольска передала на хранение своему духовнику из числа местного духовенства – о. Алексею (А. П. Васильеву).

Будучи арестованной и допрошенной, Клавдия Михайловна

припомнила, что видела в руках мужа ларец, источающий блеск находящихся в нём драгоценностей, которые тот передал на хранение тобольскому купцу К. И. Печекосу. Припомнила и то, как на последнем уроке Наследник Цесаревич передал ей коробочку с серебряными рублями, прося закопать их поглубже, а то «монетки редкие»…



После нескольких допросов и содержания под стражей в течение нескольких дней её на некоторое время отпустили, видимо, для того, чтобы проследить за её дальнейшими действиями. А так как оных не последовало, арестовали вновь. А дома, меж тем, совсем один находился сын-школьник… От неё требовали признания в участии в деле сокрытия царских ценностей, требовали составить список переданных драгоценностей, угрожали, но она, конечно же, не могла сказать ничего конкретного… Судя по материалам дела, К. М. Кобылинскую допрашивали 27 раз. Поначалу все свои пояснения она писала ровным твёрдым почерком. Но день за днём, месяц за месяцем почерк менялся, и когда-то ровные буквы превращались в дрожащие закорючки. Её даже заставили написать письмо находившемуся в то время в больнице из-за попытки неудачного самоубийства К. И. Печекосу:

> «Константин Иванович, умоляю Вас отдать всё, что Вам отдано… Подумайте о страдании всех людей, связанных с этими вещами». [568]

К концу 1937 года из всех, кто проходил по делу о

«Романовских ценностях», нельзя уже было выудить хоть какую-нибудь новую и полезную информацию. Тем более, что ещё в 1933 году некоторая часть ценностей была уже найдена. Вследствие этого, интерес к бывшей царской фаворитке и обвиняемой по делу отпал, а её дальнейшее пре-бывание на свободе для участия в строительстве «светлого будущего», по мнению заплечных дел мастеров из «ведомства товарища Ежова», было явно ни к чему.

Судебной тройкой УНКВД по Московской области К. М. Битнер была осуждена за контрреволюционную деятельность и антисоветскую агитацию и приговорена к высшей мере наказания – расстрелу.

27 сентября 1937 года приговор был приведён в исполнение близ д. Дрожжино Ленинского района Московской области на так называемом «Бутовском полигоне».

16 марта 1956 года Постановлением Военной Коллегии Верховного Суда СССР К. М. Битнер была реабилитирована.

Судьба её сына – Иннокентия Евгеньевича Кобылинского – неизвестна…

К. М. Битнер в материалах Следственного Производства 1918–1920 г.г

ПРОТОКОЛ

1919 года, Августа 4 дня, Судебный Следователь по особо важным делам при Омском Окружном Суде Н. А. Соколов в г. Ишиме в порядке 443 Ст. Уст. [ановления] Угол. [овного] Суд. [опроизводства] допрашивал нижепоименованных в качестве свидетелей, и они показали:

(…)

Клавдия Михайловна Битнер, 41 года,
Потомственная Дворянка Петроградской губернии,
сейчас живу в Ишиме, Тобольской губернии,
на Мало-Никольской улице в доме Ковалёва,
православная, не судилась.

Я служила Классной Дамой в Царскосельской гимназии 18 лет.

Девочки (Великие Княжны) знали меня со слов моей воспитанницы гимназистки Сони Шевырёвой, племянницы Шнейдер, дочери Ольги Иосифовны Шевырёвой, вдовы Полковника.

Таким образом, не будучи знакома им, я была им известна ещё до революции. Во время войны я поступила в общину Красного Креста на курсы сестёр милосердия и была в частном лазарете Лианозовой 11½ года в качестве сестры. Этот лазарет посетила как-то ГОСУДАРЫНЯ с девочками. Здесь я им была представлена. В этом же лазарете лежал Евгений Степанович Кобылинский, с которым я тогда познакомилась.

После отъезда Августейшей Семьи в Тобольск я, в конце августа месяца старого стиля, была в Перми, где навещала свою мать. Отсюда я проехала в Тобольск навестить Евгения Степановича. В Тобольск я тогда приехала 1 сентября. Я помню, что из Тюмени на одном пароходе со мной ехали два господина, мне незнакомые, про которых уже на пароходе говорили, что это комиссары. Это и были Панкратов и Никольский. Я помню, что, когда я проходила городом и шла мимо дома, где жила Августейшая Семья, меня увидели с балкона Дети и раскланялись со мной. Я тогда же подала в Тобольскую гимназию прошение на свободную вакансию преподавательницы французского языка. Когда дети узнали об этом со слов Боткина, они изъявили желание, чтобы я занималась с ними. Панкратов также весьма сочувственно относился к этому, чтобы я преподавала им. Так и было решено. После этого я съездила в Царское, покончила там все свои дела и 20 сентября выехала в Тобольск. Из Тюмени я ехала вместе с Гиббсом и приехала в Тобольск 5 октября.

10 октября я была принята Августейшей Семьёй. Меня ввёл тогда в дом Панкратов. Я через Евгения Степановича дала знать, что я хочу быть принятой Императрицей наедине в отсутствии Панкратова. Так и вышло, с детьми принял меня в кабинете. После этого Он мне сказал: «Вас ждёт жена», и занял разговором Панкратова. Я пошла к ГОСУДАРЫНЕ и встретилась с Ней одной. Она хорошо, ласково приняла меня.

И стала я преподавать детям разные предметы. Я занималась с Алексеем Николаевичем по русскому языку, математике, географии. С Марией Николаевной и Анастасией Николаевной я занималась по истории и по русской литературе. Ходила я к ним на уроки каждый день и почти каждый день два раза в день. Приходила я утром. Всегда была одна и та же картина. Дети встают. Идёт старик Чемодуров и несёт вычищенные сапоги Императору, осторожно держа их за ушки. Я занималась с Алексеем Николаевичем в комнате, соседней с той, где занимался своим утренним туалетом ГОСУДАРЬ. Слышно было – ГОСУДАРЬ разговаривает с Чемодуровым. Это, должно быть, было его привычкой. Бывает, перекликается с Алексеем Николаевичем. Иногда он проходил нашей комнатой, здоровался со мной,

немного разговаривал. Отзанимаемся мы с Алексеем Николаевичем, идёт он или на другой урок, или гулять, смотря по расписанию. Если у меня не бывало уроков в гимназии, я оставалась с ними и тоже гуляла. С 11 до 12 они гуляли. В 12 часов Детям подавался лёгкий завтрак. Приходил обыкновенно ГОСУДАРЬ в это время к Детям.

В результате жизни моей в Тобольске и наблюдения жизни Августейшей Семьи у меня сложилось такое представление о них.

ГОСУДАРЬ производил на меня чарующее впечатление. Он был человек образованный, весьма начитанный. Он хорошо знал историю. Он производил впечатление человека необычайно доброго и совсем простого. В Нём не было ни малейшей надменности, заносчивости. Он был замечательно предупредительный человек. Если я иногда по нездоровью пропускала урок, не было случая, чтобы он, проходя утром через нашу комнату, не расспросил бы меня о моём здоровье. С Ним я всегда чувствовала себя совсем просто, как век Его знала, привыкла к Нему. Он вызывал у меня чувство, что хочется сделать Ему что-нибудь приятное. Так Он относился ко всем окружающим Его. С офицерами нашего отряда Он был прост, вежлив, корректен. У Него была поразительная выдержка характера. Это был замечательно выдержанный и спокойный человек. Его недостаток, мне думается, заключался в Его бесхарактерности, в слабости характера. Он, видимо, сам не решал никаких вопросов, не посоветовавшись с Александрой Фёдоровной. Это была Его обычная фраза: «Я поговорю с женой».

Он, мне думается, не знал народа. У Него было такое отношение к народу: добрый, хороший, мягкий народ. Его смутили худые люди в этой революции. Её заправилами являются «жиды». Но это всё временное. Это всё пройдет. Народ опомнится и снова будет порядок. Однако я убеждена в этом, наблюдая Его, Он ни за что бы не пошёл снова на Престол. Он этого не хотел. Он желал только одного: чтобы Он мог жить в своей Семье покойной жизнью семьянина.

ГОСУДАРЫНЯ, как была Царицей раньше, так и осталась Ею. Самая настоящая Царица: красивая, властная, величественная. Именно в Ней самым Её характерным отличием была Её величественность. Такое Она впечатление производила на всех. Идёт, бывало; ГОСУДАРЬ, нисколько не меняешься. Идёт Она – обязательно одёрнешься и подтянешься. Однако Она вовсе не была горда. Она не была и женщиной со злым характером, недобрым. Она была добра и в душе смиренна. Народа своего Она также не знала и не понимала. Она так же смотрела на него, как и ГОСУДАРЬ: хороший, простой, добрый народ. Она эти, свои

взгляды, неоднократно высказывала. Пришёл из Омска какой-то отряд красноармейцев. Она видела их и говорила: «Вот, говорят, они нехорошие. Они хорошие. Посмотрите на них. Они вот смотрят, улыбаются. Они хорошие».

Я могу Вам рассказать вот про какой случай. Однажды я с Ней сильно и горячо поспорила, так что и я и Она расплакались во время спора. Она, не понимая совершенно солдат, их отношения к Ним, которого они, конечно, не смели всё-таки обнаруживать в глаза, как-то однажды в разговоре со мной стала высказывать эти свои мысли: народ хороший, а вот, если бы офицеры были более энергичны, тогда было бы другое. Выходило так, что солдаты – ни в чём не виноваты. Виноваты офицеры, которые не умеют ими управлять. Так после всего, что совершилось за эту войну и революцию с Россией, мог говорить только человек, который не знает и не видит народа. Я и стала убеждённо и откровенно Ей возражать. Я стала ей говорить, что Она не знает, очевидно, что переносили и что переносят сейчас несчастные офицеры от солдат, что Она ничего этого не видит сама и Ей, щадя Её, не говорят этого. Видно было, что мои слова идут совершенно вразрез с Её сложившимся убеждением. Она очень волновалась и расплакалась. На меня этот разговор тоже нехорошо подействовал. К вечеру у меня разболелась голова, и я не могла прийти к ним на их детский спектакль. Она прислала ко мне камердинера, звала меня и написала мне письмо, прося меня не сердиться на Неё. В этом случае Она, по-моему, вылилась вся, какая Она была. Она не была вовсе горда в дурном смысле этого слова. Этого и не могло быть в Ней, потому что от природы Она была умная.

Я могу ещё рассказать про один случай Её доброты, как человека. Она меня однажды спросила сама, посылаю ли я деньги моей матери. Как раз было такое время, когда мне матери послать было нечего. Тогда Она настояла, чтобы я взяла у неё денег и послала бы моей матери. Я поэтому вот и говорю, что черты Её натуры, которые заставляли видеть в ней Царицу, вовсе не были отрицательными чертами: Её гордости, надменности. Она не была такой. Она была именно величественна, как Царица.

Она сильно и глубоко любила ГОСУДАРЯ. Любила Она Его, как женщина, которая имела от Него Детей и много лет жила с Ним хорошей, согласной жизнью. С мужем у Неё были прекрасные, простые отношения. Они оба любили друг друга. Но ясно чувствовалось, что главой в доме был не Он, а Она. Она была той надежной крышей, под защитой которой жила Семья. Она их всех «опекала». Она была добрая, способная на добрый порыв, чтобы помочь другому. Но в то же время Она была скуповата в

хозяйственной жизни: в ней чувствовалась аккуратная в хозяйственном отношении, расчётливая немка. Она имела способности к рукоделиям. Её работы были хорошие. Она хорошо вышивала и рисовала.

Она, безусловно, искренно и сильно любила Россию. Оба они с ГОСУДАРЕМ больше всего боялись, что их увезут куда-нибудь за границу. Этого Они боялись и не хотели этого. Я удивляюсь Её какой-то ненависти к Германии и к Императору Вильгельму. Она не могла без сильного волнения и злобы говорить об этом.

Она мне говорила много раз: «Если бы Вы знали, сколько они сделали зла моей Родине». Она говорила про своё герцогство, и я не знаю, за что Она так ненавидела немцев и Вильгельма, когда выражала эти свои мысли. Когда Она говорила про революцию, Она ещё тогда, когда не было никаких большевиков (это понятие в Тобольске до самого Их отъезда не было обособлено в самостоятельное: большевики – это вообще революция; так нам это там, в глуши, представлялось), говорила с полным убеждением, что такая же судьба постигнет и Германию. Она это высказывала с чувством злорадства. Я ясно чувствовала тогда Её мысль: революция в России – это не без влияния Германии. Но за это она поплатится сама тем же, что она сделала и с Россией. И ясно видно было, что эта мысль Её радовала.

Она была сильно религиозна. У такого человека, как Она, это не могло быть лживым. Её вера в Бога была искренняя и глубокая. Но я не понимала и сейчас не понимаю в Ней одного в этом отношении: откуда у Неё могло родиться и так сильно укорениться чувство обрядности по православному, когда Она родилась и воспитывалась в ином исповедании. Мне казалось и кажется, что, как Царица, как первая женщина, Она старалась показать пример должного, как Она понимала это должное. Я никак не могу иначе этого понять и объяснить. Для Неё церковные службы не были связаны с настроением, а в этом для меня, например, все. Однажды Она настойчиво стала мне говорить, чтобы я говела вместе с Ними на первой неделе Великого поста. Я стала отказываться, так как не привыкла говеть на первой неделе и всегда говела на Страстной. Отказываясь, я бросила Ей фразу: «У меня нет настроения говеть сейчас». Она это выслушала и упорно продолжала меня уговаривать и настояла на своём. Я не понимаю, как она могла это делать, когда я же Ей прямо говорила, что у меня нет настроения. Значит, Ей этого не нужно, когда Она молится. Вот этого я в Ней не понимаю. Только я совершенно ясно понимаю, что Её набожность и Её моления вовсе не были «ханжеством». Александра Фёдоровна была глубоко порядочной, хорошей по самой натуре. Никакой такой лжи в

самой себе Она носить не могла.

Я не видела в Ней истерички. Она, наоборот, была очень сильна характером и волей. Болезненного проявления Её религиозного чувства я не видела. Я вообще не знаю, чем была Она больна и болела ли Она.

Я думаю, что если бы Семья лишилась Александры Фёдоровны, то такой же «крышей» для неё была бы Татьяна Николаевна. Она унаследовала натуру матери. Очень много было в Ней материнских черт: властность характера, склонность к установлению порядка в жизни, сознание долга. Она ведала распорядками в доме. Она заботилась об Алексее Николаевиче. Она всегда гуляла с ГОСУДАРЕМ во дворе. Она была самым близким лицом к Императрице. Это были два друга. Поэтому она и не была взята тогда ГОСУДАРЫНЕЙ при отъезде из Тобольска, что на неё был оставлен Алексей Николаевич. Она была, безусловно, самым необходимым человеком в семье для родителей. Но мне казалось, что Она не была такая бодрая, как мать.

Я не знаю, почему так выходило, но мне не о чем с Ней было говорить и не хотелось этого. Я не знаю, была ли Она развитая и начитанная. Она всегда читала с Гендриковой. Она любила хозяйничать. Любила вышивать и гладить бельё.

Я гораздо больше любила Ольгу Николаевну. Она унаследовала много черт отца. Она на меня производила своей ласковостью, всей собой также «чарующее» впечатление милой, хорошей русской девушки. Она не любила хозяйства. Она любила уединение и книги. Была она начитанна. Вообще она была развита. Она, мне кажется, гораздо больше всех их в Семье понимала своё положение и сознавала опасность его. Она страшно плакала, когда уехали Отец с Матерью из Тобольска. Может быть, Она сознавала тогда что-нибудь. Она производила на меня впечатление человека, который что-то неудачно пережил. Бывало, Она смеется, а чувствуешь, что её смех сверху, а там, в глубине души, ей вовсе не смешно, а грустно. Так же, как и Отец, Она была со всеми окружающими проста и ласкова, предупредительна и приветлива. Она больше других любила, кажется, Марию Николаевну.

Мария Николаевна была самая красивая, типично русская, добродушная, весёлая с ровным характером, приветливая девушка. Она любила и умела «поговорить» с каждым, в особенности с простым народом, солдатами. У неё было всегда много общих тем с ними. Говорили, что она уродилась в Александра III наружностью и силой. Она была очень сильная. Когда нужно было больному Алексею Николаевичу куда-нибудь

передвинуться, кричит: «Машка, неси меня». Она всегда его и носила. Её очень любил, прямо обожал комиссар Панкратов. К ней, вероятно, хорошо относился и Яковлев, когда они ехали на пароходе. Девочки потом смеялись, получив письмо от неё из Екатеринбурга, в котором она, вероятно, им писала что-нибудь про Яковлева: «Машке везёт на комиссаров». Она имела способности по рисованию и рукоделию.

Анастасия Николаевна одна из всех была какой-то неотёсанной и грубоватой. Была совсем не серьёзна. Не любила заниматься и готовить уроки. Выезжала всегда на Марии Николаевне. Они обе, надо сказать, были отсталые в науках. Они не умели обе писать сочинений и совершенно не были приучены выражать своих мыслей. Это надо объяснить неудачным выбором к ним преподавателя Петрова, который учил их в Царском. Они сами мне рассказывали про него: глухой сильно, он не слышал, что они ему отвечают. Шалуньи-девчонки болтают ему всякий вздор и тешатся этим, а он думает, что они ему отвечают уроки. Анастасия Николаевна была вообще ещё ребёнком и к ней так и относились, как к маленькой.

Я любила больше всех Алексея Николаевича. Это был милый, хороший мальчик. Он был умненький, наблюдательный, восприимчивый, очень ласковый, весёлый, жизнерадостный. Он был способный от природы, но был немножко с ленцой. Если он хотел выучить что-либо, он говорил: «Погодите, я выучу». И если действительно выучивал, то это у него оставалось и сидело крепко. Он привык быть дисциплинированным, но он не любил придворного этикета. Он не переносил лжи и не потерпел бы её около себя, если бы взял власть когда-либо. У него были совмещены черты и отца и матери. От отца он унаследовал его простоту. Совсем не было в нем никакого самодовольства, надменности, заносчивости. Он был прост. Но он имел большую волю и никогда бы не подчинился никакой женщине. Вот ГОСУДАРЬ, если бы Он [снова] взял власть, я уверена, он бы забыл и простил поступки тех солдат, которые ему были известны в этом отношении. Алексей Николаевич, если бы получил власть, этого бы никогда им не забыл и не простил и сделал бы соответствующие выводы. Он не любил придворного этикета и говорил про Тобольск: «Здесь лучше. Меня там (во дворце в Царском) обманывали. Меня там ужасно обманывали». Он уже многое понимал и понимал людей. Но он был замкнут и выдержан.

Он был страшно терпелив. Бывало, сидит и начинает отставлять ногу. Видишь это, скажешь: «Алексей Николаевич, у Вас нога болит». – «Нет, не болит». – «Да ведь я же вижу». – «Вы

всегда видите, болит, а она не болит». Так и не скажет, а нога действительно разбаливается. Ему хотелось быть здоровым, и он надеялся на это. Бывало, скажет: «А как Вы думаете, пройдёт это у меня?» Он был очень аккуратен, дисциплинирован и требователен. Если бы он получил власть, он был бы требователен. Я не знаю, думал ли он о власти. У меня были с ним разговоры об этом. Я ему сказала: «А если Вы будете царствовать…» Он мне ответил: «Нет, это кончено навсегда». Я ему сказала: «Ну, а если опять будет, если Вы будете царствовать?» Он сказал мне: «Тогда надо устроить так, чтобы я знал больше, что делается кругом». Я как-то его спросила, что бы тогда он сделал со мной. Он мне сказал, что он бы построил большой госпиталь, назначил бы меня заведовать им, но сам бы приезжал и сам бы «допрашивал» обо всём: всё ли в порядке. Я уверена, что при нем был бы порядок.

Он был добрый, как и отец, в смысле отсутствия у него возможности причинить напрасно зло. В то же время он был скуповат: он любил свои вещи, берёг их, не любил тратить свои деньги и любил собирать всякие старые вещи: гвозди, верёвки, бумагу и т. п. Перегорит электрическая лампочка, несут к нему, и он её спрячет. Как-то однажды, когда он был болен, ему подали кушанье, общее со всей Семьёй, которого он не стал есть, потому что не любил этого блюда. Я возмутилась: как это не могут приготовить ребёнку отдельного кушанья, когда он болен.

Я что-то такое сказала. Он мне ответил: «Ну, вот ещё. Из-за меня одного не надо “тратиться”». В ученье он был страшно запущен. Он даже плохо читал и любил, чтобы больше ему читали, чем самому читать. Час ему было трудно заниматься. Это, возможно, объяснялось его болезнью. Читать он не любил, и ГОСУДАРЫНЯ волновалась по этому поводу. Она ставила ему в пример ГОСУДАРЯ, любившего читать и в детстве.

Вся эта Семья в общем подкупала своей простотой и добротой. Её нельзя было не любить. Я никак не могу уложить себе в голову всего того, что писалось в революцию про эту Семью и, в частности, про отношения ГОСУДАРЫНИ к Распутину. Всякий, кто только видел и знал Её, Её отношения к мужу, Её взгляды, вообще знал Её всю, тот мог бы только или смеяться от этого, или страдать. Она, как набожная, вероятно, верила в его силу: дар молитвы. Но вот, по моему мнению, что странно. Алексей Николаевич, видимо, относился к Распутину совсем не так. Однажды произошёл вот какой случай. У него на столике стоял в рамочке маленький портрет Распутина. Как-то он был болен, и я сидела около него. Что-то упало на столике. Я стала поправлять и вижу, что чего-то недостаёт. Я спросила об этом

Алексея Николаевича и упомянула слово «иконка»: «Нет иконки на столе». Он засмеялся и сказал: «Ну, уж и иконка. Это не иконка. Не ищите. Она там, где ей больше и надо быть». В его словах ясно чувствовалась ирония. Я знала, что он говорит про портрет Распутина, которого действительно уже не было на столе. Ясно чувствовалось, что у него в тоне звучало отрицательное отношение к Распутину. Когда у меня был спор с ГОСУДАРЫНЕЙ и я стала ей говорить, что ей не говорят всего, Она, между прочим, сказала мне: «Мало ли, что говорят[?] Мало ли, каких гадостей говорили про меня[?]». Ясно тогда было, в связи с другими Её словами и мыслями, что она намекала на Распутина. Я говорила на эту же тему с Волковым, с Таней Боткиной, с Николаевой, с которой была очень близка Гендрикова, – вот именно это и говорили они все: она верила в силу молитвы Распутина.

Лично, как про человека, я ничего не могу сказать, кроме хорошего, про Панкратова. Он был весьма интеллигентен, образован, душевен. У него была самая главная мысль: ничего не делать неприятного Семье – лежачего не бьют. Но вся беда заключалась в том, что это был самый настоящий идеалист-революционер. Он совсем не видел того, что делается около него и не понимал окружающего. А если он видел что-либо, что шло против его верований, то он трусил. Когда я уезжала в Тобольск и пришла к Макарову, он мне сказал: «Что, ГОСУДАРЬ охотится? Дети гуляют?» Я ответила ему, что и ГОСУДАРЬ не охотится, и Дети в городе не гуляют. Макаров сказал: «Ну, теперь будут. Панкратов милый человек». Панкратов и стал развивать солдат. У него была главная идея та, что надо солдат развивать, чтобы Семье было хорошо среди солдат. А выходило совсем по-другому. Возникла партийность и злоба. Солдаты стали развращаться, а Панкратов их боялся. Я могу указать некоторые случаи их хулиганства, про которые мне приходилось слышать. Они срыли или перерыли горку, где катались Дети. Писали нехорошие слова на качелях. Потребовали, чтобы ГОСУДАРЬ снял погоны.

Никольский был совсем иной. Это был «быдло», грубый, неотёсанный семинарист. Однажды Алексей Николаевич просил меня: «Скажите Кобылинскому, за что он на меня накричал (Никольский)?» Он уничтожил вино, которое им было прислано из Царского. Я не скажу, что Панкратов был под его влиянием. Никольский был физической силой Панкратова, но эта сила была грубая.

Я вообще не могу Вам привести никаких таких особых фактов из жизни Семьи в Тобольске – таких характерных, которые бы я считала нужным отметить.

Я видела комиссара Яковлева, который увёз Государя, Государыню и Марию Николаевну. Он произвёл на меня впечатление совершенно интеллигентного человека. Он хорошо обходился со мной и впустил меня в дом провожать Их, когда они уезжали. Также, по моему мнению, он хорошо обращался и с ними, когда они уезжали. Я прекрасно помню, он стоял на крыльце и всё время держал руку под козырёк, пока Государь садился в экипаж. Но его приезд производил впечатление какой-то таинственности. Он привёз с собой каких-то своих людей. У него, я не помню, от кого слышала об этом в Тобольске, был свой телеграфист не только в Тобольске, но и в Тюмени. Вот этот-то телеграфист, как говорили мне, «продал» Яковлева екатеринбургским большевикам. ГОСУДАРЮ очень не хотелось уезжать. У меня был с ним тогда разговор перед самым отъездом. Он был удручён и рассеян. Я стала его утешать и сказала, что так, может быть, будет лучше. Он безнадёжно смотрел как-то в это время на будущее. Когда же я сказала, что его, может быть, увезут за границу, он сказал: «О, не дай-то Бог. Только бы не за границу». ГОСУДАРЫНЯ мне казалась спокойной.

Я не понимаю (не помню. – *Ю. Ж.*), удивило ли тогда детей, что родителей задержали в Екатеринбурге, и как они относились к этому. Мне кажется, они были рады этому: близко от них. Я знаю, были тогда письма от ГОСУДАРЫНИ и Марии Николаевны. Они писали, что спят «под пальмами», едят вместе с прислугой, что обед носят из какой-то столовой, а ГОСУДАРЫНЕ (Она была вегетарианка) Седнев готовил макароны на спиртовке.

Приехавший потом Хохряков старался, как мне казалось, быть вежливым. Он говорил Алексею Николаевичу, что он его видел ещё маленьким на каком-то судне. Родионова я сама видела мельком на улице и ничего про него сказать не могу.

Про царскосельский период заключения Семьи я ничего Вам рассказать не могу. Дети говорили мне, что солдаты грубовато относились. Про Керенского я от них никогда не слышала ничего плохого. Девочки говорили, что он был вежлив и корректен. Я также слышала от девочек, что Корнилов, когда выслал Евгения Степановича при свидании с ГОСУДАРЫНЕЙ, сказал Ей, чтобы Она не беспокоилась: ни Ей, ни Детям не будет сделано ничего худого. Это мне, в сущности, косвенно подтверждала и Императрица. Она говорила мне, что к Корнилову они всегда хорошо относились, как к хорошему человеку и известному генералу. Вообще видно было, что Она не только не имела неудовольствия против Корнилова, но, наоборот, хорошо относилась к нему.

Я положительно не могу Вам быть полезной для опознавания

вещей Семьи: я не обращала внимания на Их вещи и украшения. Я вижу предъявленную мне Вами пряжечку от пояса на снимке (предъявлен снимок пряжки, описанной в пункте 4-м протокола 15–16 февраля сего года, л. д. 45 об., том 2-й). Это пряжка, безусловно, от пояса Алексея Николаевича. Я вижу предъявленное мне Вами изображение двух пряжек от туфель (предъявлено это изображение пряжек, описанных в пункте 2-м того же протокола, л. д. 45, том 2-й). Это пряжки княжон. У них были такие пряжки на туфлях.

Больше показать я ничего не могу. Показание моё, мне прочитанное, записано правильно.

Кл. [авдия] Битнер.

Судебный следователь Н. Соколов. [569]

Кобылинская К. М. в материалах Агентурно-следственного дела № 2094 «Романовские ценности» 6-го Отделения ЭКО ПП ОГПУ по Свердловской области

Документ № 1

Из характеристики ПП ОГПУ [570] ***по Свердловской области на Клавдию Михайловну Кобылинскую*** [571]

Совершенно секретно

(…) В прошлом является женой Кобылинского (в 1927 году расстрелянного органами ОГПУ за к[онтр[р]еволюционную деятельность) полковника личной охраны семьи бывшего царя Романова. Сама же Кобылинская являлась воспитательницей дочерей Романовых.

Будучи в городе Тобольске, Кобылинская К. М. принимала непосредственное участие в сокрытии ценностей, принадлежавших семье Романовых. Кобылинскими лично от Н[иколая] Романова была получена шкатулка с драгоценностями, ценности (за исключением корон и диадем) Кобылинские передали на хранение Печекосу К[онстантину] И[вановичу] с женой А[ниль] В[икентьевной], а диадемы и короны Кобылинская скрывает по настоящее время.

Зам[еститель] нач. [альника] ЭКО ПП ОГПУ Свердловской области. Счастливцев.

Нач. [альник] 6-го Отд. [еления] ЭКО ПП Шумков. [572]

Документ № 2

Из протокола допроса Кобылинской Клавдии Михайловны

28 марта 1934 г.

*[Вопрос:]*Скажите, гражданка Кобылинская, у Вашего мужа были романовские ценности, где они сейчас находятся?

*[Ответ:]*Я утверждаю, что действительно у моего мужа Кобылинского романовские ценности были, и они им же были переданы на хранение Печекосу Константину Ивановичу.

*[Вопрос:]*А что Вам было известно о сокрытии романовских ценностей?

*[Ответ:]*Я от своего мужа слышала, что часть ценностей была свезена для сокрытия в Тобольский монастырь. Свезено это было камердинером Волковым и воспитателем Алексея Никол[аевича] – Жильяром. А также мне было известно от моего мужа и о том, что все романовские ценности (какие находились в [их] распоряжении и были в Царском Селе) перевезены в Тобольск.

*[Вопрос:]*Скажите, что Вам известно о диадеме, жемчугах Александры Фёдоровны?

*[Ответ:]*Мне известно тоже от моего мужа, что действительно таковые вещи были и были очень ценными. К тому же мне известно от моего мужа о том, что у Жильяра был список всех ценностей и кому какие ценности были даны для сокрытия.

Кобылинская [573]

Документ № 3

Протокол допроса Кобылинской Клавдии Михайловны

29 марта 1934 г.

*Вопрос:*Скажите, каким образом стало известно Вам о передаче Вашим мужем романовских ценностей Печекосу К. И.?

*Ответ:*Я ещё раз подтверждаю, что действительно моим мужем романовские ценности были получены. О получении им ценностей я лично сама слышала от моего мужа. О передаче их на хранение Печекосу Константину Ивановичу мне стало

известно тоже от моего мужа.

*Вопрос:*Скажите, а где и при каких условиях Вы слышали от своего мужа о передаче ценностей гражданину Печекосу К. И.?

*Ответ:*О передаче моим мужем ценностей гражданину Печекосу К. И. я слышала от мужа. Разговор этот происходил у нас дома. Когда мы с ним были вдвоём или на квартире у Печекоса К. И. Тогда, когда мы вместе с мужем были у них, где именно, утвердительно сказать не могу, но такой разговор был.

*Вопрос:*Скажите, лично Вы гражданину Печекосу какие-нибудь ценности передавали?

*Ответ:*Да, действительно, мною были переданы для продажи два кольца с мелкими бриллиантами, которые моим мужем были получены от Жильяра в собственность, а где мой муж их получил, я не знаю. Кроме этого, я ему продала свои собственные серьги. Жильяром моему мужу было передано не два кольца, которые я продала, а три – третье оставалось у меня, но впоследствии оно было утеряно.

*Вопрос:*Скажите, какие подробности Вам известны ещё о ценностях, переданных Печекосу К. И.?

*Ответ:*Мне известно из разговоров с мужем ещё и о том, что эти ценности, переданные Печекосу, находились в доме Печекоса К. И., а где именно, он мне не говорил.

В отношении Николаевой Викторины Владимировны могу показать следующее: после смерти моего мужа Николаева В. В. на моё имя писала письмо, в котором просила меня узнать, нельзя ли достать те ценности, которые были переданы Кобылинскому Е. С. Я, получив письмо, решила написать Печекосу К. И., но ответ получила отрицательный. Письмо это было написано в 1928 году.

*Вопрос:*В чём были переданы ценности Печекосу К. И. Кобылинским?

*Ответ:*Я лично сама видела, что ценности, переданные Печекосу К. И. моим мужем, были вложены в какой-то чёрно-тёмный ящичек, размером, примерно: длиной до 2-х четвертей и шириной тоже до двух четвертей, а высотой до одной четверти.

*Вопрос:*Кто при передаче, кроме Печекоса и Кобылинского, был?

*Ответ:*Факта передачи я совершенно не представляю себе.

*Вопрос:*Знала ли о передаче ценностей Печекосу жена Печекоса?

*Ответ:*О передаче ценностей моим мужем Печекосу знала его жена, т. к. в их доме в присутствии её об этих самых ценностях был разговор моего мужа с Печекосом К. И.

*Вопрос:*Кто персонально о этих ценностях, переданных Кобылинским Печекосу, кроме Вас ещё знает?

*Ответ:*О передаче моим мужем ценностей Печекосу К. И. знают: Жильяр, Николаева В. В. и, может быть, знает Шубенко Ольга Михайловна, и её дочь Печерская Капитолина Николаевна, а также Николаева могла сказать Межанс Паулине Каспаровне.

*Вопрос:*Скажите, в ценностях, которые Вы видели у Вашего мужа, принадлежащих Романовым, Вы не видели ценностей формы полумесяца и царской звезды?

*Ответ:*Нет, таких ценностей в названной форме я не видела.

*Вопрос:*Где Вы видели шкатулку, у кого в комнате, у Вас или у мужа, и где она стояла?

*Ответ:*Я её видела в комнате мужа, она стояла на столе кабинета мужа.

*Вопрос:*Скажите, кто видел эту шкатулку?

*Ответ:*Я думаю, что эта шкатулка и ценности были показаны Николаевой и Шубенко К. Н.

*Вопрос:*Скажите, насколько полна была шкатулка с ценностями?

*Ответ:*Шкатулка была не полна, но ценностей в ней было много.

*Вопрос:*Скажите, а в шкатулке диадему Вы не видели?

*Ответ:*Как мне помнится, такой вещи я не видела.

*Вопрос:*А камня яйцеобразной формы Вы не видели в этих ценностях?

*Ответ:*Нет, не видела.

*Вопрос:*Кто был инициатором в сокрытии романовских ценностей?

*Ответ:*Фактическим организатором в сокрытии романовских ценностей был Жильяр, который распределял эти ценности между скрывателями. Знаю хорошо, что у Жильяра имелся список на ценности и кому они были переданы.

*Вопрос:*Кому персонально были переданы романовские ценности для сокрытия?

*Ответ:*1. Жильяром часть ценностей была передана Волкову, который их свёз в монастырь и вместе с игуменьшей там их скрыли. 2. Священнику Васильеву Алексею также была передана часть ценностей для скрытия. Об этом должны были знать Кирпичников и Гермоген (архиепископ), которые вместе пьянствовали и устраивали заговор по освобождению семьи Романовых. 3. Евгений Степанович Кобылинский (о ценностях, переданных ему мной, показано выше), о которых знали: я, Печерская Капитолина Николаевна и Печекос К. И., которому эти ценности были переданы на хранение.

Записано с моих слов, верно, мной прочитано, в чём и расписываюсь.

Кобылинская.

Допросил. [574] [575]

Документ № 4

Протокол допроса Кобылинской Клавдии Михайловны (продолжение)

2 апреля 1934 г.

*Вопрос:*Скажите, не передавались ли ценности, которые были у Вашего мужа, в монастырь?

*Ответ:*Те ценности, которые были у моего мужа, они в монастырь им не передавались, а были переданы Печекосу.

*Вопрос:*Скажите, а Печекос не мог передать их в монастырь?

*Ответ:*Нет, потому что Печекос был католиком, и он никакого отношения к монастырю не имел.

*Вопрос:*Скажите, в каком году и месяце были переданы Жильяром Вашему мужу романовские ценности?

*Ответ:*Ценности эти были переданы моему мужу Жильяром в 1918 году весной, точно месяц сказать не могу, но примерно между январём и апрелем месяцем.

*Вопрос:*А когда всё было передано Вашим мужем Печекосу?

*Ответ:*Утвердительно сказать не могу, но считаю это было передано вскоре после получения от Жильяра.

*Вопрос:*Скажите, а в чём были переданы ценности Вашим мужем Печекосу К. И.?

*Ответ:*Сказать не могу.

*Вопрос:*Скажите, а где были Печекосом К. И. спрятаны эти ценности?

*Ответ:*Сказать место, где спрятаны ценности не могу, но из слов моего мужа помню хорошо, что в доме Печекоса.

*Вопрос:*Скажите, а Жильяр у Печекоса не бывал и Печекос у Жильяра?

*Ответ:*Я знаю хорошо, что Жильяр с Печекосом виделся, что могло быть после возвращения Жильяра из Свердловска (из Екатеринбурга. – *Ю. Ж.*), а Печекос был или нет у Жильяра, утвердительно сказать не могу, если и бывал, то только у нас в квартире.

*Вопрос:*Скажите, что Вам известно о ценностях Николаевой?

*Ответ:*Мне известно, что Николаева имела ценности, но в небольшом количестве. Знаю, что часть ценностей Николаева распродала. В 1919 году Николаева мне передала для хранения

один маленький мешочек своих ценностей, этот мешочек был небольшого размера, белый, без всяких надписей на нём. Взятый мешочек был передан мной же моему мужу, а он передал Печекосам, но не помню которому – Константину Ивановичу или Александру Ивановичу. Помню хорошо, что в этот же мешочек я положила свои вещи [накопленные] за 15 лет службы в гимназии. Я этот мешочек Евгению Степановичу передала в Екатеринбурге, а он его передал Печекосу в Омске, и я уверена, что мой муж их передал Александру Ивановичу. В дополнение к этому я очень хорошо помню разговор, исходящий от Александра Ивановича, будучи в Омске, он говорил о возможности скрытия ценностей в стойках койки металлической.

*Вопрос:*Скажите, а ещё, что Вам известно о[б] Александре Ивановиче в сокрытии романовских ценностей или вещей?

*Ответ:*Больше о Печекосе Александре Ивановиче мне ничего не известно.

*Вопрос:*А ещё кого-нибудь Вы из Печекосов знаете?

*Ответ:*Я знала ещё одного брата, имя точно не знаю, но Иван или Пётр, которому я лично передавала пилу, которой Николай Романов, будучи в Тобольске, пилил дрова, и чёрный венский стул-кресло, на котором сидела Александра Фёдоровна. Знала его жену.

*Вопрос:*Скажите, а Вы Александра и третьего брата Печекосов не встречали после Вашего отъезда из Тобольска?

*Ответ:*Никогда нигде не видела, а также не знаю, где они проживают в настоящее время.

*Вопрос:*По точным данным, имеющимся в нашем распоряжении, список на ценности находится у Вас, а если Вы кому его передали на хранение, то немедленно укажите, кому передали.

*Ответ:*По-прежнему отвергаю наличие списка на переданные вещественные ценности царской семьи для сокрытия разным лицам, для меня не известно, где этот список находится.

*Вопрос:*Нами установлено, что Жильяр за границу ни ценностей, ни списка не увозил. Печекос категорически отвергает наличие у него ценностей, доказывает фактами, что ценности у Вас, а также список на ценности.

*Ответ:*Увозил ли Жильяр ценности за границу я не знаю, но, по-моему, не увозил. Ценности Печекосу моим мужем были переданы, а куда он их девал, я не знаю. Не знаю также, куда девался список на ценности. Наличие у меня ценностей и списка я отвергаю.

*Вопрос:*Чем желаете дополнить Ваши прежние показания?

*Ответ:*Чемодурова, камердинера Николая II, я лично знала

очень мало, но муж о нём отзывался как об очень порядочном человеке. Чемодуров помер в Тобольске после Октябрьской революции. Я слышала, что у Чемодурова очень большое состояние разных драгоценностей. Насколько я помню, говорили о вещах, куда после смерти перешли ценности Чемодурова, я не знаю, возможно, достались его жене, но где они есть, не знаю.

[Кобылинская] [576]

Документ № 5

Протокол очной ставки, произведённой между Кобылинской Клавдией Михайловной и Печекосом Константином Ивановичем

13 апреля 1934 г.

*[Вопрос:]*Скажите, гр-[аждан]ка Кобылинская К. М., опознаёте Вы Печекоса Константина Ивановича, бывал ли он у Вас на квартире в городе Тобольске, а также Вы у него?

*[Ответ:]*Представленный на очной ставке Печекос Константин Иванович является именно тем Печекосом К. И., о котором ранее даны показания. Печекос К. И. у нас на квартире в Тобольске бывал. Я лично также бывала в доме Печекоса К. И. вместе с моим мужем Кобылинским, а также и одна.

*[Вопрос:]*Скажите, гр-[аждани]н Печекос Константин Иванович, почему Вы ранее на предварительном следствии скрывали о том, что Вы неоднократно бывали в квартире Кобылинского, и о том, что Вы знаете хорошо жену Кобылинского Клавдию Михайловну?

[Ответ:]Я отвергаю показания Кобылинской, т. к. я у них никогда не бывал и Клавдию Михайловну в Тобольске совсем не знал.

*[Вопрос:]*Скажите, гр-[аждан]ка Кобылинская К. М., подтверждаете ли Вы данные ранее показания о передаче ценностей царской семьи Вашим мужем Кобылинским Е. С. Печекосу К. И. для сокрытия.

*[Ответ:]*Да, подтверждаю полностью.

*[Вопрос:]*Почему Вы, гр-[аждани]н Печекос, скрываете эти ценности от Советской власти, ибо Вы знаете, что за сокрытие их с Вами будет суровая расплата и не только с Вами, и даже с родственниками в целом?

*[Ответ:]*Кобылинским Е. С. мне был передан один пакет,

который мной был возвращён ему же обратно.

*[Вопрос:]*Скажите, когда Вы были у Печекоса К. И., как он выражался в сокрытии ценностей у себя на квартире?

*[Ответ:]*Когда я была у него на квартире, то лично от Печекоса К. И. слышала, что он говорил о сокрытии ценностей у себя в доме и добавил, что спрятаны хорошо.

*[Вопрос:]*Гражданин Печекос К. И., скажите прямо – получали Вы ценности от Николаевой и Кобылинского?

*[Ответ:]*Не помню, брал ли я ценности от Николаевой и Кобылинского.

Допросили. [577] [578]

Документ № 6

Протокол допроса Печекоса К. И. в присутствии Кобылинской К. М. и П/уполномоченного Кустова

23 июня 1934 г.

Поставленный вопрос перед Печекосом К. И.: «Когда были им переданы романовские ценности Печекосу А. И.?»

Последний ответил, что ценности были переданы весной 1924 года, перед отъездом Печекоса К. И. в Тобольск. Причём добавил, что он эти ценности замуровал в стену вместе с теми ценностями, которые положил Печекос А. И., пакет с романовскими ценностями положен собственными его руками.

Перед Печекосом К. И. был поставлен вопрос: «В каком году уехал в Польшу его брат и какие ценности увёз с собой?»

Печекос К. И. ответил, что А. И. Печекос уехал в Польшу в 1924 году, в то время, когда Печекос К. И. жил уже в Обдорске. [579]В отношении ценностей, принадлежавших Печекосу А. И., говорит, что он очень [много] золота и даже в слитках отправил в Польшу через польское посольство, причём добавил, что Печекос К. И. сам лично переплавлял маленькие слитки золота в более крупные. О месте сокрытия романовских ценностей сообщил, что перед тем, как дать их брату [Печекосу] А. И., они у него находились в доме по Надеждинской улице, № 65, в подполье кухни, за каменными стойками у задней стены, откуда были взяты и перенесены в дом Печекоса А. И.

На поставленный вопрос: «Знали ли дети о хранении ценностей?» – говорит, что о нахождении романовских ценностей у Печекоса А. И. и у него дети и прислуга не знали. Знала об

этом, как он говорит, только его жена и Печекос А. И.

Записано с его слов. Верно.

Подписали присутствующие, подтверждают к сему:

Кобылинская

П/уполномоченный Кустов

Допросил. [580] [581]

Документ № 7

Протокол допроса Кобылинской Клавдии Михайловны

21 июля 1934 г.

Вопрос:(…) Скажите, какие персонально были ценности в шкатулке, переданные бывшей царской семьёй в Тобольске Вашему мужу для сокрытия?

*Ответ:*Точно какие в шкатулке находились ценности, я не запомнила, причём помню лишь о том, что в шкатулке были: а) кольца; б) браслеты; в) кулоны; г) какое-то одно головное украшение [с] бриллиантами, но обрисовать его не могу. Другого ничего не помню. Вне шкатулки были: а) головные шляпки, булавки; б) шашки обыкновенные; в) 2 кинжала; г) маленький револьвер, но какой системы – я не знаю. [582]

*Вопрос:*Скажите, были ли в шкатулке корона и диадемы б[ывшего] царя Николая и б[ывшей] царицы Александры Фёдоровны и сколько таковых там было [?]

*Ответ:*Корон и диадем я не припоминаю, но утвердительно, были или нет они в шкатулке, сказать не могу.

Всё вышеизложенное с моих слов записано правильно и мной прочитано.

К сему, Кобылинская.

Допросил. [583] [584]

Литература о К. М. Кобылинской

1. Алексеев В. В. Гибель царской семьи: мифы и реальность. (Новые документы о трагедии на Урале). Екатеринбург, Банк культурной информации, 1993.

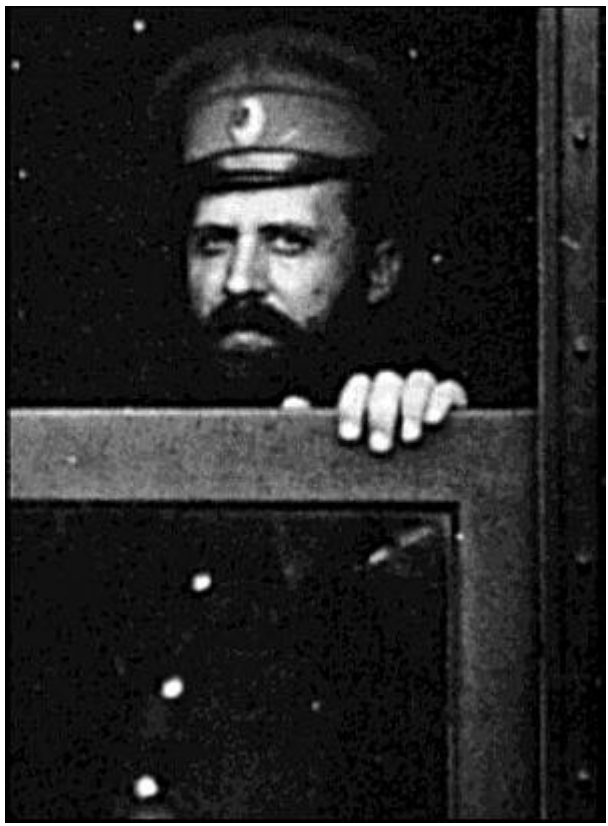
2. Мартиролог расстрелянных и захороненных на полигоне

НКВД «Объект Бутово» 08.08.1937 – 19.10.1938. М., «Зачатьевский монастырь», 1997, стр. 159.

3. Ленинградский мартиролог, 1937–1938: Книга памяти жертв политических репрессий. Т. 5. 1937 год. Санкт-Петербург, 2002, стр. 91.

Глава 3
Почётный Лейб-Хирург Владимир Николаевич Деревенко

Владимир Николаевич Деревенко родился в 1879 году в семье Личного Дворянина Белецкого уезда Бессарабской губернии.



Окончив 1-ю Кишинёвскую Классическую Мужскую Гимназию в 1899 году, он поступает в Императорскую Военно-Медицинскую Академию, которую с отличием и степенью Лекаря оканчивает в 1904 году. А будучи удостоенным при её окончании ещё и Премии Академика И. Ф. Буша, заносится на мраморную доску лучших выпускников этого учебного заведения.

В мае 1904 года В. Н. Деревенко начинает свою военную карьеру в должности Младшего Врача гарнизона Керченской крепости, совмещая таковую с заведованием в местном лазарете отделениями венерическим и офтальмологии.

С началом Русско-японской войны В. Н. Деревенко работает врачом на передовых перевязочных пунктах, в том числе и во время тяжелых боёв под Мукденом. Здесь он впервые встречается с доктором С. П. Фёдоровым (специалистом в области госпитальной хирургии, с 1903 года возглавлявшим кафедру с одноимённым названием в ИВМА), у которого работает ассистентом до окончания этой военной кампании.

Занимая с 1905 года должность Ординатора Госпитальной Клиники при этой академии, В. Н. Деревенко под руководством Профессора С. П. Фёдорова начинает готовиться к защите докторской диссертации по теме «К вопросу об оперативном лечении невралгии тройничного нерва», которую с успехом защищает в 1908 году.

С 1911 года В. Н. Деревенко – Приват-Доцент Императорской Военно-Медицинской Академии по Кафедре Клинической хирургии.

В 1912 году по рекомендации Почётного Лейб-Хирурга Профессора С. П. Фёдорова он, как восходящее светило отечественной медицины, был представлен Государю Императору Николаю II, который делает ему предложение наблюдать за здоровьем Его больного Сына в качестве Лейб-Хирурга.

За довольно короткий срок В. Н. Деревенко удаётся наладить доверительные отношения с Наследником Цесаревичем Алексеем Николаевичем, чему в немалой степени поспособствовала дружба последнего с сыном доктора Николаем, родившимся в 1906 году. Обучаясь в Царскосельской гимназии, Коля Деревенко часто встречался с Наследником Цесаревичем, который был старше его на два года. Однако это обстоятельство нисколько не помешало двум мальчикам вместе проводить время в детских забавах, став самыми близкими друзьями буквально с первых дней их знакомства.

После ареста Царской Семьи весной 1917 года доктор В. Н. Деревенко остался проживать в Царском Селе и как прежде выполнял свои прямые обязанности в качестве личного врача при Наследнике Цесаревиче.

В середине марта 1917 года все Августейшие Дети заболели корью, вероятнее всего, заразившись ею от близкой подруги Государыни Анны Александровны Вырубовой. У всех заболевших болезнь протекала тяжело – высокая температура чередовалась с падениями таковой, а Великие Княжны Татьяна Николаевна и Анастасия Николаевна получили серьёзное осложнение на уши, результатом чего явилась их временная глухота.

По мере выздоровления жизнь арестантов Александровского Дворца протекала, в общем-то, тихо и незаметно. Были

восстановлены учебные занятия с Августейшими Детьми, которые проводились лицами, не побоявшимися подвергнуть себя добровольному аресту. В числе их был и доктор В. Н. Деревенко, которому было поручено преподавать Наследнику Цесаревичу такой предмет, как естествознание.

А когда было принято решение о переводе Царской Семьи в Тобольск, он, не задумываясь, решил отправиться в это добровольное изгнание вместе с женой и сыном. Однако после разговора с Министром-Председателем А. Ф. Керенским принял его предложение выехать в этот далёкий сибирский город не в качестве изгнанника, а в должности врача «Гвардейского отряда Особого Назначения по охране бывшего царя и его семьи». Для обустройства личных дел Владимиру Николаевичу понадобилось некоторое время, посему, выхлопотав себе у того же А. Ф. Керенского краткосрочный отпуск, он прибыл в Тобольск с женой и сыном не со всеми слугами, а немногим позднее – лишь 24 августа.

Находясь в Тобольске, доктор В. Н. Деревенко вёл частную практику, а также чуть ли не ежедневно принимал солдат своего отряда с целью их дальнейшего направления к стоматологу. (Дело в том, что большинство солдат Гвардейского отряда охраны нуждались в помощи врача этой специальности, для чего доктор В. Н. Деревенко по согласованию с Полковником Е. С. Кобылинским привлёк к их лечению за соответствующее вознаграждение местного зубного врача М. Л. Рендель, державшую в городе собственный зубоврачебный кабинет.)

После того, как 23 мая 1918 года В. Н. Деревенко прибыл вместе с Августейшими Детьми и сопровождавшими их слугами в Екатеринбург, от неминуемого ареста его, вероятнее всего, спасло то обстоятельство, что он продолжал оставаться в должности врача «Гвардейского отряда охраны бывшего царя и его семьи», хотя сам отряд к тому времени уже был распущен.

Каких-либо документальных свидетельств, говорящих о том, что доктор В. Н. Деревенко, находясь в Екатеринбурге, добровольно перешёл на советскую медицинскую службу, не имеется, однако, вероятнее всего, так оно и было. Ибо, в противном случае, ему вряд ли было бы разрешено навещать в доме Ипатьева больного Наследника Цесаревича.

Итак, начиная с 24 мая 1918 года, В. Н. Деревенко периодически навещает нуждающегося во врачебной помощи Наследника Цесаревича. Хотя, правды ради, надо сказать, что визиты эти целиком и полностью зависели от волеизъявления коменданта А. Д. Авдеева.

Чтобы хоть как-то обеспечить разнообразие в питании своего

подопечного, а заодно и всех содержащихся в доме пленников, доктор В. Н. Деревенко в одно из первых своих посещений предлагает коменданту А. Д. Авдееву взять на себя переговоры с монахинями Ново-Тихвинского монастыря, которые в дальнейшем смогли бы передавать для охраны и узников различные продукты, как то: сливки, молоко, творог, яйца, ватрушки и пр.

Расчёт на жадность А. Д. Авдеева оправдался полностью. И вскоре ближайшее окружение коменданта смогло значительно улучшить свой рацион! Но, вместе с тем, хотя и в малых количествах, но всё же смог получать молоко и прочие полезные продукты так нуждающийся в них Наследник Цесаревич.

Следует также отметить, что разрешение на визиты доктора В. Н. Деревенко в дом Ипатьева было дано ему местными властями отнюдь не из человеколюбия, а в целях использования его для возможного провоцирования Царской Семьи на передачу вовне каких-либо записок. Но поскольку визиты В. Н. Деревенко происходили всякий раз лишь в присутствии коменданта, передать что-либо «на волю» он даже при всём желании не имел, так сказать, «технической» возможности. (Скорее всего, комендант А. Д. Авдеев не был посвящён в ту игру с подмётными письмами, якобы написанными от лица некоего «Офицера», возглавляющего тайную организацию, поставившую своей целью освобождения Царской Семьи, которую вели Председатель Президиума Исполкома Уральского Облсовета А. Г. Белобородов, Уральский Областной Комиссар Снабжения П. Л. Войков и Член Коллегии Уральской Областной Чрезвычайной Комиссии И. И. Родзинский.)

В то же самое время группа офицеров из числа слушателей находящейся в Екатеринбурге Военной Академии РККА (четыре Капитана и Подполковник) попытались раздобыть план дома Ипатьева, который как раз-таки и посещал В. Н. Деревенко.

Так, Начальник Екатеринбургской Инструкторской Школы Подполковник Ярцов, будучи привлечённым к следствию в июне 1919 года в качестве свидетеля, показал Судебному Следователю Н. А. Соколову, что раздобыть план особняка Ипатьева они пытались через монахинь, которые носили Царственным Узникам молоко и яйца. Но монахини не смогли им помочь в этом деле, поскольку передавали всё принесённое в корзинах караульному, стоявшему у калитки, проделанной в окружавшем дом заборе.

Однако из опубликованных на сегодняшний день протоколов допроса участников этого заговора мы знаем, что получить план особняка удалось только через доктора В. Н. Деревенко, который «на словах сообщил о расположении комнат».

Впрочем, как показали все дальнейшие события, ничего реального для спасения Царственных Узников сделать не удалось. Ибо, по мнению самих заговорщиков, первая причина заключалась в надёжной и сильной охране особняка Ипатьева, а вторая – в непрекращающейся слежке за бывшими офицерами. К тому же для спасения Августейшей Семьи требовались деньги и, причём, в немалом количестве… Достать же их на тот момент членам этой «инициативной группы» было неоткуда. А вследствие всего этого, дело спасения ограничилось лишь одними «благими намерениями»… Правда, от «заговорщиков» всё же поступила в дом одна передача в виде кулича и сахарной головы, но это, как, понимает читатель, было ничто по сравнению с их грандиозными замыслами.

И, как это ни печально, чем-либо другим, кроме сообщения о расположении комнат, В. Н. Деревенко помочь им не смог по уже указанной ранее причине.

Свой последний визит к Августейшему Пациенту Владимир Николаевич сделал 2 июля 1918 года, то есть за два дня до вступления в должность Коменданта Дома Особого Назначения (ДОН) Я. М. Юровского. (К тому времени чекисты поняли, что спровоцировать Царскую Семью на побег им не удастся, а, значит, необходимость в дальнейших визитах доктора В. Н. Деревенко с их точки зрения отпала полностью.)

Выражая по этому поводу тревогу, Государыня не раз и не два отмечала сей факт в своём дневнике:

> «…Вл[адимир] Ник[олаевич] так до сих пор и не приходил. [585](Запись от 7.07/24.06.1918 г.)
>
> «Вл[адимира] Ник[олаевича] всё нет, хотя мы каждый день осведомляемся о нём». [586](Запись от 8.07/25.06.1918 г.)
>
> «Вл[адимира] Ник[олаевича] всё нет». [587](Запись от 9.07/26.06.1918 г.)

и т. д.

Всё это время В. Н. Деревенко находился в городе и предпринимал многочисленные попытки навестить больного Наследника Цесаревича, однако всякий раз ему в этом было отказано…

В одну из таких попыток он случайно встретился с П. Жильяром и С. Гиббсом, после чего все они стали свидетелями ареста К. Г. Нагорного и И. Д. Седнева. (Этот факт отмечен в упоминавшихся ранее воспоминаниях П. Жильяра.)

После убийства Царской Семьи доктор В. Н. Деревенко продолжал оставаться в городе, а затем активно помогал

следствию: выезжал вместе с Судебным Следователем по важнейшим делам А. П. Намёткиным в район заброшенного рудника, участвовал в опознании многих обнаруженных там и в доме Ипатьева вещественных доказательств и пр.

С падением Перми, в декабре 1918 года, В. Н. Деревенко переезжает в этот губернский центр, где становится профессором теперь уже бывшего Императорского Пермского Университета. Незадолго до оставления столицы Прикамья войсками Верховного Правителя, доктор В. Н. Деревенко вместе со всем профессорско-преподавательским составом этого учебного учреждения эвакуируется в Томск, где продолжает свою работу в качестве Приват-доцента Томского Университета. (Проживая в Томске, он в сентябре 1919 года и был допрошен следователем Н. А. Соколовым.) Но, по мере отступления белых частей, фронт неуклонно приближается и к далёкому сибирскому Томску, который 22 декабря 1919 года вновь оказывается в руках большевиков.

До лета 1920 года бывший Почётный Лейб-Хирург В. Н. Деревенко работает на кафедре факультетской хирургической клиники. Наряду с этим, он также читает студентам медицинского факультета необязательный курс лекций по урологии, но уже в августе вместе с небольшой группой преподавателей «реэвакуируется в Пермь» для продолжения работы в стенах Пермского Университета.

В Перми Владимир Николаевич работает около трёх лет, после чего на короткое время уезжает в Петроград, где служит в различных армейских госпиталях. С 1923 года он уезжает в Екатеринослав, где последующие годы заведует кафедрой хирургических болезней в Днепропетровском (ранее Екатеринославском) Медицинском Институте.

Новое о биографии этого замечательного человека автору удалось узнать благодаря В. Ф. Гладышеву, известному Председателю общества «Пермский краевед», который в своей статье о В. Н. Деревенко приводит выдержку из газеты Днепропетровской Медицинской Академии, любезно переведённой на русский язык З. Никольниковой:

> «Владимир Николаевич безукоризненно владел иностранными языками, систематически следил за мировой литературой и отлично знал её. Он был блестящим лектором, его лекции базировались на глубоких знаниях и умении ясно и четко, в образной форме преподнести тему, поэтому лекции профессора посещали не только студенты, но и практические врачи

многих лечебных учреждений города.

Профессор В. Н. Деревенко был прекрасным клиницистом-диагностом. Диагностику он связывал с данными физиологии, патологической анатомии, другими дисциплинами. Разбор болезней, который он проводил, был исчерпывающий.

Особенно следует отметить высокую хирургическую технику Владимира Николаевича. Это был хирург-виртуоз, который свободно владел техникой сложных операций. Конечно, способствовало этому то, что В. Н. Деревенко получил основательную подготовку, прошёл прекрасную школу (у профессора С. П. Фёдорова). Так, Владимир Николаевич впервые в Днепропетровске стал применять инструментальные исследования и операции на мочевыводящих путях и т. д.

Итог его творческого научного пути – труд “Пособие по хирургии”, к сожалению, оставшийся в рукописи в связи с преждевременной смертью автора. Ранее В. Н. Деревенко опубликовал несколько своих научных работ, одна из которых – диссертация на звание доктора медицины “К вопросу об оперативном лечении невралгии тройничного нерва» (С.-Петербург, 1908)”». [588]

Относительно спокойная творческая жизнь бывшего Почётного Лейб-Хирурга продолжалась до 1930 года, то есть до того момента, когда он был арестован и приговорён к 5 годам лишения свободы. Но и находясь в заключении, Владимир Николаевич продолжал работать в Медсануправлении «Днепростроя».

Точная дата, год смерти и место захоронения В. Н. Деревенко не установлены. Известно лишь, что его скоропостижная кончина была связана с известием о его полной реабилитации…

Открытое письмо Государыни Императрицы Александры Фёдоровны В. Н. Деревенко

19 Апреля/2 Мая 1918 г.
Екатеринбург.

В. Н. Деревенко
Тобольск.

Христос Воскресе!

Мы все сердечно поздравляем Вас и Всю Вашу семью Светлым праздником. Надеемся, что Колобов к Вам приходил. Уже 4 дня ничего о всех не знаем – очень тяжело. Можно ли уже наступить [на] ноги [?] Как силы, аппетит, самочувствие [?] Лежит ли на балконе? Всё хочется знать. Не знаем куда переедем, но вероятно близко. Погода чудная. Очень устала, сердце увеличено. Живём ничего, скучаем. Храни Бог. [589]

В. Н. Деревенко в материалах Следственного Производства 1918–1920 г.г

Документ № 1

ПРОТОКОЛ

1919 года, 11 Сентября, в г. Томске, я, Обер-Офицер для поручений Отдела Контрразведки и Военного Контроля Управления Второго Генерал-Квартирмейстера Штаба Верховного Главнокомандующего Штабс-Капитан Сычёв, производил допрос В. Н. Деревенко в порядке военного положения, в качестве свидетеля, причём таковой показал:

Зовут меня Владимир Николаевич Деревенко,
вероисповедания православного, местожительство Почтамтская 30, квартира 2, национальность русский, звание профессор, по делу объясняю:

(…) С убийцей Государя Императора Юровским я встретился в г. Екатеринбурге в июне месяце 1918 года, в доме Ипатьева, где находилась Царская семья. Там я был, как личный врач Наследника Алексея Николаевича, у которого состоял безотлучно с 1912 года, бывши почётным Лейб-Хирургом Императорского Двора. С [Царской] семьёй я был в Тобольске, с которой уехал вместе в Екатеринбург. А в Екатеринбурге я, как личный врач, посещал больного Наследника очень часто, с разрешения, конечно, коменданта Авдеева. Проходил в покой к больному всегда, безусловно, под конвоем.

В одно из посещений, зашедши в комнату, я увидел стоящего у окна субъекта в чёрной тужурке, с бородой клинчиком, чёрной, чёрные усы и волнистые чёрные, особенно длинные, зачёсанные назад волосами (так!), чёрными глазами, полным скуластым лицом, чистым, без особых примет, плотного телосложения, широкие плечи, короткой шеей, голос чистый баритон,

медленный, с большим апломбом, с чувством своего достоинства, который вместе со мною и Авдеевым пришли (так!) к больному. Осмотревши больного, Юровский, увидев на ноге Наследника опухоль, предложил мне наложить гипсовую повязку и обнаружил этим знание своё медицины.

При нашем входе сидевший тут же Государь встал. Юровский, осмотрев больного, повернулся к столу, остановился, заложив руки в карманы, и начал рассматривать находящееся на столе. После этого мы все вышли.

При выходе я спросил Авдеева: «Что это за господин?» Последний ответил: «Это Юровский». Какую роль он играл, он не сказал, но я знаю, что Юровский играл очень важную роль.

(…) Показание своё я прочитал и нашёл записанным его правильным, что своею подписью свидетельствую.

В. Н. Деревенко.

Штабс-Капитан Сычёв. [590]

Жизнеописание профессора-консультанта при М. [едико] -С. [анитарном] У. [правлении] Днепростроя Владимира Николаевича Деревенко

Я – уроженец Бессарабской губ. Белецкого уезда, служащего агронома, родился в 1879 году (15/VII). Курс средней школы закончил в Кишинёвской 1-й классической гимназии и в том же году был принят по конкурсу аттестатов на 1-й курс Военно-Медицинской Академии в Ленинграде (Санкт-Петербурге. – *Ю. Ж.*). С 3-го курса Академии получал стипендию им. Тучемежага (?), обязывающую отслуживать по окончании Академии врачом на военной службе. Окончил Академию в Мае 1904 года первым с занесением имени на мраморную доску в конференц-зале Академии и награждением премией Академика Буша. По окончании Академии был оставлен при ней по конкурсу на 3 года для дальнейшего усовершенствования в избранной специальности за счёт казны. Своей специальностью избрал хирургию. Ввиду того, что срок прикомандирования начинался, фактически, с Декабря 1904 года, я был командирован на этот срок (с мая по декабрь) в Керчь на должность врача Керченской Крепостной Артиллерии. В Августе того же года я был откомандирован из Керчи в Бендеры в 55-й пехотный полк, в составе которого отправлен на театр военных действий в Маньчжурию. В Мае 1905 года был откомандирован из Армии в Академию, где начал работать в качестве ординатора в Госпитальной хирургической

клинике. В Мед. [ицинской] Академии (Зав. клин. [икой] проф. [ессор] С. П. Фёдоров, недавно награждённый орденом Ленина и премированный автомобилем). В 1908 году защитил диссертацию на степень доктора медицины. С 29/III 1908 нёс обязанности ассистента Клиники вплоть до Декабря того же года, когда был командирован за счёт казны за границу для усовершенствования и подготовки в профессорской деятельности. За границей работал по преимуществу в Германии, Австрии, Швейцарии и Франции, изучал постановку хирургии, преподавал и патологическую анатомию. В декабре 1910 года вернулся в Ленинград, в Академию, где продолжал работать в клинике проф. [ессора] Фёдорова.

В 1912 году получил звание приват-доцента по кафедре Госпитальной Хирургии. В Октябре того же года был командирован в Спалу (Царство Польское) на помощь к профессору Фёдорову, Боткину, Острогорскому, Раухфусу, которые были вызваны для лечения захворавшего припадками кровоточивости б. Наследника Алексея Романова. Ввиду того, что Алексей хворал тяжёлой формой кровоточивости, требующей постоянного надзора хирурга, я был оставлен и прикомандирован к нему вплоть до 1917 года, оставаясь в то же время в штате Академии. С начала Империалистической войны и до Августа 1917 года я в то же время заведовал Лазаретом для раненых, открытым в Большом Царскосельском Дворце, состоял консультантом других лазаретов Царского Села, время от времени выезжал в Ставку в Могилёв для замены проф. [ессора] Фёдорова, уезжавшего в Ленинград для чтения лекций. В Августе 1917 года я был командирован Главным Санитарным Управлением (возглавляемым проф. [ессором] Бурденко, ныне заслуж. [енным] деятелем науки и проф. [ессором] 1-го Московского Мединститута) в Тобольск в качестве врача Отряда особого назначения. Помимо обязанностей врача отряда, безвозмездно нёс обязанности врача-хирурга Общины Красного Креста в Тобольске. В Мае 1918 года сопровождал из Тобольска в Екатеринбург б. Наследника и его сестёр, согласно приказа нач. [альника] отряда Красных войск тов. Хохрякова и Яковлева. По прибытии в Свердловск (Екатеринбург. – *Ю. Ж.*), Алексей и его сёстры были помещены вместе с отцом и матерью в Доме особого назначения, вся прислуга б. Царя, за исключением нескольких лиц, были отправлены назад в Тобольск, а мне было объявлено, что я совершенно свободен и могу собой располагать, как хочу. Я пожелал остаться в Свердловске. Для оформления этого я обратился к тов. Белобородову, председателю Уральского Совета, который и сделал на моём паспорте надпись о том, что мне

разрешается проживание в Свердловске (в Перми этот паспорт был обменен на паспорт, выданный мне Пермской Губмилицией).

На следующий день, согласно ходатайству тов. Авдеева, коменданта дома Особого назначения, мне было разрешено посещать больного Алексея в доме Особого назначения, и на этот предмет мне был выдан специальный мандат, в котором было сказано, что могу посещать Алексея с разрешения каждый раз и в присутствии коменданта тов. Авдеева. Посещал я Алексея раза 2 в неделю, причём каждый раз тов. Авдеев вводил меня к нему и провожал обратно, не говоря уже о том, что он присутствовал во время моих визитов, не разрешая никаких передач и никаких разговоров, кроме чисто врачебных. Помимо тов. Авдеева в доме Особого назначения дежурили комиссары от заводов, в присутствии которых я приходил, уходил, вёл переговоры с Авдеевым и консультировал с д-[окто]ром Е. С. Боткиным, находившемся в заключении в том же доме. Рецепты писались в комнате тов. Авдеева и передавались последнему. Из вышеизложенного ясно само собой, что не могло быть и речи о приватных разговорах с членами б. Царской Семьи или же кем-либо из заключённых и о передаче им или получении от них писем и записок. Нарушение строгих правил, о которых я был поставлен в известность, грозило смертью и я, имея на руках жену, мать и ребёнка, не смог и думать, да и не желал нарушать приказа и я с большим удивлением прочитал в произведении П. Быкова, напечатавшего в «Красном Урале» о том, что я в Екатеринбурге познакомился с генералом Сидоровым и от него передавал письма б. Царской Семье. Что касается Сидорова, то ко мне действительно явился крестьянин (или человек, одетый под крестьянина), назвавший себя Ив. Ив. Сидоровым, который узнав от меня о том, что Алексей болен и что он нуждается в усиленном питании, взялся организовать доставку молока и прочих пищевых продуктов в Дом особого назначения, что он и выполнил, но на этом наше знакомство с ним и кончилось, и лишь много позднее от сестры милосердия < *неразб.* > лазарета, в котором я < *неразб.* > в Екатеринбурге, я узнал, что Сидоров не обыватель, а генерал. Недели за 3 до расстрела б. Царя тов. Авдеев был заменён другим, а мой мандат таким образом потерял силу. Я продолжал жить и работать в Свердловске совершенно спокойно, никем не тревожимый. Работал я в Военном местном лазарете, который обслуживал части расквартированной в Свердловске и его окрестностях Красной Армии. Принят я был на службу, согласно распоряжению тов. Голощёкина, Военного комиссара Уральской области. Я был принят на должность старшего ординатора-хирурга, взамен ушедшего доктора Н. А. Синакевича

(он ныне профессор Иркутского Мединститута). В случае необходимости он мог бы осветить мою деятельность в Свердловске за этот период времени и за период занятия Свердловска войсками Чехов. Он мог бы подтвердить, что слухи о моём аресте в связи с Сидоровым (см. выше) – это миф и литературная фальсификация. О моей работе за этот период времени могли бы дать сведения доктор Одинцов и проф. [ессор] Шамарин; оба они живут в Свердловске и пользуются там вполне заслуженным уважением и известностью. После эвакуации Свердловска частями Красной Армии лазарет, в котором я работал, был оставлен со всем имуществом и персоналом. Через несколько дней чехи нас из лазарета выгнали, буквально выгнали, и мы открыли лазарет для раненых в здании б. мужской гимназии. Я был мобилизован белыми и продолжал работать в качестве хирурга, наотрез отказавшись от предложения быть главным врачом гарнизона. Работал я в Свердловске до эвакуации его белыми. Белые нас эвакуировали в Томск. Попал я в Томск осенью 1919 года. Госпиталь был развёрнут в здании Городского Театра, и в ряде других зданий число коек достигало 1200 (т. н. 10-й госпиталь). Главный врач В. К. Шамарин вскоре захворал сыпным тифом. Захворали тифом почти все врачи и почти все сёстры. Тиф пощадил меня и ещё одного врача, и нам двоим пришлось нести на своих плечах и лечение, и административное дело: мне исполнять обязанности главврача, а ему (его фамилию не помню) – обязанности хирурга. Мою деятельность за этот период мог бы осветить врач Берман Михаил Соломонович, ныне член партии и глава военного госпиталя в Н. Сибирске. Я забыл отметить, что мою деятельность в Тобольске мог бы осветить доктор Варнаков и ныне там живущий, член партии, а в моё время председатель совета Рабочих и Крестьянских депутатов. В Томске я, кроме того, читал лекции студентам 5-го курса по урологии и был избран приват-доцентом Томского Университета. После того, как 10-й госпиталь был расформирован, я был переведён в госпиталь № 3. В Томск белыми были переведены Казанский и Пермский У-[ниверсите]ты. После занятия Томска частями Красной Армии, указанные выше У-[ниверсите]ты были реэвакуированы, а том числе и я с семьёй (я был избран профессором Пермского Университета в 1919 году в Мае месяце, удостоверение у меня на руках). Согласно Удостоверения, выданного мне Коллегией по Управлению Высш. [ими] Уч. [ебными] Зав. [едениями] г. Томска от 17 Августа 1920 г., я отправляюсь в г. Пермь (Сентябрь 25, 1920, № 2463). Соответствующее распоряжение, согласно телеграммы Нач[альника] Сан[итарного] Окр[уга] Вос[точной] Сиб[ири] дал

на мой счёт и Сводно-хирургический Лазарет № 3 27 Сентября 1920 года (за № 5458) и начальник Эвакуационного пункта г. Томска (за № 1435). Прибыл я с семьёй в Пермь к месту постоянной службы в Ноябре 1920 г. и я тотчас же приступил к организации клиники для целей лечения и образования, т. к. Факультет поручил мне вести Факультетскую Хирургическую и (временно) < *неразб.* > Хирургическую Клинику. В Октябре 1923 года я переехал из Перми в Екатеринослав (ныне Днепропетровск). Мою деятельность в Перми может охарактеризовать та телеграмма, которую я получил в [19]25 году, в день 5-летия основания и открытия клиник Пермского Государственного Ун-[иверсите]та, ныне Мединститута. Телеграмма гласит: «Президиум торжественного заседания в день пятилетия факультетской хирургической клиники приветствует Вас как первого директора-основателя. Шлёт горячие пожелания плодотворной деятельности». В Перми жилось нелегко, но нашлись и средства, и люди, и удалось создать клиники, которыми могли бы гордиться и столичные города. Переехал я в Днепропетровск, т. к. желал дать образование своему сыну в Горном Институте, но, кроме того, и моё здо-ровье, и здоровье жены требовали более южного климата и более спокойной обстановки. В Днепропетровске мне были обещаны и клиника вполне оборудованная, и квартира, но ни того ни другого не оказалось. Квартиру пришлось ждать несколько месяцев, а для клиники мне отвели хирургическое отделение в больнице завода Петровского на другом конце города (от моей квартиры 7 километров). Ездил я в клинику ежедневно, а в иные дни и по два раза в день. С 35 коек хирургическое отделение было доведено до 50 и наконец до 85. Через 3 года больница оказалась тесной и её надстроили, доведя количество хирургических коек до 120. В Декабре 1930 года (28/XII) я был арестован органами ГПУ. Мне было предъявлено обвинение в участии в контрреволюционной организации и в Августе [19]31 года я был приговорён Суд[ебной] Тройкой Харьковского ГПУ к пяти годам лишения свободы без поражения и без высылки. 3 Сентября я через Харьков был переведён на Днепрострой в 5-ю Стройколонию, где работал в качестве врача вплоть до 28 Июля [19]33 года. 28 июля я был освобождён Секретариатом ВЦИКа, постановившего считать мой приговор условным с 3-летним испытательным сроком. Работая в колонии в качестве соматического и санитарного врача, я неоднократно премировался; Администрация колонии 3 раза возбуждала ходатайство о моём досрочном освобождении. И она и М.С.У. Днепростроя выдали мне удостоверения, характеризующие мою деятельность с самой наилучшей стороны.

Получив возможность располагать собой, я тотчас же по освобождении обратился к нач. М.С.У. тов. Славину с заявлением, что предоставляю себя в его распоряжение и, если я ему нужен, я охотно постараюсь быть полезным здесь на стройке, как я был полезен там, где я раньше работал. Я был приглашён на должность консультанта-хирурга Соматической больницы и 3-х поликлиник (10, 14 и 7).

Я забыл упомянуть, что в Перми я был арестован ГПУ, но через несколько часов освобождён (следователем товарищем Майоровым, который мне заявил, что я арестован по недоразумению).

16/XI [19]33

Профессор В. Деревенко. [591]

Литература о докторе В. Н. Деревенко

1. Наука и научные работники СССР: справочник. Л., 1928. Часть 6. Научные работники СССР без Москвы и Ленинграда.
2. Непеин И. Г. Перед расстрелом. Последние письма царской семьи (Тобольск, 1917 – Екатеринбург, 1918). Омск, 1992.
3. Профессора Пермского государственного университета (1916–2001). Пермь, 2001.
4. Профессора Томского университета: Биографический словарь / Сост. С. Ф. Фоминых, С. А. Некрылов, Л. Л. Берцун, А. В. Литвинов. Томск: Издательство ТГУ, 1998. Т. 2.
5. Профессора медицинского факультета Императорского (государственного) Томского университета – Томского медицинского института – Сибирского государственного медицинского университета 1878–2003: биографический словарь в 2 т. / С. Ф. Фоминых и др.; под редакцией С. Ф. Фоминых. Томск: ИТУ, 2004. Т. 1.
6.; Гладышев В. Ф. Страшная тайна доктора Деревенко. URL: **romanov-center.narod.ru**, раздел **Персоналии/Гладышев В. Ф.**
7. Бюллетень Сибирской медицины. 2010, № 10.

Глава 4
Зубной Врач Их Императорских Величеств Сергей Сергеевич Кострицкий

Сергей Сергеевич Кострицкий [592]родился в 1875 году в Киеве. Происходил из семьи мещан.

В 1898 году окончил Университет Св. Владимира и получил диплом хирурга-одонтолога.

После 1898 года вместе с семьёй переезжает в Ялту, где занимается частной практикой.

Неоднократно оказывал медицинскую стоматологическую помощь Царской Семье во время Её пребывания в Ливадии.

После ссылки Царской Семьи в Тобольск, выезжал туда по Её просьбе, находился в этом городе с 17 по 26 октября 1917 года, после чего вновь возвратился в Ялту. (Прибыв в Тобольск, передал Царской Семье письма и подарки от Вдовствующей Императрицы и Сестёр Государя.)

В январе 1920 года, как знающий английский язык, был направлен в Севастополь для службы при Английской Военной Мисии.

После эвакуации из Крыма Вооружённых Сил Юга России вместе с семьёй проживал в Константинополе.

В вынужденной эмиграции состоял в должности врача-

одонтолога в Больнице Св. Николая Российского Общества Красного Креста, оказывая медицинскую помощь эвакуированным чинам Русской Армии и мирным гражданам.

С 1923 года проживал во Франции в департаменте Савойя.

Скончался в 1944 году. Похоронен в Бордо.

Оставил воспоминания в форме дневника.

Глава 5
Камер-Юнгфера при Комнатах Е.И.В. Государыни Императрицы Александры Фёдоровны Меделайн (Маргарита) Францевна Занотти

оссийская подданная итальянского происхождения.

Зачислена в штат Министерства Императорского Двора 14 ноября 1894 года. Определена к комнатам Е.И.В. Государыни Императрицы Александры Фёдоровны Младшею Камер-Юнгферой.

Всемилостивейше пожалована Серебряная медаль «В память Священной Коронации Императора Николая II» (26.05.1896 г.).

По повелению Е.И.В. Государыни Императрицы Александры Фёдоровны назначена Старшей Камер-Юнгферой.

Всемилостивейше пожалована Светло-бронзовая медаль «В память 300-летия Царствования Дома Романовых» (21.02.1913 г.)

В награду отлично-усердной службы возведена в звание Личного Почётного Гражданства (22.03.1915 г.).

5 декабря 1917 года М. Ф. Занотти прибыла в Тобольск, но не была допущена к Царской Семье. Проживала на частной квартире и, пользуясь своим независимым положением, оказывала

августейшим Узникам посильные услуги.

Уволена за упразднением Гофмаршальской Части по постановлению Народного Комиссариата Имуществ Республики от 15 января 1918 года.

Согласно Отношению Административного Отдела НКРИ Р.С.Ф.С.Р. назначено постоянное пособие в 650 руб. в год.

Глава 6
Камер-Юнгфера при Комнатах Их Императорских Высочеств Великих Княжон Анна Павловна Романова

Родилась 2 февраля 1893 года.

Происходила из крестьян Тверской губернии, Вышневолоцкого уезда, Кузьминской волости, д. Матрёнино.

Определена к комнатам Е.И.В. Государыни Императрицы Александры Фёдоровны Камер-Юнгферой (22.05.1910 г).

Всемилостивейше пожалована Светло-бронзовая медаль «В память 300-летия Царствования Дома Романовых» (21.02.1913 г.).

В конце 1917 года добровольно приехала в Тобольск, но не была допущена к Царской Семье. Проживала на частной квартире и выполняла поручения Государыни по отправке корреспонденции.

Глава 7
Камер-Юнгфера при Комнатах Е.И.В. Государыни Императрицы Александры Фёдоровны Мария Густавовна Туттельберг

Родилась в 1863 году.

Происходит из мещан г. Ревеля.

Девица. Вероисповедания лютеранского.

В марте 1890 года зачислена на службу при Дворе Великой Княгини Ольги Фёдоровны, а по её кончине – Камер-Юнгферой в штат Двора Великой Княгини Екатерины Михайловны, по смерти которой была исключена из списков Двора в ноябре 1894 года.

По рекомендации Камер-Фрау Вдовствующей Императрицы Марии Фёдоровны зачислена в штат Министерства Императорского Двора 28 января 1895 года и определена к Комнатам Е.И.В. Государыни Императрицы Александры Фёдоровны в должности Камер-Медхен.

Назначена Младшей Камер-Юнгферой (14.05.1896 г.).

Всемилостивейше пожалована Серебряная медаль «В память Священной Коронации Императора Николая II» (26.05.1896 г.).

Всемилостивейше пожалована Светло-бронзовая медаль «В память 300-летия Царствования Дома Романовых» (21.02.1913 г.).

1 августа 1917 года отправилась в добровольную ссылку в Тобольск вместе с Царской Семьёй.

Уволена за упразднением Гофмаршальской Части по постановлению Народного Комиссариата Имуществ Республики от 15 января 1918 года.

Согласно Отношению Административного Отдела НКРИ Р.С.Ф.С.Р. назначено постоянное пособие в 412 руб. 50 коп. в год.

М. Г. Туттельберг в документах и материалах Гофмаршальской части Министерства Императорского Двора и Уделов

Документ № 1

В Министерство Императорского Двора

[от] Камер-Юнгферы Ея Величества Государыни Императрицы Александры Фёдоровны Марии Густавовны Туттельберг

Прошение

Имею честь всепочтительнейше просить Министерство Императорского Двора о зачислении мне срока службы, которую я несла при Дворах Их Императорских Высочеств Великих Княжон Ольги Фёдоровны и Екатерины Михайловны.

На службу к Великой Княжне Ольге Фёдоровне я поступила в марте 1890 года. После кончины Великой Княгини Ольги Фёдоровны, которая воспоследовала 31 марта 1891 года, я была принята на службу к Великой Княгине Екатерине Михайловне камер-юнгферой; на этом месте я прослужила до смерти Великой Княгини Екатерины Михайловны и была исключена из списков служащих в ноябре 1894 года. В ноябре того же года я имела великое счастье поступить на службу к Ея Величеству Государыне Императрице Александре Фёдоровне камер-юнгферой, обязанности которой исполняю до настоящего дня.

В случае увольнения меня от службы имею честь всепочтительнейше просить Министерство Императорского Двора не увольнять меня без пенсии и квартиры, так как моё здоровье ослаблено и мне 55 лет. Вследствие ареста я в настоящее время лишена возможности представить медицинское свидетельство.

При сём имею честь приложить:

1). Паспортную книжку, выданную из Ревельского Податного Управления за № 1248.

2). Удостоверение, выданное из конторы Ея Высочества принцессы Елены Георгиевны Саксен-Альтенбургской за № 227, 16 июня 1917 года.

3). Удостоверение, выданное из Управления Делами Его Императорского Высочества Великого Князя Николая Михайловича 4 июля 1917 года за № 651.

Мария Туттельберг

4 Июля 1917 года.

Царское Село. Александровский Дворец. [593]

В верхней части документа имеется оттиск мастичной печати овальной формы с надписью по кругу: «Гомаршальская часть» и датой по центру: «4 Июля 1917».

Документ № 2

Управление делами ЕГО ИМПЕРАТОРСКОГО ВЫСОЧЕСТВА Великого Князя НИКОЛАЯ МИХАЙЛОВИЧА

– * –

4 Июля 1917 года

Петроград

Миллионная, 19

Из дела Архива бывшей Придворной Конторы Великого Князя Михаила Николаевича видно, что Мария Густавовна Туттельберг состояла в должности швеи при Великой Княгине Ольги Фёдоровне с 1 Мая 1890 г. по 1 Июня 1891 г. с жалованием 60 руб. в месяц, что Управление делами Великого Князя Николая Михайловича удостоверяет подписью и приложением печати.

Помощник Управляющего Делами (Подпись)

За Секретаря Управления делами (Подпись) [594]

В нижней части документа имеется оттиск круглой гербовой мастичной печати с надписью по кругу: «Управление делами Великого Князя Николая Михайловича», причём ранее имевшийся на ней титул «Его Императорского Высочества» – срезан.

Документ № 3

КОНТОРА ИХЪ ВЫСОЧЕСТВЪ
Принцессы Елены Георгіевны
САКСЕН-АЛЬТЕНБУРГСКОЙ
Герцога
Михаила Георгиевича МЕКЛЕНБУРГ-СТРЕЛИЦКОГО
и наследниковъ герцога
Георгія Георгіевича
МЕКЛЕНБУРГ-СТРЕЛИЦКОГО

– о –

Июня 16 дня 1917 г.

№ 227

Петроград

Фонтанка, 46

Сим контора ИХ ВЫСОЧЕСТВ удостоверяет, что Г-жа Тутельберг (так!) 1 Мая 1891 года была принята на Должность камер-юнгферы при Великой Княгине ЕКАТЕРИНЕ МИХАЙЛОВНЕ, при Которой и служила до кончины Ея ИМПЕРАТОРСКОГО ВЫСОЧЕСТВА, Скончавшейся 30 апреля 1894 года, и по ликвидации двора перешла на службу к бывшей ИМПЕРАТРИЦЕ АЛЕКСАНДРЕ ФЁДОРОВНЕ.

Управляющий делами ИХ ВЫСОЧЕСТВ Принцессы Елены

Георгиевны Саксен-Альтенбургской, герцога Михаила Георгиевича Мекленбург-Стрелицкого и наследников герцога Георгия Георгиевича Мекленбург-Стрелицкого

(Подпись) [595]

В нижней части документа имеется оттиск круглой мастичной печати с надписью по центру: «Контора ИХЪ ВЫСОЧЕСТВЪ» и двойной надписью по кругу: «Принцессы Елены Георгиевны Саксен-Альтенбургской, герцога Михаила Георгиевича Мекленбург-Стрелицкого и наследников герцога Георгия Георгиевича Мекленбург-Стрелицкого»

М. Г. Туттельберг в материалах Следственного Производства 1918–1920 г.г

ПРОТОКОЛ

1919 года, Июля 23–27 дня, Судебный Следователь по особо важным делам при Омском Окружном Суде Н. А. Соколов в г. Ишиме в порядке 443 Ст. Уст. [ановления] Угол. [овного] Суд. [опроизводства] допрашивал нижепоименованную в качестве свидетельницы, и она показала:

Мария Густавовна Туттельберг, 56 лет, мещанка из г. Ревеля, проживаю временно в г. Ишиме, лютеранского вероисповедания, грамотная, в деле чужая, не судилась.

Я состояла в должности камер-юнгферы при Её Величестве ГОСУДАРЫНЕ ИМПЕРАТРИЦЕ Александре Фёдоровне. На эту должность я была назначена в год выхода замуж Её Величества за ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА Николая Александровича по рекомендации камер-фрау при ГОСУДАРЫНЕ ИМПЕРАТРИЦЕ Марии Фёдоровне фон-Флотовой. Из женского персонала я самая старая слуга при Её Величестве.

(…)

В Тобольск мы выехали 1 августа и прибыли туда 6 августа по старому стилю. До 13 августа мы жили на пароходе, так как дом для нас был не готов. 13 числа Царская семья перешла с парохода в Губернаторский дом. Из лиц, находившихся при Царской Семье, с ней жил в этом доме только один Жильяр. Все остальные жили рядом в доме Корнилова. В Тобольске жили хорошо, пока управлял Кобылинский и не утесняли нас большевики. Был, правда, назначен, спустя некоторое время после нашего прибытия

в Тобольск, комиссар Панкратов и его помощник Никольский. Панкратов первое время держал себя, как «хозяин». Но, когда он узнал на самом деле ГОСУДАРЯ и всю Его Семью, он стал хорошо к ним относиться, и заботился, как мог, о них. Про Никольского я ничего не могу сказать. Я его не знала и ничего о нём не слышала. Обидел ли он однажды Алексея Николаевича и чем, я не знаю. До вмешательства большевиков в нашу жизнь мы жили хорошо. Стол был хороший, и всего было достаточно.

Когда же большевики распорядились, чтобы Царская Семья жила на свои средства, тут стало хуже. Стол стал совсем другой, было уволено много прислуги. Солдаты стали вести себя нехорошо. Однажды я сама видела, как они сидели, развалившись, когда мимо них проходил ГОСУДАРЬ, и не приветствовали его. Однажды они написали какие-то нехорошие слова на качелях, где качались княжны. Однажды они перерыли ледяную гору, на которой катались дети. Это было им очень грустно, потому что строили они эту гору сами и никаких иных развлечений у них не было. Потом солдаты перестали пускать Царскую Семью в церковь, и богослужение совершалось на дому. Они иногда не пускали даже певчих, и Великим постом пели хором за богослужениями ГОСУДАРЫНЯ и Княжны под управлением дьячка. Потом солдаты выселили всех из Корниловского лома в Губернаторский и перевели всех выселенных туда на положение арестованных.

Время дня проходило у детей в занятиях. ГОСУДАРЬ или читал, или занимался физическим трудом во дворе. Иногда он шёл в караульное помещение солдат с Алексеем Николаевичем и был там с солдатами.

В апреле месяце приехал комиссар из Москвы Яковлев. С ним были ещё какие-то два лица, но я их не помню. Я не знаю, как Яковлев обращался с ГОСУДАРЕМ и ГОСУДАРЫНЕЙ» и что с ними говорил. ГОСУДАРЫНЯ же тогда была очень огорчена предстоящим отъездом из Тобольска. Я прямо должна сказать, что это был для Её Величества самый тяжёлый момент. Этот момент был для Неё гораздо тяжелее, чем революция. Она страшно убивалась. Я попыталась Её утешить. Она сказала мне: «Не увеличивайте, Тутельс, моего горя. Это самый для меня тяжёлый момент. Вы знаете, что такое для меня сын. А мне приходится выбирать между сыном и мужем. Но я решилась и надо быть твёрдой. Я должна оставить мальчика и разделить жизнь или смерть мужа».

Уехал ГОСУДАРЬ с ГОСУДАРЫНЕЙ и Марией Николаевной 13 апреля по старому стилю. С ними уехали: Долгорукий, Боткин, Чемодуров, Седнев и Демидова. Экипажи им были поданы

плохие. ГОСУДАРЫНЯ писала потом Ольге Николаевне, что её экипаж развалился дорогой, и они ждали в какой-то избушке в деревне, пока им дали другой экипаж. В этом письме она жаловалась на дорогу. Она писала, что по приезде в Екатеринбург Она чувствовала себя плохо и дня четыре лежала: страдала сердцем. Она жаловалась на тесноту помещения. Кажется, ещё и Демидова писала кому-то, что первое время они все жили в каком-то подвальном помещении и пищу им давали солдатскую. Потом их перевели в другое помещение и стали им давать пищу из какой-то столовой. Обедали они вместе с прислугой.

Куда увозил Яковлев ГОСУДАРЯ с ГОСУДАРЫНЕЙ из Тобольска, я не знаю. Удивились ли тогда дети, что Они остались в Екатеринбурге, я не знаю. Что говорили солдаты по своём возвращении после проводов их, я не знаю и не знаю, возвращались ли даже эти солдаты.

В мае месяце к нам пришёл новый комиссар Хохряков и какой-то Родионов. Кто такой был Хохряков и Родионов, не знаю. Главным из них, как мне казалось, был Родионов. Он похож был на интеллигентного человека: на офицера, но грубого. Я не знаю, как он обращался с княжнами, а с монашками, которые тогда приходили петь за богослужением, он обходился худо: он их обыскивал перед тем, как пустить их в комнаты. Когда мы потом в Тюмени садились в вагон 4-го класса, он нам сказал: «Вам теперь по-другому жить придётся».

В Тобольск Царской Семье были лишь взяты вещи из одежды, белья, обуви, посуды, столового белья. Были взяты походные кровати, некоторые картины и ковры, немного ламп. Эти вещи частью были взяты при отъезде самой Царской Семьи, частью они были доставлены впоследствии. Когда ГОСУДАРЬ с ГОСУДАРЫНЕЙ и Марией Николаевной уезжали из Тобольска, они взяли свои походные кровати. Когда уезжали мы с детьми, тогда Родионов взял всё из дома: все вещи, принадлежащие Губернаторскому дому.

Опознавал ли Татищев или Гендрикова, или Буксгевден Родионова, я не знаю и не слыхала об этом ничего. Я ничего не знаю, как обходился Родионов с Нагорным. Я не слышала, чтобы Родионов плохо обращался с княжнами и Алексеем Николаевичем. Я слышала, что он «советовал» княжнам не запирать дверей их кают, мотивируя это требованиями безопасности для них же самих: может ведь случиться пожар. Я знаю, что он запер каюту Алексея Николаевича снаружи на замок, но, по-моему, он это сделал из хороших побуждений: мало ли кто может взойти, а внутренней охраны не было.

Мы приехали в Екатеринбург 9 или 11 мая. Детей тогда же

увезли в дом Ипатьева. Взяли из нашего поезда Гендрикову, Татищева, Шнейдер, Труппа, Харитонова, Нагорного, Волкова, мальчика Седнева. Пробыли мы несколько дней в городе в вагоне. Я ходила в эти дни в город и смотрела дом Ипатьева, где находилась Царская семья. Дом Ипатьева в это время уже был обнесён забором, но сначала одним: у самых окон дома. Когда мы ещё не уехали из Екатеринбурга, был выстроен и второй забор, закрывший дом с улицы вместе с воротами. Спустя некоторое время я уехала в Камышлов, где и жила.

Я вижу предъявленную мне Вами фотографическую рамочку (предъявлена фотографическая рамочка, описанная в пункте «а» 1 протокола 10 февраля сего года, л. д. 10, том 2-й). [596]Такой рамочки не было в вещах Её Величества. Возможно, что она принадлежит одной из княжон.

Я вижу фотографическое изображение серьги, предъявленное мне Вами (предъявлено фотографическое изображение серьги, описанное в том же пункте того же протокола, л. д. 10 об., том 2-й). Я положительно утверждаю, что на этом снимке изображена одна из парных серёг Её Величества. Каждая из таких серёг имела белую прекрасную жемчужину и над ней – бриллиант. Это были самые любимые серьги Её Величества. В них она поехала из Тобольска. Она их на ночь снимала. Я вижу предъявленные мне Вами фотографические карточки Её Величества (предъявлены две фотографические карточки, полученные на предварительном следствии от г. Жильяра, одна из каких описана в пункте «з» протокола 10 февраля сего года, л. д. 14, том 2-й, и другая значится в протоколе 5 марта сего года, л. д. 111, том 2-й). На этих снимках Её Величество изображена в этих именно серьгах.

Про фотографическое изображение трёх частей жемчужины на предъявленном мне Вами снимке (предъявлен снимок частей жемчужины, описанных в пункте «а» 2 того же протокола, л. д. 10, том 2-й) я затрудняюсь сказать что-либо определённое, так как снимок свойств жемчуга не передаёт. Из золотых украшений, изображённых на том же снимке, я останавливаюсь на одном и думаю, что это есть часть той самой серьги Её Величества, о которой я сейчас говорила: та именно часть, которая составляет дугу серьги.

Я вижу предъявленный мне Вами снимок топаза и осколка его (предъявлен снимок топаза и осколка топаза, описанных в том же пункте, л. д. 10, том 2-й). Это бусы горного хрусталя. Такие бусы были у всех княжон. Была ли в них Мария Николаевна, уезжая из Тобольска, я не помню. А княжны имели эти бусы на себе.

(…)

Я вижу предъявленные мне Вами вещи, как Вы говорите, «два осколка от стекла». Я категорически удостоверяю, что это вовсе не осколки стекла. Это осколки изумруда. У Её Величества было очень много таких вещей, в которых были изумруды. Эти осколки от очень крупного изумруда. Но я затрудняюсь сказать, от какого именно предмета эти осколки. Возможно, что это разбитое изумрудное яйцо Её Величества, возможно, что это и от других предметов.

Я должна сказать, что с драгоценными вещами мы поступили, когда мы все с детьми уезжали из Тобольска, таким образом. Мы бриллианты и большую часть жемчугов пришили вместо пуговиц к костюмам трёх княжон – Ольги Николаевны, Татьяны Николаевны и Анастасии Николаевны. Костюмы эти были из шерстяной материи. Один костюм был серого цвета (материя «фантазия»), другой – синего (шевиот) и третий – чёрного (также шевиот). Это были летние наружные костюмы, в которых можно было ехать в дорогу. Затем были зашиты бриллианты в чёрную бархатную шляпу Ольги Николаевны и в синюю шляпу (не знаю, из какой материи) Татьяны Николаевны. Не знаю, были ли зашиты бриллианты в шляпу Анастасии Николаевны. Также бриллианты и жемчуга, рубины, сапфиры и изумруды были зашиты в лифчики Татьяны Николаевны и Анастасии Николаевны. Ольга же Николаевна надела на себя несколько ниток жемчугов. Некоторые драгоценности, более простые, мы положили вместе с другими вещами в сундук. Сундук был простой, из полированного дуба, с инициалами Её Величества. Он был размерами, в длину – аршина [597]1½, в высоту – четверти 2, в ширину – четверти 3. Сама я драгоценностей не зашивала никуда. Я только передавала драгоценности Её Величества Теглевой и Эрсберг, а они зашивали их.

(…)

Я вижу предъявленные мне Вами две пуговицы: одну фирмы Лидваля, другую, рассыпающуюся, перламутровую. Про первую я ничего сказать не могу, так как она мужская. Про вторую пуговицу я могу сказать положительно, что такие пуговицы ставились к подвязкам Её Величества и княжон. Шил ли на Государя и Алексея Николаевича портной Лидваль, я не знаю. Фамилию портного Нольдштром я слышала. На Её Величество и княжон шили портные Бризак и Михайлов, а ранее шил ещё Китаев.

(…)

Я вижу предъявленные мне Вами фотографические изображения образков (предъявлены фотографические изображения образков, описанных в пунктах 4–6 того же

протокола, л. д. 11 об. 12, том 2-й). Ничего определённого про них сказать не могу. Таких образков маленьких у них было много, и они могли взять их с собой, если бы они, например, куда-либо собирались ехать из дома.

(…)

Я вижу осколки эмали (предъявлены эти осколки, описанные в пункте 15-м того же протокола, л. д. 13, том 2-й). Это, вероятно, от образков, которых изображения Вы мне показывали.

(…)

Я вижу предъявленные мне Вами предметы: кнопки, крючки, петли, фестоны, 2 пуговицы, винтики, гвоздики, пряжку от пояса, ленточку и крючок от подвязок, или, как у Вас написано, «металлическую застёжку от мужского или женского платья» (предъявлены предметы, описанные в пункте 15-м того же протокола, л. д. 13 и 13 об, том 2-й). Про эти вещи я могу сказать следующее. Кнопки – это хорошие кнопки, французские. Они все, видимо, бризаковские и могли быть от костюмов и Её Величества, и княжон. То же самое я должна сказать и про крючки и про петли. Фестоны вполне могут быть от их корсетов. Из двух пуговиц одна мужская, и я про неё ничего сказать не могу, а другая вполне подходящая для синего верхнего костюма Её Величества: такие именно пуговицы, только обтянутые материей, были на её костюме. Про винтики и гвоздики я ничего сказать не могу. Пряжка от пояса может быть только нижней частью пряжки, верхней же части я не вижу. ГОСУДАРЫНЯ, однако, таких пряжек не носила. Это может быть от пряжки княжон. Ленточка, как указывает самый её вид, была пришита к какому-то костюму. Возможно, что она и от костюма Её Величества и княжон. Крючок от подвязок не принадлежит Её Величеству, возможно, что он принадлежит кому-либо из княжон.

Я вижу предъявленные мне Вами изображения бриллианта и креста (предъявлены изображения сих предметов, описанных в пунктах «в» и «г» того же протокола, л. д. 13 об., том 2-й). Я могу сказать про них следующее. Я категорически опознаю и бриллиант и крест. Эти вещи принадлежат Её Величеству. Этот бриллиант – в серебряной оправе. Это подарок Её Величеству от Его Величества по случаю рождения одной из княжон. Крест – это подарок Её Величеству Государыни Императрицы Марии Фёдоровны. Бриллиант был зашит вместо пуговицы в костюм одной из княжон, а крест – в лифчик одной из княжон.

Я вижу предъявленные мне Вами три бусы, пару пряжек от туфель, тоненькие пружинки и пряжку от мужского пояса, маленькую (предъявлены эти предметы, описанные в пунктах 1–4 протокола 15–16 февраля сего года, л. д. 45 об., том 2-й).

[598]Бусы эти такие же, про какие я говорила и раньше: это бусы горного хрусталя от ожерельев княжон. Такие пряжки от туфель кого-либо из Великих Княжон: у них были такие пряжки на туфлях с камнями. Пряжка от пояса – пряжка Алексея Николаевича: совершенно такая же была у него на ремне. Про пружинки я также ничего не могу сказать, как и про те, которые Вы мне показывали раньше.

Я вижу предъявленные мне Вами корсетные кости и планшетки (предъявлены эти предметы, описанные в пунктах 5–8 того же протокола, л. д. 45 об.–46, том 2-й). По внешнему виду их я, конечно, не могу сказать, кому они принадлежат. В корсетах Её Величества спереди и с боков были железные пластинки, обтянутые лайкой. Сзади в её корсетах находился китовый ус. Как были устроены корсеты княжон, я не скажу, а также и про корсет Демидовой ничего не знаю. Но вообще я могу сказать, что княжны должны были всегда носить корсеты. Также всегда носила корсет и Демидова.

Я вижу предъявленные мне Вами пряжки и крючки (предъявлены эти предметы, описанные в пунктах 9 и 10 того же протокола, л. д. 46 об.–47, том 2-й). Пряжки могут относиться к подвязкам княжон и Демидовой. Крючки – также. У Её Величества у подвязок крючков таких не было.

Я не знаю, носил ли Боткин пенсне. Я видела у него очки.

Государыня в Тобольске носила очки во время работы. Её Величество, вероятно, от слёз стала страдать глазами в Тобольске, и ей какой-то тобольский доктор назначил очки. Они были большие и в черепаховой оправе. Принадлежит ли стекло, которое Вы мне сейчас показываете (предъявлено стекло, описанное в пункте 12-м того же протокола, л. д. 47 об., том 2-й), к очкам Её Величества, я не знаю.

У ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА и у Алексея Николаевича на их шинелях были такие же пуговицы, как и те, которые Вы мне сейчас показываете (предъявлены пуговицы, описанные в пункте 14-м того же протокола, л. д. 48, том 2-й).

(…)

Про американский ключ и про монеты, которые я вижу (предъявлены эти предметы, описанные в пунктах 19 и 20 того же протокола, л. д. 48 об., том 2-й), я ничего сказать не могу. Я могу лишь сказать, что Алексей Николаевич любил собирать и хранить у себя разные ненужные предметы. Возможно, что эти вещи и его.

Я вижу три предъявленные мне Вами пряжки (предъявлены пряжки, описанные в пункте 21-м того же протокола, л. д. 48 об., том 2-й). Из них одна – от туфель Её Величества. Это были шевровые туфли, чёрной кожи, или же цвета бронзы (двое было

туфель с такими пряжками) на невысоких каблуках, с узким длинным носком. (Обувь Её Величества и Великих Княжон изготовлялась Вейсом.) В таких туфлях Её Величество вполне могла выехать в дорогу. Другая пряжка есть часть пряжки с драгоценным украшением от пояса или Её Величества, или Княжон. Третья пряжка – от мужских помочей.

Я вижу 12 предъявленных мне Вами пуговиц, колечко с обгорелой материей, кнопки, фестончики от корсетов, 3 крючка, 2 петли, обломок какого-то металлического предмета (предъявлены эти предметы, описанные в пункте 22-м «а»—«е» того же протокола, л. д. 48 об.–49, том 2-й). Из этих пуговиц 5 мужских, и я про них ничего сказать не могу. 7 же остальных – женские пуговицы, бельевые. Они вполне могли принадлежать к белью Её Величества или Княжон. Колечко, вернее всего, от зонтика. Кнопки, вероятно, от юбок. Кнопки все эти французские, хорошие, вероятно, бризаковские. Фестоны – все от корсетов, возможно, и Её Величества и Княжон. (Корсеты им делали какие-то петроградские мастера, фамилии их не знаю.) Крючки и петли – безусловно, бризаковские. Что представляет собой обломок металлического предмета, я не знаю.

Я вижу предъявленную мне Вами пару мужских перчаток (предъявлены перчатки, описанные в пункте 1-м протокола 19–22 июня сего года, л. д… [599]том…). [600]Я не знаю, чьи они. ГОСУДАРЬ и Алексей Николаевич не любили носить перчаток. ГОСУДАРЬ надевал перчатки только в исключительных случаях, когда этого требовал этикет. Зимой он носил перчатки старые, вязаные, сильно заштопанные.

(…)

Я вижу предъявленные мне Вами обгорелые какие-то предметы (предъявлены эти предметы, описанные в пункте 30 того же протокола, л. д. том…). [601]Среди них я вижу части обуви. Вероятно, это обгорелая мужская обувь. Но среди обгорелых предметов, как мне думается, есть и сплавившаяся от огня материя. Кроме того, кусочки этой материи ясно сохранились в некоторых кусках. Эта сплавившаяся материя и отдельные кусочки материи мне напоминают темно-синего цвета рубчатую материю: «серж» английский, из которой были сшиты дорожные костюмы ГОСУДАРЫНИ и Княжон.

(…)

Я вижу предъявленный мне Вами рубин (предъявлен рубин, описанный в пункте 54-м того же протокола, л. д. том…). [602]Вполне возможно, что это рубин и Её Величества. Но очень трудно сказать, в состав какого именно драгоценного предмета он входил. Относительно рубиновых камней я должна ещё сказать

следующее. ГОСУДАРЬ подарил Её Величеству рубиновое кольцо, когда Её Величеству было ещё 15 лет. Они тогда уже были влюблены друг в друга. Это было на свадьбе Великой Княгини Елизаветы Фёдоровны, когда ГОСУДАРЬ подарил Её Величеству кольцо. После этого Они 8 лет мечтали друг о друге, и Её Величество, когда ГОСУДАРЬ, будучи ещё Наследником, совершал своё кругосветное путешествие, очень волновалась за него, а особенно Её Величество убивалась, когда ГОСУДАРЮ какой-то злодей в Японии причинил повреждение головы. Об этом мне рассказывала старая няня Её Величества мисс Очерт. Это рубиновое кольцо Её Величество носила всегда на шейной цепочке вместе с крестами.

(…)

Я вижу обрывок цепочки (предъявлен обрывок золотой цепочки, описанный в пункте 71-м того же протокола, л. д… том…). [603]Это обрывок, безусловно, от браслета. Для шейных цепочек Её Величества и Княжон он тонок. Это обрывок той цепочки, которая ставится около запора браслетов, как предохранитель: браслет раздвинется, если запор откроется, а цепочка не даёт браслету упасть с руки. Таких браслетов с такими цепочками у Её Величества и у Княжон было несколько. Такие браслеты были на них на всех в момент отъезда их из Тобольска.

Я вижу предъявленные мне Вами 11 жемчужин (предъявлены жемчужины, описанные в пункте 72-м того же протокола, л. д… том…). [604]Жемчужных украшений вообще у них было много. Ольга Николаевна надела на себя много жемчугов в момент отъезда из Тобольска. Кроме того, у Её Величества из таких жемчужин, как эта, была целая цепочка. Она хранилась в коробке с образами.

Я вижу две маленькие бусы (предъявлены две бусы, описанные в пункте 73-м того же протокола, л. д… том…). [605]Я уверена, что это две бриллиантовые бусинки. У них нет игры, но это уж такие бриллианты. Эти бриллианты от цепочки браслета Её Величества. В цепочке этого браслета были жемчужинки, а между ними, вот такие бусинки. Этот браслет был зашит в лифчик или Татьяны Николаевны, или Анастасии Николаевны.

Я затрудняюсь сказать, откуда, т. е. от какого именно предмета две части жемчужины, которые я сейчас вижу (предъявлены два осколка жемчужины, описанные в пункте 74-м того же протокола, л. д… том…). Я должна ещё сказать, что Ольга Николаевна в мешочке надела себе на шею много разных жемчужных украшений. Для серьги Её Величества этот жемчуг сероват.

Я вижу предъявленные мне Вами осколки сапфира

(предъявлены два осколка сапфира, описанные в пункте 75-м того же протокола, л. д… том…). У ГОСУДАРЯ был перстень с такими сапфирами: кабошон, как и эти камни. [606]

Я вижу предъявленный мне Вами камень (предъявлен камень, описанный как рубин в пункте 76-м того же протокола, л. д… том…). Это не рубин, а аметист. Драгоценностей с такими камнями было много и у Её Величества, и у Княжон. Они были зашиты в лифчиках Княжон.

(…)

Я не могу определить, от какого именно предмета эти 11 осколочков изумруда, которые Вы мне сейчас показываете (предъявлены 11 осколков изумруда, описанные в пункте 78-м того же протокола, л. д… том…). [607]Изумруды же вообще были зашиты в лифчиках Княжон.

(…)

Я вижу часть украшения с бриллиантами (предъявлено украшение, описанное в пункте 84-м того же протокола, л. д… том…). Оно мне положительно напоминает брошь Её Величества. Это часть от неё, от броши. Эта брошь была в лифчике одной из Княжон.

(…)

Я вижу обломок золотого предмета (предъявлен этот обломок, описанный в пункте 91-м того же протокола, л. д… том…). [608]Этот обломок, скорее всего, от серьги. Он, вполне возможно, что и от серьги Её Величества, той ли, парную к которой Вы мне показывали на снимке, или другой какой-либо из её серёг, сказать не могу.

Я вижу предъявленные мне Вами крючок и петельку (предъявлены эти предметы, описанные в пунктах 94 и 95 того же протокола, л. д… том…). Это дамские крючки, бризаковские. Они будут от платьев Её Величества или же Великих Княжон.

(…)

Я вижу большую предъявленную мне Вами пуговицу (предъявлена пуговица, описанная в пункте 97-м того же протокола, л. д… том…). [609]Она принадлежит к синему дорожному костюму Её Величества. Это такая же, как Вы мне показывали и раньше.

(…)

Я вижу предъявленный мне Вами флакончик с солями (предъявлен этот флакончик, описанный в пункте 115-м того же протокола, л. д… том…). У Её Величества был флакончик с солями такого же стекла, который она брала с собой в дорогу, но он был меньше. Такой же величины был у Ольги Николаевны.

Я вижу предъявленные мне Вами осколки стекла

(предъявлены эти осколки, описанные в пунктах 33, 34, 55, 56, 59, 60, 66, 67, 86, 99, 100, 101, 107, 108, 112 того же протокола). Здесь имеются, по моему мнению, осколки таких предметов: зелёного флакона с солями, осколки которого Вы мне показывали и ранее; осколки простой бутылки из белого стекла, в такой бутылке у них могла быть святая вода Саровских ключей, которую Её Величество обязательно бы взяла с собой, если бы поехала куда-нибудь в дорогу; осколки простой бутылки жёлтого стекла, которая вряд ли принадлежит к вещам Царской Семьи; осколки от стёкол рамочек; стёкла в рамочках были у них прямые, а не выпуклые; выпуклые тоненькие стёкла от каких-нибудь украшений, например медальонов или часов; осколки от флаконч иков с солями, как тот флакончик, который Вы мне показывали; от какого предмета осколки цвета йода, я не знаю.

(…)

Я вижу предъявленный мне Вами носовой платок (предъявлен носовой платок, найденный в шахте № 3,

л. д… том…). [610]Трудно о нём сказать что-либо, пока он не вымыт. Но к белью Её Величества он отношения не имеет.

Я видела труп собаки, который Вы мне показывали. Я категорически утверждаю, что это есть труп собачки Джемми, [611]принадлежавшей Анастасии Николаевне. Это была очень маленькая собачка, которую Анастасия Николаевна носила на руках. У них было 3 собачки. Одна собака была большая, породы «спаниель», принадлежавшая Алексею Николаевичу. Другая была французский бульдог, обычной величины для этой породы, принадлежавшая Татьяне Николаевне. Джемми же была самой маленькой. Бежать за экипажем она не могла. Её подарил Анастасии Николаевне в войну какой-то офицер, лежавший в лазарете в Царском.

Я вижу предъявленные мне Вами предметы: серебряную рамочку, перочинный ножик (предъявлены эти предметы, извлечённые 26 июня сего года из малого колодца шахты, л. д… том…). Ничего я про эти предметы сказать не могу. Я не помню, были ли у Её Величества образа в такой рамочке. Я не знаю, чей это ножик.

Я вижу предъявленный мне Вами Уланский значок. Этот значок принадлежит Её Величеству. Её Величеству он был поднесён командиром полка Орловым, а Её Величество была Шефом этого полка. Он, этот значок, зашит не был в числе драгоценностей и его Её Величество имела просто при себе в чём-либо. (Свидетельнице был предъявлен значок, найденный при промывке засыпки, извлечённой из малого колодца шахты, л. д… том…). Я вижу предъявленный мне Вами осколок жемчужины

(предъявлен этот осколок, найденный там же, л. д… том…). Этот жемчуг белый, прекрасный. Вполне возможно, что он от серьги Её Величества, одну из которых Вы мне показывали на снимке.

(…)

Я вижу два цинковых обломочка со следами краски на них (предъявлены эти кусочки, найденные в том же колодце 8 и 10 июля, л. д… том…). Я хорошо знаю, что у Её Величества были такие простые маленькие образки из цинка, на которых изображения были написаны краской по цинку. Её Величество могла взять их с собой в дорогу.

(…)

Я вижу предъявленные мне Вами предметы: 3 фестона, металлическую пуговицу, круглую жемчужину и два осколка от жемчужины (предъявлены эти предметы, найденные при промывке кострища у шахты № 7, л. д… том…). Фестоны – такие же корсетные (а не от ботинок), как и раньше. Про пуговицу я сказать не могу: это мужская пуговица. Круглая жемчужина – такая же, как и были раньше. Осколки жемчужины вполне могут быть от серьги Её Величества, одну из которых я видела на снимке.

(…)

Я вижу предъявленные мне Вами предметы: кусок какой-то материи и обломок какого-то белого металла (предъявлены эти предметы, найденные в районе рудника, л. д… том…). Про материю я ничего сказать не могу, пока она в глине. К чему относятся пластинки белого металла и были ли такие рамочки у иконок Её Величества или Княжон, сказать не могу.

Я хочу исправить своё показание относительно портретной рамочки, которую Вы мне показывали. Я думаю, что эта рамочка принадлежит ГОСУДАРЮ ИМПЕРАТОРУ Николаю Александровичу. Совершенно такая рамочка была у Его Величества. В этой рамочке хранился у Его Величества портрет Её Величества. Без него Его Величество никуда бы не поехал. Если бы он куда-либо отправился, он бы взял его с собой.

Я вижу предъявленный мне Вами вязаный из ниток шнурок (предъявлен шнурок, описанный в пункте 106 того же протокола, л. д… том…). [612]Я не знаю, домашней он работы или же фабричной. Мне кажется, что это может быть шнурок от корсета.

(…)

Я вижу предъявленные мне Вами предметы на фотографических снимках (предъявлены фотографические изображения предметов, описанных в протоколе 14 марта сего года, л. д. 147, том 3-й): иконок, блузочки, носового платка, сумочки, розовой ленты, галстука с лентой св. Владимира и

Георгиевской ленточки. Я ничего не могу сказать про эти вещи, кроме блузочки. Блузочка, мне кажется, принадлежит Демидовой.

Больше по настоящему делу показать я ничего не могу. Показание моё, мне прочитанное, записано с моих слов правильно.

Корсеты для Её Величества и Великих Княжон делала мадам Буринг.

Прочитано.

Мария Густавовна Туттельберг.

Судебный следователь Н. Соколов. [613]

Глава 8
Портниха при Комнатах Е.И.В. Государыни Императрицы Александры Фёдоровны Екатерина … Николаева

Происходила из семьи мещан Колпино Санкт-Петербургской губернии.

Девица.

Определена к Комнатам Е.И.В. Государыни Императрицы Александры Фёдоровны Гладильщицей (10.01.1896 г.).

Всемилостивейше пожалована Серебряная медаль «В память Священной Коронации Императора Николая II» (26.05.1896 г.).

По повелению Е.И.В. Государыни Императрицы Александры Фёдоровны пожаловано звание Портнихи (30.07.1904 г.).

1 августа 1917 года отправилась в добровольную ссылку в Тобольск вместе с Царской Семьёй.

Уволена за упразднением Гофмаршальской Части по постановлению Народного Комиссариата Имуществ Республики от 15 января 1918 года.

Согласно Отношению Административного Отдела НКРИ Р.С.Ф.С.Р. за № 3485 назначено постоянное пособие в 175 руб. 50 коп в год.

Глава 9
Лакей при Комнатах Е.И.В. Государя Императора Николая II Александровича Степан Петрович Макаров

Родился 24 декабря 1879 года.

Происходил из крестьян д. Новинки Великорожской волости Боровичского уезда Новгородской губернии.

Женат, жена – Евдокия Петровна.

Дети:

• Яков (род. 24 марта 1908 года);

• Пётр (род. 6 января 1911 года);

• Михаил (род. 1 сентября 1911 года – умер 27 марта 1914 года);

• Антонина (род. 28 мая 1915 года).

На службе в Министерстве Двора и Уделов с 1 сентября 1911 года.

Определён на службу истопником Императорского Зимнего Дворца на жалование 15 руб. в месяц с 1 декабря 1900 года.

Уволен от службы 6 апреля 1901 года.

Участник Русско-Японской войны 1904–1905 г.г.

Награждён Знаком Отличия Ордена Св. Великомученика и Победоносца Георгия 4 ст. и Светло-бронзовой медалью «В память Русско-Японской войны 1904–1905 года».

Определён на службу дровоносом Императорского Зимнего Дворца на жалование 17 руб. в месяц 1 октября 1906 года.

Перемещён в истопники Императорского Зимнего Дворца на жалование 1 ноября 1906 года.

Уволен от службы 16 апреля 1907 года.

Вновь определён истопником Императорского Зимнего Дворца на жалование 17 руб. в месяц с 21 сентября 1907 года.

Уволен от службы 1 апреля 1908 года.

Вновь определён истопником Императорского Зимнего Дворца на жалование 17 руб. в месяц с 21 сентября 1908 года.

Уволен от службы 1 декабря 1908 года.

Вновь определён истопником Императорского Зимнего Дворца на жалование 17 руб. в месяц с 16 декабря 1908 года.

Уволен от службы 1 апреля 1909 года.

Вновь определён истопником Императорского Зимнего Дворца на жалование 17 руб. в месяц с 1 октября 1909 года.

Уволен от службы 4 февраля 1910 года.

Определён работником к комнатам Его Величества с 1.09.1911 года.

Всемилостивейше пожалована Светло-бронзовая медаль «300 лет Дома Романовых» (21 февраля 1913 года).

Начиная с 1913 года, в дополнение к основному окладу, как Георгиевскому Кавалеру, награждённому Георгиевским Крестом 4-й степени, была назначена ежегодная выплата в 36 рублей.

1 августа 1917 года отправился в добровольную ссылку в Тобольск вместе с Царской Семьёй.

Уволен за упразднением Гофмаршальской Части по постановлению Народного Комиссариата Имуществ Республики от 15 января 1918 года.

Согласно Отношению Административного Отдела НКРИ за № 3843 от 4 августа 1918 года назначено единовременное пособие в размере 75 руб.

Глава 10
Лакей при Комнатах Е.И.В. Великой Княжны Ольги Николаевны Михаил … Карпов

На службе в Министерстве Императорского Двора и Уделов с 30 декабря 1895 года.

Переведён в штат прислуги при комнатах Е.И.В. Великой Княжны Ольги Николаевны с 1 января 1896 года.

1 августа 1917 года отправился в добровольную ссылку в Тобольск вместе с Царской Семьёй.

Глава 11
Писец Канцелярии Камер-Фурьера Александр Петрович Кирпичников

Родился 7 апреля 1879 года.

Происходил из мещан г. Ливны Орловской губернии.

Женат. Жена – Наталья Ивановна.

Дети:

• Василий (род. 23 января 1907 г.);

• Георгий (род. 11 апреля 1911 г.);

• Татьяна (род. 10 октября 1914 г.);

• Леонид (род. 25 февраля 1917 г.).

Приказом по Гофмаршальской Части от 7 июля 1906 года за № 41 определён Писцом Канцелярии Камер-Фурьера с 5 июля 1906 года.

Всемилостивейше пожалована Светло-бронзовая медаль «300 лет Дома Романовых» (21 февраля 1913 года).

1 августа 1917 года отправился в добровольную ссылку в Тобольск вместе с Царской Семьёй.

Арестован в 1933 году по делу о так называемых «Романовских ценностях», расследуемом ЭКО ПП ОГПУ по Свердловской области.

Постановлением Особого Совещания УНКВД по Свердловской области расстрелян в 1939 году, как контрреволюционер.

Кирпичников А. П. в материалах Агентурно-следственного дела № 2094 «Романовские ценности» 6-го Отделения ЭКО ПП ОГПУ по Свердловской области

Документ № 1

Из показаний Кирпичникова Александра Петровича

(…) Я лично знаю, что всеми ценностями заведовала сама Александра Фёдоровна, которая [их] и прятала. Основное, я предполагаю, что находится у полковника Кобылинского, затем у камердинера Волкова, который якобы сейчас находится в Ленинграде, ну, и по-моему быв. [ший] священник Васильев – он сам умер, а его семья: матушка и сыновья находятся в Омске. У последней семьи часть царских ценностей должна быть. Тем более, что при Колчаке по его личному распоряжению у него

искали шпагу наследника Алексея Николаевича, якобы золотую, [614]но я её не видел, и меня тоже колчаковская полиция спрашивала про царские ценности и не оставил ли Николай II бумаг, каких-либо. Но я им ответил, что ничего не знаю и не мог он мне поручить, так как я был только писарь. Я ничего не знаю и не могу больше добавить.

Протокол прочитан, в чём и расписываюсь.

А. Кирпичников.

О[пер]упол[номоченный] 8 Отд. [еления] ЭКО. [615] [616]

Документ № 2

Дополнительные показания Кирпичникова Александра Петровича

12 ноября 1933 г.

Признаю, что в своих первых показаниях скрыл от вас, что принимал участие в сокрытии и выносе бывших царских ценностей, в действительности я сам лично перед тем, как уехать царской семье из Тобольска в Екатеринбург, по поручению гувернёра Жильяра Петра Андреевича, который обслуживал наследника Алексея, вынес шпагу, которая была из жёлтого металла, золотая она или нет, я не знаю, но вся она блестела. Он меня просил вынести из арестного помещения и передать священнику Васильеву Алексею, которую я вынес, вложив в длинную коробку. Придя на квартиру к священнику Васильеву, передал последнему. В то время дома не было никого. Он её взял и унёс к себе в спальню и положил на подушку, и потом он мне говорил, что у него в спальне была переборка, так он её туда [по]ложил, так как она была обита рейкой с двух сторон, поэтому во время обыска её и не находили. Где она сейчас, я не знаю. По-моему, она у [его] сыновей. Больше всего он доверял сыну [сыновьям!] Александру и Егору, а самой попадье не доверял, так как она была придурковатая и могла проболтать. Постоянным у него посетителем был какой-то гость из Тобольской почтово-телеграфной конторы.

Кроме того, по поручению камердинера Чемодурова, последний мне передал лично ему принадлежавшие ценности. Их было тоже много, так как он получал награды: одних золотых часов имел трое, кулоны, браслеты, всё это бриллиантовое

(украшенное бриллиантами. – *Ю. Ж.*). И как он просил [меня в случае своего невозвращения] передать [эти ценности] Нагорному, [но] когда он вернулся из Екатеринбурга, то я же обратно ему вернул, а куда он [их] девал, я не знаю, так как вскоре умерла [и] его жена. [617]Только там царских ценностей не было, а лишь были личные.

Причём, когда я был в Екатеринбурге с царской семьёй до расстрела, я присвоил себе 15 мельхиоровых ложек, часть посуды с гербами и салфеток. Больше у меня ничего нет.

Все подробности о царских бриллиантовых ценностях более детально знает некто Иванов Сергей Иванович, который был прислужником при дочерях. Он всё прибирал и точно знает, какие именно были и где эти ценности. Я лично не видел, но слышал из разговоров наших служащих, что из Ленинграда была привезена бриллиантовая корона и очень дорогая. Но куда он [её] девал? Я думаю, что [она] или у камердинера Волкова, или полковника Кобылинского. Об этом должен, мне кажется, сказать Иванов Сергей Иванович. Он жил в Тюмени до 1930–1931 года.

Что касается жемчужных ожерелий, так я [их] также действительно видел у княжон, но их не выносил, они мне [этого] не поручали, и где они – я не знаю. Обслуживал царскую семью также лакей Гусев Ермолай, который сейчас в городе Томске, в финотделе. Ему хорошо известно, где сейчас Волков и что он с собой увёз, а также хорошо знает, какую роль играла приезжая служанка, но недопущенная в дом к царской семье – некто Уткина, которая имела связь с Волковым, монастырём, Гермогеном, попом Васильевым, и я слышал, что она кое-какие ценности скрывает. Если это не Уткина, может, я путаю фамилию, то это была Николаева, их обоих надо разыскать и с них можно будет очень много ценного получить. Больше я не могу ничего добавить по этому вопросу, в чём и расписываюсь.

А. Кирпичников.

Допросил. [618] [619]

Документ № 3

Дополнительные показания Кирпичникова Александра Петровича

22 декабря 1933 г.

Сознаюсь, что на задаваемые мне ранее вопросы относительно какого-то письма, которое я носил Гермогену, сперва я не мог вспомнить, а сейчас вспомнил, что действительно был такой случай. Дело было так: камердинер Чемодуров в марте 1918 года, перед увозом романовской семьи в Екатеринбург, позвал меня и передал большой пакет с пятью сургучными печатями и велел его передать на хранение епископу Гермогену, так как приехавший комиссар предполагал делать какой-то обыск. Я, схватив этот пакет, завернул в газеты, и, свободно пройдя через охрану, принёс и передал епископу Гермогену. Но последний, когда я ему передавал, сказал мне, что он и сам-то находится в таком положении, что вот-вот [его] арестуют. Но, говорит, постараюсь спрятать, и когда я ему сказал, что мне наказано, что, когда придут из ЧК, взять этот пакет обратно, он ответил: «Ладно, приедешь и возьмёшь».

Одновременно [он] передал мне для вручения Николаю Романову письмо на двух листах, которое я принёс и вручил Чемодурову, а последний – Николаю Романову. Через несколько дней Чемодуров вернул мне переданное Гермогеном письмо и велел обратно ему передать и сходить за тем пакетом, который передал Гермогену. Я, будучи любопытен, письмо Гермогена Николаю прочитал. Насколько помню, там Гермоген просил Николая Романова, чтобы он не сдавался большевикам и крепко держался, что если большевики будут в Екатеринбурге требовать подписать какое-либо обязательство, то не подписывать, ибо этим закрепостится большевиками Россия. Больше я не помню, что там полагалось.

Затем я пошёл к Гермогену за пакетом. Придя, уже не застал Гермогена, потому что он был арестован за тот крестный ход, который он устроил по городу. Поэтому мне пришлось обратиться к дьякону Демьяну, который мне сказал, что этот пакет находится на горе, недалеко от собора, где живёт мать с дочерью, [620]последним и передан на хранение, ибо у этой семьи всегда прятались все секретные документы и даже скрывался сам Гермоген от обысков и арестов. Придя в этот дом к этой семье, которой ни имя, ни фамилии я не знаю, и сказав, кто я такой и что мне нужен этот пакет, который хранится, она мне его выдала, и я принёс и передал обратно Чемодурову, а то письмо, которое писано Николаем Александровичем Гермогену, я не смог передать из-за его ареста и передал на хранение монашке Аксёновой, кроме этого у ней была оставлена книжка с описанием петергофских фонтанов.

Больше ничего не могу добавить, в чём и расписываюсь.

А. Кирпичников.

Допросил Оперуполномоченный 8-го Отд. [еления]. [621] [622]

Документ № 4

Дополнительные показания Кирпичникова Александра Петровича

31 января 1934 г.

В дополнение к ранее данным мною показаниям в отношении ожерелья (нитка жемчуга) могу добавить следующее: в 1918 году, в конце февраля или в марте месяце в г. Тобольск приезжала фрейлина баронесса Буксгевден, имя-отчество не знаю, и комнатная девушка Николаева, имя-отчества не знаю. Целью приезда обеих их было устроиться в доме Романовых, но отрядом охраны в дом Романовых допущены не были и устроились жить в г. Тобольске на частных квартирах. Буксгевден и Николаева в г. Тобольске жили до тех пор, пока не была увезена семья Романовых в г. Свердловск. Тогда, когда семья Романовых была увезена, а вскоре и расстреляна, Буксгевден и Николаева из Тобольска уехали. За время проживания в г. Тобольске Николаева имела связь через Волкова А. А. с Александрой Фёдоровной и епископом Гермогеном, а что именно за связь, для меня неизвестно, такая же связь через Волкова и фрейлину графиню Гендрикову была и у баронессы Буксгевден.

За этот период проживания в г. Тобольске комнатной девушки Николаевой, я у ней на квартире был два раза, первый раз я её дома не застал, а второй раз мной лично ей был передан небольшой свёрток бумаги, в который мной же было завёрнуто ожерелье (нитка жемчуга).

Сделано мною это дело [было] по поручению Ольги Николаевны, которая мне передала это ожерелье. Больше Николаевой я, как мне помнится, ничего не передавал. Также я припоминаю, что Буксгевден тоже что-то носила, переданное мне дочерями Романовых, а что именно, сказать не могу, так как последние мне [всё это] передавали в завёрнутом виде. Насколько мне известно, Буксгевден уехала за границу, а Николаева, как будто бы, проживает в Ленинграде.

Больше показать ничего не могу.

Записано с моих слов, верно, мною прочитано [в чём] и

расписываюсь.

А. Кирпичников.

Допросил. [623] [624]

Документ № 5

Протокол допроса Кирпичникова Александра Петровича
8 марта 1934 г.

Во изменение к ранее данным показаниям в отношении жемчужного колье могу показать следующее: в своих показаниях я показывал, что жемчуг мной был передан комнатной девице Николаевой. Тогда, когда я был на очной ставке с Николаевой, то убедился, что ошибся в том, что жемчуг мной был передан не Николаевой В. В., а Романовой Анне Павловне. В этом я убеждён, и ещё раз подтверждаю, что действительно свёрток, в котором находился жемчуг, мной лично был передан Романовой А. П. на её квартире, так как я его принёс на её квартиру. Романова А. П. в это время проживала по ул. Свободы на частной квартире.

Больше показать ничего не могу.

Записано с моих слов верно, мне прочитано, в чём и расписываюсь собственноручно.

А. Кирпичников.

Допросил. [625] [626]

Документ № 6

Из характеристики ПП ОГПУ по Уралу на укрывателей ценностей царской семьи

Не ранее января 1934 г. [627]

Сов. секретно

Кирпичников А. П. быв. [ший] личный писец при дворе Николая Романова и в период нахождения царской семьи в Тобольске в ссылке, выполнял роль особо доверенного лица Николая II-го. Непосредственно переданный опечатанный пакет за пятью сургучными печатями от Николая Романова передал на хранение бывшему епископу Гермогену в городе Тобольске, вынес золотую шпагу наследника Алексея и передал на сохранение

бывшему духовнику царской семьи в Тобольске Васильеву Алексею. Дочерью Николая Романова – Ольгой Николаевной было надето на шею очень крупное ожерелье из жемчуга, которое Кирпичников А. П. также вынес из арестного помещения, где находилась царская семья, причём, не отрицая, что ожерелье выносил, заявляет, что не может вспомнить, где оно находится и кому передано на хранение.

Кроме того, несмотря на категорическое запирательство в течение нескольких месяцев о получении от Николая Романова пакета и передачи [его] Гермогену, будучи только уличён в этом прямыми фактами личных (очных. – *Ю. Ж.*) ставок других в[алю]тодержателей, признал, что находится у бывшей монашки в Тобольске Н. П. Козловой. (По выяснению этого обстоятельства и следствия 13/I [19]34 года установлено, что Козлова умерла.)

Агентурные сведения устанавливают сильную боязнь Кирпичниковой Натальи Ивановны за сына Василия Александровича, который может при аресте разболтать все секреты.

Данные следствия определённо устанавливают злостное укрывательство Кирпичниковым ценностей царской семьи. И если к этому присовокупить, что, будучи в Тобольске во время контрреволюционного восстания местной буржуазии в период 1920–1921 г.г. [628]и захвата власти, Кирпичников А. П. являлся активным участником этого восстания, боролся против Советской власти с оружием в руках, сражаясь в окопах (с пикой и ружьём), то со всей очевидностью видна роль Кирпичникова не сдавать царских ценностей большевикам, как ненавистной власти.

Нач. [альник] ЭКО ПП ОГПУ по Уралу Самойлов

Нач. [альник] 8 От. [деления] ЭКО Шумков [629]

Глава 12
Лакей 1-го разряда Франц Антонович Журавский

Родился 5 сентября 1865 года.

Происходил из крестьян д. Цепелин Глазовской волости Пултусского уезда Ломжинской губернии.

Женат. Жена – Мария Ивановна.

Дети:

• Бронислав (род. 20 июля 1898 г.);

• Елена;

• Ванда.

• На военной службе с 3 января 1887 года.

Ефрейтор (май 1890 г.)

По Гофмаршальской Части с 3 октября 1890 года. Лакей 2-го разряда.

Высочайше разрешено принять и носить Золотую малую медаль Эмира Бухарского (16.04.1893 г.).

Всемилостивейше пожалована Серебряная медаль «В память царствования Императора Александра III» (26.02.1896 г.).

Всемилостивейше пожалована Серебряная медаль «В память Священной Коронации Императора Николая II» (26.05.1896 г.).

Высочайше разрешено принять и носить:

• Сиамскую Серебряную медаль (27.03.1898 г.);

• Саксен-Кобург-Готскую Серебряную медаль (1.02.1899 г.). Приказом по Гофмаршальской Части назначен Лакеем 1-го разряда с 14 апреля 1902 года. Высочайше разрешено принять и носить:

• Австро-венгерский орден Франца Иосифа – Серебряный крест с короной «За заслуги» (20.08.1904 г.);

• Гессенскую Серебряную медаль (20.08.1904 г.).

Всемилостивейше пожалована Светло-бронзовая медаль «300 лет Дома Романовых» (21 февраля 1913 г.).

1 августа 1917 года отправился в добровольную ссылку в Тобольск вместе с Царской Семьёй.

Глава 13
Лакей 2-го разряда Григорий Иванович Солодухин

Родился 17 ноября 1877 года.

Женат. Жена – Евдокия Прокофьевна.

Дети:

• Ольга (род. 28 июня 1899 г.);

• Владимир (род. 18 мая 1901 г.).

На службе в Министерстве Императорского Двора и Уделов с 1 июня 1895 года.

Всемилостивейше пожалована Серебряная медаль «В память Священной Коронации Императора Николая II» (26.05.1896 г.).

Высочайше разрешено принять и носить Австро-венгерский орден Франца Иосифа – Серебряный крест с короной «За заслуги» (20.08.1904 г.).

Всемилостивейше пожалована Светло-бронзовая медаль «300 лет Дома Романовых» (21 февраля 1913 г.).

Многократно штрафовался за вычетом из месячного жалования.

1 августа 1917 года отправился в добровольную ссылку в Тобольск вместе с Царской Семьёй.

Глава 14
Лакей Ермолай Дмитриевич Гусев

Родился в 1859 году.

Происходил из крестьян д. Тютнево Яшновской волости Череповецкого уезда Новгородской губернии.

Женат. Жена – Мария Ивановна.

На службе в Министерстве Императорского Двора и Уделов с 1 мая 1905 года.

1 августа 1917 года отправился в добровольную ссылку в Тобольск вместе с Царской Семьёй.

Глава 15
Лакей 3-го разряда Прокопий … Дормидонтов

Происходил из крестьян д. Новоселье Высокоусской волости Гдовского уезда Санкт-Петербургской губернии.

На службе в Министерстве Императорского Двора и Уделов с марта 1903 года.

Записан при телефоне с 1 июня 1903 года.

1 августа 1917 года отправился в добровольную ссылку в Тобольск вместе с Царской Семьёй.

Глава 16
Повар 1-го разряда Дмитрий Максимович Верещагин

Родился 28 октября 1881 года.

Происходил из крестьян д. Семерины Верховской волости Вельского уезда Вологодской губернии.

Женат. Жена – Евгения Николаевна.

Дети:

• Василий (род. 2 марта 1902 г. – ум. 17 марта 1915 г.);

• Михаил (род. 31 августа 1903 г.).

Определён к высочайшему Двору Поварским учеником без содержания с 1 мая 1894 года.

Назначен Поварским учеником 2-го разряда с 1 июня 1891 года.

Назначен Старшим Поварским учеником с 16 января 1903 года.

Приказом по Гофмаршальской Части от 25 августа 1904 года № 52 за неприличное поведение смещён на склад в качестве Мл.

поварского ученика с 1.09.1904 г. впредь до особого распоряжения.

6 декабря 1904 года Приказом по Гофмаршальской Части № 81 восстановлен в должности Старшего поварского ученика.

Назначен Поваром 2-го разряда с 1 февраля 1905 года.

Высочайше разрешено принять и носить:

• Черногорскую Серебряную медаль (29.05.1909 г.);

• Великобританскую Бронзовую медаль (5.02.1911 г.);

• Шведскую Серебряную медаль ордена Вазы (5.02.1911 г.);

• Румынскую медаль II класса «За заслуги» (18.05.1911 г.).

Всемилостивейше пожалована Светло-бронзовая медаль «В память 100-летия Отечественной войны 1812 года» (15.08.1912 г.).

Высочайше разрешено принять и носить Болгарскую Бронзовую медаль с короной «За заслуги» (1.02.1913 г.).

Всемилостивейше пожалована Светло-бронзовая медаль «300 лет Дома Романовых» (21 февраля 1913 г.).

Высочайше разрешено принять и носить Гессенский знак «За заслуги» (15.04.1914 г.).

Назначен Поваром 1-го разряда с 22 марта 1915 года.

Высочайше разрешено принять и носить Сербскую Серебряную медаль с Короной (25.03.1915 г.).

За особые труды по обслуживанию поездок Его Величества в Действующую Армию Всемилостивейше пожалована Серебряная медаль «За усердие» на Станиславской ленте (6.05.1915 г.).

Потомственный Почётный Гражданин с 6 декабря 1915 года.

1 августа 1917 года отправился в добровольную ссылку в Тобольск вместе с Царской Семьёй.

Уволен за упразднением Гофмаршальской Части по постановлению Народного Комиссариата Имуществ Республики от 15 января 1918 года.

Согласно отношению Административного Отдела НКРИ за № 3843 от 4 августа 1918 года назначено постоянное жалование 175 руб. в год.

Глава 17
Повар 1-го разряда Владимир Никитович Кокичев

Родился 4 июля 1879 года.

Происходил из мещан г. Луги Санкт-Петербургской губернии.

Женат. Жена – Елизавета Ивановна.

Дети:

• Аркадий (род. 11 января 1905 г.);

• Валентина (род. 12 января 1906 г.).

Определён к высочайшему Двору Поваренным учеником без содержания с 15 марта 1896 года.

Всемилостивейше пожалована Серебряная медаль «В память Священной Коронации Императора Николая II» (26.05.1896 г.).

Высочайше разрешено принять и носить австро-венгерский Серебряный крест «За заслуги» (3.06.1897 г.).

Приказом по Гофмаршальской Части назначен Поварским учеником 1-го разряда с 1 января 1899 года.

Высочайше разрешено принять и носить:

• Турецкую Серебряную медаль Сенан (6.03.1901 г.);

• Австро-венгерский орден Франца Иосифа – Серебряный крест с короной «За заслуги» (20.08.1904 г.);

• Гессенскую Серебряную медаль (20.08.1904 г.).

Приказом по Гофмаршальской Части назначен Поваром 1-го разряда с 1 апреля 1906 года.

Высочайше разрешено принять и носить:

• Великобританскую Серебряную медаль (15.05.1909 г.);

• Французскую Золотую медаль (27.01.1910 г.);

• Шведскую Золотую медаль ордена Вазы (5.02.1911 г.);

• Гессенский серебряный крест (3.12.1911 г.);

• Итальянскую Золотую медаль (17.12.1912 г.).

Всемилостивейше пожалована Светло-бронзовая медаль «300 лет Дома Романовых» (21 февраля 1913 г.).

В награду отлично-усердной службы Всемилостивейше пожалована Серебряная медаль «За усердие» на Станиславской ленте (6.04.1914 г.).

1 августа 1917 года отправился в добровольную ссылку в Тобольск вместе с Царской Семьёй.

Уволен за упразднением Гофмаршальской Части по постановлению Народного Комиссариата Имуществ Республики от 15 января 1918 года.

Согласно отношению Административного Отдела НКРИ за

№ 3843 от 4 августа 1918 года назначено постоянное жалование 175 руб. в год.

Глава 18
Рабочий при пекарной должности Василий Кузьмич Смирнов

Происходил из крестьян д. Крысуха Макаровской волости Вышневолоцкого уезда Тверской губернии.

Освобождён от военной службы по ст. 54.

Приказом по Гофмаршальской Части от 17 мая 1908 года за № 25 определён к Высочайшему Двору рабочим при пекарной должности с 5 мая 1908 года.

Всемилостивейше пожалована Светло-бронзовая медаль «300 лет Дома Романовых» (21 февраля 1913 г.).

1 августа 1917 года отправился в добровольную ссылку в Тобольск вместе с Царской Семьёй.

Уволен за упразднением Гофмаршальской Части по постановлению Народного Комиссариата Имуществ Республики от 15 января 1918 года.

Согласно отношению Административного Отдела НКРИ за № 4861 от 23 сентября 1918 года назначено единовременное пособие в 60 руб.

Глава 19
Кухонный Служитель Сергей … Михайлов

Женат. Жена – Прасковья Павловна.

Дети:

• Иван (18 февраля 1885 г.);
• Александр (27 августа 1890 г.);
• Иван (27 августа 1890 г.);
• Николай (24 июля 1896 г.);
• Мария (?);
• Екатерина (?).

Приказом по Гофмаршальской Части определён к Высочайшему Двору буфетным чернорабочим.

Всемилостивейше пожалована Серебряная медаль «В память Священной Коронации Императора Николая II» (26.05.1896 г.).

Всемилостивейше пожалована Светло-бронзовая медаль «300 лет Дома Романовых» (21 февраля 1913 г.).

Приказом по Гофмаршальской Части назначен Комнатным Служителем 3-го разряда с 30 декабря 1917 года.

1 августа 1917 года отправился в добровольную ссылку в Тобольск вместе с Царской Семьёй.

Уволен за упразднением Гофмаршальской Части по постановлению Народного Комиссариата Имуществ Республики

от 15 января 1918 года.

Согласно отношению Административного Отдела НКРИ за № 4861 от 23 сентября 1918 года назначено постоянное пособие в 160 руб.

Глава 20
Работник при Винной Кладовой Василий Семёнович Рожков

Родился в 1880 году.

Происходил из крестьян д. Меркучево Новосельской волости Вяземского уезда Смоленской губернии.

Женат. Жена – Ефросинья Ивановна.

Дети:

• Гавриил;

• Евдокия;

• Михаил (род. 1 сентября 1911 года – умер 27 марта 1914 года);

• Антонина (род. 28 мая 1915 года).

Приказом по Гофмаршальской Части от 20 апреля 1907 года за № 27 определён работником при Винной Кладовой с 16 апреля 1907 года.

Высочайше разрешено принять и носить шведскую Серебряную медаль ордена Вазы (5.08.1911 г.).

Всемилостивейше пожалована Светло-бронзовая медаль «300 лет Дома Романовых» (21 февраля 1913 г.).

1 августа 1917 года отправился в добровольную ссылку в Тобольск вместе с Царской Семьёй.

Глава 21
Кухонный рабочий Франциск Станиславович Пюрковский

Родился 8 ноября 1867 года.

Происходил из крестьян Ломжинской губернии Маковского уезда Царства Польского.

Холост.

Определён к Высочайшему Двору Кухонным Рабочим с 16 января 1912 года.

Всемилостивейше пожалована Светло-бронзовая медаль «В память 100-летия Отечественной войны 1812 года» (15.08.1912 г.).

Всемилостивейше пожалована Светло-бронзовая медаль «В память 300-летия Царствования Дома Романовых» (21.02.1913 г.).

1 августа 1917 года отправился в добровольную ссылку в Тобольск вместе с Царской Семьёй.

Глава 22
Кухонный чернорабочий Ермолай … Киселёв

Вдовец. Жена – Мария Александровна (умерла 16 декабря 1911 г.).

Дети:

• Елизавета (род. 16 октября 1872 г.);

• Анна (род. 6 декабря 1885 г.).

Определён к Высочайшему Двору Кухонным Чернорабочим с 6 января 1887 года.

Всемилостивейше пожалована Серебряная медаль «В память царствования Императора Александра III» (26.02.1896 г.).

Всемилостивейше пожалована Серебряная медаль «В память Священной Коронации Императора Николая II» (26.05.1896 г.).

Всемилостивейше пожалована Светло-бронзовая медаль «В память 300-летия Царствования Дома Романовых» (21.02.1913 г.)

1 августа 1917 года отправился в добровольную ссылку в Тобольск вместе с Царской Семьёй.

Уволен за упразднением Гофмаршальской Части по постановлению Народного Комиссариата Имуществ Республики от 15 января 1918 года.

Назначено постоянное пособие в 120 руб. в год.

Умер в 1918 году.

Глава 23
Кухонный чернорабочий Василий … Терехов

Женат. Жена – Анна Ивановна.

Дети:

• Сергей (род. 2 июля 1898 г.);

• Григорий (род. 12 января 1900 г.);

• Иван (род. 2 января 1903 г.).

Определён к Высочайшему Двору Кухонным чернорабочим с 10 августа 1894 года.

Всемилостивейше пожалована Серебряная медаль «В память царствования Императора Александра III» (26.02.1896 г.).

Всемилостивейше пожалована Серебряная медаль «В память Священной Коронации Императора Николая II» (26.05.1896 г.).

Всемилостивейше пожалована Светло-бронзовая медаль «В память 300-летия Царствования Дома Романовых» (21.02.1913 г.).

1 августа 1917 года отправился в добровольную ссылку в Тобольск вместе с Царской Семьёй.

Уволен за упразднением Гофмаршальской Части по постановлению Народного Комиссариата Имуществ Республики от 15 января 1918 года.

Согласно отношению Административного Отдела НКРИ за № 4861 от 23 июня 1918 года назначено постоянное пособие в 60 руб.

Часть IV
Княгиня Елена Петровна и её Крестный Путь в Советской России

Глава 1
Заложница долга и чести

Королевна Сербская Елена Петровна родилась 23 октября (5 ноября) 1884 года в небольшом итальянском городе Фиуме (Риека).

Её отец – Князь Петар Александрович Карагеоргий (р. 1844) – был внуком Карагеоргия Петаровича – основателя Сербского Княжеского Дома Карагеоргиевичей (Караджорджевичей).

Сын сербского крестьянина Георгий Петарович (1768–1817), прозванный турками Георгием «Чёрным» («кара» по-турецки – «чёрный») с 1804 по 1913 г.г. был первым руководителем Сербского национального восстания против Османского ига.

В 1811 году Карагеоргий Петарович (это имя закрепила за ним и народная молва) был соборно провозглашён наследственным «Верховным Сербским Предводителем». Связанный узами кровной дружбы с всегда покровительствующей угнетаемым братским славянским народам Российской Империей и веря в её дальнейшую всестороннюю поддержку в деле миротворчества, Карагеоргий Петарович завещал эту веру и своим Державным потомкам из рода Карагеоргия, которые жили с ней на протяжении многих десятилетий.

С началом второго Сербского национального восстания в 1815 году, во главе которого встал Милош Обренович (Теодорович), – давний недруг Карагеоргия (в 1810 году Карагергий Петрович убил его сводного брата Милоша Обреновича, в память которого Милош Тедорович стал именоваться Милошем Обреновичем), политическая ситуация в стране резко изменилась. Под давлением России Османская Империя согласилась на автономию Сербии во главе с М. Обреновичем, но он повёл при этом совершенно иной политический курс, ориентированный более на Западную Европу и, в частности, на покровительство Австрийской Империи.

На Сербском Княжеском Престоле М. Обренович пробыл до 1839 года, после чего под давлением армии был вынужден отречься, а на престол независимой Сербии вступил Александр I Карагеоргий. Однако его правление было недолгим. Ибо вследствие проигрыша Россией Крымской войны 1853–1856 г.г. и активного противодействия русскому влиянию на Балканах со стороны Великобритании, Франции и Австрийской Империи,

Престол Княжества Сербия на долгие 45 лет перешёл в руки представителей Княжеского Дома Обреновичей, последний представитель которого – Король Александр I Милан Обренович (1876–1903) – трагически погиб от рук заговорщиков.

Поэтому неудивительно, что Князь Петар Александрович Карагеоргий длительное время жил вдали от родины, получив впоследствии даже прозвище «короля в изгнании».

Вместе со своим Державным отцом Князем Александром, низвергнутым с престола в декабре 1858 года, П. А. Карагеоргий был вынужден жить подолгу в Швейцарии, Французской Империи, Королевстве Италия и Княжестве Черногория. Начав своё обучение в Австро-Венгерской Империи, он завершил таковое во Франции, где окончил знаменитую Сен-Сирскую военную школу.

Поступив на службу во Французскую армию, П. А. Карагеоргиевич в чине капитана участвовал во Франко-прусской войне (1870–1871) и за личную храбрость был пожалован орденом Почётного легиона. Следующей военной кампанией, в которой довелось участвовать Князю Петару, стала война славян с католической Австро-Венгерской Империей. В 1875–1976 годах он под именем Петара Марковича принял участие в освободительном восстании Боснии и Герцеговины против Австро-Венгерской Империи, многие годы стремившейся завладеть этими землями.

После жестокого подавления восстания Князь Петар преимущественно жил в Женеве, однако не упускал возможности, чтобы при каждом удобном случае не указать своим недругам на то, что он никогда не отказывался от Сербского Престола.

30 июля (12 августа) 1883 года 39-летний Князь Петар Александрович Карагеоргий венчался с 20-летней Княжной Зоркой Любицей Петрович-Негош (1864–1890), старшей Венценосной дочерью Князя Черногории, будущего Короля Николы I Мирко Петровича-Негоша (1841–1921).

Первые родившиеся двое детей Петара и Зорки Карагергиевичей умерли во младенчестве, поэтому рождённая в октябре 1884 года Елена стала старшей дочерью.

Через три года после рождения Княжны Елены у Княжеской Четы родился сын Георгий (1887–1972), а ещё через год – сын Александр (1888–1934), ставший в 1921 году Королём Королевства сербов, хорватов и словенцев, а в 1929 году Королём Югославии. (9 октября 1934 года во время своего визита в Марсель Король Александр I Кара-георгиевич был убит вместе с сопровождавшим его французским министром иностранных дел Л. Барту членом болгарской боевой террористической

организации Владом Черноземским.)

Здесь надо отметить, что Югославия, в отличие от бывших союзниц России – Франции и Великобритании, была единственной страной, которая отнеслась с должным гостеприимством ко всем представителям Русской эмиграции.

В молодые годы Княгиня Елена часто посещала Россию, поскольку там почти что одновременно обучались два её Венценосных брата: Князь Георгий был воспитанником 2-го Московского Кадетского Императора Николая I корпуса, а Александр в 1904 году окончил Пажеский Его Императорского Величества Корпус.

Кроме того, в России проживали две её родные тётки: родные сёстры Стана (Анастасия) и Милица Николаевны, урождённые Княжны из династии Петрович-Негош, – выпускницы Смольного института благородных девиц. Завершив образование, обе они, почти одновременно, сочетались браком. Милица – в июле 1889 года с Великим Князем Петром Николаевичем, а Стана (Анастасия) – в августе с Герцогом Г. М. Лейхтенбергским. (Впоследствии этот брак распался, и годы спустя Стана, не без участия сестры, вышла замуж за Великого Князя Николая Николаевича-младшего.) Выйдя замуж, они приобрели значительный вес при Высочайшем Дворе и стали весьма близки к Царской Семье. Однако за свою надменность и некую обособленность их прозвали «черногорками» или «чёрными воронами», да и сама Государыня не раз в своём дневнике называла их «чёрными»…

В 1903 году Князь Петар вернул себе Сербский Престол, что в немалой мере способствовало сближению двух Царственных Домов: Романовых и Карагеоргиевичей. А его прорусская ориентация способствовала этому ещё более.

В 1910 году Князь Императорской Крови Иоанн Константинович (старший сын Великого Князя Константина Константиновича) по приглашению Итальянской Королевской Семьи направляется на отдых в Италию, куда отбывает в сопровождении Стюкера – бывшего наставника Королевича Греческого Христофора.

Объяснить же причину такового, кажущегося на первый взгляд странным, приглашения, не составит труда: Король Виктор Эммануил III был женат на Королевне Елене – дочери Короля Черногории Николы I Петровича-Негоша, в гостях у которой в тот момент находилась её племянница – Королевна Сербская Елена Петаровна. И, скорее всего, знакомя последнюю с Князем Иоанном Константиновичем, Королева Елена, как истинный патриот своей маленькой славянской державы, искренне

надеялась на то, что их возможный союз может стать ещё одним звеном в деле укрепления мира на Балканах.

Местом встречи молодых была избрана одна из королевских резиденций – замок Ракониджи. Надежды Королевы Елены оправдались – молодые люди понравились друг другу. И несмотря на то, что Князь Иоанн был почти на два года моложе своей избранницы, это не помешало ему сделать Елене Петаровне предложение руки и сердца, после чего в адрес «Константиновичей» полетела телеграмма, сообщающая об их помолвке.

Свадьба Князя Императорской Крови Иоанна Константиновича Флигель-Адъютанта и Штабс-Ротмистра Лейб-Гвардии Конного полка с Королевной Сербской Еленой Петровной состоялась 21 августа (3 сентября) 1911 года.

На железнодорожной станции «Петергоф» (так назы-ваемой «царской ветке»), куда прибывали почётные гости, в том числе и ближайшие родственники невесты: Сербский Король Пётр I Карагеоргиевич вместе с сыном Александром и принц Пётр Черногорский, был выстроен почётный караул Лейб-Гвардии Измайловского полка. На торжества «по политическим мотивам» не явились только Великий Князь Николай Николаевич-младший и его брат Великий Князь Пётр Николаевич, равно как и их супруги, поскольку не хотели встречаться с сербским королём.

Сама же невеста, как писал в своих воспоминаниях брат порфирородного жениха Князь Гавриил Константинович, была:

> «…как полагалось в русском платье из серебряной парчи, но без традиционной бриллиантовой короны, потому что Иоанчик не был великим князем. (…)
>
> В церкви государь встал, как всегда в Петергофе, у окон, с левой стороны. Мои родители и я стояли справа. Шаферами у Иоанчика были: великие князья Михаил Александрович, Дмитрий Павлович, Сергей Михайлович, Сандро Лейхтенбергский и я; у невесты – сербский наследник Александр, принц Пётр Черногорский и мои братья Константин, Олег и Игорь». [630]

Торжественный обед проходил в турецком зале Стрельненского (Константиновского) дворца, откуда молодые уехали в Павловск, где их также ждала торжественная встреча.

После свадьбы молодые супруги проживали в Павловском дворце, где в 1913 году родился их первенец – сын Всеволод, а в 1915 – дочь Екатерина.

С началом Великой войны 1914–1918 г.г. Князь Иоанн Константинович, равно как и все его братья, ушёл в Действующую

Армию, с гордостью записав в своём дневнике:

> «Мы все пять братьев идём на войну со свои полками. Мне это страшно нравится, так как это показывает, что в трудную минуту Царская Семья держит себя на высоте положения. Пишу и подчёркиваю это, вовсе не желая хвастаться. Мне приятно, мне только радостно, что мы, Константиновичи, все впятером на войне». [631]

Не желала оставаться в стороне и Княгиня Елена Петровна, сумевшая вместе с Великой Княгиней Марией

Павловной-младшей организовать на собственные средства санитарный поезд и вместе с ним отправиться на фронт.

После Февральской смуты и Октябрьского переворота

Княгиня Елена Петровна продолжала жить в Петрограде вместе со своим мужем в принадлежащем её родственникам Мраморном Дворце.

С принятием и опубликованием в петроградской печати («Красная газета» от 26.03.1918 г.) Декрета Совета Комиссаров Петроградской Трудовой Коммуны [632]всем членам бывшей Династии Романовых предписывалось «впредь до особого распоряжения», в самые кратчайшие сроки покинуть Петроград и его окрестности, избрав себе для жительства любой из населённых пунктов в пределах Вятской или Пермской губерний.

На основании этого Декрета все проживающие в Петрограде бывшие члены Российского Императорского Дома должны были в трёхдневный срок явиться в Петроградскую ЧК за получением проходных свидетельств и других документов, необходимых для следования в выбранные населённые пункты, с целью поселения там на постоянное место жительства.

Однако у каждого из членов бывшей Династии, явившихся для получения проездных документов, работники Петроградской ЧК, к их великому удивлению, отбирали подписку о невыезде, после чего отпускали по домам.

А вслед за этим, странным на первый взгляд, обстоятельством, последовал новый Декрет, также предписывающий в течение трех дней (13, 14 и 15 марта 1918 г.) всем членам бывшего Дома Романовых явиться в Комиссию за получением инструкций по высылке из Петрограда.

Местом высылки Князя Иоанна Константиновича определялись (по-прежнему, на выбор) города Вятка или Пермь.

22 марта 1918 года супруги выехали в Вятку, где в относительном покое прожили около месяца, после чего (на основании резолюции 2-го Вятского общегубернского съезда Советов от 19 апреля 1918 г.: «О выселении находящихся в г. Вятке представителей дома Романовых», [633]принятой по инициативе присутствующего на нём Председателя Президиума Исполкома Уральского Областного Совета А. Г. Белобородова), переезжают на жительство в Екатеринбург, где Князь Иоанн Константинович и Княгиня Елена Петровна размещаются в одной из гостиниц. По соседству с ними проживают и братья её мужа: Князь Игорь Константинович, Князь Константин Константинович, а также Князь В. П. Палей.

Находясь в Екатеринбурге, Княгиня Елена Петровна не может не переживать за судьбу оставленных в Петрограде детей. Так, уже 15 мая 1918 года она предпринимает попытку получить разрешение на поездку в Петроград, где на попечении свекрови, Великой Княгини Елизаветы Маврикиевны, проживают её дети.

Для этого она отправляет прошение на имя Сербского посланника доктора М. Сполайковича, который через представителя Сербского правительства в РСФСР доктора М. Шайновича обращается с официальным письмом к Председателю ВЦИК Я. М. Свердлову. [634]Буквально через день, на состоявшемся 1 июня 1918 года заседании Президиума ВЦИК, заслушивается «Отношение делегата Сербского правительства доктора М. Шайновича о ходатайстве дочери Сербского короля Елены Петровны о разрешении переехать из Екатеринбурга в Вологду вместе со своим мужем и детьми». [635]В своём постановлении Президиум ВЦИК отклонил ходатайство Княгини Елены Петровны, мотивируя свой отказ несвоевременностью данного прошения.

18 мая 1918 года сотрудник Уральской Областной Чрезвычайной Комиссии (УОЧК) А. Г. Кабанов доставил в гостиницу, где проживали Князья «Константиновичи», Князь В. П. Палей и Княгиня Елена Петровна Постановление Областного Совета, в котором под личную подпись каждого из них им предписывалось быть готовыми к 9½ часам утра 19 мая 1918 года для отправки на вокзал в сопровождении члена УОЧК. [636]

20 мая 1918 года в сопровождении четырёх сотрудников УОЧК [637]Княгиня Елена Петровна вместе с мужем и другими родственниками, а также их слугами, перевозится в город Алапаевск Верхотурского уезда, где их знакомят под расписку с постановлением Алапаевского Совдепа от 20 мая 1918 года, [638]после чего всех вновь прибывших размещают по разным комнатам (классам) бывшей Напольной школы, [639]в которых поначалу не было какой-либо необходимой для проживания мебели. Поэтому всем им, из-за отсутствия кроватей, первые несколько дней приходилось спать на полу.

Поначалу все «жители школы» имели полную свободу передвижения в черте города и его окрестностях: посещали храм, гуляли в пригороде, а Князь В. П. Палей даже записался в местную библиотеку.

Обустроившись в одной из комнат этого здания и прожив там с мужем некоторое время, Княгиня Елена Петровна, незадолго до случившейся трагедии (убийства алапаевских узников в ночь с 17 на 18 июля 1918 г.), обращается теперь уже в Алапаевский Совдеп с просьбой о выдаче ей разрешения на выезд в Петроград. Запросив по этому вопросу Уральский Областной Совет, Алапаевский Совдеп разрешает ей проезд лишь до Екатеринбурга, куда она и отправляется 18 июня 1918 года.

Прибыв в столицу «Красного Урала» 19 июня 1918 года, она узнаёт, что для принятия окончательного решения по её вопросу

Уральским Областным Советом был сделан запрос в Москву, и для получения ответа центральных властей потребуется некоторое время. Кроме того, она также узнает, что на основании ходатайства Сербского посланника М. Сполайковича Заместитель Наркома Иностранных Дел Л. М. Карахан дал своё разрешение на её проезд из Екатеринбурга в Петроград, о чём соответствующими телеграммами уведомил руководство Уральского Областного Совета и Петроградской Трудовой Коммуны.

Получив необходимые документы Наркоминдела, М. Сполайкович немедленно командирует в Екатеринбург специальный вагон, в котором для сопровождения в пути Королевны Сербской Елены Петровны направляются следующие представители Сербской Миссии:

• Майор Жарко Константинович Мичич – Помощник Военного атташе Сербской Миссии в Москве;

• Фельдфебель Милан Божичич – писарь штаба 1-й Сербской дивизии, состоящий на службе в Сербской Миссии в Москве;

• Рядовой Георг Абрамович – Военнослужащий, состоящий на службе в Сербской Миссии в Москве;

• Сергей Николаевич Смирнов – Секретарь Сербской Миссии в Москве, инженер путей сообщения, Управляющий делами Князя Иоанна Константиновича и Княгини Елены Петровны.

Ожидая Сербскую Миссию, Княгиня Елена Петровна посещает Консульство Великобритании, где знакомится с госпожой Флорой Ивановной Риббул, английской Сестрой Милосердия Военного Времени, оказавшейся в Екатеринбурге в силу обстоятельств.

Между тем, 21 июня 1918 года в помещение Напольной школы явились представители Алапаевского Совдепа, которые объявили проживающим в ней узникам, что из Перми «бежал» Великий Князь Михаил Александрович, ввиду чего за ними всеми будет установлен строгий контроль. С этого дня в их жизни наступили резкие перемены: прогулки были прекращены, доставка провизии была ограничена до крайности, а вдобавок к этому прибавились чуть ли не ежедневно проводимые обыски. Кроме того, отношение к «бывшим великим князьям» со стороны стражи сделалось грубым и резким. А чтобы режим их содержания ещё более походил на тюремный, у всех алапаевских узников были отобраны наличные деньги.

В качестве же дополнительной меры усиления режима выехать из Алапаевска было приказано лакеям Князя Константина Константиновича – Ивану и Князя В. П. Палея – Чеславу Крюковскому. Помимо них была также удалена одна из Крестовых Сестер Великой Княгини Елизаветы Фёдоровны – Екатерина Петровна Янышева. Исключение же составили

камердинер Великого Князя Сергея Михайловича – Фёдор Михайлович Ремез и Крестовая Сестра Варвара Яковлева, категорически отказавшиеся покинуть в трудную минуту близких им людей.

Проезжая через Екатеринбург, некоторые из этих слуг сообщали о случившемся Княгине Елене Петровне, что, в свою очередь, заставляет её пересмотреть прежнее решение и отказаться от поездки в Петроград, поскольку она понимает, что в данной ситуации ей просто необходимо находиться рядом с супругом, чтобы разделить с ним все выпавшие на его долю удары судьбы.

Посему она посещает Председателя Президиума Уральского Областного Совета А. Г. Белобородова и выдаёт ему расписку в том, что её желание вновь воссоединиться со своим мужем является исключительно добровольным и принято без какого-либо нажима со стороны уральских властей. [640]

В ожидании решения по своему вопросу, а также приезда представителей Сербской Миссии, она продолжает оставаться в Екатеринбурге, проживая в так называемой «Атамановской гостинице». [641]

Прибыв в Екатеринбург утром 4 июля 1917 года, С. Н. Смирнов и Ж. К. Мичич направляются к Княгине Елене Петровне, в ходе встречи с которой узнают об изменениях в её планах. Тогда и было решено направить одного из представителей Миссии в Алапаевск в качестве сопровождающего Княгини Елены Петровны, а остальным, дожидаясь его возвращения назад, оформить за это время в Уральском Областном Совете соответствующие документы, необходимые для возвращения в Петроград.

Для решения вопроса о выезде Княгини Елены Петровны в Алапаевск С. Н. Смирнов и Ж. К. Мичич 5 июля 1918 г. посетили А. Г. Белобородова, который, к их немалому удивлению, заявил, что Княгиня Елена Петровна уже как несколько дней самостоятельно выехала туда. Узнав же от С. Н. Смирнова, что Княгиня Елена Петровна до сих пор находится в Екатеринбурге, он попытался изобразить на своём лице немалое удивление. При этом А. Г. Белобородов откровенно врал, говоря, что не получал никакой телеграммы за подписью Л. М. Карахана. И тем не менее, бумага с разрешением на поездку Елены Петровны в Алапаевск была всё же выдана.

В тот же день С. Н. Смирнов пришёл на вокзал для оформления проездных документов, однако добыть их ему так и не удалось, поскольку Комендант станции усомнился в подлинности разрешения, после чего оно было изъято и передано

Военному комиссару ст. «Екатеринбург I». Поводом к этому действию со стороны железнодорожных властей послужило то обстоятельство, что имевшаяся на документе подпись А. Г. Белобородова представляла собой не его личный автограф, а лишь факсимильный оттиск такового.

В первой половине дня 6 июля 1918 года С. Н. Смирнов направился в гостиницу, где проживала Княгиня Елена Петровна, но там её не застал, так как несколькими часами ранее она была приглашена в УОЧК для дачи показаний и препровождена туда членом её коллегии М. А. Медведевым (Кудриным).

Однако вскоре она вернулась и рассказала, что во время произведённого устного допроса, чекисты более интересовались не сколько её персоной, сколько приездом представителей Сербской Миссии, пытаясь выведать у неё «подлинную» их цель приезда в Екатеринбург.

Ближе к середине дня С. Н. Смирнов всё же получил от секретаря А. Г. Белобородова В. В. Мутных новое разрешение, имевшее уже собственноручную подпись Председателя Областного Совета.

В этот же день Княгиня Елена Петровна перебралась из гостиницы в вагон Сербской Миссии, наивно полагая, что там она сможет находиться под защитой дипломатической неприкосновенности её представителей.

Желая иметь у себя документ, отобранный накануне, Княгиня Елена Петровна (имея на руках выданный вновь) посылает С. Н. Смирнова за проездными документами. Однако и новое разрешение Областного Совета было изъято Военным комиссаром станции, который в данном случае даже не пожелал прокомментировать причину происходящего. Ведя себя крайне надменно и несдержанно, он потребовал личной явки Княгини, которая в силу сложившихся обстоятельств была вынуждена подчиниться этой нелепой комиссарской прихоти.

Явившись к нему вместе с майором Ж. К. Мичичем, она в течение более чем семи часов терпела унижения от этого распоясавшегося хама, который, измываясь над ней в самой грубой словесной форме, на протяжении всего времени держал её стоя, так ни разу и не предложив присесть.

7 июля 1918 года С. Н. Смирнов снова был вынужден обратиться в Уральский Областной Совет, где надеялся получить хоть какие-либо объяснения творящемуся произволу. Придя в приёмную к А. Г. Белобородову, С. Н. Смирнов смог переговорить по этому поводу лишь с В. В. Мутных, который с его слов:

«…был не тот, что прежде (…) не глядел в глаза,

отворачивался, что-то мямлил неопределённое, звонил в чека, советовал обратиться к товарищу Гореву (В. М. Горину. – *Ю. Ж.*), ведущему наше дело, и старался успокоить, что всё обойдётся». [642]

Поняв, что от В. В. Мутных ему не удастся добиться каких-либо конкретных объяснений, С. Н. Смирнов был вынужден уйти ни с чем, не получив к тому же никакого нового разрешения.

Около 8 часов вечера вагон Сербской Миссии был окружён местными чекистами и все находящиеся в нём арестованы, посажены на извозчиков и доставлены в УОЧК, располагавшуюся в то время в бывшей «Американской гостинице». [643]Всех прибывших на место пленников около получаса продержали в канцелярии, после чего попросили пройти наверх, где поместили в одном из бывших гостиничных номеров.

Вскоре Княгиня Елена Петровна была переведена в соседнюю комнату, а все оставшиеся лица были подвергнуты самому тщательному обыску, производимому под руководством Члена Коллегии УОЧК Я. М. Юровского, состоявшего на тот момент в должности Коменданта Дома Особого Назначения, где находилась в заточении Царская Семья.

Не избежала личного обыска и Княгиня Елена Петровна, которая также со всей тщательностью была осмотрена одной из женщин, состоящей на службе в ЧК. [644]

Несмотря на то, что всем арестованным не было предъявлено каких-либо обвинений, их продолжали держать под охраной на протяжении семи дней, даже не удосужившись снять и зафиксировать их показания.

Только по истечении недельного срока, прошедшего с момента их задержания, то есть 14 июля 1918 года, член Коллегии УОЧК В. М. Горин допросил и запротоколировал показания всех арестованных (включая и г-жу Ф. И. Риббул, также оказавшуюся на момент ареста в вагоне Сербской Миссии). [645]

На протяжении пяти дней, последовавших после допроса, в жизни арестантов не происходило каких бы то ни было существенных событий. Изменения наступили неожиданно – в 3 часа утра 20 июля 1918 года в дверь комнаты Княгини Елены Петровны постучался Я. М. Юровский и предложил, чтобы она собиралась в путь. Этот же самый приказ был объявлен и остальным представителям миссии. С рассветом все арестованные были доставлены на вокзал и размещены в арестантском вагоне. Вскоре в этот же вагон были доставлены и другие заключённые, ранее содержавшиеся в Тюрьме № 2 (Арестном доме), в числе которых находились ранее добровольно разделившие судьбу

Царской Семьи в изгнании:

• бывшая Личная Фрейлина Е.И.В. Государыни Императрицы Александры Фёдоровны графиня Анастасия Васильевна Гендрикова;

• бывшая Гоф-Лектриса Е.И.В. Государыни Императрицы Александры Фёдоровны Екатерина Адольфовна Шнейдер;

• бывший Камердинер Е.И.В. Государыни Императрицы Александры Фёдоровны Алексей Андреевич Волков.

Простоявший на запасных путях более суток вагон вместе с находившимися в нём людьми [646]наконец-то прицепили к составу, который 21 июля 1918 года был отправлен в Пермь, куда и прибыл 23 июля 1918 года, где все доставленные им арестованные были распределены по двум имеющимся в городе тюрьмам: губернской и пересыльной. [647]

Княгиня Елена Петровна и все представители Сербской Миссии были помещены в Пермскую губернскую тюрьму. Туда же попали и лица из бывшего окружения Царской Семьи, причём обе из перечисленных женщин были помещены в одну камеру с Княгиней Еленой Петровной, с которой и находились неразлучно до 3 сентября 1918 года, то есть до самого последнего дня их жизни.

Следует также отметить, что в момент заточения Княгини Елены Петровны в Пермскую губернскую тюрьму, там уже находились лица из числа бывшего окружения Великого Князя Михаила Александровича, а именно:

• бывший камердинер Великого Князя Михаила Александровича Василий Фёдорович Челышев;

• бывший личный шофёр Великого Князя Михаила Александровича Пётр Яковлевич Борунов;

• а также бывший Начальник Гатчинского железнодорожного жандармского отделения – Полковник Пётр Людвигович Знамеровский, высланный вместе с Вели-ким Князем Михаилом Александровичем и другими лицами (Н. Н. Джонсоном и А. М. Власовым) в Пермь на основании Декрета Совета Народных Комиссаров Р.С.Ф.С.Р. от 9 марта 1918 года.

Все эти люди впоследствии были расстреляны или умерщвлены самым безжалостным способом, за исключением А. А. Волкова, сумевшего совершить дерзкий побег во время следования к месту казни.

25 июля 1918 года Президиум ВЦИК вновь возвращается к проблеме Сербской Миссии, включив в повестку дня «Вопрос об ознакомлении с документами арестованных сербов в Екатеринбурге». Рассмотрев этот вопрос, Президиум поручает одному из своих членов (А. П. Розенгольцу) совместно с

представителями НКИД Р.С.Ф.С.Р. и Следственного Отдела Революционного Военного Трибунала при ВЦИК ознакомиться с документами, изъятыми у представителей Сербской Миссии, с целью дальнейшего ведения следствия по данному делу. [648]

К исходу лета 1918 года расстрелы лиц, содержащихся в Пермской губернской тюрьме, заметно участились, что, конечно же, не могло не отразиться на общем душевном состоянии всех узников, в том числе и Княгини Елены Петровны, с минуты на минуту ожидавшей своего вызова на казнь.

Робкая надежда на спасение появилась лишь после того, как С. Н. Смирнову удалось через одного из надзирателей передать на волю письмо. Адресовав его двоюродной сестре своей жены – Ольге Иосифовне Палтовой (проживающей в то время в Перми), он описал в нём весь трагизм сложившейся ситуации, особо подчеркнув абсолютную безысходность их положения.

Получив письмо, О. И. Палтова сейчас же выехала в Петроград, где встретилась с секретарём Сербского посольства Анастасевичем, оставленным в городе для охраны посольского архива.

Ознакомившись с этой информацией, Анастасевич сумел связаться с атташе Королевского Норвежского Посольства Томасом Кристиансеном, который сразу же начал предпринимать самые энергичные меры по спасению Княгини Елены Петровны и всех представителей Сербской Миссии. В эту же деятельность включилось и Королевское Норвежское Консульство, которому в то время была доверена защита и охрана интересов норвежских, сербских и черногорских подданных, проживающих в пределах Р.С.Ф.С.Р.

Первые положительные сдвиги проявились только к середине октября 1918 года. Так, благодаря активной деятельности Т. Кристиансена, Заместитель Наркома по Иностранным Делам Л. М. Карахан вынужден был дать разрешение на въезд Княгини Елены Петровны и сопровождающих её лиц в Петроград (исключительно для того, чтобы Королевское Норвежское Посольство смогло взять её на поруки), а также обращается с просьбой к руководству ВЧК, чтобы последнее уведомило бы об этом факте сотрудников Пермской Губернской ЧК.

Не успокаиваясь на достигнутом, Т. Кристиансен продолжает рассылать письма в различные инстанции, а также сам лично вступает в переговоры по этому вопросу с различными «красными вельможами».

Так, например, одно их своих ходатайств он передал лично Я. Х. Петерсу, занимавшему в то время пост Заместителя Председателя ВЧК. А, кроме того, он направляет в Пермь

Секретаря своего посольства господина Толлера, которому по прибытии на место стоило немалых сил убедить руководство Пермской Губернской ЧК перевести Княгиню Елену Петровну и сопровождавших её лиц в Москву для передачи их в распоряжение руководства ВЧК.

29 октября 1918 года всех означенных лиц отправили в Москву, где, после разговора с Я. Х. Петерсом, они стали числиться за ВЧК в качестве арестованных. А 2 ноября 1918 года княгиня Елена Петровна была переведена на территорию Московского Кремля, где, продолжая оставаться в качестве арестованной, находилась под личным наблю-дением его Коменданта – бывшего балтийского матроса П. Д. Малькова, поместившего её в подклеть одного из кремлёвских соборов, приспособленных большевиками под тюремную камеру. [649]

Длительное пребывание в нечеловеческих условиях большевистских застенков не могло не оказать своего воздействия на общее и психическое состояние Княгини Елены Петровны. Но, помимо этого, нельзя также не учитывать и тот факт, что за всё время, которое Княгиня Елена Петровна находилась под арестом, она ничего не знала о судьбе своего мужа и близких.

17 ноября 1918 года по предложению коменданта П. Д. Малькова она была освидетельствована врачом-психиатром С. И. Мицкевичем, который констатировал у неё

> «“…психоневроз в стадии тяжёлого психического угнетения…”, не преминув отметить в своём заключении, что “Дальнейшее заключение может ухудшить её психическое состояние и довести до тяжёлой душевной болезни”». [650]

19 ноября 1918 года доведённая до отчаяния женщина обращается с ходатайством на имя Управляющего делами С.Н.К. В. Д. Бонч-Бруевича, в котором, во имя всего человеческого, просит освободить её из заточения и разрешить выехать в Норвегию. [651]С подобными же ходатайствами к властям не прекращает выступать и атташе Т. Кристиансен, который, используя дипломатические каналы, отправляет прошения на имя Я. М. Свердлова (22.11.1918 г.) [652]и В. Д. Бонч-Бруевича (28.11.1918 г.). [653]

Вынужденные считаться с мнением мировой общественности, а также опасаясь нежелательного резонанса со стороны Норвежского и Сербского правительств, кремлевские вельможи, что называется, скрепя сердце дают разрешение на выезд из пределов Р.С.Ф.С.Р. «королевны Елены Сербской».

На состоявшемся 2 декабря 1918 года заседании Президиума В.Ц.И.К. было вынесено Постановление, в соответствии с которым Княгиня Елена Петровна освобождалась из-под стражи и передавалась Королевскому Норвежскому Посольству с целью её беспрепятственного выезда за пределы Р.С.Ф.С.Р. [654]Таким образом, Княгиня Елена Петровна наконец-таки обрела желанную свободу, проведя в общей сложности в заточении немногим менее полугода.

5 декабря 1918 года она пересекла границу Р.С.Ф.С.Р. на Белоостровском пограничном пропускном пункте, навсегда покинув Россию.

Выехав за пределы России, Княгиня Елена Петровна оказалась в Финляндии, откуда ей стоило немалого труда добраться до Швеции, куда в октябре 1918 года сумела отплыть на шведском пароходе «Ингерманланд» её свекровь, увезя с собой из России двух своих детей и двух малолетних детей Княгини Елены Петровны. Забрав детей, Княгиня Елена Петровна уехала к себе на родину в Сербию, откуда, немногим позднее, – во Францию, а затем в Англию, где её дети смогли получить должное образование.

Проживая в Сербии, Княгиня Елена Петровна написала книгу воспоминаний, вышедшую в 1920 году в Белграде на сербском языке.

После того, что с ней произошло, она не желала, чтобы её дети учили русский язык. Поэтому её старший сын – Князь Императорской Крови Всеволод Иоаннович – всю свою жизнь сокрушался по поводу того, что он урождённый русский князь, а не говорит по-русски…

Последние годы жизни Княгиня Елена Петровна проживала в Ницце, где и скончалась 16 октября 1962 года.

Похоронена на городском кладбище.

Глава 2
Документы и документальные материалы, относящиеся к судьбе Княгини Елены Петровны в 1918 году

Документ № 1

ДЕКРЕТ

Март 1918 г.

Совет Комиссаров Петроградской Трудовой Коммуны постановляет:

Членов бывшей династии Романовых – Николая Михайловича Романова, Дмитрия Константиновича Романова и Павла Александровича Романова выслать из Петрограда и его окрестностей впредь до особого распоряжения с правом свободного выбора места жительства в пределах Вологодской, Вятской и Пермской губ.

Сергея Михайловича Романова, Гавриила Константиновича Романова, Иоанна Константиновича Романова, Константина Константиновича Романова, Игоря Константиновича Романова и Владимира Павловича Палей – выслать из тех же местностей впредь до особого распоряжения с правом свободного выбора места жительства в пределах Вятской и Пермской губ.

Все вышепоименованные лица обязаны в трёхдневный срок со дня опубликования настоящего постановления явиться в Чрезвычайную Комиссию по борьбе с контрреволюцией и спекуляцией (Гороховая, 2) за получением проходных свидетельств в выбранные ими пункты постоянного местожительства и выехать по назначению в срок, назначенный Чрезвычайной Комиссией по борьбе с контрреволюцией и спекуляцией.

Перемена выбранного местожительства допускается с разрешения соответствующих Советов Раб., Солд. и Крест. Депутатов.

Председатель Петроградской Трудовой Коммуны Г. Зиновьев.

Комиссар Внутренних Дел М. Урицкий.

Управляющий делами С. Гусев. [655]

Документ № 2

ТЕЛЕГРАММА

27 АПРЕЛЯ 1918 Г.

ИЗ ВЯТКИ.

28 АПРЕЛЯ [ПО] ПОСТАНОВЛЕНИЮ ГУБЕРНСКОГО СЪЕЗДА ВЫСЫЛАЮТСЯ [В] ЕКАТЕРИНБУРГ БЫВШИЕ КНЯЗЬЯ РОМАНОВЫ В ЧИСЛЕ ШЕСТИ ЧЕЛОВЕК, ПРИСЛУГИ ТРИ ЧЕЛОВЕКА. № 64

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ [ВЯТСКОГО] ГУБИСПОЛКОМА ЧИРКОВ [656]

Документ № 3

ТЕЛЕГРАММА

14 МАЯ 1918 Г.

[ИЗ] ЕКАТЕРИНБУРГА.

ВЫСЛАННЫЕ [ИЗ] ЕКАТЕРИНБУРГА ВЕЛИКИЕ КНЯЗЬЯ ХЛОПОЧУТ [ОБ] ОСТАВЛЕНИИ [В] ЕКАТЕРИНБУРГЕ, ЭТО [ПО] МНЕНИЕ [657]ОБЛСОВЕТА НЕВОЗМОЖНО. МЫ ПОСТАНОВИЛИ ВЫСЕЛЕНИЕ ИХ [В] АЛАПАЕВСК ВЕРХОТУРСКОГО УЕЗДА. № 3008 Н.

ПРЕДОБЛСОВЕТА БЕЛОБОРОДОВ [658]

Документ № 4

ТЕЛЕГРАММА

18 МАЯ 1918 Г.

ПОСТАНОВЛЕНИЕМ [УРАЛЬСКОГО] ОБЛСОВЕТА ВЫСЫЛАЮТСЯ [В] АЛАПАЕВСК БЫВШИЕ ВЕЛИКИЕ КНЯЗЬЯ. ПРИМИТЕ ИХ ПРЕДСТАВИТЕЛЯ ЧРЕЗВЫЧАЙНОЙ КОМИССИИ БУЛАЧЁВА. НАХОЖДЕНИЕ ИХ [В] АЛАПАЕВСКЕ [НА] ВАШЕЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ.

ПРЕДОБЛСОВЕТА БЕЛОБОРОДОВ [659]

Документ № 5

Предписание Президиума Исполкома Уральского Областного

Совета «бывшим великим князьям», отправляемым в Алапаевск

Постановление ОБЛАСТНОГО СОВЕТА НАМ ОБЪЯВЛЕНО и мы нижеподписавшиеся обязуемся быть готовыми к 9½ часам утра для отправки на вокзал в сопровождении члена УРАЛЬСКОЙ ОБЛАСТНОЙ ЧРЕЗВЫЧАЙНОЙ КОМИССИИ

19 мая 1918 года.

Елизавета Фёдоровна

Настоятельница Марфо-Маринской Обители Милосердия

Князь Иоанн Константинович

Княгиня Елена Петровна

Князь Игорь Константинович

Князь Владимир Палей

Сергей Михайлович Романов [660]

Документ № 6

Постановление Алапаевского Совдепа о содержании Князей Романовых.

Постановление

1918 года 20 мая [Алапаевского] Исполнительного Комитета, заслушав докладчика тов. Булычёва о содержании бывших князей постановил:

В виду неполучения инструкции от [Уральского] областного Совета впредь до рассмотрения названного вопроса в местном Совдепе разместить бывших князей в здании Народного училища 3-го начального с приставлением внутренней и наружной охраны, о чём и объявить названным гражданам.

Право свободного посещения города до 8 часов вечера.

Члены: Г. Абрамов, Е. Соловьёв, П. Останин.

Сергей Михайлович Романов

Елизавета Фёдоровна, Настоятельница Марфо-Маришнской Обители Милосердия

Иоанн Константинович Романов

Константин Константинович Романов

Елена Петровна Романова

Князь Игорь Константинович

Князь Владимир Палей [661]

Документ № 7

Ходатайство представителя Сербского правительства доктора М. Шайновича на имя Председателя ВЦИК Я. М. Свердлова от 30.05.1918 г.

30 мая 1918 г.

Милостивый Государь!

От имени посланника Сербии г[осподина] д[октора] М. Спалайковича, имею честь обратиться через Ваше посредство с покорнейшей просьбою к Советской власти, не отказать в выдаче надлежащего распоряжения, чтобы дочь Сербского Короля Елена Петровна вместе со своим мужем Иоанном Константиновичем и детьми могла переменить место своего пребывания (Екатеринбург) и чтобы в будущем могла постоянно жить вместе с семьёй господина Спалайковича (в данное время в Вологде), так как это желание их старого родителя.

Принимая во внимание, что Елена Петровна дочь Сербского Короля, посланник Сербии г[осподин] Спалайкович надеется, что Советская власть пойдёт навстречу этой просьбе.

С совершенным почтением д[октор] Минаач Шайнович. [662]

Документ № 8

ПРОТОКОЛ № 28

заседания Президиума ВЦИК от 1 июня 1918 г.

Присутствуют: Свердлов, Аванесов, Теодорович,

Владимирский и Голубовский.

Заседание открывается в 6 часов вечера. (…)

Слушали: 8. Отношение делегата Сербского правительства доктора Шайновича о ходатайстве дочери Сербского Короля Елены Петровны о разрешении переехать из Екатеринбурга в Вологду вместе со своим мужем Иоанном Константиновичем и детьми.

(Отношение от 30 мая)

Постановлено: В виду того, что постановку на обсуждение вопрос о перемене местопребывания всех бывших великих князей – Президиум считает несвоевременной, ходатайство доктора Шайновича впредь до разрешения общего вопроса – не рассматривать.

Председатель ВЦИК Я. М. Свердлов.

Секретарь ВЦИК В. Аванесов. [663]

Документ № 9

Расписка Княгини Елены Петровны, выданная Председателю Президиума Исполкома Уральского Областного Совета А. Г. Белобородову

Я, гражданка Королевства Сербского Елена Петровна, по мужу Романова, желая разделить тюремный режим мужа, добровольно возвращаюсь в Алапаевск, где обязуюсь переносить тот режим, принимая на себя все расходы по своему содержанию.

Я обязуюсь не обращаться к защите иностранных посольств, а если таковые сделают шаги в мою пользу, я отказываюсь воспользоваться результатами этих шагов.

Елена Петровна Романова, Королевна Сербская. [664]

Документ № 10

ТЕЛЕГРАММА

22 ИЮНЯ 1918 Г.

ИЗ ЕКАТЕРИНБУРГА.

3 АДРЕСА: МОСКВА ЧРЕЗВЫЧАЙНАЯ КОМИССИЯ ДЗЕРЖИНСКОМУ.

СОВНАРКОМ, ВЫСЛАННАЯ БОНЧ-БРУЕВИЧУ,

ПРЕДСЕДАТЕЛЮ [В]ЦИК СВЕРДЛОВУ.

ЕЛИЗАВЕТА ФЁДОРОВНА ПЕРЕВЕДЕНА В АЛАПАЕВСК. ПОСЛЕ ПОБЕГА МИХАИЛА РОМАНОВА [В] АЛАПАЕВСКЕ НАШИМ РАСПОРЯЖЕНИЕМ [ПО] ОТНОШЕНИЮ ВСЕХ СОДЕРЖАЩИХСЯ ЛИЦ РОМАНОВСКОГО ДОМА ВВЕДЁН ТЮРЕМНЫЙ РЕЖИМ. 4263.

ПРЕДОБЛСОВЕТА БЕЛОБОРОДОВ [665]

Документ № 11

Письмо Сербского Посланника в России М. И. Сполайковича на имя Председателя Петроградской Трудовой Коммуны Г. З. Зиновьева от 28 июня 1918 г.

(…)

«Согласно моего ходатайства Совет Народных Комиссаров разрешил дочери Сербского короля княгине Елене Петровне приехать в Петроград из Екатеринбурга, куда я командирую за ней вагон. В виду предстоящего её прибытия, я покорнейше прошу Иностранный отдел Юрисконсульской части Петроградской Коммуны дать распоряжение полномочному комиссару над имуществом Советской Республики гр. Киммелю об отсрочке до прибытия княгини Елены Петровны выселения из Мраморного дворца детей её Королевского Высочества, а равно и их бабушки Елизаветы Маврикиевны, при которой они живут. Приезд княгини Елены Петровны я ожидаю уже недели через три и я уверен, что со стороны Петроградской Коммуны не встретится препятствий к удовлетворению сего моего ходатайства…» [666]

Документ № 12

ТЕЛЕГРАММА

5 ИЮЛЯ 1918 Г.

ИЗ ЕКАТЕРИНБУРГА.

2 АДРЕСА: МОСКВА КАРАХАН, КОПИЯ СВЕРДЛОВУ.

СРОЧНО ТЕЛЕГРАФИРУЙТЕ ДАВАЛИ ЛИ ВЫ РАСПОРЯЖЕНИЕ СПОЛАЙКОВИЧУ [НА] ПЕРЕВОД ЕЛЕНЕ ПЕТРОВНЕ РОМАНОВОЙ [В] ПЕТРОГРАД ИЗ ЕКАТЕРИНБУРГА. ОТВЕЧАЙТЕ [В] ЕКАТЕРИНБУРГ [В] ОБЛСОВЕТ.

ПРЕДОБЛСОВЕТА БЕЛОБОРОДОВ. [667]

Документ № 13

ТЕЛЕГРАММА

9 ИЮЛЯ 1918 Г.

ИЗ ЕКАТЕРИНБУРГА.

ВАША [№] 574, ПРИЕХАВШИЕ СЮДА МАЙОР МИШИШ [668]И УПРАВЛЯЮЩИЙ ДЕЛАМИ [КНЯГИНИ] ЕЛЕНЫ ПЕТРОВНЫ – СМИРНОВ, ИМЕЮЩИЕ ДОКУМЕНТЫ, ПОДПИСАННЫЕ СПОЛАЙКОВИЧЕМ, НАМИ АРЕСТОВАНЫ: ОБВИНЕНИЕ – ВВЕСТИ [В] ЗАБЛУЖДЕНИЕ СОВЕТСКИЕ ОРГАНИЗАЦИИ. КУДА ИХ ОТПРАВИТЬ? [№] 4650.

ПРЕДОБЛСОВЕТА БЕЛОБОРОДОВ.

На телеграфном бланке имеются пометы.

«Екатеринбург. Облсовет. Белобородову. Арестованных держать до особого извещения. Документы немедленно выслать [во] ВЦИК. В. А. Аванесов.

«Исполнено». [669]

Документ № 14

ПРОТОКОЛ

14 июля 1918 года член Уральской Областной Чрезвычайной Комиссии опросил гражданку Елену Петровну Романову, сербскую подданную, которая показала следующее:

Со дня переворота я с мужем и другими его родственниками жили в Петрограде. В марте 1918 года, нам предложили выехать из Петрограда и место жительства предоставили нам выбрать самим – Вятка или Пермь. Мы 23 марта выехали в Вятку, где пробыли лишь месяц, после чего Вятский Совет предложил нам направиться в Екатеринбург. Прожив до 5 мая в Екатеринбурге, мы были отправлены (в количестве семи человек) Облсоветом в Алапаевск. В Алапаевске жили совершенно свободно, недавно, приблизительно месяц тому назад, всем нам предложили не выходить из отведённого нам дома и поставили к нему стражу.

5 июня я выехала из Алапаевска с разрешения Совета, чтобы посетить своих детей, которые находятся в Петрограде. Прибыв в Екатеринбург, получила известия, что за мной послана Сербская Миссия и я решила её дождаться, миссия прибыла в Екатеринбург 3 июля. Между тем, получилось известие, что Михаил Романов бежал из Перми, и в связи с этим я узнала, что мой муж и родственники заключены в тюрьму. Тогда я решила не ездить в Петроград и возвратиться в Алапаевск, чтобы разделить с мужем заключение. С помощью майора Мичич мне удалось выхлопотать

разрешение на проезд в Алапаевск английской сестры милосердия и фельдфебеля Божичич. Сама я дала в Облсовет подписку, что добровольно разделяю с мужем заключение. Выехать в назначенный день мы не успели, так как Комиссар юстиции усомнился в правильности документов и не пропустил нас. На другой день, мы все, находившиеся в вагоне Сербской Миссии, были задержаны и препровождены в Американские номера.

С английской сестрой, которая собиралась ехать вместе со мной, я познакомилась недавно у Английского Консула, когда заходила к нему сдать на хранение некоторые из драгоценностей.

Насколько я выяснила из разговора с ней, она путешествует уже давно: была в разных странах и государствах. Теперь направляется во Владивосток, чтобы ехать на родину. До сих пор она работала на Киевском фронте. Фамилия её Рибуль. Поехать со мной она хотела просто из любезности.

Гр. Смирнов был управляющим моими делами.

Подпись: Елена Петровна Романова, Королева [670]*Сербская.* [671]

Документ № 15

ПРОТОКОЛ

14 июля 1918 г. Член Областной Чрезвычайной Комиссии по борьбе с контр-революцией и спекуляцией Горин опросил: Гражданина майора Мирко [672]Мичич, сербского подданного, помощника военного атташе Сербской Миссии в Москве, который показал следующее:

В Россию я приехал в начале 1916 года вместе с другими офицерами и солдатами и находился в Сербской армии в Одессе до конца мая 1916 г., когда был назначен помощником военного агента при штабе Верховного Главнокомандующего в Могилёве, где и находился до 28 января 1918 г. 28 января я уехал в Петроград вместе с другими иностранными агентами. Здесь я явился в Посольство, в котором находился до 16 февраля 1918 г., после чего поехал с нашей колонной в Саратов, чтобы догнать наши эшелоны, выехавшие из Одессы. Из Самары я поехал в Москву, где и находился безвыездно до 5 июня, когда уехал по распоряжению нашего главноуполномоченного в Петроград для перевозки вещей Романовой из Мраморного дворца на частную квартиру. Вещи эти перевезти нам не удалось, ввиду того, что

было получено разрешение на переезд самой Романовой в Петроград. Приехавший спустя несколько дней. гр. Сполайкович командировал меня в Екатеринбург для сопровождения Елены Петровны Романовой до Петрограда. Советских документов на право проезда у меня с собой не имеется, потому что их должен был окончательно выхлопотать Посланник, снесясь с Москвой. Прибыв в Екатеринбург, мы явились в Областной Совет и выхлопотали у тов. Белобородова разрешение на проезд вместе с Романовой унтер-офицеру Божичич. Сами же мы предполагали дождаться его в Екатеринбурге, а затем ехать обратно в Петроград (Елена Романова решила остаться в Алапаевске). С английской сестрой раньше я знаком не был. В вагоне она у нас была один раз и ночевала. Зачем сестра милосердия находится здесь, я не знаю. Гр. Смирнов в Миссии (дипломатической) находится два года, насколько мне известно. Знаю, что Смирнов был в Сербии, но где он там служил, я не знаю. Знаком я с ним очень недавно.

Подпись: Жарко Мичич.

Допрос снимал Член Чрезв. [ычайной] Комис. [сии] Горин. [673]

Документ № 16

ПРОТОКОЛ

14 июля 1918 г. Член Уральской Областной Чрезвычайной Комиссии по борьбе с контр-революцией и спекуляцией Горин опросил гражданина Божичич Милана, сербского подданного, фельдфебеля штаба 1-й Сербской дивизии, состоящего на службе в Сербской Миссии в Москве, который показал следующее:

В Россию я приехал в 1916 году, в тот момент, когда формировались в Одессе наши 1-я и 2-я дивизии, вместе с другими сербскими солдатами и офицерами. В штабе 1-й дивизии я и состоял на службе до 28 января 1917 года в качестве писаря. А затем был переведён в штаб, находившийся в Одессе. 18 января 1918 г. я вместе со всем штабом выехал из Одессы во Владивосток, но, не будучи в состоянии проехать на восток дальше Челябинска, наши эшелоны изменили путь и поехали на Архангельск. В Вологде я был оставлен и прикомандирован к Сербской Миссии в Москве.

В Миссии я служил в качестве писаря. Жил неотлучно в

Москве до 5 июня, когда мы, Мирко [674]Мичич, Сергей Смирнов, Георг Аврамович [675]и я выехали по приказанию Начальника Миссии полковника Лондкевича [676]в Петроград по делам службы. Цель нашей поездки в Петроград, как нам говорил Посланник Сполайкович, заключалась в том, чтобы перевезти вещи, принадлежавшие Романовой Елене Петровне, из Мраморного дворца на частную квартиру. Но через два дня вслед за нами в Петроград прибыл Сполайкович, который запретил нам перевозить вещи и командировал в Екатеринбург, чтобы сопровождать Елену Петровну до Петрограда. В Екатеринбург мы прибыли 3 июля, и майор Мичич обращался в Облсовет за разрешением проехать в Алапаевск, которое он и получил от тов. Белобородова. В воскресенье 6 июля мы были задержаны по неизвестным причинам и препровождены в Американские номера.

Гр. Смирнова я знаю уже 10 лет – он жил в Белграде и работал в Министерстве Путей Сообщения.

Английскую сестру, которая находится вместе с нами в Американских номерах, я раньше никогда не видел. Во время стоянки на вокзале Екатеринбург I она посещала нас два раза. Насколько мне известно, Елена Петровна Романова выхлопотала ей в Облсовете разрешение на поездку вместе с нею до Алапаевска и обратно.

Подпись: Милан Божичич.

Допрос снимал Член Чрезвычайной Комиссии В. Горин. [677]

Документ № 17

ДОПРОС

английской сестры милосердия г-жи Риббул

Имя – Флора
Отчество – Ивановна
Фамилия – Риббул.

На допросе г-жа Риббул показала:

С Е. П. Романовой она встретилась впервые около недели назад. До тех пор её не видала. Увидела её у Великобританского Консула. Придя к Консулу, она встретилась с Романовой,

разговаривала, но не знала, с кем говорит. Увидав, что Риббул сестра милосердия, Романова сказала, что нуждается в уходе из-за сердечной болезни, и предложила ей сопровождать её до Алапаевска. Г-жа Риббул согласилась. Так как нужно было получить разрешение на выезд из Екатеринбурга, то она обратилась к Консулу, и он помог ей достать в Комиссариате Управления разрешение на выезд, с тем, что немедленно по приезде в Алапаевск она вернётся обратно в Екатеринбург. Консул же потребовал, чтобы по возвращении из Алапаевска она явилась бы немедленно в Комиссариат Управления. В это время она узнала, что её спутница Е. П. Романова. Условились с Романовой ехать в субботу. Днём, в 4 часа в субботу она явилась в вагон и там не застала Романовой. Из переговоров с проводником при помощи жестикуляций она узнала, что ей нужно идти в Американский отель. Там её арестовали и препроводили к Романовой. Она жила в Екатеринбурге недель семь и хотела устроиться на службу или в Екатеринбурге, или хотела ехать в Омск, или же через Владивосток на родину. На фронт она не просилась. В политику она не замешана и считает нужным помогать всем врагам и своим.

Раньше она работала в Кеновском [678]фронте сестрой милосердия среди русских войск. Когда они отступили, то она уехала в Киев, но так как там не было работы, то она хотела уехать домой и только дожидалась денег от Англ. [ийского] Правительства. Из Киева она поехала в Москву и приехала туда в январе, Работала там в разных частных больницах и жила там до апреля. Из Москвы она поехала с великобр. [итанскими] подданными во Владивосток. Но в Тюмени она захворала и была оставлена там англичанами, потом там у неё не хватило денег, вернулась в Екатеринбург.

Допрос снимали Члены Следственной Комиссии (две подписи)

Переводчики (две подписи)

Подпись г-жи Риббул. [679]

Документ № 18

ПРОТОКОЛ

Заседания Президиума ВЦИК от 25 июля 1918 г.

(…)

Слушали: 10. Вопрос об ознакомлении с документами арестованных сербов в Екатеринбурге.

Постановлено: Поручить тов. Розенгольцу, совместно с представителями Комис[сариата] Иностр. [анных] Дел и Следствен[ным] отдел[ом] Революционного Трибунала при ВЦИК ознакомиться с документами арестованных сербов на предмет заключения дальнейшего ведения следствия по делу. Председателем комиссии назначить тов. Розенгольца. [680]

Документ № 19

Отношение Наркомата Иностранных Дел Р.С.Ф.С.Р. в ВЧК

14 октября 1918 г.

Народный Комиссар по Иностранным Делам просит Вас срочно сообщить Чрезвычайной Комиссии в Петрограде, что Народным Комиссариатом [Иностранных Дел] разрешён въезд в Петроград из Перми Сербской Королевне Елене Петровне с сопровождающими.

Заместитель Народного Комиссара Л. Карахан.

Секретарь Канцелярии Н. Альшванг. [681]

Документ № 20

Выписка из медицинского заключения врача-психиатра С. И. Мицкевича от 17.11. 1918 г.

17 ноября мною была освидетельствована, по словесному предложению Коменданта Кремля т. Малькова, Елена Петровна Романова (Сербская) со стороны её психического состояния. Мною констатирован у неё психоневроз в стадии тяжёлого психического угнетения (…) с приступами острой тоски, с мыслями о самоубийстве. (…) Дальнейшее заключение может ухудшить её психическое состояние и довести до тяжёлой душевной болезни. [682]

Документ № 21

Ходатайство Княгини Елены Петровны на имя Управляющего делами Совета Народных Комиссаров Р.С.Ф.С.Р. В. Д. Бонч-Бруевича

19 ноября 1918 года

Убедительно прошу Вас заняться делом моего освобождения.

Как мать, прошу Вас принять участие в тяжёлом моём положении. Я страдаю от разлуки с детьми более, чем можно вынести. Я совершенно невинно осуждена на заключение, и во имя человечества (человеколюбия. – *Ю. Ж.*) прошу меня освободить.

Измученная и больная, прошу Вас обратиться к Совнаркому с просьбой мне разрешить выехать в Норвегию, где сейчас мои дети. С ними я разлучена 8 месяцев и эта разлука меня убивает. Ради памяти Вашей покойной жены, которая сделала столько добра многим матерям, не откажите и Вы помочь совсем несчастной матери.

Королевна Елена Сербская [683]

Документ № 22

Ходатайство Атташе Норвежского посольства Т. Кристенсена на имя Председателя ВЦИК Я. М. Свердлова

22 ноября 1918 г.

Милостивый Государь!

В дополнение к моему разговору с Вами относительно принцессы Елены Петровны, позволю себе, по нашему соглашению, изложить Вам это дело письменно.

Весною с[его] г[ода] принцесса Елена покинула Петроград для сопровождения своего супруга, когда все Романовы были высланы в Екатеринбург. Она покинула Петроград по собственному своему желанию и оставалась в маленьком селе около Екатеринбурга на свободе. Через некоторое время она отправилась в Петроград для свидания со своими детьми. Проездом через Екатеринбург, она была здесь арестована местными властями и отвезена в Пермь.

В Перми принцесса Елена содержалась в тюрьме около 4 месяцев, без всякой с её стороны вины, и подвергалась весьма плохому обращению. В тюрьме она содержалась вместе с обыкновенными убийцами и ворами. Благодаря этому её здоровье очень расшаталось. Врач Кремля может Вам удостоверить, что королевна Елена в настоящее время страдает расширением сердца и что каждый день заключения для неё вреден и опасен.

Условия, в которых в настоящее время живёт принцесса Елена в Кремле, сами по себе, не дают мне повода для протеста, но вопрос заключается в психологическом воздействии на неё потери свободы и чувства одиночества, в особенности принцесса

Елена страдает от отделения её от детей, которые в настоящее время находятся в Христиании вместе с её свекровью, которая тоже была замужем за одним из Романовых и которая урождённая германская принцесса. Я не вижу никакой причины, почему с принцессой Еленой иначе обращаются, чем с её свекровью, и почему продолжают отделять её от детей.

Ввиду вышесказанного, я убедительно прошу Вас сделать всё возможное для ускорения освобождения королевны Елены Петровны и для разрешения ей выезда за границу. Если данный вопрос не может быть разрешён в окончательной форме сейчас же, то было бы весьма желательно, чтобы принцессе Елене разрешили переехать из Кремля в помещение Норвежского посольства, чтобы она могла пользоваться личной свободой. В этом случае Норвежское правительство гарантирует, что принцесса Елена не покинет Москвы без разрешения Русского правительства.

Я уверен, что если Вы быстро разрешите данный вопрос и пойдёте нам навстречу в этом деле, то окажете справедливость невинно страдающему человеку и приобретёте искреннюю благодарность моего правительства.

Примите, Милостивый Государь, уверения совершенного моего к Вам уважения.

Томас Кристенсен

Атташе Норвежского Посольства. [684]

Документ № 23

Ходатайство Атташе Норвежского посольства Т. Кристенсена на имя Управляющего делами Совета Народных Комиссаров Р.С.Ф.С.Р. В. Д. Бонч-Бруевича

Перевод.

28 ноября 1918 г.

М[илостивый] Г[о сударь].

Согласно вчерашнего разговора, сообщаю Вам письменно всё касающееся арестованной Сербской великой княгини Елены:

Великая княгиня Елена единственная дочь Сербского короля родилась в Рижеце в Черногории в 1884 году и вышла замуж за великого князя Ивана Константиновича из дома Романовых.

Весною нынешнего года, когда мужчины из дома Романовых принуждены были оставить Петроград, великая княгиня Елена последовала за своим мужем в деревню около Екатеринбурга. Она

оставила Петроград добровольно и всё время была на свободе.

Летом она оставила своего мужа, чтобы ехать в Петроград повидаться с детьми, и была арестована при проезде через Екатеринбург. Из Екатеринбурга она была перевезена под стражей в Пермь, где несколько месяцев просидела в тюрьме в очень плохих условиях с ворами и убийцами.

Только через несколько месяцев Норвежское посольство узнало об этом и несколько раз обращалось в Комиссариат иностранных дел, прося его освободить великую княгиню и дозволить ей поехать в Петербург: наконец 14 октября, благодаря моему личному вмешательству, Комиссариат иностранных дел разрешил ей отправиться в Петроград на свободу, на поруки Норвежского посольства. Комиссариат иностранных дел просил Чрезвычайную Комиссию в Москве уведомить об этом Комиссию в Перми. Комиссариат иностранных дел написал письмо прямо в Комиссию в Пермь через секретаря Норвежского консульства г[осподина] Толлера. Одно из писем в Чрезвычайную Комиссию я лично передал г[осподину] Петерсу, другое я переслал в Чрезвычайную Комиссию здесь, через моего курьера, который получил расписку.

Однако, когда г[осподин] Толлер приехал в Пермь, местный комиссар Чрезвычайной Комиссии отказался освободить великую княгиню, ссылаясь на то, что не получено приказа от Чрезвычайной Комиссии в Москве и что письмо от Комиссариата иностранных дел не имеет никакого значения; через несколько дней г[осподину] Толлеру удалось убедить Пермскую Чрезвычайную Комиссию отправить её в Московскую Чрезвычайную Комиссию. Он был уверен, что Комиссариат иностранных дел освободит её немедленно по прибытии в Москву, как было обещано.

Несмотря на это великая княгиня уже три недели сидит в Кремле и заместитель Народного комиссара по иностранным делам г[осподин] Карахан обещал мне несколько раз, что она будет освобождена и что ей будет разрешение покинуть Россию. В добавление к вышесказанному, я обращаю Ваше специальное внимание на следующее: согласно обещания Комиссариата иностранных дел Норвежское посольство уведомило Норвежское правительство, что великая княгиня Елена будет освобождена. Норвежское правительство сообщило об этом Сербскому правительству.

Скажу Вам откровенно, что, по моему мнению, теперь это вопрос чести для русского правительства освободить великую княгиню немедленно, как было обещано.

Её освобождение будет актом справедливости. Великая

княгиня Елена ни в чём невиновна, лишена свободы и разлучена со своими детьми уже полгода. Её здоровье сильно пострадало от тюремной жизни в Перми и я боюсь, что даже хорошие условия Кремля не могут возместить ей утрату свободы и разлуки с её детьми.

Дети великой княгини находятся в настоящее время в Христиании вместе со свекровью, которая тоже замужем за Романовым, а по рождению германская великая княгиня. Мне кажется несправедливым, что с великой княгиней Еленой поступают иначе, чем с её свекровью, которую русские власти легко выпустили из страны.

Я считаю это дело большой принципиальности и так как я знаю, что моё правительство особенно заинтересовано в освобождении великой княгини Елены, то я был бы Вам очень обязан, если бы Вы показали это письмо Председателю Совета Народных Комиссаров г[осподину] Ленину и если бы с ним мог потом увидаться.

Мне хотелось бы получить ответ с известием об освобождении великой княгини по возможности скоро. Надеюсь, что Вы примете во внимание, что Норвежское посольство уже давно ожидает приведения в исполнение обязательств, которые были даны русскими властями.

С почтением Томас Христиансен [685] *(подпись)*

Атташе Королевского Норвежского посольства. [686]

Документ № 24

ВЫПИСКА

из Протокола № 6 заседания Президиума ВЦИК от 2 декабря 1918 г.

Слушали: Отношение об освобождении королевны Елены Сербской. (Отношение Норвежского посольства в Москве от 22 ноября 1918 г.)

Постановили: Королевну Елену Сербскую освободить, передать её Норвежскому посольству и не препятствовать её выезду из пределов Р.С.Ф.С.Р.

Председатель ВЦИК Я. Свердлов

Секретарь ВЦИК А. Енукидзе

КРУГЛАЯ ПЕЧАТЬ ВЦИК

На подлиннике документа имеется оттиск мастичного штампа квадратной формы с надписью:

«Явлен в Белоострове при отъезде 5 декабря 1918 г.

Начальник Белоостровского Пограничного Пункта (подпись [687])» [688]

Документ № 25

Сопроводительное письмо Президиума ВЦИК на имя Коменданта Московского Кремля П. Д. Малькова

2 декабря 1918 г.

Тов. Малькову.

При сём сопровождается выписка из Протокола № 6 засед. [ания] Президиума ВЦИК от 2-го декабря с. г. для исполнения. [689]

Документ № 26

Отношение Норвежского Консульства в Народный Комиссариат Иностранных Дел Р.С.Ф.С.Р.

30 декабря 1918 г.

Королевское Норвежское консульство, которому доверена защита и охрана интересов норвежских, румынских, сербских и черногорских подданных, проживающих в пределах Р.С.Ф.С. Республики, просят Комиссариат по возможности скорее освободить следующих лиц, находящихся в заключении:

(…)

Сербские подданные: С. Н. Смирнов.

В. М. Ильин.

Д. Иованович.

Черногорские подданные: М. И. Мартинович.

Королевский Норвежский консул (подпись [690]) [691]

Документ № 27

Из письма Великой Княгини Виктории Фёдоровны своей сестре Принцессе Прусской Ирине-Луизе-Марии [692]

Принцесса Виктория, 12 ноября 1920 г.

(…)

«Я слышала, что после того, как были найдены тела, крест Эллы и деревянная цепочка [693]были взяты одной дамой, которая жила в близ расположенном монастыре.

В прошлом году я видела и говорила с… [694]Бедная сказала, что с ними обращались не плохо, и они не были стеснены в Алапаевске, и им даже позволялось ходить в церковь. Там они все жили в одном коридоре, в здании школы.

Её муж [695]читал вечерние молитвы с Эллой в её комнате, и она часто сидела вместе с ней, и Элла делала рисунки для её работы. Там, в первое время, было так спокойно, что её муж думал, что они вне настоящей опасности; и так как они беспокоились о своих детях, то они решили, что она [696]поедет в Петроград, чтобы их увидеть, а затем вернуться.

Местные советы позволили ей уехать, но когда она приехала в Екатеринбург, её забрали из гостиницы и посадили в тюрьму как сербскую шпионку, потому что видели, как она разговаривала с сербским офицером. Оттуда её отправили в пермскую тюрьму, где она встретила бедную Е. Шнейдер и мадмуазель Гендрикову, которых выволокли наружу и убили в то время, когда она ещё находилась там. Она уехала из Екатеринбурга как раз перед тем, как там наши дорогие были убиты. Благодаря чехословакам и переговорам с большевиками она была оставлена живой и взята в Москву, где она была интернирована в Кремле до тех пор, пока не закончились переговоры, чтобы отправить её в Швецию. Она ничего не знала о том, что случилось в Алапаевске, до тех пор, пока не уехала из России.

В Алапаевске, кроме трёх сыновей Кости, Эллы и Вари, были Сергей Михайлович с его доктором или служащим (он был болен) и сын Павла от его второго брака, талантливый юноша…» [697]

Документ № 28

ПРОТОКОЛ

1922 года марта 16 дня Судебный Следователь по особо важным делам при Омском Суде Н. А. Соколов в г. Фонтенбло (во Франции) допрашивал нижепоименованного в качестве свидетеля в порядке 443 ст. уст. угол, суд., и он показал:

Сергей Николаевич Смирнов, 44 лет, православный,

проживаю в настоящее время в Белграде (в Сербии).

До переворота я был управляющим дворцовым городом Павловском и делами Его Высочества Князя Иоанна Константиновича и Её Королевского Высочества Княгини Елены Петровны Сербской, супруги Князя Иоанна Константиновича.

Ныне я состою секретарем Её Королевского Высочества.

В марте месяце Их Высочества по распоряжению Урицкого были высланы из Петрограда в Вятку, а затем в Екатеринбург. Из Екатеринбурга по распоряжению Уральского областного совдепа они были высланы в Алапаевск.

20 июня я выехал из Петрограда в Алапаевск, чтобы видеть Их Высочества для выяснения некоторых дел. 21 июня я прибыл в Вологду, где тогда находились союзные миссии, в том числе и сербская. Здесь я узнал от жены Сербского посланника Сполайковича, бывшего в то время в Москве, что Княгиня Елена Петровна как раз в этот день прислала в посольство телеграмму, прося помочь ей приехать в Петроград к детям. Сама она находилась в то время в Екатеринбурге, откуда её не выпускал областной совет.

Сполайковичу была тогда же секретарём Ненадичем послана надлежащая телеграмма, а я сам 22 июня выехал обратно в Петроград, куда из Москвы должен был приехать Сполайкович, дабы организовать надлежащим образом, по соглашению со Сполайковичем, поездку Княгини. В Петроград я прибыл 23 июня.

Сполайкович обратился в Москве к Карахану и добился у него согласия на прибытие Елены Петровны в Петроград. Как говорил Сполайкович, Караханом были посланы соответствующие телеграммы: одна в Петроградскую коммуну, другая в Екатеринбургский областной совет.

28 июня я выехал из Петрограда в Екатеринбург в сопровождении Сербского майора Жарко Константиновича Мичича и унтер-офицеров Милана Божичича и Георгия Абрамовича. 4 июля около 7 часов утра мы прибыли в Екатеринбург. Елена Петровна находилась тогда в номерах Атаманова, куда мы и отправились, имея в то же время в своём распоряжении особый вагон, в коем мы прибыли. Здесь я узнал, что Елена Петровна ещё около 15 мая сделала попытку получить разрешение на поездку в Петроград к детям, оставшимся у бабушки Великой Княгини Елизаветы Маврикиевны. Алапаевский совдеп запросил разрешение областного. Тот разрешил Елене Петровне прибыть в Екатеринбург, куда она и приехала за несколько дней до 21 июня. Здесь ей было объявлено, что областной совет запросил Москву, и ей нужно ждать ответа.

Между тем, в отсутствие Княгини, Августейших Особ в

Алапаевске перевели на тюремный режим, удалив от них всю прислугу, кроме Ремеза. Некоторые из прислуги, проезжая через Екатеринбург, сообщили об этом Елене Петровне, и она решила возвращаться в Алапаевск, дабы разделить судьбу мужа. Она уже была по этому поводу у Белобородова и выдала ему соответствующую расписку.

Когда всё это, по нашем прибытии в Екатеринбург, выяснилось, и Елена Петровна заявила, что она решила возвращаться в Алапаевск, мы должны были выезжать обратно. Необходимо было одному из наших солдат проводить Княгиню до Алапаевска. Мы решили ждать его возвращения. Конечно, мы должны были явиться в областной совет для предъявления наших документов. Нужно было также получить разрешение на отъезд Елены Петровны в Алапаевск, так как иначе нельзя было получить билетов. Нужно было и нам получить соответствующую бумагу от Белобородова, дабы мы могли в нашем вагоне возвращаться обратно.

5 июля я с майором отправился в областной совет. Нас принял секретарь Белобородова Мутных и повел к Белобородову. Белобородов был с нами внимателен и учтив, именуя заглазно Её Высочество «Королевной».

Но очень скоро по нашем приходе к нему из соседней комнаты в кабинет Белобородова вошёл неизвестный и присутствовал при нашей дальнейшей беседе. Я сказал Белобородову, что у него должна быть телеграмма Карахана на отъезд Елены Петровны. Он стал говорить, что такой телеграммы у него нет. При этом он сказал, что Елена Петровна отказалась от своей первой просьбы и уже уехала в Алапаевск. Очевидно было, что он лгал.

Когда я ему сказал, что Елена Петровна ещё в Екатеринбурге, он удивился этому: «Ах, вот как…» Тут же неизвестный, присутствующий при этом, написал что-то на бумажке, сунув её Белобородову.

Тот стал значительно суше с нами, официальней. Я не знаю, кто был этот неизвестный. Но я положительно утверждаю, что это был еврейчик. Это определённо было видно и по его наружности, и по его еврейскому выговору.

Решено было, что Белобородов запросит Москву, а мы будем ждать ответа. Тогда же я попросил Мутных дать разрешение на поездку Елены Петровны в Алапаевск. Мутных написал разрешение, подписал его и приложил к разрешению оттиск подписи Белобородова: у него был такой штемпель с оттиском подписи Белобородова. 5 июля я пошёл на станцию, чтобы получить для Елены Петровны билеты. Комендант станции нашёл

удостоверение не в порядке и пошёл к военному комиссару станции. Он вышел ко мне и в весьма грубой форме отказался выдать билеты, мотивируя отказ тем, что разрешение не имело подлинной подписи Белобородова. Я протелефонировал об этом Елене Петровне. Было уже поздно. Она оставалась в номерах Атаманова. Мы оставались в своём вагоне.

6 июля утром я отправился к Елене Петровне и не застал её. Она в этот день была уведена в чека для допроса. Вернувшись она рассказала, что чека интересовалась нашим приездом, пытаясь узнать допросом Княгини, для чего именно мы приехали. В этот же день я получил от Мутных новое разрешение уже с подлинной подписью Белобородова. Елена Петровна перешла в наш вагон, чтобы удобнее было поехать в Алапаевск.

Елена Петровна пожелала иметь у себя старое разрешение, отобранное у меня станционным военным комиссаром, и я был вынужден пойти по этому поводу к нему. Он отобрал у меня и новое удостоверение и, кроме того, потребовал к себе Княгиню. Она пошла к нему с майором часов в 7 вечера, и вернулись в вагон часа в 2 ночи. Комиссар страшно грубо обращался с Княгиней, кричал и всё время держал её стоя. Новое удостоверение так и осталось у него.

7 июля я пошёл опять к Мутных за разрешением и рассказал ему о происшедшем. Мутных был не тот, что прежде. Он не глядел в глаза, отворачивался, что-то мямлил неопределённое, звонил в чека, советовал обратиться там нам к «товарищу Гореву», ведущему наше дело, и старался успокоить, что всё обойдется. Так ни с чем я и ушёл, не получив никакого нового разрешения.

Около 8 часов вечера 7 июля наш вагон был окружён. К нам вошли какие-то люди и повели нас всех в чека. Там мы подождали с полчаса в канцелярии, затем нас попросили наверх в комнату и там нас заперли. Мы были арестованы. С нами же была Елена Петровна.

Скоро её увели в соседнюю комнату, а в нашу вошла группа чекистов во главе с неизвестным мне лицом, распоряжавшимся обыском. Это лицо обратило главное внимание на майора и само производило у него личный обыск, обнаружив приёмы опытного сыщика. Оно само ломало воротничок майора, осматривало тщательно подошвы его сапог и т. п. После этого я вышел в коридор, куда также вышла и Елена Петровна. По-французски она сказала мне: «Это постыдно. Меня обыскивали». (Обыскивала её женщина).

Господин этот, который обыскивал майора, сказал Княгине: «Мадам, прошу Вас на иностранных языках не говорить».

Красноармейцы, к которым я обратился за вопросом, сказали мне, что человек этот Юровский, что он комиссар «дома Романова». В чека мы просидели до ночи на 20 июля. В эти дни и я и Княгиня встречали несколько раз в чека Юровского. Видели мы также Лукоянова, числившегося председателем в чека, и коменданта здания Сахарова. Кроме того, заходили к нам и ещё какие-то комиссары. Я не знаю, кто они такие. Помню троих. Это были безусловные евреи и по наружности, и по выговору. Они говорили по-английски и сами рассказывали, что они были эмигранты и жили, кажется, в Америке или в Англии.

В ночь на 20 июля, приблизительно, около 3 часов, считая время так как оно тогда исчислялось большевиками и как его тогда показывали часы, находившиеся в Американской гостинице, где помещалась чека, к Елене Петровне постучался Юровский и сказал ей, чтобы она собиралась в путь. Собрались и мы. На рассвете нас повели в вагон. В тот же день к нам в вагон привели графиню Анастасию Васильевну Гендрикову, Екатерину Адольфовну Шнейдер и камердинера Государыни Алексея Андреевича Волкова.

21-го нас отправили в Пермь, куда мы прибыли 23 июля. В тот же день нас поместили в Пермскую губернскую тюрьму. Елена Петровна сидела в одной камере с Гендриковой и Шнейдер. С нами сидел Волков.

При нашем прибытии в Пермской же тюрьме содержался жандармский полковник Знамеровский, камердинер Великого Князя Михаила Александровича Челышев и шофёр Борунов. 25 августа увели из тюрьмы полковника Знамеровского. В ночь на 4 сентября – Волкова, Гендрикову и Шнейдер. Помню я, что в эту же ночь требовали и Челышева с Боруновым, но Челышев был болен, и начальнику тюрьмы удалось его отстоять. С ним заодно был оставлен и Борунов.

Приблизительно, недели через две после этого я сам видел, что Челышева увели или, правильнее сказать, унесли на носилках, так как он был болен. Я простился с ним, и он сам не сомневался, что его вызвали на расстрел. Как уводили Борунова, я не видел. Но я положительно не сомневаюсь, что и он был уведён, ибо больше я его не видел в тюрьме. Положение наше было трагическое. С минуту на минуту мы все ждали смерти. Удалось нам спастись через двоюродную сестру моей жены – Ольгу Иосифовну Палтову, проживающую в Перми.

Я написал ей о нашем положении через одного из надзирателей. Она, получив моё письмо, кинулась сейчас же в Петроград, к секретарю Сербского посольства Анастасевичу, остававшемуся в Петрограде для охраны архива посольства. Был

отправлен курьер Норвежского посольства в Москву к Ленину.

Мы были зачислены за всечека [698]и 29 октября отправлены в Москву. Там мы сразу попали к Петерсу. Елена Петровна была 2 ноября отправлена в заключение в Кремль и была освобождена во второй половине декабря. 13 ноября был освобождён майор Мичич с солдатами. Я был освобождён 28 февраля 1919 года.

На Ваши вопросы по делу могу рассказать следующее:

Я вижу предъявленные мне фотографические карточки трёх лиц (предъявлены фотографические карточки Юровского, Сахарова и Голощёкина) и могу показать следующее:

Я не могу опознать Юровского на той карточке, где он изображён пьющим чай. Когда я видел его, у него совсем не было такой бороды. У него была небольшая бородка клинышком, но в то же время скорее с раздвоением её. На другой карточке в белом фартуке он изображён в профиль, а память мне не сохранила такой его позы. На третьей же карточке, где он снят без бороды, я его опознаю, несмотря на то, что я видел его с бородой, а здесь он бритый. Это, несомненно, он.

Сахарова и Голощёкина я также опознаю.

Сахарова я видел, как я уже говорил, в Екатеринбурге, в чека.

Голощёкина я видел в Пермской тюрьме. Я видел его два раза. В первый раз он был в тюрьме в сопровождении каких-то других комиссаров, обходил камеры, был и в нашей. Я положительно знаю, что в это посещение решался вопрос о том, кто будет расстрелян. Голощёкин был главным лицом в этой комиссии.

Во второй раз он был у нас в камере в сопровождении какого-то местного комиссара и этот местный комиссар делал доклад Голощёкину, какие арестанты и за что сидят. Как видно, он был главным лицом.

Роль Юровского в областной чека была очевидна. Он был одним из главных там. Совершенно в тени держался Лукоянов.

Роль Белобородова Вы сами можете оценить по характеру тех фактов, которые привёл я. Его распоряжения были нуль. Его третировала чека и военные комиссары. Он даёт распоряжения. Их отбирают и с ним не считаются. Он разрешает ехать Княгине в Алапаевск. Её тащут в чека.

Помню я утро 17 июля, когда мы сидели в областной чека. Я прекрасно помню, мы тогда проснулись очень рано утром от шума. Выйдя в коридор, я видел много чекистов, откуда-то возвратившихся. Они были все вооружены, более чем обычно, были как-то утомлены или, я даже сказал бы, подавлены чем-то.

Елена Петровна рассказывала мне про Царскую Семью в этот период моего общения с ней следующее.

Будучи в Екатеринбурге до отъезда в Алапаевск, она пыталась навестить Государя и заходила в дом Ипатьева. Её не пустили к Царской Семье. Это было 20 апреля, когда в доме Ипатьева были Их Величества и Великая Княжна Мария Николаевна. Коменданту она назвалась своим именем. Никаких сведений ей, конечно, сообщено не было. Считаю должным также отметить, что Сербский посланник Сполайкович присылал в это время в Екатеринбург Сербского майора Максимовича, который должен был передать Государю 25.000 рублей. Он не был пропущен к Государю.

Будучи в Екатеринбурге в июне месяце, Елена Петровна виделась с доктором Деревенко. Он бывал в доме Ипатьева и говорил ей, что Царской Семье жилось плохо. Был тяжёл режим. Наследник болел. Когда Деревенко навещал его, там был какой-то фельдшер, которого приглашали большевики, чтобы Деревенко был не один. Кто был этот фельдшер, я не знаю. [699]

19 июля через одно лицо мы осведомились, что Августейшие Особы были увезены из Алапаевска. Мы тогда приняли это за чистую монету. Елена Петровна была уверена в спасении Князя Иоанна Константиновича. Мы так думали, что их спасли монархисты из Сибири. Когда мы узнали про увоз Августейших Особ из Алапаевска, Елена Петровна зашла к Лукоянову, чтобы проситься в Алапаевск: она хотела проверить Алапаевскую версию. Лукоянов сказал ей, что туда ехать нельзя: «Алапаевск ненадёжен». Мы ещё более укрепились тогда в нашей вере, что Августейших Особ в Алапаевске спасли.

Я хорошо помню, что Волков говорил мне, что Царской Семье были присланы две суммы денег кем-то, которые обе прошли через его руки. Он называл их: 25.000 и 10.000 рублей. Не указывая источника своей осведомлённости, Елена Петровна говорила мне, что Государь смотрел на отъезд из Тобольска, как на отъезд в Москву. Государь был уверен, что ему хотели снова предложить власть. Я думаю, что ей об этом говорил Деревенко.

В Пермской тюрьме я беседовал про судьбу Великого Князя Михаила Александровича с Знамеровским и Челышевым. Я совершенно не могу Вам сказать, что именно каждый в отдельности рассказывал из них. Сущность рассказа сводилась к тому, что Михаила Александровича увезли несколько человек. Знамеровский смотрел на его увоз как на спасение. Ничем он не мотивировал такого своего взгляда. В то же время я категорически и совершенно точно удостоверяю факт, что Знамеровский сам абсолютно не был осведомлён о существовании какой бы то ни было организации, которая хотела бы спасти Великого Князя, не участвовал в ней и совсем не знал о

существовании такой организации. Он думал, что кто-то увёз Михаила Александровича для спасения. Ни на чём фактическом эта вера его основана не была. Я должен сказать следующее по этому поводу.

Я был уверен в спасении Августейших Особ в Алапаевске. Моя вера была основана на том, что нас-то именно в том и обвиняли, что мы прибыли с целью спасения их и участвовали в заговоре, благодаря которому они спаслись. Я так и смотрел на дело Михаила Александровича. Сквозь эту призму я рассматривал то, что говорилось мне Знамеровским и Челышевым.

Значительно позднее, когда убедился я в убийстве в Алапаевске, когда понял, как они лгали, предъявляя нам обвинения, я понял, что, конечно, убит и Михаил Александрович.

Когда мы сидели в Пермской тюрьме, к Елене Петровне явился однажды какой-то местный чекист и спросил её, знала ли она в лицо членов Царской Семьи и может ли опознать Великих Княжон, если ей покажут одну из них. Елена Петровна, конечно, ответила утвердительно. Этот чекист сказал ей, что поймана одна девушка, обвиняющаяся в воровстве, выдающая себя за дочь Государя Великую Княжну Анастасию Николаевну. В тот день, как говорил чекист, она была избита сильно красноармейцами и предъявлена быть не могла. Позднее, её привели в тюрьму и посадили в одну камеру с Еленой Петровной. Обман был очевиден и поэтому никакого разговора о том, почему она себя называла Великой Княжной, не было. Это была уличная девушка, профессиональная воровка, побывавшая везде в России; была она и в Японии. Она учила Елену Петровну петь тюремные песни и говорила, что её паспорт весь испещрён тюремными отметками. Когда Елена Петровна сказала ей, чтобы она вернулась к честной жизни, эта воровка указала ей на свой паспорт: кто же возьмёт с таким паспортом?

Я могу ещё сказать следующее про Юровского.

Он, как я говорил, обнаружил приёмы опытного чекиста. Но при всём этом, он был весьма учтив, корректен, выдержан и, так сказать, старался быть галантным.

При встречах с Еленой Петровной он был весьма учтив, галантно снимал шляпу, приветствовал Елену Петровну при встречах и жался всегда к стенке, стараясь дать ей дорогу. Так он себя держал с ней не на глазах других. При других же он старался сделать вид, что не замечает её.

Был он учтив и со мной и обнаружил знание им польского языка: пытаясь говорить со мной по-польски (я выдавал себя за серба). Должен сознаться, что я получил от него хорошее впечатление и даже, что это, по крайней мере, не большевик.

Должен сознаться, что я даже думал, что не ему ли мы обязаны тем, что нас не расстреляли в Екатеринбурге, и однажды приветливо пожал ему руку, считая его, так сказать, человеком, более порядочным, чем другие в чека.

Сахаров – это был мальчишка-хулиган. Он заходил к нам часто в номер и хвастался своими новыми костюмами и каждый раз новыми перчатками. Совсем был пустой мальчишка.

Как только Елена Петровна узнала, что Князь Иоанн Константинович переведён на тюремный режим, она сейчас же решила вернуться к мужу. Дети были у бабушки, как я говорил. Настойчиво желая вернуться к мужу, она тогда же выдала Белобородову расписку следующего содержания: «Я, гражданка Королевства Сербского Елена Петровна, по мужу Романова, желая разделить тюремный режим мужа, добровольно возвращаюсь в Алапаевск, где обязуюсь переносить тот режим, принимая на себя все расходы по моему содержанию. Я обязуюсь не обращаться к защите иностранных посольств, а если таковые сделают шаги в мою пользу, отказываюсь воспользоваться результатами этих шагов. Елена Петровна Романова, Королевна Сербская».

Мы вместе с Еленой Петровной были у Петерса.

На вопрос Княгини, почему нас не отпускают, Петере ответил: «Потому, что один ваш (Сербский) батальон находится на Мурмане [700]с союзниками». Когда Княгиня сказала, что Сербия не станет воевать с Россией, Петерс ответил: «Да, это мы понимаем, что Сербия не нападёт на Россию, но она всё же и не оставляет наших бывших союзников».

Показание моё, составленное в трёх экземплярах и во всех мне прочтённое, записано с моих слов правильно. Я даю показание, имея у себя под руками мои записки.

Прошу внести следующие дополнения. Я опознаю Юровского на одной из карточек. Только у него тогда были более коротко острижены волосы.

Я именовал себя в Екатеринбурге и Перми секретарём Сербского посольства, имея у себя соответствующий паспорт. Посылка майора Максимовича имела место ранее прибытия в Екатеринбург Елены Петровны 20 апреля. Это было в апреле-начале мая.

Секретарь Её Королевского Высочества Княгини Елены Петровны. С. Смирнов.

Судебный Следователь Н. Соколов.

С подлинным верно:

Судебный Следователь по особо важным делам

Н. Соколов. [701]

Документ № 29

Отрывок из воспоминаний М. А. Медведева (Кудрина) «Сквозь вихри враждебные».

«(…) Весной 1918 года в город Екатеринбург прибыла сербская миссия с письменным разрешением от наркома по военным делам Троцкого на выезд из Алапаевска в Екатеринбург, а отсюда через Москву в Сербию жены великого князя Ивана Константиновича, которая была урождённой сербской королевой – дочерью короля Сербии Петра. Но вместо этого, прибывшая миссия в лице майора сербской службы Мигича, [702]фельдфебеля Вожетича [703]и управляющего делами сербской королевны – Смирнова, занялась установлением контактов с перевезённой 17 апреля 1918 года в Екатеринбург семьёй свергнутого царя – в частности добивалась свидания с самим Николаем 2. Такого рода активность показалась подозрительной, и сербская миссия была временно арестована. Доставить великую княгиню Елену Петровну в ЧК было поручено мне. В екатеринбургской Атамановской гостинице мне указали номер, в котором жила княгиня – постучался: навстречу вышла молодая женщина невысокого роста, нос горбинкой. Пригласила войти, я вручил ей ордер на арест и попросил собрать вещи. [704]Она встретила всё очень спокойно, выразила сожаление, что ей придётся расстаться с мужем, но утешалась тем, что увидит своих детей, которые остались в Петербурге. Подчеркнула, что поскольку по международным законам браки свергнутой династии автоматически расторгаются, то она уже не русская великая княгиня, а королева Сербская, и что так же будет везде себя именовать. Я взял её вещи, и мы спустились к извозчику, королевна хорошо говорила по-русски, мы с ней свободно беседовали.

В ЧК её допросили и через несколько дней отправили вместе с приехавшими за ней миссионерами в Москву. Там её обменяли на захваченных в плен после подавления революции в Венгрии революционеров – Бела Кун, Матиаса Ракоши и других. [705]

В 1921 году королевна Елена выпустила у себя в Сербии воспоминания, в которых описала и её арест в гостинице, и допрос в ЧК – в противовес ходившим тогда за границей легендах о «зверствах ЧК», она отметила исключительную вежливость и

предупредительность к ней екатеринбургских чекистов». [706]

Документ № 30

Из беседы с И. И. Родзинским в Государственном Комитете Совета Министров СССР по радиовещанию и телевидению.

«(…) Но у нас была другая история в Екатеринбурге. Как-то комиссар станции, уполномоченный по нашей работе, звонит и говорит: “Слушайте, какой-то, говорит, тут вагон служебный появился на линии. Переводят, говорит, его с одного места на другое, торчит на линии, должен отправиться в Москву. Едет из Алапаевска. Я туда, говорит, заходил, там документы наркоминдельские, за подписью Троцкого, который тогда был Наркоминделом одновременно. Какая-то, говорит, великая княгиня едет. Там, говорит, какие-то чины сербской миссии, дипломатической”. Мы говорим: “Ну, ты вагон задержи, пока, чтобы никуда”.

Вот, связываюсь с Белобородовым, спрашиваю: “Знает ли он что-нибудь?”

Он говорит: “Нет. Ничего не знаю”. Тоже подтверждает: “Задержать”. Приезжайте, выясняйте, что там такое.

Ну, вот мы приехали. Я приехал, Горин приехал, Медведев Михаил Александрович приехал. Приехали туда. Приходим в вагон этот самый… Классный служебный вагон, большой. Там два в военной сербской форме (видимо, атташе сербский и ещё кто-то, фамилии я не помню).

Ну, вежливо так спрашиваем: “Что это такое?” Это, говорят, по мандату. Повторяют – мандат Наркоминдела на право выезда, что вот им районная организация алапаевская, ну, выдала им эту Елену Петровну. А муж её – Константин [707]там оставался, и ребята там остались в Алапаевске. [708]И разрешение выдано на неё. Она дочь сербского короля Петра была. Наркоминдельский документ, подпись Троцкого тут. Она с вещами, эти два голубчика. Ну, мы им говорим, что до выяснения задержим. Взяли их, выгрузили из вагона со всеми вещами. Их погрузили. У нас были приготовлены экипажи, погрузили их и отвезли в Уральскую областную ЧК.

Помещение у нас было в этом… Не знаю как теперь называется… Это были номера такие «Американские номера» называлась гостиница. Ну, вот, привезли их туда. Дали им там номер и там они жили, пока выясняли с Москвой. Дня два-три они у нас, видимо, жили. Но потом получили подтверждение: направить в Москву. Направили их в Москву, и она поехала за границу.

А мы уже в это время-то знали, что в Алапаевске, там всех перестреляли, чего, она не знала, что у неё все погибли там: и дети и муж погиб. Она потом очень с остервенением большим… Ну, это понятно, после всего этого, когда там выступала против Советов в Сербии у себя, – неиствовала: детей-то у неё ликвиднули…

Вообще она молодая женщина. Но так они, видимо, рано блекнут. Ну, лет ей совсем немного было: не знаю, было ли ей лет 20–21, может 22. Но выглядела она гораздо старше. [709]» [710]

Документ № 31

Из воспоминаний Князя Императорской Крови Гавриила Константиновича «В Мраморном Дворце».

«(…) 21 августа состоялась свадьба Иоанчика в большом Петергофском дворце.

За два дня до свадьбы, то есть 19-го, приехал в Петергоф принц Петр Черногорский, двоюродный брат невесты Иоанчика. Отец, по приказанию государя, встречал его на станции царской ветки. Я поехал в Петергоф на встречу вместе с отцом.

На станции собрались лица свиты, и был выстроен почётный караул. Принц Петр был небольшого роста, с чёрными усиками и довольно красивый. Он очень скромно себя держал. Отец вместе с принцем и мною поехал к государю во дворец, в Александрию. Они поднялись к государю, а я остался ждать внизу. Прием у государя продолжался недолго, и мы вдвоём с отцом вернулись обратно в Стрельну.

Того же числа днём приехал в Петергоф сербский король Петр вместе с невестой Иоанчика принцессой Еленой Петровной и с наследником королевичем Александром, будущим королём-героем Александром Югославским.

Отец, матушка, тётя Оля, мои братья и я поехали встречать его на ту же станцию. На станции собралось всё семейство и много народа. На платформе был выстроен караул от лейб-гвардии Измайловского полка, который был как бы нашим семейным полком.

Государь был в сербской ленте с бриллиантовой звездой. Иоанчик выехал заранее навстречу королю и своей невесте и приехал вместе с ними, в царском поезде.

Король вместе с государем обошёл караул и поздоровался с ним. Иоанчик в поезде учил короля, как надо обходить караул и как с ним здороваться. После взаимных приветствий и представлений государь сел с королём в коляску и поехал в

Александрию в Готическую церковь на молебен в сопровождении собственного его величества конвоя. Командир конвоя князь Ю. Трубецкой ехал подле колеса царского выезда с вынутой шашкой.

Государыня поехала вместе с принцессой Еленой за государем и королём, в коляске. Мы все поехали за ними в своих автомобилях, что было некрасиво и нарушало торжественную картину въезда. Иоанчик ехал один в своём открытом сером автомобиле. По дороге стояли шпалерами нижние чины Конвоя собственного его величества Сводного пехотного полка и Петергофского гарнизона, без оружия.

В тот же день вечером состоялся в большом Петергофском дворце торжественный обед в честь сербского короля.

Сербский король пожаловал дяденьке, Косте и мне орден Карагеоргиевичей I-й степени, то есть красную ленту с белыми каймами и звезду.

Обед был в Петровском зале. Как всегда в таких случаях, стол, стоящий покоем, был замечательно красиво накрыт; играл придворный оркестр. Государь и король обменялись речами. Мне кажется, что государь говорил по-русски, как всегда очень просто, без всякой позы, но с громадным достоинством. Он упомянул в своей речи Иоанчика, что мне было очень приятно.

За каждым членом семейства стоял паж.

В день семейного обеда я был дежурным флигель-адъютантом. В этот день утром к государю приезжал с докладом военный министр генерал Сухомлинов, а также князь А. Г. Романовский герцог Лейхтенбергский, по случаю своего приезда из-за границы. Он специально приехал на свадьбу Иоанчика, который пригласил его своим шафером. В ожидании приёма мы сидели втроём в гостиной рядом с кабинетом государя.

Как всегда, я был приглашён к высочайшему завтраку, за которым, кроме царской семьи, был гостивший у их величеств принц Коннаутский. Он был рыжий, хромал на одну ногу и не производил симпатичного впечатления. Он был очень хорошо одет в синий костюм с белой полоской. Кажется, он приезжал свататься к одной из великих княжон, но из этого ничего не вышло: царские дочери были глубоко русскими и не желали выходить замуж за иностранцев. В 1914 г. приезжал с этою же целью румынский наследник, но также не имел успеха. После завтрака государь с детьми, Коннаутский и я вышли в сад и пошли на мол, который был перед дворцом. В сущности, дворец государя скорее походил на частный дом – небольшой и скромно обставленный.

Наконец, наступил день Иоанчиковой свадьбы. Она назначена была на 21 августа в три часа дня. Отец, Иоанчик и я приехали

вместе в большой Петергофский дворец и вышли у маленького подъезда со стороны верхнего сада. Всё семейство собралось в Белом зале, рядом с которым государь и тётя Оля благословили Иоанчика. Императрица Александра Фёдоровна плохо себя чувствовала и не могла присутствовать при венчании, но всё же она присутствовала при благословении. Она была в диадеме с жемчугами, в широком кружевном платье и, как всегда, была замечательно красива. Императрица Мария Фёдоровна не была на свадьбе, потому что находилась за границей.

Великие князья Николай и Петр Николаевичи, как и их жёны, не были на свадьбе и ни на одном из связанных с нею торжеств, так как они не хотели встречаться с сербским королём по политическим причинам.

Великий князь Михаил Александрович не был на семейном обеде потому, что Николай Николаевич запретил начальникам частей отлучаться с бывших в то время манёвров. Поэтому на свадьбе было меньше офицеров, чем обыкновенно бывало на придворных свадьбах. Присутствовал, между прочим, среди гостей принц сиамский Чакрабон, как раз в то время приехавший в Россию. Орден Андрея Первозванного, висевший на надетой на нём Андреевской цепи, был без изображения св. Андрея Первозванного и потому странно выглядел. Объясняется это тем, что Чакрабон не был христианином.

Семилетний наследник Алексей Николаевич был в этот день в первый раз в офицерском мундире. Он был прелестен в форме Стрелков императорской фамилии.

Младшие великие княжны, также в первый раз надевшие русские придворные платья – белые с розовыми цветочками, но без шлейфов, и розовые кокошники, – были очаровательны.

Невеста была, как полагалось, в русском платье из серебряной парчи, но без традиционной бриллиантовой короны, потому что Иоанчик не был великим князем. Не понимаю, почему надо было делать такую разницу. В церковь мы пошли торжественным шествием. Маленький, прелестный наследник шёл с одной из своих маленьких сестёр. Их пара была обворожительна и трогательна.

В церкви государь встал, как всегда в Петергофе, у окон, с левой стороны. Мои родители и я стояли справа. Шаферами у Иоанчика были: великие князья Михаил Александрович, Дмитрий Павлович, Сергей Михайлович, Сандро Лейхтенбергский и я; у невесты – сербский наследник Александр, принц Петр Черногорский и мои братья Константин, Олег и Игорь.

По церковным правилам жених во время венчания должен быть без оружия, но на придворных свадьбах оружие почему-то не

снималось. Иоанчик, желая точно придерживаться церковных правил и, должно быть, с разрешения государя, снял палаш. Я его подал Иоанчику перед выходом из церкви.

Во время пения “Тебе Бога хвалим” у Елены Петровны очень сильно заболела спина, должно быть, от тяжёлого подвенечного убора. Она даже вся скривилась. Я боялся, что ей станет дурно, но всё сошло благополучно. Вечером в тот же день в Стрельне был обед, на который приехал сербский король и королевич, а также шафера.

Обед был в Турецком зале. В Стрельне не было электричества, и потому в люстры, висевшие в зале, были вставлены свечи. Во время обеда свечи стали падать на пол, одна за другой. Нам это было очень неприятно. Попадало много свечей. Теперь, после того как произошла революция и Иоанчик пал одной из её многочисленных жертв, можно считать падение свечей плохим предзнаменованием, но вряд ли тогда это приходило кому-нибудь в голову.

После обеда я с родителями, сестрой Татианой и братьями уехал обратно в Павловск. Молодые поехали вдвоём. В Павловске, на большом подъезде дворца, была устроена торжественная встреча молодых. На подъезде собралось много народа и управляющий Павловском генерал Геринг поднес Иоанчику и Елене хлеб-соль. Во втором этаже, в ротонде, был красиво накрыт чай. Он продолжался недолго, и вскоре мы разошлись по своим комнатам. Молодым отвели помещение в одной из двух квартир под куполом». [711]

Иллюстрации

Чрезвычайный Комиссар ВЦИК В. В. ЯКОВЛЕВ (К. А. Мячин)

Военный Комиссар Симского горного Округа, Помощник Чрезвычайного Комиссара ВЦИК П. В. ГУЗАКОВ

Председатель Президиума Исполкома Уральского Областного Совета А. Г. БЕЛОБОРОДОВ

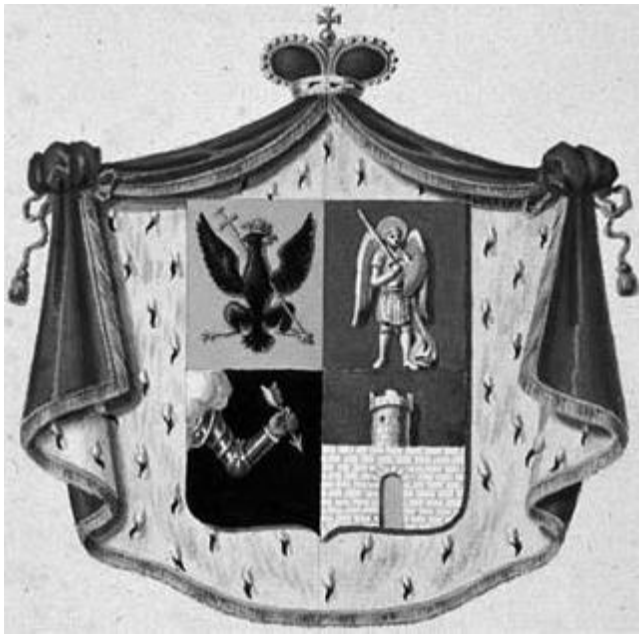
Товарищ Председателя Президиума Исполкома Уральского Областного Совета Б. В. ДИДКОВСКИЙ

Художник В. Н. Пчелин. ПЕРЕДАЧА РОМАНОВЫХ УРАЛСОВЕТУ. Холст. Масло. 1927 г. Почтовая открытка УМР.

Слева направо: Ф. И. Голощёкин – член Президиума Исполкома Уральского Облсовета, Секретарь Уральского Обкома РКП(б), А. Д. Авдеев – член Исполкома Уральского Облсовета, А. Г. Белобородов – Председатель Президиума Исполкома Уральского Облсовета, Б. В. Дидковский – Зам. председателя Президиума Исполкома Уральского Облсовета, В. В. Яковлев (К. А. Мячин) – Чрезвычайный Комиссар ВЦИК, Государь Император Николай II, Государыня Императрица Александра Фёдоровна, П. В. Гузаков – Помощник Чрезвычайного Комиссара ВЦИК В. В. Яковлева, Великая Княжна Мария Николаевна

НА ЭТОМ МЕСТЕ
30 АПРЕЛЯ 1918 ГОДА
ЦАРСКАЯ СЕМЬЯ БЫЛА ПЕРЕДАНА
УРАЛСОВЕТУ И НАЧАЛСЯ ИХ ПУТЬ
НА РОССИЙСКУЮ ГОЛГОФУ
Поставлен 30 апреля 2003 года по инициативе
Центра "Судьба Династии".
Камень Шарташский карьер.
Поддержка Администрация г. Екатеринбурга.

Памятная доска, установленная в 2003 году на предполагаемом месте передачи Романовых членам Уралсовета близ ж/д станции “Екатеринбург II”. (На самом деле передача Романовых состоялась близ ж/д станции “Екатеринбург III”)

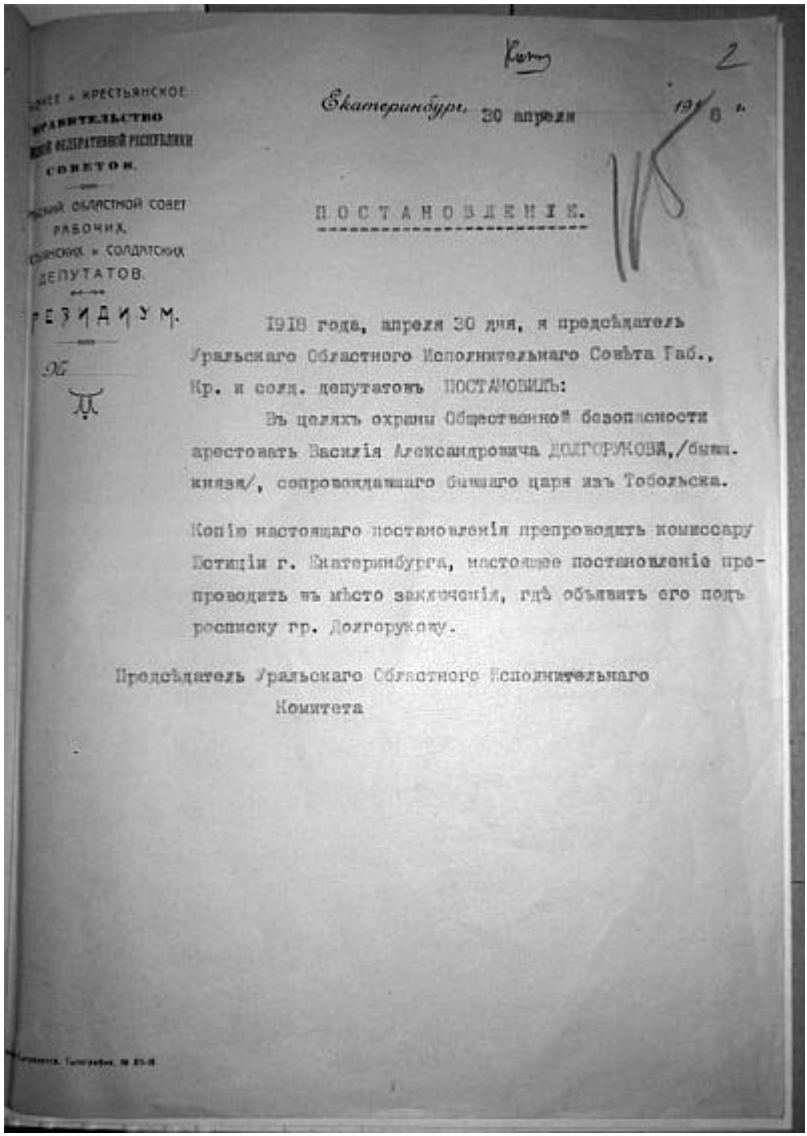


Герб рода Князей Долгоруковых

Князь В. А. ДОЛГОРУКОВ. Конец XIX в.

Князь В. А. ДОЛГОРУКОВ. Тобольск. 1917 г. (Фрагмент группового снимка)

Князь В. А. Долгоруков за уборкой снега. Тобольск. Зима 1917/1918 г.г. (Фото П. Жильяра)



...ское Крестьянское
...правительство
...ской Федеративной Республики
Советов.

...ский Областной Совет
Рабочих,
...ских и Солдатских
Депутатов.

Президиум.

№

Екатеринбургъ, 30 апреля 1918 г.

ПОСТАНОВЛЕНІЕ.

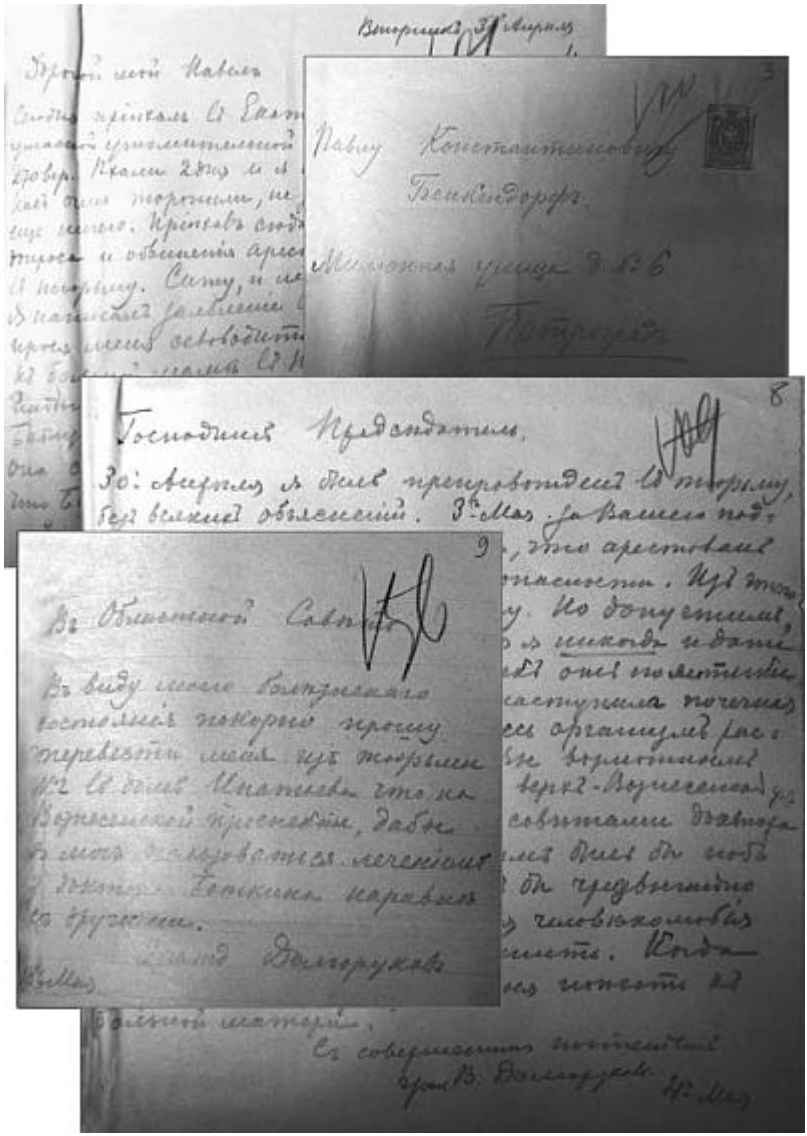
1918 года, апреля 30 дня, я председатель Уральскаго Областного Исполнительнаго Совѣта Раб., Кр. и солд. депутатовъ ПОСТАНОВИЛЪ:

Въ цѣляхъ охраны Общественной безопасности арестовать Василія Александровича ДОЛГОРУКОВА,/быв. князя/, сопровождавшаго бывшаго царя изъ Тобольска.

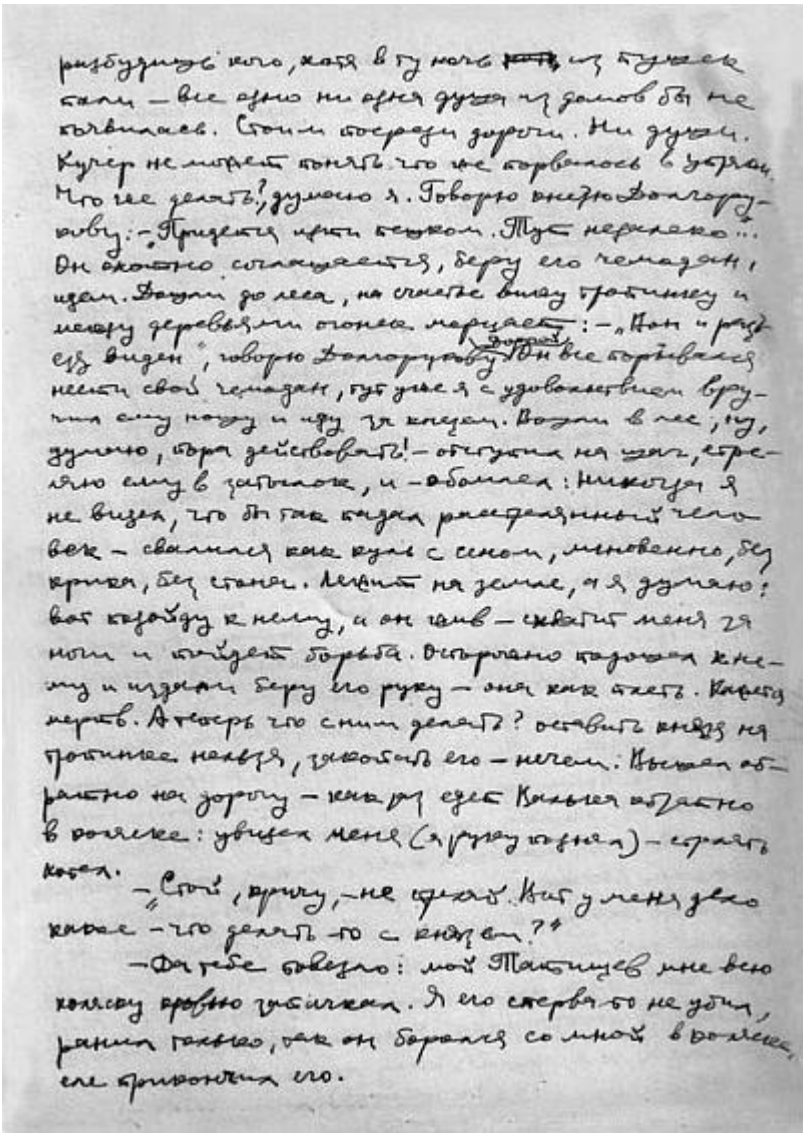
Копію настоящаго постановленія препроводить комиссару Юстиціи г. Екатеринбурга, настоящее постановленіе препроводить въ мѣсто заключенія, гдѣ объявить его подъ роспись гр. Долгорукову.

Председатель Уральскаго Областного Исполнительнаго Комитета

Копия Постановления об аресте Князя Василия Александровича Долгорукова от 30 апреля 1918 года



Письмо Князя В. А. Долгорукова к П. К. Бенкендорфу и прошения на имя Председателя Президиума Исполкома Уральского Облсовета А. Г. Белобородова с просьбой об освобождении (от 04.05.1918 г.) и переводе в дом Ипатьева (от 18.05.1918 г.)



разбудишь его, хотя в ту ночь ~~нет~~ я бушевал сам — все одно ни одна душа не должна бы не проснуться. Стоим посреди дороги. Ни души. Кучер не может понять, что не горелось в упряжи. Что нее делать? думаю я. Говорю князю Долгорукову: — Придется идти пешком. Тут недалеко... Он охотно соглашается, беру его чемодан, идем. Доходим до леса, на снегу впереди впереди и между деревьями огонек мерцает: — „Вон и разъезд виден", говорю Долгорукову. Он все горевался, нести свой чемодан, тут уже я с удовольствием вручил ему ношу и пошел за ними. Вошли в лес, ну, думаю, пора действовать! — обгоняю их шаг, стреляю ему в затылок, и — обомлел: никогда я не видел, что бы так падал преследуемый человек — свалился как куль с сеном, мгновенно, без крика, без стона. Лежит на земле, а я думаю: вот подойду к нему, а он гляв — схватит меня за ноги и начнет борьба. Отскочил подальше к нему и издали беру его руку — она как плеть. Кабзд мертв. А теперь что с ним делать? оставить князя на пустынном месте, увозить его — нечем. Выехал обратно на дорогу — князь едет. Кольнул обратно в поляне: увидел меня (я рукой махнул) — сразу побег.

— Стой, кричу, — не убежишь. Вот у меня дело какое — что делать то с князем?

— Да тебе говорю: мой Тапочкин мне всю голову прямо убил. Я его стервь то не убил, раненого, как он боролся со мной в поляне, где прикончил его.

Фрагмент воспоминаний Г. П. Никулина об убийстве им Князя В. А. Долгорукова, записанный М. М. Медведевым в доме его отца М. А. Медведева (Кудрина) 18 декабря 1957 года

Убийца Князя В. А. Долгорукова Сотрудник Уральской Областной Чрезвычайной Комиссии Г. П. Никулин

Герб рода дворян Боткиных

Е. С. БОТКИН. Конец XIX в.

Е. С. БОТКИН. 1905 г.

О. В. БОТКИНА (рожд. Мануйлова)

Евгений Сергеевич Боткин с женой Ольгой Владимировной и детьми: Дмитрием, Глебом, Юрием и Татьяной. Санкт-Петербург. 1905 г.

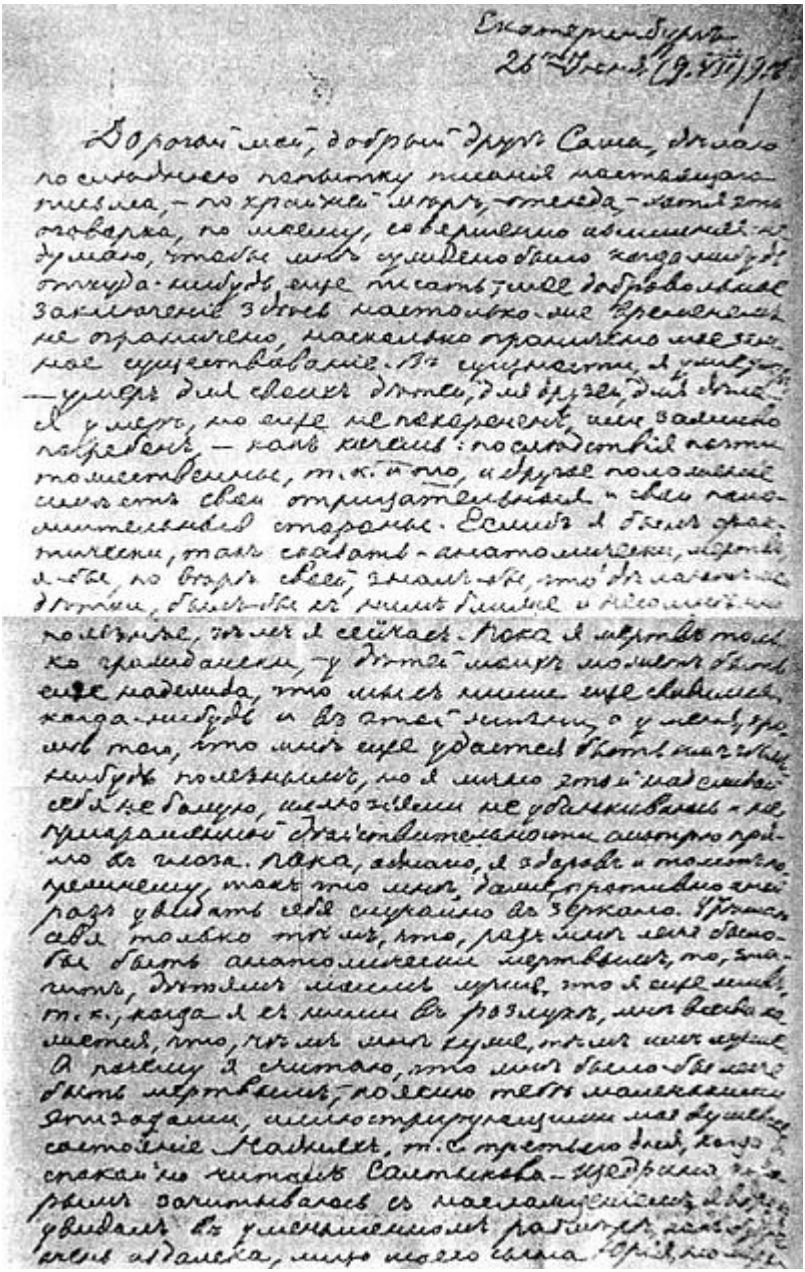
Е. С. Боткин с сыновьями Дмитрием и Юрием (справа). 1914 г.

“Знак для Военных Врачей, имеющих звание Лекаря”, удостоенных учёной степени Доктора Медицины.

(Подобный знак Е. С. Боткин носил на форменной одежде)

Удостоверение личности (пропуск) Е. С. Боткина на право прохода в дом № 1 (“Дом Свободы”) от 6 ноября 1917 года. (Подобные удостоверения, начиная с ноября 1917 года, имели все “жильцы” этого дома)

Последняя прижизненная фотография Е. С. Боткина с дочерью Татьяной и сыном Глебом. Тобольск. 1918 г.



Первая страница недописанного письма Е. С. Боткина своему брату А. С. Боткину, начатого 9 июля (26 июня) 1918 года

Убийца Е. С. Боткина – Комендант Дома Особого Назначения Я. М. ЮРОВСКИЙ. 1918 г.

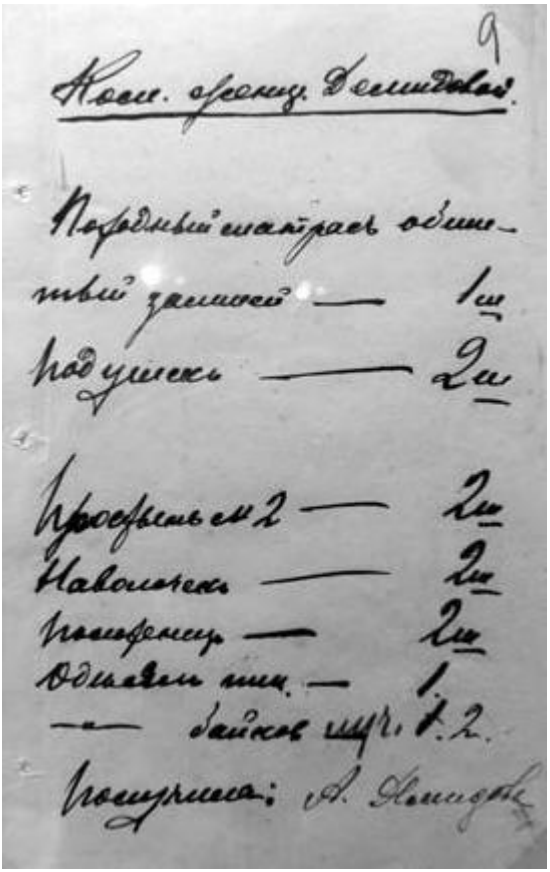
Образ Св. Новомученика ЕВГЕНИЯ (Боткина)

А. С. ДЕМИДОВА. Царское Село. Фото начала XX в.

А. С. ДЕМИДОВА. 1910-е годы

Дом Демидовых в Череповце. Современный снимок

Е. С. ДЕМИДОВА, Ф. М. ЮТКИН и А. С. ДЕМИДОВА. Петроград. Не ранее 1914 года



Расписка А. С. Демидовой (б/д) в получении перечисленных спальных принадлежностей

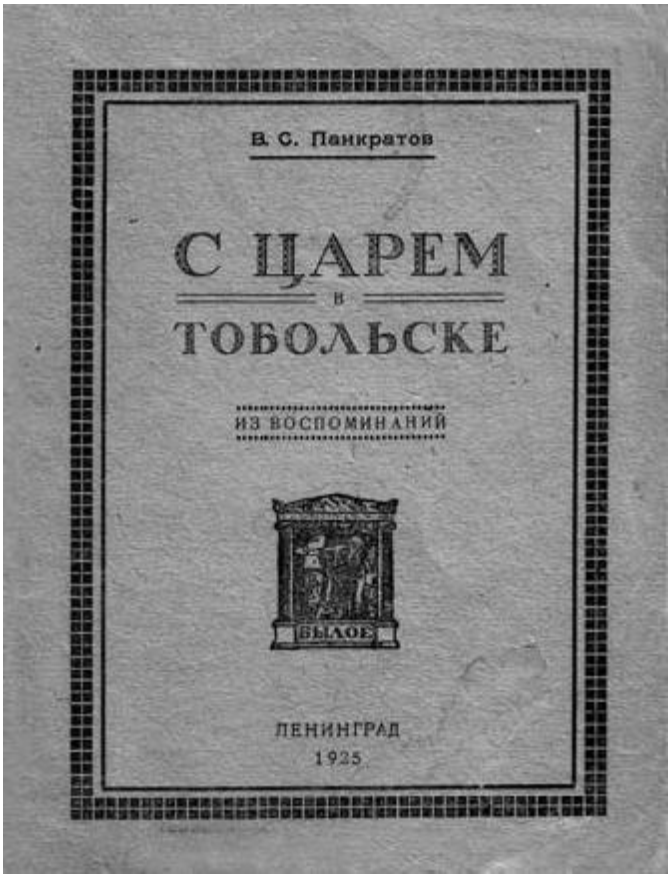
Открытые письма, отправленные А. С. Демидовой своей сестре Е. С. Демидовой в 1917–1918 году

Удостоверение личности (пропуск) А. С. Демидовой на право прохода в дом № 1 (“Дом Свободы”). (Подобные удостоверения, начиная с ноября 1917 года, имели все “жильцы” этого дома)

Комиссар Временного Правительства по охране бывшего царя Николая Александровича Романова, находящегося в Тобольске, и его семейства.

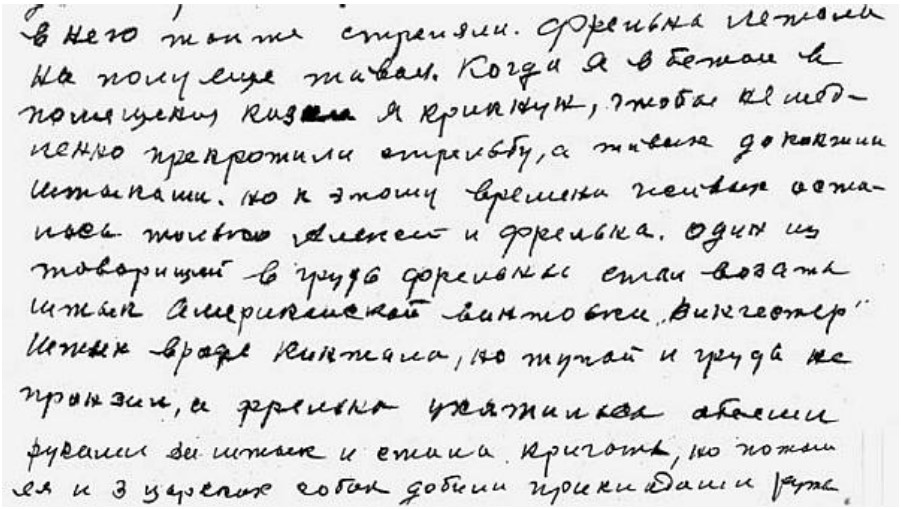
В. С. ПАНКРАТОВ

Фото сделано во время пребывания В. С. Панкратова в ссылке в Якутской области



Книга воспоминаний В. С. Панкратова “С царём в Тобольске”. Издательство “Былое”, Ленинград, 1925 г.

Убийца А. С. Демидовой – Военный Комиссар 4-го Района Красной Гвардии г. Екатеринбурга П. З. ЕРМАКОВ



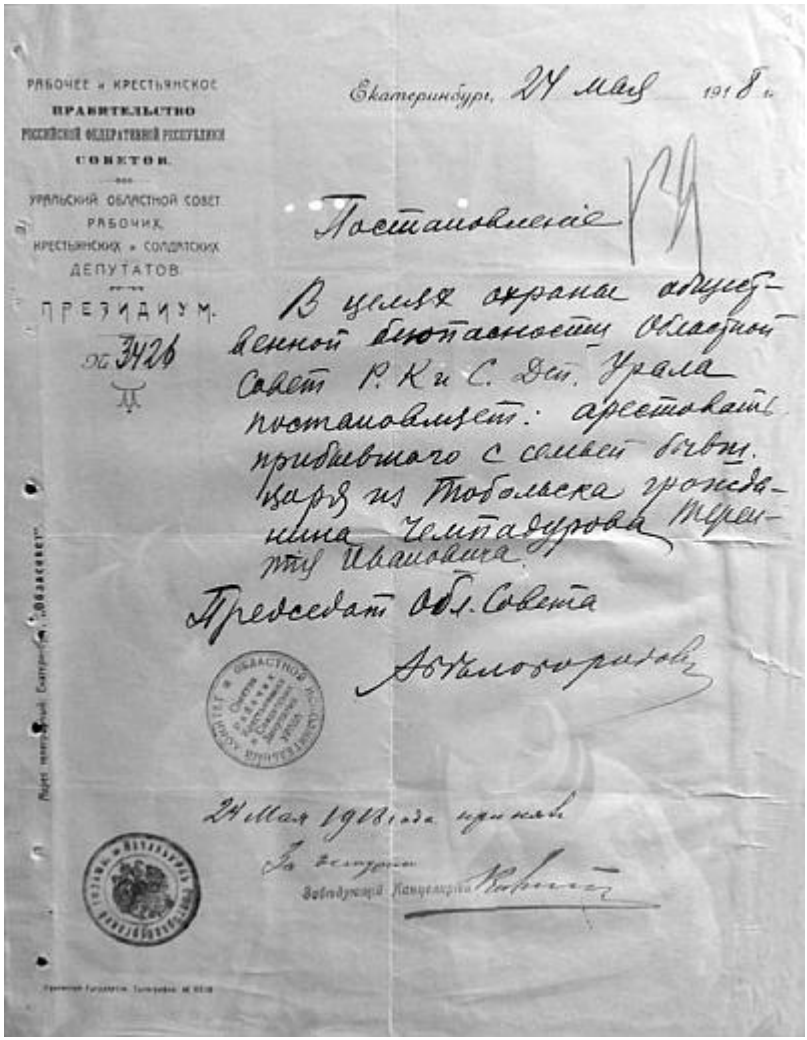
Фрагмент письма А. Г. Кабанова М. М. Медведеву от 11 ноября 1964 года с описанием обстоятельств гибели А. С. Демидовой

Камердинер Комнат Его Императорского Величества Т. И. ЧЕМАДУРОВ

Орден Св. Станислава 3-й ст., которым Т. И. Чемадуров был награждён 06.12.1916 г.

Шейная серебряная медаль “За усердие” на Станиславской ленте, золотая и серебряная медали “За усердие” на

Станиславской ленте и медаль “В память 300-летия Российского Императорского Дома Романовых”, которыми Т. И. Чемадуров был награждён за многолетнюю верную службу



РАБОЧЕЕ и КРЕСТЬЯНСКОЕ
ПРАВИТЕЛЬСТВО
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАТИВНОЙ РЕСПУБЛИКИ
СОВЕТОВ.

УРАЛЬСКИЙ ОБЛАСТНОЙ СОВЕТ
РАБОЧИХ,
КРЕСТЬЯНСКИХ и СОЛДАТСКИХ
ДЕПУТАТОВ

ПРЕЗИДИУМ.

№ 3426

Екатеринбург, 24 мая 1918 г.

Постановление

В целях охраны общественной безопасности Областной Совет Р. К. и С. Деп. Урала постановляет: арестовать прибывшего с самой бывш. Царя из Тобольска гражданина Чемадурова Тертия Ивановича.

Председат Обл. Совета

24 мая 1918 г. в 2 ч. принят

За секретаря

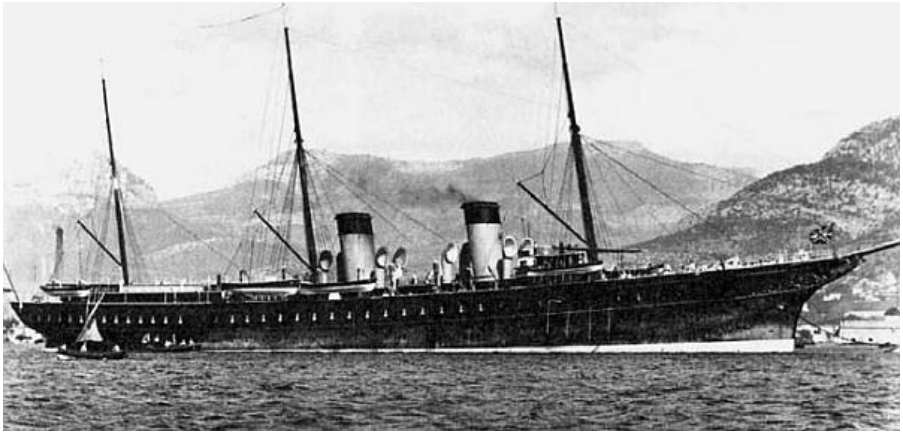
Заведующий Канцелярией

Постановление об аресте Т. И. Чемадурова от 24 мая 1918 года

И. Д. Седнев с супругой Марией Алексеевной (рожд. Чистяковой) и дочерью Людмилой. 1912 г.

Боцманмат И. Д. СЕДНЕВ. 1912 г.

Наградные серебряные часы (Подобными часами И. Д. Седнев был награждён в 1913 году)



Императорская Яхта “ШТАНДАРТЪ”

Наставник Наследника Цесаревича и преподаватель французского языка Августейших Детей Их Императорских Величеств П. ЖИЛЬЯР

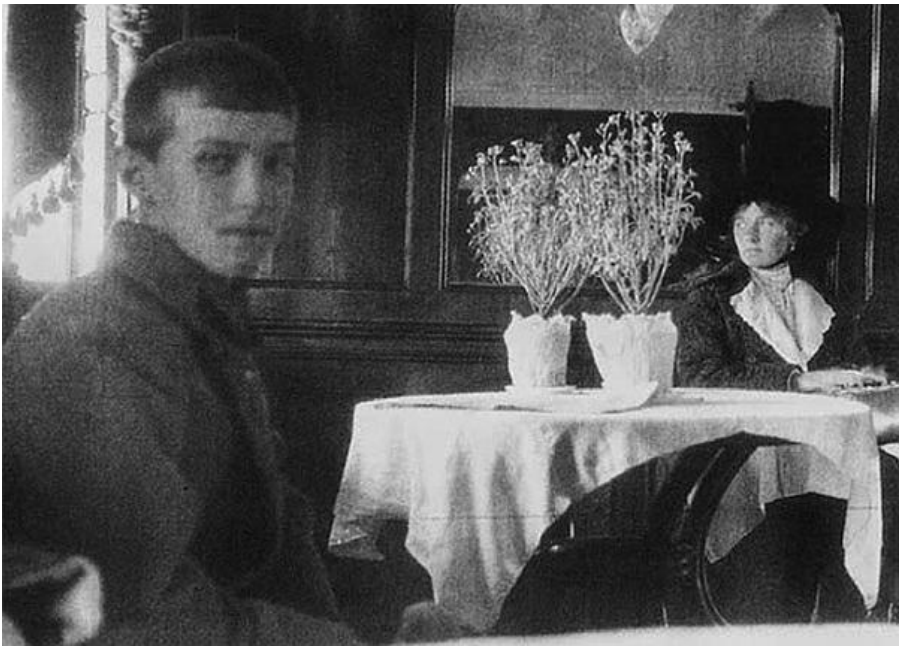
Обложки книги воспоминаний, П. Жильяра “Тринадцать лет при Русском Дворе” (Петергоф 1905 г. – Екатеринбург 1918 г.), выпущенной различными эмигрантскими издательствами

Няня Августейших Детей Их Императорских Величеств А. А. ТЕГЛЕВА

Преподаватель английского языка Августейших Детей Их Императорских Величеств С. ГИББС

Книга К. Бенаг “Англичанин при Царском Дворе”, составленная на основе воспоминаний С. Гиббса

Последнее фото Наследника Цесаревича Алексея Николаевича и Великой Княжны Ольги Николаевны. Пароход “Русь”, 20–22 мая 1918 года. (Фото П. Жильяра)



В вагоне поезда Тюмень – Екатеринбург. Май 1918 г. (В конце пассажирского отделения – П. Жильяр)

Уполномоченный ВЦИК, Начальник Штаба Красной Гвардии г. Екатеринбурга П. Д. ХОХРЯКОВ

Член Исполкома Уральского Облсовета С. В. МРАЧКОВСКИЙ

29 мая 8

Служащим бывшаго царя.

№3628
3629

РАСПОРЯЖЕНИЕ.

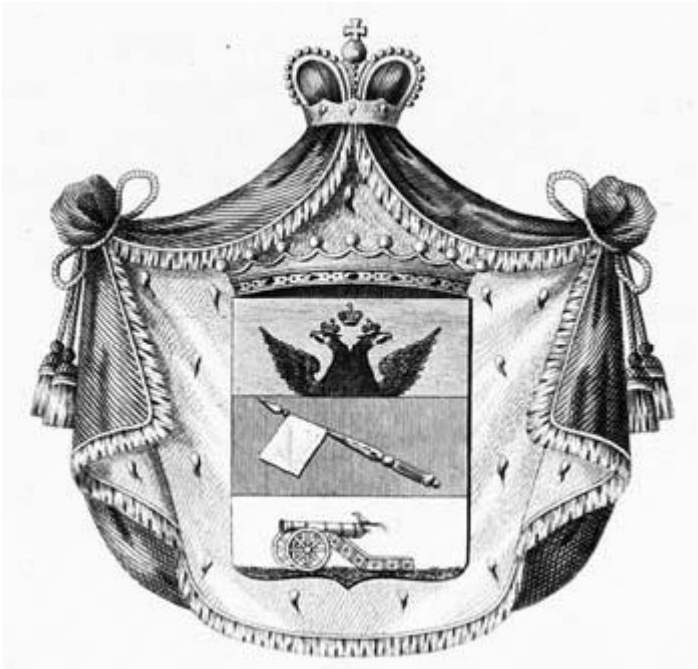
Предлагаем Вам немедленно оставить пределы Пермской губернии и выехать обратно в г. Тобольск.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ

СЕКРЕТАРЬ

Копия распоряжения Президиума Исполкома Уральского Облсовета за № 3629 от 29 мая 1918 года, предписывающая

бывшим царским слугам покинуть пределы Пермской губернии

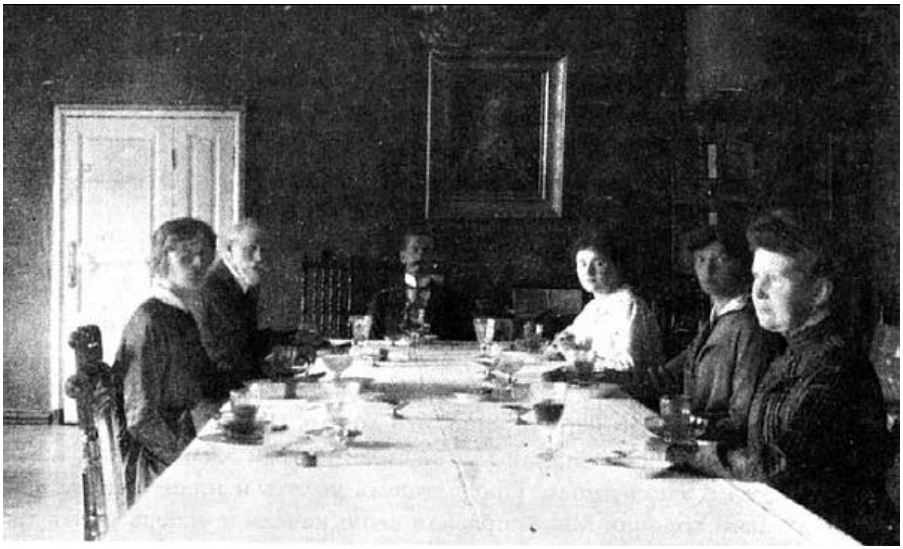


Герб рода Графов Татищевых

Генерал-Адъютант Граф И. Л. ТАТИЩЕВ (не ранее 1913 года)

Августейшие Узники и Их слуги после заготовки дров в парке Александровского Дворца. Царское Село. Лето 1917 г. (Фото из личного альбома Великой Княжны Анастасии Николаевны)

В центре: Государь Император Николай II и Великая Княжна Анастасия Николаевна. Стоят слева направо: Граф И. Л. Татищев, Князь В. А. Долгоруков, Лакей Ф. Журавский, неизвестный слуга, солдат охраны в чине Ефрейтора, Капитан Ф. А. Аксюта



Члены Царской Семьи и Их приближённые за обеденным столом. Тобольск. “Дом Свободы”. Апрель-май 1918 г.

Слева направо: Великая Княжна Ольга Николаевна, Граф И. Л. Татищев, П. Жильяр, Великая Княжна Мария Николаевна, Великая Княжна Татьяна Николаевна, Е. А. Шнейдер

Вид внутреннего двора бывшего Арестного дома (Тюрьмы № 2), в котором в разное время содержались: Князь В. А.

Долгоруков, Граф И. Л. Татищев, Графиня А. В. Гендрикова, Е. А. Шнейдер, Т. И. Чемадуров, А. А. Волков, И. Д. Седнев и К. Г. Нагорный. Современный снимок

Графиня А. В. Гендрикова и Баронесса С. К. Буксгевден

Александровский Дворец в Царском Селе. Открытка. Начало XX в.

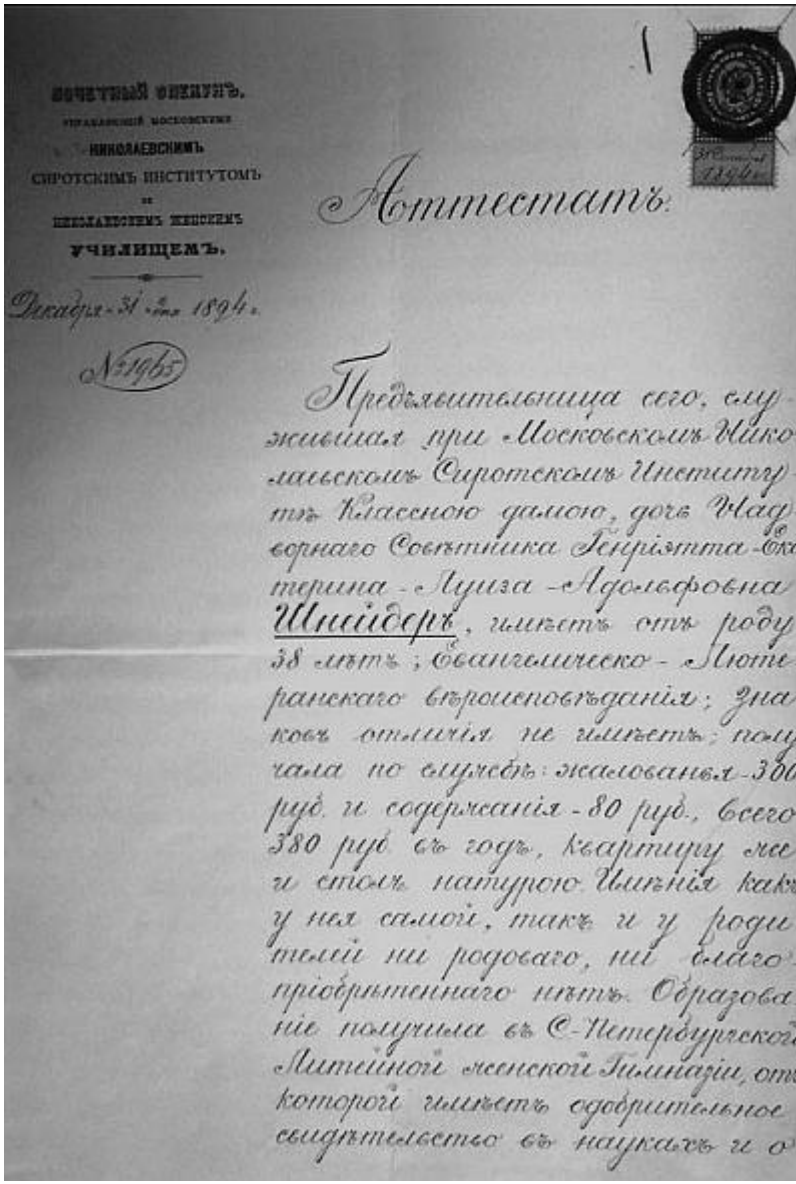
Баронесса С. К. Буксгевден (слева) и Графиня А. В. Гендрикова на фоне Александровского Дворца. Царское Село. 1917 г.

Групповое фото приближённых Царской Семьи с их автографами. Тобольск. 1917 г. Фотография М. Уссаковской.

Слева направо: Гоф-Лектриса Государыни Императрицы Е. А. Шнейдер, Генерал-Адъютант, Генерал-Лейтенант Граф И. Л. Татищев, Наставник Наследника Цесаревича П. Жильяр, Личная Фрейлина Государыни Императрицы Графиня А. В. Гендрикова, Гофмаршал Высочайшего Двора Князь В. А. Долгоруков

ПОДРУГИ ЮНОСТИ. Москва. 1890 г.

Слева направо: Великая Княгиня Елизавета Фёдоровна (Элла), Елизавета Козлянинова (Китти) и Екатерина Шнейдер



Почетный опекунъ.
управляющій Московскимъ
Николаевскимъ
Сиротскимъ Институтомъ
и
Николаевскимъ Женскимъ
Училищемъ.

Декабря 31 дня 1894.

№1965

Аттестатъ.

Предъявительница сего, служившая при Московскомъ Николаевскомъ Сиротскомъ Институтѣ Классною дамою, дочь Надворнаго Совѣтника Генріэтта-Екатерина-Луиза-Адольфовна Шнейдеръ, имѣетъ отъ роду 38 лѣтъ; Евангелическо-Лютеранскаго вѣроисповѣданія; знаковъ отличія не имѣетъ; получала по службѣ: жалованья-360 руб. и содержанія-80 руб., всего 380 руб. въ годъ, квартиру мѣсто и столъ натурою имѣла какъ у ней самой, такъ и у родителей ни родового, ни благопріобрѣтеннаго нѣтъ. Образованіе получила въ С-Петербургской Митейной женской Гимназіи, отъ которой имѣетъ одобрительное свидѣтельство въ наукахъ и о

Аттестация, выданная Е. А. Шнейдер при увольнении из Николаевского Сиротского Института в декабре 1894 года

Гоф-Лектриса Е. И. В. Государыни Императрицы Е. А. ШНЕЙДЕР. Тобольск. 1917 г.

ОБЛАСТНОЙ
ИТЕЛЬНЫЙ КОМИТЕТ
ветов Рабочих,
ских и Солдатских
Депутатов
УРАЛА.

№ 349

4

23 Мая 191 8 г.

Постановление.

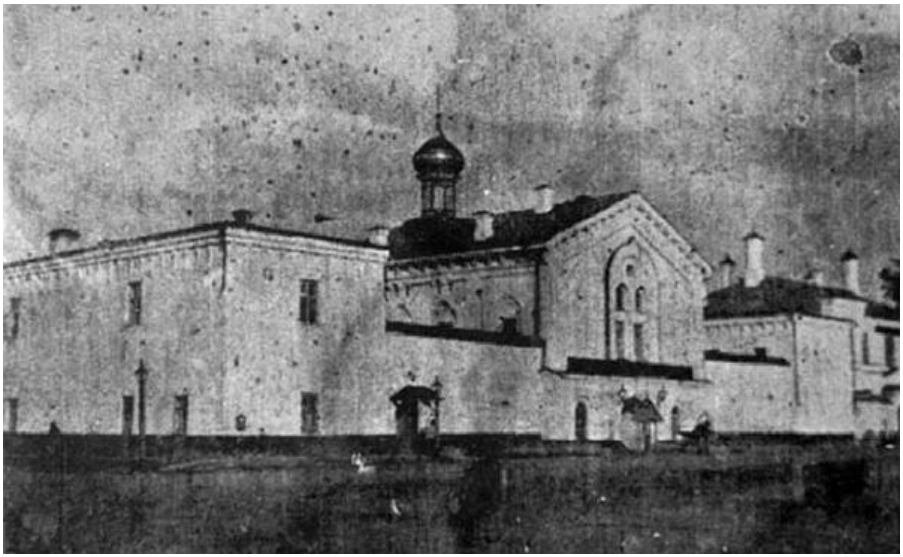
В целях охраны общественной безопасности Областной Совет Р.К.и С.Д. Урала постановляет: арестовать прибывшего с семьей б.царя из Тобольска гражданина Е.А. Шнэйдеръ.

Председатель Областного Совета

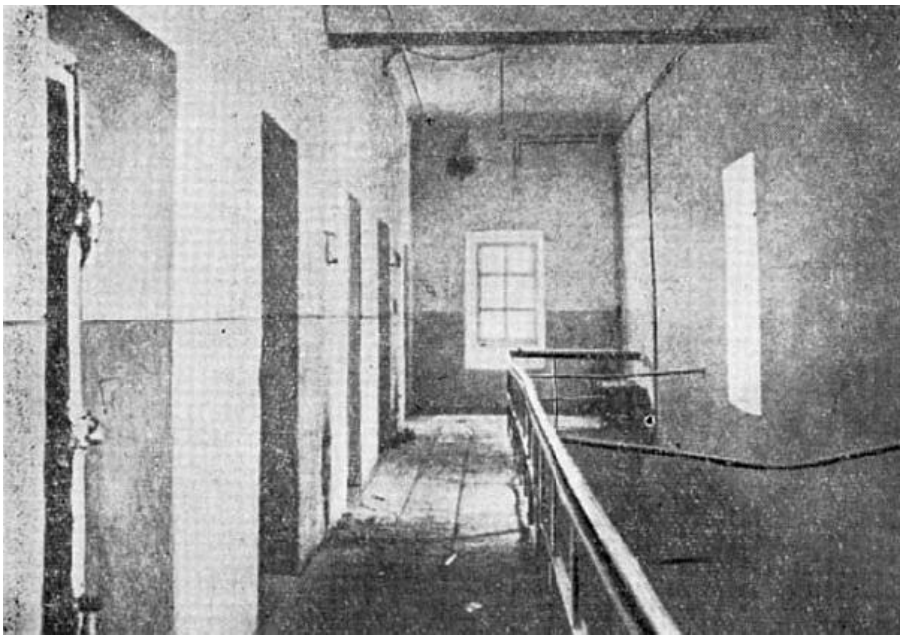
Секретарь

Е. А. Шнейдеръ въ Екатеринбургскую тюрьму № 2 23 мая 1918 г.

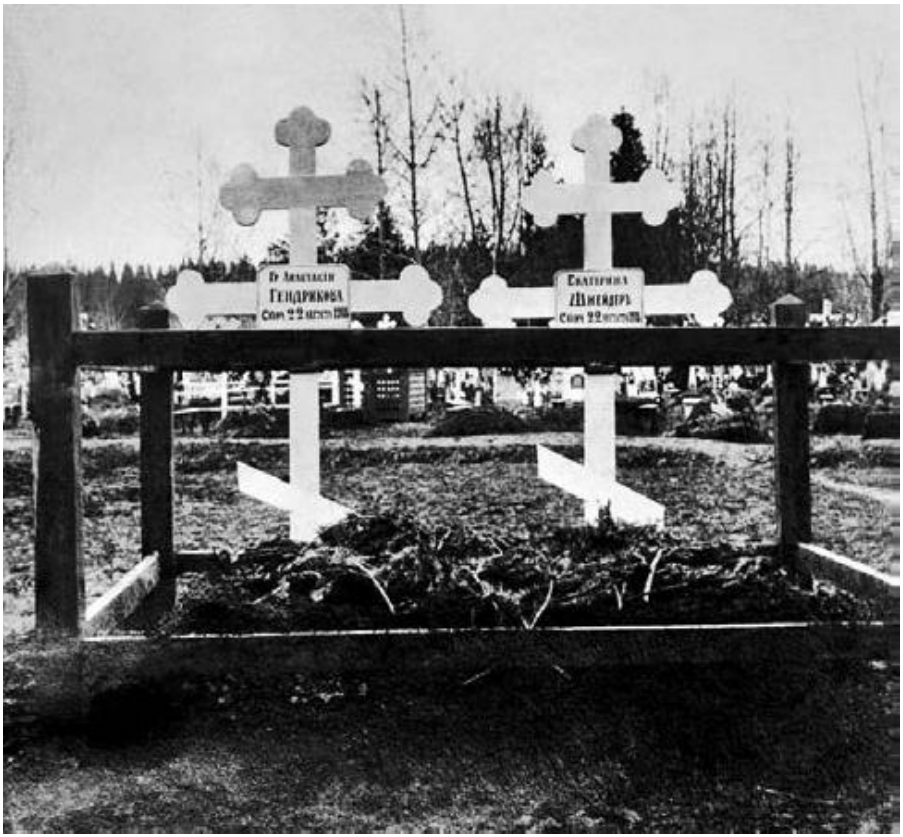
Постановление об аресте “гражданина Е. А. Шнэйдеръ” (Е. А. Шнейдер) от 23 мая 1918 года с отметкой о принятии в Екатеринбургскую тюрьму № 2, начертанной рукой Зам. Начальника тюрьмы И. Трубникова



Пермская губернская тюрьма. (Фасад). Фото начала XX в.



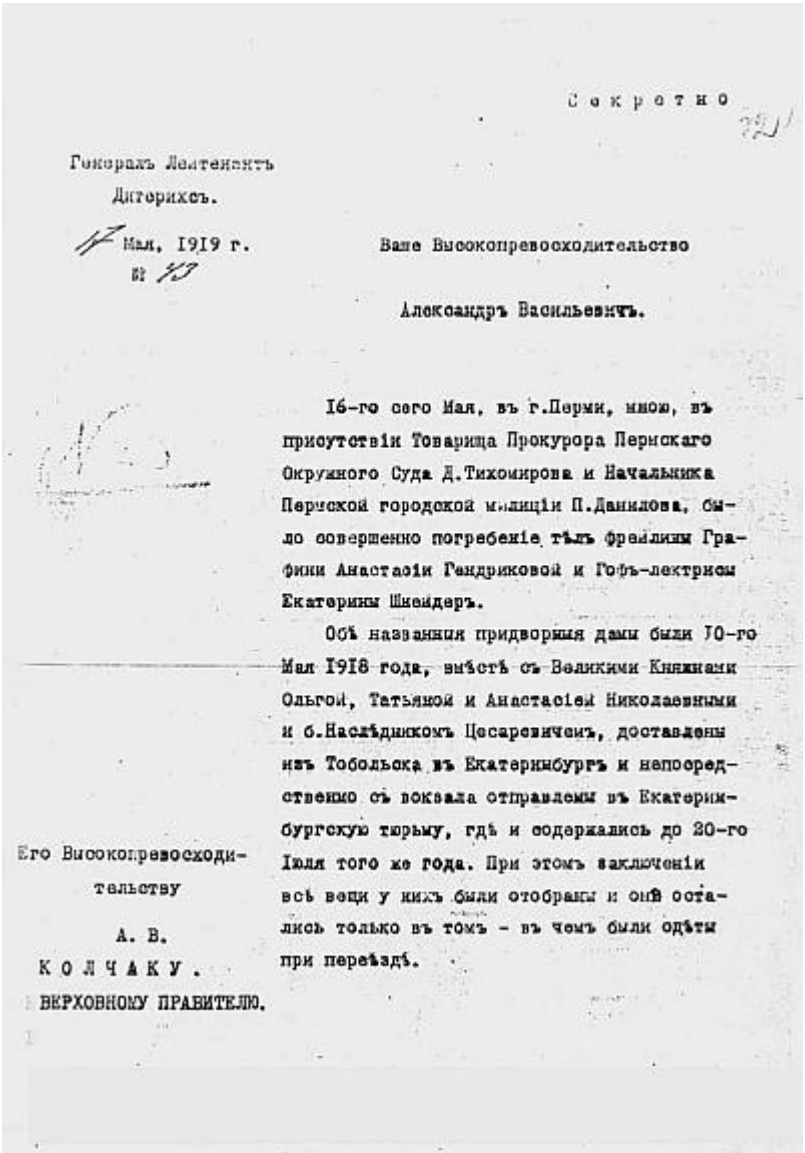
Внутренний вид башни Пермской губернской тюрьмы, в которую в июне 1918 года были доставлены и где провели свои последние дни Графиня А. В. Гендрикова и Е. А. Шнейдер



Могила Графини А. В. Гендриковой и Е. А. Шнейдер. Пермь. Ново-Смоленское (Егоши-хинское) кладбище. 1919 г.

Труп Графини А. В. Гендриковой в гробу. Пермь. Ново-

Смоленское кладбище. 16 мая 1919 года



Секретно

Генералъ Лейтенантъ
Дитерихсъ.

17 Мая, 1919 г.
№ 43

Ваше Высокопревосходительство

Александръ Васильевичъ.

16-го сего Мая, въ г.Перми, мною, въ присутствіи Товарища Прокурора Пермскаго Окружного Суда Д.Тихомирова и Начальника Пермской городской милиціи П.Данилова, было совершено погребеніе тѣлъ фрейлины Графини Анастасіи Гендриковой и Гофъ-лектрисы Екатерины Шнейдеръ.

Объ названныя придворныя дамы были 30-го Мая 1918 года, вмѣстѣ съ Великими Княжнами Ольгой, Татьяной и Анастасіей Николаевными и б.Наслѣдникомъ Цесаревичемъ, доставлены изъ Тобольска въ Екатеринбургъ и непосредственно съ вокзала отправлены въ Екатеринбургскую тюрьму, гдѣ и содержались до 30-го Іюля того же года. При этомъ заключеніи всѣ вещи у нихъ были отобраны и онѣ остались только въ томъ - въ чемъ были одѣты при переѣздѣ.

Его Высокопревосходительству

А. В.
К О Л Ч А К У.
ВЕРХОВНОМУ ПРАВИТЕЛЮ.

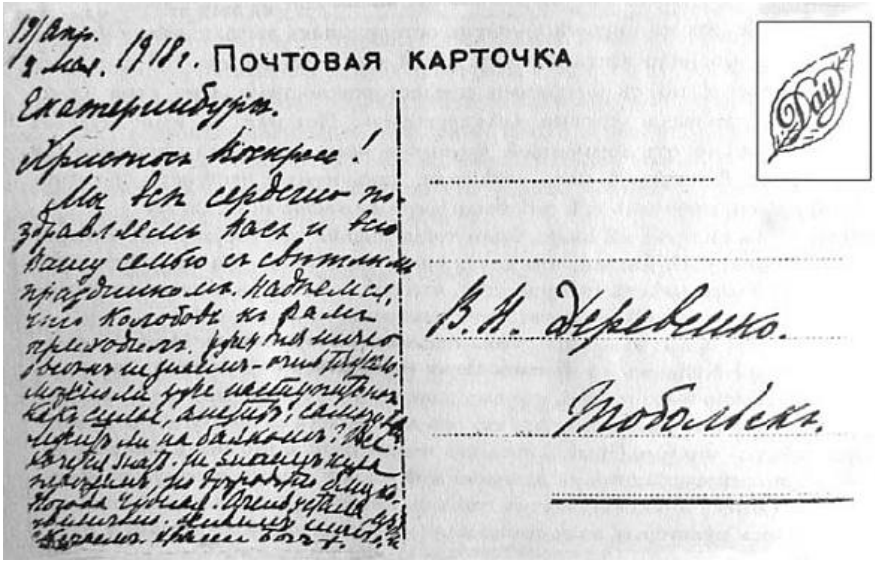
Первая страница докладной записки № 43 от 17 мая 1919 года, поданной Генерал-Лейтенантом М. К. Дитерихсом на имя Верховного Правителя Адмирала А. В. Колчака в связи с погребением тел Графини А. В. Гендриковой и Е. А. Шнейдер

Член Правления ПОО ВООПИиК Л. В. Перескоков (слева) и автор настоящего издания Ю. А. Жук устанавливают на Ново-Смоленском (Егошихинском) кладбище символический крест-памятник одним из первых жертв “Красного Террора” Графине А. В. Гендриковой и Е. А. Шнейдер. Пермь. Сентябрь 1998 г.

Групповое фото верных слуг, содержавшихся под арестом в Александровском Дворце. Лето 1917 г.

Слева направо: Князь В. А. Долгоруков, П. Жильяр, Графиня А. В. Гендрикова, Баронесса С. К. Буксгевден, Е. А. Шнейдер, Граф П. К. Бенкендорф, В. Н. Деревенко. Сидит – Графиня М. С. Бенкендорф

В. Н. Деревенко с супругой в вагоне поезда перед отъездом в Тобольск. Август 1917 г.



Открытое письмо Царской Семьи В. Н. Деревенко и членам его семьи от 19.04/02.05.1918 г. с поздравлением по случаю Праздника Светлого Христова Воскресенья, отправленное в Тобольск из дома Ипатьева

РАБОЧЕЕ и КРЕСТЬЯНСКОЕ
ПРАВИТЕЛЬСТВО
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАТИВНОЙ РЕСПУБЛИКИ
СОВЕТОВ.

УРАЛЬСКИЙ ОБЛАСТНОЙ СОВЕТ
РАБОЧИХ,
КРЕСТЬЯНСКИХ и СОЛДАТСКИХ
ДЕПУТАТОВ.

ПРЕЗИДИУМ.

№ 3464

Екатеринбург. мая 24 1918

ПРОПУСК

Д-р Деревенко имеет право на посещения дома особаго назначения для лечения Алексея Николаевича.

Посещение докторомъ Деревенко дома особаго назначения может производиться только в присутствии коменданта Авдеева.

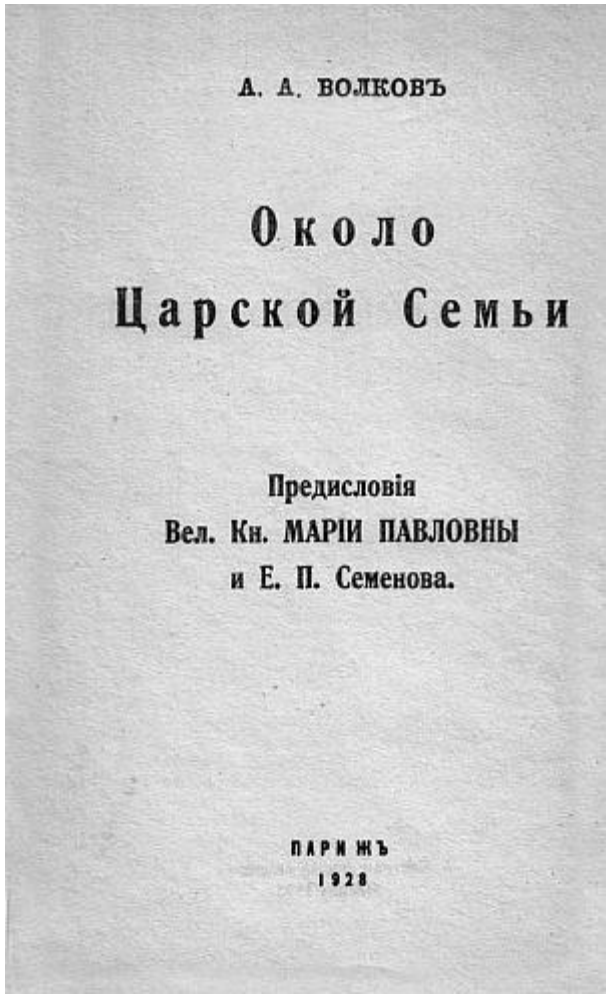
Председатель Областного Совета

Секретарь

Пропуск на право прохода в Дом особого назначения (дом Н.Н. Ипатьева), выданный В. Н. Деревенко 24 мая 1918 года.

Дом особого назначения в момент содержания в нём Царской Семьи. Екатеринбург. Май 1918 г. (Фото П. Жильяра)

Камердинер при комнатах Е.И. В. Государя Императора Николая II Александровича А. А. ВОЛКОВ



Обложка книги воспоминаний А. А. Волкова “Около Царской Семьи”. Париж. 1928 г.

АЛЕКСЕЙ АНДРЕЕВИЧ ВОЛКОВ. Тобольск. 1917 г. Фотография М. Уссольской

Эта та самая портретная фотографическая карточка, которая была изъята у А. А. Волкова при помещении его в Арестный дом 10/23 мая 1918 года и о которой он упомянул, будучи допрошенным следователем Н. А. Соколовым 20–23 августа 1919 года

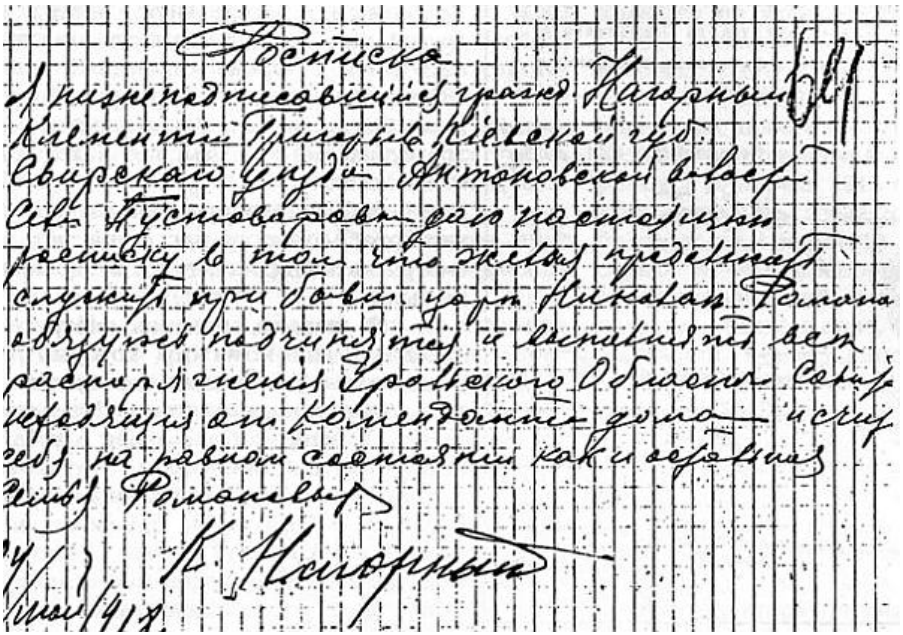
Отставной Квартирмейстер К. Г. НАГОРНЫЙ с Наследником Цесаревичем. Днепр. 1915 г.

Государь Император НИКОЛАЙ II и К. Г. НАГОРНЫЙ за работой по возделыванию огорода в парке Александровского Дворца. Весна 1917 г. За спиной Государя – Капитан Ф. А. Аксюта. На заднем плане – Великая Княжна Татьяна Николаевна

Кульмский знак в память 200-летнего юбилея Гвардейского Флотского Экипажа (Подобный знак К. Г. Нагорный носил на

форменной одежде)

Комната Коменданта ДОН, в которой А. Е. Трупп и К. Г. Нагорный были подвергнуты унизительному обыску, прежде чем быть допущенными к Царской Семье. Фото из материалов дела. 1919 г.

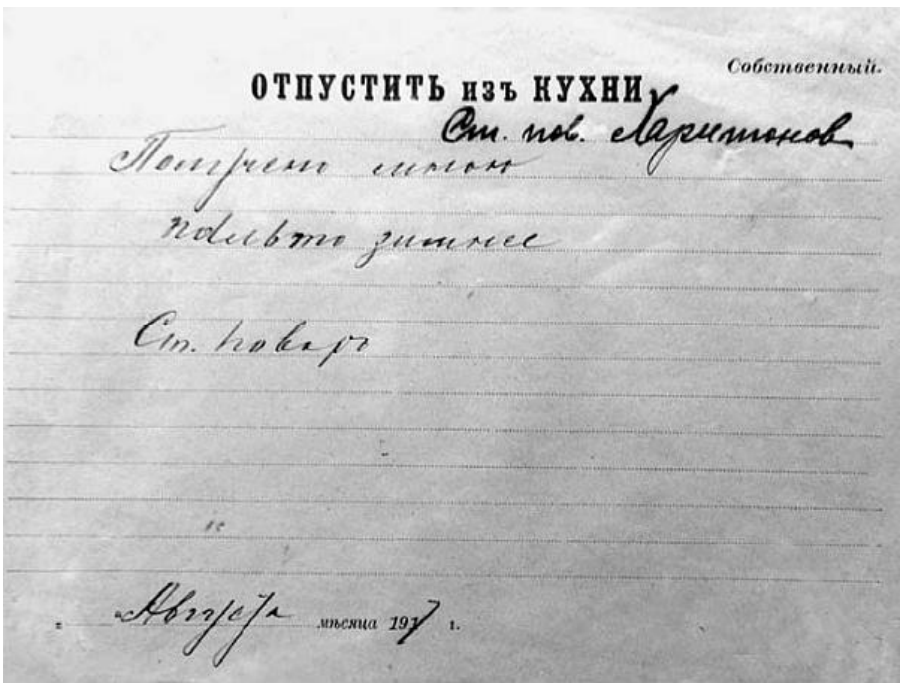


Расписка К. Г. Нагорного от 24 мая 1918 года, текст которой

(кроме подписи) написан рукой Коменданта ДОН А. Д. Авдеева

Старший Повар И. М. ХАРИТОНОВ. 1913 г.

И. М. ХАРИТОНОВ. 1917 г.



Собственный.

ОТПУСТИТЬ изъ КУХНИ

Ст. пов. Харитонов

Получил пальто

подлежит зимнее

Ст. повар

Августа мѣсяца 191 г.

Текст расписки (б/д и подписи) в получении зимнего пальто,

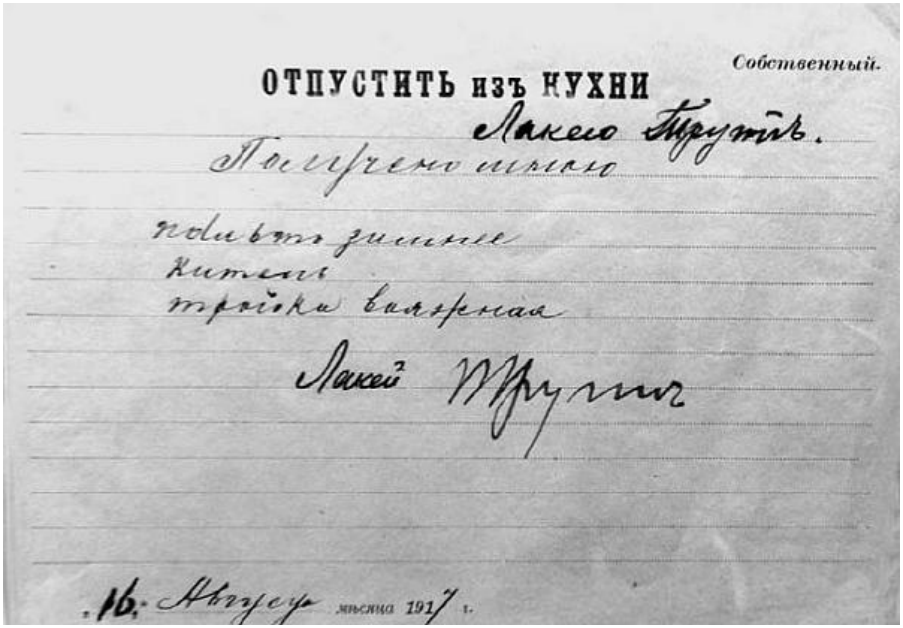
составленной на имя Старшего Повара И. М. Харитонова

Лакей 1-го разряда А. Е. ТРУПП

Знак Лейб-Гвардии Семёновского полка для нижних чинов. (Подобный знак в память о службе в этом полку А. Е. Трупп носил

среди прочих наград на своей ливрее)

А. Е. ТРУПП и Великая Княжна Ольга Николаевна. Царское Село. 1897 г.



Собственный.

ОТПУСТИТЬ изъ КУХНИ

Лакею Трупу.

Получено пальто

новый зимний

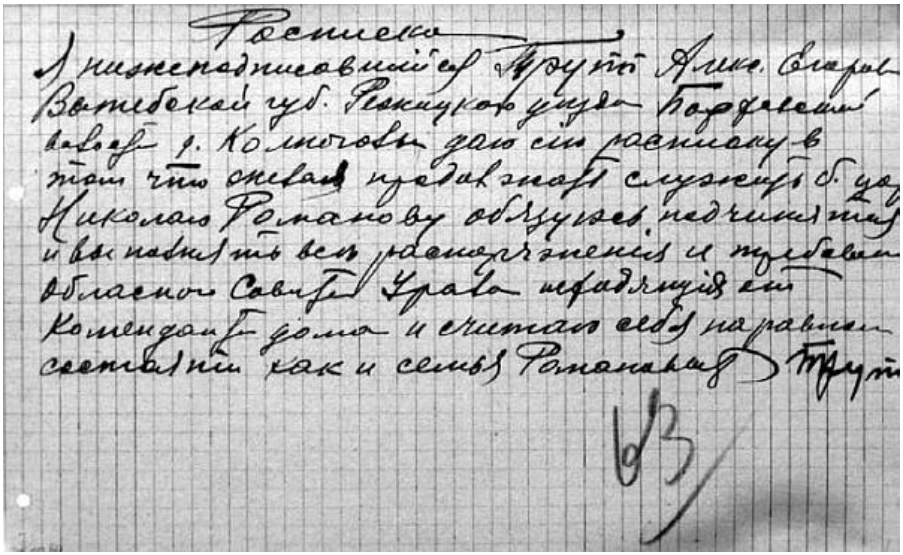
китель

тройки валяная

Лакей Трупп

16. Августа мѣсяца 1917 г.

Расписка А. Е. Труппа от 16 августа 1917 года в получении зимнего пальто, кителя и костюма тройки



Расписка

Нижеподписавшийся Труп Алек. Егор. Вятебской губ. Рекинуков уезда Бородевский завод р. Комлюговы даю сию расписку в том что сказал предъявил служащ. б. ур. Николаю Романову обязуюсь подчинять и выполнять все распоряжения и требования Областного Совета Урала исходящие от Комендан. дома и считать себя наравне состоящим как и семья Романовых Труп

Расписка А. Е. Труппа от 24 мая 1918 года, текст которой (кроме подписи) написан рукой Коменданта ДОН А. Д. Авдеева

Вид Ново-Тихвинского девичьего монастыря. Фото начала XX в.

(На переднем плане справа, ближний к забору – храм Иконы Божьей Матери “Всех Скорбящих Радость”, за которым начиналось пространство, занятое под монастырские захоронения, а также захоронения наиболее почётных граждан города. Именно там нашли свой последний приют царские слуги И. Д. Седнев и К. Г. Нагорный)

Храм Иконы Божьей Матери “Всех Скорбящих Радость”. (Вид со стороны территории монастыря). 1910 г.

Могила А. А. Волкова на Успенском православном кладбище г. Тарту (Юрьев). Эстония, 2012 г.

Похороны Царской Семьи и верных слуг в Петропавловском Соборе Санкт-Петербурга. 17 июля 1998 года

Екатерининский придел Петропавловского Собора, в котором обрели покой останки Царской Семьи и Её слуг. 2002 г.

notes

Примечания

1

В этой книге автором использованы некоторые нормы правописания, применявшегося в Императорской России до 1917 года в обозначениях сословно-династической принадлежности, названиях придворных и воинских чинов, государственных, частных и коммерческих учреждений. Сохранена при этом подобная историческая подлинность и в наименованиях государственных структур, должностных категорий партийных и советских работников, принятых в первые годы Советской власти. – *Прим. ред.*

2

Отдельные главы будущей книги П. Жильяра впервые были опубликованы на страницах французского журнала «Illustration» в 1920 году. Переведённые на русский язык, они были изданы в нашей стране только в 1990 году в книжечке брошюрного типа под названием «Трагическая судьба Русской Императорской Фамилии» (Красноярское книжное издательство. Культурно-художественный центр «Лукоморье», 1990), где наряду с упомянутыми главами были размещены и другие материалы.

3

Французское издание книги П. Жильяра имело довольно длинное название: «Тринадцать лет при Русском Дворе. (Петергоф 1905 год – Екатеринбург 1918 год). Трагическая Судьба Николая II и Царской Семьи», поэтому по согласованию с автором её русскоязычный вариант в Книгоиздательстве «Русь» был изменён на указанный.

Помимо упомянутого издания можно также отметить:

Жильяр П. Трагическая судьба Николая II и Царской Семьи». В/О «Сюзтеатр» Центр творческих встреч, Совместное предприятие СССР – Канада «ТОМО», М., 1992.

Жильяр П. При дворе Николая II. Воспоминания наставника цесаревича Алексея 1905–1918. (Серия «Свидетели эпохи».) М., ЗАО «Центрполиграф», 2006.

• Жирарден Д., Жильяр П. Рядом с Царской Семьёй. (Серия «Царский дом».) М., ООО «Издательский дом «Вече», 2006.

• В это издание была включена книга современного французского историка Д. Жирардена «Гувернёр Романовых. Судьба Пьера Жильяра в России» и непосредственно воспоминания самого П. Жильяра, названные редакцией «Император Николай II и его семья. По личным воспоминаниям П. Жильяра, бывшего наставника Наследника Цесаревича Алексея Николаевича. (Петергоф, сентябрь 1905 г. – Екатеринбург, май 1918 г.)

5

Волков А. А. Около Царской Семьи. Составители А. Н. Коробов и И. П. Хабаров. М., Частная фирма «Анкор», 1993.

Мельник-Боткина Т. Е. (урождённая Боткина). Воспоминания о Царской Семье до и после революции. Составители А. Н. Коробов и И. П. Хабаров. М., Частная фирма «Анкор», 1993.

7

Фрейлина Её Величества Анна Вырубова. М., Польско-советское издательско-полиграфическое общество «Орбита», Московский филиал, 1993.

См. также А. А. Вырубова «Страницы моей жизни». М., «Центр Благо», 2000.

9

Ю. А. Ден. Подлинная Царица. Воспоминания близкой подруги Императрицы Александры Фёдоровны. С.-Петербург, Издательство «Царское Дело», 1999.

10

В дословном переводе с английского книга Л. А. Ден называлась «Подлинная Царица. Мадам Лили Ден – близкий друг последней Императрицы Русской.

11

См. также Лили Ден. Подлинная Царица. Воспоминания приближённой Государыни Императрицы Александры Фёдоровны» (Серия «Архив»). С.-Петербург, Издательский Дом «Нева», 2003.

12

Баронесса София Буксгевден. Венценосная Мученица. Жизнь и трагедия Александры Фёдоровны, Императрицы Всероссийской. М., Издательство «Русскій Хронографъ», 2006.

13

Бенаг К. Англичанин при Царском Дворе. Издательство «Царское Дело», С.-Петербург, 2006.

Чернова О. В. Верные до смерти. Издательство «Сатисъ», С.-Петербург, 2007.

Ковалевская О. Т. С Царём и за Царя. Мученический венец Царских Слуг. М., Издательство «Русскій Хронографъ», 2008.

Книга впервые была издана Типографией М. М. Стасюлевича (Санкт-Петербург) в 1908 году.

Румянцева Е. Л. Мученические венцы принявшие. (К 90-летию убиения Царских слуг на Урале.) Екатеринбург, ООО «Издательский дом “Стягъ”», 2008.

18

Царский Лейб-Медик. Жизнь и подвиг Евгения Боткина. (Т. Е. Боткина. Воспоминания о Царской Семье. Е. С. Боткин. Письма родным.) Составитель О. Т. Ковалевская. Санкт-Петербург, Издательство «Царское Дело», 2010.

19

Чернова О. В. Верные. О тех, кто не предал Царственных Мучеников. М., Издательство «Русскій Хронографъ», 2010. Часть I. Избранники Государя.

20

В годы Первой мировой войны Свиты Е. В. Генерал-Майор Д. Н. Дубенский был издателем-редактором Иллюстрированного журнала «Летопись войны 1914–1917 г.г.». Находился при Ставке Верховного Главнокомандующего в качестве официального историографа. Под его непосредственной редакцией были изданы четыре выпуска издания «Его Императорское Величество Государь Император Николай Александрович в Действующей Армии за 1914 – февраль 1916 г.».

21

Дубенский Д. Н. Как произошёл переворот в России. Опубл.: Отречение Николая II. Воспоминания очевидцев. Издательство «Красная газета», Ленинград, 1927, стр. 65, 66.

22

Дитерихс М. К. Убийство Царской Семьи и Членов Дома Романовых на Урале. М., Издательство «Скифы», 1991, часть 2, стр. 154.

23

Там же, стр. 154, 155.

24

«Валя» – производное от имени Василий, которым Князя В. А. Долгорукова называла его мать и которое со временем закрепилось за ним и среди Членов Царской Семьи.

25

Танеева А. А. (Вырубова). Страницы моей жизни. М., «Центр Благо», 2000, стр. 161.

26

Дневники Николая II и императрицы Александры Фёдоровны в двух томах. Том первый (1 января – 31 июля 1917). Ответственный редактор и составитель кандидат исторических наук В. М. Хрусталёв. М., Издательство «Вагриус», 2008, стр. 367.

27

Там же, стр. 379.

28

Там же, стр. 383.

29

Там же, стр. 387.

30

Там же, стр. 395.

31

Там же, стр. 398.

32

Там же, стр. 445.

33

Там же, стр. 472.

Там же, стр. 491.

35

Там же, стр. 530.

Там же, стр. 551.

37

Там же, стр. 555.

Там же, стр. 571.

39

Там же, стр. 579.

Там же, стр. 580.

41

Всего вместе с Царской Семьёй в Тобольск отбыли следующие 47 лиц:

Свиты Е.В. Генерал-Майор Граф Илья Леонидович Татищев;

Гоф-Маршал Министерства Императорского Двора и Уделов, Свиты Е.В. Генерал-Майор Князь Василий Александрович Долгоруков 1-й;

• Свиты Е.В. Генерал-Майор, Почётный Лейб-Медик Царской Семьи, Доктор Медицины Евгений Сергеевич Боткин;

• Преподаватель французского языка Их Высочеств Августейших Детей Их Императорских Величеств, Наставник Наследника Цесаревича Пьер (Петр Андреевич) Жильяр;

• Личная Фрейлина Е.В. Государыни Императрицы Александры Фёдоровны Графиня Анастасия Васильевна Гендрикова;

• Гоф-Лектриса Е.В. Государыни Императрицы Александры Фёдоровны, преподаватель математики и русской грамматики Е.И.В. Наследника Цесаревича и Их Высочеств Августейших Детей Их Императорских Величеств (младших Великих Княжон) Екатерина Адольфовна Шнейдер;

• Няня Их Высочеств Августейших Детей Их Императорских Величеств Александра Александровна Теглева;

• Камер-Юнгфера Их Высочеств Августейших Детей Их Императорских Величеств Елизавета Николаевна Эрсберг;

• Камер-Юнгфера Великих Княжон Александра Щеглова;

• Камер-Юнгфера Е.В. Государыни Императрицы Александры Фёдоровны Мария Густавовна Туттельберг;

• Камер-Юнгфера Е.В. Государыни Императрицы Александры Фёдоровны Анна Степановна (Стефановна) Демидова;

• Камердинер при комнатах Е.В. Государя Императора Николая II Александровича Терентий Иванович Чемадуров;

• Помощник Камердинера Степан… Макаров;

• Камердинер при комнатах Е.В. Государыни Императрицы Алексей Андреевич Волков;

• Лакей Е.И.В. Наследника Цесаревича и Великого Князя Сергей Иванович Иванов;

• Лакей 2-го разряда при Комнатах Их Императорских Высочеств Августейших Детей Их Императорских Величеств Иван Дмитриевич Седнев;

• Дядька при Наследнике Цесаревиче Клементий Григорьевич Нагорный;

• Лакей 1-го разряда при Комнатах Е.В. Государыни

Императрицы Алоизий (Алексей) Егорович Трупп;

• Лакей Графа И. Л. Татищева и Князя В. А. Долгорукова Петр… Тютин;

• Прислуга С. И. Гиббса Анфиса Иванова;

• Прислуга Графини А. В. Гендриковой Паулина Касперовна Межанц;

• Прислуга Е.А. Шнейдер Екатерина Живая;

• Прислуга Е.А. Шнейдер Мария Кулакова;

• Лакей….. Киселёв;

• Лакей Ермолай Дмитриевич Гусев;

• Лакей Григорий Иванович Солодухин;

• Старший повар Иван Михайлович Харитонов;

• Старший Повар Дмитрий Михайлович Верещагин;

• Повар Владимир Никитович Кокичев;

• Младший поваренный ученик Леонид Иванович Седнев;

• Лакей 1-го разряда Франц А. Журавский;

• Кухонный служитель – Сергей… Михайлов;

• Кухонный Служитель Василий… Терехов;

• Кухонный Служитель Франц… Терехов;

• Кухонный служитель Франциск Станиславович Пюрковский;

• Кухонная прислуга Евдокия… Поумянова;

• Кухонная прислуга Евдокия… Клюсова;

• Кухонная прислуга Анна… Коскина;

• Кухонная прислуга Мария… Соболева;

• Кухонная прислуга Людмила… Вакулина;

• Кухонный рабочий Прокопий… Дормидонтов;

• Работник при Винной Кладовой Василий Семёнович Рожков;

• Буфетный служитель Яков… Селинов;

• Гардеробщик Я… Ступель;

• Служитель Михаил… Карпов;

• Рабочий при пекарной должности Василий Кузьмич Смирнов;

• Писец Канцелярии Александр Петрович Кирпичников.

42

Ордовский-Танаевский Н. А. – Действительный Статский Советник, Тобольский гражданский губернатор (18.11.1915–1917).

43

Дневники Николая II и императрицы Александры Фёдоровны в двух томах. Том второй (1 августа – 16 июля 1918). Ответственный редактор и составитель кандидат исторических наук В. М. Хрусталёв. М., Издательство «Вагриус», 2008, стр. 21.

Чернова О. В. Верные. О тех, кто не предал Царственных Мучеников. М., Издательство «Русскій Хронографъ», 2010, стр. 31, 32.

45

Газета «Сибирский листок», № 98 от 8 августа 1917 года.

46

Имеется в виду книга Татьяны Мельник (урождённой Боткиной) «Воспоминания о Царской Семье и Её жизни до и после революции», рукопись которой Судебным Следователем Н. А. Соколовым была приобщена к Следственному Производству в качестве вещественного доказательства.

Мельник-Боткина Т. Е. (урождённая Боткина). Указ. соч., стр. 69, 70.

48

Дневники Николая II и императрицы Александры Фёдоровны в двух томах. Том второй, стр. 180.

49

Там же, стр. 210.

50

«Жилик» – дружеское прозвище П. Жильяра, укоренившееся за ним в Царской Семье.

51

Письма Святых Царственных Мучеников из заточения. Автор-составитель Е. Е. Алферьев. Издание 3-е, исправленное и дополненное. Под редакцией Н. Н. Шумских. Санкт-Петербург, Издательство Спасо-Преображенского Валаамского монастыря, стр. 141.

52

Император Николай II и Его Семья. (Петергоф, Сентябрь 1905 – Екатеринбург, Май 1918 г.) По личным воспоминаниям П. Жильяра, бывшего наставника Наследника Цесаревича Алексея Николаевича. С предисловием С. Д. Сазонова, бывшего Министра Иностранных дел. Вена, Издательство «Русь», 1921, стр. 233, 234.

53

Полковник Е. С. Кобылинский занимал в то время должность Штаб-Офицера для поручений при Главном Начальнике Тюменского военного Округа.

54

Генерал-Лейтенант М. М. Аничков с 1891 по 1917 годы числился Исправляющим Должность Заведующего Хозяйством Гофмаршальской части Министерства Двора и Уделов.

55

Протокол допроса свидетеля Е. С. Кобылинского в г. Екатеринбурге Судебным Следователем по особо важным делам при Омском Окружном Суде Н. А. Соколовым от 6–10 апреля 1919 года. Опубл.: Гибель Царской Семьи. Материалы следствия по делу об убийстве Царской семьи (август 1918 – февраль 1920). Составитель Н. Г. Росс. Франкфурт-на-Майне, 1987, стр. 298.

56

Дневники Николая II и императрицы Александры Фёдоровны в двух томах. Том второй, стр. 295.

Там же, стр. 296.

Там же, стр. 296, 297.

В связи с этими обстоятельствами, со слов Полковника Е. С. Кобылинского были уволены:

Помощник Камердинера (Т. И. Чемадурова) Степан… Макаров;

Лакей….. Киселёв;

• Лакей Ермолай… Гусев;
• Лакей Григорий Иванович Солодухин;
• Буфетный служитель Дормидонтов;
• Старший повар Дмитрий Михайлович Верещагин;
• Кухонный служитель Сергей… Михайлов;
• Кухонный служитель Франц… Пюрковский;
• Гардеробщик Я… Ступель;
• Повар Кокичев и др.

60

Дневники Николая II и императрицы Александры Фёдоровны в двух томах. Том второй, стр. 297.

61

Марков С. В. – пасынок Думбадзе, Корнет Крымского Конного Ея Величества Государыни Императрицы Александры Фёдоровны полка. Прибыл в Тобольск 25 (12) марта.

62

Дневники Николая II и императрицы Александры Фёдоровны в двух томах. Том второй, стр. 331.

63

Вероятнее всего, Государь что-то путает, так как последним Могилёвским Вице-Губернатором (с 1914 по 1917 год) был В. А. Друцкой-Соколинский, в то время как В. Н. Штейн был последним Воронежским Вице-Губернатором (с 26.10.1915 г. по 6.03.1917 г.)

64

Дневники Николая II и императрицы Александры Фёдоровны в двух томах. Том второй, стр. 332.

65

Письмо написано в декабре 1917 года.

Чернова О. В. Верные. О тех, кто не предал Царственных Мучеников. М., Издательство «Русскій Хронографъ», 2010, стр. 97.

Там же, стр. 97, 98.

Так как Чрезвычайный Комиссар ВЦИК В. В. Яковлев не объяснил Государю и Государыне конечный пункт Их следования, то Они полагали, что, вероятнее всего, поедут в Москву, где экс-Императору могут предложить подписать с Германией позорное «мирное соглашение».

Впоследствии именно эти два дуэльных капсюльных пистолета (которые, вероятнее всего, Князь В. А. Долгоруков по своей наивности держал при себе на случай возможной дуэли) и послужили поводом для распространения слухов о том, что он, якобы, приобрёл у охраны два револьвера Нагана.

Чуцкаев С. Е. занимал в то время выборную должность Председателя Президиума Екатеринбургского Городского Совдепа, являясь одновременно членом Чрезвычайной Следственной Комиссии.

71

80 тысяч рублей – были частью той самой суммы в 250 тысяч, которую В. Н. Штейн привёз в Тобольск для передаче Царской Семье.

72

«Филипп» – одна из партийных кличек Ф. И. Голощёкина – Секретаря Уральского Областного Комитета РКП(б), члена партии с 1905 года, доверенного лица В. И. Ленина и Я. М. Свердлова на Урале. Его настоящее имя – Шая-Ицка Исаакович, но, чтобы быть «ближе к массам», он, зачастую, называл себя «Филиппом Исаевичем» или даже «Филиппом Ивановичем».

73

Совещание Старых Большевиков по вопросу пребывания Романовых на Урале (Первичная расшифровка текста стенограммы). ЦДООСО. Ф. 41, оп. 1, д. 150, л.л. 1–33. Машинопись. Опубл.: Исповедь цареубийц. Подлинная история великой трагедии. Убийство Царской Семьи в материалах Предварительного Следствия и в воспоминаниях лиц, причастных к совершению этого преступления. Автор-составитель Жук Ю. А. М., ООО «Издательский дом «Вече», 2008, стр. 318.

Весьма примечателен тот факт, что П. М. Быков ни словом не обмолвился об изъятых у Князя В. А. Долгорукова, каких-нибудь «револьверах», что даёт ещё большие основания для предположения, что таковых не было вовсе. А, кроме того, упоминание о двух картах Сибири уж очень перекликается с воспоминаниями бывшего Коменданта Дома Особого Назначения А. Д. Авдеева «Николай II в Тобольске и Екатеринбурге», в которых тот, в частности, писал, что при осмотре ручного багажа Государыни были изъяты *«…фотографический карманный аппарат и подробная точная карта Екатеринбурга»*. Но если с какой-то минимальной долей вероятности, всё же, можно предположить, что верный Валя имел-таки при себе какие-то «2 карты Сибири», пытаясь при их помощи разработать маршрут тайного отъезда Царской Семьи из Тобольска, то наличие у Государыни «подробной точной карты Екатеринбурга» – явный авдеевский вымысел. Ибо Государыня, равно как и Государь, до самого последнего момента не могли предположить, что окажутся в столице «Красного Урала», а значит, и заготовить заранее план этого города.

Быков П. М. «Последние дни последнего царя».

ГА РФ. Ф. 601, оп 2, д. 48, л. 2.

Там же, л. 6.

Там же, л. 4.

79

Имеется в виду телефонограмма Председателя Президиума ВЦИК Я. М. Свердлова Председателю Президиума Исполкома Уральского Областного Совета А. Г. Белобородову о необходимости введения строгого режима содержания Государя Императора Николая II Александровича:

Принята 3. V. 1918 г. [в] 23 ч. 50 м.

Из Москвы, Кремля.

ЗАПИСКА

Предлагаю содержать Николая самым строгим порядком. Яковлеву поручается перевозка остальных. Предлагаю прислать смету всех расходов, считая караул. Сообщите подробности условий нового содержания.

Председатель [В]ЦИК Свердлов

На этом документе имеется помета: «Лично передал по телефону 24 часа. Сибирев»

ГА РФ. Ф. 130, оп. 2, д. 1109, л. 24. Подлинник.

80

ГА РФ. Ф. 1235, оп. 79, д. 5, л. 176–178. Подлинник.

81

ГА РФ. Ф. 601, оп 2, д. 48, л. 8.

82

ГА РФ. Ф. 1235, оп. 34, д. 36, л. 12.

Там же, л. 31.

Эти показания на процессе лже-Анастасии (Анны Андерсон) сэр Т. Г. Престон дал под присягой в письменной форме. Не менее интересны также и его показания от того же числа в отношении перевода Царской Семьи из Тобольска в Екатеринбург:

«Я, Томас Гильдебранд Престон, проживающий по адресу Пикадилли, 106, Лондонское графство, под присягой заявляю следующее: 1. В сентябре 1913 года я был назначен британским вице-консулом в Екатеринбурге (Россия). Территория, на которой я осуществлял консульские полномочия, была обширной, поскольку охватывала Урал до города Перми на западе и Акмолинскую область и Западную Сибирь на востоке. Позднее я был возведен в ранг консула, и мои полномочия увеличились. 2. После отъезда из России сэра Джорджа Бьюкенена, посла Великобритании, в самом начале революции, я не получил никаких указаний (телеграф работал нерегулярно) покинуть свой пост, и у меня не оставалось иного выбора, кроме как продолжать выполнять свои обязанности, тем более, что в качестве главы дипломатического корпуса я нес ответственность за безопасность всех иностранных подданных, проживающих там. В силу этого я стал свидетелем, пожалуй, самого страшного в новейшей истории террора. Я оставался в Екатеринбурге вплоть до освобождения города 25 июля 1918 года частями Сибирской (Белой) Армии и мятежными отрядами чехов, а затем – до июня 1919 года, когда я отправился на Дальний Восток с остатками вооруженных сил Колчака. С самых первых дней большевицкой революции – с октября/ноября 1917 года – я был единственным официальным представителем Великобритании на территории от Москвы, где нашим представителем являлся сэр Брюс Локкарт, и до Владивостока на Дальнем Востоке, где британским консулом был мистер (впоследствии сэр) Роберт Ходжсон, которого я сменил на этом посту осенью 1919 года. Британская военная миссия, возглавляемая генералом сэром Альфредом Ноксом, прибыла в Екатеринбург вскоре после разгрома большевицкой армии в июле 1918 года, когда в городе были уже восстановлены нормальные условия жизни. 3. После большевицкого государственного переворота в октябре 1917 года я обратился к Уральскому совету, который отказался признать меня в качестве британского консула ввиду того, как заявили представители совета, что мой посол уехал из России, и, по слухам, британские войска намеревались высадиться в районе Архангельска. Я объяснил, что в качестве главы дипломатического корпуса представляю интересы всех

иностранцев, включая граждан нейтральной Скандинавии, и в качестве такового я впоследствии смог установить деловые отношения с Уральским советом. 4. В начале апреля 1918 года до нас в Екатеринбурге дошли слухи, что советские власти как в Москве, так и в Екатеринбурге, проявляют беспокойство в отношении русской Императорской семьи, находившейся в то время в заточении в Тобольске. Предполагалось, что её присутствие вызывает монархические чувства, и что могут быть предприняты попытки позволить ей скрыться. В середине апреля Янкель Свердлов, председатель Центрального исполнительного комитета в Москве, под германским давлением (со стороны графа Мирбаха, германского посланника, впоследствии убитого) направил в Тобольск комиссара Яковлева с поручением доставить Императорскую семью в Москву с целью принудить Царя подписать Брест-Литовский договор с немцами. Однако Яковлев вел двойную игру: выполняя требование немцев вывезти Императорскую семью из Тобольска, он одновременно пошёл навстречу пожеланиям Уральского совета и позволил ему арестовать Императорскую семью по пути в Екатеринбург. 5. 30 апреля 1918 года Император, Императрица, Великая княжна Мария, доктор Боткин и трое слуг – Анна Демидова (комнатная девушка Императрицы), Чемодуров (лакей Императора) и Седнев – прибыли в Екатеринбург. Уральский совет попытался сохранить в глубокой тайне приезд Императорской семьи в Екатеринбург. Однако известие об этом вскоре просочилось наружу, и на станции Екатеринбург-1, куда подошёл Императорский поезд, а затем и около дома Ипатьева, куда должны были поместить Царскую семью, собралось значительное количество любопытных. Чтобы не привлекать внимание толпы, власти отогнали поезд на станцию Екатеринбург-2 (товарная станция), направив туда автомобили, чтобы погрузить в них приехавших. По поводу большевицких чиновников, которые сыграли ведущую роль в этих трагических, но исторических событиях. Членами президиума Екатеринбургского совета были Белобородов (председатель), Сыромолотов, Голощёкин, Сафаров, Войков и Чуцкаев. Чуцкаев не всегда упоминался в качестве члена президиума, но действовал, как заместитель Белобородова; именно с ним я встречался почти ежедневно, когда делал представления по поводу безопасности и обращения с Императорской семьёй. Из других членов президиума я много лет был знаком с Сыромолотовым в связи с горно-рудной промышленностью. С Войковым я тоже был прежде знаком. Что же касается Голощёкина, который до революции был помощником зубного врача, то после убийства Императорской семьи я имел с ним весьма неприятную встречу на

Екатеринбургском телеграфе».
http://nowa.cc/archive/index.php/t-28477.html .

85

Дата указана по старому стилю. (3 мая 1918 г.)

86

Дневники Николая II и императрицы Александры Фёдоровны в двух томах. Том второй, стр. 402.

87

Там же, стр. 412.

Этот огород всего в четыре грядки, обустроенный по инициативе Князя Г. Е. Львова, при поддержке тюремной администрации, возделывался руками арестантов.

89

См. документ № 6 Части I, раздел «Князь В. А. Долгоруков в материалах Следственного Производства 1918–1920 г.г.».

90

«Последние дни Романовых. Личные записки чекиста А. Кабанова, непосредственного участника кровавых событий – казни Николая Второго». Опубл.: Исповедь цареубийц, стр. 125.

91

В начале XX века «уголовной» тюрьмой называли Екатеринбургский Тюремный Замок (Тюрьма № 1), в котором в то время содержались уголовные и политические преступники и который к тому же являлся пересыльной тюрьмой. (В настоящее время на его территории находится Следственный Изолятор № 66/1.) А так называемый Арестный дом (или Тюрьма № 2) до 1917 года официально назывался «Екатеринбургским помещением арестуемых по приговорам Городских Судей и Земских Начальников». (В настоящее время в этом помещении находится один из корпусов Городской клинической больницы № 1.) В 1918 году в нём содержались лица, арестованные исключительно по политическим мотивам, к коим, безусловно, относились Князь Г. Е. Львов и епископ Гермоген (в миру Г. Е. Долганёв), а также приближённые и слуги Царской Семьи: Князь В. А. Долгоруков, Граф И. Л. Татищев, Графиня А. В. Гендрикова, Е. А. Шнейдер, А. А. Волков, И. Д. Седнев и К. Г. Нагорный.

Волков А. А. Около Царской Семьи. Частная фирма «Анкор», М., 1993, стр. 86, 87.

93

ГА РФ. Ф. 601, оп 2, д. 48, л. 9.

Император Николай II и Его Семья, стр. 277.

Запись рассказа Г. П. Никулина. Архив семьи Медведевых.

96

См. документ № 2 Части I, раздел «Князь В. А. Долгоруков в материалах Следственного Производства 1918–1919 г.г.».

97

Об этой дате А. А. Волков сообщает на допросе у следователя Н. А. Соколова, произведённом последним в г. Омске 20–23 августа 1919 года.

98

Запись беседы с Г. П. Никулиным в помещении Государственного Комитета СССР по радиовещанию и телевидению от 13 мая 1964 года. РГАСПИ. Ф. 588, оп. 3, д. 13, л.л. 1–71. Опубл.: Исповедь цареубийц, стр. 240.

99

Протокол допроса свидетеля П. Жильяра Членом Екатеринбургского Окружного Суда И. А. Сергеевым от 12–14 сентября 1918 года. Опубл.: Гибель Царской семьи. Материалы следствия по делу об убийстве Царской семьи (Август 1918 – февраль 1920). Составитель Росс Н. Г. Франкфурт-на-Майне, Издательство «Посев», 1987, стр. 106.

100

Объяснение Поручика И. Толстоухова от 27 января 1919 года. Там же, стр. 132.

101

Протокол допроса свидетеля Е. С. Кобылинского Судебным Следователем по особо важным делам при Омском Окружном Суде Н. А. Соколовым от 6–10 апреля 1919 года. Там же, стр. 311.

102

Протокол допроса свидетеля П. Жильяра Следователем по особо важным делам при Омском Окружном Суде Н. А. Соколовым от 27 августа 1919 года. Там же, стр. 454.

103

Протокол допроса свидетеля П. Т. Самохвалова Судебным Следователем по особо важным делам при Омском Окружном Суде Н. А. Соколовым от 20–21 ноября 1919 года. Там же, стр. 494.

104

Российский Архив. История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX в.в. Выпуск VIII. Н. А. Соколов. Предварительное следствие 1919–1922 г.г. Составитель Л. А. Лыкова. М., Студия «ТРИТЭ» Никиты Михалкова, РИО «Российский Архив», РЦХИДНИ, 1998, стр. 209–212.

105

Статья «Жизнь – государю, честь – никому: нравственный выбор Евгения Сергеевича Боткина. (К 140-летию со дня рождения)». Бюллетень Сибирской Медицины. 2006. № 1, стр. 109–116.

106

Там же.

107

Д-р Евг. Серг. Боткин. Свет и тени Русско-японской войны 1904–5 гг. (Из писем к жене). С-Петербург. Типография М. М. Стасюлевича, 1908. Опубл.: Ковалевская О. Т. С Царём и за Царя. Мученический венец Царских слуг. М., Издательство «Русскій Хронографъ», 2008, стр. 222–223.

Там же, стр. 232.

109

Там же, стр. 322.

В большинстве работ, посвящённых доктору Е. С. Боткину, указывается, что он был награждён Орденами Св. Владимира II и III степени. Однако это неверно, так как Почётный Лейб-Медик Е. С. Боткин за участие в Русско-японской войне 1904–1905 г.г. был Высочайше пожалован Знаками Ордена Св. Владимира IV с мечами и бантом и III степени с мечами. А годами ранее за свою беспорочную службу: Орденами Св. Анны III степени, Орденом Св. Станислава III степени, медалями «В память Коронации Императора Николая II» и «В память 300-летия царствования Дома Романовых». Наряду с наградами Императорской России, Е. С. Боткин был также награждён сербским орденом Св. Саввы II ст. и болгарским орденом «За гражданские заслуги» II степени. Но на большинстве фотографий Е. С. Боткин запечатлён с Орденами Св. Владимира, которые были ему наиболее дороги, как полученные за проявленное им мужество непосредственно на поле боя.

111

Статья «Жизнь – государю, честь – никому: нравственный выбор Евгения Сергеевича Боткина. (К 140-летию со дня рождения)». Бюллетень Сибирской Медицины. 2006, № 1.

112

Так Государыня Императрица Александра Фёдоровна называла своих недругов, объединившихся вокруг Двора Черногорских Княжон: Станы Николаевны и Милицы Николаевны, которые стали супругами Великих Князей Николая Николаевича-младшего и его родного брата Петра Николаевича.

113

Мосолов А. А. При Дворе последнего Российского императора. М., Частная фирма «Анкор», 1993, стр. 112.

114

Статья «Жизнь – государю, честь – никому: нравственный выбор Евгения Сергеевича Боткина. (К 140-летию со дня рождения)». Бюллетень Сибирской Медицины. 2006, № 1.

115

Там же.

116

Вильчковский С. Н. – Полковник. В годы Первой мировой войны 1914–1918 г.г. – Начальник Собственного Её Императорского Величества Государыни Императрицы Царскосельского лазарета № 3 при Дворцовом Госпитале, Управляющий лазаретами и госпиталями Царского Села и Павловска.

117

Чернова О. В. Верные до смерти. С.-Петербург, Издательство «Сатисъ», 2007, стр. 67.

118

ГА РФ. Ф. 740, оп. 1, д. 212, лл. 1–4. Опубл.: Мельник-Боткина Т. Е. (урождённая Боткина). Указ. соч., стр. 115–119.

119

Дуцман В. А. – Представитель Западно-Сибирского Совдепа в Тобольске.

120

Это письмо Т. Е. Боткиной принёс К. Г. Нагорный.

121

Имеется в виду бывшая воспитательница Графини А. В. Гендриковой – Викторина Владимировна Николаева, прибывшая в Тобольск 14(27.09.)1917 г.

Мельник-Боткина Т. Е. (урождённая Боткина). Указ. соч., стр. 91–94.

123

Дневники Николая II и императрицы Александры Фёдоровны в двух томах. Том второй, стр. 382.

124

Так называли дом инженера Н. Н. Ипатьева в период содержания в нём Царской Семьи с 30 апреля по 16 июля 1918 года.

125

Юровский Я. М. Последний царь нашёл своё место. Архив Президента РФ. Ф. 3, оп. 58, д. 280. Машинопись с рукописной правкой. Опубл.: Исповедь цареубийц, стр. 301.

126

Запись беседы с Г. П. Никулиным… РГАСПИ. Ф. 588, оп. 3, д. 13, л.л. 1–71. Опубл.: Исповедь цареубийц, стр. 210.

127

ГА РФ. Ф, 740, оп. 1, д. 6, л. 1, 1 об. Автограф. Опубл.: Ковалевская О. Т. С Царём и за Царя. Мученический венец Царских слуг, стр. 166.

128

ГА РФ. Ф. 601, оп. 2, д. 37, л. 1. Опубл.: Ковалевская О. Т. С Царём и за Царя. Мученический венец Царских слуг, стр. 167.

129

ГА РФ. Ф.601, оп. 2, д. 37, л. 1–1 об. Опубл.: Алексеев В. В. Гибель Царской Семьи: мифы и реальность. (Новые документы о трагедии на Урале.) Екатеринбург, «Банк культурной информации», 1993, стр. 88.

130

Там же, стр. 89.

131

Там же, стр. 90, 91.

132

Там же, стр. 91.

133

Там же.

Там же, стр. 92.

135

Там же.

Там же, стр. 88.

137

Дневники Николая II и императрицы Александры Фёдоровны в двух томах. Том второй, стр. 490, 491.

138

Там же, стр. 492.

139

Там же, стр. 493.

140

Там же, стр. 495.

141

Там же, стр. 513.

142

Йоганн Людвиг Майер – бывший военнопленный Австро-Венгерской армии, в 1956 году опубликовавший свои воспоминания под названием «Как погибла Царской Семья» в германском журнале «Семь дней». В России вследствие неправильного первичного перевода его фамилию стали писать как «Мейер».

143

Мейер Й. Как погибла Царская Семья. М., Товарищество «Возрождение» Всероссийского фонда культуры, 1990, стр. 16–18.

144

В настоящее время в фонде 740 ГА РФ имеются несколько писем Т. Е. Боткиной, которые она написала в Екатеринбург своему отцу.

145

Эта фраза вписана между строчками мелким почерком.

146

ГА РФ. Ф. 740, оп. 1, д. 26. Опубл.: Ковалевская О. Т. С Царём и за Царя. Мученический венец Царских слуг, стр. 157, 158.

147

Там же, стр. 160, 161.

148

В письме нет обращения, кроме того, создаётся впечатление, что его текст отрывочен из-за имеющихся в нём отточий. Однако со слов исследователя жизни Царских слуг О. Т. Ковалевской, текст этого письма в числе прочих других был ею получен от семьи Йорданов, что даёт возможность предположить, что они были отправлены именно сыну Е. С. Боткина, Юрию.

149

«Кадетская перекличка» (Периодический журнал Объединения Российских Кадетских Корпусов за рубежом). Нью-Йорк (США), XXXIV год, № 75. Нью-Йорк, 2004, стр. 118–119. Опубл.: Царский Лейб-Медик. Жизнь и подвиг Евгения Боткина. Т. Е. Боткина. Воспоминания о Царской Семье. Санкт-Петербург, Издательство «Царское Дело», 2010, стр. 488, 489.

150

Вероятнее всего, это описка автора письма либо типографская опечатка. Следует читать: «26 Апреля (9 Мая)».

151

Евангелие от Матфея. Глава 6. Стих 34.

152

Царский Лейб-Медик. Жизнь и подвиг Евгения Боткина, стр. 489, 490.

153

См. Часть I, раздел «Письма Е. С. Боткина из заточения».

154

Запись беседы с Г. П. Никулиным… Опубл.: Исповедь цареубийц, стр. 219.

155

Об этой фразе Е. С. Боткина упоминает М. А. Медведев (Кудрин) в своих воспоминаниях «Расстрел царской семьи Романовых в городе Екатеринбурге в ночь на 17 июля 1918 года (воспоминания участника расстрела)». Опубл.: Исповедь цареубийц, стр. 188.

156

Юровский Я. М. Указ. соч. Опубл.: Исповедь цареубийц, стр. 296.

157

Царский Лейб-Медик. Жизнь и подвиг Евгения Боткина, стр. 485, 486.

158

Начиная с этой строчки фрагмент данного письма приведён на стр. 111 книги Татьяны Мельник (урождённой Боткиной) «Воспоминания о Царской Семье и Её жизни до и после революции».

159

Там же, стр. 486, 487.

160

Царский Лейб-Медик. Жизнь и подвиг Евгения Боткина, стр. 487, 488.

161

ГА РФ. Ф.740, оп. 1, д. 12, лл. 1–4. Опубл. Татьяна Мельник (урождённая Боткина). Указ. соч., стр. 115–119.

162

Протокол допроса Г. И. Суетина от 2 октября 1918 года И.д. Начальника Управления Екатеринбургского Уголовного Розыска Плешковым. Опубл.: Гибель Царской семьи. Материалы следствия по делу об убийстве Царской семьи (Август 1918 – февраль 1920), стр. 93.

163

Упоминаемый палец был обнаружен следствием при промывке ила, скопившегося на дне заброшенной шахты № 7 рудника «Ганина яма», в которой было произведено первоначальное «захоронение» Царской Семьи и Её верных слуг, убитых в доме Ипатьева.

Проводивший следствие Член Екатеринбургского Окружного Суда И. А. Сергеев называет эту улику «оторванный человеческий палец», справедливо полагая, что он был оторван в результате взрыва гранаты. (См. Постановление от 20 февраля 1919 года. Опубл.: Гибель Царской Семьи. Материалы следствия по делу об убийстве Царской семьи (Август 1918 – февраль 1920), стр. 158.) И это вполне логично, так как в своём желании замести следы лица, участвовавшие в первичном «захоронении» Царской Семьи и Её верных слуг, сбросили их тела в старую шахту, которую поначалу имели намерение завалить, кинув в неё не менее двух гранат.

165

Правильно – С. С. Кострицким.

166

Протокол допроса свидетеля П. Жильяра от 12–14 сентября 1918 года Членом Екатеринбургского Окружного Суда И. А. Сергеевым. Опубл.: Гибель Царской семьи. Материалы следствия по делу об убийстве Царской семьи (Август 1918 – февраль 1920), стр. 107.

167

Представление Товарища Прокурора Екатеринбургского Окружного Суда Н. Н. Магницкого от 30 декабря 1918 года Прокурору Екатеринбургского Окружного Суда В. Ф. Иорданскому. Опубл.: Там же, стр. 125.

168

Запрос Судебного Следователя по особо важным делам при Омском Окружном Суде Н. А. Соколова от 11 февраля 1919 года во Владивостокский Окружной Суд в отношении вещественных доказательств. Опубл.: Там же, стр. 199.

169

Протокол осмотра пакета с вещественными доказательствами от 14 марта 1919 года И.д. Судебным Следователем 2-го Участка Владивостокского Окружного Суда Зеленецким. Опубл.: Там же, стр. 247.

170

Протокол допроса свидетеля В. С. Боткина от 14 марта 1919 года И.д. Судебным Следователем 2-го Участка Владивостокского Окружного Суда Зеленецким. Опубл.: Там же, стр. 247, 248.

171

Протокол допроса обвиняемого Ф. П. Проскурякова от 1–3 апреля 1919 года Судебным Следователем по особо важным делам при Омском Окружном Суде Н. А. Соколовым. Опубл.: Там же, стр. 273.

172

Протокол допроса свидетеля Е. С. Кобылинского от 6–10 апреля 1919 года Судебным Следователем по особо важным делам при Омском Окружном Суде Н. А. Соколовым. Опубл.: Там же, стр. 310, 313.

173

Протокол допроса свидетеля А. А. Теглевой от 17 июля 1919 года Судебным Следователем по особо важным делам при Омском Окружном Суде Н. А. Соколовым. Опубл.: Там же, стр. 404.

174

Протокол допроса свидетеля М. Г. Туттельберг 23–27 июля 1919 года Судебным Следователем по особо важным делам при Омском Окружном Суде Н. А. Соколовым. Опубл.: Там же, стр. 415.

175

Сиротский Суд – учреждение, заведовавшее в Российской Империи опекунскими и сиротскими делами в отношении лиц, относящихся к городскому сословию.

176

В настоящее время дома за №№ 28 и 31 по Советскому проспекту. В доме № 51 сейчас находится Череповецкий Городской Военный Комиссариат.

177

По стечению обстоятельств свои последние дни и мученическую кончину А. С. Демидова приняла в доме Ипатьева, также расположенном на Воскресенском проспекте.

178

Краткий очерк 50-летней деятельности Череповецкого Общества взаимного от огня страхования. 1865–1915 г.г. Череповец, 1905.

179

Леушинский Иоанно-Предтеченский женский монастырь ведет свою историю от 1875 года, то есть с того момента, когда в селении Леушино близ р. Шексны (между Череповцом и Рыбинском) была образована Леушинская женская монашеская община. С 1881 года главой этой общины была назначена инокиня Таисия, трудами которой уже через четыре года община была обращена в Иоанно-Предтеченский Леушинский монастырь, ставший впоследствии одной из трех «женских лавр» России, наряду с Дивеево и Шамордино. В канун 1917 г. в нём подвизалось около 700 насельниц. Главный храм монастыря – величественный пятиглавый собор Похвалы Божией Матери – стал самым большим в России Похвальским собором. Монастырь оставался действующим до 1931 г., после чего в апреле 1941 года был затоплен водами Рыбинского водохранилища.

180

Настоятельница Иоанно-Предтеченского Леушинского первоклассного женского монастыря Игуменья Таисия (в миру – Мария Васильевна Солопова) родилась в Санкт-Петербурге в 1842 году. Её родители происходили из древних дворянских фамилий: отец – Василий Васильевич – Потомственный Дворянин, мать – Виктория Дмитриевна – москвичка из рода Пушкиных, к которому принадлежал и великий русский поэт. Мария Васильевна Солопова получила блестящее образование, окончив в 1860 году курс обучения в Павловском Институте благородных девиц в Санкт-Петербурге. После окончания этого учебного заведения Мария решила посвятить всю свою дальнейшую жизнь служению Богу. С этой целью она в 1861 году поступает послушницей в Тихвинский Введенский монастырь, в котором проводит почти 10 лет жизни. 13 мая 1870 года во Введенском соборе монастыря она была пострижена в рясофор (монахиню первой степени пострижения, имеющую право носить рясу и камилавку) с именем Аркадия, а через два года служения перешла в Покровский Зверин монастырь в Новгороде, где подвизаясь шесть лет, исполняет послушание регента. В 1878 году инокиня Аркадия была переведена в Знаменский Званский Державин монастырь на Волхове в 70 верстах от Новгорода на должность казначеи. В этой обители 10 мая 1879 г. она была пострижена в мантию с наречением имени Таисия. В ночь на 3 февраля 1881 г. монахиня Таисия увидела необычный сон, в котором «вдруг сверху, как бы с неба упал прямо (ей) в правую руку настоятельский посох», и во вратах монастыря её встретил крестный ход. На следующий день монахиня Таисия была вызвана в Санкт-Петербург для получения указа митрополита Исидора о назначении её настоятельницей Леушинской общины. С этого дня вся последующая жизнь матушки Таисии была связана с местечком Леушино. Уже через четыре года, благодаря её беспримерному служению на благо Леушинской общины, таковая была обращена в Иоанно-Предтеченский Леушинский монастырь, который её трудами ещё через несколько лет достиг необычайного духовного расцвета. В нём были воздвигнуты два каменных собора, открыты духовные школы, а также основаны иконописная и золотошвейная мастерские. Наряду с этим, в Санкт-Петербурге, Череповце и Рыбинске были устроены подворья. (В одно из таких подворий – Санкт-Петербургское – и поступила впоследствии А. С. Демидова.) С начала 1890-х гг. игуменья Таисия во всех трудах руководствовалась советами и

благословениями о. Иоанна Кронштадтского (в миру – И. И. Сергиев), с которым была знакома 35 лет и который не раз посещал возглавляемую ей обитель. В 1889 году Святейший Синод наградил матушку наперсным крестом. В 1892 году она была награждена золотым крестом с украшениями от Кабинета Его Императорского Величества. В 1904 году Матушка Таисия была впервые представлена Государыне Императрице Александре Фёдоровне, и с этого времени их связывали глубокие духовные отношения. В 1911 году игуменья Таисия имела честь представляться Государю Императору Николаю II и всей Августейшей Семье. В том же году ей были подарены портреты Царственной Четы с собственноручными подписями, а немногим позднее – аметистовые чётки. Наряду с просветительской деятельностью, игуменья Таисия являлась также и автором многих духовных книг, среди которых: «Письма к новоначальной инокине», «Духовные стихотворения», «Беседы с о. Иоанном Кронштадтским» и др.

181

Существует также версия, что А. С. Демидова окончила Ярославский Институт благородных девиц, основанный в 1816 году французом Луи Дювернуа, где на весьма профессиональном уровне преподавались такие предметы, как домоводство, музыка, рисование и рукоделие. Более же серьёзные предметы считались необязательными, а посему не были включены в программу обучения.

182

В свою очередь, бывший Камердинер при Комнатах Государя Т. И. Чемадуров 15–16 августа 1918 года на допросе у Члена Екатеринбургского Окружного Суда И. А. Сергеева показал, что *«… А. С. Демидова – девушка лет 40, из мещанок г. Череповца, окончившая курс Петроградского Демидовского Училища»*. Однако этим его показаниям не стоит придавать серьёзного значения, поскольку, во-первых, в конце XIX века подобных училищ просто не существовало, ибо Санкт-Петербург был переименован в Петроград лишь в 1914 году. А, во-вторых, в бывшем Петербургском Демидовском Училище (с 1841 года – Петроградское Коммерческое Училище) обучались только сыновья неимущих дворян, купцов и чиновников, но никак не лица женского пола.

183

В 1937 году Ф. М. Юткин как «контрреволюционер» был осуждён Особой тройкой УНКВД по Вологодской области и умер в местах лишения свободы. Его сын – Алексей Фёдорович Юткин, окончив Лесомеханический техникум, а затем институт, стал прекрасным специалистом в области лесной промышленности, со временем возглавившим Производственный отдел капитального строительства Вологодского Совнархоза. Трое из его четверых детей живут в Череповце. Дочь Нина Алексеевна Опарина – фельдшер одной из городских подстанций Скорой помощи. (Вдова погибшего в Афганистане в 1982 году Заместителя командира полка по политической части, Героя Советского Союза А. Я. Опарина.) Сын Владимир Алексеевич – подполковник ВВС, лётчик 1-го класса. Дочь Валентина Алексеевна Кондина – Заведующая лабораторией, а проживающая в Санкт-Петербурге дочь Наталья Алексеевна – техник-строитель.

Степанова (Габдуллина) И. Черкни, хотя бы открытку…, Журнал «Огонёк», 1996, № 30.

185

Там же.

Там же.

187

Имеются в виду семь человек Членов Царской Семьи.

Графиня А. В. Гендрикова.

Е. А. Шнейдер.

Князь В. А. Долгоруков.

191

А. С. Демидова.

А. А. Теглева.

193

Е. Н. Эрсберг.

Полковник Е. С. Кобылинский.

195

Дневники Николая II и императрицы Александры Фёдоровны в двух томах. Том второй, стр. 7.

196

Под «домом № 1» А. С. Демидова имеет в виду бывший Губернаторский дом, где была поселена Царская Семья и некоторая часть прислуги, а под «домом № 2» – бывший дом рыбопромышленника купца Корнилова, куда была заселена остальная часть слуг.

197

Графиня А. В. Гендрикова. В коллекции фотографий, снятых П. Жильяром в Тобольске в 1917 году, есть и фото графини А. В. Гендриковой, запечатлённой им на фоне этой самой горы.

198

Упоминаемая Маша – вероятнее всего, Мария Кулакова, прислуга Е. А. Шнейдер.

199

Князь В. А. Долгоруков.

200

Ольга – Великая Княгиня Ольга Александровна, Порфирородная Сестра Государя.

201

Соня – Баронесса София Карловна Буксгевден, одна из ближайших подруг Государыни, задержавшаяся в Царском Селе из-за болезни и позднее прибывшая в Тобольск.

202

Упоминаемая Катя – вероятнее всего, Екатерина Живая, прислуга Е. А. Шнейдер.

203

Клавдия Михайловна – К. М. Битнер.

204

Выражение «пойти на гору» означало на условном языке узников посетить расположенный на холме Софийский собор.

205

1 сентября 1917 года Временное Правительство, руководимое Министром-Председателем А. Ф. Керенским, официально провозгласило бывшую Российскую Империю – Российской Республикой.

206

Заручившись согласием Государыни и комиссара В. С. Панкратова, К. М. Битнер стала преподавать Наследнику Цесаревичу русский язык, математику и географию, а младшим Великим Княжнам – историю и русскую литературу. (До её приезда занятия по русскому языку проводил Граф И. Л. Татищев, а по математике – учитель местной гимназии Батурлин).

207

Видимо, А. С. Демидова подменяла кого-либо из учителей Наследника Цесаревича. Или ввиду недомогания Государыни занималась с ним какой-нибудь из прикладных дисциплин.

208

Правильно – Викторина Владимировна Николаева, воспитательница Графини А. В. Гендриковой.

209

Отрывки из дневника А. С. Демидовой. Журнал «Вече» № 37.

210

В настоящее время в ГА РФ находятся два таких удостоверения, принадлежавших Е. С. Боткину и А. С. Демидовой.

211

Дневники Николая II и императрицы Александры Фёдоровны в двух томах. Том второй, стр. 328.

Там же, стр. 373, 374.

213

Там же, стр. 388.

214

Американскими качелями в то время называли рассчитанную на двух и более человек деревянную скамью со спинкой, подвешиваемую на толстых верёвках или цепях.

215

ГА РФ. Ф. 673, оп. 1, д. 78, л. 2. Опубл.: Дневники Николая II и императрицы Александры Фёдоровны в двух томах. Том второй, стр. 400.

216

В свою очередь, некоторая корреспонденция из Тобольска также шла на имя А. С Демидовой, примером чему является телеграмма Великой Княжны Ольги Николаевны от 8.05.1918 года, сообщающая об улучшении здоровья Наследника Цесаревича.

217

Дневники Николая II и императрицы Александры Фёдоровны в двух томах. Том второй, стр. 402.

218

Сыробоярский Александр Владимирович – Генерал-Майор, сын Полковника В. А. Сыробоярского. Родился 9 июня 1889 г. Окончил Петровский Полтавский Кадетский Корпус (1906) и Киевское Военное Училище (1908). 6 августа 1910 года произведён в Офицеры и выпущен в 34-й Пехотный Севский полк, откуда 8 марта 1913 года переведён в 9-ю Артиллерийскую бригаду, а 26 мая того же года – в 9-ю Артиллерийскую бригаду. С начала Первой мировой войны 1914–1918 г.г. – Штабс-Капитан. В бою у д. Красиенко 17 августа 1914 года под сильным ружейным и пулемётным огнём противника выехал вместе со взводом на линию пехотных цепей и своим огнём способствовал двум соседним пехотным полкам овладеть позицией, занимаемой противником. За это дело был Высочайше удостоен Орденом Св. Георгия IV ст. В 1915 г. назначен в 30-й Броневой дивизион. В 1916 г. – Командир 15-го Броневого дивизиона, во главе которого во время Брусиловского наступления первым ворвался по горящему мосту в Луцк. Впоследствии произведён в Полковники. Был трижды ранен и находился на излечении в Собственном Ея Величества Царскосельском Дворцовом Лазарете. Участник Гражданской войны в Сибири. Служил при Начальнике Отдела снабжения Ставки Верховного Правителя Адмирала А. В. Колчака. В ноябре 1919 г. вызвал на дуэль Командующего союзнических войск в Сибири генерала М. Жанена, но ответа не получил. В 1920 году – Управляющий Военным и Морским ведомствами Правительства Российской Восточной окраины. Произведён в Генерал-Майоры (1920). С 13 ноября 1920 г. вступил также в исполнение должности Начальника тыла Западного фронта. Председатель Совета Управляющих ведомствами Российской Восточной Окраины. Эмигрировал в США, где проживал в городе Лейквуде. К 10-летней годовщине мученической кончины Царской Семьи составил и издал «Скорбную памятку» (1928). Умер 30 марта 1946 года.

219

Дневники Николая II и императрицы Александры Фёдоровны в двух томах. Том второй, стр. 413.

220

По показаниям Камердинера Государя Т. И. Чемадурова, у А. И. Демидовой было изъято 1800–1900 рублей наличных денег, из которых рублей 200–300 были оставлены в её распоряжении.

221

ГАРФ. Ф. 685, оп. 1, д. 276, л. 1, 1 об. Опубл.: Скорбный путь Романовых 1917–1918 г.г. Гибель Царской Семьи. Сборник документов и материалов. Ответственный редактор В. М. Хрусталёв при участии М. Д. Стейнберга. М., «РОССПЭН», 2001, стр. 204.

222

Сыробоярская Мария Мартиановна – супруга Полковника 9-й Артиллерийской бригады В. А. Сыробоярского, мать Генерал-Майора В. А. Сыробоярского. В 1917–1918 г.г. находилась в постоянной переписке с Государыней. После 1920 года – в эмиграции в США, где проживала вместе с сыном В. А. Сыробоярским.

223

Дневники Николая II и императрицы Александры Фёдоровны в двух томах. Том второй, стр. 449.

Там же, стр. 468.

225

Там же, стр. 491.

Там же, стр. 503.

227

Медведев (Кудрин) М. А. Расстрел Царской Семьи Романовых в городе Екатеринбурге в ночь на 17 июля 1918 года (воспоминания участника расстрела). РГАСПИ. Ф. 588, оп. 3, д. 12. Опубл.: Исповедь цареубийц, М., ООО «Издательский дом «Вече», 2008, стр. 189.

228

М. М. Медведев – историк-архивист, сын М. А. Медведева (Кудрина).

229

Письмо А. Г. Кабанова М. М. Медведеву. Личный архив семьи Медведевых. Опубл.: Исповедь цареубийц, стр. 152, 153.

230

Стрекотин А. А. «Личные воспоминания». ЦДООСО. Ф. 41, оп. 1, д. 149, л.л. 164–166 об. Опубл.: Исповедь цареубийц, стр. 447.

231

Протокол допроса свидетеля М. И. Летемина от 18–19 октября 1918 года Членом Екатеринбурского Окружного Суда И. А. Сергеевым. Опубл.: Гибель Царской семьи. Материалы следствия по делу об убийстве Царской семьи (Август 1918 – Февраль 1920), стр. 109.

232

Под «фрейлиной» К. А. Агафонова имеет в виду А. С. Демидову.

233

Протокол допроса свидетеля К. А. Агафоновой от 6 декабря (23 ноября) 1918 года Членом Екатеринбурского Окружного Суда И. А. Сергеевым. Гибель Царской семьи. Материалы следствия по делу об убийстве Царской семьи (Август 1918 – Февраль 1920), стр. 121.

Агафонова (урожд. Якимова) Капитолина Александровна – родная сестра А. А. Якимова, состоявшего разводящим в Караульной команде наружной охраны Дома Особого Назначения.

Показания К. А. Агафоновой об убийстве Царской Семьи и Её верных слуг основываются на рассказе её брата А. А. Якимова, который, в свою очередь, рассказывал об этом преступлении со слов его непосредственных свидетелей: караульных И. Н. Клещёва и Н. С. Дерябина. Однако никто более, кроме неё самой, не упоминает о 32 штыковых ранениях, нанесённых А. С. Демидовой, посему к этому её заявлению следует относиться с большой долей осторожности. См. также документ № 5 Части I, раздел «А. С. Демидова в материалах Следственного Производства 1918–1919 г.г.».

234

На самом деле, как вспоминал впоследствии сам Г. П. Никулин, принесённых им стульев было два. К тому же, маловероятно, чтобы один человек смог бы сразу принести три стула.

235

Протокол допроса свидетеля П. С. Медведева от 21–22 февраля 1919 года Членом Екатеринбурского Окружного Суда И. А. Сергеевым. Опубл.: Гибель Царской семьи. Материалы следствия по делу об убийстве Царской семьи (Август 1918 – Февраль 1920), стр. 162.

Матвеев П. М. – Прапорщик, Председатель Солдатского Комитета Гвардейского Сводного Отряда.

Комиссар В. В. Яковлев отнюдь не напрасно настаивал на том, чтобы с Государыней сел П. М. Матвеев, так как накануне отъезда части Царской Семьи получил информацию о том, что в пути следования на Них планируется покушение, организация которого была поручена Президиумом Уральского Облсовета своему эмиссару С. С. Заславскому.

238

Протокол допроса свидетеля Е. С. Кобылинского от 6–10 апреля 1919 года Судебным Следователем по особо важным делам при Омском Окружном Суде Н. А. Соколовым. Опубл.: Гибель Царской семьи. Материалы следствия по делу об убийстве Царской семьи (Август 1918 – Февраль 1920), стр. 293, 299, 311, 312.

Как уже говорилось ранее, А. А. Якимов вёл свой рассказ со слов И. Н. Клещёва и Н. С. Дерябина.

240

Протокол допроса обвиняемого А. А. Якимова от 7–11 мая 1919 года Судебным Следователем по особо важным делам при Омском Окружном Суде Н. А. Соколовым. Опубл.: Гибель Царской семьи. Материалы следствия по делу об убийстве Царской семьи (Август 1918 – Февраль 1920), стр. 344.

241

Протокол допроса М. В. Томашевского (Б/д) Гвардии Ротмистром Соболевым. Опубл.: Там же, стр. 459.

Томашевский В. М. – Мировой Судья посёлка Сысертского завода, почерпнул эти сведения от бывшего Коменданта ДОН А. Д. Авдеева. Данная «информация» – наглядный пример порождения всякого рода слухов, получивших дальнейшее распространение в самой различной литературе.

242

Протокол осмотра описей представленных к следствию Генерал-Лейтенантом М. К. Дитерихсом от 6 сентября 1919 года, Судебным Следователем по особо важным делам при Омском Окружном Суде Н. А. Соколовым. Опубл.: Там же, стр. 361.

Данный текст является выдержкой из комментариев Генерал-Лейтенанта М. К. Дитерихса к фото комнаты нижнего этажа дома Ипатьева, в которой было совершено убийство Царской Семьи. С одной стороны, он мало чего добавляет к приведённым ранее свидетельским показаниям. Однако, с другой стороны, он отнюдь не случайно включён в раздел Части I «А. С. Демидова в материалах Следственного Производства 1918–1919 г.г.». Ибо уже сам по себе он изобилует серьёзными ошибками и неточностями, весьма характерными для М. К. Дитерихса, курировавшего в то время проводимое Н. А. Соколовым расследование убийства Царской Семьи. Причём выводами, основанными не на фактах, а, исключительно, на его личных соображениях, зачастую не соответствующих действительным обстоятельствам дела, ярким примером чему являются его постоянные напоминания о главных организаторах этого преступления – «еврейских изуверах» и прочих лицах «еврейского типа». А если уж быть более конкретным, то, анализируя настоящую выдержку, невольно напрашивается вопрос – почему М. К. Дитерихс позволяет себе столь вольно относиться к некоторым фактам, доподлинно установленным следствием? Так, к примеру, в ходе такового однозначно установлено, что Государыня и Наследник Цесаревич были посажены на стулья, а не стояли посередине комнаты. И Лакей И. Д. Седнев был убит как заложник ещё 28 июня, то есть никак не мог стать одной из жертв 17 июля, что, соответственно, снижает количество убитых в комнате лиц до 11-ти человек. А из какого такого «свидетельства» М. К. Дитерихсом было почерпнуто, что смерть Великой Княжны Анастасии Николаевны наступила вследствие её оглушения и докалывания штыками? И, тем не менее, его неоднократные посещения района заброшенного рудника «Ганина яма» и наблюдения за проводимыми там работами по обнаружению вещественных доказательств поначалу убедили его в том, что «тела, по-видимому, всё же были сброшены в шахту». Однако некоторые из современных исследователей не разделяют генеральских выводов об этом имевшем место факте, продолжая просто с маниакальным упорством считать, что трупы Царской Семьи и Её верных слуг были сожжены. Причём считать это за «непреложный факт»,

отметая при этом любые контрдоводы своих «идейных противников».

243

Фамилию этого человека, зачастую, пишут как «Чемодуров», но это неверно.

244

Рейткнехт – смотритель лошадей, конюх. В Императорской России XIX века – нижний чин по уходу за лошадьми офицеров.

245

Медаль «За усердие» была учреждена Высочайшим Указом Е.И.В. Государя Императора Николая I 27 января 1841 года. Вероятнее всего, своим появлением она обязана утверждённым ранее Императором Александром I носимым на шее Золотой и Серебряной медалям с аналогичным названием. До 1881 года медаль четырежды меняла свой внешний вид из-за того, что на её лицевой стороне чеканились изображения царствующих Российских Императоров. С воцарением на Российском Престоле Императора Николая II внешний вид медали был резко изменён.

Серебряная медаль «За усердие» носилась на груди на лентах низших орденов: Св. Станислава и Св. Анны. Медалью на Станиславской ленте награждались сверхсрочные нижние чины 1-го и 2-го Разрядов, прослужившие 3 года, а на Аннинской ленте – за 10-летнюю сверхсрочную службу. Этой же медалью на Станиславской и Аннинской лентах «жаловались» гражданские чиновники всевозможных ведомств, волостные старшины за выслугу лет, «…крестьяне, занимавшие должности по сельскому общественному управлению, равно как и не занимавшие сих должностей, в случае важных заслуг…», «…мастера, подмастерья и мастеровые (…) Императорских заводов (…) в поощрение к трудолюбию и искусству и за особенные заслуги, открытия или изобретения…», а также «…лица, обратившие на себя внимание в деле народного образования…», башкиры «за служебные отличия, состоящие в улучшении хозяйства и устройстве промышленных и фабричных заведений» и т. д., и т. п. Во время Русско-японской войны 1904–1905 г.г. такими медалями награждали нижних чинов «за отличия небоевого характера».

Золотая медаль «За усердие» по своему внешнему виду была полностью идентична с носимой на груди серебряной ме-далью. Учреждена тем же Высочайшим Указом Императора Николая I 27 января 1841 года. С воцарением на Российском Престоле Императора Николая II Золотой медалью на Станиславской и Аннинской лентах награждались те же лица, что и во времена правления Императора Александра III. (См. п. 3 примечаний к этой главе.) А, кроме того, такой медалью на ленте Ордена Св. Анны стали награждаться ещё и отставные военнослужащие, награждённые Знаками отличия любого из Военных Орденов.

247

Почётное Гражданство – особый привилегированный класс городских обывателей, являющийся, своего рода, прослойкой между Купечеством и Дворянством, при помощи которого Царское Правительство пыталось решить извечную проблему – оградить Российское Дворянство от проникновения чужеродных элементов и, в то же время, поддержать и поощрить развивающийся в России торгово-промышленный слой за счёт удовлетворения его личностных амбиций. Учреждено по Высочайшему Повелению Императрицы Екатерины II в 1785 году. Почётное Гражданство было двух родов: Личное, распространявшееся только на данное лицо и его жену, и Потомственное, принадлежавшее всем нисходящим членам семьи. Как то, так и другое приобреталось в трёх случаях: 1) по праву рождения или усыновления; 2) путём просьбы о причислению к Почётному Гражданству; 3) путём причисления по особым представлениям соответствующих министров. Каждому из возведённых класс Почётных Граждан вручалась специальная Жалованная Грамота, на основании которой они получали ряд привилегий, как то: были свободны от телесных наказаний, им дозволялось иметь собственные сады, ездить в карете, запряжённой парой или даже четвёркой лошадей, заводить и содержать заводы и фабрики, а также всякого рода речные и морские суда.

См. п. 3 настоящих примечаний к этой главе.

249

Шейная золотая медаль «За усердие» по своему внешнему виду была идентична с шейной серебряной медалью. Учреждена Высочайшим Указом Е.И.В. государя Императора Александра I в декабре 1801 года вместе с серебряной. В течение века (до 1896 г.) медаль семь раз меняла на своей лицевой стороне изображения всех царствующих Российских Императоров, сохраняя при этом без изменений изображение орнамента из концентрических окружностей и круговую надпись на оборотной стороне. В период Царствования Императора Николая II возможности награждений этой медалью ещё более расширились: «Шейной золотой на Владимирской ленте награждались нестроевые чины старшего разряда за 30 лет службы, из них 25 лет в старшем разряде», этой же медалью на ленте высшего ордена – Св. Апостола Андрея Первозванного награждались «Прапорщики, прослужившие 13 лет, и строевые Унтер-Офицеры, награжденные Знаком отличия ордена Св. Анны за особые заслуги». Отставные же «военнослужащие, имеющие Знаки отличия Военного Ордена, представлялись в таковой постепенности: «…имеющие Знаки второй степени – к Золотой шейной медали на Станиславской ленте и первой степени – к Золотой шейной медали на Аннинской ленте». С 7 ноября 1912 года это положение было несколько изменено, и те отставные военнослужащие, которые имели Знаки отличия Военного Ордена II степени, представлялись к награждению прямо Золотой шейной медалью на Владимирской ленте, минуя Станиславскую и Аннинскую; имевшие же Знак отличия I степени – прямо к золотой шейной медали на ленте высшего ордена – Св. Апостола Андрея Первозванного. С того же 1912 года, такой медалью на ленте Ордена Св. Александра Невского «жаловались» «…лица, получившие в наградном порядке звание Потомственного Почётного Гражданина». Такой же медалью на лентах различных орденов награждали крупных купцов и промышленников за особые повторные заслуги перед правительством, служителей полицейских и пожарных команд (на Владимирской ленте) за повторные, «особовыдающиеся заслуги»; награждались ими и волостные старшины, медицинские чины и работники народного образования и даже женский преподавательский персонал «Школы Императорского Общества поощрения художеств», имевшие уже шейную серебряную медаль на Владимирской ленте.

250

Орден Св. Станислава III степени был самым младшим в порядке старшинства Российских Орденов и посему стал наиболее распространённой наградой. Им награждались почти все государственные служащие, прослужившие установленные сроки и имевшие классные чины, причём как военные, так и статские. При учреждении этого ордена, уже как российского в 1839 году, любая его степень предоставляла права Потомственного Дворянства. В связи с этим обстоятельством в среде Российского Дворянства возникло недовольство от появления слишком большого количества новых дворян, происходивших из числа купцов и мелких служащих. Посему в 1845 году по Высочайшему Повелению Императора Николая I награждение II-й и III-й степенью Ордена Св. Станислава было приостановлено, и все дальнейшие награждения возобновились лишь с 28 июня 1855 года. Однако к тому времени право Потомственного Дворянства предоставляла уже только I степень этого ордена.

251

Дневники Николая II и императрицы Александры Фёдоровны в двух томах. Том второй. (1 августа 1917 – 16 июля 1918), стр. 442.

252

Там же.

253

Дитерихс М. К. Указ. соч. Часть I, стр. 39, 40.

Аничков В. П. Екатеринбург-Владивосток (1917–1922)». М., Издательство «Русский Путь», 1998, стр. 170–175.

255

По нумерации Н. А. Соколова – Комната № IX.

256

Протокол осмотра квартиры Ипатьева в доме Поппель от 2, 5, 6, 7 и 8 августа 1918 года Судебным Следователем по важнейшим делам при Екатеринбургском Окружном Суде А. П. Намёткиным в присутствии Товарища Прокурора Екатеринбургского окружного Суда Н. И. Остроумова и понятых: профессора Академии Генерального Штаба Генерал-Лейтенанта А. И. Медведева, Доктора медицины В. Н. Деревенко и Т. И. Чемадурова. Опубл.: Гибель Царской семьи. Материалы следствия по делу об убийстве Царской семьи (Август 1918 – февраль 1920), стр. 38–48.

257

Прибытие Августейшей Четы в Екатеринбург состоялось 30 (17) апреля 1918 года.

258

Изъятие денег у узников ДОН происходило 10 мая по новому стилю.

259

У Великой Княжны Марии Николаевны находилось на руках 16 руб. 17 коп., которые ей дала в дорогу её сестра – Великая Княжна Анастасия Николаевна.

260

Прибытие в Екатеринбург Августейших Детей и Их слуг, действительно, состоялось около полуночи 22 (10) мая 1918 года. Однако их заселение в дом Ипатьева происходило уже утром следующего дня, так как из-за позднего времени поезд с пленниками простоял всю ночь на одном из запасных путей станции «Екатеринбург-I».

261

Сведения об образовании неверны. См. главу «Камер-Юнгфера при Комнатах Е.И.В. Государыни Императрицы Александры Фёдоровны Анна Степановна Демидова».

262

Речь идёт об Образе Феодоровской Божьей Матери, найденном при осмотре дома Ипатьева в комнате Великих Княжон. А дорожила Государыня им потому, что, начиная с конца XVIII века, немецкие принцессы, выходя замуж за русских Великих Князей, принимали Православие, после чего, по существующей традиции, нарекались отчеством «Фёдоровна» («Феодоровна») в честь Феодоровской иконы Божьей Матери. Посему, даже многие русские Императрицы имели это отчество. Так Августейшая Супруга Императора Павла I именовалась Императрицей Марией Фёдоровной, Императора Николая I – Александрой Фёдоровной, Императора Александра III – Марией Фёдоровной. И, наконец, причисленные к лику Святых Новомучениц Августейшая Супруга Императора Николая II – Александра Фёдоровна и Её родная сестра – Великая Княгиня Елизавета Фёдоровна, вдова Великого Князя Сергея Александровича, убитого в феврале 1905 года террористом И. П. Каляевым. Обретённая Великим Князем Владимирским Юрием Всеволодовичем, она была и остаётся одной из самых почитаемых в России икон, сыгравшей свою роль в избрании на Царство Михаила Романова – первого из царей этой 304-летней Династии. В своей книге «Убийство Царской Семьи и Членов Дома Романовых на Урале» Генерал-Лейтенант М. К. Дитерихс пишет, что данная икона была обнаружена на помойке приусадебного участка дома Ипатьева. Однако это неверно, так как в списках найденных там икон таковая не значится. В свою очередь, одна из обнаруженных следствием икон была предъявлена И. А. Сергеевым прото-иерею о. Иоанну (И. В. Сторожеву), который во время пребывания в ДОН Царской Семьи проводил в нём богослужения. Причём, предъявлена им именно как «Феодоровская». На что о. Иоанн категорически заявил, что предъявленная икона *«…именуется не “Феодоровской”, а “Казанской”»*, утверждая это в самой категоричной форме. И это справедливо, ибо по своему традиционному письму эти иконы разнятся, что бросается в глаза даже при самом беглом взгляде на них. Отсюда следует, что икона Феодоровской Божьей Матери действительно была обнаружена в комнате Великих Княжон, а предъявленная о. Иоанну «Казанская» – на упомянутой помойке.

263

Свои дневники Великие Княжны вели до 1917 года, после чего, во время пребывания под арестом в Царском Селе, последовали примеру их Августейшей Матери, которая сожгла почти всю Свою переписку с Государем за разное время. В свою очередь, 6 августа 1918 года, во время производимого обыска на квартире бывшего охранника М. И. Летемина, в числе множества прочих вещей, принадлежавших Царской Семье, был изъят дневник Наследника Цесаревича за 1917 год (начат 11/24/1917 г.), последняя запись в котором была сделана его рукой 9 марта: *«Весь день прошёл, как и вчера, и так же скучно…»*

264

Протокол допроса свидетеля Т. И. Чемадурова от 15–16 августа 1918 года Членом Екатеринбургского Окружного Суда И. А. Сергеевым. Опубл.: Гибель Царской семьи. Материалы следствия по делу об убийстве Царской семьи (Август 1918– февраль 1920), стр. 59–66.

265

Данный факт лишний раз свидетельствует в пользу того, что, во-первых, Е. С. Боткин был награждён Орденом Владимира III степени, а во-вторых, что изъятие ценностей, находящихся при трупах, началось ещё в доме Ипатьева. То есть, ленточка с упомянутым орденом была сначала снята с мёртвого тела Е. С. Боткина, после чего, в числе прочих ценностей, оказалась в комнате Коменданта ДОН, где таковые подверглись сортировке. Так как сам орден было невозможно снять с ленточки из-за его конструктивных особенностей, её попросту разрезали ножницами, после чего за ненадобностью выкинули в имеющуюся при доме помойную яму. Сам же орден, из-за незначительного количества имевшегося в его основе золота (не более 10 гр.), скорее всего, был кем-то присвоен или кому-то подарен комендантом в качестве «сувенира». Ибо в числе золотых вещей, сданных Я. М. Юровским (Орловым) Коменданту Московского Кремля П. Д. Малькову, таковой не значится. См. Исповедь цареубийц, стр. 332–339.

266

Протокол предъявления вещественных доказательств свидетелю Т. И. Чемадурову (Б/д) Начальником Управления Екатеринбургского Уголовного Розыска А. Ф. Кирстой. Опубл.: Там же, стр. 80.

267

Не совсем ясно, о каком вещественном доказательстве идёт речь. В описи вещей, опубликованной в книге Н. А. Соколова, значится: *«кусок коричневой кожи с тиснёным рисунком от сумки или ридикюля»*. А в «Описи вещам, изъятым из помойной ямы д. Ипатьева» значится *«чёрный дамский мешочек-сумка, затягивающийся на шнурок, подкладка серая»*. И, в то же время, среди вещей, найденных в печах дома Ипатьева, значится: *«обгорелая дамская сумочка-мешочек»*.

268

Вероятнее всего, это именно тот предмет, который в книге Н. А. Соколова значится как: *«рамочка для фотографической карточки с круглым отверстием; наружные и внутренние края её обтянуты медным багетом»*.

269

Протокол предъявления вещественных доказательств свидетелю Т. И. Чемадурову (Б/д) Начальником Управления Екатеринбургского Уголовного Розыска А. Ф. Кирстой. Опубл.: Гибель Царской семьи. Материалы следствия по делу об убийстве Царской семьи (Август 1918 – февраль 1920), стр. 81.

270

Поручик И. Толстоухов путает «комиссара Дидковского» с комиссаром Н. Родионовым, который вместе с Уполномоченным ВЦИК П. Д. Хохряковым действительно был направлен в Тобольск с целью осуществления надзора за находившейся там Царской Семьёй.

271

Объяснение Поручика И. Толстоухова от 27 января 1919 года. Опубл.: Гибель Царской семьи. Материалы следствия по делу об убийстве Царской семьи (Август 1918 – февраль 1920), стр. 132.

272

Весной 1917 года все Августейшие Дети переболели корью. Посему, в связи с частичным выпадением волос во время этой болезни, Государыня Императрица остригла их всех наголо. А отрезанные волосы Дочерей сохранила и даже взяла с Собой в изгнание – сначала в Тобольск, а затем и в Екатеринбург.

Поведение Т. И. Чемодурова в данной ситуации понять нетрудно. Верный Царский слуга, прослуживший столько лет своему Государю и Его Семье, просто не смог свыкнуться с Их трагической гибелью. Посему, что называется, и ухватился за циркулирующую в народе версию о Её «чудесном спасении». А поучаствовав в следственных мероприятиях, только лишний раз укрепился в «правильности своих выводов» о том, что Царскую Семью остригли, переодели и увезли в неизвестном направлении. Ибо к подобному умозаключению ему, без сомнения, помогли прийти, во-первых, те самые слухи, а во-вторых, его собственное душевное расстройство, вызванное навалившимися на него не по возрасту бедами: болезнью, арестом и вестью о гибели Царской Семьи.

Имеется в виду инцидент, произошедший 30(17) апреля 1918 года при заселении Августейших Узников в дом Ипатьева, когда у Государыни почти насильно был взят на досмотр Её саквояж, тогда ещё Временным Комендантом ДОН А. Д. Авдеевым.

Об этом случае более подробно будет рассказано в главе 5 Части II настоящего издания, посвящённой К. Г. Нагорному.

276

Протокол допроса свидетеля П. Жильяра от 5–6 марта 1919 года Судебным Следователем по особо важным делам при Омском Окружном Суде Н. А. Соколовым. Опубл.: Гибель Царской семьи. Материалы следствия по делу об убийстве Царской семьи (Август 1918 – февраль 1920), стр. 234, 235.

277

Протокол допроса свидетеля Е. С. Кобылинского в г. Екатеринбурге от 6–10 апреля 1919 года Судебным Следователем по особо важным делам при Омском Окружном Суде Н. А. Соколовым. Опубл.: Там же, стр. 307, 308.

278

Фамилия Доктора Медицины и Лейб-Хирурга В. Н. Деревенко зачастую писалась неправильно из-за её схожести с фамилией Отставного Кондуктора А. Е. Деревенько, состоявшего на протяжении многих лет при Особе Наследника Цесаревича Алексея Николаевича в качестве Дядьки.

279

Имеется в виду принадлежавшее Государыне украшение, выполненное из платины в форме «Кульмского Креста», лучи которого были украшены изумрудами и бриллиантами. Посему заявление Т. И. Чемадурова о том, что подобные кресты носили все Великие Княжны, не соответствует действительности, так как означенный крест был подарен Государыне Вдовствующей Императрицей Марией Фёдоровной, свидетельством чему показания Камер-Юнгферы М. Г. Туттельберг.

280

Упомянутая Гвардии Капитаном Д. А. Малиновским «компания», забрав из дома Судебного Следователя по важнейшим делам А. П. Намёткина, выехала в район заброшенных шахт, где были найдены упомянутые вещи.

281

Протокол допроса свидетеля Д. А. Малиновского на Разъезде № 120 от 18 июня 1919 года Судебным Следователем по особо важным делам при Омском Окружном Суде Н. А. Соколовым. Опубл.: Гибель Царской семьи. Материалы следствия по делу об убийстве Царской семьи (Август 1918 – февраль 1920), стр. 369, 370.

282

Протокол допроса свидетеля К. М. Битнер в г. Ишиме от 4 августа 1919 года Судебным Следователем по особо важным делам при Омском Окружном Суде Н. А. Соколовым. Опубл.: Там же, стр. 421.

283

Протокол допроса свидетеля А. А. Волкова в г. Омске от 20–23 августа 1919 года Судебным Следователем по особо важным делам при Омском Окружном Суде Н. А. Соколовым. Опубл.: Там же, стр. 452.

То есть, официантом.

285

С марта 1914 года супруги Седневы проживали на казённой квартире № 1 «в новом Дворцовом здании» Царского Села.

286

См. Документ № 1 Части I, раздел «И. Д. Седнев. Документы Дела Канцелярии Её Величества Государыни Императрицы Александры Фёдоровны и управления делами Августейших Детей Их Императорских Величеств».

287

См. Документ № 2 того же раздела Части I.

288

В примечании к Свидетельству за № 6005 от 18 июля 1918 года «О пожаловании жене лакея 3-го разряда Марии Седневой подарка» указывалось, что: «Пожалованное подарком лицо заявляет, желает ли получить подарок или стоимость подарка деньгами». РГИА. Ф 525, оп. 2 (215/2713), д. 161, л. 8.

289

Российский государственный исторический архив Санкт-Петербурга. Ф 525, оп. 2 (215/2713), д. 161, л. 23.

Там же, л. 59.

291

Там же, л. 62.

292

Дневники Николая II и императрицы Александры Фёдоровны в двух томах. Том второй, стр. 427.

293

Там же, стр. 428.

Там же, стр. 412.

295

Там же, стр. 413.

296

Протокол допроса свидетеля Г. Е. Львова от 6–30 июля 1920 года в г. Париже Судебным Следователем по особо важным делам при Омском Окружном Суде Н. А. Соколовым. Опубл.: Российский Архив. История Отечества в свидетельствах и документах XVIII–XX в.в. Том VIII. Н. А. Соколов. Предварительное следствие 1919–1922 г.г., стр. 211.

297

Дневники Николая II и императрицы Александры Фёдоровны в двух томах. Том второй, стр. 448.

Там же, стр. 468

299

Там же, стр. 449.

Жильяр П. Указ. соч., стр. 251, 252.

301

Дневники Николая II и императрицы Александры Фёдоровны в двух томах. Том второй, стр. 453.

302

Там же, стр. 522.

303

Протокол осмотра предметов от 28 октября 1919 года в г. Чите Судебным Следователем по особо важным делам при Омском Окружном Суде Н. А. Соколовым, присланных Прокурором Екатеринбургского Окружного Суда 9 июля 1919 года. Опубл.: Гибель Царской Семьи. Материалы следствия по делу об убийстве Царской семьи (Август 1918 – февраль 1920), стр. 489.

Об этой расписке более подробно будет сказано в биографическом материале о К. Г. Нагорном (см. Часть II. «Претерпевшие до конца»).

305

До Октябрьского переворота в этом доме (Главный проспект, 17) располагалось Екатеринбургское Отделение Волжско-Камского банка. В настоящий момент в нём же (Пр. Ленина, 17) размещается ГУВД Свердловской области.

Жильяр П. Указ. соч., стр. 278.

307

Там же.

Во время работы над книгой П. Жильяр, конечно же, не мог знать о подписанном К. Г. Нагорным «прошении». Однако эта допустимая и вполне понятная минутная слабость последнего нисколько не умаляет величия его гражданского мужества.

309

Аничков В. П. Указ. соч., стр. 154, 155.

310

Там же, стр. 163.

311

Степанова И. Черкни, хотя бы открытку…, Журнал «Огонёк», 1996, № 32.

Е. Михайлина. Крест последней княжны. Газета «Московский комсомолец» от 17 мая 2006 и интернет-сайт **www.small-cities.ru/yglich/yglich_obygl_18.html** – Малые города. Углич. До смерти верный.

313

РГИА. Ф 525, оп. 2 (215/2713), д. 161, л. 5.

314

РГИА. Ф 525, оп. 2 (215/2713), д. 161, л. 6.

315

РГИА. Ф 525, оп. 2 (215/2713), д. 161, л. 7.

316

Протокол допроса свидетеля П. Жильяра от 5–6 марта 1919 года в г. Омске Судебным Следователем по особо важным делам при Омском Окружном Суде Н. А. Соколовым. Опубл.: Гибель Царской Семьи. Материалы следствия по делу об убийстве Царской семьи (Август 1918 – февраль 1920), стр. 233, 234.

317

Протокол допроса свидетеля Ф. П. Проскурякова от 1–3 апреля 1919 года в г. Екатеринбурге Судебным Следователем по особо важным делам при Омском Окружном Суде Н. А. Соколовым. Опубл.: Там же, стр. 274.

318

Протокол допроса свидетеля Е. С. Кобылинского от 6–10 апреля 1919 года в г. Екатеринбурге Судебным Следователем по особо важным делам при Омском Окружном Суде Н. А. Соколовым. Опубл.: Там же, стр. 311.

319

Протокол допроса свидетеля С. И. Иванова от 18 июля 1919 года в г. Тюмени Судебным Следователем по особо важным делам при Омском Окружном Суде Н. А. Соколовым. Опубл.: Там же, стр. 405.

320

Протокол допроса свидетельницы К. М. Битнер Б/д в г. Ишиме Судебным Следователем по особо важным делам при Омском Окружном Суде Н. А. Соколовым. Опубл.: Там же, стр. 420.

321

Протокол допроса свидетеля Князя Г. Е. Львова Судебным Следователем по особо важным делам Н. А. Соколовым в г. Париже от 6–30 апреля 1920 года. Опубл.: Российский Архив. История Отечества в свидетельствах и документах XVIII–XX в.в. Том VIII. Н. А. Соколов. Предварительное следствие 1919–1922 г.г., стр. 209–211.

322

Протокол допроса свидетеля А. А. Волкова от 20–23 августа 1919 года в г. Омске Судебным Следователем по особо важным делам при Омском Окружном Суде Н. А. Соколовым. Опубл.: Гибель Царской семьи. Материалы следствия по делу об убийстве Царской семьи (Август 1918 – февраль 1920). Составитель Н. Г. Росс. Франкфурт-на-Майне, Издательство «Посев», 1987, стр. 448–455.

323

Баронесса С. К. Буксгевден. Венценосная мученица. Жизнь и трагедия Александры Фёдоровны, Императрицы Всероссийской. М., Издательство «Русскій Хронографъ», 2006, стр. 511–513.

324

Император Николай II и Его Семья (Петергоф, сентябрь 1905 – Екатеринбург, май 1918 г.). По личным воспоминаниям П. Жильяра, бывшего наставника Наследника Цесаревича Алексея Николаевича. Вена, Книгоиздательство «Русь», 1921, стр. 248, 249. (Далее – П. Жильяр.)

325

Протокол допроса свидетеля А. Ф. Керенского от 14–20 августа 1920 года в г. Париже (Франция) Судебным Следователем по особо важным делам при Омском Окружном Суде Н. А. Соколовым. Опубл.: Гибель Царской семьи. Материалы следствия по делу об убийстве Царской семьи (Август 1918 – февраль 1920), стр. 230–245.

326

Дитерихс М. К. Гибель Царской Семьи и членов Дома Романовых на Урале. Часть 1. М., Издательство «Скифы», 1991, стр. 261.

327

Там же, стр. 260, 261.

Мельник Т. Е. (рождённая Боткина). Царская Семья до и после революции. М., Частная фирма «Анкор», 1993, стр. 65.

329

Дитерихс М. К. Указ. соч., часть 1, стр. 261.

Там же.

Жильяр П. Указ. соч., стр. 234, 235.

Мельник-Боткина Т. Е. Указ. соч., стр. 81.

Там же, стр. 88.

Жильяр П. Указ. соч., стр. 277.

335

Волков А. А. Около Царской Семьи. М., Частная фирма «Анкор», М., 1993, стр. 87.

336

Протокол допроса свидетеля Е. С. Кобылинского от 6–10 апреля 1919 года Судебным Следователем по особо важным делам при Омском Окружном Суде Н. А. Соколовым. Опубл.: Гибель Царской семьи. Материалы следствия по делу об убийстве Царской семьи (Август 1918 – февраль 1920), стр. 310.

337

Граф Коковцев В. Н. Из моего прошлого. Воспоминания 1903–1919 г.г. в двух книгах. М., Издательство «Наука», 1992. Книга 2, стр. 285.

338

Имеется в виду Балашова Александра Васильевна (урожд. Графиня Гендрикова), родная сестра Графини А. В. Гендриковой.

339

Письма Императрицы Александры Фёдоровны к Графине Анастасии Васильевне Гендриковой за 1912–1918 г.г. Редактор-составитель К.В.П. М., 2001, стр. 4, 5.

340

Данное письмо включено в брошюру «Письма Императрицы Александры Фёдоровны к Графине Анастасии Васильевне Гендриковой за 1912–1918 г.г.», большую часть содержания которой составили письма, телеграммы, записки и пр. Государыни Императрицы Александры Фёдоровны, адресованные Графине А. В. Гендриковой. Оказавшись в распоряжении следствия, все они были описаны в Протоколе осмотра вещественных доказательств от 6 ноября 1919 года Судебным Следователем по особо важным делам при Омском Окружном Суде Н. А. Соколовым. Текст всех писем в первоисточнике написан на английском языке, а их перевод на русский осуществлён Р. Вильтоном.

341

Письма Императрицы Александры Фёдоровны к Графине Анастасии Васильевне Гендриковой за 1912–1918 г.г. Редактор-составитель К.В.П. М., 2001, стр. 15.

342

«Иночка» – прозвище родной сестры Графини А. В. Гендриковой, А. В. Балашовой, Фрейлины Высочайшего Двора.

343

Из письма Государыни Императрицы Александры Фёдоровны государю Императору Николаю II Александровичу в Ставку (Могилёв) от 9 сентября 1916 года.

Чернова О. В. Верные. О тех, кто не предал Царственных Мучеников. М., «Русскій Хронографъ», 2010, стр. 159.

345

Там же, стр. 160.

Там же.

347

Дневник Графини А. В. Гендриковой, посвящённый её покойной матери. Запись от 16 января 1917 года.

Там же.

349

Там же.

350

Там же.

351

Там же. Запись от 22 сентября 1916 года.

352

Там же. Запись от 27 июля 1917 года.

Дитерихс М. К. Указ. соч., стр. 263–268.

354

Граф А. В. Гендриков – Ротмистр Кавалергардского Е.В. Государыни Императрицы Марии Фёдоровны полка. Окончил Пажеский Его Величества Корпус. В годы Первой мировой войны Штаб-Ротмистр Граф А. В. Гендриков состоял в должности адъютанта Командующего Северным фронтом Генерала от Инфантерии Н. В. Рузского. Узнав о предательстве своего начальника в марте 1917 года, он был так потрясён, что попытался его застрелить. Перепуганный Н. В. Рузский воззвал к помощи, и граф А. В. Гендриков был обезоружен. По законам военного времени ему грозил Военно-Полевой Суд. Однако самому Н. В. Рузскому совсем не хотелось вскрывать подоплёку этого инцидента, посему дело, что называется, «замяли» под предлогом психического расстройства графа. После окончания Гражданской войны Граф А. В. Гендриков оказался в эмиграции, где в среде соотечественников считался высочайшим нравственным авторитетом. Состоял в организации «Кавалергардская семья». Умер 23 мая 1962 года. Похоронен в Париже на кладбище Сент-Женевьев-де-Буа.

355

Чернова О. В. Верные. О тех, кто не предал Царственных Мучеников. Стр. 162.

Мельник-Боткина Т. Е. Указ. соч., стр. 69.

357

Содержание этого дневника приведено в Протоколе осмотра вещественных доказательств от 27 февраля 1919 года в г. Омске Судебным Следователем Н. А. Соколовым. Опубл.: Гибель Царской семьи. Материалы следствия по делу об убийстве Царской семьи (Август 1918 – февраль 1920), стр. 226–229.

«О. Н.» – Великая Княжна Ольга Николаевна.

«Т. Н.» – Великая Княжна Татьяна Николаевна.

360

Отец Владимир (В. А. Хлынов) – Настоятель храма Благовещения Пресвятые Богородицы в Тобольске.

361

«Иза» – семейное прозвище Баронессы С. К. Буксгевден.

362

Дом № 1 – Дом «Свободы», бывший Губернаторский дом в Тобольске.

363

Имеется в виду дом-усадьба известного в Тобольске купца 1-й гильдии, рыбопромышленника, пароходовладельца и мецената Ивана Николаевича Корнилова, в который была заселена большая часть Царских слуг.

«М. Н.» – Великая Княжна Мария Николаевна.

365

Имеется в виду Абалакский монастырь, куда по распоряжению епископа Тобольского и Сибирского Гермогена был сослан настоятель Благовещенского храма о. Алексей (А. П. Васильев) за то, что по его распоряжению во время богослужения 25 декабря 1917 года дьякон провозгласил «многие лета» присутствующей на службе Царской Семье.

366

Здесь и далее речь идёт о маленьких домашних спектаклях, в которых были заняты Члены Царской Семьи и лица из Их ближайшего окружения, – пьесах на иностранных языках в постановках П. Жильяра и С. Гиббса.

367

Имеется в виду сводная рота Гвардии 4-го Стрелкового Царскосельского резервного полка. (Бывший 4-й Стрелковый Императорской Фамилии батальон.)

Mr. Gilliard – Мистер Жильяр.

369

Панкратов В. С. – бывший «народоволец», впоследствии член партии эсеров. В сентябре 1917 года распоряжением Министра-Председателя Временного Правительства А. Ф. Керенского (по рекомендации Е. К. Брешко-Брешковской) был назначен «Комиссаром по охране бывшего царя Николая Александровича Романова, находящегося в г. Тобольске, и его семейства». Как представитель старой власти, 26 января (8 февраля) 1918 года отстранён от власти Солдатским Комитетом Сводного Гвардейского Отряда особого назначения по охране бывшего царя и его семьи.

Никольский А. В. – Помощник В. С. Панкратова. Прапорщик Военного Времени, член партии эсеров. Бывший политический ссыльный, познакомившийся во время неё с В. С. Панкратовым. Как представитель старой власти, 26 января (8 февраля) 1918 года отстранён от власти Солдатским Комитетом Сводного Гвардейского Отряда особого назначения по охране бывшего царя и его семьи. По свидетельству Р. Вильтона поступил на службу к генералу Р. Гайде и работал в «осведомительном отделении». Через некоторое время перешёл на сторону красных, но вскоре был арестован и расстрелян.

Произведённый в Прапорщики П. М. Матвеев возглавлял Солдатский Комитет Сводного Гвардейского батальона Гвардейских 1-го, 2-го и 4-го Стрелковых Царскосельских резервных полков. Позднее остался в Тобольске и во время отступления вступил в отряд местной Красной Гвардии.

Киреев возглавлял упомянутый Солдатский Комитет до П. М. Матвеева.

373

Имеются в виду сорванные по инициативе Л. Д. Троцкого мирные переговоры, проходившие в Брест-Литовске с 20 ноября (2 декабря) 1917 года.

«Им» – Царской Семье.

«Ал. Н.» – Наследник Цесаревич Алексей Николаевич.

Карелин В. А. – Народный Комиссар Имуществ Р.С.Ф.С.Р.

377

Эта горка была одним из немногих развлечений, которые могли себе позволить Августейшие Дети в тобольском заточении. Сооружена их собственными руками при помощи Князя В. А. Долгорукова и П. Жильяра. Причиной для её уничтожения послужил случай, связанный с проводами увольняющихся солдат охраны, во время которого, встав на неё, Дети махали им вослед руками.

378

Речь идёт о церковных службах начала Великого Поста.

379

Правильно: Стрелок Иван Иванович Бурыхин.

380

Во время пребывания в Тобольске приближённые Царской Семьи и Её слуги (включая и солдат охраны) пользовались услугами частного дантиста М. Рендель.

381

Правильно: В. А. Дуцман, представитель Западно-Сибирского Совдепа в Тобольске по надзору за Царской Семьёй.

Дементьев В. А. – Командир Особого отряда, присланного из Омска, чтобы установить в Тобольске Советскую власть.

383

Межанц Паулина Касперовна – прислуга Графини А. В. Гендриковой.

Николаева Викторина Владимировна – воспитательница Графини А. В. Гендриковой.

385

Имеются в виду доктора врач Сводного Гвардейского отряда В. Н. Деревенко и Лейб-Медик Е. С. Боткин.

Чрезвычайный Комиссар ВЦИК В. В. Яковлев.

387

Епископ Гермоген был арестован по ложному обвинению в контрреволюционном заговоре. Доставлен в Екатеринбург, где помещён в Тюрьму № 2. Позднее вывезен для показательного суда в Тобольск в числе прочих заложников, «числящихся» за Отрядом карательной экспедиции тобольского направления под командованием П. Д. Хохрякова. Утоплен П. Д. Хохряковым в р. Туре близ села Покровского.

«Трина» – Екатерина Адольфовна Шнейдер.

389

Хохряков П. Д. – кочегар линейного корабля «Императоръ Александръ II» (с 1917 г. – «Заря Свободы»). Уполномоченный ВЦИК по организации Красной Гвардии в Екатеринбурге. Начальник Центрального Штаба Красной Гвардии Екатеринбурга. Представитель Президиума Исполкома Уральского Областного Совета в Тобольске по надзору за Царской Семьёй и организации Советской власти. При отступлении в сторону Перми убит в бою 18 августа 1918 года в районе ст. «Крутиха». Похоронен в Перми.

См. п. 21 примечаний к этой главе.

391

Здание бывшей «Американской гостиницы», где в то время располагалась Уральская Областная Чрезвычайная Комиссия.

392

Описываемые события происходили рано утром 20 июля 1918 года.

393

Волков А. А. Указ. соч., стр. 88

Мельник-Боткина Т. Е. Указ. соч., стр. 101.

Дитерихс М. К. Указ. соч., стр. 263.

Там же, стр. 269, 270.

397

Письма Императрицы Александры Фёдоровны к Графине Анастасии Васильевне Гендриковой за 1912–1918 г.г., стр. 32, 33.

Там же, стр. 33.

399

Сокр. от Mademoiselle (франц.). Мадемуазель – вежливое обращение к девушке.

«Зизи» – Е. А. Нарышкина, Обер-Гофмейстерина Высочайшего Двора, Статс-Дама.

«графиня» – Графиня Бенкендорф, супруга Графа П. К. Бенкендорфа.

402

«Валя» – Князь В. А. Долгоруков, Гоф-Маршал Высочайшего Двора.

«граф» – Граф П. К. Бенкендорф, Обер-Гофмаршал Высочайшего Двора.

404

Письма Императрицы Александры Фёдоровны к Графине Анастасии Васильевне Гендриковой за 1912–1918 г.г., стр. 33.

«отец» – Барон Буксгевден К. К., Шталмейстер Высочайшего Двора, Русский посланник в Норвегии.

406

Письма Императрицы Александры Фёдоровны к Графине Анастасии Васильевны Гендриковой за 1912–1918 г.г., стр. 34.

407

Самым высшим заступлением человеческих душ, по объяснению святых, является вынимание при священнодействии Божественной литургии частиц из двух просфор за живых и умерших, с произнесением имён их и последующее погружение частиц в пречистую Кровь Иисуса Христа в чашу. При этом священник произносит моление: «Отмый, Господи, грехи поминавшихся зде Кровию Твоею, честною молитвами святых Твоих». Омываемые частицы символизируют души поминаемых, которые получают духовное очищение от грехов Кровью Спасителя.

408

8(21) марта Генерал-Лейтенант Л. Г. Корнилов прибыл в Царское Село, чтобы объявить Государыне об аресте Царской Семьи.

409

Письма Императрицы Александры Фёдоровны к Графине Анастасии Васильевне Гендриковой за 1912–1918 г.г., стр. 34, 35.

«графиня» – Графиня Е. А. Воронцова-Дашкова (урожд. Гр. Шувалова), Статс-Дама, супруга Графа И. И. Воронцова-Дашкова.

411

Графиня И. В. Долгорукова (урожд. Княжна Нарышкина) (1879–1917). В первом браке – замужем за Графом И. И. Воронцовым-Дашковым. После развода с ним вышла замуж за Князя С. А. Долгорукова, старшего сына Светлейшей Княгини О. П. Долгоруковой, которого, по её собственному признанию, любила с детства.

412

Правильно: «Лоло» – Светлейшая Княгиня Долгорукая Ольга Петровна, Статс-Дама.

413

Письма Императрицы Александры Фёдоровны к Графине Анастасии Васильевне Гендриковой за 1912–1918 г.г., стр. 36.

414

В то время Царская Семья находилась в Царском Селе.

415

В этот день Свиты Е.В. Генерал-Майор И. Л. Татищев преподнёс Графине А. В. Гендриковой по случаю её дня рождения букет цветов, которым она поделилась с Государыней.

«генерал» – Свиты Е.В. Генерал-Майор И. Л. Татищев.

417

Письма Императрицы Александры Фёдоровны к Графине Анастасии ВасильевнеГендриковой за 1912–1918 г.г., стр. 35.

418

В то время Царская Семья находилась в Царском Селе.

419

Имеется в виду изданная в 1750 году книга Г. Ф. Миллера «Описание Сибирского Царства и всех происшедших в нём дел от начала, а особливо от покорения его Российской Державе по сии времена».

420

Имеется в виду храм с общественным богослужением и соборной молитвой, в отличие от домовой молельни.

421

Письма Императрицы Александры Фёдоровны к Графине Анастасии Васильевне Гендриковой за 1912–1918 г.г., стр. 35.

422

19 июля (1 августа) Русская Православная Церковь отмечает обретение святых мощей преподобного Серафима Саровского Чудотворца, состоявшееся в 1903 году. Великий Угодник Земли Русской был прославлен против воли Святейшего Синода по распоряжению Государя Императора Николая II.

423

Письма Императрицы Александры Фёдоровны к Графине Анастасии Васильевне Гендриковой за 1912–1918 г.г., стр. 36.

424

В то время Царская Семья находилась в Царском Селе.

См. п. 80 примечаний к этой главе.

426

Письма Императрицы Александры Фёдоровны к Графине Анастасии Васильевне Гендриковой за 1912–1918 г.г., стр. 36, 37.

427

Образ Святой Великомученицы Анастасии Римляными.

428

В этот день Государыня записала в Своём дневнике: «28-го Октября. Суббота. (…) За всенощной пели любительницы и 4 стрелка хорошо, но тянули».

429

Для выбора к ней подходящего кулона.

430

Письма Императрицы Александры Фёдоровны к Графине Анастасии Васильевне Гендриковой за 1912–1918 г.г., стр. 37.

«Старый генерал» – см. п. 80 примечаний к этой главе.

432

Членам Царской Семьи, содержащимся по арестом в Губернаторском доме, было запрещено посещать свитских, размещённых в доме Корнилова.

433

Когда погода в Тобольске сделалась немного холоднее, Августейшая Семья стала забираться на крышу оранжереи, расположенной на территории хозяйственного двора Губернаторского дома, чтобы хоть немного погреться на солнце. Позднее, Ими там даже были обустроены две скамейки, на которых Августейшие Узники проводили свои лучшие часы во время долгой зимы и ранней весны 1917–1918 года.

434

Письма Императрицы Александры Фёдоровны к Графине Анастасии Васильевне Гендриковой за 1912–1918 г.г., стр. 37, 38.

Святые мощи Иоанна Тобольского (в миру И. М. Максимович) находились в то время в раке Софийского собора Тобольска. Этот святитель был последним в списке святых, прославленных по распоряжению Государя Императора Николая II.

436

3 марта 1918 года Солдатский Комитет Гвардейского Отряда особого назначения по охране бывшего царя и его семьи после долгих дебатов и прений постановил разрешить Царской Семье посещение Благовещенской церкви 10 марта. А, кроме того, разрешил также всем свитским, проживающим в доме И. Н. Корнилова, выходить на улицу без сопровождения караульных, на 2 часа в неделю.

437

В этот день (18 марта 1918 года) Царская Семья приступила к говению в течение наступающей Первой недели Великого Поста.

438

Письма Императрицы Александры Фёдоровны к Графине Анастасии Васильевне Гендриковой за 1912–1918 г.г., стр. 38, 39.

439

Из текста письма видно, что оно писалось в Тобольске 30 марта (13 апреля) 1918 года.

440

30 марта 1918 года вернувшийся из Москвы стрелок Пётр Лупин привёз бумагу, в которой говорилось, что Князь В. А. Долгоруков, Граф И. Л. Татищев, Графиня Гендрикова и Е. А. Шнейдер должны считаться арестованными.

441

В связи с упомянутым решением Москвы, Солдатский Комитет Гвардейского Отряда особого назначения постановил: всех лиц свиты перевести из дома И. Н. Корнилова в Губернаторский дом и также считать арестованными.

442

Имеется в виду комната Няни Августейших Детей А. А. Теглевой.

443

Правильно: Паулиной. П. К. Межанс была прислугой у Графини А. В. Гендриковой.

«вашего генерала» – см. п. 80 примечаний к этой главе.

См. п. 52 примечаний к этой главе.

Катя – Е. Живая, горничная Е. А. Шнейдер.

447

С. Гиббс – английский подданный, учитель английскому языку Августейших Детей.

Маша – М. Кулакова, прислуга Е. А. Шнейдер.

Лиза – Е. Н. Эрсберг, Камер-Юнгфера Е.В. Государыни Императрицы Александры Фёдоровны.

Нюта – А. С. Демидова, Камер-Юнгфера Е.В. Государыни Императрицы Александры Фёдоровны.

451

П. Жильяр – Наставник Наследника Цесаревича, учитель французскому языку Августейших Детей.

452

Письма Императрицы Александры Фёдоровны к Графине Анастасии Васильевне Гендриковой за 1912–1918 г.г., стр. 39, 40.

453

Протокол допроса свидетеля Е. С. Кобылинского от 6–10 апреля 1919 года Судебным Следователем по особо важным делам при Омском Окружном Суде Н. А. Соколовым. Опубл.: Гибель Царской Семьи. Материалы следствия по делу об убийстве Царской семьи (Август 1918 – февраль 1920), стр. 311.

454

ГА РФ. Ф. 1115, оп. 1, д. 4, л. 2.

455

Будущему Государю Императору Николаю II Александровичу.

Чернова О. В. Верные. О тех, кто не предал Царственных Мучеников. М., Издательство «Русскій Хронографъ», 2010, стр. 169.

Там же.

458

Ники – домашнее прозвище Государя Императора Николая II, которым Его ласково сначала называли Августейшие Родители, а затем и Государыня Императрица Александра Фёдоровна.

459

Чернова О. В. Верные. О тех, кто не предал Царственных Мучеников, стр. 170.

Там же, стр. 171.

461

Там же.

462

В этих записях Е. А. Шнейдер традиционно отражала главные события дня, происходившие со 2 по 12 мая и с 18 октября по 30 ноября 1902 года.

463

Мосолов А. А. При Дворе последнего Императора. М., Частная фирма «Анкор», 1993, стр. 58, 59.

Государыня имеет в виду Себя, Государя и Великую Княжну Марию Николаевну.

Имеется в виду прислуга Е. А. Шнейдер Мария Кулакова.

Имеется в виду прислуга Е. А. Шнейдер Екатерина Живая.

467

ГА РФ. Ф. 1115, оп. 1, д. 51, л. 4.

468

Этот дневник был представлен к следствию генералом М. К. Дитерихсом и описан следователем Н. А. Соколовым в Протоколе осмотра вещественных доказательств от 27 февраля 1919 года. Полный текст его помещён в главу, посвящённую Графине А. В. Гендриковой.

469

Докладная записка Генерал-Лейтенанта М. К. Дитерихса за № 43 от 17 мая 1919 года о захоронении тел Графини А. В. Гендриковой и Е. А. Шнейдер, поданная на имя Верховного Правителя Адмирала А. В. Колчака. РГАСПИ. Ф. 588, оп. 3, д. 6.

В советское время на этом месте был построен завод по производству велосипедов «Кама».

471

Докладная записка Генерал-Лейтенанта М. К. Дитерихса за № 43 от 17 мая 1919 года. РГАСПИ. Ф. 588, оп. 3, д. 6.

472

Протокол допроса свидетеля Е. С. Кобылинского от 6–10 апреля 1919 года Судебным Следователем по особо важным делам при Омском Окружном Суде Н. А. Соколовым. Опубл.: Гибель Царской Семьи. Материалы следствия по делу об убийстве Царской семьи (Август 1918 – февраль 1920), стр. 311.

Волков А. А. Указ. соч., стр. 39.

Там же, стр. 43.

Там же, стр. 45.

Серебряная медаль «За усердие» для ношения на шее была учреждена ещё в начале царствования Императора Александра I (в декабре 1801 г.) и за почти век своего существования, вплоть до 1896 года, сменила на лицевой стороне семь портретов различных Российских Императоров. В период царствования Николая II такой медалью на Аннинской ленте стали «жаловаться» сверхсрочные ефрейторы, имевшие уже Знак отличия Ордена Св. Анны, за особые заслуги; на Владимирской ленте – Подпрапорщики и Унтер-Офицеры, прослужившие 7 лет; на Александровской ленте – строевые Унтер-Офицеры за 20и 25-летнюю службу, из которых 15 и 20 лет прослужили в унтер-офицерском звании. Отставные же «Военнослужащие унтер-офицерского звания, а равно мещане и крестьяне, временно записанные в гильдии, мог(ли) быть в особо уважительных случаях представляемы прямо к серебряным медалям для ношения на шее на Станиславской лен-те (минуя нагрудные)». Причём военнослужащие, имеющие Знак отличия Военного Ордена Св. Георгия III степени, представлялись прямо к серебряной шейной медали на Аннинской ленте, минуя Станиславскую, а по Высочайшему Указу от 7 ноября 1912 года – прямо к Серебряной медали на Владимирской ленте. Имевшие же Знак отличия Военного Ордена Св. Георгия IV степени – к этой же медали на Аннинской ленте, минуя Станиславскую. Нижним чинам, имеющим медаль с надписью «За храбрость» IV степени, срок выслуги лет для получения шейной серебряной медали «За усердие» сокращался «на один год, третьей степени – на два года, второй степени – на три года и первой степени – на четыре года. Вместе с сокращением общей службы сокращался и срок выслуги в унтер-офицерском звании на столько же лет». С того же 1912 года «…лица, получившие звание Личного Почётного Гражданина, по образованию или в наградном порядке, могли быть представляемы… прямо к серебряной шейной медали на Владимирской ленте». Позже, с 23 апреля 1913 года этой медалью награждали «…особо отличившихся чинов и лиц медицинского и санитарного персонала», причём с освобождением от взимания стоимости медали.

Смирнов С. Н. – Управляющий делами и Секретарь Князя Императорской Крови Иоанна Константиновича, убитого в Алапаевске 18 июля 1918 года.

В книге А. А. Волкова издателем Е. П. Семёновым приводится ссылка на воспоминания С. Н. Смирнова, в которых этот же самый «эпизод прощания» описывается чуть более подробно:

«Вечером, 21 августа (3 сентября) я сидел почему-то позже обыкновенного, читая “Екатерину II” Брикнера. Наши уже легли. Была мёртвая тишина, лишь в коридоре иногда слышался треск, когда дежурный надзиратель, дремавший на скамейке у стола, менял позу. Около 11 я уменьшил огонь, разделся, помолился, что привык делать аккуратно утром и вечером, накрылся своей охотничьей буркой и скоро заснул. Но вот сквозь сон услышал я шум шагов в коридоре, потом звон ключей, посмотрев на часы, я увидал без десяти двенадцать. Ключ вставляли в нашу дверь, открыли, на фоне света в коридоре обрисовалась фигура надзирателя. В такой час посещение было зловеще. “Который тут Волков?” – спросил надзиратель. Все проснулись, и Волков ответил: “Я”. – “Одевайся”. Одевшись, Волков подошёл ко мне, передал мне форменный жилет с золотыми часами и обручальное кольцо, прося передать жене; потом посмотрел на икону и, крестясь, прошептал: “Боже мой, Боже мой, Боже мой”, перекрестился трижды, поцеловался со мной и ушёл. Защёлкнул замок и всё затихло. Никто из нас не спал. Солдаты молча смотрели из своих кроватей, майор не шелохнулся. Но вот послышались вновь шаги в коридоре, приближавшиеся вновь к нашей камере. Уже при уводе Волкова я подумал, что Ложкин выдал наши открытки, и понял, что идут за мной и начал одеваться, чтобы идти на казнь. Меня начала бить холодная лихорадка. “Майор”, сказал я, “это за мною, теперь мой черед”. Он не ответил. Щёлкнул замок. Я ждал вопроса: “Который тут Смирнов?” Я стал читать “Отче Наш”. Открылась дверь и на свету обрисовалась фигура Волкова. “Не беспокойтесь, меня переводят в Арестный дом, разрешили взять вещи”. Быстро собрал он свой сверточек в газете, я ему подал жилет, но он его не взял. “Нет, нет, нет, оставьте у себя”.

До утра я не спал; тотчас после поверки узнали мы, выйдя в коридор умываться, что внизу, в эту ночь, в это же время, увели Гендрикову и Шнейдер, и что арестовали начальника тюрьмы. Настроение у всех было подавленное. Я пошёл к Павлову и попросил не оставлять княгиню одну; сейчас же он перевёл к ней

одну гувернантку или учительницу-француженку, арестованную, когда хватали всех иностранцев. Потом княгиня рассказала мне про уход Анастасии Васильевны и Екатерины Адольфовны. Точно так же назвали их фамилии. Они спали. Анастасия Васильевна вскочила, сказала “ca y est”, быстро оделась, подошла к столу, на котором лежала какая-то книга, написала на ней карандашом адрес своей сестры Балашевой в Кисловодске. Затем она сказала Княгине: “Si quelque chose m'arrive” (фр. “Если что-то со мной случится”) и их обеих увели. Через некоторое время княгиня узнала, что их в чека допрашивали. Анастасию Васильевну спросили, добровольно ли она поехала за царской семьёй. (Она ответила утвердительно и гордо»).

478

Знамеровская В. М. – супруга бывшего Полковника Отдельного Корпуса Жандармов П. Л. Знамеровского. После решения о высылке её супруга в Пермь (вместе с Великим Князем Михаилом Александровичем и его Секретарём Брайаном Джонсоном) по Постановлению СНК Р.С.Ф.С.Р. от 9 марта 1918 года, проживала в этом городе по адресу: ул. Кунгур-ская, 8. Расстреляна 4 сентября 1918 года вместе с группой заложников из 11 человек как «соучастница побега Михаила Романова».

По сфабрикованному Пермской Губернской ЧК делу «О Похищении Б. Великого князя Михаила Александровича Романова из Гостиницы Королевские номера» был допрошен целый ряд лиц, в числе которых было и две горничных, служивших в означенной гостинице: М. С. Богданова и С. Е. Ширинкина, а также посудомойка Е. В. Маширина. Однако в списке заложников, расстрелянных по постановлению Пермской Губернской ЧК 4 сентября 1918 года (опубликованном в газете «Известия Пермского губисполкома») значатся только три женщины: Графиня А. В. Гендрикова, Е. А. Шнейдер и Е. И. Иванова. Причём последняя была учительницей, работавшей в годы Гражданской войны Сестрой Милосердия в войсках Атамана А. И. Дутова.

Волков А. А. Указ. соч., стр. 91–94.

481

Протокол допроса А. А. Волкова от 22 октября 1918 года в г. Екатеринбурге Членом Екатеринбургского Окружного Суда И. А. Сергеевым. Опубл.: Гибель Царской Семьи. Материалы следствия по делу об убийстве Царской семьи (Август 1918 – февраль 1920), стр. 111–112.

482

Опущен рассказ А. А. Волкова о периоде, предшествующем приезду в Тобольск.

483

Спала – охотничья резиденция в Беловежской пуще, где ежегодно проводились Царские и Великокняжеские Охоты.

484

Протокол допроса А. А. Волкова от 20–22 августа 1919 года в г. Омске Судебным Следователем по особо важным делам при Омском Окружном Суде Н. А. Соколовым. Опубл.: Гибель Царской Семьи. Материалы следствия по делу об убийстве Царской семьи (Август 1918 – февраль 1920), стр. 448–455.

485

«Он за Царём в ссылку не поехал» – звёздочкой здесь и далее отмечены примечания Е. П. Семёнова, написавшего вступление к книге А. А. Волкова «Около Царской Семьи» (Париж, 1928).

«О Кобылинском см. “Воспоминания” Татьяны Евгеньевны Боткиной-Мельник» – примечание Е. П. Семёнова.

487

«Таким образом, отпадают все вздорные слухи о поведении генерала Корнилова во время этих посещений Царского Села. Надо знать, что он считал Государыню одной из виновниц катастрофы. Когда 3 августа 1917 г. я ему представил приехавшего в этот день в Петроград А. Ф. Аладьина, генерал – тогда Верховный Главнокомандующий – между прочим сказал: “Возврат к прошлому быть не может. Государь человек без воли и потому, если он вернётся на трон, то править будет она, и всё пойдёт по старому…” Корнилов, однако, говорил, что большевистская анархия приведёт к монархии» – примечание Е. П. Семёнова.

488

«См. моё подробное исследование вопроса о неудавшемся отъезде Царской семьи в Англию в “Mercurede France”, воспроизведённое во Введении к книге С. Н. Смирнова “Autordel Asassinatdes Grands Dues”, изд. Payot» – примечание Е. П. Семёнова.

Этим человеком был С. Д. Масловский – член партии эсеров, человек, близкий к А. Ф. Керенскому, масон, член Верховного Совета Великого Востока Народов России. Форму с полковничьими погонами он носил незаконно, так как ни одного дня не служил в Императорской Русской Армии.

490

«См. “Воспоминания” Т. Е. Боткин-Мельник» – примечание Е. П. Семёнова.

491

«Об этом случае, об о. Алексее и о Поручике Соловьёве см. “Воспоминания” Т. Е. Мельник-Боткиной» – примечание Е. П. Семёнова.

Далее в книге А. А. Волкова идут две главы под наименованием «В Екатеринбурге» и «В Пермской тюрьме». Но так как их содержание во многом совпадает с его показаниями на следствии, автор счёл для себя возможным их опустить.

Волков А. А. Указ. соч., стр. 66–118.

494

Дело Канцелярии Ея Величества Государыни Императрицы Александры Фёдоровны и Управления делами Августейших Детей Их Императорских Величеств. Нагорный Клементий, лакей 2-го разряда. РГИА. Ф. 525, оп. 2 (216/2714), д. 226, л. 5.

495

Там же.

496

Имелась в виду телеграмма М. М. Аничкова за № 228, поданная из Ливадии 4 декабря 1913 года.

497

РГИА. Ф. 525, оп. 2 (216/2714), д. 226, л. 15, 16.

Там же, л. 18.

499

Сэр Д. Хэнбери-Уильямс. Император Николай II, каким я его знал. Лондон, 1922. Опубл.: Государь на фронте. Воспоминания. М., Издательство «Русскій Хронографъ», 2012, стр. 203.

500

«П.В.П.» – Петров Пётр Васильевич, Тайный Советник, Чиновник по особым поручениям IV класса при Главном Управлении Военно-Учебных Заведений. Состоял при Наследнике Цесаревиче в качестве учителя русского языка и русской словесности.

501

Макаров Евгений – воспитанник 1-го Кадетского Корпуса (Санкт-Петербург), товарищ по детским играм Наследника Цесаревича в Ставке в 1916 году. В переписке и дневнике наследника Цесаревича части упоминается как «Кулик».

502

Г. Светличный (Светлани) – Юнга Императорской Яхты «Штандартъ», товарищ по детским играм Наследника Цесаревича. Настоящая фамилия Г. Пиньковский. Позднее – киноактёр, снявшийся в десятках советских фильмов. При участии С. Капкова написал книгу воспоминаний «Товарищ Его Высочества (цесаревич Алексей и юнга Гриша Светлани). СПб., Издательство «Деком», 2002.

503

Чернова О. В. Верные. О тех, кто не предал Царственных Мучеников, стр. 260.

504

Вероятнее всего, это была кошка по кличке Зубровка.

505

Чернова О. В. Верные. О тех, кто не предал Царственных Мучеников, стр. 260, 261.

506

Протокол допроса Е. С. Кобылинского от 6–10 апреля 1919 года Судебным Следователем по особо важным делам при Омском Окружном Суде Н. А. Соколовым. Опубл.: Гибель Царской Семьи. Материалы следствия по делу об убийстве Царской семьи (Август 1918 – февраль 1920), стр. 306, 307.

507

Протокол допроса А. А. Теглевой от 5–6 июля 1919 года Судебным Следователем по особо важным делам при Омском Окружном Суде Н. А. Соколовым. Опубл.: Российский Архив. История Отечества в свидетельствах и документах XVIII–XX в.в. Том VIII. Н. А. Соколов. Предварительное Следствие 1919–1922 г.г., стр. 129.

508

ГА РФ. Ф. 601, оп. 2, д. 24. Опубл.: Алексеев В. В. Гибель царской семьи. Екатеринбург, «Банк культурной информации», 1993, стр. 88.

509

Там же, д. 38.

510

Дневники Николая II и Императрицы Александры Фёдоровны в двух томах. Том второй (1 августа 1917 – 16 июля 1918), стр. 449.

511

Источник не выявлен.

512

Бехтеев С. С. Царский Крест. М., Издательский дом «Достоинство», 2011, стр. 91.

513

Так в документе.

514

Имеется в виду маневрирование поезда между станциями «Екатеринбург I» и «Екатеринбург II».

515

Французский бульдог по кличке Ортино.

516

Протокол допроса П. А. Жильяра от 5–6 марта 1919 года Судебным Следователем по особо важным делам при Омском Окружном Суде Н. А. Соколовым. Опубл.: Гибель Царской Семьи. Материалы следствия по делу об убийстве Царской семьи (Август 1918 – февраль 1920), стр. 233, 234, 236.

517

Протокол допроса Ф. П. Проскурякова от 1–3 апреля 1919 года Судебным Следователем по особо важным делам при Омском Окружном Суде Н. А. Соколовым. Опубл.: Там же, стр. 274.

518

Протокол допроса Е. С. Кобылинского от 6–10 апреля 1919 года Судебным Следователем по особо важным делам при Омском Окружном Суде Н. А. Соколовым. Опубл.: Там же, стр. 311.

519

Протокол допроса С. И. Иванова от 18 июля 1919 года Судебным Следователем по особо важным делам при Омском Окружном Суде Н. А. Соколовым. Опубл.: Там же, стр. 406, 407.

520

ГА РФ. Ф. 601, оп. 2, д. 24. Опубл. Алексеев В. В. Указ. соч., стр. 88.

521

Дневники Николая II и Императрицы Александры Фёдоровны в двух томах. Том второй (1 августа 1917 – 16 июля 1918), стр. 442.

Об этом инциденте более подробно будет рассказано в главе о И. М. Харитонове.

523

Кинг Г., Вильсон П., Романовы. Судьба царской династии. (Перевод с англ.) М., «ЭКСМО», 2005, стр. 125.

524

Протокол допроса П. А. Жильяра от 5–6 марта 1919 года Судебным Следователем по особо важным делам при Омском Окружном Суде Н. А. Соколовым. Опубл.: Гибель Царской Семьи. Материалы следствия по делу об убийстве Царской семьи (Август 1918 – февраль 1920), стр. 234.

525

Обвиняемый Ф. П. Проскуряков путает. Состоя в должности лакея, А. Е. Трупп по существовавшему при Высочайшем Дворе порядке, не мог носить усы и поэтому никогда их не носил.

526

Протокол допроса Ф. П. Проскурякова от 1–3 апреля 1919 года Судебным Следователем по особо важным делам при Омском Окружном Суде Н. А. Соколовым. Опубл.: Гибель Царской Семьи. Материалы следствия по делу об убийстве Царской семьи (Август 1918 – февраль 1920), стр. 273.

527

На упоминаемых Е. С. Кобылинским «прежних пуговицах» имелось изображение Государственного Герба Российской Империи – Двуглавого Орла, которые А. Е. Трупп, во избежание излишних «ненужных разговоров», предупредительно заменил на «нейтральные».

528

Протокол допроса Е. С. Кобылинского от 6–10 апреля 1919 года Судебным Следователем по особо важным делам при Омском Окружном Суде Н. А. Соколовым. Опубл.: Там же, стр. 311.

529

Протокол допроса А. А. Якимова от 7–11 мая 1919 года Судебным Следователем по особо важным делам при Омском Окружном Суде Н. А. Соколовым. Опубл.: Исповедь цареубийц, стр. 475.

530

Протокол допроса С. И. Иванова от 18 июля 1919 года Судебным Следователем по особо важным делам при Омском Окружном Суде Н. А. Соколовым. Опубл.: Гибель Царской Семьи. Материалы следствия по делу об убийстве Царской семьи (Август 1918 – февраль 1920), стр. 406.

Дочь И. М. Харитонова, Екатерина, в 1928 году вышла замуж за красного командира Михаила Харитоновича Мультатули, в браке с которым родила сына Валентина. Окончив Ленинградский Государственный Университет, В. М. Мультатули избрал своей специальностью переводы на русский язык литературных произведений французских авторов Мольера, Ростана, Корнеля и др. Спустя некоторое время он женится на Н. Н. Ануфриевой, вернувшейся в СССР из парижской эмиграции вместе с родителями в 1957 году. (Наталья Николаевна Ануфриева – внучка царского офицера, бежавшего из Советской России во Францию вместе с первой волной эмиграции. По материнской линии происходит из рода Беллик. Окончила Биологический факультет ЛГУ.) В ноябре 1969 года у четы В. М и Н. Н. Мультатули рождается сын Пётр, являющийся на сегодняшний день одним из самых знаменитых правнуков И. М. Харитонова. Окончив в 1991 году Санкт-Петербургский Государственный Педагогический Университет им. А. И. Герцена по специальности история и правоведение, П. В. Мультатули некоторое время работал в школе преподавателем истории, а затем перешёл на работу в правоохранительные органы. К настоящему времени является автором многочисленных статей и пяти книг, посвящённых трагической судьбе Государя Императора Николая II Александровича и Царской Семьи.

Надо отметить, что практически все написанные П. В. Мультатули работы по сути своей являются достойным вкладом в изучение материалов по так называемому «Царскому Делу». Однако нельзя также и не признать, что он в своих трудах зачастую допускает серьёзные огрехи, искажая некоторые исторические факты, а также приводя ссылки на «источники» весьма сомнительного исторического происхождения. Являясь одним из самых ярых поборников версии «ритуального убийства» (не имеющей на деле ничего общего с реальной действительностью), он приобрёл тем самым авторитет в среде некоторых иерархов РПЦ, оказывающих всестороннюю поддержку его общественной деятельности. Кандидат исторических наук. Награждён орденом Нестора Летописца I ст. Украинской Православной Церкви Московского Патриархата.

532

Ковалевская О. Т. С Царём и за Царя. М., Издательство, М., Издательство «Русскій Хронографъ», 2008, стр. 87, 88.

533

Там же, стр. 83.

Там же, стр. 83, 85.

535

Там же.

Там же.

Там же.

538

Там же.

Ковалевская О. Т. Указ. соч., стр. 85.

Там же.

541

Так в России называли головной убор солдат и офицеров германской (кайзеровской) армии, имеющий наверху пикообразное (в пехоте) или шарообразное (в артиллерии) навершие.

542

Племянник известного французского ресторатора Люсьена Оливье, прославившегося изобретением своего знаменитого салата.

Ковалевская О. Т. Указ. соч., стр. 91.

Там же, стр. 92.

В связи с этим обстоятельством в «Книге записи дежурств членов Отряда особого назначения по охране Николая II» была сделана соответствующая запись:

«Около часа дня поступило заявление повара Харитонова о том, что что-то лежит на шкафу в комнате, где помещались раньше гр. [аждане] Седнев и Нагорный, по приходе моём туда оказалось, что на указанном Харитоновым шкафу лежат восемь заряженных бомб: пять из них бутылкообразные за №№ 35, 73, 92. Остальные две без №№, две бомбы круглые и одна яйцеобразная № 11, которые по приносе в дежурную комнату были разряжены. При дальнейшем расспросе гр. гр. Харитонова и Труппа выяснилось: ввиду кладки каменщиками новой плиты в комнате, где помещались Харитонов и Трупп, ими была занята рядом стоящая свободная комната, то он, Харитонов, желая очистить пыль в комнате, обнаружил лежащие на шкафу бомбы и заявил в дежурную комнату, о чём мной было сообщено коменданту Дома особого назначения тов. Авдееву, а им, в свою очередь, сообщено председателю област[ого] Совета тов. [арищу] Белобородову».

546

Дневники Николая II и Императрицы Александры Фёдоровны в двух томах. Том второй (1 августа 1917 – 16 июля 1918), стр. 479.

Там же, стр. 483.

С вступлением в должность Коменданта ДОН Я. М. Юровского, передача провизии для Царской Семьи монашествующими Ново-Тихвинского монастыря была прекращена, кроме небольшого количества молока, необходимого для больного Наследника Цесаревича.

549

Дневники Николая II и Императрицы Александры Фёдоровны в двух томах. Том второй (1 августа 1917 – 16 июля 1918), стр. 518.

550

Протокол допроса М. И. Летемина от 18–19 октября 1918 года Членом Екатеринбургского Окружного Суда И. А. Сергеевым. Опубл.: Гибель Царской Семьи. Материалы следствия по делу об убийстве Царской семьи (Август 1918 – февраль 1920), стр. 109, 110.

551

Протокол допроса Ф. П. Проскурякова от 1–3 апреля 1919 года Судебным Следователем по особо важным делам при Омском Окружном Суде Н. А. Соколовым. Опубл.: Гибель Царской Семьи. Материалы следствия по делу об убийстве Царской семьи (Август 1918 – февраль 1920), стр. 273.

552

Протокол допроса Е. С. Кобылинского от 6–10 апреля 1919 года Судебным Следователем по особо важным делам при Омском Окружном Суде Н. А. Соколовым. Опубл. Там же, стр. 311.

553

Протокол допроса А. А. Якимова от 7–11 мая 1919 года Судебным Следователем по особо важным делам при Омском Окружном Суде Н. А. Соколовым. Опубл.: Исповедь цареубийц, стр. 475, 479.

554

Дневники Николая II и Императрицы Александры Фёдоровны в двух томах. Том второй (1 августа 1917 – 16 июля 1918), стр. 531.

555

ГА РФ. Ф. 601, оп. 2, д. 34.

556

Последние дни Романовых. Личные записки чекиста А. Кабанова, непосредственного участника кровавых событий – казни семьи Николая Второго. Опубл.: Исповедь цареубийц, стр. 130.

557

Протокол допроса М. И. Летемина от 18–19 октября 1918 года Членом Екатеринбургского Окружного Суда И. А. Сергеевым. Опубл.: Гибель Царской Семьи. Материалы следствия по делу об убийстве Царской семьи (Август 1918 – февраль 1920), стр. 109.

558

Протокол допроса Ф. П. Проскурякова от 1–3 апреля 1919 года Судебным Следователем по особо важным делам при Омском Окружном Суде Н. А. Соколовым. Опубл.: Там же, стр. 273.

559

Протокол допроса А. А. Якимова от 7–11 мая 1919 года Судебным Следователем по особо важным делам при Омском Окружном Суде Н. А. Соколовым. Опубл.: Исповедь цареубийц, стр. 475.

560

Баронесса София Буксгевден. «Венценосная Мученица. Жизнь и трагедия Александры Фёдоровны, Императрицы Всероссийской». М., Издательство «Русскій Хронографъ», стр. 404

561

Там же, стр. 411.

562

Там же, стр. 436.

563

По выяснению некоторых вопросов, связанных с отречением Николая II от Престола. 1917. РГИА. Ф. 476, оп. 1, д. 473, л. 1.

564

«Штамповщик в Придворно-прачечном заведении Гофмаршальской части» – служащий Высочайшего Двора, проставляющий на белье, скатертях, салфетках и пр. специальные штампы (метки) Гофмаршальской Части.

565

Автобиография В. Н. Деревенко, написанная им в 1933 году, хранится в ГА РФ (Ф. 601, оп. 2, д. 49, л. 1–4).

В настоящее время – Царскосельская гимназия искусств им. А. А. Ахматовой.

567

Прохоров А. Ловите всех подряд. По материалам газеты «Совершенно секретно», интернет-сайт: **sovsekretno.ru/magazines/article/727**.

Там же.

569

Протокол допроса свидетеля К. М. Битнер от 4 августа 1919 года в г. Ишиме Судебным Следователем по особо важным делам при Омском Окружном Суде Н. А. Соколовым. Опубл.: Гибель Царской семьи. Материалы следствия по делу об убийстве Царской семьи (Август 1918 – февраль 1920), стр. 420–426.

ПП ЭКО ОГПУ – Полномочное Представительство Экономического Отдела Объединённого Государственного Политического Управления. В свою очередь, в компетенцию Экономического Отдела входила следующая сфера служебных полномочий:

борьба с диверсиями и вредительством в народном хозяйстве;
борьба с валютчиками и спекулянтами;

- борьба с преступлениями по должности;
- «чекистское обслуживание» учреждений.

571

Дата документа не установлена.

Алексеев В. В. Гибель царской семьи: мифы и реальность. (Новые документы о трагедии на Урале). Екатеринбург, Банк культурной информации, 1993, стр. 179.

Там же, стр. 180.

Подпись неразборчива.

Алексеев В. В. Указ. соч., стр. 181–183.

Там же, стр. 183–185.

577

Подписи неразборчивы.

Алексеев В. В. Указ. соч., стр. 186, 187.

579

В настоящее время – город Салехард Ямало-Ненецкого Автономного Округа.

Подпись неразборчива.

Алексеев В. В. Указ. соч., стр. 199.

582

Имеется в виду Пистолет Браунинга мод. 1906 года, принадлежавший Великой Княгине Ольге Николаевне.

583

Подпись неразборчива.

Алексеев В. В. Указ. соч., стр. 200.

585

Дневники Николая II и Императрицы Александры Фёдоровны в двух томах. Том второй (1 августа 1917 – 16 июля 1918), стр. 511.

Там же, стр. 512.

Там же, стр. 513.

Гладышев В. Ф. Страшная тайна доктора Деревенко, интернет-сайт:

romanov-center.narod.ru, раздел **Персоналии/Гладышев В.Ф.**

589

Письма Святых Царственных Мучеников из заточения. Издание Свято-Преображенского Валаамского монастыря. Санкт-Петербург, 1998, стр. 311, 312.

590

Протокол допроса свидетеля В. Н. Деревенко от 11 сентября 1919 года в г. Томске Обер-Офицером Отдела Контрразведки и Военного Контроля Управления Второго Генерал-Квартирмейстера Штаба Верховного Главнокомандующего Штабс-капитаном Сычёвым. Опубл.: Гибель Царской семьи. Материалы следствия по делу об убийстве Царской семьи (Август 1918 – февраль 1920), стр. 471, 472.

591

ГА РФ. Ф. 601, оп. 2, д. 29, л. 1–4.

Материал о С. С. Кострицком и его фото любезно предоставлены К. А. Протопоповым.

593

РГИА. Ф. 476, оп. 1, д. 2086, л. 69 а. Автограф.

594

РГИА. Ф. 476, оп. 1, д. 2086, л. 69 б. Машинопись.

595

РГИА. Ф. 476, оп. 1, д. 2086, л. 69 в. Машинопись.

596

Предметы, описанные далее, были представлены к следствию Генерал-Лейтенантом М. К. Дитерихсом и перечислены Судебным Следователем Н. А. Соколовым в Протоколе осмотра вещественных от 10 февраля 1919 года. Большинство из них было обнаружено следствием при осмотре рудника «Ганина яма», расположенного в районе Урочище «Четыре Брата».

597

Аршин – Русская мера длины, равен 0,71 см.

598

Предметы, описанные далее, были представлены к следствию Генерал-Лейтенантом М. К. Дитерихсом и перечислены Судебным Следователем Н. А. Соколовым в Протоколе осмотра вещественных от 15–16 февраля 1919 года. Большинство из них было обнаружено следствием при осмотре костров в лесу в районе рудника «Ганина яма», расположенного в районе Урочище «Четыре Брата».

599

Здесь и далее в подобных случаях отточия означают отсутствие соответствующих данных в источнике.

600

Предметы, описанные далее, были перечислены Судебным Следователем Н. А. Соколовым в Протоколе осмотра вещественных от 19–22 июня 1919 года. Большинство из них было обнаружено следствием при осмотре района «Красной казармы», около «кострища у тропы», «на полянке с пнём», «на первой от Четырёх Братьев свёртке к руднику», «на глиняной площадке» и др.

601

См. п. 18 этого раздела примечаний.

См. п. 18 этого раздела примечаний.

603

См. п. 18 этого раздела примечаний.

См. п. 18 этого раздела примечаний.

См. п. 18 этого раздела примечаний.

606

С 1894 года вместе с обручальным кольцом Государь носил кольцо с сапфиром в форме кабошона, которое подарила Ему Государыня в бытность Свою Его невестой.

См. п. 18 этого раздела примечаний.

См. п. 18 этого раздела примечаний.

609

См. п. 18 этого раздела примечаний.

610

Предметы, описанные ниже, были перечислены Судебным Следователем Н. А. Соколовым в Протоколе осмотра вещественных от 6 июня – 10 июля 1919 года. Все они были обнаружены следствием при осмотре района рудника «Ганина яма».

611

Характерная ошибка следствия, перекочевавшая в работы большинства историков и исследователей. Собаку, принадлежавшую Великой Княжне Анастасии Николаевне, звали не «Джемми», а Джим – эту кличку иногда произносили как Джимми.

612

Протокол осмотра пакета с вещественными доказательствами от 14 марта 1919 года, предъявленного следствию Генерал-Лейтенантом М. К. Дитерихсом. Опубл. Гибель Царской семьи. Материалы следствия по делу об убийстве Царской семьи (Август 1918 – февраль 1920), стр. 246, 247.

613

Гибель Царской Семьи. Материалы следствия по делу об убийстве Царской семьи (Август 1918 – февраль 1920), стр. 411–419.

Вероятнее всего, под «золотой шпагой наследника Алексея Николаевича» подразумевалась шашка либо драгунского, либо казачьего образца, эфес и ножны которой были покрыты позолотой.

615

Подпись неразборчива.

Алексеев В. В. Указ. соч., стр. 173.

617

Т. И. Чемадуров умер осенью 1918 года, то есть почти сразу же после своего возвращения в Тобольск.

618

Подпись неразборчива.

619

Алексеев В. В. Указ. соч., стр. 173–175.

620

«…мать с дочерью» – Казакова Елизавета Александровна и её дочь Екатерина Дмитриевна.

621

Подпись неразборчива.

Алексеев В. В. Указ. соч., стр. 175, 176.

623

Подпись неразборчива.

Алексеев В. В. Указ. соч., стр. 176, 177.

625

Подпись неразборчива.

Алексеев В. В. Указ. соч., стр. 177, 178.

627

Означенный временной период дан, исходя из содержания документа.

628

Имеется в виду одно из многочисленных крестьянских восстаний в Западной Сибири 1920–1922 г.г., охватившее в феврале 1921 года несколько уездов Тобольской губернии во главе с его бывшей столицей – городом Тобольском.

629

Алексеев В. В. Указ. соч., стр. 180, 181.

630

Князь Гавриил Константинович. В Мраморном дворце. М., Издатель И. Захаров, стр. 128.

631

Дневник Князя Императорской Крови Иоанна Константиновича за 1914 год.

632

См. Документ № 1 этой части.

633

См. Документ № 2 этой части.

634

См. Документ № 6 этой части.

635

См. Документ № 7 этой части.

636

См. Документ № 5 этой части.

По дороге в Алапаевскую ссылку Князей Романовых сопровождали:

А. Г. Кабанов – сотрудник УОЧК;

П. М. Гольдфарб – сотрудник УОЧК;

• Н. Я. Гринфельд – сотрудник УОЧК;

• Б. Е. Булачёв – сотрудник Алапаевской ЧК.

638

См. Документ № 6 этой части.

Напольной эта школа называлась потому, что располагалась на краю города, близ поля. Это было каменное здание коридорной системы, состоящее из четырёх больших и двух маленьких комнат. Угловую комнату занимала охрана. В первой от входа большой комнате разместились Великий Князь Сергей Михайлович, Князь В. П. Палей и их слуги – о. Ф. М. Ремез и Ч. Круковский. В следующей комнате проживали Князь Константин Константинович и его брат Князь Игорь Константинович. Великая Княгиня Елизавета Фёдоровна с Крестовыми Сёстрами Варварой Яковлевой и Екатериной Янышевой проживали в дальней угловой комнате. А предшествующую ей занимали Князь Иоанн Константинович с супругой Княгиней Еленой Петровной, рядом с которыми в малой угловой комнате располагался их лакей Калин.

См. Документ № 9 этой части.

641

Меблированные комнаты купца 2-й гильдии Атаманова, располагавшиеся в доме № 19 по Главному проспекту (ныне – Проспект Ленина, 19).

642

См. Документ № 27 этой части.

643

До июня 1918 года «Американская гостиница» (угол Покровского проспекта и ул. Златоустовской) находилась под началом её владельцев – супругов Павла Васильевича и Елиониды Яковлевны Холкиных. А после того как в это помещение въехала Уральская Областная Чрезвычайная Комиссия, «профиль» этого заведения резко изменился. Комнаты нижнего этажа стали кабинетами чекистов, верхнего – прочими служебными и жилыми помещениями, а имевшиеся подвальные хозяйственные помещения превратились в тюремные камеры. После падения Екатеринбурга в июле 1918 году в этом здании расположилось одно из Отделений Чехословацкого Национального Совета в России (Временного правительства Чехословакии). В 20-е годы минувшего столетия это здание было достроено за счёт боковой пристройки, а в его помещениях расположилось Екатеринбургское художественное училище им И. Д. Шадра (ул. Малышева, 41А).

Вероятнее всего, таковой была Е. М. Бахарева, состоявшая в должности Делопроизводителя УОЧК.

645

См. Документы №№ 13, 14, 15 и 16 этой части.

Всего в этом вагоне находилось 35 арестованных, охрану которых осуществлял отряд чекистов из 10 человек, действующих под командой Г. И. Сухорукова.

647

По иронии судьбы в этом здании с 1959 года располагается Пермский государственный театр кукол.

См. Документ № 18 этой части.

649

Именно в этой полуподвальной камере, имевшей единственное зарешечённое окно, расположенное в 4-х метрах от пола, немногим более 2-х месяцев назад провела свои последние дни Ф. Х. Каплан, обвинённая большевиками в покушении на жизнь В. И. Ленина в августе 1918 года.

650

См. Документ № 20 этой части.

651

См. Документ № 21 этой части.

652

См. Документ № 22 этой части.

653

См. Документ № 23 этой части.

См. Документ № 24 этой части.

«Красная газета» (Петроград) за 26 марта 1918 года.

656

ГА РФ. Ф. 601, оп. 2, д. 31, л. 13.

657

Так в документе.

658

ГА РФ Ф. 130, оп. 2, д. 1137, л. 113.

659

ГА РФ. Ф. 601, оп. 2, д. 33, л. 55 (Копия)

660

ЦДООСО. Ф. 41, оп. 1, д. 149, л. 300.

661

Ф. 601, оп. 2, д. 33, л. 6–6 об. Заверенная копия.

662

ГА РФ. Ф. 1235, оп. 94, д. 58, л. 67.

663

ГА РФ. Ф.1235, оп. 34, д. 36, л. 174–176.

664

Текст расписки приводится в соответствии с личными записями С. Н. Смирнова, представившего таковые следователю Н. А. Соколову 16 марта 1922 г.

665

ГА РФ. Ф. 130, оп. 2, д. 1109, л. 35.

ГА РФ. Ф. 140, оп. 1, д. 33, л. 125.

667

ГА РФ. Ф. 1235, оп. 94, д. 36, л. 72.

668

Так в документе.

669

ГА РФ. Ф. 1235, оп. 94, д. 36, л. 73.

Так в документе.

671

ГА СО. Ф. 1913, оп. 1, д. 2, л. 17.

Так в документе. Правильно – Жарко.

673

ГА СО. Ф. 1913, оп. 1, д. 2, л. 10.

Так в документе. Правильно – Жарко.

675

Так в документе. Правильно – Абрамович.

Так в документе. Правильно – Леонткевич.

677

ГА СО. Ф. 1913, оп. 1, д. 2, л. 12.

678

Так в документе. Правильно – Киевском.

679

ГА СО. Ф. 1913, оп. 1, д. 2, л. 14.

680

ГА РФ. Ф. 1235, оп. 35, д. 24, л. 32.

681

ГА РФ. Ф. 1235, оп. 94, д. 58, л. 82.

682

ГА РФ. Ф. 130, оп. 94, д. 58. л. 78.

683

ГА РФ. Ф. 1235, оп. 94, д. 58, л. 77–77 об.

ГА РФ. Ф. 1235, оп. 94, д. 58. л. 74–75.

685

Так в документе.

686

ГА РФ. Ф. 1235, оп. 94, д. 58, л. 83,84.

687

Подпись неразборчива.

688

ЦА ФСБ РФ Ф.1, оп. 2, д. 58, л. 31.

689

ГА РФ. Ф. 1235, оп. 94, д. 58, л. 85.

690

Подпись неразборчива.

691

ЦА ФСБ РФ. Ф. 1, оп. 2, д. 95, л. 78.

692

Текст письма написан на английском языке.

693

Имеется в виду принадлежавший Великой Княгине Елизавете Фёдоровне восьмиконечный кипарисовый крест на деревянной цепочке, возложенный на неё 10 апреля 1910 года епископом Дмитровским Трифоном при рукоположении в сан Настоятельницы Марфо-Мариинской Обители Милосердия. Точно такие же кресты были возложены и на каждую из сестёр Обители, в числе коих была и сопровождавшая её в Алапаевск Крестовая Сестра Варвара (Яковлева).

Княгиней Еленой Петровной.

695

Князь Императорской Крови Иоанн Константинович.

Княгиня Елена Петровна.

Великогерцогский Гессенский Архив (Дармштадт, Германия).

Всероссийской Чрезвычайной Комиссией.

Этим «фельдшером» был Я. М. Юровский.

700

Имеется в виду г. Мурманск, до марта 1917 года именовавшийся Романов на Мурмане.

701

Архив Главной Военной Прокуратуры МО РФ. Дело следователя Н. А. Соколова, том. 4 л. 298–302. Опубл.: Российский Архив. История Отечества в свидетельствах и документах. Том VIII. Н. А. Соколов. Предварительное следствие 1919–1922. Составитель Л. А. Лыкова. М., Студия «ТРИТЭ» Никиты Михалкова, «Российский Архив», РЦХИДНИ, 1998, стр. 337–346.

Так в тексте. Правильно – Мичич.

703

Так в тексте. Правильно – Божичич.

704

Как известно, Княгиня Елена Петровна была арестована в вагоне, а не в номерах «Атамановской гостиницы», где она проживала ранее.

705

Это не соответствует действительности.

706

РГАСПИ. Ф. 588, оп. 3, д. 12, л. 7, 8.

Правильно – Иоанн.

Дети Княгини Елены Петровны в это время находились в Петрограде.

709

Летом 1918 года Княгине Елене Петровне было неполных 34 года.

710

РГАСПИ. Ф. 588, оп. 3, д. 14, л. 43, 44.

711

Великий Князь Гавриил Константинович. В Мраморном дворце. М., И. Захаров, издатель, 2001. – С. 125–129.